

УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР ПО ОХРАНЕ И
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НЕДВИЖИМЫХ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ МУЗЕЙ КОЧЕВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

LVI УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции
(Уфа, 31 января – 2 февраля 2024 г.)

Уфа
2024

УДК 902/904(470.4/.5)(063)
ББК 63.48(235.5)я431

Сборник издан при финансовой поддержке АНО «Евразийский музей кочевых цивилизаций» и Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан

Редакционная коллегия: И. И. Бахшиев, В. И. Мухаметдинов (сост. и отв. редакторы), А. И. Уразова, Р. Р. Русланова, Е. В. Ежова (редакторы)

LVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Уфа, 31 января – 2 февраля 2024 г.): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. И. И. Бахшиев, В. И. Мухаметдинов. – Уфа: Издательство «Самрау», 2024. – 364 с.

ISBN 978-5-6049223-4-7

Сборник включает материалы докладов студентов и молодых ученых на Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной различным вопросам археологии Урало-Поволжского региона: теоретические проблемы, историография, материалы памятников от эпохи камня до нового времени.

Адресован специалистам – историкам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем интересующимся проблемами археологии и древней истории народов Урала и Поволжья.

Фото на обложке: автор Р. Р. Сарбаев. Логотип: цифровая трехмерная модель костяной накладки с поселения Подымалово-1 (раскопки А. И. Тузбекова, 2022 г.), выполненная Р. Н. Габитовым и Е. В. Ежовой.

УДК 902/904(470.4/.5)(063)
ББК 63.48(235.5)я431

ISBN 978-5-6049223-4-7

© УУНиТ, 2024

Уважаемые участники LVI Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых! Сердечно рад приветствовать вас в стенах одного из крупнейших вузов России – Уфимского университета науки и технологий! Сегодня в этом зале собрались ведущие ученые, студенты, аспиранты и молодые специалисты, чтобы обсудить актуальные проблемы археологической науки. В работе конференции принимают участие научные коллективы из 36 вузов, представляющие 30 городов России и Казахстана.

Начиная с 1969 г. базой проведения конференции поочередно становятся крупные научные центры Урало-Поволжья, имеющие серьезные результаты для презентации своих достижений в области изучения и сохранения археологического наследия. Третья по счету конференция в 1971 г. была проведена в Уфе, в последующем наш город еще трижды принимал молодых археологов страны: в 1990, 1996 и 2009 годах. Сегодня в 56-й раз стартует известнейший в стране археологический форум, и я искренне рад, что наш университет стал площадкой для его проведения.

Уфимский университет науки и технологий по праву гордится своей археологической школой. Имена учёных-археологов, внесших огромный вклад в развитие археологической науки – Н. А. Мажитова, Г. И. Матвеевой, С. М. Васюткина, М. Ф. Обыденнова, Н. Г. Рутто, И. Б. Васильева, В. А. Иванова, В. С. Горбунова, А. Н. Султановой М. Ф. навсегда вписаны золотыми буквами в историю университета.

Сегодня в Уфимском университете науки и технологий в рамках программы «Приоритет-2030» проводится серьезная работа по обновлению приборной базы для проведения современных археологических исследований. При поддержке программы в 2023 году создана лаборатория цифровой археологии. В настоящее время ученые Уфимского университета науки и технологий заметно продвинулись вперед в разработке и адаптации для археологии новых методов исследований, а также в освоении новейшего технического оборудования, обеспечивающего более высокое качество документирования древностей (с использованием геодезических беспилотных летательных аппаратов и технологии Lidar, лазерных тахеометров, 3D-сканеров). Одним из ключевых направлений развития университета в части археологии является создание новых образовательных программ с акцентом на междисциплинарность и прикладное применение знаний, а также формирование стандартов применения методов цифровой археологии на широких пространствах Центральной Евразии. Наиболее перспективными представляются направления на стыке археологии и естественных наук; археологии и цифровых решений; археологии и пространственных данных; археологии и статистики.

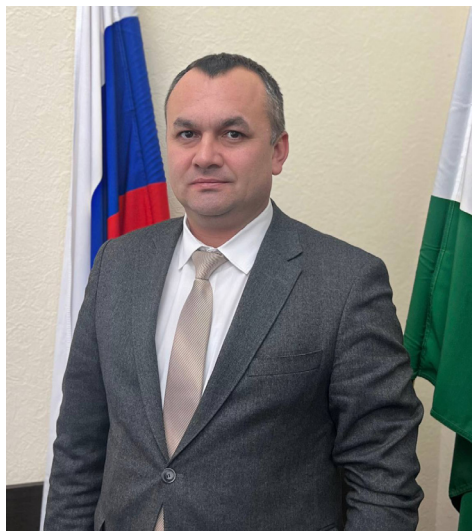
Сейчас, как никогда, археология и археологическое наследие играют ключевую роль в понимании единства пространств, культур и народов. Древнейшие археологические памятники и артефакты являются свидетельством нашей общей истории и служат мостом между прошлым, настоящим и будущим. Я очень рад, что многие актуальные вопросы археологической науки будут рассмотрены на сегодняшней конференции, студенты и молодые ученые получат прекрасную возможность апробировать свои исследования. Вам предстоит провести несколько дней в увлекательных и плодотворных дискуссиях. Желаю успехов всем участникам конференции!

*Ректор Уфимского университета науки и технологий
Доктор химических наук, профессор Захаров Вадим Петрович*

Уважаемые участники, гости и коллеги!

От всего сердца приветствую вас на открытии Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых.

Позвольте вернуться назад, в далекий 1969 год, когда первая Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых была организована и проведена в Свердловске (ныне Екатеринбург). Тогда конференция стала первым шагом в построении уникальной платформы, где молодые исследователи могут обмениваться опытом, идеями, делиться своими находками и устанавливать новые контакты. С тех пор УПАСК стал очень важным событием для молодежи, стремящейся развивать отрасль археологии в нашей стране.

Конференция студентов и молодых ученых играет особую роль в формировании и профессиональном развитии нашей молодежи. Я верю, что именно здесь, на этой площадке, молодые ученые, обладающие свежим взглядом и энтузиазмом, примут вызов и продвинули науку вперед. Мы собрались здесь, чтобы раскрыть тайны истории, правильно использовать прошлые уроки для создания устойчивого будущего. Мы должны помнить, что исследования не только расширяют наше знание о прошлом, но и помогают сформировать наше представление о современности и прогнозировать будущее.

В этом году УПАСК проводится в Уфе, в городе с богатой историей и культурой, который полон потенциала для археологических исследований. За годы изучения здесь обнаружены уникальные археологические находки и комплексы, которые свидетельствуют об ушедших эпохах и представляют собой ценность для нашей Родины и ее многонационального народа.

Уверен, что все выступления и доклады, представленные на конференции, будут проявлением вашей уникальности и таланта. Мы с нетерпением ожидаем начала работы конференции, чтобы услышать новые идеи и познакомиться с результатами ваших исследований.

Желаю всем приятного пребывания на Урало-Поволжской археологической конференции, насыщенного обмена знаниями и полезных встреч. Пусть каждая минута мероприятия наполняется новыми открытиями и размышлениями, которые помогут нам глубже понять наше прошлое и наши корни.

Пусть конференция станет очередным важным этапом вашего профессионального роста и способствует развитию археологической науки в будущем.

*Начальник Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан
Кулбахтин Салават Назирович*

Урало-Поволжье в эпоху камня

УДК 902/904

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ НАКОЛАМИ СТОЯНКИ ЛУЖКИ II (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2022 ГОДА)

© *Белякова Анастасия Александровна*

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и археологии
СГСПУ Андреев Константин Михайлович*

Аннотация. Статья посвящена изучению комплекса керамики орнаментированной наколами полученного в ходе раскопок 2022 года на стоянке Лужки II. Выявлено 1707 артефактов, из которых 214 представлены изделиями из кремня, а 1514 экземпляров – фрагменты керамики средневолжской культуры эпохи неолита, из них 222 орнаментированы наколами. Также проводится сравнение с аналогичной посудой, выявленной на других стоянках средневолжской культуры (Ильинка, Лебяжинка I, Лебяжинка V и Виловатовская).

Ключевые слова: лесостепное Поволжье; неолит; средневолжская культура; керамика орнаментированная наколами.

Стоянка Лужки II выявлена в 2019 году Сомовым А. В. и Андреевым К. М. Памятник расположен в 400 м к юго-западу от села Лужки Красноярского района Самарской области. Находится в левобережной пойме реки Сок, близ заболоченного старичного озера. В 2022 году археологической экспедицией СГСПУ продолжено исследование стоянки, с севера и запада к раскопу №1 (2020 год) и раскопу №2 (2021 год) был прирезан раскоп №3 площадью 128 кв.м. Стратиграфия памятника относительно простая. Под дерном, имеющим мощность до 10 см, фиксируется старопахотный слой темно-серой супеси (20-30 см). Ниже представлен гомогенный слой светло-серой супеси мощностью 70-80 см, с которым связана основная концентрация артефактов. Материк – светло-коричневая супесь.

В ходе исследования в 2022 году выявлено 1707 артефактов, из которых 214 представлены изделиями из кремня, а 1514 – фрагменты керамики средневолжской культуры эпохи неолита. Важно заметить, что комплекс стоянки является гомогенным. Коллекция посуды средневолжской культуры насчитывает примерно 120 сосудов, из них 36 (222 крупных фрагмента) орнаментированы наколами: 37 экз. – венчики, 14 экз. – придонные части и донца, 171 экз. – фрагменты стенок.

Толщина черепков колеблется от 0,5 до 1,2 см. Визуально определяемые примеси представлены песком, реже шамотом и раковиной. Поверхности преимущественно заглажены, реже на внутренней стороне фиксируются следы горизонтальных расчесов. Обработка внешней поверхности представлена загладкой (28 сосудов) и лощением (8 сосудов). Большинство фрагментов имеют светло-коричневый цвет внешней и внутренней поверхности и чёрный излом.

Среди найденных венчиков абсолютно преобладают прямые – 15 экз., менее распространены открытые – 1 экз. В 90% случаев на сосудах нанесён ямочно-жемчужный пояс. Среди верхних частей 9 экз. имеют округлый срез, 4 экз. – плоский и 3 экз. – приостренный. Донца в основном плоские, лишь одно имеет плоско-вогнутую форму, диаметр не превышает 12 см.

На выявленных сосудах представлены наколы следующих форм: подтреугольные – 26 экз., округлые – 7 экз., подпрямоугольные – 2 экз., полулунные – 1 экз. Они нанесены в отступающей (30 сосудов) и разреженной (5 сосудов) манере, на одном выявлено сочетание отступающих и разреженных вдавлений. При этом мотивы орнамента весьма разнообразные: присутствуют фрагменты, украшенные горизонтальными, вертикальными и диагональными рядами, двойные диагональные линии (которые образуют ромб), горизонтальные переходящие в вертикальные ряды.

Стоит отметить, что обнаружено пять сосудов, украшенных одновременно накольчатым и гребенчатым орнаментом. Важно подчеркнуть, что все типологические группы керамики на исследованной нами стоянке залегают в аналогичных планиграфических и стратиграфических условиях. Комплекс керамики орнаментированной наколами стоянки Лужки II является весьма выразительным и находит определенные параллели в материалах памятников средневожской культуры Самарского Поволжья.

Проводя сравнение с ранее исследованными стоянками средневожской культуры, такими как Лебяжинка I (Барынкин, Козин, 1995, с. 136-164), Лебяжинка V (Выборнов, Королев, Мамонов, 2002, с. 163-176), Ильинка (Мамонов, 1988, с. 92-105) и Виловатовская (Васильев и др., 1980, с. 151-189), можно констатировать следующие особенности.

1. Толщина стенок на всех стоянках варьируется в пределах от 0,5 см до 1,0 см;
2. Визуально определяемые примеси также весьма близки и представлены в основном песком, реже встречаются примеси шамота, раковины, растительности.
3. Обработка внутренней и внешней поверхности выражена в виде загладки, но на Ильинской стоянке встречается лощение;
4. Венчики на стоянках представлены преимущественно прямыми формами, редко фиксируются прикрытые или открытые, на Лебяжинке V единично обнаружены профилированные экземпляры;
5. Срезы венчиков в основном округлые и плоские, однако на стоянке Лебяжинка I весьма выразительна серия приостренных срезов, также на части сосудов стоянки Ильинка на срезе венчика имеются насечки;
6. На всех памятниках фиксируется ямочно-жемчужный пояс на шейке сосудов, на Лебяжинке I он нанесен на 90% венчиков;
7. На большинстве обозначенных поселений преобладают наколы треугольной формы, в меньшем количестве представлены округлые и прямоугольные, однако на Виловатовской стоянке, господствуют треугольные и квадратные;
8. В то же время на стоянках Ильинка и Виловатое, как и на Лужки II, абсолютно доминируют наколы в отступающей манере, в то время как на Лебяжинке I преобладают разреженные, а на Лебяжинке IV – примерный паритет данных техник нанесения орнамента.

9. Наконец, наконечники, наколы на обозначенных стоянках образуют достаточно стандартизированные мотивы орнамента, среди которых наиболее распространены простые горизонтальные, реже встречаются более сложные, однако на стоянке Виловатое сложные мотивы орнамента более разнообразны.

Таким образом, комплекс керамики орнаментированной наколами стоянки Лужки II находит значительное количество аналогий в материалах ранее исследованных памятников средневолжской культуры. Они проявляются как на самом общем уровне (толщина фрагментов, обработка поверхностей, примеси), так и на уровне формообразования сосудов, элементов и мотивов орнамента. При этом наибольшая близость по большинству признаков у рассматриваемого комплекса проявляется с коллекцией стоянки Лебяжинка I.

Библиографический список

1. Барынкин П. П., Козин Е. В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 136-164.
2. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г. Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 151-89.
3. Выборнов А. А., Королев А. И., Мамонов А. Е. Комплекс каменного века поселения Лебяжинка V // Исторические исследования. Вып. 4. Самара: СамГПУ, 2002. С. 163-176.
4. Мамонов А. Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 92-105.

УДК 902/904

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ И МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

© Бурьгин Максим Александрович

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

Научный руководитель – д.и.н., профессор Выборнов Александр Алексеевич

Аннотация. В данной работе мы рассмотрим эволюцию каменных орудий и техники их обработки периодов верхнего палеолита-мезолита Среднего лесостепного Поволжья. В результате проведенного исследования установлено, что кремневые индустрии обозначенных периодов имеют значительные различия.

Ключевые слова: верхний палеолит, мезолит, кремневый инвентарь, лесостепное Поволжье.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья»

Опорными памятниками для нашего исследования являются: Постников Овраг III (Кузнецова, Скупова, 1987, с. 3-29.), Орлов Овраг I (Андреев К.М., 2023, с. 6-7), Старо-Токская (Моргунова, 1983, с. 28-40), Чекалино II (Королев, Ластовский, Мамонов, 1987, с. 3-13), Красный Яр I (Ластовский, 1999, с. 4-24.), Ховрино (Вискалин, 2008, с. 228-239), Кочкари I (Бурыгин, 2020, с. 133-135). Первые два маркируют поздний этап верхнепалеолитической эпохи, последующие – период от раннего до позднего мезолита.

В верхнем палеолите в основном использовался качественный кремний, цветовая гамма – серая с оттенками, преимущественно темных тонов. В эпоху мезолита сырьевая база несколько расширяется и наряду с серым кремнем начинает широко встречаться бежевый с оттенками кремний хорошего качества.

Нуклеусы верхнего палеолита представлены главным образом призматическими и торцевыми формами с одной или двумя площадками скалывания и прямой плоскостью расщепления. Ударные площадки гладкие или фасетированные, расположены под острым углом к поверхности расщепления. Среди нуклеусов среднего каменного века выделяются: торцевые, конусовидные, призматические формы, менее выражены карандашевидные и аморфные (бессистемного снятия). Ударные площадки фасетированные, расположены перпендикулярно к плоскости расщепления, фасетки снятия – параллельные. Ядрища часто использовали до максимального истощения, технология расщепления стандартизируется и направлена на получение правильных узких пластин.

Основной заготовкой для изготовления орудий в верхнем палеолите являлись отщепы, реже пластины, преобладают первичные и полупервичные, также использовались естественные плитки и целые гальки (Кузнецова, 2000, с. 29). На последних двух обычно изготавливались грубые рубящие орудия и скребла. Пластины в большинстве случаев представлены экземплярами с нерегулярной огранкой и ретушью утилизации. На стоянке Постников Овраг III обнаружены несколько пластин с усеченным пряморетушным или вогнутым концом. В мезолите заготовками для орудий преимущество служили пластины, в единичных случаях использовали отщепы и сколы. Размеры пластин, как правило, становятся меньше (средняя ширина до 1,5 см). Данное обстоятельство свидетельствует о высоком развитии вкладышевой техники, что подтверждается значительным количеством медиальных частей пластин без ретуши в археологических коллекциях. Ретушь как правило краевая нерегулярная, реже встречается регулярная, наносилась по одной или двум граням, единичны пластины с усеченным ретушью концом.

Морфологически выраженных орудий верхнего палеолита довольно ограниченное количество. Наиболее представительной группой являются скребки, разнообразные по форме и размерам. Изготовлены, в основном, на отщепах: с прямым или округлым лезвием, с ретушью на $\frac{3}{4}$, конце-боковые «с носиком», стрельчатые. Скребла немногочисленны, но выразительны и представлены экземплярами с двумя плавно сходящимися в острие лезвиями. Резцы, как правило, выполнены на углах сломанных пластин и отщепах, известны также ретушные и двугранные. Прочие типы орудий единичны: пластина со скошенным усеченным ретушью концом, клювовидное острие на отщепе, отщепы с ретушированной выемкой (скобели). Представляет интерес топорovidное орудие с выпуклым лезвием и галечное рубящее орудие типа чоппинга (Кузнецова, Скупова, 1987, с. 27).

В среднем каменном веке наблюдается большее разнообразие категорий инвентаря, при этом количество типов сокращается. Скребки изготовлены в основном на пластинах, редко выполнены на продольных сколах и отщепах, имеют прямой и округлый рабочий край, иногда дублированные. Резцы начинают изготавливать лишь на углу пластины. Появляются немногочисленные перфораторы на пластинах, которые иногда могут быть

комбинированными орудиями, например, скребки-перфораторы. Скобели единичны, как правило на пластинах. Рубящие орудия становятся выразительней и типологически разнообразней (тесла и топоры), изготовлены преимущественно в технике двухсторонней оббивки. Единично выявлены черешковые наконечники с нерегулярной обработкой пера и насада, т.н. «постсвидерского» типа (Чекалино II, Кочкари I, Ховрино).

Таким образом, в мезолите лесостепного Поволжья наблюдается переход к пластинчатой индустрии. Пластины зачастую отделяли от нуклеусов не только с помощью удара отбойником, но и техникой отжима. От верхнепалеолитических экземпляров они отличаются небольшими размерами и регулярностью огранки. Появление микропластин связано с усовершенствованием призматической техники расщепления. Основной заготовкой для изготовления орудий, как следствие, в эпоху среднего каменного века становится пластина. При этом, с типологической точки зрения, мезолитические комплексы орудий более стандартизированы. Представленные в верхнем палеолите ретушные резцы в последующую эпоху не фиксируются. В среднем каменном веке лесостепного Поволжья получают достаточно широкое распространение рубящие орудия и единично фиксируются наконечники стрел, не характерные для предыдущего периода, абсолютно преобладают резцы на углу сломанной пластины. Можно констатировать существенные различия в кремневых индустриях верхнего палеолита и мезолита региона, что свидетельствует об отсутствии генетической связи между группами населения обозначенных периодов.

Библиографический список

1. Андреев К. М. Итоги исследования стоянки Орлов Овраг I в 2022 году // Археологические открытия в Самарской области 2022 года. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина, 2023. С. 6-7.
2. Бурьгин М. А. Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье (итоги исследований 2017-2019 годов) // Материалы Международной научной конференции молодых ученых. СПб, 2020. С. 133-135.
3. Вискалин А. В. Ховринская мезолитическая стоянка // Человек, адаптация, культура / отв. Ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 228-239.
4. Королев А. И. Ластовский А. А., Мамонов А. Е. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых учёных. Выпуск 2. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. С. 3-13.
5. Кузнецова Л. В. Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А. А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 5-80.
6. Кузнецова Л. В. Скупова Т. Ю. Постников овраг – археологический памятник эпох камня – средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 3-29.
7. Ластовский А. А. Каменный инвентарь красноярской мезолитической стоянки // Охрана и изучение памятников истории и культуры Самарской области. Вып. I. Самара, 1999. С. 4-24.
8. Моргунова Н. Л. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж: ВГПИ, 1983. С. 28-40.

УДК 902.01

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ОРЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ АЛГАЙ)

© *Василенко Анастасия Александровна*

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

Научный руководитель – д.и.н., профессор А. А. Выборнов

Аннотация. В ходе данной работы затрагивается вопрос периодизации орловской культуры и производится попытка выделения особенностей каменного инвентаря различных этапов. Полученный результат констатирует постепенное эволюционное развитие в каменной индустрии орловской культуры.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, ранний неолит, средний неолит, поздний неолит, орловская культура, каменный инвентарь, периодизация.

Технологическое развитие неолита прослеживается в появлении новшеств обработки камня: двустороннее ретуширование, шлифование, сверление и пр. Вопрос о доминирующем значении каменной индустрии в неолитических культурах поднимался, однако это происходило не повсеместно (Формозов, 1957, с. 66-74). Лишь в последнее время южные регионы получили дальнейшую разработку в этом направлении (Выборнов, Гилязов и др., 2022, с. 14-16).

С 2014 года ведутся раскопки стоянки Алгай, расположенной в Александрово-Гайском районе Саратовской области. На памятнике было прослежено наличие четко выраженной стратиграфия и зафиксирована слоистость отложений с артефактами неолитической культуры (Выборнов и др., 2022, с. 132).

На памятнике выделяются три этапа развития орловской культуры. Для раннего имеются даты 7200-6900 ВР. Для среднего и позднего этапов бытования орловской культуры относятся даты в интервале от 6900 до 6200 лет ВР (Выборнов и др., 2020).

Общая коллекция каменных изделий орловской культуры за 10 лет изучения стоянки Алгай составила 3470 единиц. Можно констатировать, что за весь неолитический период обитания на данной территории, сырьевая база оставалась неизменной. Орудия изготавливались из матового полосчатого, молочного, серого, темного прозрачного кремня и различных вариаций оттенков из представленных (Выборнов и др., 2022, с. 135).

Каменная индустрия раннего этапа орловской культуры залегает в нижних слоях, однако прослеживается лишь в нескольких участках раскопа. Для этого этапа характерно использование отщепов и пластин в качестве заготовок. Наиболее представительной категорией являются скребки различных типов: на пластинах (34%), отщепах (59%) и пластинчатых отщепах (7%). Конфигурация лезвий вариабельна. Выделяются с округлым, прямым и скошенным рабочим краем. У некоторых скребков имеется дополнительная подработка боковых граней ретушью.

Геометрические микролиты представлены обломком сегмента и 3 экз. трапеций с различной ретушью: сподработкой боковых граней; частичным состругиванием спинки и ретушированным дугообразным верхним основанием; со струганной спинкой (Выборнов и др., 2019).

Перфораторы выполнялись на пластинах и сечениях. Выделяется комбинированное

орудие, на котором с одной стороны ретушью со спинки выполнено остриё, с другой – скребок.

Также в данном слое были обнаружены предметы, выполненные из песчаника – абразивная плитка с двумя рабочими вогнутыми плоскостями и каменное орудие типа песта (Выборнов и др., 2018).

Следующий этап, который соотносится со слоем 2 Б Варфоломеевской стоянки, также имеет пластинчато-отщеповую базу заготовок.

Скребки изготавливались на пластинах – (54%), отщепах (33%), пластинчатых отщепах (13%). По типологии выделяются – концевые, ногтевидные, с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра, дублированные.

Геометрические микролиты представлены сегментами и трапециями. Сегменты имеют различную ретушь – отвесную, краевую, противоположающую и притупляющую. В коллекции находятся трапеции разнообразных форм – низкие, средневысокие и высокие. Почти все со струганной спинкой и могут дополнительно иметь подработку боковых граней.

Доминируют симметричные перфораторы на пластинах. Встречаются острия: с ретушью со стороны спинки; с двусторонней краевой ретушью; с подстругивающей ретушью с брюшка (только жальце); и одно острие, обработанное заходящей на спинку ретушью, а на брюшке пологой ретушью. Также обнаружены проколки на отщепах с ретушью по продольным граням.

Помимо этого, в данном слое была найдена половина каменной булавы.

Для позднего этапа характерны скребки различных типов: на пластинах (46%), на отщепах (39%), на пластинчатых отщепах (15%). Доминируют скребки концевого типа с различной формой рабочего края, но также были встречены дублированные, стрелчатые и округлые.

Перфораторы сходны с изделиями предыдущего слоя. Обнаружены орудия со скоблевидными выемками.

Примечательно, что в поздних пластах обнаружены сегменты, которые характерны для ранних этапов. Они имеют частичную двухстороннюю ретушь или притупляющую ретушь по дуге. Также были обнаружены трапеции средневысоких и высоких форм со струганной спинкой, единично встречены без ретуширования спинки. Помимо этого, были представлены микролиты более схожие с прямоугольниками, чем с трапециями, они залежали в раскопе, где не были обнаружены сегменты (Выборнов и др., 2022, с. 138-139)

В этом же слое были обнаружены обломок каменного шлифованного орудия, половика каменного «утюжка» и выпрямитель древков стрел.

Подводя все вышеперечисленное, мы можем прийти к следующим выводам, что для всего периода орловской культуры на стоянке Алгай характерна пластинчато-отщеповая техника расщепления камня. Доминирующей категорией на всех этапах развития являются скребки различных типов. На протяжении всего времени облик перфораторов не меняется. Некоторую особенность имеет поздний этап, в котором присутствуют сегменты и прямоугольные микролиты, что может говорить об определенной специфике (Юдин, 2004). Аналогичная ситуация прослеживается в джангарской культуре в слое, относящемся к позднему неолиту (Кольцов, 2005). Таким образом существенных различий каменного инвентаря в слоях орловской культуры на стоянке Алгай не прослеживается. Возможно, это связано с постепенным эволюционным развитием в каменной индустрии орловской культуры.

Библиографический список

1. Выборнов А. А., Васильева И. Н., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Кулькова М. А., Платонов В. И., Попов А. С., Рослякова Н. В., Юдин А. И. Изучение стоянки Алгай в степном Поволжье в 2021 году // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, №3. С. 131-151.
2. Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Кулькова М. А., Юдин А. И. Хронология стоянок Алгай и Орошаемое в нижнем Поволжье // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. 2020. СПб., Изд-во ИИМК РАН. С. 21-23.
3. Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Попов А. С. Каменные индустрии неолита Нижнего Поволжья как показатели культуры // Изделия из камня и кости в культурах неолита. Материалы симпозиума. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 14-16.
4. Выборнов А. А., Юдин А. И., Барацков А. В., Дога Н. С., Попов А. С., Курбатова Л. А., Гилязов Ф. Ф. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2017-2018 годах // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.16. Саратов, 2018. С. 3-77.
5. Выборнов А. А., Юдин А. И., Шалапинин А. А., Васильева И. Н., Рослякова Н. В., Барацков А. В., Дога Н. С., Попов А. С., Гилязов Ф. Ф. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2019 году // Археологическое наследие Саратовского края. Выпуск 17. Саратов: 2019. С. 3-61.
6. Кольцов П. М. Мезолит и неолит Севера-Западного Прикаспия. М.: Изд-во «Воскресенье». 2005. 352 с.
7. Формозов А. А. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? // Советская археология, 1957. №4. С. 66-74.
8. Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.

УДК 902.26

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАМЕННОГО ВЕКА ТАЁЖНОГО ЧИКОЯ (ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ)¹

© *Власенко Дмитрий Евгеньевич*

Забайкальский государственный университет, г. Чита

*Научный руководитель – д.и.н., профессор кафедры истории Забайкальского
государственного университета Константинов Михаил Васильевич*

Аннотация. В результате работы на карту нанесено 60 объектов, учитывая их тип и датировку в широком диапазоне от нижнего палеолита до неолита. Большинство памятников относится к разряду береговых и связаны с террасами и склонами образующими борта речных долин.

Ключевые слова: археологическая карта, Таёжный Чикой, нижний палеолит, средний палеолит, верхний палеолит, мезолит, неолит.

Данная работа посвящена созданию карты археологических памятников каменного

¹ При поддержке Забайкальского регионального отделения РГО

века Таёжного Чикоя. Таёжный Чикой – юго-западная территория Забайкальского края, название которой определяет р. Чикой. По административно-территориальному принципу рассматриваемая территория относится к Красночикойскому району Забайкальского края, он и был взят за основу карты (Константинов и др., 2016, с. 4). Рассматриваемый район преимущественно горный, его пересекают Асинский, Мензинский, Чикоконский, Эсутайский хребты, отроги Малханского хребта. Гидрология представлена двумя крупными реками: Чикой и Менза, их многочисленными притоками. Работа создана согласно систематизированным данным «Малой энциклопедии Забайкалья», научных отчетов по разведкам и полевым экспедициям в рассматриваемом районе, а также работ исследователей (Карасёв и др., 1996; Кириллов, Ковычев, 1971; Константинов, 1979; Константинов, 1983; Константинов, 2006; Малая энциклопедия..., 2011; Мамкин, 1996; Сёмина, 1982; Черепанов, 1985; Черепанов, 1986).

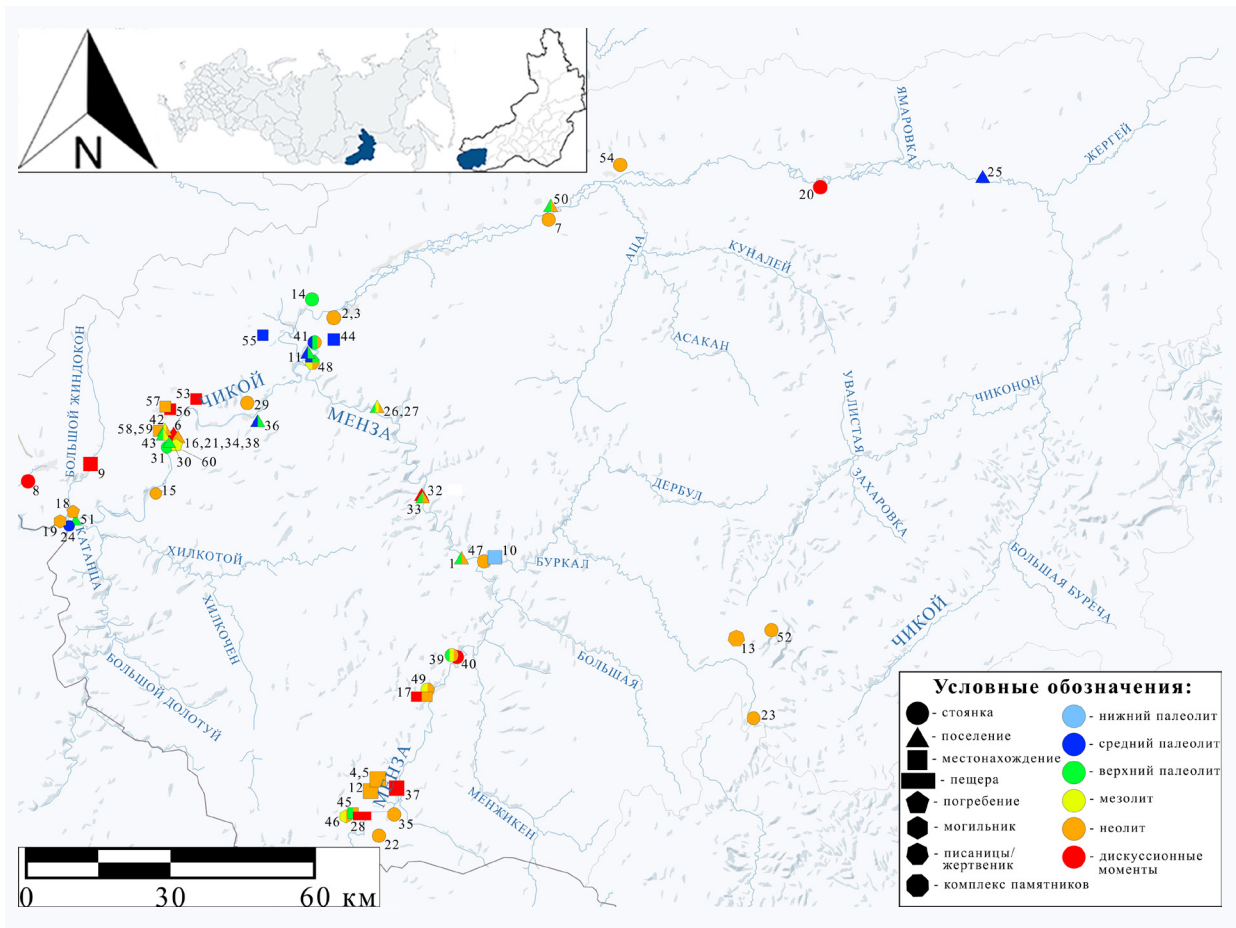

Рис. 1. Археологическая карта каменного века Таёжного Чикоя (Забайкальский край).

- 1 – Алтан; 2 – Архангельское-2; 3 – Архангельское-3; 4 – Батухан-1; 5 – Батухан-2; 6 – Береговое;
 7 – Березовка; 8 – Бильчир; 9 – Большой Жиндокон; 10 – Буркальский Бык; 11 – Волково; 12 – Высокая; 13 – Горанково;
 14 – Гремячая; 15 – Гутай; 16 – Дрожное; 17 – Егоркина пещера; 18 – Жиндо-2; 19 – Жиндо могильник; 20 – Зашулан; 21 – Золотоносное; 22 – Ирэны; 23 – Исток Буркала; 24 – Караульная Гора;
 25 – Коврижка; 26 – Косая Шивера-1; 27 – Косая Шивера-2; 28 – Кристинкина пещера; 29 – Маргинтуй;
 30 – Мельничное-1; 31 – Мельничное-2; 32 – Нижняя Еловка-1; 33 – Нижняя Еловка-2; 34 – Пасмурное;
 35 – Поселковая; 36 – Присковое; 37 – Приустьево; 38 – Сенокосное; 39 – Солонцовое-1;
 40 – Солонцовое-2; 41 – Станки; 42 – Студеное-1; 43 – Студеное-2; 44 – Тарановка; 45 – Токуй местонахождение; 46 – Токуй могильник; 47 – Усть-Буркал; 48 – Усть-Менза; 49 – Усть-Шонуй;
 50 – Фомичево; 51 – Читкан; 52 – Шебетуй; 53 – Шергольджин; 54 – Шимбилик; 55 – Этытэй;
 56 – Альбитуй-1; 57 – Альбитуй-2; 58 – Нарымка; 59 – Пастбищное; 60 – Мельничное погребение

Стоит отметить, что Таёжный Чикой – это район систематических исследований Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного университета, начало которым положил И. И. Кириллов в 1970 году, с 1971 года экспедицией руководит М. В. Константинов. За многолетнюю деятельность, Чикойской экспедицией были открыты десятки археологических памятников, большая их часть датируется каменным веком: нижний, средний и верхний палеолит, мезолит, неолит. На карте определены местонахождения объектов каменного века и показаны с помощью условных обозначений (рис. 1). Примечательно, что все памятники находятся в прибрежных районах рек, что связано с благоприятными условиями существования в данной местности – наличие воды и практически неисчерпаемого источника сырья для орудий и обкладки жилищ – речной гальки. Помимо этого, р. Чикой и р. Менза сформировали аллювиальные террасы, на которых селились люди со времен среднего палеолита, эти террасы сохранили культурные слои до наших дней без особых изменений, что непосредственно связано со скалистыми склонами гор, которые уберегли отложения от разрушения самими же реками. Немаловажную роль в сохранении памятников сыграло слабое антропогенное воздействие в этой местности (Константинов и др., 2016, с. 4).

По типу памятники можно разделить на стоянки (21); поселения (17); местонахождения (14); писаницы/жертвенник (1); единичные погребения (2); могильники (2); пещеры (2); комплекс (1) – Усть-Менза, включающий 18 памятников археологии, практически на всех выявлены слои каменного века.

Большинство памятников является многослойными, преимущественно слои датируются неолитом (36), далее идут верхний палеолит (17), мезолит (9), средний (7) и нижний (1) палеолит. Кроме слоев каменного века, на некоторых памятниках есть слои бронзового века и позднее. Стоит отметить, что некоторая часть из них датирована лишь по типологическому анализу материала. «Дискуссионные моменты» на карте означают памятники или некоторые их слои, датировки которых неоднозначны: Береговое, Бильчир, Большой Жиндокон, Егоркина пещера, Зашулан, Кристинкина пещера, Приустьевое, Солонцовое-2, Шергольджин, Альбитуй-1 – в литературе и отчетах по этим памятникам дано определение их возраста лишь как палеолитические, а материалы некоторых памятников имеют «палеолитический облик»; Нижняя Еловка-1 – «голоценовые слои». Это говорит о том, что памятники нужно продолжить изучать, как с помощью новых раскопок, так и работая с материалом.

Важным моментом в изучении данных памятников стало то, что по многим из них выделяют локальные археологические культуры:

1) Куналейская (35-25 тыс. л.н), основной памятник – Куналей (Бурятия), на территории Таёжного Чикоя: Читкан (слои 3-7), Приисковое, возможно, Усть-Менза-14; основные черты: заготовка – крупные, средние отщепы; ортогональные нуклеусы; многочисленные скребла; ретушь – дорсальная, краевая [Малая энциклопедия..., 2011, с. 190].

2) Студёновская (18-10,8 тыс. л.н): Студёное-1 (14-19/4), Студёное-2 (3-5), Усть-Менза-1 (13-25), Усть-Менза-2 (4-24), Усть-Менза-3 (3-5), Усть-Менза-4 (2-3), Косая Шивера-1 (13-14); основные черты: жилища, вкладышевые ножи, костяные рукояти, шилья, иглы и др.; заготовка: микропластины, пластины, отщепы; торцовые клиновидные нуклеусы; краевая ретушь (Малая энциклопедия..., 2011, с. 276-277).

3) Мензинская (10,8-7 тыс. л.н): Усть-Менза-1 (9-12), Студёное-1 (10-12, 13/1, 13/2), Студёное-2 (2), Косая Шивера-1 (7-12); основные черты: кратковременность поселений, костяные и вкладышевые наконечники стрел, роговые и костяные крючки, резцы, топоры и др.; торцовые клиновидные микронуклеусы; заготовка: микропластины, пластинки,

отщепы; краевая ретушь, резцовые сколы (Малая энциклопедия..., 2011, с. 205).

4) Чикойская (7-3,8 тыс. л.н): Студёное-1 (2-9), Усть-Менза-1 (3-8), Алтан (4-14), Косая Шивера-1 (3-6), Нижняя Еловка-2 (3), Егоркина пещера, Шебетуй, Исток Буркала; основные черты: жилища; тонкостенная керамика, штамповый орнамент; торцовые клиновидные нуклеусы; скребла, скребки, резцы, остроконечники и др. (Малая энциклопедия..., 2011, с. 333-334).

В результате работы на карту нанесено 60 объектов, датируемых в широком диапазоне от нижнего палеолита до неолита. Большинство памятников относится к разряду береговых и связаны с террасами и склонами образующими борта речных долин. Также были выявлены некоторые моменты в датировании памятников. Картирование археологических памятников Забайкальского края сегодня является одним из крайне необходимых, актуальных и перспективных направлений исследований.

Библиографический список

1. Карасев В. В., Колосов В. К., Крушевский В. В. Палеолитическое поселение Приисковое // Новые палеолитические памятники Забайкалья. Чита, 1996. С. 70-103.
2. Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Исследования в Читинской области // Археологические открытия 1970 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 186-188.
3. Константинов А. В. Отчет о разведке в среднем течении р. Чикой в 1982 г. / Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ. Чита, 1983. С. 2-6.
4. Константинов М. В. Палеолит Хилка и Чикоя: юго-западное Забайкалье: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.06. – Новосибирск, 1979. 188 с. + Прил. (257 с., ил.; 67 с. ил.).
5. Константинов М. В. Разведка по Мензе и Чикою. Научный отчет о полевых исследованиях в 2005 г. / Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ. Чита, 2006. С. 8-11.
6. Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. 247 с.
7. Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с.
8. Мамкин А. М. Разведки в Красночикойском районе Читинской области в 1995 // Археологические открытия 1995 года / Отв. ред. В. В. Седов, Н. В. Лопатин. М., 1996. С. 343-344.
9. Сёмина Л. В. Археологическая разведка в окрестностях с. Менза Читинской области в 1981 году / Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ. Чита, 1982. С. 2-17.
10. Черепанов В. В. Изучение археологических памятников в зоне добычи золота в пади Мельничной / Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ. Чита, 1986. С. 12.
11. Черепанов В. В. Отчет об археологической разведке в зоне добычи золота в пади Мельничной в Читинской области / Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ. Чита, 1985. С. 6-7.

УДК 902/904

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОМПЛЕКСОВ ПОСУДЫ ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ ГРЕБЕНЧАТЫМ ШТАМПОМ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТНИКОВ БАСЕЙНА РЕКИ СОК

© Григорьева Мария Александровна

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и археологии
Андреев Константин Михайлович*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ комплексов гребенчатой керамики средневожской культуры памятников бассейна реки Сок. Определяются особенности технологии изготовления и орнаментации посуды. Устанавливаются общие и специфические черты материалов памятников региона.

Ключевые слова: средневожская культура, археологическая керамика, лесостепное Поволжье.

На современном этапе изучения исследовано более 50 стоянок средневожской культуры, которые находятся, как в лесостепном Поволжье, так и в сопредельных регионах. Для керамических комплексов характерна определенная региональная специфика и в настоящем исследовании будут рассмотрены стоянки, расположенные на реке Сок. В данной работе проанализированы следующие коллекции: Ильинка (29 сосудов) (Мамонов, 1988, с. 92-105), Чекалино IV (22 сосуда) (Андреев, Васильева, Выборнов, 2018, с. 8-27), Большая Раковка II (11 сосудов) (Барынкин, Козин, 1991, с. 94-119), Лебяжинка IV (267 сосудов) (Выборнов и др., 2007, с. 107-155), Лебяжинка I (52 сосуда) (Барынкин, Козин, 1995, с. 136-164), Лужки II (56 сосудов) (Сомов, Андреев, 2021, с. 8-9), Калмыковка I (28 сосудов) (Андреев, Выборнов, Васильева, 2018, с. 143-160).

Толщина фрагментов в основном составляет 0,6-0,9 см, примерно десятая часть сосудов имеет толщину более 1 см, наиболее представительна толстостенная группа на стоянке Лужки II. Внешняя поверхность в основном заглажена, реже прослежено лощение. Внутренняя поверхность также чаще всего заглажена, но примерно 15% фрагментов также имеют следы горизонтальных расчесов.

Большая часть сосудов изготовлена из илистой глины, реже в качестве исходного пластического сырья выступали илы. Преобладают фрагменты без визуально фиксируемых примесей в тесте или с примесью песка и/или шамота, также небольшое количество черепков имеет примесь шамота в тесте. Лепка сосудов осуществлялась лоскутным налепом с помощью форм-моделей. Однако каждый памятник имеет свои особенности. Например, керамика Ильинской стоянки изготовлена из сильно запечённого глиноподобного сырья, а в тесте четко различаются включения округлых зерен буроватого цвета с белым налетом, предположительно это был оолитовый железняк. На Лебяжинке I выявлена традиция отбора илестых толщин глин с раковинами, однако сосуды со средним слабоизогнутым гребенчатым штампом больше, чем на половину изготовлены из илов.

Большинство рассматриваемых в статье комплексов керамики представлены орнаментированными стенками сосудов, при этом верхние части немногочисленны, что ограничивает возможности анализа некоторых важных культурных признаков, связанных с

формой и орнаментацией венчиков. Наиболее распространены торцы – округлой (40-50%), приостренной (20-30%), скошенной во внутрь (10-20%) и уплощенной (5-15%) формы. При этом, на третью часть венчиков по срезу нанесен орнамент – оттиски гребенчатого штампа, треугольные наколы или округлые и овальные вдавления. На шейке большинства сосудов представлен ямочно-жемчужный пояс, лишь у 15% венчиков он отсутствует. Чаще всего наносились ямочные вдавления, относительно реже – жемчужины, при этом последние преобладают в комплексе стоянки Лебяжинка I, в то время как на Лужках II абсолютно доминирует первая традиция. На отдельных сосудах также обнаружены двойные ряды ямочно-жемчужных поясков, например на стоянках Лебяжинка IV и Лебяжинка I.

Количество изученных элементов, узоров и мотивов орнамента зачастую превышает число сосудов, что связано с наличием одновременно двух и более видов на одном горшке. Оттиски гребенчатого штампа нами разделены на длинные (10 зубцов и более), средние (5-10 зубцов) и короткие (до 5 зубцов). Фиксируется преобладание вдавлений среднего размера, за исключением стоянок Калмыковка I и Ильинка, у которых более распространены короткие.

В ходе анализа было выявлено 19 орнаментальных узоров. Наиболее часто встречающимися из них являются: горизонтальные ряды из диагонально ориентированных оттисков штампа (более 20%), горизонтальные ряды из вертикально ориентированных вдавлений (около 15%) и горизонтальные ряды из диагонально ориентированных разнонаправленных отпечатков (более 30%). Мотивов орнамента выявлен 51 вид, учитывая сильную фрагментированность посуды, они зачастую повторяют обозначенные выше узоры. Наиболее распространены: горизонтальные ряды из диагонально ориентированных разнонаправленных оттисков штампа (около 30%), горизонтальные ряды из диагонально ориентированных вдавлений и горизонтальные ряды из вертикально ориентированных отпечатков – вместе они составляют более 50% в каждой из коллекций.

Таким образом, комплексы керамики, орнаментированной оттисками гребенчатого штампа, стоянок средневожской культуры, имеют определенные различия, которые проявляются как на уровне формообразования венчиков, так и в системе орнаментации. Дальнейшее расширение сравнительной базы и анализ посуды стоянок сопредельных с лесостепным Поволжьем регионов, по всей видимости, позволит выявить большее количество локальных особенностей.

Библиографический список

1. Андреев К.М., Васильева И. Н., Выборнов А. А. Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV: морфология, технология, хронология // Поволжская археология. 2018. №1 (23). С. 8-27.
2. Андреев К. М., Выборнов А. А., Васильева И. Н. Стоянка Калмыковка I – новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: Триада, 2018. С. 143-160.
3. Барынкин П. П., Козин Е. В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара: СГПИ, 1991. С. 94-119.
4. Барынкин П. П., Козин Е. В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 136-164.
5. Выборнов А. А., Королев А. И., Мамонов А. Е., Овчинникова Н. В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара, 2007. С. 107-155.
6. Мамонов А. Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного

Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 92-105.

7. Сомов А. В., Андреев К. М. Предварительные итоги изучения неолитической стоянки Лужки II // Археологические открытия в Самарской области 2020 года. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина, 2021. С. 8-9.

УДК 902.21

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ТАШКОВСКОЙ ДЮНЫ В 2023 ГОДУ

© Доронина Мария Дмитриевна

Челябинский государственный университет, г. Челябинск

*Научный руководитель – доцент кафедры истории России и зарубежных стран ЧелГУ,
канд. филос наук Федор Николаевич Петров.*

*Научный консультант – научный сотрудник Центра историко-культурных исследований
«Астра» Екатерина Сергеевна Яковлева.*

Аннотация. В ходе разведочных работ в лесостепном Зауралье на Ташковской дюне были обследованы 11 памятников поселенческого типа, расположенных на коренных берегах рек Миасса и Исети и озера Караульного. Памятники датируются преимущественно периодами неолита, энеолита и ранним железным веком.

Ключевые слова: мезолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, стоянка, поселение.

В полевой сезон 2023 года отрядом добровольцев из Центра историко-культурных исследований «Астра» и клуба юных археологов «Формика» были проведены разведочные работы на Ташковской дюне под руководством Е. С. Яковлевой при участии автора настоящей статьи. Ташковская дюна (географическое название – урочище Сахарово) расположена в Курганской области в Каргапольском районе, около слияния Миасса и Исети, между селом Усть-Миасским и деревней Ташкова. На сегодняшний день этой деревни не существует.

Всего в этом месте известно 19 памятников, восемь из которых выявлены в этом году. Историография начинается с Усть-Миасской стоянки, которую в 1890 году открыл местный учитель К. П. Архангельский; после, в 1917 году, обследовал Ю. П. Аргентовский, а в 1925 году В. П. Бирюков. Данный памятник многослойный. К. В. Сальников датировал часть артефактов неолитическим периодом и ранним железным веком. Сведения о другом памятнике, Усть-Миасских курганах, имеются в архиве В. Я. Толмачева 1889 года. В 1961 году могильник был обследован В. И. Неживых. В 1962 году А. Г. Дегтяревым был выявлен еще один памятник, селище у деревни Ташково, которое датировано эпохой бронзы и ранним железным веком. В этом же году А. Г. Дегтярев выявил еще один памятник – стоянку у деревни Ташково, которая не была датирована. В 1974 году Н. Н. Бутаковой была переобследована стоянка Усть-Миасское 1, датируемая неолитом и ранним железным

веком, но, как выяснилось, оказалась стоянкой Усть-Миасское 2 и не была юридически выявлена. В этом же году Бутаковой была открыта курганная группа Усть-Миасское 2, памятник частично разрушен, не датирован. Курганная группа Усть-Миасское 1 и курган Усть-Миасское 2 были открыты и обследованы Е. М. Беспрозванным в 1976 году, курганная группа предварительно датирована ранним железным веком, курган не датирован. Один из самых значимых памятников Ташковской дюны – это поселение Ташково 1, открытое в 1977 году Н. В. Варанкиным. В 1977-1979 годах были проведены раскопки. Памятник исследовали Н. В. Варанкин, В. Т. Ковалева, Л. Ю. Богданова и Н. К. Стефанова. В 1982 году В. Т. Ковалевой были открыты поселение и стоянка Ташково 2, поселение многослойное, первый этап относится к мезолитической эпохе, а второй к началу II тыс. до н. э. Благодаря поселению Ташково 2, была выделена ташковская культура раннего бронзового века (Виноградов, 1993, с. 91-98). Поселение Ташково 3 было открыто Л. В. Ивасько в 1987 году, после обследовано В. Т. Ковалевой. Поселение имело большое значение для атрибуции памятников кошкинского типа (Ковалева, 2008, с. 86). В 1986 году В. Т. Ковалева и М. Ю. Штадлер открыли поселение Ташково 4 эпохи мезолита, которое в 1987 году исследовала Л. Я. Крижевская (Крижевская, 1991, с. 30).

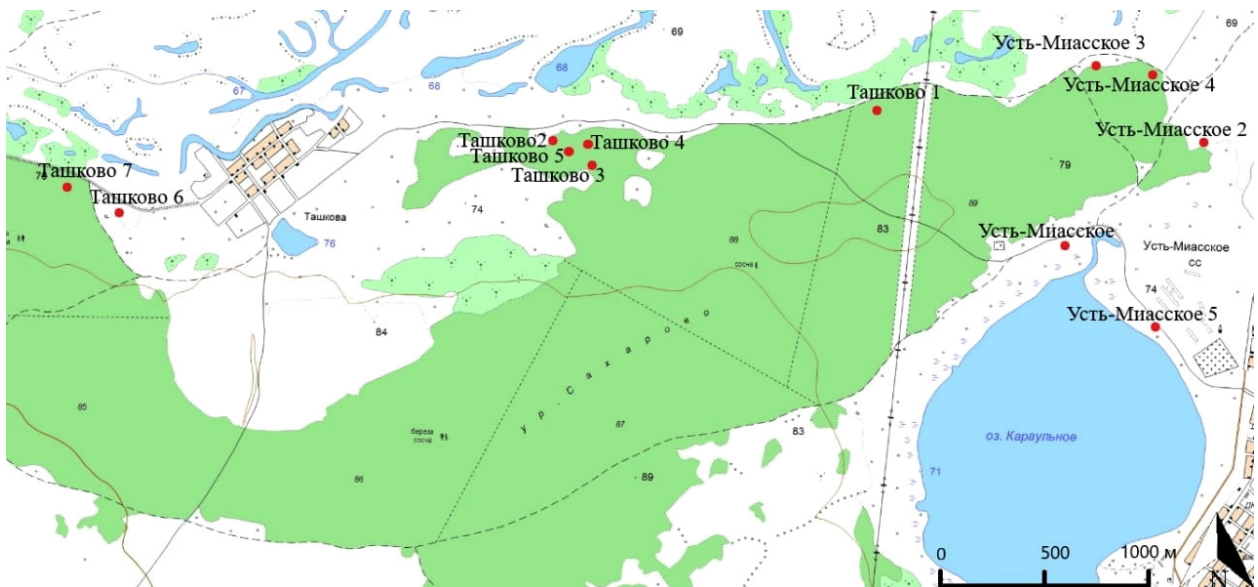

Рис. 1. Карта археологических памятников Ташковской дюны

В 2023 году на Ташковской дюне была проведена разведка, целью которой было уточнение местоположения уже известных памятников и выявление новых. В ходе разведки, на маршруте протяженностью около 10 километров, из 13 памятников поселенческого типа, три были переобследованы, восемь формально выявлены, из которых шесть открыты.

Поселения Ташково 1 и Ташково 2 были переобследованы. Городище Ташково 3 переобследовано, уточнена культурно-хронологическая характеристика, датировка – ранний железный век, слоя неолита не обнаружено. Поселение Ташково 4 не было переобследовано, т.к. было раскопано Л. Я. Крижевской.

Стоянка Ташково 5 выявлена в ходе проведенных в 2023 году работ, расположена на правом берегу протоки (старичное русло р. Исеть), в 1 км к востоку от окраины деревни Ташкова, а также в непосредственной близости с поселением Ташково 2, на возвышении к востоку от него. Датировка – эпохи неолита и энеолита.

Поселение Ташково 6 было открыто Л. В. Ивасько, но зафиксировано в документах по

охране памятников только после проведенной в 2023 г. разведки. Расположено на правом берегу протоки (старичное русло р. Исеть), вдоль проселочной дороги к западу от деревни Ташкова, в 1 км к восток-юго-востоку от трассы Курган-Шадринск. Датировка – эпоха бронзы.

Поселение Ташково 7 выявлено в ходе проведенных в 2023 году работ, расположено на правом берегу протоки (старичное русло р. Исеть), на боровой террасе, вдоль дороги к западу от деревни Ташкова, в 0,7 км к западу от западной окраины заброшенной деревни. Датировка – эпохи неолита и энеолита.

Стоянка Усть-Миасское 2 была открыта Н. Н. Бутаковой, но зафиксирована в документах по охране памятников только после проведенной в 2023 г. разведки. Расположена на мысу, образованном петлей старичного русла р. Миасс и пересохшей протокой, соединяющей Миасс с оз. Караульным, в 0,5 км к север–северо-западу от северной окраины с. Усть-Миасского. Часть стоянки находится на боровой части террасы, часть – на открытой местности. Из-за пожаров культурные слои памятника сильно повреждены противопожарной опашкой и вымыванием слоев после выгорания дернового покрова. Датировка – эпохи неолита и энеолита.

Поселение Усть-Миасское 3 выявлено в ходе проведенных в 2023 году работ, как и последующие памятники. Поселение расположено на мысу, образованном многочисленными петлями стариц Исети и Миасса в месте их слияния, на северо-восточной оконечности боровой террасы. В 1,2 км к северо-западу от северной окраины с. Усть-Миасского. Памятник имеет следы регулярных грабительских вкопов, а также ям от охоты на барсуков. Датировка – ранний железный век.

Поселение Усть-Миасское 4 расположено на мысу, образованном многочисленными петлями стариц Исети и Миасса в месте их слияния, на восточной оконечности боровой террасы. В 0,3 км к юго-востоку от поселения Усть-Миасское 3. На территории поселения наблюдается серьезное нарушение целостности почвенного слоя противопожарными опашками, а также карьером для добычи песка. Датировка – неолит и ранний железный век.

Стоянка Усть-Миасское 5 расположена на восточном берегу оз. Караульное, на невысокой ровной площадке на западной окраине с. Усть-Миасское, у полевой дороги. На момент выявления стоянка распахана в западной, прибрежной, части. Датировка – неолит.

Стоянка Усть-Миасское 6 расположена на северном берегу оз. Караульного, на невысокой площадке, южная часть стоянки разбита полевой дорогой. Расстояние до кромки воды на момент работ порядка 20-25 м. Датировка – эпохи неолита и энеолита.

В результате разведки были зафиксированы местоположения памятников и составлена карта. Примерно половина многослойных памятников многослойные, их ранние слои датируются эпохами неолита и энеолита, а поздние – ранним железным веком, что позволяет предположить, что уровень воды в реках Исети, Миассе и озере Караульном в данные эпохи был примерно одинаков.

Библиографический список

1. Виноградов Н. Б. Археологическая карта Курганской области. Курган: ИПП, 1993. 344 с.
2. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. 2008. С. 73-113.
3. Крижевская Л. Я. Мезолитическое поселение Ташково IV и некоторые общие вопросы мезолита Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. 1991. С. 30-45.

УДК 902; 930

ИЗУЧЕНИЕ ОРНАМЕНТА НА КЕРАМИКЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

© Красавина Галина Михайловна

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Омского
государственного университета им. Ф.М. Достоевского*

Толпеко Ирина Васильевна

Аннотация. На этапе становления археологии в России изучению керамики довольно долго не уделялось внимания. Этот массовый материал становится объектом исследований только с конца XIX в. Первые работы по изучению декорирования керамических сосудов появляются в начале XX в., но уже на дореволюционном этапе разрабатываются основные методы и подходы к изучению орнаментов.

Ключевые слова: керамика, орнаментация, техника декорирования, элементы орнамента, история изучения керамики.

Керамика является одним из самых распространённых и информативных археологических источников. Важнейшим аспектом ее изучения стал орнамент. Б. Э. Петри, основоположник классификации сибирской неолитической керамики, писал: «керамика – это зеркало культуры» (Петри, 1926, с. 11). Проблемы методики описания орнаментированных керамических сосудов особенно актуальны для неолита: «... наиболее любовно и изящно украшенными являются сосуды неолитического периода...» (Петри, 1926, с. 12). Орнаментация керамики может служить хронологическим и культурным индикатором, но лишь при детальном и разностороннем ее изучении. В отечественной археологии история изучения керамики рассматривается в первую очередь с точки зрения технико-технологического анализа. Нашей целью является оценка состояния исследований по орнаментации и технике декорирования керамических сосудов в дореволюционной России.

Первым систематизировал описание технологических особенностей керамики В. А. Городцов в работе «Русская доисторическая керамика». Он предложил классификацию элементов орнамента, разделив их на семейства, роды и виды (Калинина, Устинова, 1990 с. 7). «Основанием деления служат орудия или инструменты, которыми воспроизводились элементы. Способ применения тех или других из них положен в основу характеристики семейств, общие или типовые формы самих орудий – в основу деления на роды, характерные или видовые особенности каждого из них в воспроизведении элементов орнамента - в основу деления на виды. Таким образом изучение инструментов и орудий орнамента выдвинуто на первый план...» (Городцов, 1901, с. 616). Несмотря на то, что классификация В. А. Городцова не получила распространения, она, по мнению И. Г. Глушкова, стала «крупным достижением в области систематического описания технологических особенностей керамики» (Глушков, 1996, с. 5).

В 1905 г. вышла статья А. А. Спицына и В. И. Каменского «Стоянка каменного века близ г. Балахны»: «...все без исключения сосуды покрыты сплошным орнаментом. Узор на каждом черепке столь неизбежен, словно он составляет одно из естественных свойств

глины» (Спицын, Каменский, 1905, с. 10). Авторами был типологически выделен комплекс с гребенчато-накольчатой керамикой (Гапочка, 2006, с. 53). Исследователи подробно описали все встречающиеся на стоянке орнаменты, способы их нанесения и постановки орнаментиров.

Первое детализированное описание сибирской керамики приведено в работе Н. Н. Бортвина «Из области древней сибирской керамики». Он детально изложил результаты разведок в Иркутской губернии и окрестностях г. Красноярска. Коллекция обнаруженных фрагментов керамики была поделена на «разряды» (Бортвин, 1915, с. 2). В основу классификации положен орнамент и выделены следующие группы: «1) орнамент ямочный; из ямочек правильной цилиндрической или конической формы... 2) ямчатый: ямочки расплывчатой формы... 3) гусеницеобразный: овальные поперечные штампы с поперечными частыми бороздками... 4) лотковый: ямочки продолговатые, овальной формы... 5) стрелчатый... 6) зубчатый: из зубчиков, напоминающих зубчатые колеса... 7) полулунный... 8) серповидный: штамп более узкий, чем для полулунного орнамента... 9) рябчатый (сетчатый) – как-бы от обертывания сосуда какою-то плетенкой или грубой тканью... 10) пунктирный: из рядов мелких точек... 11) многозубчатый чекан... 12) линейный: отчетливая вдавленная линия 13) штриховой: из линейных штрихов... 14) горошиной: полушарная выпуклость от ямочки с внутренней стороны сосуда... 15) лепной сплошным валиком... 16) лепной с пересечкой...» (Бортвин, 1915, с. 5).

В 1916 г. вышло предварительное сообщение Б. Э. Петри о раскопках стоянки Улан-Хада. Многочисленные орнаментированные фрагменты керамической посуды легли в основу классификации по способу «нанесения узора». Были выделены 5 типов (Петри, 1916, с. 128):

1. Орнаментация штампом. Для его нанесения использовались разнообразные орнаменты, например, «...прямая широкая лопаточка, которую или, держа наклонно, вели по глине непрерывно, нажимая то с большей, то с меньшей силой, отчего получался желобок с углублениями... или же держали вертикально и после каждого нажима отрывали, отчего получались ряды рубчиков...».

2. «Орнаментация при посредстве наложения производилась нанесением на горшок нового материала, который накладывался в виде валиков, параллельных венчику...».

3. «...орнаментация стеками различной толщины и заостренности... Линии, выцарапанные стеками, располагались или крест на крест... или группами параллельных рядов... или, наконец, волнистыми кривыми...».

4. Орнаментация, для которой не требовались инструменты: «производилась пальцем или ногтем» (Петри, 1916, с. 129).

5. Орнаментация «проколами или выдавливанием» (Петри, 1916, с. 130).

Кроме того, Б. Э. Петри предложил версию «...происхождения сетчатых отпечатков на керамике Улан-Хада, которые, по его мнению, образовывались в результате формовки сосуда в плетеной корзине, которая потом сгорала» (Бердников, 2014, с. 12). В целом, данная публикация исследователя положила начало «классификации неолита Ангарского бассейна» (Петри, 1916, с. 115).

Проведенный историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что на орнаментацию керамических сосудов исследователи обратили внимание достаточно поздно (относительно процессов становления археологии в России). Тем не менее, уже более века назад ученые начали ставить перед собой задачи описания, классификации орнаментов и изучения техники их нанесения. Таким образом был заложен фундамент для более глубокого изучения керамики, в том числе орнаментальных традиций в эпоху неолита.

Библиографический список

1. Бердников И. М., Лохов Д. Н. Керамика в археологии: описание, анализ, методы исследования: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 163 с.
2. Бортвин Н. Н. Из области древней сибирской керамики // Записки русского археологического общества. Т. 9. Петроград: Типография М. А. Александрова, 1915. 24 с.
3. Гапочка С. Н. Некоторые аспекты развития представлений о неолитических культурах с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой восточноевропейской лесостепи // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2006. 212 с.
4. Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1996. 327 с.
5. Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве. Т. 1. М.: Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1901. С. 577-672.
6. Калинина И. В., Устинова Е. А. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 30. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1990. С. 7-19.
7. Спицын А. А., Каменский В. И. Стоянка каменного века близ г. Балахны // ЗОРСА. Т. 7. Вып. 1. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1905. С. 72.
8. Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала // Сборник МАЭ им. Петра Великого. Т. III. Петроград: Типография императорской академии наук, 1916. С. 118-132.
9. Петри Б. Э. Сибирский неолит. Иркутск: Типография Власть труда, 1926. 39 с.

УДК 902.01

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ И ПРИАРАЛЬЯ

© *Лактаева Элеонора Михайловна*

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

Научный руководитель – д.и.н., профессор Выборнов Александр Алексеевич

Аннотация. В работе был проведен сравнительный анализ гончарных традиций Приаралья и Северного Прикаспия. Керамика была сопоставлена по технологии изготовления и технике орнаментации с опорой на хронологические этапы бытования культур. По результатам исследования гипотеза Виноградова А. В. об участии кельтеминарцев в генезисе каиршакско-тентексорской культуры признается состоятельной.

Ключевые слова: кельтеминарская культура, каиршакско-тентексорская культура, Приаралье, Северный Прикаспий, керамика, неолит, сравнительный анализ.

Кельтеминарская культура является предметом дискуссий свыше пятидесяти лет: одни исследователи, как В. Н. Даниленко, считали ее «явлением крупнейших, поистине азиатских масштабов», другие, как А. А. Формозов – крайне архаичным охотничье-рыболовским сообществом. Характерно и отрицание многими исследователями связи Приаралья с

Северным Прикаспием. Главный аргумент – отличие гончарной технологии. Данная работа посвящена сравнительному анализу посуды данных регионов с целью подтвердить или опровергнуть гипотезу А. В. Виноградова об участии кельтеминарского населения в складывании северокаспийского неолита (Виноградов, 1981), представленного каиршакско-тентексорской культурой (Выборнов, Васильева и др., 2020).

Кельтеминарская керамика изготавливалась из глины лоскутным налепом на стоянках Аякагитма и Толстова, ленточным – Джанбас 4 и Кават 7. Варианты примесей: а) дресва; б) шамот; в) толченая раковина; г) кварцевый песок. Внешняя поверхность обрабатывалась тонкоотмученной глиной и заглаживалась пучком травы или гребенкой. Горшки, чаши, сосуды с широким туловом обнаружены на всех памятниках, а ладьевидные изделия только в комплексах Джанбас и Кават; баночные и биконические сосуды (плоскодонные) встречены только на стоянке Толстова. Днища округлые. Толщина от 0,5 до 1,2 см (есть зависимость от формы сосуда).

Самые распространенные формы венчика – прямостенный и отогнутый, но также встречается вогнутый на ст. Толстова; наиболее используемый срез – округлый. На Джанбасе широко распространен округлый с наплывом наружу. Украшается редко – отмечена эта деталь только на стоянках Джанбас и Кават (на последнем особенно). Стоит отметить, что на этих комплексах были найдены сливы и трубчатые носики от сосудов.

Каиршакско-тентексорская керамика изготавливалась из ила с естественными примесями растительности, раковин пресноводных моллюсков и искусственными – органическими растворами. Вручную, посредством лоскутно-комкового налёпа. Внешняя поверхность обрабатывалась после термической обработки раствором, стенки заглаживались пучком травы. Форма горшковидная и баночная с плоским дном (на Кугат-Кулагайси округлое). Также есть керамика с ребром на стоянках Байбек и Каиршак III. Толщина стенок варьируется от 0,4 до 1,9 см (средняя – 1,1). Зависимости от формы нет.

Наиболее распространен прямостенный и слегка отогнутый венчик, срезы – округлый, плоский и скошенный. На Таскудуке наблюдается наплыв-утолщение с внутренней стороны. Каиршакско-тентексорские венчики часто орнаментируются по срезу, а на тентексорских комплексах могут быть украшены с внутренней и внешней сторон.

На приаральской и каспийской керамике есть сквозные отверстия, но роль скульптурного элемента они играют чаще на каиршакско-тентексорских комплексах. И на тентексорской керамике часто есть ямочно-жемчужный пояс.

Техника орнаментации керамики Приаралья и Прикаспия была сопоставлена по хронологическим этапам существования культур.

Ранний этап неолита представлен памятниками Аякагитма и Кугат IV, Кулагайси. Близость обнаруживается в простоте орнаментальных мотивов: горизонтальные, наклонные ряды линий прочерка или единичных наколов, ямок, их сочетания. Наколы на сосудах Аякагитмы имеют больше вариаций; значительно число фрагментов, украшенных ногтевидными вдавлениями. Есть мотив пересекающихся прочерков. На Кулагайси есть квадратные линии.

Средний этап – ст. Толстова и комплексы Каиршак III и Байбек. Есть общие элементы орнаментации – прочерки, наколы, ямки, мотивы: вертикальные, горизонтальные, наклонные ряды линий или разреженных наколов, их сочетания; косая сетка; лесенка. Толстовская керамика украшена также вертикальным и наклонным зубчатым штампом и вертикальными и горизонтальными квадратными линиями. Характерно нанесение одного мотива поверх другого – данная тенденция усиливается на Джанбасе и Кавате.

Каиршакско-тентексорская керамика орнаментирована прямоугольными, ромбо-

видными, треугольными мотивами; меандром; горизонтальным зигзагом. В Байбеке также есть наклонные ряды прочерков, обрамленных насечками, и ряды разнонаправленных разреженных наколов. Важно заметить, что на комплексе Каиршак III сосуды начинают украшать в технике отступающего накола, и с течением времени эта тенденция усиливается при одновременном вытеснении прочерка.

Поздний этап. Джанбас 4, Кават 7 и Таскудук, Тентексор I. Среди общих техник нанесения орнамента – различные наколы, ямчатые вдавления и насечки. Отличает то, что кельтеминарская керамика украшается линиями прочерка, а тентексорская – отступающим наколом. Также в обеих культурах есть несколько сосудов, орнаментированных зубчатым штампом. Есть близкие орнаментальные мотивы: горизонтальные, вертикальные, наклонные, волнистые и квадратные ряды линий, или единичных наколов/ямков – данные мотивы могут располагаться зонально (сверху вниз полосами) и чередоваться по горизонтали; вертикальный и горизонтальный зигзаг; разнонаправленные наколы/насечки; меандр; треугольный мотив.

Для кельтеминарской керамики позднего этапа неолита характерно употребление елочек и лесенок. На стоянке Кават также встречаемы волны, отличающиеся по высоте; решетка – прямоугольная, косая и волнистая; эллиптический мотив. Сосуды иногда орнаментируются по внутренней стороне, причем скрытый орнамент является основным. На каиршакско-тентексорской керамике распространены прямоугольники с глазками-вдавлениями и без. На стоянке Таскудук есть единичные сосуды, орнаментированные лесенкой из прочерка и зубчатым штампом. Также значительная часть одного экземпляра орнаментирована изнутри. В коллекции Тентексора встречаются ромбовидный мотив и паркетный орнамент.

Сравнительный анализ гончарных технологий Приаралья и Северного Прикаспия позволяет сделать несколько выводов. Керамика действительно имеет мало общего по технологической части. Различаются исходный пластичный материал, формы и конструкционные части сосудов. Гончарные навыки кельтеминарцев представляются более высокими. Общие моменты нецелесообразно рассматривать как признак родства между культурами. Орнаментальные мотивы, свойственные для двух регионов, просты и скорее являются свидетельством автохтонного развития неолита, поскольку композиции не близки при сопоставлении по этапам. Но орнаментальные композиции всех кельтеминарских памятников имеют близость с Кугатом, но особенно Каиршаком III. Можно предположить, что часть кельтеминарцев ушла в Прикаспий и там, с течением времени, ввиду отличий условий жизнедеятельности была вынуждена изменять своим гончарным традициям. Так стали развиваться две культуры, к которым к неолитическому финалу утратили очевидную схожесть.

Библиографический список

1. Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М: «Наука», 1981. 176 с.
2. Выборнов А. А., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Ойнонен М., Поснерт Г. О древнейших керамических традициях населения Северного Прикаспия // Вестник ВолГУ. История. Регионоведение. Международные отношения. Серия 4. Т.25. 2020. №1. С. 141-151.

УДК 903.222

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ НАКОНЕЧНИКОВ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА

© *Можаева Александра Александровна*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

Научный руководитель – д.и.н., профессор Лычагина Евгения Леонидовна

Аннотация. Статья посвящена анализу каменных наконечников гаринской, борской и юртиковской культур эпохи энеолита. В ходе исследования были выделены устойчивые черты, присущие изделиям каждой из культур, и отличительные особенности, демонстрирующие культурные и локально выраженные признаки наконечников энеолитических культур бассейна рек Камы и Вятки.

Ключевые слова: каменные наконечники, гаринская культура, борская культура, юртиковская культура, энеолит, Верхнее и Среднее Прикамье, Средняя Вятка.

На территории Камско-Вятского междуречья известно несколько культур эпохи энеолита: гаринская и борская в Верхнем и Среднем Прикамье, юртиковская – на Средней Вятке. Материальная культура энеолитических комплексов представленного региона весьма разнообразна и одно из ключевых мест в ней занимают каменные наконечники, изучение которых представляет для исследователей особый интерес (Можаева, 2023).

Весьма справедливо указать, что наконечники допустимо использовать как культурные и хронологические маркеры. Целью данной работы является обобщение результатов анализа наконечников гаринской, борской и юртиковской культур.

Для выявления устойчивых черт и отличительных, локально выраженных особенностей наконечников было изучено 1199 изделий (целыми представлено 741 экз.) с 29 памятников гаринской культуры, 5 памятников борской культуры и 3 памятников юртиковской культуры. Анализ проводился по единой методике, предложенной и апробированной автором ранее (Можаева, 2023).

Изучение наконечников производилось по следующим критериям: сырье, характер заготовки, вторичная обработка, форма продольного и поперечного сечения, метрические характеристики, пропорции, форма пера и особенности оформления основания наконечника (Можаева, 2023).

При отборе сырья для изготовления наконечников население каждой из энеолитических культур отдавало предпочтение кремню различных цветовых оттенков. Для гаринской культуры таковым преимущественно выступал сургучный кремль, а для борской и юртиковской – кремль темных и серых оттенков. Помимо кремневых наконечников в комплексах гаринской культуры имеются изделия из окремнелого известняка (4,7%), менее 1% составляют предметы из халцедона, хлоритового сланца, сердолика, горного хрусталя и кремнистого сланца. В материалах борских памятников заметно увеличивается доля наконечников из окремнелого известняка (33,3%). С комплексов юртиковской культуры были изучены исключительно кремневые наконечники.

Вне зависимости от принадлежности наконечников к определенной культуре их изготовление происходило в рамках технологии бифасиального уточнения заготовок, при

которой снятие сколов и отжим чешуек осуществляется с обеих поверхностей расщепления в направлении от краёв к центру (Тарасов, 2022, с. 227). В таком случае заготовками могли служить отщепы, случайные сколы, отдельные сырьё, плитки, уплощенные гальки. Определение заготовки весьма затруднительно ввиду значительной переработки первоначальной ее формы под воздействием применения данной технологии. Но несмотря на это, у незначительной доли изделий удается определить заготовку, как правило, это отщепы, пластины и случайные сколы, которые чаще всего были оформлены краевой двусторонней либо краевой дорсальной ретушью.

Важно отметить, что в процессе применения технологии бифасиального утончения заготовок для изделий необходимо достижение линзовидной формы в поперечном сечении и эллипсоидной – в продольном сечении. В ходе анализа этот тезис подтвердился – у всех изученных наконечников фиксируются данные формы в сечении.

На завершающих стадиях оформления наконечников наиболее распространена бифасиальная ретушь. По признаку ориентации фасеток относительно продольной оси изделия абсолютное большинство составляет контрпоперечная ретушь. Контрдиагональная и диагонально конвергентная ориентация фасеток, скорее всего, имела случайный характер и применялась крайне редко.

Незначительно использование во вторичной обработке краевой ретуши (двусторонней и дорсальной), которая составляет менее 4% среди наконечников гаринской и юртиковской культур. В составе же борских изделий увеличивается доля орудий, оформленных двусторонней краевой ретушью. В основном она фиксируется на наконечниках, для изготовления которых в качестве заготовок использовались отщепы либо пластины.

В составе наконечников рассмотренных археологических культур преобладают изделия длиной до 3,5 см, шириной до 1,5 см и толщиной до 0,4 см. Стоит заметить, что среди орудий борской культуры увеличивается доля изделий с длиной 2,5-3,5 см и шириной 1,6-2 см по сравнению с наконечниками гаринской и юртиковской культур.

При анализе соотношения длины и ширины изделий (пропорции) выяснилось, что для каждой из культур характерно преобладание широких форм наконечников. Реже встречаются изделия узких форм (до 30%), средние же формы в большинстве своем составляют менее 15% от общего количества предметов. Необходимо добавить, что в составе борских наконечников заметно сокращается количество средних форм.

Среди энеолитических наконечников выделяются следующие устойчивые типы: листовидные, иволистные, треугольные, ромбические и пятиугольные. Отдельно рассмотрим наконечники каждой из культур.

Из числа гаринских изделий абсолютное большинство представлено бесчерешковыми наконечниками (98,4%), среди которых распространены орудия листовидных форм с вогнутым и усеченным основанием (51,3%). Изделия пятиугольных форм с вогнутым и усеченным основанием образуют второй по численности тип (15,4%). Реже встречаются ромбические (7,2%), треугольные (5,3%) и иволистные (2,4%) наконечники. Небольшую группу составляют черешковые изделия.

Борские наконечники представлены бесчерешковыми изделиями, где преобладают орудия листовидных форм с округлым (46,1%) либо усеченным прямым (38,5%) основанием. Немногочисленны пятиугольные (15,8%), ромбические (10,5%) и треугольные (5,3%) наконечники. Изделия иволистных и черешковых форм отсутствуют. Стоит подчеркнуть, что по сравнению с гаринскими и юртиковскими наконечниками заметно возрастает доля изделий, выполненных на пластинах либо отщепах, часть из которых оформлена плоской краевой двусторонней ретушью.

Среди юртиковских наконечников также абсолютное большинство составляют бесчерешковые наконечники (89,1%). В их числе преобладают изделия листовидных форм с округлым и приостренным (67,6%) основанием, вторым по численности типом являются ромбические (20,4%) наконечники. Немногочисленны иволистные (6,1%), пятиугольные (4,1%) и черешковые (10,9%) формы. Отсутствуют треугольные наконечники и орудия с вогнутым основанием.

Анализ энеолитических наконечников показал, что стабильные черты наблюдаются во вторичной обработке и показателях метрических характеристик и пропорций. В то время как явные изменения фиксируются в используемом минеральном сырье и формах наконечников. Вероятно, эти признаки иллюстрируют локальные особенности каждой из культур. Дискуссионными по-прежнему остаются вопросы территориального распространения различных форм наконечников и их происхождения, для решения которых, возможно, потребуется изучить наконечники эпохи неолита.

Библиографический список

1. Можаяева А. А. Наконечники гаринской энеолитической культуры // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Камско-Вятской археологической экспедиции, Ижевск, 01-03 февраля 2023 года. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2023. С. 62-63.

2. Тарасов А. Ю. Материальное производство и обмен в Северо-Восточной Европе периода позднего неолита/энеолита (на примере индустрии орудий русско-карельского типа): дис. ... д-ра. ист. наук: 5.6.3 Археология. Санкт-Петербург, 2022. 774 с.

УДК 902.01

АНАЛИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И НЕОЛИТИЧЕСКИХ СКРЕБКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

© *Немцева Дарья Константиновна*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

Научный руководитель – д.и.н., профессор кафедры Отечественной и всеобщей истории, археологии ПГГПУ Лычагина Евгения Леонидовна

Аннотация. Проведён типологический анализ скребков с памятников мезолита и неолита. Он дал следующие результаты: в неолите преобладают скребки на отщепах, когда как в мезолите отщепы и пластины в качестве заготовок использовались примерно в одинаковом количестве, при этом сами заготовки были меньше, чем в неолите; в неолите распространяются скребки с несколькими лезвиями, в мезолите они только начинают появляться.

Ключевые слова: мезолит, неолит, каменные скребки, микроскребки, типология, лезвия, ретушь.

Хозяйственная деятельность древнего человека являлась одной из основных составляющих его жизни. С эпохи каменного века до наших дней люди всегда стремились обеспечить себя пищей, материалами для одежды и укрытия, а также другими необходимыми ресурсами. Древние люди использовали различные каменные орудия труда для земледелия, охоты, рыболовства и скотоводства. Одними из них являются каменные скребки – орудия небольшого размера, использовавшиеся для обработки шкур, дерева и кости на протяжении всего каменного века. Их рабочий край, как правило, был выпуклым, хотя иногда он мог быть прямым и дугообразным. Такой рабочий край имел крутую притупливающую ретушь. В данной статье речь пойдет о типологии скребков мезолита и неолита.

В период мезолита, который является переходным этапом между древнекаменным и новокаменным веками, произошли значительные изменения, сказавшиеся на развитии каменных индустрий. Смена климата, освоение новых территорий и появление видового разнообразия современной фауны оказали огромное влияние на этот период. Поменялась и техника изготовления орудий, они стали маленькие, а также использовались различные виды вкладышевых изделий. Появляется такая категория орудий как микроскребки. Они представляют собой отдельную группу, отличающуюся наличием скребкового лезвия на узком конце заготовки (Лычагина, 2022, с. 33).

Период неолита является одним из наиболее значимых исторических этапов. В то время происходили существенные изменения, которые имели масштабный характер и привели к коренным преобразованиям в жизни наших древних предков. Происходит дальнейшее развитие присваивающего хозяйства. Одной из многочисленных категорий орудий по-прежнему остаются скребки (Лычагина, 2019, с. 3).

Мы предполагаем, что данное исследование позволит проследить изменения и особенности данной категории орудий в разные периоды, а также проследить закономерность изменения их технологии изготовления. Для проведения исследования была сделана выборка, состоящая из 213 скребков с мезолитических и неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья. Были проанализированы 123 скребка с 11 памятников эпохи мезолита: стоянки Коса I-III, Чашкинское озеро X-XI, Усть-Половинная, Казанцевская I-II, поселения Огурдино, Голый Мыс, Шумково, а также 90 скребков с 3 памятников неолита: стоянки Хомутовское болото II, Хуторская, поселение Чашкинское озеро IIIа.

Перейдем к характеристике скребков с памятников мезолита. Основным сырьем для изготовления орудий являлись: кремьень 86 экз. (70%), яшма 25 экз. (20%) и окремнелый известняк 10 экз (8%), остальные породы (2%). Размеры скребков разнообразны: встречаются микроскребки 6-10×6-15 мм, но основная масса орудий представлена размерами до 30 мм. Скребки на отщепах 68 экз. (55%), на пластинах 49 экз. (40%), остальные формы заготовок встречены единично (5%). Среди скребков 84 экз. концевых (69%), 15 экз. боковых (12%), 10 экз. угловых (8%), 5 экз. округлых (4%) и 9 экз. концевых-боковых (7%). По количеству лезвий скребки делятся на: одинарные, двойные, тройные, а также был один экземпляр скребка с четырьмя лезвиями (табл.1). Всего лезвий 158. Форма лезвий в основном выпуклая, прямых в два раза меньше. В большинстве случаев лезвие располагается на дистальной части 92 лез. (58%), на проксимальной части практически в три раза меньше. Основная часть лезвий оформлена дорсальной ретушью 143 (91%). Доминируют скребки с крутой ретушью.

Исходя из типологического анализа скребков с памятников мезолита можно сделать следующие выводы. Основным материалом, из которого изготавливали скребки является кремьень; размеры орудий небольшие, что характерно для изделий эпохи мезолита; среди заготовок для орудий доминируют - пластины и отщепы; встречаются скребки с несколькими лезвиями; форма лезвий у большинства экземпляров выпуклая. Вероятно, такая форма была

более практична и в большей степени подходила для различных видов работ; в основном лезвия располагаются на дистальной части, эту закономерность можно объяснить наличием острых неровных краев на проксимальной части; лезвия оформлены крутой дорсальной ретушью. К особенностям можно отнести наличие на некоторых скребках следов изношенности, а также часть скребков представлена обломками лезвий. Это характерно для составных орудий, они ломались из-за сильного давления на рукоять. Часто встречается вспомогательная дорсально-вентральная ретушь по одной или двум боковым сторонам.

Анализ скребков с памятников неолита дал следующие результаты. Сырьевая база орудий представлена: кремнем 72 экз. (80%), яшмой 3 экз. (3%), халцедоном 4 экз. (5%), кварцитопесчаником 8 экз. (9%), доломитом 2 экз. (2%), сланцем 1 экз. (1%), с большим преобладанием кремневых пород. В основном это скребки средних размеров (15-30мм), но встречаются и крупные экземпляры до 60 мм. В качестве заготовки использовались отщепы 60 экз. (77%), пластины 7 экз. (9%), а также пластинчатые отщепы, сколы и уплощенные гальки (14%). Половина скребков является концевыми 45 экз. (50%), концевых-боковых 21 экз. (23%), боковых 11 экз. (12%), угловых 13 экз. (15%). По количеству лезвий преобладают одинарные скребки 52 экз. (58%), так же присутствуют орудия с несколькими лезвиями 38 (42%). Всего 139 лезвий. Большая часть орудий имеет выпуклую форму 95 лезвия (68%), прямых 33 лез. (24%), не редко встречаются и вогнутые лезвия 11 (8%). На дистальной части заготовки располагается 66 лез. (47%), на проксимальной 10 лез. (7%), вдоль оси заготовки 46 лез. (33%) и у 17 лезвий невозможно определить расположение относительно заготовки. Подробно рассмотрев ретушь можно сказать, что 93% лезвий оформлено дорсальной ретушью. Преобладают скребки с крутой ретушью (Никулина, 2023, с.13-16).

Типологический анализ неолитических скребков позволил сделать следующие выводы. Преобладают скребки из кремневых пород, при этом сырьевая база достаточно разнообразна; скребки средних размеров, в основном не превышают 30 мм; преобладают скребки на отщепе; в большей степени представлены скребки с одним лезвием; встречаются вогнутые лезвия; достаточно редко лезвия оформляются на проксимальной части; в основном ретушь крутая дорсальная. К особенностям можно отнести: распространяются комбинированные орудия (скребок-резец, скребок-нож и т.д), некоторые из орудий имеют зашлифованную поверхность, появляются экземпляры с элементами двухсторонней обработки.

Заключение. Типологическое исследование скребков с памятников мезолита и неолита позволило провести их сравнительный анализ. Несмотря на то, что основные параметры оставались примерно одинаковыми (сырье, расположение скребкового лезвия, его форма), можно заметить некоторые существенные отличия: в неолите преобладают скребки на отщепе, тогда как в мезолите отщепы и пластины в качестве заготовок использовались примерно в одинаковом количестве, при этом сами заготовки были меньше чем в неолите; среди неолитических скребков на концевые приходится половина и почти 30% на боковые и концевые-боковые, в мезолите это соотношение 69:19 %; в неолите распространяются скребки с несколькими лезвиями, в мезолите они только начинают появляться (табл.1). Выбор сырья для изготовления скребков оставался неизменным, предпочтительно кремневые породы, но можно отметить сырьевое разнообразие среди скребков неолита, что могло зависеть и от локализации памятника.

	Мезолит	Неолит
Заготовка (%)		
Отщепы	55	77
Пластины	40	9
Другие формы	5	14
Размеры заготовки (%)		
Длина		
5-15 мм	19	5,5
16-30 мм	67	65,5
>30	14	29
Ширина		
5-15 мм	45	30
16-30мм	53	64
>30	2	6
Тип скребка (%)		
Концевой	69	50
Боковой	12	12
Угловой	8	15
Концевой-боковой	7	23
Округлый	4	-
Количество лезвий (%)		
Однолезвийные	78	58
Несколько лезвий	22	42
Форма лезвия (% соотношение от общего количества лезвий)		
Выпуклая	69	68
Прямая	30	24
Вогнутая	1	8

Таблица 1. Сравнительный анализ скребков мезолита и неолита

Библиографический список

1. Лычагина Е. Л. Мезолит Среднего Предуралья / Е. Л. Лычагина // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие. Пермь, 2022. 2-е изд., испр. и доп. 315 с.
2. Лычагина Е. Л. Неолит и Верхнего и Среднего Прикамья: дис. ... д-ра ист. наук., 2019. 373 с.
3. Никулина К. В. Характеристика скребков поселения Чашкинское Озеро Ша / К. В. Никулина // Вестник НАСА. Пермь, 2023. №1. С. 11-20.

УДК 902/904

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СКРЕБКИ ЧАШКИНСКОГО МИКРОРЕГИОНА© *Никулина Кристина Вячеславовна*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

Научный руководитель – преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии ПГГПУ Батуева Надежда Сергеевна

Аннотация. Хуторская стоянка является значимым памятником камской неолитической культуры, так как на памятнике не были обнаружены материалы, относящиеся к другим археологическим культурам, поэтому он считается эталонным.

Ранее не проводились подробные исследования неолитических скребков, содержащие их полное описание, поэтому целью данной работы является анализ такой категории орудий как скребки Хуторской стоянки. Всего на стоянке за два года исследований было найдено 44 скребка.

Сравнительный анализ скребков со стоянки Хуторской и неолитических стоянок Чашкинское озеро Ша с территории Пермского края и стоянки Калмыковка I Самарской области показал сходство в материале изготовления, характере и типе ретуши, в расположении рабочего края относительно оси заготовки и ее определенной части. Различия скребков сравниваемых памятников состоит в типе скребков. Возможно, это связано с особенностями памятников.

Ключевые слова: Хуторская стоянка, скребки, неолит, камская культура, Пермское Предуралье.

Введение. В настоящее время нет подробных исследований неолитических скребков, содержащие их описание, поэтому работа исследователей сконцентрирована на анализе такой категории орудий как скребки. В неолитических памятниках Пермского Предуралья данный вид орудия составляет многочисленную категорию орудий. В этой связи требуют внимания значимые, эталонные памятники той или иной территории, к каковым в Прикамье является Хуторская стоянка.

Хуторская стоянка находится в г. Березники, урочище «Бабушкин Хутор». Памятник открыт в 1952 г. В. П. Денисовым. Последние по времени исследования проведены Е. Л. Лычагиной в 2006 и 2008 гг. (Лычагина и др., 2011, с. 4).

Скребки Хуторской стоянки

За два года исследований было найдено 44 скребка. Для изготовления скребков использовались кремь – 27 экз. (61%) (рис. 1: 1-2, 4-11), кварцитопесчаник – 8 экз. (18%) (рис. 1:12), доломит – 2 экз. (5%), яшма – 2 экз. (5%), халцедон – 4 экз. (9%) (рис. 1:1, 3) и сланец – 1 экз. (2%). На 5 экземплярах сохранилась галечниковая корка. В качестве заготовки использовались отщепы – 37 экз. (84%) (рис. 1:1-16), сколы – 7 экз. (16%). По количеству лезвий скребки делятся на однолезвийные – 27 экз. (61%) (рис. 1:1, 4, 6-11, 15), двухлезвийные – 14 экз. (32%) (рис. 1:3, 12-14, 16), многолезвийные – 3 экз. (7%). В большинстве случаев лезвие располагалось на дистальной части заготовки – 21 экз. (48%), 7 скребков, лезвия которых располагались на проксимальной части заготовки (16%) и на одном скребке лезвие располагалось вдоль оси заготовки (2%). Стоит отметить 11 скребков,

лезвия которых располагались на дистальной части и вдоль оси заготовки (25%), 3 скребка, лезвия которых располагались на проксимальной части и вдоль оси заготовки (7%) (табл.1).

Было проанализировано расположение рабочего края относительно оси заготовки. Преобладает поперечное расположение – 25 экз. (57%), продольное – 2 экз. (5%). В коллекции также имеются скребки с двумя и тремя лезвиями, у которых одно лезвие поперечное, а другое продольное – 17 экз. (39%) (табл. 2).

	На определенной части заготовки				
	дистальной	проксимальной	вдоль оси заготовки	дистальной+ вдоль оси заготовки	проксимальной+ вдоль оси заготовки
Одинарные	21(48%)	5(12%)	1(2%)	–	–
Многолезвийные	1(2%)	1(2%)	–	11(25%)	3(7%)

Таблица 1. Расположение скребковых лезвий

	Относительно оси заготовки		
	поперечное	продольное	поперечное+ продольное
Одинарные	25(57%)	2(5%)	–
Многолезвийные	–	–	17(39%)

Таблица 2. Расположение скребковых лезвий

Преобладали концевые формы – 25 экз. (57%). Они, как правило, изготавливались на пластинчатых отщепах. Широко представлены также угловые скребки – 12 экз. (27%). Остальные скребки представлены единичными формами: концевые-боковые – 4 экз. (9%), боковые – 3 экз. (7%).

Разнообразие форм скребков, использование в их изготовлении пластинчатых отщепов является характерной чертой камской неолитической культуры (Бадер, 1970. с. 157-171).

	Тип ретуши			Характер ретуши			
	дорсальная	вентральная	дорсальная+вентральная	крутая	отвесная	крутая+отвесная	крутая+приостряющая
Одинарные	21(48%)	2(5%)	–	25(57%)	5(12%)	–	–
Многолезвийные	19(42%)	–	2(5%)	–	–	13(30%)	1(2%)

Таблица 3. Характеристика скребковых лезвий

Большая часть скребковых лезвий имеет выпуклую форму – 31 экз. (70%), у двух скребков лезвия вогнутой формы (5%), 4 скребка имеют лезвия прямой формы (9%). Также в коллекции имеются скребки с двумя и тремя лезвиями, у которых одно лезвие прямое, а

другое выпуклое – 7 экз. (16%).

Практически все скребковые лезвия оформлены дорсальной ретушью – 40 экз. (90%), вентральной – 2 экз. (5%). Также встречаются скребки, лезвия которых оформлены дорсальной и вентральной ретушью – 2 экз. (5%). Измерение угла нанесения ретуши показало, что преобладала крутая ретушь – 25 экз. (57%), отвесная – 5 экз. (12%). В коллекции имеются скребки, лезвия которых оформлены отвесной и крутой ретушью – 13 экз. (30%). Единичный экземпляр, лезвия которого оформлены крутой и приострающей ретушью (2%) (табл.3).

Проведенный типологический анализ скребков из неолитической Хуторской стоянки показал, что преобладают скребки, изготовленные на отщепе, с одним лезвием, расположенным на дистальной части, лезвия которых оформлены дорсальной ретушью. Большая часть скребковых лезвий имеет выпуклую форму. Материал изготовления скребков весьма разнообразен. Преобладало поперечное расположение рабочего края относительно оси заготовки. Основываясь на расположении скребкового лезвия, преобладали концевые типы скребков.

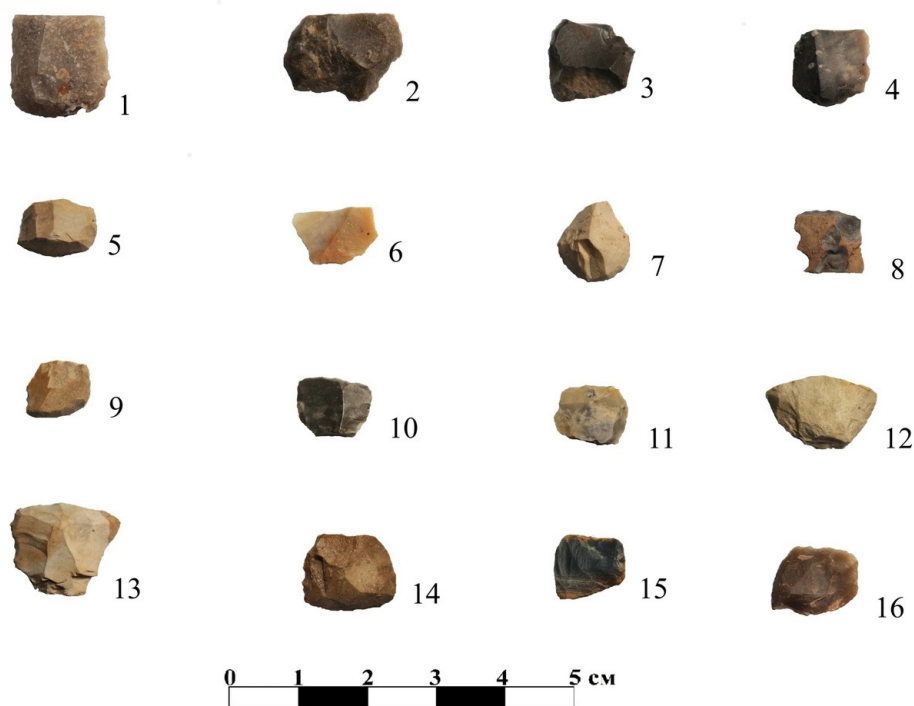

Рис. 1. Скребки Хуторской стоянки. Раскопки 2006, 2008 гг.

Для проведения сравнительного анализа нами были рассмотрены материалы поселения Чашкинское озеро Ша, опубликованные ранее (Никулина, 2023, с. 11-21). Мы можем отнести к отличиям то, что в коллекции Чашкинское озеро Ша для изготовления скребков использовали кремль, преобладали концевые-боковые виды скребков, а на Хуторской стоянке – для изготовления скребков использовали не только кремль, преобладали скребки концевой формы. Возможно, отличия в формах скребков и использованном материале связаны с тем, что Хуторская стоянка является «чистым» памятником камской культуры, а на стоянке Чашкинское Озеро Ша выделена еще и волго-камская культура.

Для характеристики скребков камской культуры Пермского Предуралья нами был

проведен сравнительный анализ с памятниками соседних регионов. Была проанализирована типология скребков неолитической стоянки Калмыковка I средневожской культуры. (Андреев и др., 2015, с. 212-218).

Сравнительный анализ скребков этих двух памятников показал – материалом заготовки на стоянке Калмыковка I служил кремьнь различных оттенков, тогда как на Хуторской стоянке использовали не только кремьнь. В качестве заготовки на обоих памятниках использовали отщеп и скол. Также можно выделить разнообразие форм скребков на памятниках.

Также мы выявили характерные черты скребков Хуторской стоянки. На памятнике преобладали скребки, изготовленные из кремня, лезвия, которых располагались на дистальной части заготовки. Скребки в основном имели одно лезвие, оформленное крутой ретушью. В основном скребки изготавливались на отщепах. Особенностью можно считать широкое использование пластин для изготовления орудий.

Библиографический список

1. Андреев К. М., Выборнов А. А., Васильева И. Н. Неолитический комплекс стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Вып. 3. С. 212-218.
2. Бадер. О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М. С. 157-171.
3. Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н. Возможности комплексного анализа каменного инвентаря (на примере раскопа VI стоянки Хуторская) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1. С. 4-10.
4. Никулина К. В. Характеристика скребков поселения Чашкинское озеро Ша // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. 2023. №19. С. 11-21.

УДК 902.01

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ СОКОЛЬНЫЙ XVII (РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ)¹

© *Пантелева Татьяна Юрьевна, Хищенко Софья Сергеевна*

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и археологии
СГСПУ Андреев Константин Михайлович*

Аннотация. В предлагаемой к вниманию статье представляется характеристика раннеолитического керамического комплекса стоянки Сокольный XVII (материалы раскопа 2022 года). Осуществлено сопоставление новейших материалов с коллекцией памятника из раскопок 2020 года. Проведен сравнительный анализ с опорными стоянками

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–78–10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья»

Марийского Поволжья. Осуществлена культурно-хронологическая атрибуция памятника в системе неолитических древностей лесного Среднего Поволжья.

Ключевые слова: Марийское Поволжье, ранний неолит, накольчатая керамика, неорнаментированная керамика, сравнительный анализ.

Стоянка Сокольный XVII открыта в 1985 году в ходе проведения разведочных работ отрядом Марийской археологической экспедиции (руководитель В. В. Никитин). На момент обнаружения памятник располагался в 2150 м к западу-юго-западу от деревни Сокольный, и в 350 м к востоку от пионерского лагеря «Звездочка» на краю песчаной дюны (высотой 10-12 м) левого берега старицы реки Волга. С запада и севера площадка ограничена песчаным всхолмлением высотой 2 м (Никитин, 2009, с. 416).

В 2022 году археологической экспедицией СГСПУ была исследована стоянка раннего неолита – Сокольный XVII. Вскрытая площадь составила 56 кв.м.

Стратиграфия памятника достаточно проста и не нарушена позднейшими перекопами. Она представлена следующими напластованиями: дерн (черный/темно-серый песок с углистыми включениями) – до 12 см, ниже подзол (белесый песок) – от 12 до 25 см, далее верх культурного слоя – темно-желтый (бурый) песок – от 25 до 45 см, после низ культурного слоя – желтый песок – от 45 до 60 см и ниже 60 см – материк – светло-желтый песок с железистыми разводами.

Керамический комплекс стоянки Сокольный XVII (раскоп 2022 года) представлен 506 единицами. Стоит отметить, что большинство керамики на стоянке относится к неолитическому периоду. Еще около десятка фрагментов относятся к сосудам украшенным гребенчато-ямочным и гребенчатым орнаментом. Реконструируются 2 раннеолитических развала. По верхним частям, донцам, особенностям орнаментации выделяются 52 сосуда (Кудашов А. С., Андреев К. М., Выборнов А. А., 2023, с. 11-12).

Группа накольчатой керамики представлена 339 фрагментами от 35 сосудов. Стенки, венчики и донца имеют залощенные внешние и заглаженные внутренние поверхности, в среднем толщина фрагментов – 0,6-0,9 см. Венчики прямые с плоским (10), округлым (4), приостренным (1) срезом, еще 2 венчика отогнуты наружу. На 10 венчиках присутствует ряд сквозных отверстий. Донца плоские и плосковогнутые. На большую часть посуды данной группы нанесен отступающий и разреженный накол треугольной формы (23 сосуда), в меньшем количестве представлены вдавления овальной (4 сосуда) и подпрямоугольной формы (6 сосудов) в отступающей манере. Еще 2 сосуда украшены насечками.

Мотивы орнамента разнообразны и достаточно сложны: 1) горизонтальные линии наколов; 2) диагональные ряды наколов под которыми располагаются горизонтальные линии; 3) горизонтальные линии пересекающие диагональные ряды; 4) короткие диагонально ориентированные линии наколов образующие горизонтальные ряды; 5) горизонтальные линии разделенные горизонтальным зигзагом; 6) ряды вертикальных зигзагов с отходящими короткими линиями; 7) диагонально ориентированные линии образующие диагональные ряды, к которым подходят вертикальные ряды; 8) диагональные и вертикальные ряды разделенные горизонтальным зигзагом; 9) диагональные ряды под которыми располагаются горизонтальные линии; 10) горизонтальный зигзаг; 11) диагональные и вертикальные ряды, разделенными горизонтальным зигзагом.

Группа неорнаментированной посуды раннего неолита насчитывает 138 фрагментов стенок (в том числе мелких – менее 2х2 см), 6 венчиков и 8 донцев. Толщина стенок – 0,6-0,8 см. Внешняя поверхность керамики подлощена, внутренняя – заглажена. Венчики прямые с округлым, плоским или приостренным срезом, два имеют ряд сквозных отверстий. Донца –

плоские и плосковогнутые.

Стоит отметить, что полученные материалы хорошо согласуются с комплексом стоянки, изученным в 2020 году. Обнаруживается сходство по следующим параметрам: срезы венчиков плоские, округлые и скошенные внутрь; донца плоские или плосковогнутые; орнамент выполнен овальными, округлыми, подтреугольными реже подквадратными наколами; преобладает отступающая манера нанесения орнамента (Пантелеева, 2022). Отличительной чертой является преобладание сложных орнаментальных мотивов на раскопе 2022 года.

Сравнительное сопоставление стоянки Сокольный XVII (раскоп 2022 г.) с памятниками Дубовская III, VIII, Сутырская V показало следующие результаты. Форма сосудов на данных памятниках в основном горшковидная, дно плоское или плосковогнутое, преобладают плоские срезы венчиков, прямые и прикрытые горловины с вдавлениями или сквозными отверстиями под устьем. Форма наколов в основном треугольная и округлая, реже подквадратная. Близкими являются обработка поверхностей и примеси в тесте (Никитин, 2011). В то же время на стоянке Сокольный XVII в большинстве случаев орнамент нанесен в отступающей манере. Таким образом, керамический комплекс стоянки Сокольный XVII по большинству морфологических и типологических признаков соответствуют марийскому неолиту, опорными памятниками для которого являются Дубовская III, Отарская VI и другие стоянки.

Библиографический список

1. Кудашов А. С., Андреев К. М., Выборнов А. А. Исследования нового памятника раннего неолита Марийского Поволжья Сокольный XVII в 2022 году // Археологические открытия Самарской области 2022 года. Самара: Изд-во СОИКМ им. П. В. Алабина, 2023. С. 11-12.
2. Никитин В. В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 416 с.
3. Никитин В. В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.
4. Пантелеева Т. Ю. Стоянка Сокольный XVII новый памятник раннего неолита Марийского Поволжья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 12. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2022. С. 45-48.

УДК 902/904

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ НАКОЛАМИ СТОЯНКИ ЛУЖКИ II В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТОГО И ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

© *Свинтецкая Виктория Игоревна*

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

*Научный руководитель к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и археологии
Андреев Константин Михайлович*

Аннотация. В статье представлена характеристика посуды средневожской культуры стоянки Лужки II орнаментированной наколами, которая была получена в ходе раскопок 2020-2022 годов. Проводится сравнительный анализ обозначенных материалов с комплексами стоянок, изученных ранее, выявляются общие и отличительные черты. Установлено, что коллекция керамики памятника является весьма выразительной и находит определенные аналогии в материалах стоянок средневожской культуры Самарского Поволжья, таких как Лебяжинка IV, Лебяжинка I, Ивановская, Виловатовская, Ильинка.

Ключевые слова: неолит, лесостепное Поволжье, средневожская культура, керамика, накольчатый орнамент.

Стоянка Лужки II была выявлена в 2019 году Сомовым А. В. и Андреевым К. М. (Сомов, Андреев, Рослякова, 2022). Памятник расположен в 400 м к юго-западу от села Лужки Красноярского района Самарской области. Находится в левобережной пойме реки Сок, близ заболоченного старичного озера. В 2020-2022 годах экспедицией СГСПУ под руководством Андреева К. М. и Сомова А. В., при непосредственном участии автора была изучена площадь 320 кв.м. Стратиграфия относительно простая и представлена одним культурным слоем.

В ходе исследования стоянки за три полевых сезона было выявлено около 4640 артефактов, из которых 867 представлены изделиями из камня, а остальные фрагментами керамики средневожской культуры. Коллекция посуды эпохи неолита насчитывает 419 сосудов, из них 124 сосуда (более 540 крупных фрагментов) орнаментированы наколами. Важно подчеркнуть, что комплекс является гомогенным, в ходе раскопок обнаружены всего пара десятков мелких фрагментов керамики, которые могут быть отнесены к эпохам средневековья и бронзы. В рамках данной работы будет проведен сравнительный анализ с материалами памятников Ивановская (Моргунова, 1988), Ильинка (Мамонов, 1988), Виловатовская (Васильев и др., 1980), Лебяжинка I (Барынкин, Козин, 1995), Лебяжинка IV (Выборнов и др., 2007) и Калмыковка I (Андреев, Выборнов Васильева, 2018).

Толщина фрагментов на изученном памятнике в основном составляет 0,6-0,9 см, но также фиксируются и толстостенные сосуды, что является характерной особенностью керамики средневожской культуры. Доминирующей примесью при изготовлении посуды был песок, аналогичная картина наблюдается на стоянке Калмыковка I, при этом на ней также высок процент черепков, содержащих в качестве примесей шамот. При этом остальная часть фрагментов нашего памятника не содержит визуально определимых примесей, что характерно для материалов стоянки Лебяжинка IV.

На стоянках Лебяжинка IV, Ильинка и Лужки II выявлено пять приемов оформления торца сосудов: округлый, плоский, заостренный, скошенный наружу и скошенный вовнутрь. При этом на всех рассмотренных нами памятниках доминирует традиция округлого оформления среза венчика. Шейка сосудов на стоянке Лужки II в основном прямая, но также фиксируются единичные сосуды с открытой и закрытой горловиной. Аналогичную форму верхней части имеет большинство горшков на рассмотренных нами памятниках. При этом под срезом венчика устойчиво фиксируется традиция нанесения ямочно-жемчужного пояса, на стоянке Лужки II в 100% случаев представлены ямки.

На анализируемом памятнике было обнаружено два типа донцев – плоские и плосковогнутые. Близкие формы встречаются на Лебяжинке IV и Виловатовской. При этом на Ивановской стоянке выявлены единичные округлые экземпляры. Для посуды средневожской культуры характерны в основном донца, лишенные орнамента или украшенные простыми радиальными мотивами (не заполненные или заштрихованные круги).

Большинство сосудов стоянки Лужки II украшенные в отступающей манере, однако на Лебяжинке I, Калмыкове I и Ильинке можно наблюдать обратную картину, преобладают фрагменты, орнаментированные в разреженной манере. В основном представлены вдавления треугольной формы, в меньшем количестве фиксируются округлые и прямоугольные, единичны полулунные. Аналогичная ситуация фиксируется на Лебяжинке I, Ивановской и Виловатовской стоянках. Узоры и мотивы орнамента представлены в основном горизонтальными и диагональными длинными линиями, также прослежены более сложные: горизонтальные линии с отходящими короткими диагональными, косая решетка, треугольники, горизонтальные зигзаги и прочие. В целом можно констатировать относительно большую сложность композиций орнамента на стоянках Ивановская, Виловатовская и Лужки II, по сравнению с другими.

Таким образом, комплекс керамики орнаментированной наколами стоянки Лужки II находит значительное количество аналогий в материалах ранее исследованных памятников средневожской культуры. Близость проявляется как на самом общем уровне (толщина фрагментов, примеси), так и на уровне формообразования сосудов, оформлении верхних и придонных частей, элементов и мотивов орнамента. Однако для нашего памятника характерен и ряд особенностей, которые, вероятно, обусловлены хронологической позицией комплекса в системе неолитических древностей региона.

Библиографический список

1. Андреев К. М., Выборнов А. А., Васильева И. Н. Стоянка Калмыковка I – новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: Изд-во Триада, 2018. С. 143-160.
2. Барынкин П. П., Козин Е. В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения неолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: Изд-во СГПУ, 1995. С. 136-164.
3. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г. Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1980. С. 151-189.
4. Выборнов А. А., Мамонов А. Е., Королев А. И., Овчинникова Н. В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара: Изд-во СГПУ, 2007. С. 107-155.
5. Мамонов А. Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР.

Ижевск: Изд-во Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 92-105.

6. Моргунова Н. Л. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. С. 106-122.

7. Сомов А. В., Андреев К. М., Рослякова Н. В. Неолитическая стоянка Лужки II в лесостепном Поволжье (первые результаты исследования) // Самарский научный вестник. 2022. Том 11. №4. С. 166-182.

УДК 902'01

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ОРЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИЧЕСКОГО ИНВЕНТАРЯ

© Сурина Евгения Олеговна

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

Научный руководитель – д.и.н., профессор А. А. Выборнов

Аннотация. В работе приведен анализ керамического инвентаря по материалам стоянки Алгай за 2014-2023 гг. По технико-типологическим признакам сосуда относятся к орловской культуре. Прослеживаются изменения в орнаментальных композициях от раннего к позднему этапам развития.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, периодизация, неолит, орловская культура, керамика, орнамент, композиция.

Неолитизация, как процесс – это появление новых методов обработки каменного инвентаря: шлифование, сверление и т. д., но также и гончарного производства. В 2014 г. возобновилось исследование стоянки Орошаемое и нового памятника Алгай на территории степного Поволжья. Они расположены в Александрово-Гайском районе Саратовской области (Барацков и др., 2020; Дога и др., 2017; Юдин и др., 2016). Актуальность исследования гончарного производства на данной территории обусловлено тем, что в этом регионе выделяется один из древнейших очагов формирования и распространения керамических традиций в неолите.

Для орловской культуры характерны плоскодонные сосуды, представленные прямостенными банками и слабопрофилированными горшками. Керамика изготавливалась из глин, илистых глин или из ила с примесью дробленой раковины. Венчики в основном прямые или округлые. Их срезы прямые, округлые, приостренные. Отличительной чертой керамики позднего периода является наличие наплыва на внутренней стороне венчика, часто с орнаментом. Узоры наносились треугольными и овальными наколами в отступающей манере, прямыми прочерками.

На раннем этапе орловской культуры эпохи неолита распространенной композицией является зигзагообразные ряды отступающего накола. Прочерченная техника встречается в композициях горизонтальных рядов, и сочетанием их с вертикальными. Зигзагообразные

горизонтальные ряды, которые встречаются и самостоятельной композицией и в сочетании с горизонтальными рядами отступающего накола, иногда дополненной насечками; представлены и в виде ромбов, внутри которых разреженные треугольные наколы. Насечки встречаются индивидуально, как и ямочные вдавления, но узор представлен горизонтальными и вертикальными линиями. Геометрические фигуры изображены треугольниками с горизонтальными рядами отступающего накола; горизонтальными рядами в сочетании с двойным зигзагом и наколами в виде прямоугольника, внутри которого одиночные наколы. На этом же этапе наблюдается и меандр.

Для следующего этапа орловской культуры, соотносимого со слоем 2Б Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2004), характерно сохранение горизонтальных рядов прочерков. Геометрические композиции сохраняются, но немного видоизменяются: появляется орнамент, представленный разреженными треугольными наколами в виде прямоугольника, внутри которого овальные отступающие наколы; вертикальными прямоугольниками с двойным зигзагом; а также наколами в виде ромба и горизонтального зигзага. Ромб образуется и при узоре двойного зигзага, внутри которого одиночные наколы («глазки»). Появляются и такие композиции, как «косая решетка»; зигзагообразные ряды и их сочетание с наклонными рядами, зигзаг горизонтальных и вертикальных прочерков, но сохраняются – с горизонтальными линиями накола.

Доминирующее положение составляют горизонтальные ряды с зигзагом и сочетание вертикальных с горизонтальными линиями отступающего накола.

В пластах, относимых к слою 2А Варфоломеевской стоянки, можно проследить горизонтальные и вертикальные ряды прочерков, которые составляют самостоятельные композиции. Но они выступают и в качестве дополнения к зигзагообразным линиям отступающего накола с вертикальными рядами прочерков. Основным способом нанесения орнамента остается накольчатая техника. Распространенными композициями являются зигзагообразные ряды наколов; горизонтальные ряды разных отступающих наколов, и их сочетание с наклонными линиями. К остальным можно отнести сочетание горизонтальных рядов отступающего накола с зигзагообразными линиями в виде ромбов, с одиночными наколами; геометрические фигуры в виде прямоугольников, внутри которых находятся горизонтальные ряды отступающего накола; «косую решетку».

На позднем этапе орловской культуры эпохи неолита встречаются такие простые композиции, как ряды ямочных вдавлений, разреженные овальные наколы, горизонтальные и наклонные ряды отступающего накола, зигзагообразные ряды отступающего накола. Из сложных можно выделить: сочетание одиночных треугольных наколов с зигзагообразными рядами овального отступающего накола; горизонтальных рядов отступающего накола с наклонными, а также с вертикальными линиями прочерченных линий; меандровый орнамент и «косая решетка» с горизонтальными рядами овального отступающего накола. Исчезает геометрический орнамент и самостоятельные композиции с прочерченными линиями.

На всех этапах орловской культуры стоянки Алгай можно отметить доминирование накольчатой техники нанесения орнамента над прочерченной.

Всего на стоянке Алгай встречено 8 сосудов с наплывом на внутренней стороне венчика. Самый ранний венчик с плохо выраженным наплывом найден в 2022 году в пласте 30 (предположительно слой 2Б) (Гилязов и др. 2023. с. 122). Он украшен горизонтальными линиями подтреугольных наколов и зигзагообразными линиями подпрямоугольного отступающего накола, с насечками по срезу, внутренняя поверхность орнаментирована тремя диагональными рядами треугольного отступающего накола и ногтевидными насечками. Поздний сосуд обнаружен в 2017 году в пласте 18, который соотносится со

слоем 2А Варфоломеевской стоянки (Выборнов и др., 2018). Венчик орнаментирован горизонтальными рядами треугольного отступающего накола в сочетании с наклонными линиями такого же накола, с внутренней стороны одним горизонтальным и наклонными рядами тех же наколов. Все остальные относятся к более раннему периоду орловской культуры и, следует отметить, что только один из них не имеет орнамента на внутренней стороне. Примечательно, что на Варфоломеевской стоянке в слое 2Б венчики с напыльями на внутренней стороне встречаются не более 7%, а в 2А – не более 20% (Юдин, 2004, с. 30, 40).

Таким образом, можно сделать вывод о развитии орнаментальных композиций в керамике. Сложные узоры в виде геометрического орнамента и сочетание зигзагообразных линий с различными мотивами встречаются на ранних и развитых этапах культуры. По орнаментальным композициям самой выразительной является посуда, соотносимая со слоями 2А и 2Б Варфоломеевской стоянки. Использование накольчатой техники нанесения узора, как доминирующей прослеживается на протяжении всего времени существования культуры.

Библиографический список

1. Барацков А. В., Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Попов А. С., Рослякова Н. В., Юдин А. И. Итоги исследования стоянок Алгай и Орошаемое в Нижнем Поволжье (2017-2019 год) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т.1. 2020. С. 120-121.
2. Выборнов А. А., Юдин А. И., Барацков А. В., Дога Н. С., Попов А. С., Курбатова Л. А., Гилязов Ф. Ф. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2017-2018 годах // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.16. Саратов, 2018. С. 3-77.
3. Гилязов Ф. Ф., Василенко А. А., Сурина Е. О. Результаты изучения стоянки Алгай в Нижнем Поволжье в 2022 году // Самарский научный вестник. 2023. Т.12. №2. С. 119-126.
4. Дога Н. С., Выборнов А. А., Юдин А. И., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Попов А. С. Итоги изучения поселения неолита – энеолита Орошаемое в Нижнем Поволжье // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. 2017. С. 323-324.
5. Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ. 2004. 200 с.
6. Юдин А. И., Выборнов А. А., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А. В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2016. №3(16). С. 61-68.

УДК 904

КЕРАМИКА САМАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕБЯЖИНКА¹

© Трофимов Антон Геннадьевич

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

*Научный руководитель – к.и.н, доцент кафедры отечественной истории и археологии
СГСПУ Королев Аркадий Иванович*

Аннотация. В данной работе представлены материалы коллекции воротничковой керамики с поселения Лебяжинка VI.

Ключевые слова: энеолит, лесостепное Поволжье, самарская культура, воротничковая керамика.

Поселение Лебяжинка VI было обнаружено в ходе разведок А. И. Королева в 2009 году. Оно располагается в 3 км к ССВ от хутора Лебяжинка. С 2013 года идет планомерное исследование памятника под руководством А. И. Королева и А. А. Шалопинина (Королев, Шалопинин, 2017, с. 71). В результате исследования памятника была получена коллекция воротничковой керамики, которая исследователями была выделена в три типологические группы. Следует отметить, что памятник не однослойный, и воротничковая керамика залегала в большей части на периферии жилищного котлована №1, выявленного на поселении и связанного с носителями керамики с «внутренним ребром».

В результате раскопок за 2013-2017, 2021-2022 было получены фрагменты предположительно от 53 сосудов с воротничковой керамикой.

Авторами раскопок было выделено три группы керамики, связанные с воротничковыми материалами. Это третья группа, четвертая и пятая.

К третьей группе относились материалы с примесью раковины, птичьего пуха и шамота (33 сосуда). Керамика была серовато-коричневого или оранжевого оттенка, внешняя и внутренняя поверхность были заглажены, однако из-за специфики изготовления керамики орнамент часто был затерт и потому не во всех случаях можно было его определить. Толщина стенок, колебалась от 0,8 до 1,5 см. Венчики были прямыми или незначительно отогнутыми. На некоторых из них имелось воротничковое утолщение прямоугольного или подпрямоугольного сечения, встречалось также округлое. Присутствовали венчики и без утолщения, они были отнесены к данной группе керамики по технико-типологическим признакам. Орнамент был выполнен гребенчатым или веревочным штампом. Наиболее распространенным мотивом орнамента были вертикальные ряды и полосы штампа или шагающей веревки. Встречались также горизонтальные и вертикальные зигзаги. В 2014 году в результате исследования памятника был обнаружен небольшой развал данной группы, залегающий в кв. 19 в плотной супеси серого цвета. Сосуд был горшковидной формы, с отогнутым наружу венчиком. Орнаментирован горизонтальными полосами «шагающей гребенки» по внешней стороне и оттисками короткого штампа. В тесте присутствовала примесь раковины и птичьего пуха.

К четвертой группе керамики была отнесена посуда близкая посуде второго этапа

¹ Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда (проект №23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья»

самарской культуры. К ней отнесены фрагменты предположительно от 8 сосудов. Данная группа керамики была серого цвета, внешняя и внутренняя поверхность была заглажена. В примеси фиксировалась раковина и шамот. Толщина стенок колебалась от 0,5 до 1,1 см, в среднем была 0,7. Венчики были отогнутыми, на них присутствовало воротничковое утолщение треугольной или «подтреугольной» формы. Орнамент был выполнен гребенчатым штампом, распространены были горизонтальные ряды штампа под венчиком и наклонные ряды вертикальных линий на нем, и по срезу венчика. Керамика данной группы пока малочислена и неравномерно залегала по всему раскопу. В 2022 году венчик данной группы посуды, покрытый охрой, был обнаружен в заполнении котлована №5.

К керамике пятой группы (12 сосудов) отнесена группа сосудов, совмещающая в себе черты как самарской, так и хвалынской культур. Керамика серого цвета, внешняя и внутренняя поверхность была заглажена. В глиняном тесте встречалась раковина и шамот. Толщина стенок колебалась от 0,6 до 1,2 см, в среднем была 0,8. Внешняя и внутренняя поверхность была заглажена. Венчики были отогнутыми, встречалась воротничковое утолщение овальной, округлой, подтреугольной, треугольной форм. Встречались венчики без воротничкового оформления с отогнутым воротничком. Орнамент наносился гребенчатым штампом и плетеными фактурами, мотивы орнамента близки сосудам четвертой группы. Развалов обнаружено не было.

Таким образом на поселении Лебяжинка VI встречаются три группы керамики, имеющие воротничковое оформление венчика и находящие аналогии в материалах самарской культуры. Третья группа керамики близка материалам поселения Лебяжинка III и Гундоровка, сосуду со стоянки Лебяжинка IV. Данную группу посуды Н.В. Овчинникова и Н.Л. Моргунова, относят к первому этапу самарской культуры, А.И. Королев предлагает выделить в особый тип «лебяжинка III» (Королев, 2012, с. 42).

Керамика четвертой группы близка материалам ивановской стоянки, исследованной Н.Л. Моргуновой на Ивановском (Моргунова, 1980, с. 112) и Турганинском поселении (Моргунова, Васильева, Кулькова и др., 2017), а также материалам второго этапа самарской культуры, обнаруженной на стоянках на р. Сок: Лебяжинка I, Лебяжинка IV, Чесноковской, II Больше-Раковской.

Керамика пятой группы находит аналогии в материалах ивановско-хвалынской культуры выделенной Н. Л. Моргуновой и встречающейся на таких памятниках как Турганинское поселение (Моргунова, Васильева, Кулькова и др., 2017), Лебяжинка I и Лебяжинка IV. Данная группа керамики близка четвертой группе и не всегда удается отделить одну от другой, отличия фиксируются, в большинстве своем, в форме воротничкового оформления (преобладание округлой формы) и наличие плетенных фактур.

Исследование памятника продолжается, возможно, что котлован, обнаруженный в 2022 году, будет связан с керамикой четвертой группы.

Библиографический список

1. Королев А. И. К вопросу о месте материалов поселения Лебяжинка III в энеолите Средней Волги // Проблемы истории, археологии, образования. Самара, 2012. С. 31-42.
2. Королев А. И., Шалапинин А. А. Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в лесостепном Поволжье // Поволжская археология. 2017. №1 (19). С. 71-92.
3. Моргунова Н. Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Проблемы энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: материалы науч. конф. Оренбург, 1980. С. 104-123.
4. Моргунова Н. Л., Васильева И. Н., Кулькова М. А. и др. Турганинское поселение в

Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГАУ, 2017. 300 с.

5. Овчинникова Н. В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Сборник научных трудов. Самара, 1995. С. 164-191.

УДК 902/903

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ ТАСКУДУК ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2023 ГОДА

© Фролов Игорь Константинович

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

Научный руководитель – д.и.н., профессор Выборнов Александр Алексеевич

Аннотация. В работе представлены итоги анализа каменного инвентаря поздненеолитической стоянки Таскудук в Северном Прикаспии по результатам раскопок 2023 года. Были обнаружены каменные орудия: тесло, скребки, ножи, остря, геометрические микролиты и комбинированные изделия. Аналогии встречены в комплексах Тентексор I, Жекалган I, Приозерная, Каиршак III, Джангар, Ракушечный Яр и Варфоломеевская стоянка.

Ключевые слова: Северный Прикаспий, неолит, тентексорский тип, каменный инвентарь, скребки, остря, геометрические микролиты.

Северный Прикаспий представляет интерес для исследователей, поскольку неолит данной территории оказал влияние на развитие соседних регионов (Васильева, Выборнов, 2016, с. 113). Из-за специфических условий среды в данной местности представлено небольшое число памятников с сохранившимся *in situ* культурным слоем, поэтому обнаруженная в 2021 году неолитическая стоянка Таскудук имеет большое значение в изучении новокаменного века региона. В свою очередь, каменный инвентарь играет роль для определения культур неолита не меньшую, чем керамика (Выборнов, Гилязов, 2023, с. 252). Данная работа посвящена исследованию коллекции из камня, полученной в результате раскопок 2023 года.

Памятник обнаружили в 2021 г., первые раскопки провели в 2022 г. Находится стоянка в 14 км к северо-востоку от с. Хошеутово Хараблинского района Астраханской области (Дога и др., 2023). Площадь раскопа 2023 года составила 32 кв.м. Мощность культурного слоя достигала 30 см. Он залегал не по всей площади раскопа, а концентрировался в юго-западной его части. Значительное число находок сосредоточено во 2 пласте.

Всего изделий было обнаружено 104 шт. Все из кремня, за исключением 4 экз. из гальки: 2 неопределенных обломка, задняя часть деревообрабатывающего орудия и целый камень со стертой поверхностью – возможно использовался для шлифовки. На памятнике обнаружено несколько видов сырья для производства каменных орудий: светло-серый, серый, темно-серый, чёрно-прозрачный. На некоторых орудиях видно смешение серых

оттенков, что может свидетельствовать об одновременности происхождения кремня. Аналогичный чёрно-прозрачный кремень был обнаружен на поздненеолитической стоянке Же-калган I тентексорского типа (Козин, 1989), что также свидетельствует о том, что вся каменная коллекция стоянки Таскудук относится к позднему неолиту.

Сколы (14 экз.), осколки (13 экз.) и нуклеус указывают на то, что каменные орудия делали на месте. Также были обнаружены отщепы – 8 экз.; ретушированные – 4 экз. и скол с ретушью. Ножевидные пластины представлены 9 экз., из них верхних частей – 4, нижних – 1, центральных – 2. Из них 5 имеют ретушь. Ширина варьируется от 0,9 до 1,9 см. Нерегулярных пластин насчитывается 7 экз., некоторые из них ретушированы. Пластинчатых отщепов найдено 2 экз.

Самым распространенным орудием являются скребки. Всего их насчитывается 19 шт. Скребки были сделаны на: отщепах – 10 экз., 2 из них с коркой; первичных сколах – 3 экз.; вторичных – 5 экз.; пластине – 1. Больше всего представлены концевые скребки, 9 экз. Конце-боковой, стрелчатый, округлый и ногтевидный скребки представлены по 2 экз., а подокруглый и с мордочкой – по 1 экз. Также есть обломок скребка, форма которого не определима. Один экземпляр, обломок орудия, нуждающийся в трасологическом анализе, может быть ретушером.

Большинство скребков сделано на массивных заготовках, поэтому на их фоне выделяются маленькие ногтевидные и округлые скребки. На стоянке Тентексор такой скребок встречен лишь в единственном экземпляре (Васильев и др., 1986). На памятнике Каиршак III похожих скребков встречено больше (Васильев и др., 1989). На стоянке Джангар в верхнем слое ногтевидные и круглые скребки представлены 54 экз. и 32 экз. соответственно (Кольцов, 2005, с. 86-87). Поэтому на данном памятнике прослеживается либо культурная взаимосвязь, либо делали такие маленькие скребки из-за нехватки сырья.

Острия представлены 8 экз. – 7 симметричных, 1 скошенное. Больше всего сделано на пластине – 6 экз. По одному фрагменту на отщепе и на первичном сколе. Последний можно выделить, так как корка полностью покрывает спинку изделия, а маленькая ретушь нанесена по краям на кремне, само изделие тонкое, возможно – это наконечник. Аналогии на скошенные острия наблюдаются на памятниках Каиршак III (Васильев и др., 1989, с. 38), Приозерная (Фролов, 2023), Джангар (Кольцов, 2005, с. 94) Варфоломеевская стоянка (Юдин, 2004, с. 82).

Также найдены 2 массивных комбинированных орудия. На одном конце острие, на другом – скребок. Подобное изделие обнаружено на стоянке Тентексор I (Васильев и др., 1986, с. 21).

Геометрические микролиты представлены 3 трапециями со струганной спинкой и 1 – с ретушью по брюшку. Аналогии встречаются на стоянках Тентексор I и Же-калган I, причем с последним обнаруживается большая близость: спинка состругана сильнее, поэтому толщина меньше, чем на тентексорских изделиях. Схожие трапеции со струганной спинкой были обнаружены в поздненеолитических слоях стоянках Джангар (Кольцов, 2005, с. 93) и на Варфоломеевской стоянке (Юдин, 2004, с. 79). Также данные орудия встречаются на памятнике Ракушечный Яр (Белановская, 1995, с. 73).

Ножи, 2 экз., сделаны на пластинчатом отщепе и пластинчатом сколе, оба имеют корку. Подобные орудия есть на стоянке Каиршак III.

Большой интерес представляет тесло трапециевидной формы из серого кремня шириной 3,3 см и длиной 4,3 см. Похожее есть в слое 2А Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2004, с. 80), в верхнем слое поселения Джангар (Кольцов, 2005, с. 90), а также на Ракушечном Яре (Белановская, 1995, с. 59).

На изучаемом памятнике представлено множество орудий труда на первичных сколах с коркой – это может свидетельствовать о том, что население испытывало недостаток в сырье.

В целом, каменный инвентарь стоянки Таскудук соответствует тентексорскому типу. Данный памятник расширяет наше представления о позднем неолите Северного Прикаспия. Кроме того, анализ каменной коллекции 2023 г. демонстрирует связи с ранним этапом каиршакско-тентексорской культуры данного региона и с сопредельными территориями.

Библиографический список

1. Белановская Т. Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. 200 с.
2. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18-45.
3. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 6-31.
4. Васильева И. Н., Выборнов А. А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. 2016. №3(17). С. 104-123.
5. Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф. Каменные индустрии неолита полупустынной зоны как культурные индикаторы // Археология Евразийских степей. 2023. №1. С. 252-262.
6. Дога Н. С., Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф. и др. Новый памятник неолита в Северном Прикаспии // Поволжская археология. 2023. № 3(45). С. 25-37.
7. Козин Е. В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия // Проблемы археологического изучения Доно-волжской лесостепи. Воронеж: ВГПИ, 1989. С. 9-14.
8. Кольцов П. М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М: Изд-во ГЖО «Воскресенье», 2005. 352 с.
9. Фролов, И. К. Неолитическая стоянка Приозерная в Астраханской области // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1-3 февраля 2023 г.): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 27-28.
10. Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.

УДК 902.2

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДКИ НА ПАМЯТНИКАХ КУРЕВАНИХА XII И КУРЕВАНИХА XVIII В 2023 Г. В УСТЮЖЕНСКОМ РАЙОНЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© Хилько Виктория Сергеевна

Череповецкий государственный университет, г. Череповец

Научный руководитель – м.н.с., ст. преподаватель Лукинцева Валерия Алексеевна

Аннотация. Статья посвящена результатам научно-исследовательских работ по координированию границ памятников Куреваниха XII и Куреваниха XVIII Устюженского района Вологодской области, которые были проведены в 2023 г. В публикации также изложены сведения об уточнении датировки памятников на основании новых находок и о степени сохранности объектов.

Ключевые слова: Куреваниха XII, Куреваниха XVIII, бассейн реки Мологи, координация границ, эпоха раннего металла, ранний железный век

Памятники Куреваниха XII (поселение) и Куреваниха XVIII (стоянка) расположены в бассейне р. Мологи, на ее первой надпойменной террасе; открыты А. Н. Башенькиным в 1988 г. и в 1989 г., соответственно. В 1996 г. исследователем был заложен шурф 4x4 м на памятнике Куреваниха XII. В 1995 г. Н. В. Косоруковой было заложено 3 шурфа 2x2 м на стоянке Куреваниха XVIII.

В 2023 г. археологическая разведка осуществлялась с целью уточнения границ памятников, мониторинга их состояния и планирования мероприятий по обеспечению их сохранности.

Перед раскопками на обоих памятниках было осуществлено обследование территории пешими маршрутами и фотофиксация, отмечены особенности рельефа и топографии местности. Определение границ проводилось посредством шурфовки, все шурфы имели размеры 1x1 м., слои исследовались пластами по 10-15 см.

Четко установить место расположения шурфа №1 А. Н. Башенькина 1996 г. на памятнике Куреваниха XII не удалось. Поселение вытянуто вдоль края террасы. В древности река протекала не в 150 м от места памятника, как сейчас, а под поселением, поэтому необходимо было найти границы в северном, восточном и южном направлениях.

В южном и юго-восточном направлении было заложено 3 шурфа, которые имели схожую стратиграфию: под дерном залегал слой светло-коричневой или серой супеси до глубины 0,14-0,28, который подстилался светло-серым или желтым песком. Глубина, на которой начался материковый песок (светло-серый или светло-желтый с ортзандами) варьировалась от 0,2 м до 0,58 м. Находок ни в одном из этих шурфов выявлено не было.

В северном направлении было заложено 7 шурфов, в 4 из которых обнаружены находки: 6 обломков кальцинированных костей, 2 фрагмента неорнаментированной лепной керамики, 3 фрагмента керамики с сетчатым орнаментом, которые А.В. Кудряшов датировал ранним металлом – бронзовым веком (рис. 1: 4), обломок серого кремня, отщеп из сиреневого кремня. Были обнаружены и орудия из кремня. Однолезвийный концевой скребок на отщепе из желтого кремня (рис. 1: 2), 2,8x2,7 см. Орудие на пластине из сиреневого кремня (рис. 1: 1) 5,8x1,4 см. Немного патинизован. Огранка спинки продольная, с дистальной

стороны и с одного из краев имеется обработка крупной пологой ретушью, а также мелкой противоположной полукрутой ретушью на другой грани.

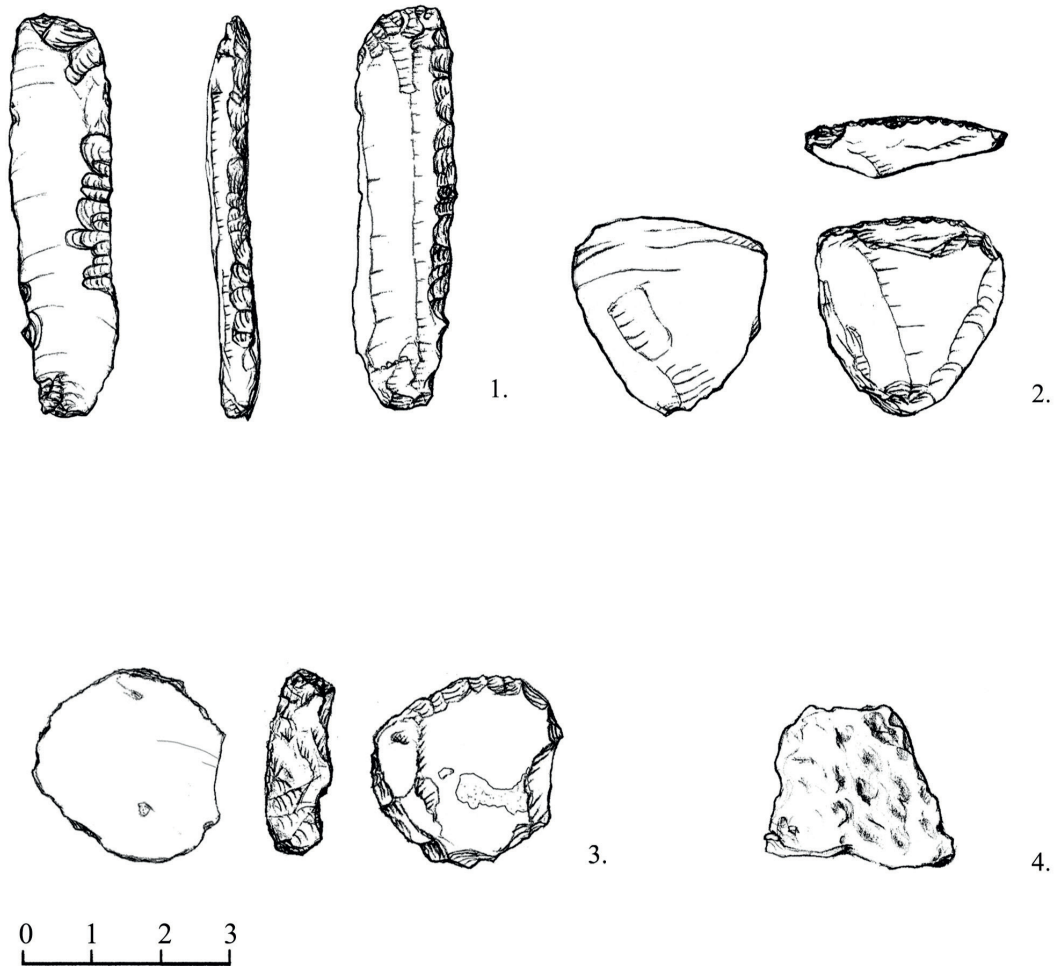

Рис. 1. Находки с памятников Куреваниха XII и Куреваниха XVIII в 2023 г.:
1 – орудие на пластине; 2-3 – скребки; 4 – фрагмент керамики с сетчатым орнаментом.
1-3 – кремь; 4 – глина.

В большинстве шурфов зафиксирован слой светло-серой или светло-коричневой супеси, содержащий в большинстве шурфов находки, прослеживался до глубины 0,2-0,3 м. Под ним залегал темно-желтый или желтый песок, после которого на глубине 0,55-0,83 начинался материк, представляющий собой темно-желтый песок с ортзандами или светло-желтый песок.

Последний шурф в данном направлении был заложен на вершине склона высокого холма, в нем не было выявлено культурного слоя и артефактов. Т.к. в процессе работ в каждом последующем шурфе были выявлены находки, граница в северном направлении значительно вытянулась.

По результатам полевых работ граница памятника была расширена: она представляет собой многоугольник, вытянутый с севера на юг вдоль края террасы р. Мологи. Наибольшая длина – 201,8 м, ширина – 54,8 м. Территория памятника на момент осмотра находится в удовлетворительном состоянии, тем не менее, через памятник проходит грунтовая дорога, в северной и северо-западной частях зафиксировано множество неровностей

и задерновавшихся ям антропогенного происхождения. Памятник был датирован А.Н. Башенькиным ранним железным веком, судя по находкам керамики в шурфах 2023 г., памятник поселение Куреваниха XII может быть датирован эпохами раннего металла – бронзового века и ранним железным веком (II тыс. до н.э.).

Стоянка Куреваниха XVIII расположена вдоль края надпойменной террасы и на примыкающей пойменной террасе Мологи, по обоим берегам безымянного ручья, впадающего в старицу р. Мологи. Через территорию памятника проходят грунтовые дороги и противопожарные траншеи, в осыпях которых в 2023 г. был немногочисленный подъемный материал (кальцинированные кости, отщепы).

В 2023 г. на памятнике было заложено 10 разведочных шурфов 1 x 1 м. Шурфы 1995 г. (№№ 1-3) были обнаружены, заложены они в центральной, более насыщенной находками части памятника, ближе к ручью. Как и на Куреванихе XII западная граница совпадает с краем надпойменной террасы.

Т.к. памятник прорезан ручьем, работы проводились сначала к югу от берега ручья, затем к северу. В южном направлении от берега ручья было заложено 5 шурфов, в двух из которых выявлены находки: 9 обломков кремня (1 из красного кремня, остальные из разных оттенков серого), 7 отщепов (4 из красного кремня, 3 из сиренево-серого кремня, 5 чешуек, обломок кости. Было также найдено 1 орудие на отщепе – скребок (рис. 1: 3) из сиренево-серого кремня, с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра, 3x2,6.

Шурфы имели схожую стратиграфию: до 0,6 м от дневной поверхности залегала супесь (серо-коричневая, темно-серая и серо-белесая), в которой были выявлены находки. На глубине от 0,54-0,6 м до 0,74-0,84 м содержалась светло-бурая супесь. Ниже начинался светло-желтый песок с ортзандами – материк.

В северном направлении от берега ручья было заложено 5 шурфов, один из которых содержали находку – нырнувший скол из желто-красного кремня. В них была зафиксирована следующая стратиграфия: до 0,3 м залегала супесь (сначала серо-коричневая, потом белесая). Ниже до глубины 0,45 м. прослежен слой темно-желтого песка с ортзандами; в данном слое в одном из шурфов была обнаружена находка. Материком являлся светло-желтый песок с ортзандами.

В результате обследования в 2023 г. конфигурация границ памятника Куреваниха XVIII представляет собой многоугольник, вытянутый с северо-востока на юго-запад вдоль края террасы Мологи. Наибольшая длина многоугольника – 379,5 м, ширина – 103 м. На основании информации о подъемном материале, собранном А.Н. Башенькиным, в них также включен безымянный ручей. Территория памятника имеет значительные нарушения слоя: несколько ям антропогенного характера, противопожарные траншеи и грунтовые дороги. В целом, однако, сохранились участки с нетронутым культурным слоем.

Библиографический список

1. Башенькин А. Н. Исследования Северорусской археологической экспедиции в бассейне р. Мологи // АО 1996 года. М., 1997. С. 23-25.
2. Башенькин А. Н. Отчет о работах Северорусской археологической экспедиции в Вологодской области в 1988 г. // Архив ИА РАН.
3. Башенькин А. Н. Отчет о раскопках поселения у д. Бабушкино Чагодощенского района и разведках в Чагодощенском и Устюженском районах Вологодской области в 1996 г. // Архив ИА РАН.

УДК 903

КРЕМНЕВЫЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ЛУЖКИ II В КОНТЕКСТЕ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Шамсутдинов Эдуард Эрикович

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и археологии
Андреев Константин Михайлович*

Аннотация. В статье представлен кремневый комплекс стоянки Лужки II, которая относится к средневолжской культуре эпохи неолита. Анализируются различные типы орудий, их техника изготовления и функциональное назначение. Осуществляется сравнение изученных материалов с коллекциями каменного инвентаря двух других опорных памятников развитого и позднего неолита региона – Ильинка и Калмыковка I. Определяются черты сходства и различия в кремневых индустриях обозначенных стоянок.

Ключевые слова: лесостепное Поволжье, средневолжская культура, неолит, кремневый инвентарь.

Сомовым А.В. и Андреевым К.М. в 2019 году в ходе разведочных исследований на территории Красноярского района Самарской области была открыта стоянка Лужки II. Памятник находится в 400 метрах к юго-западу от п. Лужки на гриве, окруженной болотистыми озерами (старицами реки Сок). Под руководством упомянутых исследователей, а также при участии автора в 2020-2022 годах были проведены раскопки на площади 320 кв.м (Сомов и др., 2022, с. 166-182). По имеющимся радиоуглеродным определениям для аналогичных комплексов лесостепного Поволжья датировка стоянки Лужки II может быть определена второй половиной VI – серединой V тыс. до н. э. Всего за три года исследований было получено 916 изделий из камня, при этом отходы производства составляют около 65-70%. Ниже будет представлено описание кремневой коллекции нашего памятника в сравнении с двумя другими опорными стоянками средневолжской культуры региона – Калмыковка I (Андреев и др., 2018, с. 143-160) и Ильинка (Мамонов, 1988 с. 92-105; 2002 с. 148-162).

На стоянке Лужки II выявлена выразительная серия пластин (14% от комплекса), на части из них фиксируются следы ретуширования (мелкая краевая ретушь по одной стороне на 11 экз., противоположная на 3 экз., обработка с обеих продольных граней на 3 экз.). Единично обнаружено изделие на кварците. Немного большее количество пластин было выявлено на стоянке Ильинка (около 20%), в то время как на Калмыковке I их насчитывалось менее 7%. В целом изделия на Лужках II и Ильинке имеют лучшую огранку и качество обработки.

Нуклеусы стоянки Лужки II представлены 7 экземплярами торцевого типа и 3 изделиями бессистемного снятия (аморфные). Больше их обнаружено в комплексе Калмыковки I, где насчитывается 19 единиц аналогичных типов. Несколько особняком стоят материалы стоянки Ильинка, на которой выявлены призматический двухплощадочный и подконический одноплощадочный нуклеусы, а также экземпляры торцевого типа. Первые два изделия, хорошо представленные в мезолите региона, но не фиксируются в чистых неолитических комплексах. В целом стоит констатировать, что для кремневой индустрии средневолжской культуры наиболее характерными являются торцевые одноплощадочные ядрища.

На стоянке Лужки II выраженные резцы отсутствуют, на некоторых орудиях можно заметить лишь резцовые сколы, которые могли образоваться в процессе их эксплуатации. Примечательно, что в материалах Калмыковки I также встречены резцовые сколы на отдельных орудиях, а собственно, типологически выраженных резцов не обнаружено. Однако на стоянке Ильинка выявлены два выразительных изделия на углу сломанной пластины. Опять же данные типы больше характерны для предшествующей эпохи среднего каменного века лесостепного Поволжья.

Ножи на стоянках Лужки II и Калмыковка I имеют приостряющую ретушь, нанесенную со стороны спинки по краям и концу пластины. Орудие режущего назначения на Ильинке имеет аналогичную вторичную обработку, но несимметрично.

Деревообрабатывающие орудия представлены на стоянке Лужки II 10 экземплярами (тесла, долото и топоры), 7 орудий были изготовлены только в технике оббивки, а остальные имели пришлифованные участки. На стоянке Ильинка было обнаружено 5 экземпляров рубящих орудий, при этом два долота являлись истощенными и переоформленными нуклеусами. Наиболее представительная серия деревообрабатывающих орудий выявлена в комплексе стоянки Калмыковка I – 12 единиц, включая 6 топоров, изготовленных в технике двусторонней оббивки, 4 долота выполненных в аналогичной технике, 1 шлифованное тесло и 1 тесло с отдельными пришлифованными участками.

Все скребки анализируемых памятников изготовлены на отщепах и сколах, лишь на Ильинке есть единичные экземпляры на конце ножевидной пластины. На стоянке Ильинка было обнаружено 47 скребков, в то время как на Лужках II было найдено 29 экземпляров, а на Калмыковке I – 16 единиц. Одним из главных отличий является форма рабочей части: на последних двух памятниках встречаются орудия с округлым, овальным или скошенным окончанием, на стоянке Ильинка преобладают изделия с округлой рабочей частью.

Наконечники стрел на стоянке Лужки II представлены листовидными и треугольно-черешковыми экземплярами с выраженными шипами, в меньшем количестве обнаружены ромбические, также часть обломков не могут быть определены до уровня какого-то типа. В материалах Калмыковки I имеется только один черешковый наконечник. На стоянке Ильинка были найдены два наконечника «постсвидерского типа», два ланцетовидных, а также один «флажковый». Отдельно стоит отметить изделие из серого полупрозрачного кремня с выемкой, напоминающее кельтеминарский.

Перфораторы в коллекциях анализируемых стоянок единичны, при этом на Лужках II и Калмыковке I они выполнены исключительно на отщепах или продольных сколах, а на Ильинке встречаются экземпляры на пластинчатых заготовках.

Достаточно выраженная серия комбинированных орудий (скребок-перфоратор, скребок-нож и прочее) выявлена лишь на стоянке Ильинка (14 ед.), в то время как на Лужках II и Калмыковке I были обнаружены только 4 и 2 экземпляра соответственно.

Проведенный анализ позволяет констатировать возможность отнесения материалов стоянки Лужки II к комплексам средневожской культуры, хотя они и имеют определенную специфику. Полученная коллекция значительно пополнили источниковую базу и способствует более обоснованной характеристике каменной индустрии развитого и позднего неолита лесостепного Поволжья. В целом для средневожской культуры характерны: а) одноплощадочные торцевые нуклеусы или ядрища бессистемного скалывания; б) большинство деревообрабатывающих орудий изготовлены в технике двусторонней оббивки, но также имеются единичные экземпляры с пришлифовкой; в) скребки в основном с округлым рабочим краем и выполнены на отщепах или продольных сколах; г) резцы отсутствуют; д) перфораторы и ножи немногочисленны и типологически вариативны;

е) наиболее массовым и устойчивым типом наконечников стрел является треугольно-черешковый, хотя обнаружены листовидные, подромбические и с нерегулярной ретушью пера и насада.

Библиографический список

1. Андреев К. М., Выборнов А. А., Васильева И. Н. Стоянка Калмыковка I – новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: Изд-во Триада, 2018. С. 143-160.
2. Мамонов А. Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск: Изд-во Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 92-105.
3. Мамонов А. Е. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Вып. 5. Самара: Изд-во СГПУ, 2002. С. 148-162.
4. Сомов А. В., Андреев К. М., Рослякова Н. В. Неолитическая стоянка Лужки II в лесостепном Поволжье (первые результаты исследований) // Самарский научный вестник. 2022. Том 11. №4. С. 166-182.

УДК 902 (571. 55)

НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАМЕННОГО ВЕКА ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

© Ячменёв Олег Юрьевич

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Научный руководитель – д.и.н., профессор кафедры истории Забайкальского государственного университета Константинов Михаил Васильевич

Аннотация. В работе представлены данные о памятниках наскального искусства эпохи каменного века, находящихся на территории Восточного Забайкалья. Для определения этой эпохи исследователями применялись следующие критерии: манеры исполнения, стилистика рисунков и материал жертвенников или стоянок у плоскостей с писаницами. В итоге писаницы этого периода были условно разделены на палеолитические, раннеголоценовые и неолитические.

Ключевые слова: Забайкалье, каменный век, писаницы, наскальные рисунки, стилистика, жертвенник, культурный слой.

Хронология – одна из сложнейших и важнейших задач при работе с писаницами. На Востоке Забайкалья более 50 памятников наскального искусства. Самыми малочисленным являются объекты каменного века, железа и средневековья, многочисленными – эпохи бронзы (Власенко, Ячменёв, 2022, с. 24). Нередко на панно сосредотачиваются рисунки широкого хронологического диапазона. Наиболее четкую трактовку писаницам эпохи каменного века

¹ Работа выполнена при поддержке Забайкальского отделения РГО

дал А.И. Мазин, условно разделив их на три археологических этапа – палеолит и ранний голоцен, неолит. Каждая из эпох имеет следующие особенности.

Палеолит (12-10 тыс. до н.э.) – ранний голоцен (ок. 10-7 тыс. до н.э.). В этот период изображаются плейстоценовые животные (бизоны и носороги), а также олени, лоси, изюбры. Рисунки выполнены темно-красной охрой характерной архаичной манере. К памятникам этой эпохи, по мнению А. И. Мазина, относится Быркинская писаница с фигурами носорогов, бизонов и находками из палеолитического культурного слоя (Мазин, 1994, с. 76-79). Относительно этого памятника существует дискуссия. Так, А. А. Формозов допускал, что А. И. Мазин принял изображение фантастического ящера за фигуру носорога (Формозов, 1992, с. 50, 51). М. В. Константинов считает рисунки носорогов палимпсестом (Константинов, 2020, с. 32). В. И. Молодин и Д. В. Черемисин полагают, что А. И. Мазин точно идентифицировал изображения носорогов, но фигуры бизонов возможно оспорить (Молодин, Черемисин, 1999, с. 127-128). В. А. Цыбиктаров и И. А. Пономарева в целом согласны с А. И. Мазиным (Цыбиктаров, 2011, с. 96; Пономарева, 2021, с. 512). К палеолиту, согласно исследованиям А. П. Забияко и Р. А. Кобызова, относятся фигуры носорога и бизонов на памятнике Утени (Забияко, Кобызов, 2010, с. 86-101). Стоит отметить, что этот объект также может стать предметом для дискуссий, поскольку он малоизучен. Особенностью раннеголоценовых рисунков является их расположение по вертикали, вверх и вниз головой, под углом, уши и рога у них не показаны, головы параболоидные, морды с подтреугольными выступами. В целом рисунки сохраняют традицию палеолита. К памятникам этого времени относятся – Бутиха, Средне-Шайкино и Бырка (Мазин, 1986, с. 25-28, 29-34, 76-79). Важное значение имеет материал жертвенников, как, например, под бутихинской плоскостью, где в 3 культурном слое были обнаружены долотовидное орудие, наконечник стрелы иволистной формы др. (Мазин, 1994, с. 78-81). Не исключено, что рисунки этого времени относятся к одному, более позднему периоду.

Неолит (5 – первая половина 2 тыс. до н.э.). Неолитические писаницы делятся на таежные и степные. Специфика таежного стиля – изображение оленя, солярные знаки, зооантропоморфные существа, клиновидные фигуры, круги с вписанным крестом, свернутые в клубок змеи, люди, стоящие цепочкой или преследующие зверя. Со 2 тыс. до н.э. таежный стиль делится на оленеводческий и охотничий. К оленеводческому относятся сцены с оленем, лодки с существами, люди – всадники. К охотничьему – фигуры лосей. Степной стиль представлен оградками с округлыми пятнами или вписанными человечками. К памятникам этой эпохи относятся – Урульонгуй I, Нортуй I, Цорон III, Кондуй-16, Копчил, Усть-Цорон, Калашниково (Мазин, 1994, с.81-88). К этому периоду принадлежит, по мнению М. В. Константинова, часть изображений Шаман-Горы (Константинов и др., 2003, с. 8). Некоторые исследователи предполагают, что рисунки Шаман-Горы могут датироваться палеолитом (Ячменёв, 2022, с. 321). Например, как В. А. Цыбиктаров и И. А. Пономарева. Они находят аналогии изображениям бизонов с фигурами этих животных на Бырке и Утени, а также учитывают наличие 3 и 4 палеолитических культурных слоев под Большой плоскостью (Цыбиктаров, 2011, с. 91-96; Пономарева, 2021, с. 510-512). К неолитическому возрасту принадлежат некоторые фигуры антропоморфов и животных (оленей и лосей) на памятниках Сень, Кегей, Ималык 1, 2 (Власенко, Ячменев, 2022, с. 21), открытых и изученных Н. Н. Кочмаром (Кочмар, 1994, с. 33-49), и ряд изображений, в том числе фигура лося на писанице Иммандан-Макин, предварительный возраст которых, по мнению А. В. Константинова, около 4, 5 тыс. лет (Константинов, Пономарева, 2019, с. 15-24).

Таким образом, в наскальном искусстве Забайкалья богато представлен художественный сегмент каменного века. Если писаницы палеолита часто оспариваются,

то неолитические признаны практически всеми учеными, поскольку они широко представлены, чаще всего имеют похожий стиль и манеру нанесения на скальную плоскость. Также неолитические рисунки имеют аналогии с памятниками сопредельных территорий, например, ранненеолитические изображения лосей на писаницах бассейнов рек Алдан, Амги др. (Алексеев, 1996, с. 47) или писанице Душелан с мотивами оленей разных полов (Тиваненко, 1989, с. 87). Однако только дальнейшие исследования позволят предоставить более конкретную картину по наскальному искусству данной эпохи.

Библиографический список

1. Алексеев А. Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1996. 144 с.
2. Власенко Д. Е., Ячменёв О. Ю. Археологическая карта наскального искусства Забайкальского края // XI БАСК: сборник статей Всерос. науч. конференции. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. С. 24.
3. Забияко А. П., Кобызов Р. А. «Утени писаница» - новый памятник наскального искусства в Западном Приамурье // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: БГПУ, 2010. С. 83-101.
4. Константинов М. В., Васильев С. Г., Константинов А. В. и др. Под покровительством большого шамана // Археологические путешествия по Забайкалью. Чита: Экспресс типография, 2003. С. 8.
5. Константинов А. В., Константинов М. В. Археология Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2020. 179 с.
6. Константинов А. В., Пономарева И. А. Новая таёжная писаница Забайкалья: на перекрёстках времени и пространства // Гуманитарный вектор. Т.14. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 15-27.
7. Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1994. 262 с.
8. Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 259 с.
9. Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.
10. Пономарева И. А. Древнейшие наскальные изображения Восточной Сибири: новые открытия и перспективы исследований // Сборник статей, к 80-летию проф. Д. Г. Савинова. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 507-522.
11. Тиваненко А. В. Древние святилища Вост. Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1989. 202 с.
12. Формозов А. А. К датировке Восточно-Сибирских писаниц // А. П. Кропоткин. Гуманист, ученый, революционер: Материалы Всерос. конференции. Чита: ЧГПИ, 1992. С. 50-51.
13. Цыбиктаров В. А. Петроглифы Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. 276 с.
14. Ячменёв О. Ю. Наскальное искусство грота Шаман-Гора (Западное Забайкалье): к проблеме интерпретации и датирования // Изучение древней истории Сев. и Центр. Азии: тезисы Междун. науч. конференции, посвящен. 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 321.

Урало-Поволжье в эпоху палеометаллов

УДК 902/904

ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНИКИ ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА

© Агафонова Любовь Сергеевна

Челябинский государственный университет, г. Челябинск

Научный руководитель – к.и.н., директор Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ Куприянова Елена Владиславовна

Аннотация. Проблема изучения орнаментации керамики за многие десятилетия не раскрыта полностью. Вариативность орнаментов открывает возможности для сопоставления материалов различных памятников при изучении процесса формирования и развития археологических культур. В данной работе будут применены методы археологической реконструкции для воссоздания орудий орнаментации керамики (орнаментиров) и воспроизведения орнаментов керамики бронзового века Южного Урала.

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, технологический анализ, керамика, орнамент, орнаментир, штамп, гладкий элемент, процесс орнаментации.

Исследование орнаментов проведено по материалам керамического комплекса, полученного в результате раскопок укрепленного поселения Степное в июне – июле 2021 г. Памятник входит состав объекта культурного наследия федерального значения «Поселение и могильник Степное». Расположен в Пластовском районе Челябинской области, на левом берегу р. Уй в 2 км к северо-востоку от левобережной части села Степное. Изученная выборка состоит из 55 фрагментов керамики, относящейся к синташтинской археологической культуре бронзового века Южного Урала (XXI-XVIII вв. до н.э.).

Для анализа использовалась система выделения элементов, предложенная Ю. Б. Цетлиным (Цетлин, 2012) в совокупности с выделенной И.Г. Глушковым (Глушков, 1996) классификацией по способам орнаментации.

Основные элементы орнамента, характерные для исследуемых фрагментов, можно разделить на следующие группы:

1. Гребенчатый отпечаток, нанесенный штампованием (характер отпечатков изменяется в зависимости от инструмента);
2. Гладкий элемент (линия), выполненный различными стержнями (палочками, лопаточками);

3. Ямчатый элемент, нанесенный заостренным инструментом, имеющим уплощенную поверхность.

В целом, если отмечать вариации композиции представленного комплекса фрагментированной керамики, то можно сказать, что она довольно-таки разнообразна. Фрагменты могут отличаться наличием или отсутствием какого-либо одного элемента, при этом может сохраняться узор, но отличаться используемый орнаментир. Можно отметить общие черты, которые позволяют отметить схожесть композиций. Если говорить о более частых элементах, то это линии, и гребенчатый штамп. Элементов, нанесенных плоским орнаментиром, использовалось больше. Могли встречаться как элементы, нанесенные плоским орудием, так и гребенчатым штампом, а также техникой накалывания.

Технологический анализ орнамента состоит из определения инструмента и способа работы с ним. Детальное изучение не только следов, но и самого нанесения оттиска орнаментиром, позволяет по-новому взглянуть на процесс орнаментации. Изучение отпечатков показало, что одним орнаментиром (разными его сторонами) могли наноситься как плоские, так и гребенчатые, и треугольные оттиски; могли использоваться как вытянутые, так и круглые орнаментеры. Таким образом, на основе результатов экспериментов и находок на археологических памятниках возможно выявление конфигурации тех или иных орнаментиров.

Целью экспериментов по реконструкции было физическое моделирование орнамента различными инструментами, определение возможного внешнего вида орнаментиров, получение различных видов отпечатков одним инструментом и схожих по виду отпечатков различными инструментами.

Для проведения эксперимента в качестве рабочей поверхности использовался кинетический песок, так как он позволяет хорошо нанести тот или иной отпечаток, не прилипает к инструменту, допускает многократное использование.

В ходе эксперимента был смоделирован процесс орнаментации: «штампование», «протаскивание», «накалывание». Поскольку, как было выяснено при изучении источников, в качестве орнаментиров могли использоваться инструменты различного облика, из подручных материалов были отобраны или сделаны инструменты, которыми можно наносить отпечатки, схожие с элементами орнамента на древней керамике.

Для проведения эксперимента использовались следующие инструменты:

1. Гребень-расческа (в качестве гребенчатого штампа);
2. Колесико от игрушечной машинки (круглый штамп);
3. Веревка, намотанная на палочку (веревочный штамп);
4. Деревянные палочки, с обработанными краями (гребенчатый, гладкий штамп);
5. Стержень от ручки.

В первом случае для оттиска гребенчатого штампа были использованы гребешки с различными интервалами между зубчиками. В зависимости от формы рабочего края, оттиск получается с хорошо пропечатанными на одинаковую глубину концами орудия. Штампом можно работать не только в режиме «печати», но и в режиме шагания протаскиванием, когда концы инструмента попеременно переставляются, не отрываясь от поверхности.

Во втором случае было использовано колесико от машинки. Техника исполнения – прокат орудия. Обработка прокатом сильно деформирует поверхность, делает ее более однородной, происходит «перегон» материала с одного участка на другой, как бы частично убирается лишняя масса.

В третьем случае использовалась веревочка, намотанная на палочку – веревочный штамп. Скручивание шнура позволяет увидеть отпечаток в виде овальных ячеек. Большое

значение будет иметь качество скрутки нити. Слабое скручивание будет делать опечаток более вытянутым по форме с слегка приостренным, а сильное, наоборот, превращает в овал. Также нить может «забиваться», и не пропечатываться.

В четвертом случае использовались деревянные палочки, с обработанным рабочем краем. Палочка №1 с одной стороны имела зазубренный конец (5 зубцов), а с другой прямоугольный гладкий рабочий край. Палочка №2 также была зазубрена с одного конца (4 зубчика), но с другой частотой зубцов, второй рабочий край, был закруглен. В первом случае использовалась техника штампования зубчатым краем. Результат получился таким же, как и при работе с гребнем. Попробовав зубчатый конец на другом материале (керамическая масса) в технике протаскивания, выяснилось, что расстояние между зубцами чуть-чуть забило материалом. При работе второй стороной – прямоугольной гладкой, была использована техника шагания и протаскивания. При технике шагания оттиски могут быть различимы по кривизне, а также пропечатке концов инструмента. При работе второй палочкой, зазубренным концом получился аналогичный результат, с разницей лишь в размерах интервала. При работе вторым закругленным концом в технике накалывания, орудие двигалось сверху вниз под углом. Накол имеет форму «капельки», с четко выраженной одной стороной, передавая характер орудия; нижняя часть является результатом легкого протягивания орудия по поверхности. При технике протаскивания линии получались чуть уже, чем при работе прямоугольным концом.

В пятом случае был использован стержень в качестве ямчатого штампа. Орудие проникает в поверхность, образуя ямку, если изменить угол, то получается «капелька».

Таким образом, по результатам проведенного эксперимента можно сделать вывод, что, несмотря на ограниченное количество способов орнаментации, разнообразие приемов декорирования сильно зависит от конкретного сочетания различных техник, форм рабочего края, а также особенностей постановки орнаментира. Это определяет многообразие отпечатков и их сходство несмотря на то, что они могут быть выполнены различными орудиями, или имеют отличия, хотя может использоваться один и тот же инструмент.

Находки орнаментиров очень редки в культурном слое памятников бронзового века. Очевидно, большая часть из них была сделана из органических материалов, не позволяющих им сохраниться. Тем не менее, при работе в археологических фондах Музея археологии и этнографии ЧелГУ, нами были обнаружены несколько орудий, которые можно считать орнаментирами, и которыми можно наносить отпечатки, аналогичные изученным нами на керамике и смоделированных в процессе эксперимента.

Библиографический список

1. Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.
2. Цетлин, Ю. Б. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2012. 384 с.

УДК 902/903

ДОБЫЧА МЕДНЫХ РУД В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ¹

© Байдин Максим Евгеньевич

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

*Научный руководитель – д.и.н. профессор кафедры археологии и этнологии
УГИ УрФУ, Корочкова Ольга Николаевна*

Аннотация. В работе представлена история развития знаний о металлопроизводстве и рудной базе эпохи бронзы в Южном Зауралье. В центре внимания – попытки реконструкции труда древних горняков. Систематизируются и обобщаются имеющиеся сведения о способах добычи и подготовки руд для получения меди.

Ключевые слова: геоархеология, траншеи, шурфы, шахта, рудник, подземный и открытый способ добычи, обогащение руд, пастушеская модель металлопроизводства.

История изучения рудной базы Южного Зауралья бронзового века. Первые попытки систематизации и обобщения сведений о металлургии меди и бронзы относятся к середине XX века. Выделены основные этапы металлопроизводства (Гришин, Тихонов, 1960, с. 16), представлены реконструкции способов добычи, обогащения и плавки руды древними горняками. Начинается целенаправленное обследование меднорудных проявлений с целью поиска следов деятельности древних рудокопов и металлургов.

Во второй половине XX века изменяется подход к изучению процессов металлопроизводства. Медьсодержащие руды, металлы и шлаки исследуются с применением естественнонаучных методов (металлографического, рентгенофлуоресцентного, спектрального, химического анализов). Разработаны классификация металлических предметов, бытовавших на огромной территории Евразии. Представлена концепция металлургических провинций, согласно которой изучаемый регион отнесен к степному поясу Западноазиатской / Евразийской провинции (Черных, 2013, с. 218). Особый вклад в изучение этих проблем внесен исследовательским коллективом под руководством Е. Н. Черных. Выделены культуры – производители и культуры – потребители металла, обозначены конкретные рудопроявления, которые можно рассматривать в качестве возможных древних рудников.

В конце XX – начале XXI века работы в области геоархеологии интенсифицировались благодаря анализу накопленных данных и петрографии. Переобследованию подвергаются ранее выявленные рудники, открываются новые: Каргалы (Оренбургская область), Ушкаттинский, Еленовский (Домбаровский район, Оренбургская область), (Ишкининский (Гайский район, Оренбургская область), Воровская Яма (Кизильский район, Челябинская область), Новотемирский (Чесменский район, Челябинская область.), Новониколаевский (Карталинский район, Челябинская область), Стародубцева Яма (Чесменский район, Челябинская область), Таш-Казган и Никольский (Учалинский район, Республика Башкортостан), Ивановский и Дергамышский (Хайбуллинский район, Республика Башкортостан).

Технология добычи руды в бронзовом веке в Южном Зауралье. Основываясь

¹ Работа выполнена при поддержке Госзадания № FEUZ-2023-0018

на имеющихся данных, в том числе полученных при изучении Каргалинского горно-металлургического меднорудного центра, можно сделать выводы о возможных способах, применявшихся при добыче руды в Южном Зауралье бронзового века.

Каргалинский горно-металлургический меднорудный центр является важнейшим памятником металлургической деятельности бронзового века на Южном Урале. Здесь выявлены как открытые горные выработки (траншеи), так и подземные (шахты) (Черных, 2004, с. 255). Оба способа применялись для разведки медных руд под толстым глиняным чехлом (Черных, 2004, с. 249).

В Южном Зауралье преобладали в основном открытые горные выработки. Исключение на данный момент составляет рудник Новотемирский, где во время экспедиции 2017 г была обнаружена шахта (Алаева, Медведева, Анкушев, 2017, с. 7). Разведка медьсодержащих руд происходила посредством закладывания шурфов. По аналогии с Каргалами, можно предположить, что древние рудокопы сначала копали разведочный шурф. При обнаружении рудного тела, шурф расширяли до размеров карьера. Разработка велась поэтапно, с большими перерывами по времени (Анкушева, Климова, Хворов, 2020, с. 116).

Добыча могла осуществляться путем раздробления руды на более мелкие фрагменты с использованием орудий горного промысла или с помощью перепада температур, вызывающего раскалывание крупных фрагментов пород. Добытая руда подвергалась очистке от пустых пород на специальных площадках (Анкушев, Юминов, Зайков, Носкевич, 2018, с. 94). Данный процесс мог проходить как на территории самого рудника, так и на поселениях. Согласно концепции пастушеской модели металлопроизводства (Богданов, 2020, с. 10), подготовка сырья включала целый ряд технологических операций. До недавнего времени, среди специалистов преобладало мнение о преимущественном использовании окисленных руд. Современные данные аналитики прямо указывают на применение различных вариантов сульфидных, сульфидно-карбонатных, кремнекарбонатных медных руд (халькозин, борнит, ковеллин, кубанит и др.) (Богданов, 2020, с. 9). На излёте бронзового века, древними металлургами осваивается новый источник сырья – халькопириты (Богданов, 2020, с. 11).

Выводы. Весь процесс металлопроизводства можно поделить на несколько этапов: поиск месторождений и расчистка от земельного чехла рудной линзы; добыча руды и очистка от пустых пород, подготовка сырья в пожеговых ямах; окисление рудного материала от 3 месяцев до года, с последующим дроблением и растиранием; восстановление меди в печах отражательного типа с получение слитка черновой меди под шлаковым коробом; дальнейшее неоднократное рафинирование, легирование оловом и изготовление орудий (Богданов, 2020, с. 9).

Подготовка рудного сырья, согласно пастушеской модели металлопроизводства, осуществлялась в непосредственной близости от месторождений на летних пастбищах, заключительные циклы – на стационарных поселениях в период стойлового содержания скота (Ткачев, 2019, с. 39). В зависимости от локализации месторождений могли практиковаться и другие варианты обогащения протолита, формируя местные варианты пастушеской модели металлопроизводства.

Библиографический список

1. Алаева И. П., Медведева П. С., Анкушев М. Н. Шахта раннего железного века на древнем руднике Новотемирский // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Челябинск, 2017. С. 7-13.
2. Анкушев М. Н., Юминов А. М., Зайков В. В., Носкевич В. В. Медные рудники

бронзового века в Южном Зауралье // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 87-110.

3. Анкушева П.С., Климова А.Д., Хворов П.В. Керамический комплекс рудника Новотемирский: технология и минералогия // Геоархеология и археологическая минералогия-2020. 2020. С. 116-120.

4. Богданов С. В. Технологические алгоритмы пастушеской модели металлопроизводства бронзового века степных регионов Северной Евразии // Уральский исторический вестник. 2020. №4(66). С. 6-14.

5. Гришин Ю. С., Тихонов Б. Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа // МИА. № 90. 1960. С. 5-115.

6. Ткачев В. В. Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // Уральский исторический вестник. 2019. №1(62). С. 28-47.

7. Черных Е. Н. Каргалы: в 5 ч. Ч. 3. Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.

8. Черных Е. Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.

УДК 902

АНАЛОГИИ НАКОНЕЧНИКУ ДРОТИКА БАЛАНОВСКОГО ТИПА С ПОСЕЛЕНИЯ ТЮБЯК

© Белоногов Никита Вячеславович

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры истории РБ, археологии и этнологии УУНиТ Мухаметдинов Вадим Ильдарович

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению ареала распространения наконечников балановского типа. Основным объектом является наконечник балановского типа найденный на поселении Тюбьяк. При использовании историографического метода были найдены аналогии наконечнику с поселения Тюбьяк. По результатам историографического анализа работ: Ф. Д. Нефедова, О. Н. Бадера и О. В. Кузьминой, можно предположить, что средневожские наконечники самые ранние среди абашевских, прототипом которым служили балановские наконечники и что они представляют два типа и два пути развития.

Ключевые слова: наконечник, балановский тип, верхне-кизильский тип, аналогии, поселение Тюбьяк, литье,ковка.

В данной работе поставлен вопрос о наличии аналогий наконечнику дротика балановского типа, найденного в ходе археологических раскопок поселения Тюбьяк (рис.1.: 1).

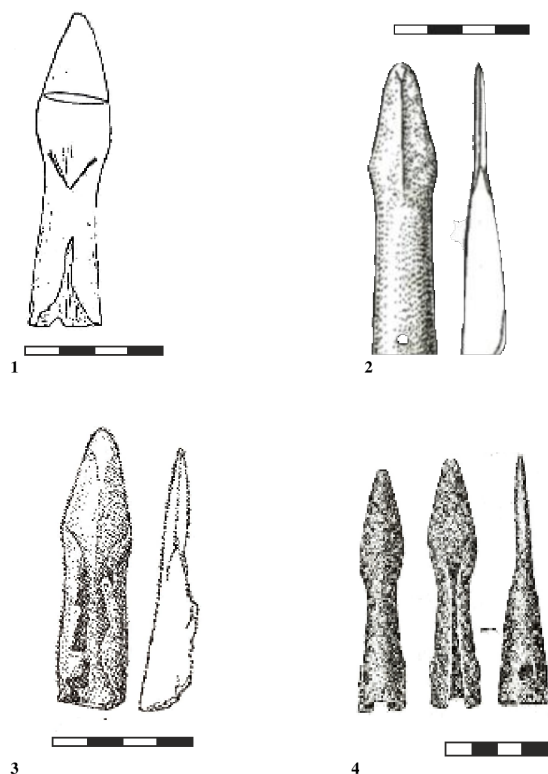

Рис. 1. Наконечники дротиков балановского типа: 1. Поселение Тюбьяк (по М.Ф. Обыденнову, 1988), 2. Поселение Грохань (Ф.Д. Нефедова, 1899), 3. Монастырское (О.Н. Бадер, 1963), 4. Балановский могильник (О.Н. Бадер, 1963)

Наконечник имеет размер 10x2 см., втулка 2x1,5, имеющий перовидную форму с открытой сверху кованной втулкой (рис. 1: 2). Такой же наконечник был обнаружен в с. Монастырское, Тетюшского р-на, верховья р. Улемы (рис. 1: 3).

В последующем О. В. Кузьмина, сравнивая балановский наконечник и наконечники верхне-кизильского типа, указывает что их принципиальные отличия заключается в том, что втулка у них открыта и сверху, нет стержня между пером и втулкой. Перо имеет подромбическую, а не подтреугольную форму, а принципиальное сходство заключается в том, что они короткоперые. Они также сделаны путем сочетания литья иковки, так как имеют четко очерченную форму пера (Кузьмина, 2000, с. 65-134).

В ходе изучения археологического материала Балановского могильника (Бадер, 1963, с. 370) О. Н. Бадер определил, что наконечник (рис. 1: 4) имеет размеры 9,9x2 см. При незначительной длине всего орудия втулка относительно широка, перо же, как у других наконечников (пос. Тюбьяк; гор. Грохань; сел. Монастырское) очень мало. От предыдущих наконечников он отличается тем, что изготовлен не с помощью литья, а путемковки, об этом указывают многочисленные следы, которые сохранились на поверхности. Также при изучении автор пишет, что первоначально для наконечника была приготовлена треугольная, плоская заготовка. О.В. Кузьмина в своей работе пишет об этом наконечнике, что тот в свою очередь имеет открытую сверху втулку и не может быть отнесен к короткоперым, так как длина пера у него равна длине втулки и сделан он целиком из кованой пластины (Кузьмина, 2000, с. 65-134).

По результатам историографического анализа работ Ф. Д. Нефедова, О. Н. Бадера и О. В. Кузьминой, в которых имеется информация об аналогиях наконечников, которые схожи с наконечником, найденным на поселении Тюбьяк, можно предположить, что средневожские

Наконечник был найден во время раскопок поселения Тюбьяк (Мелеузовский р-н РБ) 1987 года экспедицией БашГУ под руководством М. Ф. Обыденнова (Обыденнов М. Ф., Горбунов В. С., Муравкина Л. И., Обыденнова Г. Т., Гарустович Г. Н. 2001, 159 с.). Наконечник обнаружен в III раскопе, участка 0,5-го квадрата, на глубине 1,6 м.

Размер наконечника: 10x2 см., диаметр втулки 1,5x2 см. Наконечник сделан из бронзы, имеет перовидную форму с открытой сверху кованной втулкой. Размер втулки наконечника характерен для таких орудий. Можно заметить, что первоначально была изготовлена треугольная, плоская заготовка.

Первой предположительной аналогией с поселения Тюбьяк можно назвать наконечник, найденный в ходе раскопок Ф. Д. Нефедова на поселении Грохань (Нефедов, 1899, с. 74).

наконечники самые ранние среди абашевских, прототипом которым служили балановские наконечники. Для определения культурной принадлежности наконечников из случайных находок можно привлечь лишь косвенные данные. Так, большие размеры наконечника, укороченное перо, свернутая кованая втулка, показывают, скорее всего, промежуточное положение наконечников с кованой разомкнутой сверху втулкой из Среднего Поволжья между балановскими и абашевскими верхне-кизильского типа.

Вероятно, наконечники дротиков из кованой пластины с открытой сверху втулкой и из стержня с закрытой сверху втулкой представляют два типа и два пути развития. Те и другие есть в памятниках абашевской культуры. Об этом свидетельствует преимущественное их распространение в зоне расположения ранних абашевских памятников, в Поволжье, и наличие прототипов в более ранних культурах (Балановский могильник).

Дальнейшее изучение данной темы, как ареал распространения наконечников балановского типа, можно продолжить, используя металлографический метод и другие технологические подходы.

Библиографический список

1. Бадер О. Н. Балановский могильник (Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М.: Изд-во академия наук СССР, 1963. 370 с.
2. Кузьмина О. В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / Археологические изыскания. Вып. 63. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 65-134.
3. Нефедов Ф. Д. Археологические исследования в Южном Приуралье (1887-1888 г.) и в Прикамье (1893-1894 г.). М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1899. 74 с.
4. Обыденнов М. Ф., Горбунов В. С., Муравкина Л. И., Обыденнова Г. Т., Гарустович Г. Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: Башк. гос. пед. ун-т, 2001. 159 с.

УДК 902/904

О ТРУДОЗАТРАТАХ НА СООРУЖЕНИЕ КАМЕННЫХ ОГРАД ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Валавин Николай Алексеевич

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

Научные руководители – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии УрФУ

Корочкова Ольга Николаевна

к.и.н. доцент кафедры всеобщей истории ЮУрГГПУ

Алаева Ирина Павловна

Аннотация. В работе предложена модель расчета трудозатрат на сооружение каменной погребальной архитектуры федоровской культуры. На основании сравнения параметров оград и их структурных элементов выделены различные по сложности возведения конструкции.

Ключевые слова: бронзовый век, лесостепное Зауралье, погребальная архитектура.

В истории изучения федоровской культуры исследователи неоднократно обращались к оценке сложности надмогильных сооружений в рамках одного могильника (Сальников, 1940, с. 58) или разных памятников (Кузьмина, 1973, с. 156). Полученные данные использованы для характеристики погребальной архитектуры алакульской, федоровской и черкаскульской культур (Малютина, 1984, с. 70; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 78).

Выводы о трудозатратах погребальных сооружений федоровской культуры обычно связаны с определением источников и видов каменного сырья, дистанции его транспортировки (Сальников, 1940, с. 60), в некоторых случаях также определены масса каменного сырья и объем использованного грунта (Усманова, 2005, с. 75; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 78).

Попытки унификации данных о трудозатратах выполнены по материалам мог. Звягино-1, расположенного в долине р. Коелга, в Чебаркульском районе Челябинской области. Специфика памятника заключается в том, что из 10 исследованных курганных захоронений, все оставлены носителями федоровской культуры. Часть насыпей оформлена каменными оградами. Первые опыты детального исследования каменных конструкций могильника были проведены с использованием методов математического и петрографического анализа (Алаева, Валавин, Юминов, 2023).

Для определения трудозатрат на сооружение каменных оград использованы следующие параметры: диаметр и площадь ограды, размер плит, объем, масса и вид использованного сырья.

За диаметр конструкции взято среднее расстояние между противоположными точками внутреннего и внешнего контуров ограды, без учета нарушений конструкции.

Каменные ограды сложены преимущественно из отдельных монокварцитов размером от 20×20 до 60×50 см и крупных плит размером до 145×85 см.

Площадь ограды представлена суммой всех площадей плитчатых отдельных, использованных для сооружения ограды. Вычисления сделаны при помощи программного обеспечения CorelDraw2019 со сторонним макросом San_CurveInfo.

Масса каменной конструкции вычислялась исходя из вида и объема использованного каменного сырья. В нашем случае это кварцит. Плотность кварцитов в среднем составляет 2650 ± 50 кг/м³ (Акимова, Курденкова, 2007, с. 13).

Для расчета трудозатрат добычи и транспортировки каменного сырья использована модель трудозатрат на сооружение каменной облицовки обводной стены укрепленного поселения бронзового века Каменный Амбар (Чечушков, 2022).

В связи с отсутствием данных о трудозатратах на добычу каменного сырья для бронзового века Южного Зауралья использованы этнографические данные добычи туфа из карьеров в Центральной Америке (750 кг/чел. дн) (Abrams, 1994, с. 44).

Показатели, связанные с транспортировкой, вычислены по формуле: $M_{\text{опт}} \times V/S$, где $M_{\text{опт}}$ – оптимальная масса груза (кг); V – скорость животного шагом (км/ч); S – расстояние. $M_{\text{опт}} = (F_t/C_d) - M_{\text{тел}}$, где F_t – сила тяги животного; C_d – коэффициент сопротивления грунта; $M_{\text{тел}}$ – масса телеги (Карлсен, 1951, с. 12, 13).

Примерное расстояние до источников каменного сырья составляет около 3 км. (Алаева, Валавин, Юминов, 2023, с. 133). Значение коэффициента сопротивления грунтовой дороги (0,07), массы телеги (200 кг) и скорости шага лошади (4-6 км/ч) выбраны из этнографических данных (Карлсен, 1951, с. 13, 195). F_t животного зависит от его массы. Для лошадей, сопоставимых с породами бронзового века, средний вес доходит до 275 кг (Свечин и др., 1992, с. 119). F_t лошадей близкого телосложения составляет 15% от веса, т.е. 41 кг.

Обсуждение результатов. Результаты сравнения оград представлены в таблице (табл.1).

№ кургана	D _{внут} (м)	D _{внеш} (м)	Максимальный размер элементов (см)	S (м ²)	V (м ³)	M (т)	TЗ (чел.дн)
5	4,5	5-6	80x64	6,54±0,73	0,58±0,29	1551±798	2,57±1,32
6	3	5	55x50	8,78	0,74±0,31	1990±846	3,30±1,40
7	5-7	6-10	66x63	14,19	1,49±0,78	3988±2142	6,61±3,55
10	6	7,2	145x83	18,67	1,68±0,75	4490±2071	7,44±3,44
Всего				48,18±0,73	4,5±2,13	12020±5857	19,92±9,71

Таблица 1. Каменные ограды мог. Звягино-1. Dвнут – внутренний диаметр ограды; Dвнеш – внешний диаметр ограды; S – площадь конструкции; V – объем конструкции; M – масса конструкции; TЗ – трудозатраты на возведения конструкции

Данные таблицы показывают, что суммарные трудозатраты на возведение оград могильника Звягино-1, составляют около 20 чел.дн, а на сооружение одной ограды может быть задействовано от 2,6 до 7,4 чел.дн.

Очевидно, что реальная трудоемкость возведения оград была выше. Во-первых, использование коэффициента трудозатрат на добычу туфа в этнографических данных иной географической зоны не вполне корректно по отношению к лесостепному Зауралью, что явно снижает показатели реальной трудоемкости. Во-вторых, в работе не учитывается ряд технических операций: заготовка, погрузка и выгрузка строительного материала, непосредственное возведение ограды. Наконец, для понимания реальной трудоемкости погребальной архитектуры необходимы вычисления трудозатрат на подготовку и обустройство погребальной камеры, площадки внутри ограды и возведение насыпи. Однако, можно отметить, что суммарные трудозатраты на сооружение оград мог. Звягино-1, сопоставимы с каменными сооружениями курганов «с усами» V – нач. VII вв. (Боталов, 2013, с. 71), трудозатраты которых определяются около 30 чел.дн. (Никольский, Грудочко, 2015, с. 278, 280).

Среди исследованных оград выделяются две группы, отличающиеся по сложности сооружения. Ограды курганов №5 и №6 характеризуются меньшим диаметром, использованием преимущественно плитчатых отделностей средних размеров и общей массой около 1,5-2 т. Ограды курганов №7 и №10 характеризуются большим диаметром (6 м / 7–8 м), использованием, в том числе, массивных отделностей до 100×70 и 150×80 см и средней массой в 4-4,5 т.

Трактовка различия трудозатрат сооружений не однозначна. Предполагая относительную синхронность конструкций, можно говорить о возможном наличии социальных различий погребенных, отраженных в сложности сооружения ограды кургана. С другой стороны, различие использования камня в оградах может быть связано с дефицитом сырья, вызванным отработкой месторождения. В связи с отсутствием как хронологических, так и половозрастных или статусных маркеров погребений, равновероятны обе гипотезы.

Библиографический список

1. Акимова Т. Н., Курденкова И. Б. Природные каменные материалы. Методическое пособие. М.: МАДИ (ГТУ), 2007. 54 с.
2. Алаева И. П., Валавин Н. А., Юминов А. М. Строительные элементы каменной ограды могильника Звягино-1 // Геоархеология и археологическая минералогия – 2023.

Научное издание. Миасс-Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2023. С. 126-134.

3. Боталов С. Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов : сб. науч. тр. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 32-87.

4. Карлсен Г. Г. Использование рабочих лошадей в колхозах. М: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1951. 208 с.

5. Кузьмина Е. Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 220-230.

6. Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

7. Никольский В. Ю., Грудочко И. В. Геоархеологическое исследование курганов с «усами» Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск: ОГБУК «Челябинский государственный краеведческий музей», 2015. С. 273-282.

8. Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области // Археологические материалы Урала и Прикамья. М., 1940. С. 58-68.

9. Свечин К. Б., Бобылев И. Ф., Гопка Б. М. Коневодство. М: Колос, 1984. 352 с.

10. Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский могильник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. 160 с.

11. Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I. Караганда – Лисаковск: Караганд. гос. ун-т им. Е. А. Букетова, 2005. 232 с.

12. Чечушков И. В. Трудозатраты при строительстве поселения эпохи поздней бронзы Каменный Амбар в долине реки Карагайлы-Аят // Уральский исторический вестник. 2020. №2(67). С. 26-34.

13. Abrams E. M. How the Maya Built Their World: Energetics and Ancient Architecture. Austin: University of Texas Press, 1994. (in English) 198 с.

УДК 902.01

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВВОДНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КАК ОСОБОГО ВИДА РИТУАЛЬНОЙ (ПОГРЕБАЛЬНОЙ) ПРАКТИКИ НОМАДОВ

© *Валиханова Милена Булатовна*

Евразийский Национальный Университет им. Л. Н. Гумилева, г. Астана

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры археологии и этнологии ЕНУ им. Л. Н. Гумилева Брынза Татьяна Васильевна.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению культурологических факторов распространения вводных погребений у номадов как особой ритуальной практики. Вводные погребения у кочевников Центральной Азии встречаются часто и под одной курганной

насыпью может находиться несколько погребений, и рассмотрение культурологических факторов распространения данной практики может дать сведения об устройстве жизни, возможных причинах захоронений именно таким способом.

Ключевые слова: вводные погребения, Центральная Азия, раннемусульманские захоронения, причины распространения.

Вводные погребения встречаются повсеместно в Казахстане, начиная еще с энеолита. Такая практика осталась и в средневековое время с принятием ислама. Проблема изучения вводных погребений заключается в доступных материалах, зачастую их рассматривают как рядовые захоронения. Несмотря на это впускные погребения могут дать обширные представления о мировоззрении людей, антропологическим облике (Матренин, 2015, с. 144). О возможных причинах распространения впускных погребений в афанасьевской культуре говорит Е. А. Тюрина, предполагая, что они совершались ввиду родства и/или социального статуса (Тюрина, 2009, с. 238).

Одним из ярких памятников с впускными погребениями на территории Астаны является курган Кызылсуат. Он находится в Акмолинской области, на левом берегу реки Ишим. Курган элитный, об этом говорят его размеры: диаметр 54-57 м., имеется ров шириной 8 м. Раскопки велись в 2023 году Ишимской археологической экспедицией. В разных местах кургана было раскопано 17 вводных погребений (Хабдулина и др., 2023).

Центральное погребение было ограблено, вероятно всего там был похоронен царь. Курган датируется VII-VI вв. до н.э. В одном из вводных погребений найдены серьги, и именно по ним погребение датируется раннемусульманским временем (XIII-XIV вв.). 16 погребений имеют узкие могилы, заполненные камнями. Умершие лежат на спине с вытянутыми руками, голова на северо-запад, сопутствующих вещей. Все это дает нам определить могилы как мусульманские, так как похоронены они по законам шариата (мусульманское право). Предположительная датировка XV-XVI вв. (Дукомбайев, 2023, с. 24).

О культурологических факторах распространения такой формы погребений у кочевников писал В.В. Евдокимов, он на примере памятника Переселки II (VII-V вв. до н.э.) предположил, что впускные погребения курганов являются погребениями людей из одной общины (Евдокимов, 2021, с. 59). Он отнес вводные погребения курганов №2 и №3 к предсарматскому и сарматскому времени.

Определить семантику таких погребений довольно сложно. Единственное, что очевидно на данный момент, что такой вид захоронений был распространен на довольно большом промежутке времени для региона Центральной Азии. Н. Н. Серегин выделяет несколько возможных причин распространения данного типа погребений для территории Минусинской долины, где такая практика не получила распространения:

1. Сложный исторический промежуток времени (вторая половина I тысячелетия н.э.), связанный с политической нестабильностью. Здесь стоит отметить, что Н. Н. Серегин рассматривает материалы комплексов Бертек, Пазырык, Кок-су и других.

2. Социальный статус тюрок, вероятно низким, или специфичным, который Н. Н. Серегин связывает с малочисленным погребальным обрядом (Серегин, 2016, с. 43).

Стоит отметить, что у кочевников очень силен культ предков, это прослеживается во многих аспектах жизни, в том числе и погребальном ритуале. Так называемый социокультурный фактор, который обусловлен взаимовлиянием культур, образа жизни, в нашем случае кочевого. Кочевники особенно чтят и места захоронения предков, этот культ существует вместе с исламом и в наши дни, что говорит о крайне высокой степени важности данного культа (Кулумжанов, 2018, с. 162).

В подтверждение можно привести курган №2 могильника Куйгенжар. Курган №2 расположен на территории Астаны, по правому берегу реки Ишим. В кургане №2 раскопано 7 вводных погребений, датируемых XIV-XVI вв. (Тлеугабулов, 2020, с. 93-94). Антропологический материал погребений был отправлен на исследования. Исследования показали родственную связь между двумя вводными погребениями 2 и 7 (Anna E. White, 2021). Вполне возможно, что сына похоронили рядом с предками как знак почтения семейных связей.

Для вводных погребений кургана Кызылсуат исследований на ДНК не было проведено, поэтому мы можем только предполагать, что легло в основу данной погребальной практики. Из 17 погребений 6 принадлежат детям. Н. Н. Серегин для раннесредневековых тюрок-кочевников выделяет целую группу детских захоронений под одной курганной насыпью с другими (Серегин, 2013, с. 69). Связана ли такая преемственность с культом предков описанным выше судить пока сложно из-за скудности материала. Как говорилось выше, вводные захоронения Кызылсуата относятся к раннемусульманскому времени, и формирование мусульманских некрополь часто связано с погребением «родоначальника» либо особого духовного лица (Хабдулина, 2016, с. 95). Все это относится к социокультурному фактору распространения впускных погребений.

Таким образом, в ходе изучения различных вводных погребений на территории Центральной Азии можно выделить несколько возможных факторов распространения особой погребальной практики у кочевников на протяжении многих веков. Прежде всего это социальный фактор, который связан со статусом, верованиями погребенных. На это указывают многие маркеры: погребения родственников под одной курганной насыпью, все вводные погребения Куйгенжара и Кызылсуата выполнены в примерно один промежуток времени XIV–XVI вв., и являются раннемусульманскими. Для точного определения всех возможных культурологических факторов и их анализа требуется все же больше материала и описаний, биологических исследований вводных погребений.

Библиографический список

1. Евдокимов В. В., Сеитов А. М. Савроматские погребения могильника Переселки II в верхнем Притоболье // Археология Казахстана №3 (13). Алматы, 2021. С. 49-65.
2. Кулумжанов Н. Е., Жолдубаева А. К., Котошева К. К. Культ предков в миропонимании казахов // Вестник КазНУ. Серия «Философия, культурология, политология» №1 (63) 2018. Алматы, 2018. С. 159-167.
3. Матренин С. С. Впускные погребения Алтая хуннуско-сянбийско-жужанского времени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края Барнаул, 2015. №21 С. 144-153.
4. Серегин Н. Н. / Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов): монография. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2013. 206 с.
5. Серегин Н. Н., Впускные погребения тюрок Алтая и сопредельных территорий // Теория и практика археологических исследований Барнаул, 2016. №2. С. 37-45.
6. Тюрина Е. А. Опыт классификации погребальных сооружений афанасьевской культуры // Известия АлтГУ. 2009. №4-2. С. 237-242.
7. Хабдулина М. К., Билялова Г. Д., Бонора Ж. Л. Распространение ислама в восточном Дашт-и-кыпчаке по материалам городища Бозок // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2018. №1(14). С. 16-30.
8. Хабдулина М. К., Тлеугабулов Д. Т., Дукомбайев А. Т., Кошман Т. В., Букешева Г. К., Сапарова К. С., Гайса А. М., Бонора Ж. Л. / Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная

монография. Нур-Султан – Рим, 2020. 222 с. С. 96-134.

9. Хабдулина М. К., Раннемусульманские погребения некрополя городища Бозок // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Казань-Ялта-Кишинёв, 2016. С. 94-96.

10. Хабдулина М. К., Тлеугабулов Д. Т., Брынза Т. В., Дукомбайев А. Т., Сапарова К. С., Молдахметова А. Е. Отчет о научно-исследовательской работе археологическое исследование кургана Кызылсуат в Акмолинской области (заключительный). Астана, 2023 г.

11. White AE, de-Dios T, Carrión P, Bonora GL, Llovera L, Cilli E, Lizano E, Khabdulina MK, Tleugabulov DT, Olalde I, Marquès-Bonet T, Balloux F, Pettener D, van Dorp L, Luiselli D, Lalueza-Fox C. Genomic Analysis of 18th-Century Kazakh Individuals and Their Oral Microbiome. *Biology (Basel)*. 2021. 21 p.

УДК 902/904

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

© Гаврилин Александр Сергеевич

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Научный руководитель – к.и.н., доцент школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Ткачев Александр Александрович

Аннотация. В данной статье рассматривается археологическая реконструкция как комплексный метод исследования, предлагается феноменологический и методологический анализ. Дается определение археологической реконструкции и подчеркивается ее практикоориентированный характер, объясняется, как она может быть использована в различных научных дисциплинах. Используя этот метод, исследователи могут собирать информацию, решать проблемы и углублять свое понимание предмета.

Ключевые слова: Археология, археологическая реконструкция, методы

Термин «реконструкция» имеет латинское происхождение и обозначает восстановление или возобновление расположения частей, а также расположение чего-либо. Во-первых – это действия, предпринятые для воссоздания объекта, а во-вторых, итог или результат таких действий (Словарь Ожегова). Практическая природа «реконструкции» как деятельности и ее результата позволяет трансформировать ее в процедуру в рамках исследовательской практики различных научных областей. В контексте исследования реконструкция служит средством восстановления объекта, с целью более глубокого понимания его функционирования при помощи наглядности. Этот процесс предполагает применение различных приемов и методологий, характерных для каждой научной дисциплины. Например, в археологии методы реконструкции используются для воссоздания древних сооружений или артефактов на основе имеющихся доказательств (Васильевский, Холушкин, 1985, с. 3). В таких областях, как история, социология или экология, исследователи могут заниматься реконструкцией

прошлых событий, социальных структур или развития окружающей среды.

В книге В. В. Зверева и Л. А. Лелекова «Методические рекомендации по реконструкции и реставрации археологических находок» историческая реконструкция определяется как форма археологической реконструкции (Зверев, Лесков, 1989, с. 62). Авторы отличают реконструкцию от реставрации, поскольку первая не предполагает физического восстановления памятника, а скорее опирается на научные исследования. Этот термин не имеет значимого пересечения с таким распространенным в археологии термином, как «биоархеологическая реконструкция» (Павленок, 2016, с. 89). Это словосочетание используется для обозначения процедур, проводимых с комплексом «ископаемого скелетного материала из одного памятника с целью полной антропологической характеристики» (Богатенков, Дробышевский, 2004, с. 37). Споро-пыльцевой анализ также является одним из наиболее значимых методов реконструкции палеорастиельности и природной среды прошлого в целом. Древние климаты (которыми занимается палеогеография) реконструируются по различным косвенным признакам – вещественному составу и текстурным особенностям горных пород, а также по ископаемым остаткам организмов (Сергушева, 2003, с. 7-8). Данные для таких исследований часто локализуются на археологических памятниках. Кроме того, исследование и реконструкция поселений дает информацию о рационе древних людей. Остатки растений, получаемые из культурных отложений, является источниковой базой для археоботаники. Палеоботанический анализ все шире применяется при исследовании материальной культуры древних обществ с целью изучения характера сельскохозяйственного производства, и в первую очередь, земледелия (Кравченко, Пашкевич, 1985, с. 179). С использованием фосфатных и микробиологических методов исследования почв подлежит реконструкции состав погребальной пищи в глиняных сосудах (Демкин и др., 2014, с. 149). Животная пища занимает важное место в жизни древних людей, ведь охотились и разводили животных характерных для данного ареала обитания. Подобные исследования способствуют изучению не только археологической культуры, но и природных условий в которых она существовала.

Анализ границ понятий, соотносимых с термином «реконструкция» в исторической науке, показывает, что добавление уточняющих терминов «исторический» и «археологический» не дает точного определения термину. Это объясняется различными взглядами на роль археологии по отношению к другим историческим наукам, а также уникальной природой археологии как дисциплины (Мартынов, 2013, с. 17, 41).

Помимо вышеупомянутых вопросов, связанных с определением границ реконструкции в различных научных областях, важно признать необходимость разграничения различных аспектов реконструкции. Она:

- 1) является этапом анализа ископаемых данных, позволяющим расшифровать информацию;
- 2) подразумевает создание модели, представляющей рассматриваемый объект;
- 3) включает в себя историческую и антропологическую интерпретацию объекта.

По мнению автора, важно распознавать разные объекты реконструкции. В археологических и исторических науках реконструкция может ориентироваться не только на сохранившиеся фрагменты реальных предметов, но и на события и процессы, связанные с этими предметами.

Можно сделать вывод, что археологическая реконструкция – это комплексный междисциплинарный подход, используемый для изучения древних артефактов, событий и эволюционных процессов, связанных с историей человечества. Эта процедура предполагает точную реконструкцию информации с использованием различных научных методов.

Процесс реконструкции происходит в несколько этапов, начиная с отбора и описания археологического материала и заканчивая интерпретацией этой информации. Создание реконструкции и ее последующая проверка также являются неотъемлемой частью этого процесса. При этом могут использоваться различные методы, заточенные на получение той или иной информации, восстанавливающие отдельные аспекты реконструкта. Поэтому на разных этапах и уровнях используется сочетание различных методов для достижения желаемого результата.

Библиографический список

1. Богатенков Д. В., Дробышевский С. В. Биоархеологическая реконструкция (гlossарий) // Богатенков Д. В., Дробышевский С. В. Антропология: учебно-методический комплекс / ред. Т.И. Алексеева. М.: Институт дистантного образования российского университета дружбы народов, 2004. 459 с.
2. Васильевский Р. С., Холюшкин Ю. П. Проблемы реконструкций в археологии // Проблемы реконструкций в археологии: сборник статей. Новосибирск, 1985. С. 3-5.
3. Демкин В. А., Демкина Т. С., Удальцов С. Н. Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений с использованием фосфатного и микробиологического методов // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2014. С. 148-159.
4. Зверев В. В., Лелеков Л. А. Методические рекомендации по реконструкции и реставрации археологических находок // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация: сборник научных трудов. М.: ВНИИР, 1989. С. 6-65.
5. Кравченко Н. М., Пашкевич Г. А. Некоторые проблемы методики палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. до н.э.). – Археология и методы исторической реконструкции, под ред. В.Ф. Генинга. Киев: Наукова думка, 1985. С. 177-190.
6. Мартынов А. И. Археология в системе исторических знаний // Археология: учебник для бакалавров, 7-е изд. М.: Юрайт, 2013. С. 15-47.
7. Павленок М. О. Археoантропологическая реконструкция как междисциплинарный метод // СибСкрипт, 2016. С. 88-93.
8. Сергушева Е. А. Археоботанические исследования в лаборатории палеoэкологии человека // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2012. С. 6-12.
9. Толковый словарь Ожегова Онлайн [Электронный ресурс] URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27038> (дата обращения: 23.10.2023).

УДК 902/904

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ ДРАЧЁВО II

© *Голдобин Илья Сергеевич*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

Научный руководитель – преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии ПГГПУ Батуева Надежда Сергеевна

Аннотация. В статье приводятся результаты типологического анализа керамики поселения Драчёво II. Преобладают профилированные сосуды с уплощёнными и округлыми венчиками. Цвет сосудов представлен оттенками бежевого, серого и коричневого. В орнаменте наиболее распространены накольчатые вдавления и насечки. Также, в статье приводится сравнительный анализ между керамикой поселения Драчёво II и сосудами ерзовской культуры.

Ключевые слова: типологический анализ, ерзовская культура, керамика, орнамент, поздний бронзовый век.

Археологический памятник Драчёво II, поселение – расположен на территории Пермского края в Осинском муниципальном районе, п. Рейд, на юго-западной окраине, по левому берегу р. Кама. Памятник был открыт в 2000 г. сотрудниками Камской экспедиции Пермского университета А. Ф. Мельничуком и П. А. Корчагиным. Первые исследования памятника проводились в 2001 г. на площади 100 кв.м. сотрудником КАЭ ПГУ А. В. Бушмаковым, к сожалению, материалы этих исследований были утрачены.

В июле 2023 г. на территории памятника проводились археологические раскопки отрядом КАЭЭ ПГГПУ, совместно с ПРОО «Археологи Прикамья», под руководством Батуевой Н. С., в результате которых было обнаружено 1444 фрагмента керамики.

В результате исследования керамического комплекса поселения Драчёво II из 1444 фрагментов было выделено 130 сосудов на основе сохранившихся частей венчиков и шеек. Критериями для анализа керамики были: цвет, толщина, форма венчиков и шеек посуды и орнаментация. Выделение профилированных и непрофилированных сосудов было проведено на основе изучения сохранившихся фрагментов.

В результате полевых исследований, на основании стратиграфии, нами было принято решение рассматривать керамику двумя группами: I – посуда, обнаруженная на глубине до 50 см, II – от 50 см и ниже. Такое разделение, было связано с наличием стерильной прослойки (Батуева, 2023).

I группа – представлена 105 сосудами, среди которых 60 (57% сосудов в группе) не орнаментированы и 45 (43% сосудов в группе) орнаментированы. Цвет посуды в этой группе представлен как светлыми, так и тёмными оттенками бежевого, серого и коричневого. Керамику I группы можно разделить на профилированную (72 экз. – 69% сосудов в группе) и непрофилированную (2 экз. – 1,9% сосудов в группе).

Толщина стенок сосудов I группы находится в диапазоне от 2 до 9 мм, но наиболее распространены сосуды с толщиной стенок в диапазоне от 4 до 7 мм. По форме выделяются уплощённые (63 экз. – 60% сосудов в группе), округлые (24 экз. – 23% сосудов в группе) и заострённые (5 – 5% сосудов в группе) венчики.

Среди орнамента на сосудах I группы наиболее распространены накольчатые вдавления и насечки. Реже встречаются ямочные вдавления, гребенчатый, прочерченный и шнуровой виды орнамента (табл.1).

Орнаментация	Кол-во сосудов	Процентное соотношение от общего количества сосудов в группе
Накольчатые вдавления	12	11
Насечки	21	20
Гребенчатый орнамент	5	5
Ямочные вдавления	7	7
Прочерченный орнамент	1	1
Шнуровой орнамент	2	2
Нет орнамента	60	57

Таблица 1. Орнаментация сосудов группы I

II группа – представлена 25 сосудами. К этой группе относятся 19 (76% сосудов в группе) неорнаментированных и 6 (24% сосудов в группе) орнаментированных сосудов. Вся керамика этой группы является профилированной. Цвета посуды представлены оттенками песочного, бежевого и серого.

Толщина стенок посуды II группы находится в диапазоне от 2 до 11 мм. По аналогии с I группой, наиболее распространены сосуды с толщиной стенки в диапазоне от 4 до 7 мм. По форме выделяются округлые (4 экз.) и уплощённые (16 экз.) венчики.

Среди видов орнамента II группы сосудов фиксируются накольчатые вдавления, насечки, ямочные вдавления и гребенчатый орнамент. Наиболее распространена орнаментация насечками и накольчатыми вдавлениями (табл.2).

Орнаментация	Кол-во сосудов	Процентное соотношение от общего количества сосудов в группе
Накольчатые вдавления	2	8
Насечки	3	12
Ямочные вдавления	1	4
Гребенчатый орнамент	1	4
Нет орнамента	19	76

Таблица 2. Орнаментация сосудов группы II

В результате сравнительного анализа двух групп керамики мы можем говорить о преобладании неорнаментированной посуды. Самые распространённые виды орнамента среди сосудов двух групп – накольчатые вдавления и насечки. Посуда обеих групп имеет сходство в цветовых оттенках. К отличиям можно отнести наличие шнурового и прочерченного орнамента среди сосудов I группы, которые не встречаются на сосудах II группы.

Таким образом, керамический комплекс поселения Драчёво II в основном состоит

из профилированных сосудов. Форма венчиков преимущественно уплощённая, реже встречаются округлые венчики. Орнаментация есть только на верхних частях сосуда и в большинстве случаев на посуде не встречается больше одного вида орнамента. Преобладающими являются сосуды с толщиной стенок в диапазоне от 4 до 7 мм.

Кроме того, был выполнен сравнительный анализ с керамикой позднего бронзового века, которая относится к ерзовской культуре. Ерзовская археологическая культура была выявлена в ходе раскопок О. Н. Бадера и В. П. Денисова (Бадер, Оборин, 1958, с. 91). Обращаясь к исследованиям В.П. Денисова в области изучения ерзовской культуры стоит отметить, что он выделял 2 типа сосудов (Денисов, 1961, с. 66–69):

1) «К первому этапу ерзовской культуры относится 7 памятников: Ерзовка (жил. 2), Старушка I, Старушка III, Еловская (жил. 8-10), Забойная (жил. 5), Заюрчим (жил. 2) и Игнашихинское местонахождение» (Денисов, 1961 с. 68). Сосуды горшковидной формы с сильно расширенными боками, суженным горлом и небольшим плоским дном. Прямые или отогнутые шейки. Переход от шейки к тулову довольно резкий. Сосуды тонкостенные (3-5 мм). Верхняя часть сосудов орнаментирована зубчатым или гладким штампом, ямочными вдавлениями, прочерченными линиями и насечками. Нижняя часть орнамента не имеет (Денисов, 1961, с. 66-67).

2) «Ко второму этапу ерзовской культуры относится пять поселений и местонахождений: Ерзовское поселение (жил. 1), стоянка Бойцово II, Заюрчимское поселение, Галкинское городище и стоянка Бор I (жил. 2)» (Денисов, 1961, с.69). Сосуды бомбовидной формы с прямой или слегка отогнутой шейкой, округлым дном и выпуклой стенкой. Толщина стенок до 7 мм. Верхняя часть сосуда орнаментирована ямочными вдавлениями, насечками, S-видным штампом и прочерченными линиями. Орнаментальная зона заполнена реже, а сочетание узоров более однообразное (Денисов, 1961, с. 68-69).

При сравнении посуды поселения Драчёво II и керамики ерзовской культуры удалось выявить как общие черты, так и различия.

К общим чертам посуды можно отнести:

1. Орнаментацию только верхней части сосудов;
2. Орнаментацию, выполненную насечками;
3. Толщину стенок сосудов второго типа и керамики поселения Драчёво II;
4. Орнаментацию сосудов второго типа и керамики поселения Драчёво II, которая выполнена редко и однообразно.

Среди различий можно выделить:

1. Толщину стенок сосудов первого типа и керамики поселения Драчёво II;
2. Орнаментация сосудов поселения Драчёво II не так богата на ямочные вдавления, прочерченный орнамент и гладкий штамп.

Таким образом, посуда обеих групп поселения Драчёво II имеет ряд черт, роднящих её с посудой ерзовской культуры, в частности – с керамикой второго типа, выделенной В. П. Денисовым. На сегодняшний день поселение Драчево II относится к периоду позднего бронзового века. На основе проведенного сравнительного анализа с посудой ерзовской культуры, мы отметили схожесть данных двух групп керамики. Однако, для более тщательного исследования посуды поселения Драчево II необходимо провести как дополнительные полевые исследования памятника, так и сравнительные анализы с более поздними культурными типами керамики.

Библиографический список

1. Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь. Пермское книжное издательство, 1958. 244 с.
2. Батуева Н. С. Отчет о раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Драчево II, поселение» в Осинском городском округе Пермского края // Архив МАЭ ПГГПУ.
3. Денисов В. П. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье / В. П. Денисов // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 66-75.

УДК 902.26

ПАМЯТНИКИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© *Голдырев Андрей Юрьевич*

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск

Научные руководители – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории ЮУрГГПУ

Алаева Ирина Павловна,

к.и.н., научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

Молчанов Иван Владимирович

Аннотация. Статья посвящена вопросу появления абашевских памятников в Южном Зауралье. Опираясь на картографирование поселений и могильников абашевской культуры выявлены возможные причины расселения носителей этих культурных традиций в Южном Зауралье.

Ключевые слова: бронзовый век, Южное Зауралье, абашевская культура, картографирование, поселения, могильники.

Изучение абашевских древностей на Южном Урале достаточно хорошо отражено в историографии. Существуют различные точки зрения на присутствие абашевской культуры в Южном Зауралье. К. В. Сальников по материалам Мало-Кизыльского селища и Верхне-Кизыльского клада выделял магнитогорской вариант абашевской культуры. Основанием для такого вывода стали различия в орнаментации керамики и примеси в глине между приуральскими и зауральскими памятниками (Сальников, 1954; Сальников, 1967, с. 124-127). В. С. Горбунов считает абашевские древности Приуралья отдельной культурой в рамках абашевской культурно-исторической общности, к которой относит также синташтинские памятники Зауралья (Горбунов, 1992). Некоторые авторы считают, что для выделения отдельного локального варианта в Зауралье недостаточно материалов (Епимахов, Чуев, 2011).

Одна из первых работ по картографированию памятников абашевской культуры на Южном Урале была проведена А. В. Епимахов и Н. И. Чуевым в связи с проблемой соотношения абашевских и синташтинских памятников (Епимахов, Чуев, 2011). Однако до сих пор не до конца ясны причины расселения абашевского населения за Урал.

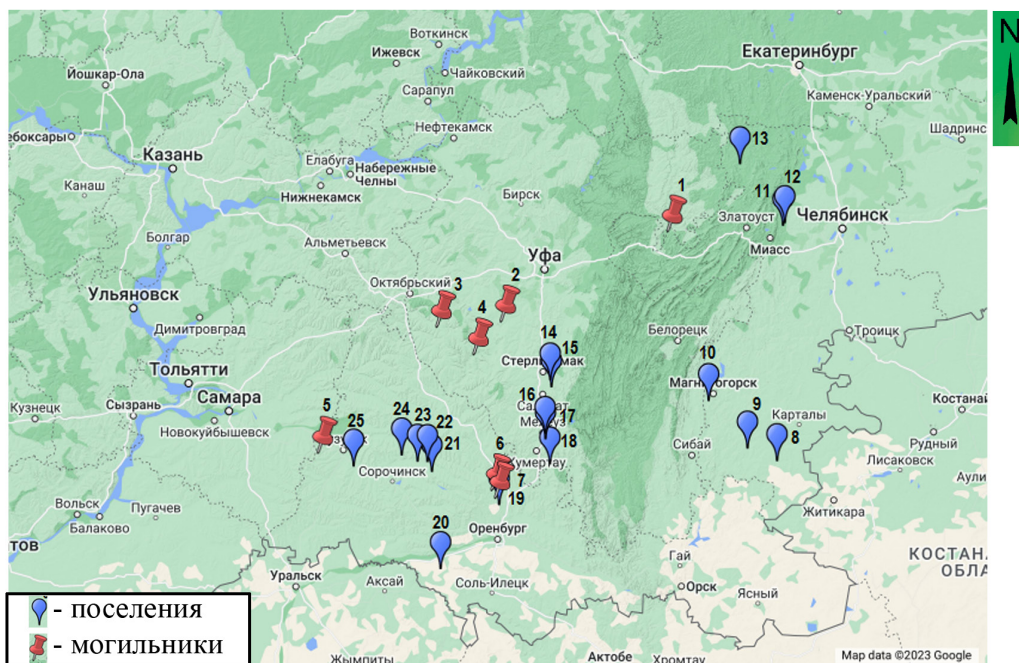

Рис. 1. Памятники абашевской культуры на Южном Урале:

- 1 – мог. Юкаликулево; 2 – мог. Старо-Ябалаклинский; 3 – мог. Метев-Тамак; 4 – мог. Нижне-Чуракаево;
 5 – мог. Никифоровское лесничество; 6 – мог. Белозёрка; 7 – мог. у горы Берёзовой; 8 – пос. Коноплянка II; 9 – пос. Заря I;
 10 – пос. Верхне-Кизыльское; 11 – пос. Берёзки I; 12 – пос. Берёзки V; 13 – стоянка Серный ключ; 14 – пос. Урняк;
 15 – пос. Баланбаш; 16 – пос. Юмаковское I-IV; 17 – пос. Береговское I-II;
 18 – пос. Тюбяк; 19 – пос. Буланово II; 20 – пос. Родниковское; 21 – пос. Пушкинское I; 22 – пос. Ивановское;
 23 – пос. Токское; 24 – пос. Карьяпово; 25 – пос. Сухореченское II.

Исследования последних лет выявили два новых памятника с абашевскими материалами в Южном Зауралье – это поселения Коноплянка 2-2 (Корякова и др., 2020, Корякова и др., 2022) и Заря I (Алаева, 2020). В этой связи вновь встаёт вопрос о причинах появления абашевского населения в Южном Зауралье. В качестве задач исследования определены: Картографирование памятников абашевской культуры на Южном Урале с учётом новых данных; Характеристика и анализ материалов абашевских памятников на Южном Урале.

Все абашевские памятники в Оренбуржье находятся в подзоне северной степи и тяготеют к границе с лесостепью, примыкая к основному массиву абашевских памятников Башкирии (Ткачёв, 2007, с. 216). Памятники на территории Башкирии, прежде всего, расположены по реке Белой и её притокам (Горбунов, 1992). Для памятников Зауралья характерно более сильное влияние автохтонных культур, в орнаментации керамики уменьшается количество элементов, присущих абашевской культуре Чувашии и Башкирии (Сальников, 1954).

Зауральские памятники абашевской культуры можно разделить на две географические группы (рис. 1):

– первая находится в горно-лесной зоне (стоянка Серный ключ и памятники на Аргазинском водохранилище – пос. Берёзки I, V);

– вторая – в степной части (Мало-Кизыльское селище, пос. Коноплянка 2 и Заря I.

На Серном ключе следов построек не сохранилось. Он был лишь временной стоянкой абашевского населения, пришедшего за сырьём для металлургии (Борзунов и др., 2020).

Керамика поселений Берёзки I и Берёзки V имеет черты местных более древних культур: сплошная орнаментация, орнаментация внутренней стороны шейки, простые гребенчатые узоры на плечиках. К абашевским чертам относятся: плоский срез венчика,

ребро на внутренней стороне шейки, желобки, ограниченные округлыми вдавлениями (Петрин и др., 1993). Также к горно-лесной зоне может быть отнесён Юкаликулевский могильник, в материалах которого прослеживается влияние зауральских культур в виде примеси талька в глине (Сальников, 1967).

Общие черты абашевской культуры прослеживаются в керамике Мало-Кизыльского селища. В глине примесь талька. Элементы орнамента – ряды поясков из горизонтальных и волнистых желобков, гребенчатых зигзагов, острые арочки, группы насечек – схожи с керамикой поселения Баланбаш. Ряд элементов формы и орнамента К.В. Сальников считает связью с лесными районами Урала и Зауралья, где эти формы известны ещё с неолита, например, прямостенная керамика со слабо выраженным горлом или вообще без него (Сальников, 1954).

В коллекции керамики пос. Коноплянка 2 преобладают крупные сосуды баночной формы с прямым венчиком. В орнаменте – горизонтальные зигзаги и линии, насечки, волнообразные линии. В глине – примесь талька (Корякова и др., 2020).

В материалах пос. Заря I имеются крупные абашевские сосуды баночной формы, покрытые рядами желобков и группами зигзагов из оттисков гребенчатого штампа. В глине примесь талька, толчёных раковин.

Таким образом, для памятников горно-лесной зоны более характерно влияние местных культур предшествующей эпохи, проявляющееся в форме и орнаменте керамики. Кроме того, в материалах Мало-Кизыльского селища также есть черты автохтонных культур, однако для других памятников степной зоны это не характерно.

О причинах расселения абашевских племён за Урал писал ещё К. В. Сальников. Он считал, что их, прежде всего, привлекали месторождения меди (Сальников, 1967, с. 140). Это утверждение можно считать справедливым для памятников горно-лесной зоны, изобилующей месторождениями меди. Наличие металлургического производства (развал горна, литейные формы) на поселении Серный ключ подтверждает это (Борзунов и др., 2020). Вероятно, поиски меди являются причиной проникновения абашевского населения и в степную зону. Об этом говорит явная выраженность предметов, связанных с металлургией на Мало-Кизыльском селище (Сальников, 1967) и поселении Коноплянка 2-2 (Молчанов, Корякова, 2022).

Библиографический список

1. Алаева И. П. Система расселения в степной части Южного Зауралья в бронзовом веке (по материалам памятников в долине реки Зингейка) // Экология древних и традиционных обществ. Материалы VI Международной научной конференции. Тюмень, 2020. С. 15-18.
2. Ткачёв В. В. Степи Южного Приуралья и западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 387 с.
3. Горбунов В. С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992. 223 с.
4. Сальников К. В. Абашевская культура на Южном Урале // Советская археология. 1954. XXI. С. 52-94.
5. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука 1967. 408 с.
6. Епимахов А. В. Чуев Н. И. Абашевские и синташтинские памятники: предварительный результаты пространственного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №2(15). С. 47-56.
7. Корякова Л. Н., Молчанов И. В. Булакова Е. А., Солдаткин Н. В. Коноплянка 2-2 – Новое поселение абашевской культуры в Южном Зауралье. Результаты исследований 2019-

2021 г. // XXII Уральское археологическое совещаний. 2022. С. 105-108.

8. Молчанов И. В. Корякова Л. Н. Орудия труда с поселения Коноплянка 2-2 // Уфимский археологический вестник. 2022. Том 22. №2. С. 341-351.

9. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы) / Петрин В. Т., Нохрина Т. И., Шорин А. Ф. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская книга, 1993. 212 с.

10. Борзунов В. А., Стефанов В. И., Бельтикова Г. В., Кузьминых С. В. Серный ключ – памятник абашевской «экспедиции» в горно-лесную зону Среднего Урала // Российская археология. 2020. №1. С. 117-131.

11. Корякова Л. Н., Краузе Р., Пантелеева С. Е., Столярчик Э., Булакова Е. А., Солдаткин Н. В., Рассадников А. Ю., Молчанова В. В., Анкушев М. Н., Молчанов И. В., Якимов А. С., Федорова Н. В., Носкевич В.В. Поселение Коноплянка 2: новые аспекты исследования // Уральский исторический вестник. 2020. №4(69). С. 61-73.

УДК 902

БРОНЗОВЫЕ НОЖИ СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ

© Гумерова Дина Ильдусовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры Археологии и реставрации наследия КФУ
ИМО Валиулина Светлана Игоревна*

Аннотация: Сибирская коллекция Археологического музея Казанского федерального университета включает в себя широкий комплекс разнообразных артефактов разного времени: от каменного века до ранней монгольской эпохи. Бронзовые ножи являются обширной частью этого собрания. Эти изделия помогают проследить динамику и преемственность развитию карасукской и тагарской культур, и эволюцию технологий.

Ключевые слова: Минусинская котловина, Сибирская коллекция, горбатые ножи, карасукская культура, тагарская культура.

Археологический музей Казанского федерального университета обладает богатейшим собранием древности из разных регионов нашей страны и из-за рубежа. Одним из значительных собраний музея является Сибирская коллекция (АКУ-81) материалов Минусинской котловины. Она включает в себя широкий комплекс артефактов разного времени: от каменного века до ранней монгольской эпохи. Одной из выразительных категорий в составе собрания являются бронзовые ножи.

Древности Минусинской котловины в течение XX в. исследовали выдающиеся ученые: А. С. Теплоухов, М. П. Грязнов, И. П. Кузнецов-Красноярский, С. В. Киселев, Н. Л. Членова, Л. Р. Кызласов и другие. На основе комплексного анализа материальной культуры и погребального обряда ученые представили хронологию и периодизацию, обосновали преемственность исторического развития обширного региона. Коллекция нашего музея

формировалась в конце XIX – начале XX в. из сборов и частных приобретений, до создания фундаментальных научных трудов, она не имеет выходных данных и не введена в научный оборот. Однако, следует отметить из этой коллекции были изучены железные наконечники стрел средневекового времени А. М. Губайдуллиным и И. Л. Измайловым, результаты которых были опубликованы (Губайдуллин, Измайлов, 1990).

Ножи, находящиеся в музее, относятся к карасукской и тагарской культурам. Они сохранились в разном состоянии, есть как целые экземпляры, так и фрагменты. Всего насчитывается 54 экземпляра годных для обработки и 72 фрагмента лезвий и рукоятей. За основу классификации взята типо-хронологическая система Н. Л. Членовой, построенная на анализе морфологических признаков изделий.

Горбатые ножи Сибирской коллекции Археологического музея КФУ, датирующиеся X–VIII вв. до н. э. по морфологическим признакам можно разделить на несколько групп.

Группа А – ложносоставные ножи (Членова, 1972, с. 17), характерными чертами являются: переход рукояти от внутреннего края к обуху лезвия, создающий рельефную линию, что имитирует составной нож; навершие в виде каплевидной шляпки и уступ, скошенный вниз или прямой (1 экз. и 1 фрагм.). Общая длина одного ножа 16 см., по отдельности: рукоятка 7,5 см., лезвие 8,5 см.; ширина 2,3 см. и толщина лезвия и рукоятки составляют 0,7 см. и 0,6 см. соответственно. С одной стороны, весь нож покрыт углублениями неопределенной формы.

В группе В выделены ножи, характеризующиеся уступом каплевидной формы без подрезки снизу (2 экз.) (Членова, 1972, с. 19). Замеры одного ножа: общая длина равна 13,95 см., при этом, длина лезвия составляет 6,95 см. и рукоятки – 7 см.; ширина 1,9 см и толщина лезвия 0,4 см. На одной стороне рукояти ножа имеется орнамент с выпуклыми полосками.

В группе С можно выделить схожие с предыдущей группой ножи, с одним отличием в виде шипа с подрезкой (1 экз.). Этот нож по обеим сторонам рукоятки орнаментирован выпуклыми квадратами по краям и имеет 2 овальных отверстия в середине.

Еще одну в группу – D, можно выделить ножи: с расширенным кольцом, внутри которого есть отверстие неопределенной формы и без шипа, то есть характеризующиеся прямым переходом от лезвия к рукоятке (1 экз.). От этой группы происходят тагарские ножи группы 8, где навершие в виде кольца является частью рукоятки. Ножи этого вида датируются VII–VI вв. до н. э.

Н. Л. Членовой обоснована преемственность материальной культуры племен карасукской и тагарской культур, в том числе и на примере ножей. Она дает подробное описание и классификацию ножей с периода VII–III вв. до н. э., и делит их на два раздела: с выделенной рукояткой и без выделенной рукоятки. В Сибирской коллекции в основном присутствуют ножи без выделенной рукоятки, однако есть пара ножей с выделенной рукояткой.

Эти ножи характеризуется слегка заметным уступом (Членова, 1967, с. 167), в коллекции есть три таких ножа, два из которых без орнаментации, а последний с узором. Его и рассмотрим. Характерной чертой является навершие рукояти треугольной формы с таким же отверстием. Орнаментирован по середине зигзагообразными выпуклыми треугольниками и похожими зигзагами по краям с обеих сторон рукоятки. Узоры этого ножа схожи с орнаментацией карасукских изделий, для которых характерной чертой является наличие выпуклых геометрических фигур.

Ножи без выделенной рукоятки появляются с VII в. до н. э. Встречаются прямые, плоские ножи, которые отличаются формой отверстия в верхней части рукоятки и навершием. Их можно классифицировать на несколько групп.

К 1 группе относятся ножи с круглым отверстием в верхней части рукоятки (5 экз. и 6 фрагм.), датирующиеся VII веком до н. э. и использовавшиеся до конца IV века до н. э. Существенных отличительных черт не наблюдается, кроме одного фрагмента, у которого имеется спиральная гравировка вокруг отверстия, расположенная в верхней части рукоятки.

К этой группе можно отнести ножи с несколькими круглыми отверстиями в рукоятке (1 экз. и 1 фрагм.). Отличительных черт не наблюдается. Размеры: длина ножа 15,8 см., ширина 1,4 см. и толщина лезвия 0,3 см.

Во 2 группе можно выделить трапециевидные ножи (8 экземпляров), о них Н. Л. Членова не пишет, но они упоминаются, как ножи с широким петлевидным отверстием с расширенной сверху рукояткой (Членова, 1992, с. 213) и датируются V веком до н. э. Эти ножи схожи с первыми тем, что у них тоже есть отверстия в верхней части рукоятки, но отличаются формой (3 экз.).

К этой же группе можно отнести ножи с треугольным отверстием на рукоятке (2 экз.), но встречаются ножи такого же вида с перекалиной по середине рукоятки (2 экз.) и с кругом, находящимся в верхней части треугольного отверстия (1 экз.).

Кроме того, можно выделить 3 группу – ножи с большими кольцами на рукоятках в виде широких петлевидных отверстий (Членова, 1992, с. 213) или кольцевидными навершиями (2 экз. и 11 фрагм.). В нашей коллекции размеры этих двух изделий не так сильно варьируют. Размеры одного из них: длина 20,5 см., ширина 1,5 см. и толщина лезвия 0,4-0,5 см. Само кольцо на рукоятки равно 3,4 см. Ширина кольца этих ножей намного больше, чем ширина рукоятки и кольцо полностью возвышается над верхним концом рукоятки. И так каковых существенные отличия не наблюдаются. Эти ножи датируются, как и 2 группа, V веком до н. э.

Еще одну разновидность ножей можно выделить в 4 группу, характерной чертой которой является наличие наверший в виде каплевидной шляпки, напоминающих завершения карасукских рукоятей (1 экз.) (Членова, 1967, с. 174).

Все рассмотренные бронзовые ножи использовали для самых разных целей: для обработки дерева, кости, разделки мяса, для кройки обуви и т. д.

Таким образом, бронзовые ножи Сибирской коллекции Археологического музея университета в целом соответствуют принятой в науке типологии. В то же время в процессе работы были выявлены некоторые экземпляры, которые имеют морфологические особенности, требующие дополнительного изучения и объяснения. В целом коллекция подтвердила обоснованность преемственности археологических культур Минусинской котловины от эпохи поздней бронзы до раннего железа.

Библиографический список

1. Губайдуллин А. М., Измайлов И. Л. Коллекция железных наконечников стрел из Хакасско-Минусинской котловины музея археологии казанского университета // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во АН СССР. 1990. С. 106-121.
2. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с., ил., табл.
3. Членова Н. Л. Хронология памятников Карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
4. Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206-224.

УДК 904

КЕРАМИКА С «ВНУТРЕННИМ РЕБРОМ» ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕБЯЖИНКА VI

© Душарина Валерия Сергеевна

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

*Научный руководитель – к.и.н, доцент кафедры отечественной истории и археологии
СГСПУ Королев Аркадий Иванович*

Аннотация. В данной работе представлен анализ коллекции керамики с «внутренним ребром» поселения. В ходе исследования выделяются преобладающие мотивы и элементы орнамента керамики, а также виды венчиков.

Ключевые слова: энеолит, лесостепное Поволжье, керамика с «внутренним ребром» Лебяжинка VI.

Для изучения позднего энеолита лесостепного Поволжья необходимо рассмотреть керамику с «внутренним ребром», происхождение которой до сих пор вызывает дискуссионные вопросы. Коллекция данной керамики была выделена на поселении Лебяжинка VI. Памятник располагается на левом берегу р. Сок в 3 км от северо-северо-востока от хутора Лебяжинка в Сергиевском районе Самарской области. Лебяжинка VI была обнаружена А. И. Королевым в 2009 г. (Королев, Шалапинин, 2017, с. 71). Данный памятник исследуется с 2013 г. и до настоящего времени.

Материалы раскопок Лебяжинки VI частично опубликованы. Но коллекцию керамики с «внутренним ребром» в целом еще не рассматривали. Это и является целью данной работы.

Керамика с «внутренним ребром» залегала в слоях супеси черного и серого цвета, где были найдены мелкие и отдельные фрагменты керамики. Большие развалы были в пределах жилища 1, либо за пределами жилища на хозяйственных площадках (Шалапинин А. А., 2018, с. 28).

Всего были обнаружены фрагменты примерно от 100 сосудов, из них 93 сосуда были выделены по венчикам, остальные по развалам. Керамика была изготовлена с примесью раковины, птичьего пуха, который определяется визуально на расслоившихся фрагментах, и органического раствора. Цвет черепка обычно серый. Поверхность сосудов была выровнена гребенчатым штампом, потом заглажена, на некоторых сохранились следы расчесов. Толщина стенок колебалась от 0,7 до 1,6 см, преобладает 0,9 см. Шейки сосудов, отделенные от тулова, резким перегибом на венчиках встречаются в виде внутреннего ребра на 37 сосудах (40%). Прямые венчики на 19 (25%), сильно отогнутые 17 (18%), слабо отогнутые 6 (6%). Утолщение на внешней стороне в виде воротничка встречаются на 13 сосудах (14%). Срез венчиков обычно плоский. Сохранилось 4 днища сосудов, из них одно округлоуплощенное, одно плоское, остальные округлые.

Орнамент на стенках сосуда преимущественно наносился гребенчатым штампом с преобладанием короткой мелкозубой гребенки. Распространены мелкие овальные или круглые вдавления под ними. Оттиски гребенки неглубокие, зубцы небольшие. Есть прочерченные линии и оттиски шагающей гребенки. 14 сосудов были без орнамента.

Мотивы орнамента на стенках сосудов встречаются: горизонтальные полосы из оттисков гребенчатого штампа 20 (25%), ряды вертикальных оттисков веревочки – 11 (13%),

горизонтальные ряды зигзага 17 (20%), горизонтальные ряды шагающей гребенки – 5 (6%), наклонные ряды оттисков гребенчатого штампа – 9 (10%), горизонтальные ряды ямочных вдавлений 20 (23%), решетка из горизонтального гребенчатого штампа – 2 (1%).

На венчиках сосудов встречались такие мотивы орнамента как: горизонтальные линии оттисков гребенчатого штампа (27,5%); ряды вертикальных наклонных оттисков гребенчатого штампа (15%); зигзаг (10%); шагающая гребенка, выполненная горизонтально (2,5%). Встречаются такие элементы как: ямочные вдавления (35%); узкий гребенчатый штамп (22,5%). Срез венчика был украшен наклонными линиями, выполненные гребенчатым штампом (57%); зигзагами (2%), прочерченными линиями (20%) и ямочными вдавлениями (12%).

По керамике «с внутренним ребром» поселения Лебяжинка VI имеются следующие радиоуглеродные даты: 6580±150 SPb–1643 (керамика), 6296±120 SPb–1737 (керамика), 5299±120 SPb–1736 (керамика), 5325±110 SPb–1736a (нагар), 5444±120 SPb–1737a (нагар) (Королев, Кулькова и др., 2017, с. 205).

В результате проведенного анализа было выявлено, что «внутреннее ребро» является характерным признаком данной керамики, но составляет менее половины – около 40%. Встречаются прямые венчики, сильно и слабо отогнутые. Присутствует воротничковое оформление венчиков. Данная керамика имеет ближайшие аналогии в керамике поселения Гундоровка и стоянка Чекалино IV. Необходимо отметить, что эти памятники расположены на р. Сок.

Библиографический список:

1. Королев А. И., Кулькова М. А., Шалапинин А. А., Нестерова Л. А. Результаты радиоуглеродного датирования энеолитических материалов поселения Лебяжинка VI // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. №3-1. С. 203-206.
2. Королев А. И., Шалапинин А. А. Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в лесостепном Поволжье // Поволжская археология. 2017. №1(19). С. 71-92.
3. Шалапинин А. А. Керамика «с внутренним ребром» Поселения Лебяжинка VI // XXI Уральское археологическое совещание, 2018. С. 84-86.

УДК 903-03

ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДА СКАНИРУЮЩЕЙ ЭЛЕКТРОНОЙ МИКРОСКОПИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МЫШЬЯКОВИСТОЙ БРОНЗЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ У СЕЛА СТЕПНОЕ

© Егоров Александр Дмитриевич

Челябинский государственный университет, г. Челябинск

*Научный руководитель – канд. филос. наук, зам. директора Учебно-научного центра
изучения проблем природы и человека ЧелГУ
Петров Фёдор Николаевич*

Аннотация. Работа посвящена особенностям работы сканирующей электронной микроскопии с археологическими объектами из металла. Выделены основные достоинства и недостатки естественно-научного метода, на основе ранее проведенных работ, а также новых материалов. К последнему относится выборка металлических изделий из могильников у села Степное. Метод СЭМ позволил определить химический состав материалов и определить характер используемых руд.

Ключевые слова: металлургия, Южный Урал, СЭМ, источники сырья, мышьяковая бронза, оловянная бронза.

На сегодняшний день в археометаллургии используется множество естественно-научных методов для изучения металлургии и металлообработки археологических культур. Применяется атомно-эмиссионный спектральный анализ, рентгенофлуоресцентный анализ и другие, однако для получения более точной информации об источниках сырья особенно значимым является метод сканирующей электронной микроскопии (СЭМ).

Метод СЭМ осуществляется за счёт растрового электронного микроскопа (РЭМ) – прибор, позволяющий исследовать объекты микронного размера. В приборе исследуемая область освещается хорошо сфокусированным электронным лучом, который на образцах обычно преобразуется в растр по принципу телевизионной развертки. Микроскоп позволяет получать изображения с разрешением до 10 нм. Но чаще всего РЭМ снабжен энергодисперсионными (ЭДС) спектрометрами и/или одним или несколькими волновыми (ВДС) спектрометрами, которые, если интегрированы с микроскопом, позволяют получать данные о количественном составе от полированных объектов диаметром от 5 мкм. Современные ЭДС позволяют определять элементы тяжелее В, а ВДС – тяжелее Ве, при этом, появляются приборы, которые позволяют определять Li, при условии его высокого содержания. Также, чувствительность вышеупомянутого оборудования позволяет определять примеси в концентрациях от 0,1% до 0,01%, в зависимости от спектрометра (ЭДС и ВДС соответственно) (Блинов, 2016, с. 56-57).

Помимо ЭДС и ВДС, микроскоп может использоваться с энергодисперсионным анализатором (СЭМ–ЭДА). СЭМ–ЭДА позволяет расширить элементный ряд исследуемого металла, включая S, Se, Te и ряд других элементов. Сопоставление данных с электронными снимками и результатами РФА дает возможность выявить химический состав включений и определить характер используемых руд. Концентрации серы в составе металла и соотношение с другими элементами во включениях также позволяет проводить идентификацию окисленных или сульфидных руд (Блинов, 2016, с. 56-57).

Основным ограничением СЭМ для археологических объектов является то, что обычно из части образца необходимо изготавливать специальные препараты. Для последних, в зависимости от ценности и целей исследования, обычно требуются образцы размером от нескольких миллиметров до 1-2 см.

Методом СЭМ в 2023 году были проанализированы металлические изделия из могильников Степное I и Степное VII у села Степное. Сами памятники расположены по левому берегу р. Уй между селом Степное и р. Первая, в пределах участка долины протяженностью 1,75 км. Характеризуемые далее находки связаны с культурными комплексами синташтинской, петровской и алакульской культур (Куприянова, 2023, с. 178).

СЭМ анализ был выполнен в ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН М. Н. Анкушевым и И. А. Блиновым на микроскопе Tescan VEGA 3 sbu. Исследования проводились на отполированных фрагментах изделий. Выборка включала в себя восемь изделий из металла синташтинской культуры и по два изделия, относящихся к петровской и алакульской культурам.

Наиболее представительным является металл синташтинской культуры. Шесть изделий выполнены из мышьяковой бронзы, поскольку имеют включения мышьяка от 0,44 до 4,36 мас.%. Это соответствует данным из ранее проведенных работ А. Д. Дегтяревой, согласно которой 80% металлических изделий синташтинской культуры изготовлены из мышьяковой бронзы с содержанием мышьяка от 0,1 до 6,9 мас.% (Дегтярева, 2010, с. 87). Однако, помимо примеси As, в одном из образцов фиксируются включения Ni (0,45%). Взаимовстречаемость примесей As и Ni была отмечена в работах В. В. Зайкова и его коллег (Зайков и др., 2008, с. 268), а также в работах А.Д. Дегтяревой (Дегтярева, 2010, с. 87) и позволяет предполагать разработку в синташтинское время мышьяково-никелевых кобальт-медно-колчеданных залежей, содержащих в продуктах окисления повышенное содержание As и Ni (Ишкининское, Ивановское, Дергамышское). Также в данной выборке присутствует два изделия синташтинской культуры, выполненных из чистой меди.

Петровский погребальный металл представлен двумя изделиями. Одно выполнено из оловянной бронзы (Sn – 1,8%), другое – из чистой меди. Предположительно, источником олова являлся Центральный Казахстан, откуда транспортировались слитки с введенной лигатурой или готовые изделия (Анкушев и др., 2020, с. 90-91). Транспортный коридор пролегал через территорию Тургайского прогиба по р. Убаган до Тобола, далее вдоль притоков Тобола. Медная же руда, добывалась на близлежащих источниках. Также, согласно работам А. Д. Дегтяревой, в петровской металлургии широко представлены изделия из чистой меди, изготовленной из окисленных руд (Дегтярева и др., 2020, с. 98-116). Изделия из мышьяковой бронзы, скорее всего, попали к петровским популяциям в рамках обменных процессов из анклавов синташтинской культуры.

Два изделия из оловянной бронзы относятся к алакульской культуре. Содержания Sn соответствует высокооловянистой бронзе (достигает 14 мас.% в растре), которая является доминирующей химико-металлургической группой алакульской культуры (Куприянова и др., 2023, с. 190). Также в одном из образцов фиксируется высокое содержание свинца (1,03 мас.%).

Благодаря СЭМ появляется также возможность провести идентификацию окисленных и сульфидных руд, основываясь на концентрациях серы. Так, в большей части выборки присутствуют минеральные включения халькозина, что характерно для сульфидных руд, однако отсутствие в минеральных включениях металла позволяет говорить об использовании окисленных руд, но имеющих в своем составе реликтовые руды. Стоит отметить, что выходы халькозина характерны для района т.н. «Русской Бразилии» Пластовского района, находящихся примерно в 50 км от поселения Степное (Крестовоздвиженский и др. рудники). Это делает возможным предположение об использовании рудных источников данной территории. При этом, в двух образцах присутствуют включения S, что позволяет предположить использование в ограниченных масштабах сульфидных руд населением синташтинской и петровской культур.

Библиографический список

1. Анкушев М. Н., Артемьев Д. А., Блинов И. А. Металлургия бронзового века на поселении Талдысай: руды, шлаки, легирование // Талдысай – поселение древних металлургов позднебронзового века в Улытауской степи. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. С. 72-93.

2. Блинов И. А. Метод растровой электронной микроскопии при исследовании артефактов из археологических объектов. Примеры из практики работы коллектива Института минералогии УрО РАН и перспективы использования метода // Геоархеология и

археологическая минералогия. Миасс, 2016. С. 56-58.

3. Дегтярева А. Д. Древнее металлопроизводство Южного Зауралья. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

4. Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В., Ломан В. Г., Кукушкин И. А., Кукушкин А. И., Дмитриев Е. А. Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // Поволжская археология. 2020. №1. С. 98-116.

УДК 903.023

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КЕРАМИКИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТАВЛЫКАЕВО)

© Ежова Елизавета Викторовна

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры истории РБ, археологии и этнологии УУНУТ Мухаметдинов Вадим Ильдарович

Аннотация. Статья посвящена изучению стилистических орнаментальных традиций по керамике поселения Тавлыкаево с применением анализа в русле историко-культурного подхода. Вычислены коэффициенты сходства орнаментальных традиций по памятникам срубно-алакульского круга.

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха поздней бронзы, орнаментальные традиции, срубная культурно-историческая общность, алакульская культурно-историческая общность.

Введение. Анализ орнаментального стиля в современных исследованиях часто применяется к решению проблем культурной атрибуции керамического материала и межкультурных взаимодействий. Материалы эпохи поздней бронзы Южного Урала в данный момент изучаются (Мухаметдинов, 2014) с использованием методики Ю. Б. Цетлина (Цетлин, 2008). В данной статье продолжается исследование орнаментальных традиций населения, оставившего памятники срубно-алакульского круга. В частности, продолжается работа над разработкой темы Тавлыкаевских памятников.

Стилистический анализ проводился по керамике из поселения Тавлыкаево. Памятник находится в Баймакском районе Республики Башкортостан. Изучался в 1972-1983 гг. В данной работе взяты материалы из раскопок 1972 г. под руководством А.Х. Пшеничнока и 1973 г. – Ю. А. Морозова. Для анализа было отобрано 123 фрагмента срубно-алакульского времени, 43 из них были неорнаментированные, что составляет около 35%.

Исследование. Анализ был проведён по методике Ю.Б. Цетлина, которая рассматривает орнамент как иерархическую структуру, состоящую из 5 уровней: элемент, узор, мотив, образ и композиция (Цетлин, 2008, с. 18-28). В данной работе анализ проведен на первых трёх уровнях из-за высокой фрагментированности материала.

Элементы. На изученной керамике были выявлены следующие виды элементов

графического орнамента: гладкий статичный, гладкий динамичный, накольчатый, гребенчатый, ребристый, шнур, намотанный на палочку, и пальцевый.

В таблице 1 дана информация о встречаемости элементов на венчиках керамических сосудов Тавлыкаево, наиболее частым являются гладкий, гребенчатый и накольчатый штампы.

Элемент	Числовое и процентное соотношение	
	ГлС	24
ГлД	13	14,4%
Н	11	12,2%
Гр	29	32,2%
Р	6	6,7%
Ш.НП	6	6,7%
П	1	1,1%
Всего	90	100%

Таблица 1. Частота встречаемости элементов на сосудах.
Примечание: ГлС – гладкий статичный; ГлД – гладкий динамичный;
Н – накольчатый; Гр – гребенчатый, Р – ребристый,
Ш.НП – шнур, намотанный на палочку; П – пальцевый

Узоры. В таблице 2 содержится информация о встречаемости узоров на фрагментах керамики с поселения Тавлыкаево, самыми распространенными узорами являются заштрихованные треугольники. Однако нужно учитывать, что из-за сильной фрагментированности материала треть всех узоров является не считываемой.

Мотивы. Мотивы на изученных сосудах расположены горизонтальными зонами. Всего выделено 4 группы мотивов. Две группы простых мотивов: из элементов и из узоров, две группы сложных: объединяющиеся мотивы (получены в результате объединения двух разнонаправленных линейных элементов под углом) и пересекающиеся. В таблице 2 также содержится статистическая информация о встречаемости мотивов на сосудах данного памятника, наиболее частыми мотивами являются простые из элементов и простые из узоров.

Простые мотивы из элементов		
	74	44,3%
	12	7,2%
	10	6%
	1	0,6%
РядН	13	7,8%
Всего ПЭ	110	66%
Простые мотивы из узоров		
	2	1,2%

	3	1,8%
	3	1,8%
	5	3%
	1	0,6%
	3	1,8%
	1	0,6%
	1	0,6%
	3	1,8%
	2	1,2%
	2	1,2%
	3	1,8%
	1	0,6%
непонятен	15	9%
Всего ПУ	45	27%
Сложные объединяющиеся мотивы		
	11	6,6%
	2	1,2%
Всего СО	13	7,8%
Сложные пересекающиеся мотивы		
Всего СП	2	1,2%
Непонятен мотив	14	8,4%

Таблица 2. Частота встречаемости видов мотивов на сосудах.

Примечание: РН – ряд наколов, ПЭ – простые из элементов, ПУ – простые из узоров, СО – сложный объединяющийся, СП – сложный пересекающийся

Коэффициенты сходства. Для расчета коэффициентов сходства (далее КС) используется формула Ю. Б. Цетлина из работы «Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур» (Цетлин, 2008, с. 16). (табл. 3-5).

Для сравнения орнаментальных традиций керамики с поселения Тавлыкаево были привлечены данные статьи Мухаметдинова В. И., а также Ежовой Е. В. (Ежова, 2022; Ежова, 2023; Мухаметдинов, 2014; Мухаметдинов, 2015). Однако нашей первоочередной

задачей было выявить сходство с керамикой из КМ Тавлыкаево-1 и КМ Тавлыкаево-2.

В таблице 3 мы можем проследить закономерность использования элементов и увидеть, что наиболее сильная связь выявляется между фрагментами из поселения Тавлыкаево и посудой КМ Тавлыкаево-2 (с обеими группами – срубной и срубно-алакульской).

	Тавл-1 (сруб)	Тавл-1 (ср-алак)	Тавл-2 (сруб)	Тавл-2 (ср-алак)
Тавл сел	41	68	71	75
Тавл-1 (сруб)	x	25	44	54
Тавл-1 (ср-алак)	x	x	65	68
Тавл-2 (сруб)	x	x	x	56
Тавл-2 (ср-алак)	x	x	x	x

Таблица 3. Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования элементов в культурных группах (%)

В таблице 4 представлены КС по узорам. Важно отметить нерепрезентативность данных в связи с тем, что в срубной группе КМ Тавлыкаево-1 на сосудах было представлено всего 2 вида узоров, каждый из которых встречался по 1 разу. В то же время видно, что керамика с Тавлыкаевского поселения более всего близка керамике из Тавлыкаевских могильников.

	Тавл-1 (сруб)	Тавл-1 (ср-алак)	Тавл-2 (сруб)	Тавл-2 (ср-алак)	Алакуль	Каранаево	Юлалы-8
Тавл сел	0	37	29	25	13	14	14
Тавл-1 (сруб)	x	0	0	0	0	0	0
Тавл-1 (ср-алак)	x	x	36	16	23	8	16
Тавл-2 (сруб)	x	x	x	66	54	7	34
Тавл-2 (ср-алак)	x	x	x	x	54	6	31

Таблица 4. Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования узоров в культурных группах (%)

В таблице 5 представлены КС по мотивам, это наиболее интересная картина, поскольку для выведения этих КС берутся достаточно крупные группы объединенных данных, что повышает точность сравнения. Так, самый высокий процент КС при подсчете получился между поселением Тавлыкаево и КМ Тавлыкаево-1 (срубно-алакульской группой), а также КМ Тавлыкаево-2 (срубной группой).

	Тавл-1 (сруб)	Тавл-1 (ср-алак)	Тавл-2 (сруб)	Тавл-2 (ср-алак)	Алакуль	Каранаево	Юлалы-8
Тавл сел	79	93	81	76	68	64	66
Тавл-1 (сруб)	x	82	77	76	58	77	60
Тавл-1 (ср-алак)	x	x	76	71	63	67	61

Тавл-2 (сруб)	x	x	x	89	72	73	77
Тавл-2 (ср-алак)	x	x	x	x	72	80	77

Таблица 5. Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования мотивов в культурных группах (%)

Выводы. Из данных, полученных при подсчете КС мы можем судить, что могильники оставлены населением, проживавшем на Тавлыкаевском поселении. На данном этапе мы не делили керамику с поселения на культурные группы, но можно отметить, что, судя по сравнительному анализу с керамикой могильников в посуде поселения ярче проявляется смешение срубных и алакульских традиций. Также видно, что наименьшее сходство орнаментов на поселении прослеживается с орнаментами срубной группы могильника Тавлыкаево-1, что может указывать на его хронологический приоритет в данной группе памятников.

Библиографический список

1. Ежова Е. В. Орнаментальные традиции срубной керамики Южного Зауралья по материалам поселения Таналык // Актуальная археология 6. СПб, 2022. С. 127-132.
2. Ежова Е. В. Орнаментальные традиции керамики Южного Зауралья поздней бронзы по материалам изучения курганного могильника Тавлыкаево-2 // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых материалы научной конференции, посвященной 50-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2023. С. 45-47.
3. Ежова Е. В. Орнаментальные традиции керамики Южного Зауралья эпохи поздней бронзы (по материалам курганного могильника Тавлыкаево-1) // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. Материалы VII конференции молодых ученых. Москва, 2023. С. 46-49.
2. Морозов Ю. А. Научный отчет о работе отряда археологической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР в 1973 г. «Памятники эпохи бронзы и раннего железа на Южном Урале. 1973. 21 с.
3. Мухаметдинов В. И. К проблеме срубно-алакульских контактов (по данным изучения орнаментальных традиций керамики поселения Олаир в Зауралье) // Вестник археологии, антропологии, и этнографии. 2014. №3(26). С. 36-40.
4. Мухаметдинов В. И. Методы стилистического анализа орнамента на археологической керамике в рамках историко-культурного подхода // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29-31 октября 2013 г., Москва): ИА РАН, 2015. С. 59-70.
5. Цетлин Ю. Б. Неолит Центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.

УДК 902.01

КРЕМАЦИЯ В МОГИЛЬНИКЕ У СЕЛА ФЁДОРОВКА© *Кайгородов Иван Максимович*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории ЮУрГГПУ
Алаева Ирина Павловна*

Аннотация. В работе представлены результаты измерения и взвешивания остатков кремации федоровской культуры из погребений эпонимного могильника у села Фёдоровка, раскопанного К. В. Сальниковым в 1936 году. Был проведён количественный анализ, выявлены метрические показатели остатков кремации и занесены в таблицу.

Ключевые слова: Южное Зауралье, бронзовый век, фёдоровская культура, погребальный обряд, трупосожжение.

Фёдоровской культура имеет свои характерные признаки, отличающие её от остальных культур: сожжение, как способ погребения, оформление сосудов горшечной формы округлыми плечиками, отсутствие неорнаментированной полосы в нижней части шейки сосудов, преобладание гребенчатого вида орнамента, использование «косых» треугольников в орнаменте, использование прямоугольных блюдец и преобладающим видом животного в погребениях являлась лошадь. К. В. Сальников отмечал, что труп кремировали вне могильной ямы, не в кургане, но поблизости, потому что под грудой костей на песчаном дне могилы были обнаружены следы прокала (Сальников, 1951, с. 94-151).

В данной работе предлагается произвести анализ кремации из погребений могильника у с. Фёдоровка. Источником послужил материал Государственного исторического музея Южного Урала¹.

Могильник у с. Фёдоровки подвергся антропогенному и природному факторам, из 148 курганов около 50 были уничтожены руками человека, а другую долю насыпей размывло рекой Миасс. Одна из уцелевших частей памятника была раскопана в 1936 году К. В. Сальниковым. В результате его археологических раскопок были изучены шесть курганов: четыре маленьких земляных с уплощённой вершиной №11, №13, №42, №60, один небольшой с глубоким провалом в центре №38 и один средних размеров с каменной обкладкой пол и впадинами выше обкладки по склонам насыпи №39 (Сальников, 1940, с. 58-68).

В настоящий момент сохранились останки кремации из могил №1 и №2 кургана 39 (шифр – ОФ-1/11; 1-20) и из кургана №42 (шифр – 1-16, 1-18). Сохранность коллекции хорошая, на костях видны трещины, царапины и потёртости. Цвет кремации варьируется от чёрного до серого и белого цветов.

Кости кремации анализировались по количественному показателю и метрическим параметрам.

Общее количество всех костей составляет 1816 ед., а общий вес 1494,6 г.

Вес кремаций из одной могилы составлял 182,6 и 662,4 г (39 курган 1 и 2 погребения),

¹ Выражаем благодарность за помощь в работе с коллекцией главному специалисту научно-фондового отдела ГИМ ЮУ З.А. Валиахметовой

и 649,6 г (42 курган), а количество костей 166 и 785 (39 курган 1 и 2 погребения), и 865 (42 курган) (Таблица 1).

Шифр музея	Курган	Погребение	Общее колич.	Общий вес в г
1-16	42	1	451	476,4
1-18			414	173,2
ОФ-1/11	39	1	166	182,6
1-20	39	2	785	662,4

Таблица 1. Количество и общий вес костей кремации из могильника у села Федоровка

Курган №39, погребение 1. Кости кремации обнаружены на уровне дна могилы, в северо-восточном и юго-восточном углах ямы. В северо-восточном углу их площадь составляла 55×38 см, толщиной до 10 см, в юго-восточном их площадь составляла 42×22 см, толщиной до 7 см. Помимо кремации были обнаружены три сосуда, а также уголь.

В могиле зафиксировано 166 костей, общим весом 182,6 г. Их размеры варьируются от 0,2-7 см. Наиболее крупные кости (от 5-7 см) единичны (3,61% от общего количества костей кремации в могиле). Наибольшее количество костей размером 1-2 см (37,35%).

Курган №39, погребение 2. В северо-восточном углу могилы были обнаружены сожжённые человеческие кости 80×80 см, толщиной до 5 см. К югу от костей находился большой глиняный сосуд, в юго-восточном углу стояли два сосуда, рядом с ними находились кусочек лопатки и подвздошная кость лошади и уголь. В погребении насчитывается 785 костей, общим весом 662,4. Крупные кости (от 5-7 см) единичны (1,78%), наибольшее количество костей имеют размер от 1-2 см (51,72%).

Курган №42, погребение 1.

На дне могилы со стороны западной стенки и центра были обнаружены три сосуда, между ними были обнаружены рёбра лошади и уголь. У восточной стенки были расположены две кучки сожжённых человеческих костей 40×15 толщиной в 7 см и 45×20 толщиной в 10 см (Сальников, 1940, с. 58-68.).

Шифр	Курган	Погребение	Колич. – размеры, длина					Общее колич.
			больше 5–7 см	3,5–5 см	2–3,5 см	1–2 см	0,2–1 см	
11-16	42	–	8	35	151	138	117	451
11-18			3	6	65	203	137	414
ОФ-1/11	39	1	6	14	42	62	42	166
21-20	39	2	14	41	174	406	150	785

Таблица 2. Длина костей кремации из могильника у села Федоровка

В могиле содержалась 865 костей, общим весом 649,6 г. Здесь были найдены самые большие из всех предоставленных экземпляров, которые составляли в длину 7,5 и 7,9 см. Крупных костей (от 5-7 см) – 1,5%. Наиболее частым встречается размер от 2-3,5 см (39,42%).

Сравнивая между собой погребения, можно отметить, что в погребении 1 кургана 42 (шифр – 1-16 / 1-18) находится самое большое количество костей. Наименьшее количество костей находится в погребении 1 кургана 39 (шифр – ОФ-1/11). Можно отметить сходство между погребением 1 кургана 42 и погребением 2 кургана 39, их вес и количество костей приблизительно похожи. Также видно сходство, в преобладании костей размерами от 1-2 см, их общий процент от всех костей составляет 44,55%.

Если сравнивать захоронения у с. Фёдоровка с захоронениями могильника Лисаковский I, то можно сделать определённые выводы. В могильнике Лисаковский I кремнированные останки помещались в погребальную камеру, близ её стенки и помещались на дно в виде линзы, как и у с. Фёдоровка, также везде были обнаружены угли и кости животных. В погребениях Лисаковский I вес кремации варьировался от 200 до 500 г (среднее 350 г) (Усманова, 2005, с. 86). В могильниках у с. Фёдоровка средний вес кремаций в кургане составляет 375 г, из чего можно сделать вывод, что вес в сравниваемых могильниках приблизительно похож.

Библиографический список

1. Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области // Археологические памятники Урала и Прикамья. М: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. С. 58-68.
2. Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья // Материалы и исследования по археологии. №21. Том II. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1951. С. 94-151.
3. Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда-Лисаковск: TengriLtd, 2005. 232 с.

УДК 9.902

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРЫ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ)

© *Калашиников Марк Глебович*

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, г. Казань,

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и реставрации наследия КФУ
Воробьева Елена Евгеньевна*

Аннотация. В работе поднимаются вопросы культурной идентификации, локализации, статистики и учета поселенческих памятников на территории республики Марий Эл и предпринимается попытка определения культурной принадлежности некоторых из них.

Ключевые слова: культура текстильной керамики, GIS-технологии, типологический анализ, Марийское Поволжье, поселенческие памятники, эпоха бронзы, ландшафтная археология.

Важное место в древней истории Среднего Поволжья занимает ряд культур, так или иначе связанных с древним финно-угорским населением. Примером таких культур являются Волосовская, Балановская, Приказанская, Поздняковская, Чирковская, Ананьинская культуры, и, безусловно, Культура «текстильной» керамики (далее – КТК). Несмотря на довольно обширную хронологическую разобщенность вышеуказанных культур, их всех объединяет не только схожая территория распространения, но, и, непосредственно, КТК, которая значительно чаще встречается именно в составе памятников вышеуказанных культур, то есть сопровождает их. Самостоятельные памятники культуры «текстильной» керамики на территории Марийской Республики встречаются довольно редко. Более того, важно обозначить и то, что культура «текстильной» керамики не оставила после себя ни одного погребального памятника, а ее элементы лишь изредка встречаются в могильниках других культур.

Так, на данный момент на территории Марийской Республики культура «текстильной» керамики представлена суммарно на 31 поселенческом памятнике археологии. При этом, лишь на девяти из них представлена сугубо «текстильная» керамика (Никитин, 2009).

Вышеупомянутые памятники локализуются в Горномарийском (5 чистых, 3 смешанных), Звениговском (3 чистых, 17 смешанных), Медведевском (0 чистых, 1 смешанный) и Юринском районах (1 чистый, 1 смешанный).

Несмотря на длительную историю изучения, нерешенной остается проблема взаимодействия культур на смешанных памятниках и их культурной идентификации. Так, в рамках данной проблемы В. С. Патрушев писал, что, «...особый интерес представляет новый этнос, формирующийся в контактной зоне между приказанско-ананьинскими племенами финно-пермской группы и финноязычным населением с ниточно-рябчатой керамикой» (Патрушев, 1992, с. 53), имея в виду выведенную им же Ахмыловскую культуру. При этом, он не указывал, по каким принципам, помимо культурной смешанности, возможно выделить данную культуру. Вместе с тем, он приводит и такое определение, как «памятник ахмыловского типа» (Патрушев, 1992).

Ввиду вышесказанного, становится актуальным анализ высотного расположения поселенческих памятников сугубо культуры «текстильной» керамики, а также памятников, на которых она зафиксирована в комплексе с иной культурой. Подобный анализ, вкуче с приведением статистических данных поможет пролить свет на определение закономерностей в их расположении, процессе распространения памятников, культурных и исторических связях, а также, в некотором виде, указывать на ту культуру, которая была доминирующей на памятнике.

Исходя из приведенных выше положений необходимым становится изучить высотное расположение памятников с учетом их типа (стоянка/поселение/городище) и эпохи: так, памятники, содержащие в себе только материалы культуры «текстильной» керамики в бронзовом веке представлены 4 стоянками, 5 поселениями. Доминирующая высота расположения стоянок – 67,3-70,3 м, для поселений – тот же самый высотный диапазон (таблица 1.1)

Тип памятника	67,6-70,6	70,7-73,7	76,9-79,9	80-83	151,3-154,3
Стоянка	2	0	1	0	1
Поселение/Селище	3	1	0	1	0

Таблица 1.1. Количество типов поселенческих памятников КТК относительно выходы

В раннем железном веке ситуация меняется: памятники, содержащие в себе сугубо материалы КТК, перестают существовать.

Иначе обстоят дела с памятниками смешанного типа – то есть содержащими в своем культурном слое материалы иных культур, помимо КТК. Суммарное количество смешанных памятников равняется 22.

Всего на территории Марий Эл можно выделить 5 типов культурных сочетаний. 16 памятников представлены сочетанием Культуры «текстильной» керамики и Приказанской культуры. Памятников, содержащих в себе элементы Волосовской культуры и КТК – два. Ананьинская культура в сочетании с КТК представлена на двух памятниках. Так же существует и памятник, содержащий в себе материалы трех культур: Волосовской, Приказанской и КТК. Существует лишь один памятник, состоящий из Поздняковской культуры и КТК. Подробные данные о многослойных памятниках представлены в таблице 2.1, 2.2, и 2.3:

Культурное сочетание	Тип	
	Стоянка	Поселение/Селище
КТК и Приказанская культура	6	10
КТК и Волосовская культура	1	1
КТК и Ананьинская культура	1	1
КТК, Волосовская Культура, Приказанская культура	0	1
КТК и Поздняковская культура	0	1

Таблица 2.1. Количество смешанных памятников относительно типа поселенческого памятника

Культурное сочетание	Эпоха	
	Бронзовый Век	РЖВ
КТК и Приказанская культура	16	0
КТК и Волосовская культура	2	0
КТК и Ананьинская культура	0	2
КТК, Волосовская Культура, Приказанская культура	1	0
КТК и Поздняковская культура	1	0

Таблица 2.2. Количество смешанных памятников относительно эпохи

Культурное сочетание	Высота расположения памятника						
	64,5-67,5	67,6-70,6	70,7-73,7	73,8-76,8	76,9-79,9	80-83	86,2-89,2
КТК и Приказанская культура	0	8	3	3	1	1	0
КТК и Волосовская культура	0	1	0	0	0	0	1
КТК и Ананьинская культура	0	1	0	1	0	0	0
КТК, Волосовская Культура, Приказанская культура	0	1	0	0	0	1	0
КТК и Поздняковская культура	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 2.3. Количество смешанных памятников относительно высоты

Относительно анализа общего количества памятников, расположенных на территории Марийской Республики, содержащих в себе КТК были получены следующие данные (рис. 1):

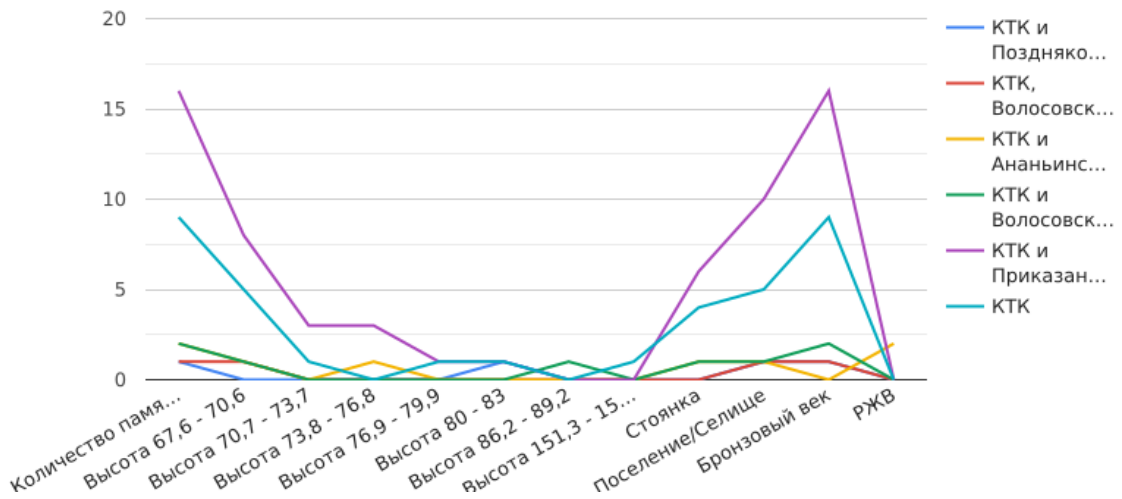

Рисунок 1. Общее количество памятников КТК Марий Эл

Вышеуказанная информация свидетельствует о том, что наиболее распространенной культурой является сочетание КТК и Приказанской культуры (51,61% от общего количества выбранных памятников). Чаще всего для заселения избиралась высота 67,6-70,6 м (51,61%, соответственно), а наиболее частым типом памятника является неукрепленное поселение (61,29%) эпохи бронзы.

На основании вышеизложенного, мы можем увидеть, что большинство памятников, сочетающих в себе следы КТК и Приказанской культуры, имеют одно высотное значение и значительно превышают в своем количестве остальные памятники в рамках высотной развертки.

Полученные данные актуализируют вопрос о существовании памятников «ахмыловского типа», которые В.С. Патрушев выделял в своих трудах. Несмотря на неоднозначные оценки и продолжающиеся споры относительно его концепции, она требует тщательной проверки с помощью методов ландшафтной археологии, типологического и морфологического анализа материала этих памятников, особенно с учетом выделенных локальных вариантов КТК, а также естественно-научных методов.

Библиографический список

1. Патрушев В. С. Археологические памятники с «Текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. №3. С. 194-224.
2. Лавенто М., Патрушев В. С. Развитие и хронология текстильной керамики на Средней и Верхней Волге: критический взгляд возможностей хронологии по 14С-, АМС и типологическому методам // Поволжская археология. 2015. №2. С. 160-188 с.
3. Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как археологический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Сургут: РИО СурГПУ, 2009. 190 с.
4. Патрушев В. С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 124 с.
5. Патрушев В. С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. 216 с.

6. Никитин В. В. Археологическая карта республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 416 с.

УДК 902.01

КЕРАМИЧЕСКИЕ СОПЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ)

© Кириллова Мария Алексеевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

*Научный руководитель – заведующий кафедрой археологии и этнологии УрФУ им. Б.Н.
Ельцина, д.и.н., Кокшаров Сергей Федорович*

Аннотация. Предметом исследования являются сопла, происходящие из могильников бронзового века Северной Евразии. Рассматривается их расположение в пространстве могильной ямы, морфологические характеристики, а также ставится вопрос о возможной интерпретации изделий.

Ключевые слова: Северная Евразия, бронзовый век, древнее металлопроизводство, погребения «мастеров-литейщиков», литейный инвентарь, сопло, votивный предмет.

Сопла как вид металлопроизводственного инвентаря появляются в энеолите и свидетельствуют о начале внедрения в металлургии новых технологий – принудительного нагнетания воздуха в печь. Этот процесс позволял эффективнее плавить металл в любой местности и вне зависимости от природных факторов.

В процессе археологических исследований наконечники воздуходувных трубок встречаются не часто. Исследователи предполагают, что сопла могли редко выбрасываться ввиду меньшей подверженности разрушению или тщательно собираться по причинам нетехнологического характера. Кроме этого сопла могли не применяться в некоторых типах теплотехнических устройств (Вальков, Кузьминых, 2000, с. 74-75).

Воздуходувные трубки находят на поселениях и в могильниках (индивидуальных и коллективных), расположенных в пределах металлургических очагов. Стоит отметить, что в погребальных комплексах рассматриваемый инвентарь имеет лучшую сохранность (Вальков, Кузьминых, 2000, с. 76).

Важно отметить, что в погребальных комплексах, в отличие от поселений, чаще встречаются несколько экземпляров сопел: 7 экз. в могильнике Бестамак (Калиева, Логвин, 2009, с. 43; они же, 2012, с. 77-78), 6 экз. у д. Калиновка (Шилов, 1959, с. 18-19), 3 экз. у ст. Жутово (Шилов, 1966, с. 88-91), по 2 экз. у с. Малая Терновка (Кубышев, Черняков, 1985, с. 40-44), в мог. Солнце II (Епимахов, 1996, с. 35), по одному в могильнике Сопка-2 (Молодин, 1983, с. 96), у с. Павловка (Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 223), у г. Березовой (Халяпин, 2005, с. 205), на Синташтинском III могильнике (Стефанов, Епимахов, 2006, с. 267), на

Каменном Амбаре-5 (Епимахов, 2019, с. 77). Сопла изготовлены из глины с примесями (песок, известь и др.), однако есть единственное исключение – в могильнике Сопка-2 был найден фрагмент конусообразного предмета из сланца, который интерпретируют как сопло или воронку для заливки металла (Молодин, 1983, с. 96).

Расположение воздуходушных трубок в могильной яме относительно костяка индивида встречается разное: у головы рядом с правым плечом (у с. Малая Терновка), у правой тазовой кости, под правой голенью (курган №55, погребение 13 Калиновского могильника), около правого колена (у ст. Жутово), в ногах (курган №8, захоронение №42 Калиновского могильника). Пространственное положение сопла также имели различное – они могли быть положены произвольно или же расположены преднамеренно. Последнее прослеживается в могильнике Бестамак, где сопла были ориентированы вертикально.

Длина наконечников воздуходушных мехов варьирует в пределах от 60 до 159 мм, внешний диаметр – 20-50 мм, диаметр внутреннего канала изменяется от 4 до 25 мм. Внешняя поверхность вещей, входящих в состав погребального инвентаря, может быть с декором или без такового (9 и 11 соответственно, 5 – неизвестно).

Одной из важных характеристик рассматриваемых изделий является наличие следов использования в металлообработке – ошлакованности. Таких изделий в обозначенной выборке 6, на 3 встречен нагар, 12 не имеют следов термического воздействия, о 4 нет сведений. Стоит отметить, что наличие на внешней поверхности декора не имеет какого-либо особого значения и не обозначает того, что предмет не использовался по своему прямому назначению – в металлопроизводстве. Из 6 ошлакованных воздуходушных трубок 4(?) декорированы.

Таким образом, сопла, происходящие из погребальных комплексов Северной Евразии, имеют лучшую сохранность относительно этого же инвентаря с поселений. Наличие воздуходушной трубки в могильной яме может указывать на принадлежность погребенного индивида к клану мастеров-литейщиков. Некоторые из сопел ошлакованы, что указывает на их применение в металлопроизводстве. Большинство же сопел без следов термического воздействия, происходящих из захоронений, не обязательно подчеркивали профессиональную принадлежность погребенного. Вполне вероятно, что они наделялись символическими (вотивными) функциями.

Библиографический список

1. Вальков Д. Н., Кузьминых С. В. Сопла евразийской металлургической провинции (к проблеме одной археологической загадки) // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск: Институт Евразийских Исследований, Институт Степи УрО РАН. 2000. С. 73-77.
2. Епимахов А. В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: Каменный пояс. 1996. С. 22-42.
3. Епимахов А. В. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / А. В. Епимахов и др. // История Южного Урала: в 8 т. Т. 2. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 432 с.
4. Калиева С. С., Логвин В. Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнологии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 2008. №9. С. 32-58.
5. Калиева С. С., Логвин В. Н. Погребение 20 могильника Бестамак // Кадырбаевские чтения – 2012. Материалы III Международной научной конференции. Актобе: Актюбинский

областной центр истории, этнографии и археологии. 2012. С. 77-82.

6. Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная культура). СПб: Европейский Дом, 2005. 316 с.

7. Кубышев А. И., Черняков И. Т. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // Советская археология. 1985. №1. С. 39-54.

8. Молодин В. И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Алтайский ун-т, 1983. С. 96-109.

9. Стефанов В. И., Епимахов А. В. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 4. Самара: изд-во «Научно-технический центр». 2006. С. 263-272.

10. Халяпин М. В. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории степного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2005. Вып. 4. С. 203-217.

11. Шилов В. П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА №60. М., 1959. С. 11-38.

12. Шилов В. П. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. Вып. 106. М., 1966. С. 88-91.

УДК 9.902.26

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА¹

© Косачева Ирина Сергеевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

*Научный руководитель – д.и.н. профессор кафедры археологии и этнологии УГИ УрФУ,
Корочкова Ольга Николаевна*

Аннотация. В статье представлены особенности создания археологической карты памятников бронзового века степного и лесостепного Зауралья. Определены территориальные и хронологические границы, выделены критерии базы данных, на основании которой может быть разработана геоинформационная система не только для визуализации полученных данных в виде археологической карты, но и дальнейшего изучения региона с применением методов пространственного анализа.

Ключевые слова: синташтинская, алакульская, федоровская, черкаскульская, саргаринская культуры, картография, пространственный анализ.

Археологическое картографирование далеко не новое направление в исследованиях

¹ Работа выполнена при поддержке Госзадания № FEUZ-2023-0018.

бронзового века степного и лесостепного Зауралья. Археологические карты представлены в рамках региональных энциклопедических изданий (Археологическая карта Башкирии, 1976; Археологическая карта Курганской области, 1993), а также в качестве визуализации полученных выводов о культурогенезе и взаимодействии носителей конкретных археологических культур (Григорьев, 2008; Виноградов, 2011; Епимахов, 2011; Алаева, 2015; Корочкова, Федорова, 2019; Корякова, Краузе, 2020). Однако комплексного исследования, посвященного созданию общей археологической карты памятников бронзового века территории степного и лесостепного Зауралья, нет.

Основные исследовательские проблемы изучения бронзового века связаны с взаимодействием культур, широко обсуждаются способы ведения хозяйства, возможные пути миграций. В частных вопросах изучения каждой выделенной археологической культуры основными являются технологические стратегии (металлопроизводство, керамология, транспорт, ткачество, домостроительство и т.п.), социальное устройство (плотность населения, выделение определенных групп, специализирующихся в различных отраслях деятельности, демографические соотношения взрослых/детей и мужчин/женщин), символические практики (реконструкция погребальных обрядов, костюмов, проявлений ритуальных практик), а также бытовая реальность людей бронзового века (реконструкция пищевых стратегий, образа жизни).

Нанесение на карту известных памятников с уточнением их культурной атрибуции и дополнительными переменными в виде частных особенностей каждого представляется возможностью смоделировать культурное пространство человека, обитавшего на территории степного и лесостепного Зауралья в бронзовом веке.

Поставленная задача требует уточнения хронологических и территориальных рамок исследования, так как существуют глобальные (Черных, 1978) и региональные (Зданович, 1988) периодизации бронзового века. Активные процессы взаимодействия, миграций, высокая степень мобильности древних скотоводов выражены в высокой степени вариативности археологических культур, локализованных на одной территории, многочисленных смешанных типах керамики.

Основная область исследования включает лесостепное и степное Зауралье. Уральские горы и р. Тобол задают границы с запада на восток (Григорьев, 2011, с. 175).

База данных, на которой основывается карта, на первом этапе включает в себя базовые параметры для определения памятников в пространстве: название памятника, тип памятника (городище, селище, могильник, курган, рудник, святилище), культурная атрибуция (синташтинская, петровская, федоровская, алакульская, черкаскульская и т.д.), в случае с расхождениями определения культуры разными авторами имеет смысл выделять разные альтернативы.

Следующим этапом характеристики памятников становится выделение общих переменных, дающих возможность понять характер исследований: год исследования, автор исследования, площадь раскопок. Применяемые междисциплинарные методы уточняются в характеристике памятников через вынесение встречающихся методов в переменные и фиксацию их наличия/отсутствия в исследованиях.

Заключительный этап составления базы данных и нанесения условных детализирующих обозначений на карту состоит в выделении специфики отдельных памятников и учитывает следующие признаки: принадлежность к металлургическому очагу и модели металлопроизводства, характер культурного слоя, наличие колесничего комплекса, радиоуглеродные датировки и др. Эти данные являются наиболее интересными, так как благодаря им можно проследить повторяющиеся признаки на примере разных групп

населения, и в то же время, некоторые из них являются достаточно редкими.

Выбор решения для визуализации и подробного пространственного анализа включает в себя поиск наиболее репрезентативной топоосновы (возможно, использования нескольких вариантов с привлечением данных палеоботаники и палеоклиматологии для моделирования ситуации максимально приближенной к условиям бронзового века), а также отображения информации в картах разного масштаба: широкомасштабной общей для целостного восприятия культурного ландшафта и выделения локальных особенностей для детализации.

Библиографический список

1. Алаева И. П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 археология. Том 1. М.: Институт археологии РАН, 2015. 320 с.
2. Виноградов Н. Б. Археологическая карта Курганской области. Курган: Изд-во: полигр. предприятие «Зауралье», 1993. 344 с.
3. Виноградов Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. памятники синташтинского и петровского типа. Челябинск. Абрис, 2011. 178 с.
4. Григорьев С. А. Пространственный анализ памятников эпохи бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 175-193.
5. Епимахов А. В., Чуев Н. И. Абашевские и синташтинские памятники: предварительные результаты пространственного анализа // ВААЭ. 2011. №2. С. 47-56.
6. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
7. Корочкова О. Н., Федорова Н. В. Клады Урала и Западной Сибири эпохи бронзы -раннего железного века: состав, контексты, интерпретации // ВААЭ. 2019. №3(46). С. 17-26.
8. Корякова Л. Н., Краузе Р., Пантелеева С. Е., Столярчик Э., Булакова Е. А., Солдаткин Н. В., Рассадников А. Ю., Молчанова В. В., Анкушев М. Н., Молчанов И. В., Якимов А. С., Федорова Н. В., Носкевич В. В. Поселение Коноплянка 2 в Южном Зауралье: новые аспекты исследования // Уральский исторический вестник. 2020. №4(69). С. 61-73.
9. Бадер О. Н., Мажитов Н. А., Смирнов А. П. Археологическая карта Башкирии. М: Наука, 1976. 263 с.
10. Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. №4. С. 53-82.

УДК 902/904

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ КОКТАС 1

© Левинская Полина Александровна

Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова, г. Караганда

Научный руководитель - к.и.н., ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории КУ им. Е.А. Букетова Варфоломеев Виктор Васильевич

Аннотация. Поселение Коктас 1 находится в Майском районе Павлодарской области, в 28 км к северу от с. Акшиман. Расположено на меднорудном месторождении Коктас. В 2022 г. на памятнике были проведены раскопки. В раскопе 3 выявлены остатки жилища, углубленного в материк. Найдены медная руда, множество каменных, бронзовых, костяных предметов и орудий горного дела и металлургии. Керамика из раскопа 3 представлена тремя культурными типами – валикового типа, типа андронидных культур, изготовленную на гончарном круге. Поселение относится к бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуре второй половины II тыс. до н.э., население составляли рудокопы и металлурги.

Ключевые слова: поселение, бронзовый век, рудокопы, металлурги, керамика, культурные типы, межкультурные связи.

Керамическая коллекция из раскопа 3 насчитывает 1201 фрагмент. По шейкам с венчиками и целым формам (4 экземпляра) выделено 124 сосуда, представленных тремя культурными группами. В группу I включена посуда саргаринско-алексеевского типа (104 сосуда или 83,9%). Вся посуда этой группы лепная, сравнительно толстостенная, с небрежно обработанными поверхностями, которая заглаживалась щепками, пучком травы, редко шпателем. Горшки абсолютно преобладают (102 экземпляра), в коллекции этой группы есть один сосуд баночной формы, а также фрагмент чаши или тигля. Лепной или формованный валик имеется у 16 (15,4%) сосудов. В 11 случаях валик рассеченный, украшен наклонными отрезками линий, перекрещивающимися отрезками, на 6 сосудах валик гладкий. Такой элемент оформления венчика как узкий воротничок отмечен на 6 сосудах (5,8%). Воротничок не декорирован или украшен оттисками ногтя и перекрещивающимися отрезками линий. Декорировалось менее половины сосудов (40 шт. – 38,5%). Элементы орнамента: наклонные отрезки, вдавления, оттиски ногтя, ногтевые вдавления, пальцевые защипы. Орнамент выполнялся в резной технике, крупным и мелким гребенчатым штампом, в технике ногтевых вдавлений и защипов, и оттисков палочки. Больше половины сосудов не орнаментированы (64 штуки – 61,5%). Аналогии формам посуды и орнаментальным мотивам керамического комплекса группы I поселения Коктас 1 прослеживается в материалах поздней бронзы Казахстана (Маргулан, 1979; Зданович, 1988).

II группа представлена серией из 19 сосудов (15,3%), резко отличается от керамики I группы. Посуда этой группы лепная, относительно тонкостенная, коричневого или светло-коричневого цвета, горшечных форм с хорошо заглаженной поверхностью. На некоторых сосудах отмечено слабое лощение. Орнамент покрывает всю поверхность и выполнен, в основном, в технике гребенчатого штампа, реже резным способом. Элементы декора представлены меандрами, треугольниками, заштрихованными полосами, зигзагами,

каннелюрами, уголковыми вдавлениями. Один небольшой сосуд был покрыт крупным зигзагом, выполненным отгисками конца палочки. Аналогии большинству сосудов II группы видятся среди посуды памятников андроновидной общности и межовско-ирменского историко-культурного пласта (Корочкова, 2010; Косарев, 1981; Матющенко, 2001; Матющенко, 2004; Матющенко, 2006).

III группа керамики – станковая, представлена единственным фрагментом сосуда, изготовленным с использованием гончарного круга, 0,8%. Орнамент отсутствует.

Такой разнокультурный набор посуды, обнаруженный в исследованном жилище раскопа 3 Коктаса 1, соответствует составу керамики на всех крупных поселениях валиковой керамической традиции (Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017). Такой же спектр керамики имеется на поселении рудокопов Бозшаколь (Воякин, Усманова, 2023). Но, в отличие от Кента и подобных памятников на Коктасе 1 высока доля керамического импорта – 16,1%. На Аккезене в раскопе с остатками металлообрабатывающей мастерской западносибирский импорт составляет 6,4% (Варфоломеев, 2022). Значительное количество импортной керамики в раскопе 3 поселения Коктас 1, видимо, связано с территориальной близостью Западной Сибири.

Библиографический список

1. Варфоломеев В. В. Металлообрабатывающая мастерская на поселении Аккезен, Центральный Казахстан // Археология Евразийских степей, №2, 2022. С. 225-244.
2. Варфоломеев В. В., Ломан В. Г., Евдокимов В. В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 338 с.
3. Воякин Д. А., Усманова Э. Р. Горно-металлургический комплекс Бозшаколь 1. Алматы: МИЦАИ, 2023. 282 с.
4. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1988. 184 с.
5. Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.
6. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
7. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы: 1979, 400 с.
8. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Часть первая. Еловский I курганный могильник. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 62 с.
9. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.
10. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.

УДК 902/904

РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ У ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА© *Лысова Анастасия Сергеевна*

Колледж цифровых и педагогических технологий, г. Тюмень

Научный руководитель – к.и.н., доцент Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Ткачев Александр Александрович

Аннотация. В данной статье рассматривается роль и значение введения археологического обучения в образовательный процесс у детей школьного возраста.

Ключевые слова: педагогическая археология, археологические материалы, образование, дети школьного возраста, культурно-историческое наследие, познавательный интерес.

В настоящее время наблюдается рост интереса к истории страны, родного края, в особенности древнего периода среди преподавателей и учеников. Однако большинство учителей не ведут работу по изучению археологического наследия из-за отсутствия необходимой литературы и методики использования археологического материала на уроках (Кольцов, 2009, с. 123).

Внедрение археологического образования в школах России способствует развитию познавательного интереса, формированию образовательных и общечеловеческих ценностей. Изучение данной отрасли также предполагает совершенствование творческого мышления и возможностей, которые дети могут проявлять через анализ прошлого и настоящего, поскольку в археологии большинство предметов и вещей нужно интерпретировать. При этом необходимо отходить от стандартных видений мира и быта, которые привычны в современном обществе для понимания жизни древних людей.

Археология представляет собой науку, которая в первую очередь изучает древность, прошлое человечества по вещественным источникам: предметам и сооружениям, сделанными руками человека. Изучение развития человеческого общества и местонахождения вещественных памятников помогают раскрыть региональный компонент, который позволяет обогатить знания детей и расширить кругозор о представлении доисторической эпохи, познакомиться с древними народами, их историей, жизнедеятельностью, бытом и культурой на протяжении многих веков. Следует отметить, что это успешно влияет на формирования национальной идентичности и чувства принадлежности к своему региону. Включение археологии в общеобразовательный процесс выстраивает у учащихся представление о возникновении государств и характере разного рода перемен в конкретный исторический период. Из этого следует то, что у детей школьного возраста возрастет интерес к традициям народов и закрепится уважительное отношение к своей стране (Заикина, 2019, с. 173).

Педагогическая археология – относительно новое понятие, которое впервые было разработано российским историком и археологом А. М. Буровским в 1990 году. Это междисциплинарное направление, которое содержит принципы таких наук как: этнография, социология, педагогика, и имеет обширную прогностическую направленность. Данная отрасль способствует адаптации современных технологий и средств к археологической специфике. Если говорить о педагогической деятельности в изучении археологии, то она

имеет значимые результаты, одним из которых является осознание учащимися своего места в культурно-историческом пространстве. Педагогический потенциал в данной области велик. Он способен влиять на сознание и эмоции учеников, стимулировать интерес к предмету изучения, формировать нравственные, познавательные и положительные качества личности (Русских, 2021, с. 362).

Археология в образовании предоставляет ученикам широкие возможности для самопознания и полной реализации своего потенциала в учебной и научно-исследовательской деятельности, что позволяет углубленно изучать историю своей страны и всего мира, развивать умение анализировать и сравнивать археологический материал, тесно сотрудничать со школьными музеями и принимать участие в археологических экспедициях (Кольцов, 2009, с. 123). Однако опыт данной учебной деятельности до сих пор является в должной степени не оцененным достоянием отечественной археологии (Винокурова, 2013, с. 143).

По проанализированным данным на территории России представлено небольшое количество археологических клубов и выездов в экспедиции для детей школьного возраста. Это связано с тем, что произошло сокращение организаций внеурочных объединений, а также изменилась ситуация с финансовым обеспечением сети педагогически спланированного детского досуга. Однако в настоящее время это направление активно развивается и имеет свой прогресс в связи с повышением интереса к историческому прошлому и доступности научных материалов посредством современных технологий. Одним из примеров применения археологии в общеобразовательной среде может являться АНО «Институт археологии Севера», который находится в городе Нефтеюганск и был организован в 2010 году с целью интеграции и координации деятельности научных и производственных объединений, работающих в области изучения и сохранения историко-культурного наследия на Севере Западной Сибири. Институт реализует медиаобразовательный и грантовый проект «Археологи – школьникам Югры». За время реализации проекта для детей организовали экскурсии в лабораторию археологии и этнографии СурГУ, профориентационные занятия и лекции об истории Югры и археологических находках в Нефтеюганском районе. Важным событием в проекте было воссоздание в Югре проведения детских археологических экспедиций, летом 2022 года прошла образовательно-практическая программа, где учащиеся Салымской школы №2 стали участниками данного мероприятия и узнали подробнее о работе археологов, практически ежедневно помогали на раскопках и слушали лекции ученых. Следующим примером можно выделить Археологический клуб «КЛИО» города Шуя Ивановской области. Организация проводит обучение для детей школьного возраста от 10 до 17 лет по специально подготовленной образовательной программе, в ходе изучения которой, учащиеся узнают об археологии, посещают различные памятники и принимают участие в разведке в среднем течении Тезы. Также, в Санкт-Петербурге существует молодежное объединение «Археологическая культура» при Центре культуры и досуга «Кировец». В коллектив приглашают детей с 12 лет и проводят с ними занятия и мероприятия, посвященные древнему прошлому нашей Родины. Летом участники объединения отправляются в качестве волонтеров в действующие археологические экспедиции на Северо-западе России. Включение подобных мероприятий и в целом археологической дисциплины в общеобразовательный процесс позволит учащимся расширить свои знания в истории и поспособствует пониманию важности культурно-исторического наследия.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время внедрение археологического обучения в общий учебный процесс имеет значимую роль для детей школьного возраста, поскольку изучение данного направления является средством всестороннего развития

и предоставляет возможность восполнить знания по истории своего региона и страны, а практическая деятельность дает навыки участия в научно-исследовательских работах.

Библиографический список

1. Винокурова Н. И. К концепции развития археологического образования в России // Преподаватель XXI век. 2013., №2(1). С. 139-148.
2. Заикина Н. А. Педагогический потенциал археологии в школьном историческом образовании // Вопросы студенческой науки. 2019. №12(40). С. 172-175.
3. Кольцов П. М. Использование археологического материала в образовательных учреждениях // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2009. №1. С. 123-126.
4. Русских В. И. Педагогическая археология // Молодой ученый. 2021. 4 (346). С. 362-364.

УДК 902

АНАЛИЗ ФОРМ КЕРАМИКИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТАВЛЫКАЕВО-2

© Маркелов Никита Денисович

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры истории РБ, археологии и этнологии УУНТ Мухаметдинов Вадим Ильдарович

Аннотация. Статья посвящена проблеме срубно-алакульских контактов. Материалом для работы послужили сосуды курганного могильника Тавлыкаево-2. В статье представлен анализ форм керамической посуды с целью выделения производственного тренда срубно-алакульского населения на памятнике.

Ключевые слова: керамика, историко-культурный подход, формы сосудов, функциональные части, культурные традиции, керамическое производство.

Введение. В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем в изучении позднего бронзового века, являются исследования памятников срубно-алакульского круга. В изучении вопроса культурогенеза важным источником информации представляется керамика, поскольку этот материал позволяет выделить культурные традиции древнего населения и определить характер межкультурных взаимодействий. Потому целесообразным является применение метода историко-культурного подхода в изучении посуды и введение в научный оборот новых результатов анализа керамики срубно-алакульского населения.

Цель работы рассмотреть керамику смешанного населения и определить культурные традиции в формообразовании населения, оставившего курганный могильник Тавлыкаево-2.

Задачи исследования – провести анализ форм посуды в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским и обозначить традиции населения памятника

Тавлыкаево-2.

Для изучения были использованы материалы курганного могильника Тавлыкаево-2 расположенного в Южном Зауралье. Памятник находится в Баймакском районе Республики Башкортостан. В 1973 году было вскрыто 7 курганов, 5 из них относятся к эпохе бронзы (Морозов, 1973, с. 5). Всего археологами было исследовано 32 погребения эпохи бронзы, в которых выявлено 46 сосудов. Из них 34 принадлежат срубной культурной группе, 12 относятся к срубно-алакульскому типу. Для анализа были пригодны 11 изделий, остальные не подходили по причине сильной поврежденности.

Анализ форм сосудов проводился по методике А. А. Бобринского на трех уровнях. На первом этапе осуществлялся поиск общей пропорциональности сосуда; на втором – изучение естественной структуры форм сосудов; на третьем этапе определялась степень сформированности функциональных частей сосуда. (Ю. Б. Цетлин, с. 137, 2018.). Посуда фотографировалась, после чего фотографии обрабатывались на компьютере.

Исследование. Керамика каждой культурной группы можно определить визуальным способом. Посуда срубного типа представлена 4 горшками и 1 банкой с выделенным дном. Сосуды срубно-алакульской группы – 6 шт. относятся к горшечной форме.

Рассматривая сосуды, следует обратить внимание на общую пропорциональность (ОПП) посуды из каждой группы.

№	Срубная группа	Ст.	№	срубно-алакульская группа	Ст.
33	VI ср/выс.	44	14	VI. Ср/Выс	42
39	VI ср/выс.	42	32	VI. Ср/Выс	41
43	VI. Ср/Выс	43	41	VI. Ср/Выс	43
49	V. Ср.	36	42	VI. Ср/Выс	41
54	VI. Ср/Выс	43	45	VI. Ср/Выс	42
			46	VI. Ср/Выс	43

Таблица 1. Качество ОПП посуды

Изначально рассмотрим срубную группу керамики.

№ сосудов	№ ступени	Диапазон значений	Количество сосудов
39	42	1,548–1,681	1
43;54;49	43	1,682–1,841	3
33	44	1,842–2,000	1

Таблица 2. Диапазон ОПП

Выявленные значения фиксируют почти равные пропорции лишь в единственном случае встречается сосуд «баночной» формы, определяемый так лишь по визуальным признакам, однако, полученные значения позволяют его отнести к категории «горшковидных» средних пропорций (Ю.Б. Цетлин, с. 128). Остальная посуда срубного типа соотносится с категорией «горшков-кувшинов». Это может являться свидетельством того, что в процессе

гончарства населения памятника могли устояться смешанные традиции, привнесённые алакульским компонентом.

Рассматривая естественную структуру посуды срубного облика можно выделить в основном преобладание таких видов четырех-частной конструкции: Г+Ш+П/ПП+Т (2 случая); Г+Щ/Ш+П/ПП+Т; Г+Ш+ПП+Т. Отличается сосуд 54, который имеет пяти-частную структуру Г+Ш+П/ПП+Т+ОТ. Во всех случаях, у сосудов полностью сформированно и выделено тулово. Лишь в одном случае (сосуд 54), представлено выделенное основание тулова у посуды. Однако у этого же сосуда не выделены остальные функциональные части, но диапазон ОПП позволяет отнести его к категории «горшковидных». В одном случае губа в сформированном состоянии, в остальных случаях она несформирована. Колеблются параметры шеи – в трёх случаях шея полностью сформирована, в двух случаях находится в несформированном состоянии.

Выделяется среди этих конструкций предплечье – 3 случая полностью сформированных, в двух других частично сформированно и несформированно. Тем самым для срубной культурной группы характерно полностью сформированное тулово, шея и предплечье.

№	Ступень ОПП	Вид структуры	Угол наклона тулова	Сформированность функциональных частей						
				Г	Ш	Щ/Ш	П/ПП	ПП	Т	ОТ
33	44	Г+Щ/Ш+П/ПП+Т	Л. Накл. 15 (оч. Сл)	П/СФ	–	П/СФ	Ч/СФ	–	П/СФ	–
39	42	Г+Ш+П/ПП+Т	Пр.накл. 24 (ср.сильн.)	Н/СФ	П/СФ	–	П/СФ	–	П/СФ	–
43	43	Г+Ш+П/ПП+Т	Пр.накл. 23 (ср.сильн.)	Н/СФ	Н/СФ	–	П/СФ	–	П/СФ	–
49	36	Г+Ш+ПП+Т	Пр.накл. 23 (ср.сильн.)	Н/СФ	П/СФ	–	–	П/СФ	П/СФ	–
54	43	Г+Ш+Т+ОТ	Л. Накл. 15 (оч. Сл)	Н/СФ	Н/СФ	–	Н/СФ	–	П/СФ	П/СФ

Таблица 3. Вид структуры и степень сформированности функциональных частей

Также следует рассмотреть срубно-алакульскую культурную группу.

№ сосудов	№ ступени	Диапазон значений	Количество сосудов
14;45	41	1,414-1,547	2
32;42	42	1,548-1,681	2
41;46	43	1,682-1,841	2

Таблица 4. Диапазон ОПП

В этом случае, все сосуды срубно-алакульской группы находятся в рамках среднего/высокого качества ОПП и представлены одним типом «горшков-кувшинов».

№	Степень ОПП	Вид структуры	Угол наклона тулова	Сформированность функциональных частей				
				Г	Ш	ПП	Т	ОТ
14	42	Г+Ш+ПП+Т+ОТ	Л. Накл 12 (Сред/слаб)	Н/СФ	П/СФ	П/СФ	П/СФ	Ч/СФ
32	41	Г+Ш+ПП+Т+ОТ	Л. Накл 11 (Сред/слаб)	Н/СФ	П/СФ	П/СФ	Ч/СФ	П/СФ
41	43	Г+Ш+ПП+Т+ОТ	Л. Накл 13 (слабый)	Н/СФ	П/СФ	П/СФ	П/СФ	Ч/СФ
42	41	Г+Ш+ПП+Т	Пр. накл. 26 (сред)	Н/СФ	П/СФ	П/СФ	П/СФ	–
45	42	Г+Ш+ПП+Т	Пр. накл. 23 (сред/сильн)	Н/СФ	П/СФ	П/СФ	П/СФ	–
46	43	Г+Ш+ПП+Т+ОТ	Л. Накл 15 (оч.слабый)	Н/СФ	П/СФ	П/СФ	П/СФ	П/СФ

Таблица 6. Вид структуры и степень сформированности функциональных частей

Рассматривая структуру сосудов срубно-алакульской культурной группы, проанализируем общий тренд производства посуды. В 4 случаях пролеживается пятичастная структура: Г+Ш+ПП+Т+ОТ; всего в 2 случаях представлена одна структура: Г+Ш+ПП+Т (41;42). Для всех сосудов характерна несформированная губа и полностью сформированная шея, а также полностью сформированное предплечье и тулово. Только в одном случае тулово сосуда частично сформированно (32). Важным также является отличие сформированности и наличия у сосудов основания тулова. В 2 случаях оно полностью сформированно (сосуды 32;46), в двух других частично присутствует (сосуды 14;41) и в последних двух (сосуды 42;45) отсутствуют.

В данном случае доля единого конструкта преобладает и является основным трендом в культурной группе. В следствие этого, структуру: Г+Ш+ПП+Т+ОТ; следует рассматривать как «чистые традиции» в рамках которых, соблюдались пропорции функциональных частей в том числе и в отличающейся структуре: Г+Ш+ПП+Т.

В сосудах срубного типа четырёхчастной конструкции, прослеживается существенное отличие от форм срубно-алакульского типа. Следует обратить внимание на левый и правый наклоны тулова. В срубной культурной группе левый угол наклона находится в диапазоне 15. Правый угол наклона 23 и (2 случая и 24 в одном случае). В срубно-алакульской группе диапазон левый угол наклона находится в диапазоне от 11 до 15 (4 случая). Правый угол наклона имеют всего 2 сосуда занимающие 26 и 23 степень. Отличается сформированность тулова преимущественно средне-высоких и средних пропорций с разбросом ступеней 38-44.

В срубно-алакульской группе наблюдается единообразие тулова – 4 случая средних пропорций и наличие средне-низкой и средне-высокой ступеней от 30-42.

Подобная ситуация наблюдается на могильнике у с. Песчанка в Южном Зауралье. Формы сосудов изучали также методом историко-культурного подхода. На памятнике проявлены также ведущие тенденции в традициях создания форм сосудов у населения, оставившего могильник. Ранний алакульский компонент также состоит из пяти-частной конструкции: «Г+Ш+ПП+Т+ОТ» и отличается сформированностью тулова, и она является

ориентиром для изучения развития форм.

Таким образом, рассмотрев формы срубной и срубно-алакульской групп сосудов, можно сказать, что культурное ядро памятника с большей вероятностью находится в группе с устойчивыми традициями – срубно-алакульской группе. Вероятно, алакульский компонент, в условиях межкультурного взаимодействия, становился менее устойчивым, и пропорции функциональных частей сосудов отличались сформированностью.

Библиографический список

1. Морозов Ю. А., 1975. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1975 г. // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 63.

2. Климова А. Д. Формы глиняных сосудов из могильника позднего бронзового века у с. Песчанка в Южном Зауралье // ВААЭ. 2022. №3 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-glinyanyh-sosudov-iz-mogilnika-pozdnego-bronzovogo-veka-u-s-peschanka-v-yuzhnom-zauralie> (дата обращения: 07.11.2023).

3. Цетлин Ю. Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. М.: ИА РАН, 2018. С. 124-180.

УДК 902/904

АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА СВЯТИЛИЩА ВЕЛИЖАНЫ–2

© Плесовских Валерия Александровна

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Научный руководитель – к.и.н., доцент Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Ткачев Александр Александрович

Аннотация. В работе анализируются керамические комплексы святилища Велижаны-2 и оценивается их значение для сакральной деятельности разных культур эпохи энеолита.

Ключевые слова: энеолит, святилище, Велижаны-2, Велижаны-1, керамика байрыкской культуры, керамика липчинской культуры, керамика андреевской культуры.

Памятник Велижаны-2 был открыт в 1987 году в ходе археологической экспедиции ТюмГУ, под руководством Анатолия Николаевича Панфилова и Валерия Терентьевича Галкина. А в 1989-1996 гг. исследовался под руководством Любови Александровны Дрябиной. Святилище находится в Нижне-Тавдинском районе Тюменской области, на левом берегу реки Иска, его общая площадь составляет около 800 кв.м., исследовано 740 кв. м (Дрябина, 2003, с. 75).

Основная часть комплекса представлена двумя вписанными друг в друга концентрическими кругами общим диаметром 19,2 м и занимает площадь в 290 кв. м., от

общей исследованной площади в 740 кв. м. На нем также обнаружено большое количество столбовых ям, кострищ, различных артефактов, сосуды с охрой, которые были расположены вверх дном, и каменные орудия, но ни костей животных, ни захоронений человека найдено не было. Самым многочисленным материалом на памятнике считается керамика – 14 538 фрагментов. Ее особенностью считается то, что она представлена сразу тремя культурами (Потемкина, 2020, с. 8). Изначально Любовью Александровной была высказана позиция о том, что на святилище представлены сосновоостровская, липчинская и андреевская культуры, которые имели тесные взаимосвязи и могли проводить совместные ритуалы (Дрябина, 2003, с. 77). Однако на данный момент керамический комплекс соотносят с гребенчато-ямочной орнаментальной традицией, представленной байрыкской культурой. Для такого типа керамики характерно наличие рядов округлых ямок, которые располагались в линию или в шахматном порядке по основной части сосуда или по венчику, а также элементов гребенчатого штампа и крупных наколов по всему сосуду. Также, на некоторых материалах присутствовали орнаментальные мотивы других культур, таких как шапкульская, сосновоостровская, липчинская и липчинская, но все же подавляющее большинство керамики относится к байрыкской. Среди орнаментальных техник на сосудах преобладают ямочные и гребенчатые оттиски, а также наколы. Самой популярной и многочисленной техникой нанесения орнамента является ямочная, следующая группа сосудов имеет гребенчатый орнамент с узорами в виде широких и тонких линий на тулове посуды. Имеются сложные орнаментальные схемы, которые образуют геометрические фигуры в виде треугольников и ромбов. Также, представлена и накольчатая техника, которая характерна плотными рядами наколов, в виде геометрических фигур и линий по всему тулову сосудов. Сосуды святилища Велижаны-2 орнаментированы данной техникой и практически не представлены узорами, выполненными шагающей гребенкой. По всей видимости наличие древней техники исполнения орнамента, представленного в виде «качалки», может говорить о более поздней хронологической позиции байрыкской керамики на Велижанах-2.

Керамика на данном святилище имеет огромное значение для сакральности этого места и проведения ритуалов, поскольку является самым многочисленным материалом памятника. Если анализировать количество находок, то следует вывод о том, что керамика является наиболее важной, потому что на святилище присутствует всего около 200 изделий из камня и 30 фрагментов костей (Дрябина, Скочина, 2005, с. 26). Основным функционалом керамических комплексов на Велижанах-2 является применение сосудов в обрядовой деятельности. Так, в северно-восточной части святилища фиксируется расширение с глубокой ямой в центре, где лежали обгорелые плахи, на которые ставились сосуды с охрой. В западной части внешнего рва находилась другая яма с заполнением супесью с охрой и фрагментами костей, а также с множеством сосудов в яме и вокруг нее. Многие точки обнаружения сосудов совпадают с астрономическими показателями дней солнцестояния и равноденствия, что говорит об их сакральном и духовном значении (Дрябина, 2001, с. 88).

Большое внимание исследователем обращено на астрономические знаки на святилище, которые транслируются через орнамент на керамике. Хорошо исследованы числовые показатели на сосудах в виде количества ямок в ряду орнамента, например, 28 ямок в ряду, что соотносят как заданный полный лунный цикл на святилище. Значение имеют и двенадцатилучевые фигуры на сосудах, которые интерпретируются Дрябиной как 8 лунно-солнечных ориентиров и 4 стороны света. Также, свое отражение в орнаменте по мнению автора находят числовые доминанты. Например 13, 6, 7 и т.д., что олицетворяло количество месяцев в году, полгода и другие календарные особенности (Дрябина, 2003, с. 80).

Исходя из «оригинальной» орнаментации мы можем сделать вывод, что такая посуда

должна была изготавливаться специально для обрядов. Ритмичность повторения элементов орнамента и сложная схема на некоторых сосудах помогает представить некоторые из них в виде плоскости круга, в центре которого оказалось доньшко. Исследователи представляют, что такая модель символизирует Космос. Орнамент на керамике соотносится с цикличным временем, которое делится на сезоны и месяцы. Ритмичное время – освоенное людьми сакральное время, которое было зашифровано на посуде не только в числах, но и пространственных символах (Дрябина, Шехова, 2001, с. 90).

Чтобы подтвердить мысль о специальном изготовлении посуды для ритуалов, стоит обратить внимание на керамический комплекс поселения Велижаны-1, которое находится рядом со святилищем. Сосуды представлены в основном пришедшими с разных территорий липчинской, шапульской и андреевской культурными общностями, которые переняли от местной байрыкской культуры особенности нанесения на керамику округлых ямок по тулову (Зах, Зими́на, 2018, с. 9). На поселении не фиксируются керамические комплексы с отражением астрономических и сакральных знаков, что говорит о специальном производстве и использовании части посуды в ритуалах на святилище.

Таким образом, керамика играла ведущую роль в практической деятельности культур на святилище Велижаны-2, поскольку среди всех находок занимает большую часть, имеет особенности в орнаменте, которые символизируют астрономические знаки, а также найдена в наиболее популярных местах, где проводились ритуалы и жертвоприношения.

Библиографический список

1. Дрябина, Л. А. Пространственно-временная модель мира святилища Велижаны-2 // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. Вып. 3. С. 75-84.
2. Дрябина, Л. А., Скочина С. Н. Орудийный набор святилища Велижаны II // АВ ОВО: Проблемы Генезиса культуры. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. С. 26-35.
3. Дрябина, Л. А., Шехова В. Н. Семантика культовой посуды святилища Велижаны-2 // Словоцковские чтения – 2001: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. С. 90-91.
4. Зах В. А., Зими́на О. Ю. О взаимодействии андреевской и липчинской культур в Нижнем Притоболье (по материалам поселения Велижаны 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. 2018. №2(41). С. 5-16.
5. Потемкина Т. М. Динамика мировоззренческих традиций южнотаежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Святилище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. С. 137-197.

УДК 903.21

**ОРУДИЯ ТРУДА УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ СИНТАШТА: ВОЗМОЖНОСТИ
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА**

© Прокопьев Александр Андреевич

Челябинский государственный университет, г. Челябинск

*Научный руководитель – канд. филос. наук, зам. директора Учебно-научного центра
изучения проблем природы и человека ЧелГУ Петров Фёдор Николаевич*

Аннотация. Работа посвящена результатам исследований орудийного комплекса укрепленного поселения эпохи бронзы Синташта в рамках функционального подхода. Рассмотрено 36 орудий труда из камня, кости, бронзы и глины, выделены функциональные типы, обусловленные характером использования изученных орудий в процессе домашнего производства.

Ключевые слова: бронзовый век, укрепленное поселение, Южный Урал, функциональный анализ, металлообработка, ткачество, кожевенное дело.

Со второй половины XX века в Южном Зауралье исследователями активно проводились раскопки укрепленных поселений бронзового века: Аркаим, Синташта, Устье I, Каменный Амбар (Ольгино), Левобережное и ряд других. Одним из самых распространенных типов находок на данных памятниках являются орудия из камня, кости, бронзы. В последние годы все больше внимания специалистов стало уделяться изучению орудий, связанных с кожевенным и ткацким делом, резьбой по кости и дереву, производством керамики и так далее. Это в свою очередь необходимо для комплексного изучения хозяйства культур бронзового века Зауральской степи и его целостной реконструкции.

Укрепленное поселение Синташта расположено на территории Брединского района Челябинской области, на левом берегу реки Синташта (бассейн реки Тобол), в 2,9 км на юго-восток от поселка Рымникский. Поселение было открыто полевым отрядом Т. Н. Чебаковой в 1967 г., исследовалось в 1972-1975 гг. Уральской археологической экспедицией под общим руководством В. Ф. Генинга и в 1983-1987 гг. археологической экспедицией Челябинского государственного университета под общим руководством Г. Б. Здановича (Генинг, Зданович, Генинг, 1992). Был установлен многослойный характер памятника, основные слои которого связаны с материалами синташтинской, алакульской и саргаринско-алексеевской культур, существование которых охватывает период с XXI в. до н.э. до XI в. до н.э. (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014).

В рамках данной работы была проанализирована коллекция из 36 орудий, обнаруженных в ходе раскопок 1983-1986 гг.: 15 каменных, 19 костяных, 1 глиняное и 1 бронзовое. На основе классификации С. Я. Зданович и Г. Ф. Коробковой (Зданович, Коробкова, 1988) изученную выборку из орудийного комплекса поселения Синташта можно разделить на горно-металлургические орудия (3 экз.), орудия металлообработки (7 экз.), ударные орудия (1 экз.), орудия обработки кож (20 экз.), орудия прядения и ткачества (1 экз.) и «орудия домашних производств» (3 экз.).

Горно-металлургические орудия. В данной группе выделяются песты для растирания руды (2 экз.), молоток для разбивки руды (1 экз.) и плита для растирания руды (1 экз.).

Орудия металлообработки. Данный тип орудий представлен каменными молотками

(3 экз.), абразивными плитками (2 экз.) и точильными камнями (2 экз.).

Орудия обработки кож. Данная группа является самой многочисленной в коллекции. В основном она представлена тупиками из челюстей КРС или МРС (14 экз.), далее следуют тупики из рёбер КРС и МРС (3 экз.), затем тупики или ложила по коже из иных костей КРС и МРС (2 экз.). Также к данной группе относится один кремниевый скребок.

«Орудия домашних производств». Часть предметов из этой группы можно выделить как орудия охоты и рыболовства, а именно кремниевый черешковый наконечник стрелы и фрагмент глиняного грузила для сетей. В эту же группу входит ножевидная пластинка, однако ее более точное функциональное определение невозможно без применения микротрасологического метода.

Технология изготовления каменных орудий представлена пикетажем, шлифовкой, скалыванием и отщеплением. Следы пикетажа и шлифовки встречаются практически на всех орудиях металлообработки и горно-металлургического дела, имеют ярко выраженный характер по всей поверхности орудий. Исключением тут являются абразивные плитки и точильные камни, на них следы обработки минимальны.

Что касается костяных орудий – тупиков, то изготовленные из челюстей КРС и МРС выполнены путём удаления венечного и мышечкового отростков, а также зубов с подрубанием медиальной поверхности. Ложила из кости же имеют следы залощенности, но практически не имеют следов обработки. На некоторых костяных тупиках присутствуют сверлёные отверстия неизвестного назначения.

В рамках данного исследования анализ петрофонда не проводился. Однако материалы, из которых были изготовлены некоторые орудия, определены нами как яшма, кремль, гранит, песчаник. Любопытно, что материал, из которого изготовлены орудия, напрямую зависит от их функционального назначения. Например, орудия, для которых необходима твёрдость (молотки, пест) изготовлены из кремня и яшмы. Такая тенденция была замечена С. Я. Зданович и В. В. Зайковым в ходе изучения петрофонда орудий труда укрепленного поселения Аркаим (Зайков, Зданович, 2000).

Таким образом, орудийный комплекс укрепленного поселения Синташта является типичным как для поселений синташтинской культуры, так и в целом для поселений эпохи бронзы Южного Зауралья (Виноградов и др., 2013; Коробкова, Виноградов, 2004; Петров, Анкушев, Медведева, 2018). Ярко выраженными производственными процессами на поселении являются металлообработка, кожевенное дело, косторезное дело.

В целом можно утверждать, что применение функционального подхода является весьма перспективным, особенно при изучении производственных процессов отдельного поселения. Однако стоит учитывать, что анализ орудий на основе морфологических признаков позволяет сделать довольно ограниченные выводы. Для получения большего объёма данных необходимо так же применение макро- и микротрасологических методов.

Библиографический список

1. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал кн. изд-во, 1992. 408 с.
2. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: коллект. моногр. / отв. ред. Н. Б. Виноградов; науч. ред. А. В. Епимахов. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.
3. Епимахов А. В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. №17. С. 402-421.
4. Зданович С. Я., Коробкова Г. Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности

населения эпохи бронзы (по данным трассологического изучения орудий труда пос. Петровка II) // Проблемы археологии урало-казахстанских степей: Межвузовский сборник. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1988. С. 60-80.

5. Зайков В. В., Зданович С. Я. Каменные изделия и минерально-сырьевая база каменной индустрии Аркаима. // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 2000. С. 73-94.

6. Коробкова Г. Ф., Виноградов Н. Б. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. 2004. Вып. 4. С. 57-87.

7. Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского гос. университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, №3: Археология и этнография. С. 136-167.

8. Петров Ф. Н., Анкушев М. Н., Медведева П. С. Материальные свидетельства технологических процессов в культурном слое поселения Левобережное (Синташта II): опыт функционального подхода. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. №1. С. 112-147.

УДК 902/904

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ САРЫАРКИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© *Рысбергенов Муса Ахатулы*

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана

*Научный руководитель – м.г.н., старший преподаватель кафедры археологии и этнологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Татьяна Васильевна Брынза*

Аннотация. Первые курган-ограды с монументальной архитектурой были открыты в Сарыарке в 50-60 гг. XX века. В конце 70-х подобные сооружения были отнесены к памятникам переходного этапа и реннебегазинской времени. За последние десять лет были открыты ряд новых памятников с социально-стратифицированными погребальными комплексами, которые позволяют по новому взглянуть на элитные курганы поздней бронзы Сарыарки.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, федоровская культура, погребальная архитектура, курганы элиты, Центральный Казахстан, Сарыарка.

Одним из интересных типов памятников Сарыарки в эпоху поздней бронзы являются так называемые курган-ограды, отличительные особенности которых заключаются в больших размерах, сложной структуре и в монументальном характере архитектуры. Эти высокостатусные сооружения демонстрируют сложную социальную стратификацию федоровских племен, и в таком виде известны только в Сарыарке (рис. 1)¹.

¹ Для анализа привлечены только основные погребения

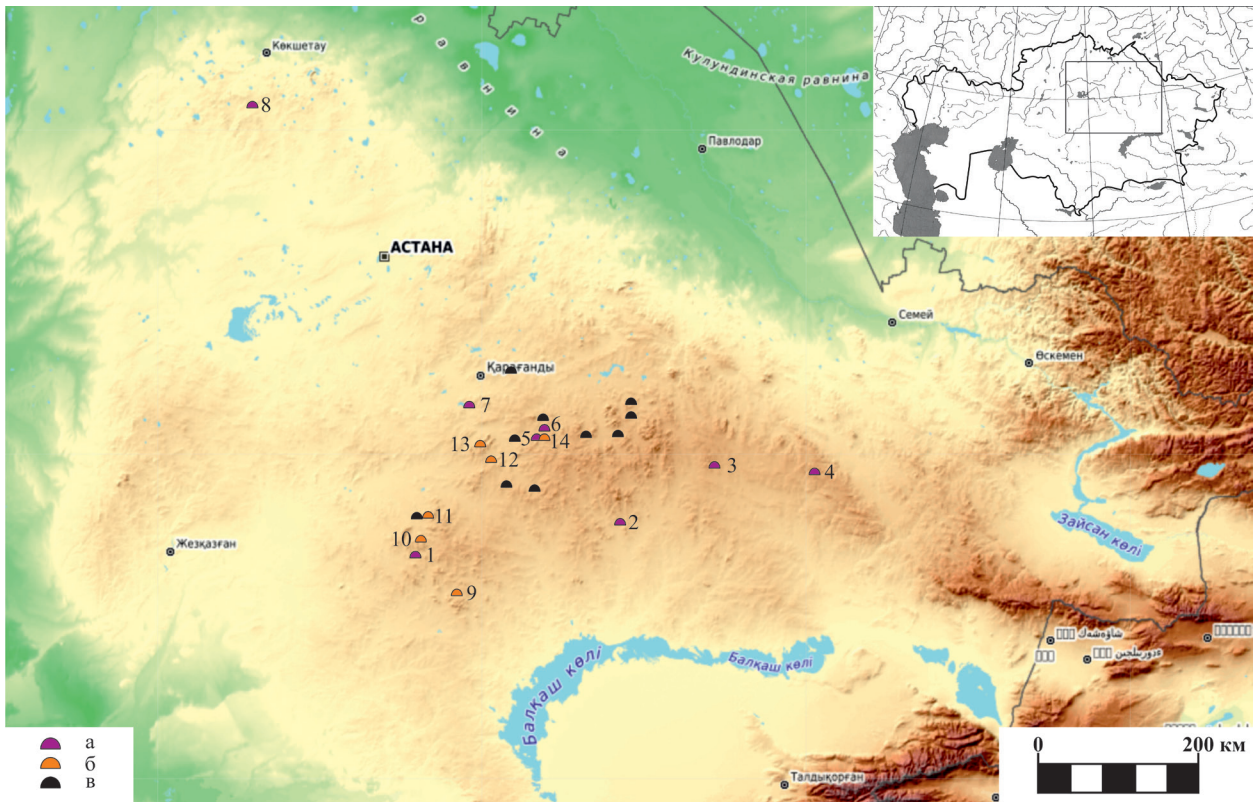

Рис. 1. Курган-ограды Сарыарки. а – ранние; б – поздние; в – другие известные курган-ограды (Маргулан и др., 1966, рис. 76). 1 – Атасу I, 2 – Бегазы, 3 – Аккойтас V, 4 – Сарыколь 1, 5 – Талдинский 1, 6 – Бесоба, 7 – Шерубай 1, 8 – Айдабул I, 9 – Беласар Б, 10 – Айшрак Б, 11 – Ортау II, 12 – Аксу-Аюлы II, 13 – Бугулы II, 14 – Байбала II

Цель данной работы – характеристика элитных погребальных комплексов федоровской культуры Сарыарки, выявление особенностей их архитектуры и погребальной практики.

Аналізу доступно 22 сооружений и 30 погребений из 14 могильников: *Айдабул I*, №1 (Акишев, 1959); *Айшрак Б*, №6-7; *Аксу-Аюлы II*, №2-3, *Ортау II*, №1-3, *Байбала II*, №1, *Бугулы II*, №8 (Маргулан и др., 1966); *Беласар Б*, №2 (Маргулан, 1979); *Атасу I*, №39 (Кадырбаев, Курманкулов, 1992); *Сарыколь I*, №1, 4 (Исин, 2004); *Бегазы*, №15 (Бейсенов, Варфоломеев, 2008); *Аккойтас V*, №1 (Байтанаев и др.); *Бесоба*, №3-4 (Кукушкин, Дмитриев, 2017); *Шерубай I*, №1 (Кукушкин, Дмитриев, 2018); *Талдинский I*, №1-3 (Кукушкин, 2020).

Диаметр курган-оград от 9 до 36 м, высота – от 0,65 до 3,2 м. В архитектуре курганов общим является наличие кольцевых оград, сооруженных из массивных каменных плит врытых на ребро. В наиболее сохранившихся больших курган-оградах имелись 54 и 79 массивных плит (Байбала II, №1; Сарыколь 1, №1). Кольцевая ограда может быть расположена по основанию насыпи или в подкруганной площадке. Зачастую каменные плиты наклонены внутрь и поддерживаются крупными каменными подпорками.

Для подобных курганов характерно наличие нескольких (обычно двух) концентрических оград, вписанных друг в друга (в 18 случаях). В таких сооружениях внешняя ограда в основном также сооружалась из вертикально поставленных плит. Методом строительной кладки воздвигались главным образом внутренние ограды (размеры в пределах 3,5-6×3,4-4,8 м, ширина 1-2 м, сохранившаяся высота 0,5-1,5 м).

Пространство между внешними и внутренними оградами, так называемый «обходной коридор», зачастую свободен от построек. Однако есть несколько примеров наличия дополнительных архитектурных элементов, располагавшихся во внутреннем и внешнем

пространстве кольцевых оград (ров, пояс в виде каменной выкладки или наброса).

В насыпи трех курган-ограда зафиксирован каменный панцирь, в одном случае представленный плашмя уложенными плитками (Беласар Б, №2), в другом – состоящий из сплошного слоя мелких и средних камней (Айшрак Б, №7; Талдинский 1, №3). В двух случаях зафиксированы остатки перекрытия внутренней ограды в виде бревенчатой (Байбала II, №2) и пирамидально-ступенчатой (Аксу-Аюлы II, №3) рамы из бревен. Возможно, в Бугулы II (№8) внутренняя ограда имела каменное перекрытие.

Все могильные конструкции спущены в земляную камеру. В 28 случаях из 30 они представлены каменными ящиками, ориентированные в основном по линии З-В. Стандартным является наличие одного-двух погребений, во втором случае погребения располагаются длинной осью параллельно друг к другу.

В опубликованных работах содержатся сведения о 27 случаях обнаружения остатков умерших. Преимущественно захоронения одиночные, господствует обряд труположения (20). Зафиксирован биритуализм в одной могиле (Шерубай 1, №1), в одном кургане (Талдинский 1, №1), а также в рамках могильника (Аксу-Аюлы II, Сарыколь 1, Бесоба).

Разнообразие надмогильных сооружений по форме и способе строительства, выражение статусности не через сложную архитектуру погребений и богатство инвентаря, а через сложную архитектуру надмогильных сооружений – это самые яркие признаки, резко отличающие федоровские элитные курганы Сарыарки.

Федоровская культура Сарыарки, судя по последним радиоуглеродным данным, датируется в пределах (2 пол. XVIII) XVII – 1 пол. XV в. до н.э. (Кукушкин, 2020, с. 82).

Представленные курган-ограды, исходя из архитектуры, инвентаря и погребального обряда, можно разделить на две группы – ранние и поздние. К первым относятся комплексы в могильниках Бесоба, Шерубай 1, Талдинский 1, Атасу I, Сарыколь 1, Бегазы и Айдабул I (последний относится к числу смешанных амангельдинских памятников). С точки зрения архитектуры эти комплексы объединяют наличие ряда элементов как ров и каменный пояс, комбинированный метод сооружения оград.

В этих комплексах были найдены типично федоровские сосуды с плавной профилировкой, округлым плечом, переходящим в слегка отогнутую наружу шейку, и богатым геометрическим орнаментом; а также характерная для федоровки категория вещей как серьги с раструбом.

Ко второй группе относятся комплексы в могильниках Айшрак Б, Бельасар Б, Байбала II, Ортау II, Аксу-Аюлы II, Бугулы II. В архитектурном отношении именно в этих комплексах мы наблюдаем циклопический характер надмогильных сооружений, строгость структуры, высокий уровень цистовой кладки. Эти курганы в основном содержали одно погребение в центре, а курганы первой группы – зачастую две. В ряде случаев зафиксировано захоронение в таких положениях как вытянуто на спине (Айшрак Б, №7; Аксу-Аюлы II, №3) и сидя (Айшрак Б, №6; Бугулы II, №8).

В целом, в керамике этого периода ощутимы андроновские традиции. Но в то же время появляются признаки поздних сосудов такие как шаровидное тулово, ямочный орнамент, крупный гребенчатый штамп, преобладание елочных мотивов.

В последующем периоде архитектура элитных комплексов претерпевает значительные изменения. Лишь в крупнейших мавзолеях (напр., Айбас-Дарасы, Каражаргас) имеются курганные перекрытия, что, видимо, является подражанием федоровской элите. Однако традиция строительства курганов, скрывающиеся под толщей земли сложно устроенную каменную погребальную архитектуру, не прерывается, и, как писал А. Х. Маргулан, «Возникнув в конце средней бронзы, этот тип сооружений продолжает существовать и в раннескифское время, принимая еще более грандиозные размеры».

Библиографический список

1. Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Том VII: Археология. Алма-Ата, 1959. С. 3-31.
2. Байтанаев Б. А., Ахатов Г. А., Казизов Е. С. Культово-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долины батыров» // Восхождение к вершинам археологии. Алматы, 2014. С. 659-668.
3. Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. Алматы, 2008. 112 с.
4. Исин А. И. Шынгыстау, Берел, Шиликти, Абралы: Археологические исследования. 1999-2003 гг. Семей, 2004. 184 с.
5. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
6. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
7. Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алматы: Гылым, 1992. 247 с.
8. Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы, 2017. С. 196-210.
9. Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Результаты исследований могильника Шерубай-1 андроновской (федоровской) культуры Центрального Казахстана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. №4. С. 42-48.
10. Кукушкин И. А. Федоровские захоронения могильника Таллинский-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2020. №26. С. 76-83.

УДК 903.5-053.2(574)“637”(045)

ДЕТСКИЕ СИНТАШТИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ТУРГАЯ

© *Скорая Галина Васильевна*

Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынұлы, г. Костанай

Научный руководитель – к.и.н, ассоциированный профессор, СНС археологической лаборатории КРУ им. А. Байтұрсынұлы Шевнина Ирина Викторовна

Аннотация. Исследование посвящено детским погребениям синташтинских памятников на территории Тургая. Детские погребения были разбиты на группы с целью отследить динамику распределения инвентаря в соответствии с возрастом. Сравнительный анализ и интерпретация материала позволили сделать вывод о том, что с возрастом количество сопроводительного инвентаря увеличивается, появляется оружие.

Ключевые слова: Тургай, бронзовый век, синташтинская культура, детские погребения, погребальный инвентарь, оружие.

Тургай в географическом плане приурочен к Тургайскому прогибу (Костанайская область, Северный Казахстан). Тургайские памятники синташтинско-петровского круга хорошо известны, и представлены, прежде всего, погребальными комплексами (Бестатак, Халвай 3, Каратамар и др.). Исследование посвящено анализу детских синташтинских захоронений Тургай, исследованных Тургайской археологической экспедицией под руководством В.Н. Логвина и А.В. Логвина. Выделено 30 погребений из могильников Бестатак, Джангильды 5, Кульчукай 2, кургана Халвай 3, и кургана 1 могильника Каратамар а также поселения Камысты (Калиева, Логвин, 2008; Шевнина, Ворошилова, 2009; Шевнина, 2012; Шевнина, Логвин, 2015; Калиева, Колбина, Логвин, 2016; Шевнина, Логвин, 2023).

К детским были отнесены погребения от младенческого возраста до 15-16 лет (Михайлов, 2001, с. 100-129). В зависимости от условий ингумации, были выделены следующие группы захоронений: грунтовые (как подкурганые, так и на некрополе), впускные в насыпь кургана и погребения на поселении. В каждой обозначенной группе погребения были разделены на одиночные и коллективные. В пределах каждой группы выделялись захоронения: 1) раннедетского возраста (до 1 года); 2) от 1 до 7 лет; 3) подростковые от 7 до 15-16 лет (Михайлов, 2001, с. 100-129). В качестве жертвы фиксируются кости МРС, КРС, лошадей, собак.

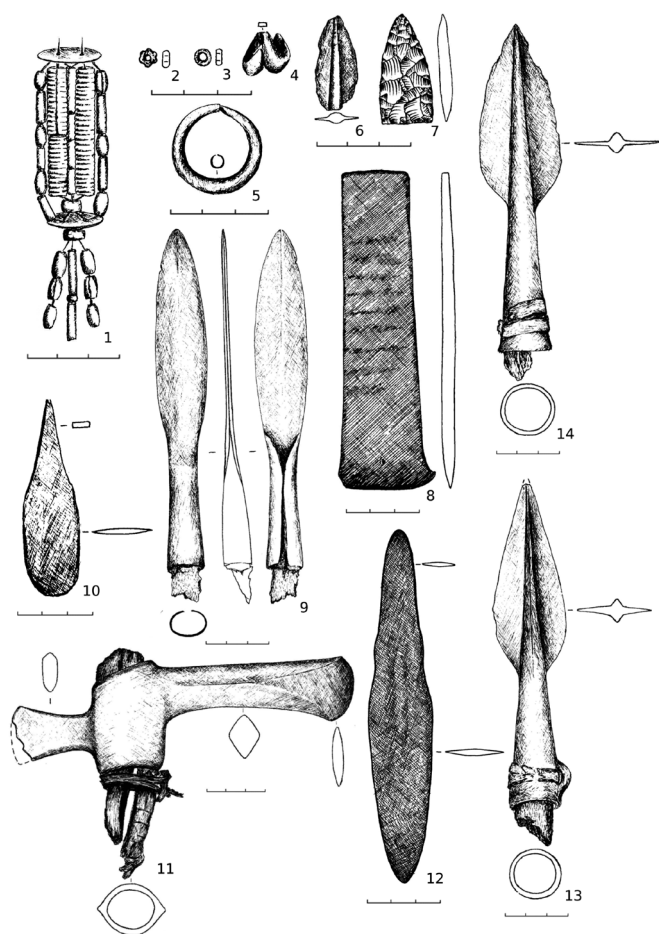

Рис. 1. Погребальный инвентарь детских синташтинских погребений Тургай.

- 1, 4, 5, 9 – яма №110, Бестатак;
 2, 3, 10 – яма №59, Бестатак;
 6, 11, 13, 14 – яма №9, Халвай 3; 7, 8 – яма №51, Бестатак; 12 – яма №22А, Бестатак.
 1 – наконечник;
 2, 3 – бусины;
 4 – подвеска в 1.5 оборота;
 5 – височное кольцо;
 6, 7 – наконечники стрел;
 8 – топор-тесло;
 9, 13, 14 – наконечники копий;
 10, 12 – ножи;
 11 – вислобушный топор.
 1, 4-6, 8-14 – металл,
 2, 3 – паста,
 7 – камень.

Погребения в грунтовых ямах на могильниках. Всего насчитывается 21 детское захоронение в грунтовых ямах, как одиночных, так и коллективных.

Одиночные захоронения. К первой возрастной группе (до 1 года) относятся

погребения №№ 59, 116, 94 из могильника Бестамак. Погребальный инвентарь представлен керамическими сосудами и пастовыми бусинами, встречаются бронзовые изделия (рис. 1: 2, 3, 10).

К захоронениям погребенных возрастом от 1 года до 7 лет относятся погребения №№ 110, 38, 13, 125 некрополя Бестамак, №9 Халвай 3 и №9 Каратомар. В сопроводительном инвентаре, помимо керамических сосудов и украшений из пастовых бусин, фиксируются бронзовые изделия и оружие (рис. 1: 1, 4, 5, 6, 9, 11, 13, 14). Кроме того, на Бестамаке найдены астрагалы МРС (№13 и №125).

К группе захоронений подростков от 7 до 16 лет относятся погребения №№ 22 А, 51, 14, 123 могильника Бестамак и №3 могильника Джангильды 5. В подростковых погребениях вооружение и изделия из бронзы встречаются во всех захоронениях (рис. 1: 7, 8, 12). Исключением является погребение №3 Джангильды 5. Также отмечены астрагалы в большом количестве.

Коллективные (совместные) погребения детей и взрослых были найдены на могильнике Бестамак (№№ 5, 8, 45, 170, 12), кургане 1 могильника Каратомар (№2 и №3) и могильнике Кульчукай 2 (№2). Практически во всех случаях это дети подросткового возраста, которые находятся со взрослыми. Исключение составляют два погребения: №2 могильника Кульчукай 2, где с усопшим подростком 11-12 лет был уложен ребенок 6-7 лет; №170 могильника Бестамак, где мужчина 30-35 лет погребен с младенцем. Погребальный инвентарь в таких захоронениях так же богат, как и в погребениях взрослых людей. При этом большая часть предметов инвентаря соотносится с взрослыми людьми в погребении. Инвентарь, относящийся к детям представлен сосудами, украшениями, металлическими изделиями.

Впускные погребения в насыпь кургана. Зафиксировано шесть впускных одиночных погребений (№№ 2, 4, 5 кургана Халвай 3 и №№ 2, 7, 10 кургана 1 могильника Каратомар), которые сооружались после засыпки основного кургана. Во всех захоронены младенцы до 1 года. Погребальный инвентарь скуден, представлен сосудами. Только в погребении №2 кургана Халвай 3 найдено два астрагала овцы.

Погребения на поселениях. На поселении Камысты найдено два интрамуральных одиночных захоронений детей младенческого возраста. Среди погребального инвентаря отмечены только керамические сосуды.

Детские погребения свидетельствуют о различии погребального обряда в разных возрастных группах.

1) Состав инвентаря погребений младенцев скуден, преимущественно представлен сосудами и бусинами, бронзовые изделия немногочисленные. Инвентарь детей старше 3-х лет становится более разнообразным и может свидетельствовать о гендерной и трудовой социализации детей в обществе (Берсенева, 2010, с. 42-43). С переходом в старшую возрастную группу появляются элементы, характерные для захоронений взрослых. Основная масса инвентаря коллективных захоронений соотносится со взрослыми индивидами.

2) Во впускных захоронениях курганов находятся дети только младенческого возраста и их погребальный инвентарь преимущественно представлен керамическими сосудами. В этом отношении погребения на поселении схожи с впускными. Коллективные захоронения в данной группе отсутствуют.

Дифференциация погребального инвентаря в рамках одной возрастной группы может указывать на имущественное расслоение в синташтинских общинах Тургая. При таких условиях детские погребения с большим количеством сопроводительного инвентаря могут быть обусловлены социальным положением (родственными связями с лидерами общины,

поступком-подвигом и т. п.) (Шевнина, Ворошилова, 2009, с. 60). Принимая во внимание, тот факт, что в синташтинских памятниках Южного Урала орудия труда и предметы вооружения редки в могилах с детьми и их погребальный обряд не отличается особой пышностью (Берсенева, 2010, с. 44), а все богатые погребения-«исключения» связаны с тургайскими могильниками (№№ 5, 110, 170 некрополя Бестамак, №9 кургана Халвай 3), можно предположить, что такое отличие вызвано миграционностью синташтинского населения Тургая (Шевнина, Логвин, 2015, с. 149). В степях Тургая они могли столкнуться с постэнеолитическим населением, что привело к усилению сплоченности, военизированности общества и увеличению количества вооружения не только в погребениях взрослых, но и детей.

Библиографический список

1. Берсенева Н. А. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах (по материалам синташтинской культуры) // Уральский исторический вестник. 2010. №2. С. 38-45.
2. Калиева С. С., Логвин В. Н. Могильник у поселения Бестамак // ВААЭ, 2008. №9. С. 32-58.
3. Калиева С. С., Колбина А. В., Логвин В. Н. Некрополь эпохи бронзы Джангильды 5. Костанай: «Костанайполиграфия» ЖШС, 2016. 208 с.
4. Михайлов Ю. И. Мирозрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 363 с.
5. Шевнина И. В. Археологический комплекс Кульчукай 2 // Маргулановские чтения – 2012: материалы ежегодной научно-практической конференции. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2012. С. 252-286.
6. Шевнина И. В., Ворошилова С. А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. С. 59-63.
7. Шевнина И. В., Логвин А. В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана: изд. гр. ФИА, 2015. Т. VII. 247 с.
8. Шевнина И. В., Логвин А. В. Могильник Каратомар (Курган 1) – новый синташтинский памятник Тургая // Археологические памятники Евразии от неолита до средневековья. М.: ООО «Мультипринт», 2023. С. 178-191.

УДК 902

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

© *Скородумов Михаил Павлович*

Курганский государственный университет, г. Курган

*Научный руководитель – ст. преподаватель кафедры истории и документоведения КГУ
Новиков Игорь Константинович*

Аннотация: Работа посвящена созданию базы данных, содержащей информацию о памятниках бронзового века, в том числе о их местоположении. Хотя 93 из 213 объектов могут быть отнесены только к эпохе, показано распространение и сосуществование носителей различных культур. Синташтинская культура фиксируется только в степных районах области, в дальнейшем прослежено продвижение петровской культуры по руслу р. Тобол и последующее повсеместное расселение в регионе алакульской культуры.

Ключевые слова: эпоха бронзы, ГИС, археологическая культура, расселение.

Эпоха бронзы – одна из наиболее изученных на территории лесостепного Притобалья. В исследовании использованы материалы всех известных на сегодняшний день памятников этого времени, расположенных в пределах Курганской области.

Основной проблемой для культурной атрибуции памятников является их слабая изученность и датировка в широком створе. Так, 93 памятника просто отнесены к бронзовому веку. Из 213 памятников лишь на 27 были проведены раскопки, а остальные исследованы только разведками.

ГИС позволяет собирать, хранить, анализировать и представлять географическую информацию, включая данные не только о распределении памятников, но и их более подробные описания. Например, это может быть тип объекта, годы открытия, культурная интерпретация, расстояние до водоема и описание местоположения памятника (Ананьин, 2020, с. 83).

Первым шагом в проведении пространственного анализа стало создание базы данных, содержащей информацию о памятниках эпохи бронзы. Эта информация была собрана из археологических отчетов, научных публикаций и других источников (Археологическая карта, 1993, с. 37-305).

Хорошо изученными являются районы, прилегающие к руслу крупных рек. В течении всего XX в. накапливались данные, которые привели к господству теории расселения вдоль речных систем (Сальников, 1961, с. 247). На территории водоразделов памятники эпохи бронзы фиксировались единично. В начале XXI в. археологическая лаборатория КГУ исследует Половинский район, удаленный от русел рек и насыщенный озерами. В результате по их берегам были выявлены 14 поселений бронзового века, отнесенных к алакульской культуре (Костомаров, Новиков, 2016, с 28).

Вторым этапом становится импорт табличной базы данных в геоинформационную, создание тематической карты, отображающей распределение памятников в Курганской области и включающей в себя информацию о каждом памятнике. Для подобной работы была использована программа QGIS, система координат WGS 84. Карта включает в себя

все памятники бронзового века как интерпретированные, так и не определенные. В базе данных каждый памятник характеризуется по следующим признакам: 1) порядковый номер; 2) географические координаты; 3) название; 4) описание (местоположение относительно населённых пунктов, водоемов, расстояние от уровня воды) 5) культурная атрибуция 6) тип памятника (поселения, могильники). Все памятники визуально разделены на типы – поселение или могильник, которые представлены двумя разными символами. Типы в свою очередь делятся на группы по цветовой палитре, то есть каждой археологической культуре присвоен свой цвет для удобства при работе.

В базе данных выделяется 7 археологических культур бронзового века, присутствие которых фиксируется на территории региона. Основной проблемой визуализации стала многослойность памятников. Кроме того, большинство объектов исследовано разведками, что ведет к проблеме выявления синкретичных комплексов. В основном интерпретация памятников делалась исследователями на основе керамики.

Синташтинская культура представлена всего одним памятником (могильник Озерное-3), расположенном на юге региона в степном поясе. Единственный могильник располагается на материковом останце посреди поймы р. Тобол.

Петровская культура представлена 10 памятниками, 4 из них являются могильниками. По большей части все поселенческие объекты располагаются вдоль реки Тобол и его притоков с левого и правого берегов, в непосредственной близости с водой в пределах не более ста метров. Могильники, наоборот, тяготеют к возвышенностям и отдалены от водоемов не менее чем на 250 м.

В разы увеличивается количество памятников, на которых фиксируется керамика алакульского и федоровского облика, зачастую данная керамика встречается на одном памятнике. Алакульская керамика фиксируется на 89 памятниках (11 могильников). Фёдоровская керамика зафиксирована на 29 памятниках (3 могильника). Поселенческие памятники обеих культур в основном тяготеют к руслу рек, могильники располагаются либо на берегу озер, на небольшом расстоянии от русла реки (в пределах 5 км), либо в месте слияния рек.

Памятники алакульской и федоровской культур фиксируются на территории всей области. Массово начинают заселяться территории междуречий, озерные системы, средние течения и верховья притоков крупных рек (Костомаров, Новиков, 2019, с. 88). Увеличивается количество поселений в руслах рек Тобол (38), Миасс (30), Исеть (10).

Керамика межовского облика фиксируется на 16 поселениях, большинство памятников находится в бассейне р. Миасс.

Керамика черкакульского облика фиксируется на 25 памятниках, в том числе один могильник. 14 объектов, включая единственный могильник «Дачный-2», возле р. Миасс. 6 поселений в пойме и малых притоках р. Тобол. Три памятника на севере области в пойме р. Исеть.

Материалы алексеевско-саргаринской культуры зафиксированы на 8 поселениях на юге области в пойме реки Тобол. Чисто алексеевско-саргаринских памятников авторы не выделяют, материалы этой культуры фиксируются на многослойных памятниках, совместно с алакульской, федоровской, черкакульской керамикой.

Стоит отметить, что в большинстве случаев на одном памятнике, например, на уже упомянутом Субботинском могильнике присутствуют черты сразу двух культур (алакульской, федоровской), в других случаях (поселение Алабуга – 1) авторы выделяют сразу алакульскую, черкакульскую, федоровскую, саргаринскую культуры.

Работа по созданию ГИС эпохи бронзы лесостепного Притоболья ведется уже длительное время

время. В данной статье представлены способ реализации подобной работы и попытка простейшего пространственного анализа археологических объектов. Переноса данные на карту, хорошо видно движение и распространение носителей той или иной традиции. В рамках культурной непрерывности хорошо прослеживаются взаиморасположение памятников, равноудаленность комплексов и наоборот наличие памятника на значительном удалении, без системы близлежащих памятников, что обрисовывает зоны перспективных исследований.

Библиографический список

1. Ананьин А. В. Применение GIS в изучении позднего бронзового века лесостепного Притоболья // ЛII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5-9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь: ПГНИУ, 2020. С. 82-84.
2. Археологическая карта Курганской области // сост. Н.Б. Виноградов. Курган: ИПП «Зауралье», 1993. 347 с.
3. Костомаров В. М., Новиков И. К. Применение альтернативных геодезических методов исследования поселений алакульской культуры: перспективы, методика, дальнейшее применение результатов // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. С. 27-29.
4. Костомаров В. М., Новиков И. К. Новые данные о памятниках позднего бронзового века Тоболо-Ишимского междуречья // Camera Praehistorica. №2. 2019. С. 87-92.
5. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

УДК 902

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В АРХИВАХ И МУЗЕЯХ ГОРОДА ТОЛЬЯТТИ

© Соловьева Мария Викторовна

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры «История и Философия» ГумПИ ТГУ
Сташенков Дмитрий Алексеевич*

Аннотация. Работа посвящена истории Куйбышевской археологической экспедиции, в частности, анализу неопубликованных материалов, которые находятся на постоянном хранении в архивах и музеях города Тольятти.

Ключевые слова: охранно-спасательные исследования, археологические памятники, археологические разведки, археологические раскопки, Среднее Поволжье, А. П. Смирнов, Куйбышевская археологическая экспедиция, Куйбышевская ГЭС.

Куйбышевская археологическая экспедиция (КАЭ) была организована ГАИМК (ИИМК АН СССР) в связи со строительством Куйбышевской ГЭС для изучения и сохранения памятников археологии в зоне затопления. Первые работы прошли в 1936-1940-е годы, в то время работало три отряда и исследования были преимущественно разведочными, во второй период работы экспедиции в 1950-е годы начались масштабные раскопки.

В Тольяттинском государственном архиве, в фонде Р-18 (Куйбышевгидростроя) описи №1, документальных материалов постоянного хранения за 1950-1951 гг. в отделе секретариата, под единицей хранения № 19 находятся письма начальника Куйбышевской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР А. П. Смирнова «Об археологических исследованиях памятников древней культуры, попадающих в зону затопления Куйбышевской гидроэлектростанции». Всего в деле хранится два письма Алексея Петровича Смирнова, руководителя КАЭ. Первое письмо от 10 августа 1950 года, направлено начальнику строительства Куйбышевской ГЭС генерал-майору И. П. Семенову. В нём сообщается о дате начала работ экспедиции, количестве работающих отрядов на данный момент, их географического местоположения, выделяются особо интересные находки. Отмечается также количество работающих человек: «В настоящее время экспедиция насчитывает в четырех отрядах 50 человек научного состава и около 150 человек рабочих, привлекаемых из числа местного населения», кем являются руководители отрядов: «Руководящий научный состав – сотрудники ИИМК АН СССР», а также старший и младший состав научных работников экспедиции (ТГА. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.). Второе письмо от 11 августа 1951 года было направлено А. П. Смирновым новому начальнику строительства, генерал-майору инженерно-технической службы И. В. Комзину. В этот раз в письме акцент делается больше на результаты работ отрядов и самые интересные находки: «Больших результатов добились 2-3 и 5-й отряды, работавшие близ Хрящевки Ставропольского района, по течению реки Усы Шигонского района и в устье Камы Лаишевского района Татарской АССР. Все отряды занимались изучением главным образом памятников эпохи бронзы» (ТГА. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.). В конце также приводятся данные о количестве рабочих и научном персонале экспедиции.

Результаты работ Куйбышевской экспедиции нашли своё отражение и в материалах периодической печати, которые можно разделить на два периода: советский и современный.

В советский период одним из первых многотиражных изданий стала газета «Гидростроитель». До 13 августа 1953 года она являлась закрытым изданием, о чем свидетельствовал гриф «За пределами строительства не распространяется». В выпуске №43 от 15 сентября 1951 года есть колонка под названием «По нашей стройке». В ней написана небольшая заметка с заголовком «Найдены памятники старины». В ней описывается находка бани с водопроводом при раскопках древнего города Великие Болгары (ТГА. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 67а. Л. 41.). Следующая заметка, касающаяся работы Куйбышевской экспедиции, находится в выпуске №8 (72) от 26 января 1952 года. Под заголовком «Культура наших предков» помещена фотография, где сотрудник экспедиции ИИМК АН СССР осматривает водопровод, найденный при раскопках Великих Болгар. Фото датируется августом 1951 года (ТГА. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 109. Л. 8.). Таким образом, две заметки в газете «Гидростроитель» осветили работы только первого отряда экспедиции, а их было пять.

Что касается современного периода, то в газете «Городские ведомости» в 2013 году вышла статья под названием «Забывтая экспедиция». В ней рассказывается о памятниках эпохи бронзы, которые были открыты вторым отрядом экспедиции под руководством Н. Я. Мерперта в селах Ягодное и Хрящёвка. Они находятся на левом берегу реки Волги, близ города Тольятти (ранее Ставрополь). В статье отмечается обнаруженное у юго-западной

окраины Хрящевки Сусканское поселение эпохи бронзы – II тыс. до н.э., раскопки которого дали основания для выделения сусканской культуры эпохи финальной бронзы. В тексте также приводятся воспоминания Н. Я. Мерперта о тех работах. Публикуется ранее не опубликованная фотография раскопок у села Ягодного Ставропольского района за 1952 год из фондов ГМК «Наследие» (Хавронич, 2013, с. 8).

Следующий пласт источников, по истории Куйбышевской археологической экспедиции находится в фондовом отделе Тольяттинского краеведческого музея (ТКМ). Там хранится отчет экспедиции за 1951 год, где приводятся результаты работы каждого отряда. Также в ТКМ находятся альбомы с фотографиями, которые идут приложением к отчетам. Всего в музее хранится десять альбомов. Три альбома за 1950 год: первая и вторая части относятся к работам 1 отряда, раскопкам Великих Болгар, третья к 5 отряду (Казанское течение р. Волги) и 2 отряду (Ульяновская область). Четыре альбома за 1952 год: в них фотографии работ всех пяти отрядов. Два альбома за 1954 год и один за 1955 (1 отряд, Балымерское городище). За 1951 и 1953 года в Тольяттинском краеведческом музее альбомов нет.

Таким образом несмотря на то, что многие материалы по Куйбышевской археологической экспедиции были изучены и отчасти опубликованы, все равно появляются новые данные, которые стоит исследовать, так как они несут в себе новую информацию и открывают нам ранее неизвестные детали об этой экспедиции.

Библиографический список

1. МКУ «Тольяттинский архив» (ТГА). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-6. Письма Начальника Куйбышевской экспедиции института историко-материальной культуры Академии наук СССР «Об археологических исследованиях памятников древней культуры, попадающих в зону затопления Куйбышевской гидроэлектростанции».
2. МКУ «Тольяттинский архив» (ТГА). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 67а. Л. 1-60. «Газета «Гидростроитель» Орган полит отдела строительства Куйбышевской ГЭС № 1-64».
3. МКУ «Тольяттинский архив» (ТГА). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 109. Л. 1-157. «Газета «Гидростроитель» - орган политкомитета №1 по №120».
4. Хавронич, И. Забытая экспедиция / И. Хавронич // Городские ведомости. – 2013. – №14 – 26 фев. 8 с.

УДК 902

ОСОБЕННОСТИ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА МУГОДЖАР

© Сурин Матвей Александрович

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории, философии и социальных наук
ОГТИ (филиал) ОГУ Фомичев Александр Викторович*

Аннотация. В работе рассматриваются особенности структуры и архитектуры поселений позднего бронзового века, оставленные населением алакульской культуры в

Уральско-Мугоджарском регионе. Приведены характеристики особенностей топографии размещения поселенческих памятников, архитектуры построек и их структуры.

Ключевые слова: Уральско-Мугоджарский регион, поздний бронзовый век, поселения, алакульская культура.

Мугоджары являются южными отрогами Уральских гор. В ландшафтном отношении здесь представлены степные и горно-степные пространства. В административном отношении он охватывает территорию на востоке Оренбургской области Российской Федерации и центральном регионе Актюбинской области Республики Казахстан (Ткачёв, 2019, с. 39).

Памятники позднего бронзового века региона относятся к кожумбердынскому типу алакульской культуры, датирующиеся по данным радиоуглеродного датирования серединой XVIII-XII вв. до н. э. (Кузьмина, 1994, с. 46; Ткачёв, 2017, с. 215).

На данный момент изучены поселения: Ишкиновка, Кудук-сай, Сарлыбай III, Тасты-Бутак, Ушкатта II, Шандаша. Локализуются поселения в речных долинах второстепенных притоков Урала и Иргиза, на площадках, защищенных от ветра рядами холмов или прибрежными скалами, обычно на первой надпойменной террасе (Кузьмина, 1962б; Кузьмина, 1964; Кузьмина, 1994, с. 69; Сорокин, 1962; Ткачёв, 2017, с. 225; Умрихин и др., 2013; Фомичев, 2014).

Для поселений Мугоджар характерны небольшие размеры, от 2 до 6 домов (Шандаша, Ушкатта II, Тасты-Бутак). Дома расположены параллельно друг другу с учетом топографических условий: обращены выходом к реке или стоят торцом к подветренной стороне. Выделяются два типа планировки: I тип – дома располагаются одной линией вдоль реки (Ушкатта I-VIII); II тип – дома выстроены вдоль реки двумя параллельными рядами, разделенными улицей шириной в 7-10 м (Шандаша) (Кузьмина, 1962а, с. 89-90; Кузьмина, 1964, с. 103; Сорокин, 1962, с. 51).

Особенностью поселений позднего бронзового века региона является наличие на них больших зольников мощностью 0,5-1 м и глубже (Ушкатта II, Шандаша) (Кузьмина, 1962а, с. 91; Кузьмина, 1964, с. 104).

Жилища делятся на несколько категорий: I – долговременная полуземлянка, заглубленная в землю от 0,6 до 1,6 м, площадью до 180 м². Дома обычно имеют правильную прямоугольную форму и часто имеют разнообразные наружные пристройки, что придает им сложную конфигурацию; II – лёгкие саманные наземные постройки; III – постройки, представлявшие из себя навесы, использовавшиеся в летний период (летовки) (Кузьмина, 1994, с. 74-76; Ткачёв, 2017, с. 230; Умрихин и др., 2013, с. 241).

Особенностью архитектуры жилищ в регионе является то, что при сооружении жилищ и хозяйственных построек практически не использовалось дерево. Это возможно объясняется ограниченностью либо полным отсутствием древесной растительности. На площади жилищ практически не фиксируются столбовые ямки. Эти вопросы были подняты еще в работах В. С. Сорокина и Е. Е. Кузьминой, которые предполагали наличие бесстолбовой системы перекрытия жилищ. В. С. Сорокин реконструировал пирамидально-ступенчатый свод, с шатровым перекрытием в Тасты-Бутаке, в то время как Е. Е. Кузьмина для поселения Шандаша свод по системе по чор-хона (Сорокин 1962, с.53-55; Кузьмина, 1962б, с. 11; Кузьмина, 1964, с. 104; Кузьмина, 1994, с. 80). В жилищах широко представлены каменные конструкции в виде вертикально поставленных на ребро плит, врытых на глубину 0,2-0,4 шириной 0,3-0,5 м, длиной 0,75-1,4 м, удерживающие стену от оползания. Плиты скреплялись всухую без раствора, часто ставились в два ряда «в перевязку» (Кузьмина, 1962а, с. 91; Она же, 1964, с. 104). В. В. Ткачев предполагает, что в условиях нехватки

дерева, использовалась саманная техника, а каменные конструкции выступали основанием построек (Ткачёв, 2017, с. 222).

Внутри жилища могли делиться на отсеки, на поселении Тасты-Бутак зафиксированы перемычки из останцев земли, в других случаях площадь могла быть разгорожена перегородками (Кузьмина, 1994, с. 80; Сорокин, 1962, с. 52).

Вход в андроновские жилища обычно располагался с подветренной юго-западной торцевой стороны и представлял собой сужающийся коридор шириной 1-2 м внутри, до 0,8 м снаружи, длиной 2-3 м, изредка до 5 м, понижавшийся к полу жилища в виде пандуса, иногда с несколькими ступеньками и порогом высотой 0,15-0,2 м (Шандаша, Ушкатта). В некоторых случаях, особенно когда материком был песок, пол покрывали глиняной обмазкой, что можно обнаружить в Шандаше (Кузьмина, 1962б, с. 9-11; Кузьмина, 1964, с. 103).

Жилища отапливались и освещались при помощи очагов. Зарегистрированы очаги пяти типов: открытый круглый или овальный костер диаметром 0,7-3 м, неглубокая круглая или овальная ямка диаметром 0,5-0,8 м, чаг правильной прямоугольной формы, размером от 0,7x1,0 до 1,5x2,0 м, двухкамерный производственный очаг, неглубокие длинные канавки, тянущиеся по продольной оси дома (Кузьмина, 1962б, с. 11; Сорокин, 1962, с. 53).

Колодцы располагались как внутри жилищ, так вне их. Колодцы можно разделить на три типа: I – грунтовые, ныне руинированные, представляющие из себя конусообразные воронки; II – укрепленные плетнем; III – укрепленные каменной конструкцией (Сорокин, 1962, рис. 18; Ткачёв, 2017, с. 221; Фомичёв, 2014, рис. 2).

В сравнении с кожумбердынскими памятниками, на поселениях других вариантов алакульской культуры используется дерево. Жилища здесь имеют каркасно-столбовую конструкцию: вдоль их стен идет система столбов, которые удерживали горизонтально уложенные венцы сруба или плахи, или обмазанный глиной плетень. В центре жилища также имеется большое число ям от столбов, служивших для поддержания перекрытия, внутренних перегородок, деревянных настилов, столов. Всего в жилище выявляется от нескольких десятков до 200 и даже 300 столбов (Кузьмина, 1994, с. 77; Сальников, 1967, с. 248).

Библиографический список

1. Кузьмина Е. Е. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. 1962а. Вып. 88. С. 84-92.
2. Кузьмина Е. Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области // Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Свердловск: Изд-во УрГУ им. А. М. Горького, 1962б. С. 9-15.
3. Кузьмина Е. Е. Андроновское поселение и могильник Шандаша // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Археологии. 1964. Вып. 98. С. 100-106.
4. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М.: Восточная литература, 1994. 457 с.
5. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
6. Сорокин В. С. Жилища поселения Тасты-Бутак // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. 1962. Вып. 91. С. 51-60.
7. Ткачёв В. В. Формирование культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке: освоение меднорудных ресурсов и стратегия адаптации к условиям горно-степной экосистемы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. Вып. 2. С. 205-230.
8. Ткачёв В. В. Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // Уральский исторический

вестник. 2019. Вып. 1(62). С. 38-47.

9. Умрихин С. М., Ткачев В. В., Фомичев А. В. Работы в Ишкининском микрорайон // Археологические открытия 2009 года. М.: Изд-во ИА РАН, 2013. С. 241-242.

10. Фомичёв А. В. Металлургический комплекс на поселении Кудук-сай в Еленовско-Ушкаттинском археологическом микрорайоне // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Зимовники: Изд-во Зимовниковского краеведческого музея, 2014. С. 293-300.

УДК 902/904

КОЛЕСНИЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ПАМЯТНИКАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ САРЫАРКИ: ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА, ВОИНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

© *Тлекишев Сулейман Нурланович*

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана

Научный руководитель – магистр., старший преподаватель кафедры археологии и этнологии ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва Татьяна Васильевна Брынза

Аннотация. Данная статья содержит анализ исследований колесничных комплексов в археологических памятниках Сарыарки, позволяющий оценить уровень развития населения, исходя из особенностей погребальных обрядов и погребального инвентаря. Колесничные комплексы, широко распространенные в степной Евразии, представляли собой передовую технологию своего времени.

Ключевые слова: Колесничные комплексы, Северная Сарыарка, эпоха бронзы, воинское снаряжение, Сатан, Ащису.

В эпоху средней и поздней бронзы, на просторах Евразийских степей, наблюдался феномен, который кардинально изменил облик этого региона и стал ключевым для экономического развития и культурного взаимодействия – это колесница. Этот феномен и оказал существенное влияние на развитие Евразийских степей. Колесницы появляются как составная часть целой системы технологических и культурных достижений, возникших в начале новой эпохи на территории степной Евразии.

Колесничный комплекс в археологическом плане – совокупность находок остатков колесниц, жертв упряжных лошадей, псалиев, а также дистанционного оружия и средств ведения ближнего боя. В историческом смысле – это запряженная лошадьми колесница и набор вооружения воина-колесничего (Чечушков, 2013, с. 254).

Появление колесничных культур на степных просторах центральной Евразии связывают с domestикацией лошади, засвидетельствованной на раскопках энеолитических поселений Южного Урала и Северного Казахстана.

На сегодняшний день на территории Северного и Центрального Казахстана известны

могильники, в которых представлена колесничная атрибутика, такие как Кенес, Улубай, Берлик II, Новоникольское в Северном Казахстане и Сатан, Ащису, Нуртай, Аяпберген, Бозинген и другие в Центральном Казахстане (Новожинов, 2011, с. 247).

Одним из памятников представляющий интерес, в котором представлена колесничная атрибутика является курганный могильник Сатан. Могильник Сатан расположен на левом берегу р. Талды, в Карагандинской области. Могильник Сатан включает в себя три захоронения в которых присутствуют следы колесничной атрибутики. Под насыпями присутствуют рвы и кольцевая ограда из поставленных на ребро камней. Могильные ямы ориентированы по линии З-В, составляют 3,5-3,8 x 2-2,65 м, глубина 1,07-1,37 м. В юго-западном секторе у плит ограды встречаются кости животных, фрагменты керамики, оставшиеся от поминальных жертвоприношений. Остатки полуобгоревшей колесницы были найдены в западной части могилы кургана 1. Определить позу и ориентировку погребенного не удалось, поскольку при ограблении могила была сильно нарушена (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 20).

В погребениях были найдены глиняные сосуды, костяной псалий прямоугольной формы от уздечного набора, фрагмент позолоченного кольца, бронзовая очковидная подвеска, бусы, кремневый наконечник стрелы. Эти предметы были испорчены при ограблении или преднамеренно разбиты, сломаны (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 20).

По краю могильных ям на глиняной площадке в некоторых курганах зафиксированы погребения двух коней, уложенных таким образом, чтобы придать положению ног имитацию бега. В некоторых случаях помещали только черепа и кости ног лошади (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 20).

Могильник Сатан особенен тем, что в нем были найдены фрагменты колесницы. Колеса вкапывались на одну четверть в канавки на дне могильной ямы, благодаря этому, удалось зафиксировать отпечатки обода и спиц. Диаметр колес составляет 1-1,2 м, расстояние между ступицами 1,2–1,4 м. Колеса были поставлены в грунтовые ямы размером 69-73 x 13 см в западной части могилы (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 21).

По данным вышеуказанного могильника известно обтягивание обода кожей и в целом сама конструкция колес. Известны факты крепления кожи с внутренней стороны костяными гвоздиками, спицы колес крепились в круговой паз по центру внутренней плоскости обода. Платформа колесницы деревянная размером 1,2 x 0,67-0,75 м (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 21).

Также существенные результаты были получены при исследовании четырех курганов могильника Ащису, относящихся к эпохе бронзы. Могильник Ащису находится в Центральном Казахстане в 80 км восточнее г. Караганды.

Все курганы имели земляную насыпь и были окружены кольцевым рвом, разомкнутым с западной стороны. На месте погребения устраивалась глиняная площадка, обычно ограниченная округлой в плане оградой из небольших плит, установленных на ребро. Погребения сопровождалось захоронениями лошадей, уложенных на глиняную площадку. В двух случаях зафиксированы сравнительно хорошо сохранившиеся парные костяки лошадей, символизировавших колесничную запряжку (Кукушкин, 2010, с. 27).

Захоронения парных «упряжных» лошадей, уложенных на боку, в западном секторе кургана за пределами или на краю погребальных камер характеризует в большой мере центрально-казахстанскую традицию. При проведении этого ритуала нередко использовался огонь, отмечаемый, как правило, в виде золистого слоя, подстилающего костяки лошадей. Огонь не редко использовался в бронзовом веке в этом регионе при захоронении умершего, это связано с культом огня в которое верил народ (Кукушкин, 2010, с. 27).

Погребальный инвентарь могильника представлен оружием, орудиями труда

и украшениями, изготовленными из бронзы, резной костью в виде щиткового орнаментированного псаля и муфты стрекала, кремневыми наконечниками стрел, коллекцией керамической посуды с геометрическим орнаментом. Среди наиболее значимых изделий, составляющих коллекцию металлического инвентаря, можно отметить крупный крюк с раскованной втулкой, втульчатый наконечник копья, нож – кинжал и медный сосуд на кольцевом поддоне (Кукушкин, 2010, с. 28).

Колесничные комплексы главным образом свидетельствуют о технологическом развитии в бронзовом веке. В некоторых случаях было зафиксировано обтягивание колес сырой кожей, которая после высыхания стягивалась, и выполняла защитную функцию. Вместе с колесницей хоронилось оружие дистанционного и ближнего боя, что свидетельствует о воинском статусе погребенного. Колесничная атрибутика встречается не только в мужских захоронениях, но и в женских и детских, что может указывать на то, что статус воинов-колесничих передавался наследственным путем и был отдельным сословием в иерархическом обществе того времени.

Дальнейшие исследования памятников данной категории предоставят нам возможность разработать стратегии решения широкого спектра проблем, таких как уточнение хронологии и периодизации, изучение этнокультурных атрибутов, анализ динамики и направленности андроновского культурогенеза.

Библиографический список

1. Чечушков И. В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии: от Днепра до Иртыша: автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06 / Чечушков И. В. Москва, 2013. 496 с.
2. Новоженев В. А. Азиатские колесницы (к проблеме выделения азиатского колесничного комплекса) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. 1. С. 247-255.
3. Евдокимов В., Варфоломеев В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Издательство КарГУ, 2002. 138 с.
4. Кукушкин И. Колесничные комплексы Центрального Казахстана // Известия НАН РК серия общественных наук. 2010. №1. С. 25-31.

УДК: 903.5:903.08

КОРРЕЛЯЦИЯ НЕКОТОРЫХ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ С ПОЛОМ И ВОЗРАСТОМ ПОГРЕБЕННЫХ (ПО ПОГРЕБАЛЬНЫМ ПАМЯТНИКАМ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ УРАЛЬСКОГО, ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО, И ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНОВ)

© Толочко Вероника Олеговна

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

*Научный руководитель – к.и.н., зав. археологической лабораторией ФГБОУ ВО «ОГПУ»
Купцова Лидия Владимировна*

Аннотация. Работа посвящена корреляционному анализу некоторых орнаментальных образов, нанесенных на изделия из погребений позднебронзовой эпохи, с полом и возрастом погребенных. Рассмотрены такие образы как: крест, свастика, производные от свастики и меандр, обнаруженные на предметах, происходящих из могильников петровской, потаповской, покровской, абашевской, синташтинской и срубной культур.

Ключевые слова: эпоха бронзы, могильник, орнаментальный образ, корреляция, половозрастная принадлежность.

В 2022 г. мною была проведена работа по корреляции орнаментальных образов, изображенных на керамической посуде срубной культуры с полом и возрастом погребенных. Анализировалась керамика из курганов Оренбургского Предуралья. Было выявлено, что наиболее часто встречающиеся образы (треугольники, зигзаги, ромбы, косые насечки) присутствуют на сосудах, помещенных в погребения мужчин, женщин и детей не зависимо от гендерной принадлежности. Однако встречаются редкие образы, для которых удалось установить определенную закономерность относительно половозрастного распределения. Так, исключительно в мужских могилах на сосудах были встречены меандры и меандры, подчеркнутые крестами. Свастики и их производные (т.н. «уточки») встречены на сосудах только в женских, подростковых и детских захоронениях (Толочко, 2022, с. 88).

Для того чтобы проверить, является ли выявленная закономерность рабочей, было решено значительно увеличить имеющийся банк данных. Для этого были проанализированы материалы из могильников позднего бронзового века с территории Зауралья, Волго-Уральского и Волго-Донского регионов. Причем, изображение орнаментальных образов (креста, меандра, свастики и производных от нее) учитывалось не только на посуде, но и на других изделиях. В выборку вошли материалы синташтинской, потаповской, покровской, петровской, абашевской, срубной культур. Анализируемые орнаментальные образы выявлены на 140 предметах из 108 погребальных памятников.

Частота встречаемости анализируемых орнаментальных образов в культурах ПБВ представлена в таблице 1. Стоит отметить, что количество предметов синташтинской культуры с изображением меандра намного выше, чем с любым другим из анализируемых образов, а преобладающее большинство предметов с изображением креста происходит из срубных памятников.

Кресты. Данный образ изображен на 54 рассмотренных сосудах, также он есть на челюстно-лицевой подвеске (КГ Степное VII 4/31) (Куприянова, Зданович 2015) и псалии

(Потаповский КМ 5/8) (Васильев и др., 1994). Кроме того, выявлено 3 подвески в форме креста (КГ Степное VII 4/31, КМ Николо-Варваринка 5/8), они обнаружены в захоронениях детей, в погребениях, являющихся центральными комплексами под насыпью.

Сопутствующий инвентарь, с предметами, орнаментированными крестами, разнообразен. Корреляция между данным орнаментальным образом и другими предметами, помещенными в могилу, не прослеживается.

Кроме детских захоронений, изображение креста было выявлено в мужских, женских и подростковых могилах.

Мужских погребений – 4. Комплексы происходят из памятников срубной культуры. Крест изображался на сосудах. Причем, в некоторых случаях он сочетался с меандром. Сопроводительный инвентарь представлен ножами. Мужские погребения с крестами являлись центральными и периферийными. Размеры разные, самое крупное – ок. 5 м².

Орнаментальные образы	Общее количество	Срубная культура	Синташинская культура	Абашевская культура	Потаповская культура	Петровская культура	Покровская культура
	54	48	1	0	1	2	2
	38	25	6	0	3	2	0
	27	19	3	2	0	3	0
	21	14	3	2	1	3	0
	140	106	13	4	5	10	2

Таблица 1. Частота встречаемости орнаментальных образов (креста, меандра, свастики и производных от нее) в анализируемых материалах

Женских погребений – 3. Комплексы происходят из памятников срубной культуры. Крест изображался на сосудах. Сопроводительный инвентарь представлен сосудами, а также украшениями. Женские погребения с изображением креста периферийные. Могильные ямы соответствовали возрасту погребенных.

Подростковых погребений – 5 (от 8 до 16 лет). Комплексы происходят из памятников срубной и потаповской культур. Крест изображался, в основном, на сосудах. В погребении Потаповского некрополя (5/8) изображение креста встречено на псалии, это единственное из подростковых захоронений, которое занимало центральную позицию под насыпью (Васильев и др., 1994). В остальных случаях сопроводительный инвентарь представлен, в основном, сосудами, орнаментированными другими образами.

Также кресты были изображены на сосудах из 2-х кенотафов, относящихся к срубной культуре. Другой инвентарь также представлен сосудами, орнаментированными другими узорами. Все кенотафы занимали периферийную позицию под насыпью и имели стандартные размеры.

В 20 случаях в погребениях, на предметах из которых были изображены кресты, половозрастная принадлежность индивидов не установлена.

Меандры. Изображены на 38 предметах из 35 могильников.

Чаще всего меандр изображался на керамике (35 сосудов). Также этот орнамент присутствует на жезле и костяном предмете (КМ Березовский II 1/2) (Турецкий, 2012), уже упомянутом псалии комплекса 5/8 потаповского некрополя. Тринадцать сосудов и жезл из комплекса Красноселки I 1/9 найдены в мужских погребениях (возраст варьировался от 18 до 45 лет). Дополнительным инвентарём являются сосуды с иной орнаментацией, наконечники стрел, медное тесло, бисер, наконечник копья, рыболовный крючок, шило, пронизки и амулеты из клыков животных. Положение могил на площадке периферийное и в 4-х случаях центральное. Размеры ям разные, до 5 м².

Кроме мужских погребений, изображение меандра зафиксировано в двух детских могилах (КМ Комиссарово 1/6; Степное VII 4/19) (Черных, 2005; Куприянова, Зданович 2015). Размеры не превышают 1 м².

Меандр встречен в 3 подростковых захоронениях и в одном кенотафе (КМ Березовский II 1/2), во всех случаях на сосудах. Подростковые захоронения периферийные, кенотаф – центральное (площадь – более 4 м²). Дополнительным инвентарем в кенотафе являлись два сосуда, нож, топор и костяной предмет.

Важным наблюдением является то, что в исследованной выборке меандр не зафиксирован в женском погребении.

Производные от свастик («уточки») были найдены на 21 предмете, происходящих из 19 могильников. Это образ был изображен на 20 сосудах и 1 бронзовой бляшке. Предметы найдены в 10 погребениях детей, многие описаны как младенческие, дополнительным инвентарем были сосуды (один или два) и украшения. В могиле 7/33 КМ Танаберген II находились нож и псалий (Ткачев, 2007). Все детские погребения являлись периферийными, размеры варьировались.

«Уточка» изображена на одном из сосудов мужского погребения КМ Песчанка-2 (Алаева, Марков, 2009) занимавшем центральную позицию под насыпью, значительных размеров 6,6 м². Размерами (12 м²) и центральным положением под насыпью выделяется и кенотаф из КМ Воскресенский 2/2.

Также этот орнаментальный образ присутствует на сосудах двух женских погребений срубной культуры, оба расположены на периферии насыпи. Размеры ям стандартные, в качестве дополнительного инвентаря в них содержались украшения.

В 7 случаях в погребениях, где встречен орнаментальный образ «уточка» пол и возраст не определен.

Свастики. Всего 27 предметов, происходящих из 24 курганных могильников. В 19 случаях свастика изображена на сосудах, в 6 на челюстно-лицевых подвесках/очельях из погребений разновозрастных женщин. Свастикой украшены также две нашивки.

Изображение свастики выявлено в 10 женских и 2-х детских погребениях и ни в одном, достоверно определенном как мужское. В то же время, в 3-х случаях в погребениях с изображением свастики пол и возраст захороненных не определен. В качестве дополнительного инвентаря в захоронениях, в основном, помещались украшения и посуда с иной орнаментацией.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать следующий вывод. «Кресты» и «уточка» не являются образами, которые зависят от пола и возраста захороненных, а также от их социального статуса. Для «крестов» определено, что хоть и большинство из них известны в детских могилах, но они встречаются и в погребениях других половозрастных категорий. Преобладание «детских» ям в данном случае, видимо, связано с тем, что погребений детей в принципе больше.

Для «свастик» и «меандров» как будто выявлена закономерность, что первые тяготеют к женским комплексам, вторые – к мужским. Причем, стоит отметить, что комплексы с «меандрами» чаще других занимают центральную позицию на подкурганной площадке, здесь выявляется редкий и разнообразный инвентарь, что подчеркивает особую значимость данного образа для населения эпохи поздней бронзы.

Библиографический список

1. Алаева И. П. Марков С. С. Памятники бронзового века у с. Песчанка в южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2009. Вып. 9. С. 28-45.
2. Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семёнова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во Самарский университет. 1994. 260 с.
3. Галкин Л. Л., Дремов И. И. Археология России свод археологических источников. Саратов: Изд-во Саратовский Университет, 1993. 199 с.
4. Кузьмина О. В. III Подстепкинский могильник // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015. С. 226-335.
5. Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Изд-во Энциклопедия, 2015. 196 с.
6. Куприянова Е. В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как текст (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
7. Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Китов Е. П., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 159 с.
8. Седова М. С. Погребения срубной культуры могильника Красносамарский IV // Вопросы археологии Поволжья. Вып.8. Самара: Изд-во СГСПУ, 2020. С. 137-162.
9. Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Воронежский Педуниверситет, 1996. 350 с.
10. Скарбовенко В. А. Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1981. С. 5-26.
11. Ткачев В. В. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
12. Толочко В. О. Корреляция орнамента на сосудах срубной культуры с полом и возрастом погребенных (на примере погребальных памятников Оренбуржья) // LV Урало-Поволжья археологическая конференция студентов и молодых учёных (Ижевск, 1-3 февраля 2023 г.): материалы Всерос. науч. конф. Ижевск: Изд-во УдГУ. С. 87-89.
13. Черных Е. Н. Каргалы том IV. Некрополи на Каргалах. М.: Языки славянской культуры. 2005. 240 с.
14. Юдин А. И, Баринов Д. Г., Павленко Ю. А. Погребения эпохи бронзы из кургана у села Николо-Варваринка Бобровского района Воронежской области // Археологическое наследие. Вып. 1. Воронеж: Изд-во Научная книга, 2019. С. 89-106.

УДК 903

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАРХАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ОРНАМЕНТА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

© *Ушаков Павел Сергеевич*

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Научный руководитель – к.и.н., доцент школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Александр Александрович Ткачев

Аннотация. Работа посвящена археологическим исследованиям бархатовской культуры в Тюменской области. Рассматривается орнамент керамического комплекса бархатовской культуры его трансформация и деградация. Дается краткая характеристика происхождения бархатовской культуры и его орнамента.

Ключевые слова: археология, бархатовская культура, исследования, памятники, периодизация, Западная Сибирь, историография, керамический комплекс, орнамент.

В первой половине XX века П. А. Дмитриев получил первую коллекцию бархатовской керамики в результате раскопок Мысовской стоянки в городе Тюмень. В 60-х годах при анализе коллекций поселений Боборыкино-II и Черкаскуль-II К.В. Сальников выделил флажково-жемчужную керамику. По сравнению с тогда известными типами замараевской и межовско-березовской керамики, она представляла собой нечто уникальное. Также в это время В. Ф. Генинг и Н. И. Совцова выделили комплексы бархатовского типа, датируя их концом XII-X веками до н.э. (Аношко, 2007, с. 114-115).

Границы распространения объектов бархатовских древностей расположены на территории тюменской и курганской областях, концентрируясь в Тоболо-Исетском междуречье и Среднем Притоболье. Остальные территории ареала бархатовской культуры имеют рассеянное расположение памятников. Западная граница проходила по верховьям рек Исети и Миасса, северная прошла по левому берегу Туры, а южная по среднему течению Тобола (Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2006, с. 25).

В заключительной стадии бронзового века в Притоболье формируются комплексы бархатовской культуры, которая проходит два этапа развития: ранний (щетковский) и развитый (красногорский). По утверждению О. Ю. Зиминой и В. В. Илюшиной, археологические находки, относящиеся к раннему щетковскому этапу бархатовской культуры, датируются 2 тысячами лет до н.э. Эти находки включают в себя неукрепленные поселения, такие как Ново-Шадрино II и VII, Язево I, Щетково II и другие. В данном периоде население бархатовской культуры предпочитало размещать свои поселения на низких участках береговых террас (Зиминая, Илюшина, 2013).

В орнаментации керамики данного этапа преобладают следующие элементы: наклонные, вертикальные и горизонтальные линии, вертикальные зигзаги, сетки, каплевидные и луновидные углубления, круглые ямки, орнаментированные валики, скобочки и каннелюры. Редко встречаются сложные геометрические узоры, включающие заштрихованные треугольники, ромбы, ленты, треугольники с насечками и различные зигзаги, а также флажки, особенно на стенах сосудов (Аношко, 2007, с. 120).

Красногорский этап, является развитым этапом бархатовской культуры, это определяется

за счет археологических находок, полученных с памятников Коловского, Усть-Утякского, Красногорского и Миасского, а также других памятников с аналогичными характеристиками. Данная эпоха выделяется несколькими чертами: климатические изменения, отраженные в палинологических данных, особенно очевидны на участке Коловского городища (Матвеева, Волков, Рябогина, 2003); повышение значимости животноводства, в частности увеличение лошадей стадах; увеличивается ареал культуры как на восток, так и на запад, при этом отдельные группы бархатовской культуры углубляются на территории Приишимья и Зауралья; появление оборонительных сооружений в городищах, которые говорят о трудных условиях, это было связано с миграцией представителей культуры гамаюн с северных территорий в лесостепь; меняется орнаментация керамического комплекса, включающие более широкое применение таких элементов как флажки, жемчужины, лесенки, насечки, вертикальные линии, которые разделяют орнаментальное поле; на значительных высотах гипсометрических измерений, находились памятники часто расположенных 20-40 метровых мысах коренных террас рек Зауралья.

Определение красногорского периода основано на огромном материале абсолютного возраста, собранном с Коловских и Красногорских городищ, и ориентировочно относится к началу первого тысячелетия до н.э., точнее, между X-IX веков до н.э. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что красногорский период представлял собой зенит культурного развития бархатовской культуры (Аношко, 2007, с. 121).

В орнаментации керамики, данного этапа, преобладают следующие элементы: наклонные, вертикальные и горизонтальные линии, сетки, жемчужины. Круглые ямки, луновидные и каплевидные элементы становятся редкостью и чаще всего не встречаются в красногорском этапе. Геометрические узоры практически исчезают и имеют более простую композицию, чем в щетковском этапе.

Помимо всего, нет промежуточного этапа между щетковским и красногорским. Это связано с тем, что не найдены памятники или керамика данного промежуточного этапа имеет незначительное изменение, которое трудно просмотреть и выделить в отдельную группу.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что трансформация и деградация орнамента керамического комплекса бархатовской культуры на красногорском этапе проходит постепенно, когда условия жизни и распространение данной культуры очень сильно меняются, происходит ряд заимствований из других культур, добавляя в свою орнаментальную традицию новые упрощенные композиции. Теряется множество элементов орнамента (круглые ямки, каплевидные и луновидные углубления, зигзаги, насечки и пр.), геометрические узоры становятся более простыми, в период щетковского этапа было наоборот – достаточно сложные геометрические узоры, орнамент распространялся на весь сосуд.

Таким образом, можно утверждать, что бархатовская культура с момента своего существования и перехода от щетковского к красногорскому этапу значительно упрощается в орнаментации посуды.

Библиографический список

1. Аношко О. М. Общая характеристика бархатовской культуры позднего бронзового века Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной) // Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. С. 114-122.
2. Матвеева Н. П., Аношко О. М., Цембалюк С. И. Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье) // РА. 2006. №2. 194 с.
3. Зими́на О. Ю., Илю́шина В. В. Керамика бархатовской культуры подтаежного

Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3(22). С. 40-53.

4. Матвеева Н. П., Волков Е. Н., Рябогина Н. Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков // Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование. Вып 1. Новосибирск, 2003. С. 174.

УДК 902/904

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ДРАЧЕВО II

© Ханова Лилиана Ильсуровна, Батуева Надежда Сергеевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

*Научный руководитель – преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории,
археологии ПГГПУ Батуева Надежда Сергеевна*

Аннотация. В работе представлены результаты исследований каменных артефактов поселения Драчево II, относящегося к позднему бронзовому веку. В результате исследований были изучены каменные находки, обнаруженные в результате полевых исследований 2023 г., представленные каменными артефактами из кварцита. Большую часть находок составляют отходы производства и обломки орудий, но также имеются уникальные находки – пестов-тёрочников, отбойников, рубящего орудия. Дальнейшее изучение памятника и исследования его каменного инвентаря, позволят ответить на поставленные выше вопросы и «пролить свет» на период бронзового века Пермского Предуралья.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, бронзовый век, каменный инвентарь.

Поселение Драчево II было открыто в 2000 г. сотрудниками КЭ Пермского университета – А. Ф. Мельничуком и П. А. Корчагиным. Памятник находится в Осинском районе Пермского края. Площадка памятника разрушается береговой эрозией, а также почти полностью занята постройками и огородами. На сегодняшний день, для исследования доступна 1/20 часть памятника.

В 2023 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ, совместно с ПРОО «Археологи Прикамья», под руководством Батуевой Н.С., были проведены раскопки на площади 60 кв.м. (Батуева, 2023) В результате исследований было обнаружено, что верхние слои памятника были разрушены, по словам местных жителей здесь в XX в. существовала пилорама. В результате проведенных исследований был обнаружен значительный археологический материал – керамика, каменные и костяные изделия, кости животных.

В результате работ 2023 г. на поселении Драчево II собрано 163 каменных изделия.

Основную массу находок составляют отходы производства и обломки орудий – 124 экз. (76,1%). К ним относятся: сколы – 67 экз., фрагменты орудий – 57 экз. (Табл.1) Большинство находок изготовлено из кварцита (82,2%) коричневых оттенков, так же присутствует группа артефактов, изготовленных из алевролита (7%), песчаника (4,6%), кремня (2,8%), кварцитопесчаника (2,8%), андезита (0,6%).

Среди находок выделяются уникальные: отбойники и их фрагменты (14 экз. – 8,6%),

песты-тёрочки (5 целых и 2 фрагмента – 4,3%), пластины (4 экз. – 2,5%), фрагменты абразивов (3 экз. – 1,8%), рубящее орудие (0,6%).

Песты-тёрочки представлены небольшой серией из пяти целых и двух фрагментов орудий, изготовленных из кварцита серого (2 экз.), коричневого (3 экз.), а также по одному экземпляру темно-коричневого и бежевого цветов.

Первое орудие изготовлено из серого кварцита. Пест-терочник имеет продолговато-трапециевидную форму, размеры 132x82x62 мм. Орудие имеет ярко-выраженные рабочие поверхности: 3 и 4 грани по боковым сторонам. С каждой стороны выделяется по одной большой пологой площадке со следами сработанности, остальные площадки имеют меньшие размеры (рис.1. 1).

Наименование	Количество	Процентное соотношение
Фрагменты орудий (рис. 1: 12)	57	35
Песты-терочники и их фрагменты	7	4,3
Сколы	67	41,1
Отщепы (рис. 1: 8)	8	4,9
Заготовки орудий	2	1,2
Абразивы	3	1,8
Отбойники и их фрагменты	14	8,6
Пластины	4	2,5
Рубящее орудие	1	0,6
Всего	163	100

Таблица 1. Количественное соотношение каменного инвентаря

Второе орудие коричневого цвета из кварцита. Пест-тёрочник имеет продолговато-трапециевидную форму и размеры 133x73x63 мм. На втором орудии выделяются стертые рабочие поверхности с 1 и 2 гранями по боковым сторонам орудия. Грани имеют одинаковую поверхность со следами сработанности, также имеют выпуклую часть по середине (рис.1: 2.)

Третий пест-тёрочник из кварцита бежевых оттенков имеет трапециевидную форму размерами 112x97x63 мм. На орудии зафиксирована одна рабочая поверхность с ярко-выраженными следами сработанности: 2 грани, с одной стороны, одна выпуклая, другая – выемчатая. С другой боковой стороны видна сколотая часть орудия (рис. 1: 5).

Четвертый экземпляр изготовлен из коричневого кварцита. Орудие имеет продолговато-овальную форму и размеры – 146x60x73 мм. На песте выделяются 2 площадки по боковым частям со следами сработанности. Рабочие поверхности имеют разные по размерам стертые плоскости (рис.1: 3).

При сравнении описанных орудий можно выделить черты сходств и различий.

1) 3 из 4 пестов-тёрочников имеют заглаженные рабочие поверхности по боковым частям орудий, последний же имеет одну по причине возможного скола рабочей поверхности с другой стороны.

2) Грани со следами сработанности в большинстве случаев имеют выпуклую часть, что говорит о том, что при работе их держали боком и перетирали не всей поверхностью сразу.

3) Размеры и форма у трех экземпляров схожие: они продолговато-трапециевидные или овальные, что дает удобство для того, чтобы держать их в руке, а четвертое орудие более круглое и плоское. В длину более крупные орудия свыше 133 мм, в толщину примерно 62-70 мм. А вот ширина значительно различается у всех объектов: от 60 мм до 97 мм.

4) Цвет у найденных пестов-тёрочников преобладает коричневый, основным материалом для изготовления являлся кварцит.

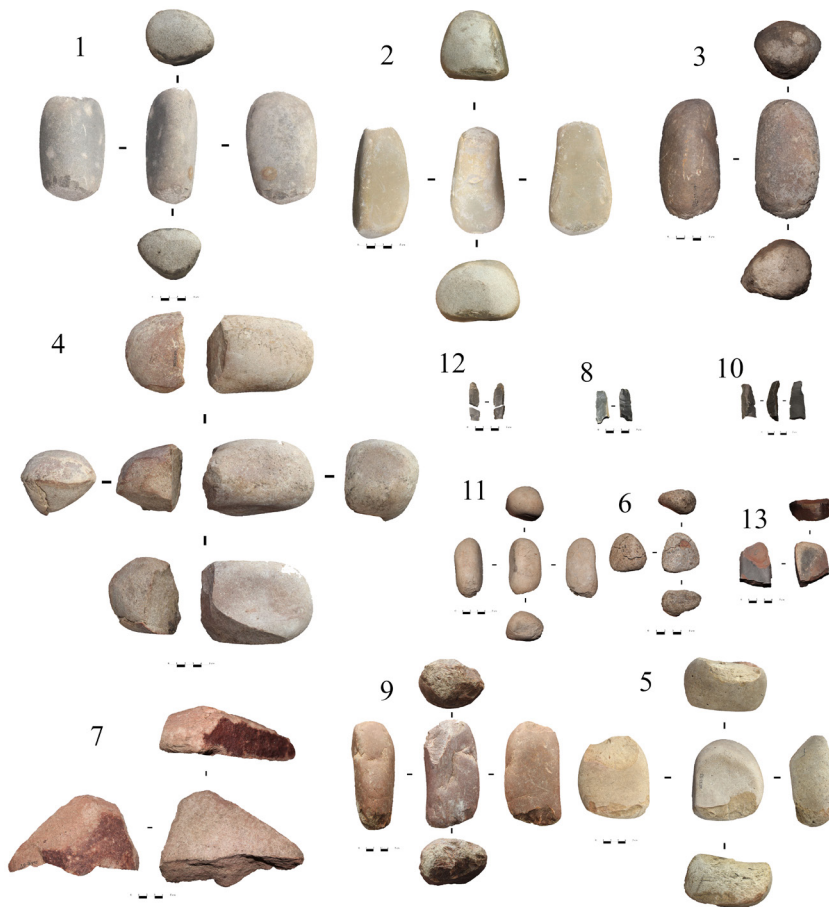

Рис. 1. Орудия с поселения Драчево 2. 1-3, 5 – песты-тёрочники; 4 – рубящее орудие; 6, 9, 11 – отбойники; 7 – фрагмент абразива; 8 – пластинчатый отщеп; 10, 12 – пластины; 13 – фрагмент орудия

Интересными находками стали отбойники. Орудия представлены 2 целыми и 12 фрагментами орудий (рис. 1: 6).

На целом отбойнике из бурого кварцита, имеющем размеры 138x63x53 мм, отмечаются 2 рабочие поверхности по боковым сторонам орудия. Орудие имеет продолговато-конусовидную форму (рис. 1: 9).

Второй целый отбойник из серого кварцита имеет продолговато-трапециевидную форму и относительно небольшие размеры – 79x36x39 мм. С одной боковой части имеет рабочую поверхность со следами сработанности (рис. 1: 11).

Сравнение орудий может привести к следующим выводам:

1) На многих целых и фрагментах отбойников замечены следы работы, что подтверждает их практическое применение.

2) Орудия сделаны в основном из кварцита коричневых цветов.

3) Размеры целых отбойников значительно различаются: от 79 до 138 мм в длину, от 36 до 63 мм в ширину и от 39 до 53 мм в толщину.

Пластины представлены 4 экземплярами, 2 из которых ребристые (рис. 1: 10, 12). Пластины в основном были изготовлены из алевролита, кроме одной, выполненной из кварцитопесчаника, основным цветом является темно-серый, лишь одно орудие выполнено

из материала светло-коричневого оттенка. размеры пластин имеют сильное различие: от 16 до 63 мм в длину, от 9 до 27 мм в ширину и от 3 до 16 мм в толщину.

Фрагменты *абразивов* в количестве трех экземпляров выполнены из песчаника серых оттенков (рис. 1: 7).

Уникальной находкой стало *рубящее орудие*, состоящее из двух частей. На меньшей части отмечается рабочая поверхность небольшого диаметра. Рубящее орудие было изготовлено из кварцита бежево-коричневого цвета. В целом виде орудие имело бы продолговато-трапециевидную форму. Размеры меньшей и большей частей 85x76x78 и 120x93x86 соответственно (рис. 1: 4).

Таким образом, обнаруженные материалы на поселении Драчево II представлены каменными артефактами, изготовленными, в основном, из кварцита. Большую часть находок составляют отходы производства и обломки орудий, но также имеются уникальные находки – пестов-тёрочников, отбойников, рубящего орудия. Особенно интересными являются находки пестов-тёрочников.

На территории Пермского Предуралья песты-тёрочники использовались с эпохи раннего железного века. В частности, исследователями выделяются памятники ананьинской культуры, где орудия использовались для изготовления зерна (Сарапулов, 2014, с. 16). Однако, подробных исследований по форме и размерам пестов-тёрочников с памятников Пермского Предуралья, материалу из которого они изготовлены, технике их использования, до настоящего времени не было проведено.

При первых исследованиях поселение Драчево II было отнесено к позднему этапу бронзового века. Однако, исследования 2023 г. показали, что памятник является многослойным (прослеживается в стратиграфии, керамике, костяных изделиях). Его верхние слои стоит относить к эпохе раннего железного века. В то же время, песты-тёрочники были обнаружены в обоих слоях, что может быть вызвано строительством пилорамы в XX в. Важным является вопрос об использовании данных предметов в быту древним населением. Как было указано выше, песты-тёрочники использовались для измельчения зерна (Сарапулов, 2014, с. 14), в то же время, в Оренбургской области фиксируются песты для измельчения руды (Моргунова и др., 2021). Таким образом, дальнейшее изучение памятника и исследования его каменного инвентаря, позволят ответить на поставленные выше вопросы и «пролить свет» на период бронзового века Пермского Предуралья.

Список источников и литературы

1. Батуева Н. С. Отчет о раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Драчево II, поселение» в Осинском городском округе Пермского края // Архив МАЭ ПГГПУ.
2. Моргунова Н. Л., Горашук И. В., Файзуллин А. А. Результаты трасологического анализа каменных и костяных орудий Турганикского поселения // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15. Оренбург, 2021. С. 11-30.
3. Сарапулов А. Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Автореферат канд. дисс. Санкт- Петербург, 2014. С. 16.

УДК 903.01/09

**ВЕЩЕСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ (НА ПРИМЕРЕ
МОГИЛЬНИКА БАГАНАТЫ-3)**© *Чмир Мария Сергеевна*

Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, г. Петропавловск

*Научный руководитель – к.и.н., заслуженный профессор кафедры истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин СКУ**Плешаков Анатолий Андреевич*

Аннотация. В статье рассматривается уникальный по содержанию могильник Баганаты-3, исследования которого проводились в 2001-2003 годах. Коротко охарактеризованы культуры, населявшие Северный Казахстан в бронзовом веке. Это, в свою очередь, помогает разобраться в богатых материалах, которые дал нам Баганаты-3. Статья адресована археологам, историкам и всем, кто интересуется древней историей Казахстана.

Ключевые слова: Бронзовый век, археологическая экспедиция, курган, керамика, погребальный инвентарь.

Северо-Казахстанская археологическая экспедиция организована Г. Б. Здановичем в 1967 году. Более чем за 55 лет на территории Тоболо-Иртышского междуречья обнаружены сотни памятников археологии, свидетельствующие о древних культурах от верхнего палеолита до позднего средневековья. За годы работы подвергались исследованиям стоянки каменного века и поселения эпохи бронзы, городища раннего железного века и могильники разных эпох.

Североказахстанским археологам принадлежит заслуга открытия неолитической Атбасарской культуры (Зайберт, 1993), Ботайской культуры (Зайберт, 2009) эпохи энеолита, Петровской культуры ранней бронзы (Зданович, 1988), Саргаринской культуры эпохи финальной бронзы (Зданович, 1979).

Петровская культура дала начало изучению укрепленных поселений первых бронзолитейщиков Урало-Казахстанского региона (Аркаим и др.), охраняющих свое ритуально-мифическое действо в протогородах, за мощными стенами которых хранился секрет производства бронзы, а боевые колесницы охраняли подступы к эпохальному секрету (Плешаков, Мартынюк, Баев, 2005, с. 3). В свою очередь, саргаринская культура обозначила переход от бронзы к раннему железному веку. Алакульская культура появилась на базе существующей петровской культуры. Это демонстрирует появление многообразных переходных комплексов.

Взаимодействие старого и нового ярко проявляется в керамике, различных категориях вещевого инвентаря, архитектуре поселков, в погребальном обряде. Центральное место на погребальных полях занимают курганы петровские или алакульские (Зданович, 1984, с. 1). Все это включает в себя уникальный по содержанию могильник Баганаты-3, на примере которого мы рассмотрим особенности комплексов эпохи бронзы.

Исследования могильника Баганаты-3 проводились в 2001-2003 годах отрядом СКАЭ в Шал-Акынском районе Северо-Казахстанской области. Он расположен в 600 метрах юго-восточнее с. Баганаты (в том же районе) на правом берегу р. Ишим (рис. 1: 1).

Курганное поле находится между оврагом и одноименной рекой Баганаты. Площадка памятника имеет ровную поверхность, на ней имеются несколько десятков земляных курганных насыпей. Размеры варьируются – высотой до 1 м и диаметром до 20 м. Общее количество погребальных конструкций подсчитать сложно из-за того, что часть насыпей планиграфически перекрывают одна другую, а многие из них настолько малы, что в условиях местности, характеризующейся как отроги Казахского мелкосопочника, сложно отличить естественные и искусственные возвышения.

Общая площадь раскопа составила 384 м². Вскрытие производилось поквратно с оставлением бровок шириной 0,30 м и фиксацией западных профилей. Поверхность раскопа хорошо задернована и не имела видимых повреждений. Сверху залегал слой гумуса толщиной до 0,05 м, ниже шла черноземная супесь. Все это подстилалось материком из песка желтого цвета. Погребенная почва фиксировалась в профилях отдельными фрагментами. В пределах подкурганых площадок она часто окрашена в серый цвет.

В область раскопа вошли 10 курганов (курганы под номером 9, 10, 11, 12, 13, 14, 17, 18, 21, 23) включая пространство вокруг них. В центральной части раскопа располагалась подкурганная конструкция. Она состояла из могильных ям №1, 2, 3, 8 и жертвенных ям №4, 5, 6, 7. Слой дерна под насыпями насыщен фрагментами костей лошади и МРС.

При изучении бронзового века керамика является одним из главнейших источников понимания историко-культурных процессов, бытовой культуры, ритуала и символов древнего населения (Валиахметов, Семьян, Петров, 2021, с. 5). Разнообразие керамических изделий из могильника довольно богатое. Все они, как правило, имеют петровско-алакульский облик горшечной и баночной формы. Встречаются и смешанные, горшечно-баночные формы. В орнаментике наблюдается широчайшее применение геометрической символики, которая была основой изобразительной деятельности. Использовалась техника нанесения орнамента различными видами штампов: плоского, гребенчатого, мелкого, крупного, гладкого, и резной орнамент. Геометрические символы были широко распространены в орнаментике эпохи бронзы (Валиахметов, Семьян, Петров, 2021, с. 7). Орнамент четко подразделяется на зоны.

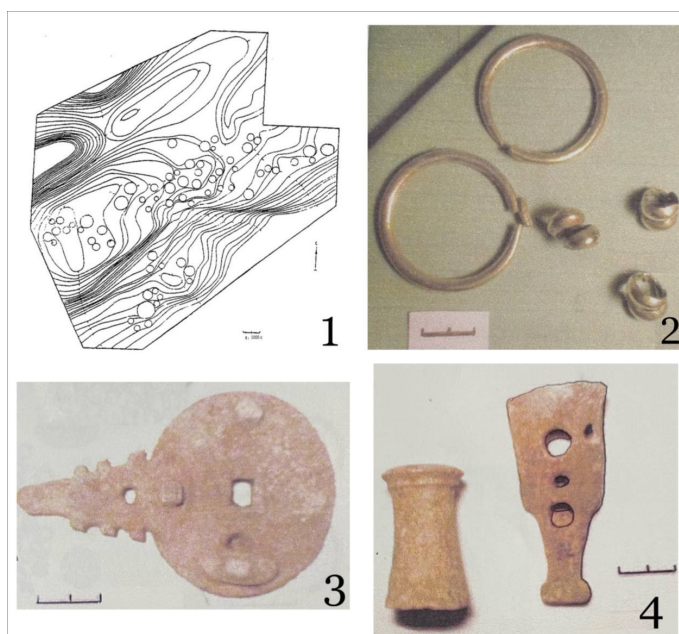

Рис. 1. Общий план местности и погребальный инвентарь.

Особенно интересно наблюдение, полученное при исследовании технологии изготовления керамики – при изготовлении один сосуд является матрицей для следующего, на внутренней поверхности видны отпечатки предыдущего и такие факты не единичны, а представлены целой серией.

Погребальный инвентарь удивляет спектром своей разнообразности. Находки, преимущественно из бронзы, включали в себя бронзовые подвески, нож, шило, булавы, иглы, фрагменты серьги с золотой фольгой, браслет, бусы, бляшки. Также были найдены костяные наконечники листовидной формы, подвеска из зуба хищника, псалий дисковидный (кость), костяные наконечники стрел ланцетовидной формы, антропоморфная подвеска из камня, подвеска из ракушки с отверстием, изделие из кости в виде трубки, подвеска очковидная, наконечники стрел кремневые, подвеска крестовидная с коническими пирамидками на концах и в центре изделия, бронзовые и золотые украшения.

В кургане №21 был обнаружен интересный сосуд с четырьмя бронзовыми скребками, который, очевидно был расколот и скреплен для дальнейшего использования.

В кургане №9 особенно интересны четыре бронзовые желобчатые в сечении с закругленными концами подвески в полтора оборота покрытые золотой фольгой (рис. 1: 2).

В кургане №14 был найден дисковидный костяной псалий, диаметром 5,8-6,3 см. На штырьке длиной 4 см. – по три зубца с каждой стороны и отверстие у основания диаметром 0,4-0,5 см. В том же кургане обнаружена антропоморфная подвеска из камня, размером 1,6-2,0 см. с четырьмя грибовидными отростками в сечении, пятый – шлемовидный, с отверстием для подвески. Вся поверхность изделия покрыта патиной (рис. 1: 3).

Псалий костяной, трубчатый, размером 7,3-3,5 см бутылковидной формы (курган №20). Вдоль черешка идет щелевидное отверстие длиной 2,5 см. На тулове – одно сквозное отверстие (диаметром 1,0 см.), три круглых отверстия (диаметром от 0,4 до 0,8 см.) и одно прямоугольное (0,3-0,9 см) сбоку изделия. На черешке имеется Т-образное утолщение (рис. 1: 4).

В настоящее время могильник частично разрушается карьером, поэтому есть необходимость продления раскопок для получения важного исторического материала.

Библиографический список

1. Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 223 с.
2. Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат, 2009. 576 с.
3. Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: УрГУ, 1988. 184 с.
4. Зданович С. Я. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 20 с.
5. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т), 1984. 160 с.
6. Плешаков А. А., Мартынюк О. И., Баев А. В. Могильник эпохи бронзы Баганаты-3. изд. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2005. 82 с.
7. Каталог выставки музея Заповедника «Аркаим». Сост.: Валиахметов И. А., Семьян М. В., Петров Ф. Н. Керамика: искусство и ремесло эпохи бронзы. Челябинск: Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим», 2021. 36 с.

УДК 902.01

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ СОСУДЫ В ПАМЯТНИКАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА В УРАЛО-КАЗАХСТАНСКОМ РЕГИОНЕ

© Шаркова Марина Сергеевна

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории ЮУрГГПУ
Алаева Ирина Павловна*

Аннотация. В работе рассматривается ритуал переворачивания сосудов вверх дном в могильниках бронзового века. Представлена выборка из 25 случаев такого ритуала в разных культурах: алакульской, синташтинской, петровской и федоровской. Произведена систематизация сосудов по нахождению в могиле по отношению к погребенному и локализации в жертвенниках.

Ключевые слова: Перевернутые вверх дном сосуды, бронзовый век, алакульская культура, федоровская культура, синташтинская культура, жертвенные комплексы, погребальный обряд.

Перевернутые сосуды известны в памятниках синташтинской, петровско-алакульской, алакульской, алакульско-федоровской, а также федоровской культуры на территории Урало-Казахстанского региона и датируются XX-XV веком до нашей эры (Сотникова, 2006; 2015).

На сегодняшний день известно 25 случаев перевернутых сосудов из 13 могильников (Таблица 1). Большинство случаев зафиксировано в памятниках алакульской культуры (60% случаев от общего количества), к алакульско-федоровской и федоровской отнесено 16% случаев, в петровской и синташтинской выявлено по 12% случаев.

Ритуал переворачивания сосуда вверх дном представлен в трех вариантах локализации сосуда: 1 – на дне могилы; 2 – в составе жертвенника; 3 – за пределами могилы или на перекрытии;

Первый вариант (на дне могилы) зафиксирован в 68% случаев, второй вариант – в 24% случаев и третий – 8%.

Локализация перевернутых сосудов в жертвенных комплексах на подкурганной площадке представлена в синташтинской, алакульской и петровской культуре. В Синташтинском могильнике (жертвенный комплекс №1) перевернутый сосуд находился между черепами (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 235). В мог. Майтан (ограда 18, ограда А, жертвенник 1) перевернутый вверх дном сосуд стоял у юго-западной стенки грунтовой ямы, при этом череп и конечности скота были ориентированы к сосуду (Ткачев, 2019, с. 76).

Единичные случаи локализации вне пределов могилы отмечены всего в двух случаях: в мог. Майтан (кург. 6, яма 2) рядом с могилой, с юго-востока стоял перевернутый вверх дном сосуд (Ткачев, 2019, с. 33-34) и еще один сосуд был поставлен на плиту каменного перекрытия могилы 1, ограды В, ограды 18 мог. Майтан (Ткачев, 2019, с. 83).

Большинство перевернутых сосудов были зафиксированы на дне могильных ям. Расположение сосуда относительно тела погребенного в синташтинских, петровских и алакульских погребениях представлено в трех вариантах: в ногах, над головой и за спиной.

Самый распространенный вариант – это находения сосуда в ногах погребенного (Таблица 2). Всего известно 8 таких случаев, 5 из которых относятся к алакульской культуре.

Археологическая культура	Общее колич. сосудов	На дне могилы	Вне могилы	В составе жертвенника	Памятники (источник)
Синташтинская	3	2	–	1	Синташтинский могильник (СМ) (В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг, 1992)
Петровская	3	2	–	1	Кулевчи VI курган 4 (Н. Б. Виноградов, 2020), Кривое озеро, курган 2, яма 1 (Виноградов, Н. Б., 2017), Бозенген, курган 24, могила 7 (Ткачев А. А., 2002)
Алакульская	15	9	2	4	Майтан (Ткачев, 2019); Алакульский (Сальников, 1952.) Хрипуновский (Матвеев А. В., 1992), Кулевчи VI, курган 2 (Н. Б. Виноградов, 2020); Лисаковский (Усманова Э. Р., 2005); Субботино (Потемкина Т. М., 1985) Чистолембяжский (Матвеев, А. В., 1992)
Федоровская, федоровско-алакульская	4	4	–	–	Урефты, курган 30 (Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 2006); Боровое (Оразбаев А. М, 1958), Бирек-коль (Оразбаев А. М, 1958), Лисаковский, группа Г, ограда 4 (Усманова Э. Р., 2005)
Итого:	25	17	2	6	

Таблица 1. Количество перевернутых сосудов в погребальных памятниках бронзового века Урало-Казахстанского региона

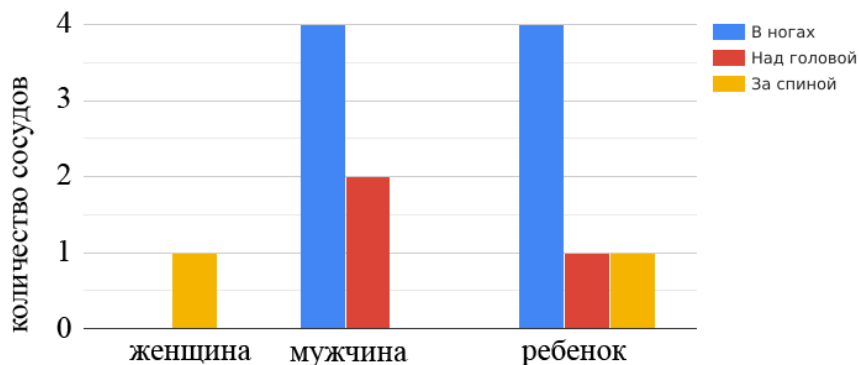

Рис. 1. Гистограмма соотношения расположения перевернутых сосудов в могиле и пола/возраста погребенного.

В Синташтинском могильнике (погребение 17) перевернутый сосуд стоял в ногах у взрослого погребенного (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с 177). Два других сосуда были в ногах погребенных мужчин в петровских памятниках Кривое озеро (кург. 2, яма 1) (Виноградов, 2017, с. 65-70) и Кулевчи VI (кург 4, яма 1) (Виноградов и др., 2020, с. 57, 88-101). Четыре из пяти случаев алакульской культуры были зафиксированы в одном могильнике – Алакульском (кург. 13, погр. 2, 31, 32, кург. 8 погр. 1) (Сальников, 1952, с. 51-71). Чаще всего позиция перевернутого сосуда в ногах погребенного была связана с

захоронением мужчин и детей.

Второй вариант расположения сосуда в могиле – над головой погребенного. Представлен только в алакульской культуре. В двух случаях это были захоронения мужчин (Лисаковский, погр. 1, ограда 24), в одном случае – погребение ребенка (Субботино, кург. 18, погр. 15) (Усманова, 2005, с. 37; Потемкина, 1985, с. 242-249).

Третий вариант нахождения сосуда в могиле – за спиной погребенного, представлен в двух случаях. В алакульском могильнике Майтан (ограда 41, ограда А, могила 2) (Ткачев, 2019, с. 178) перевернутый вверх дном находится за спиной погребенного ребенка возрастом 1,5 года. А также в Синташтинском могильнике (погребение 22) (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 188), где погребенной является женщина.

Расположение сосуда относительно тела погребенного	Всего случаев	Синташтинская культура	Петровская культура	Алакульская культура	Памятники (источник)
В ногах	8	1	2	5	Алакульский (Сальников, 1952), Хрипуновский (Матвеев А. В., 1992), Кулевчи VI курган 4 (Н. Б. Виноградов, 2020), Кривое озеро, курган 2, яма 1 (Виноградов, Н. Б., 2017), Синташтинский могильник (СМ) (В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг, 1992)
Над головой	3	–	–	3	Майтан (Ткачев, 2019), Лисаковский (Усманова Э. Р., 2005), Субботино (Потемкина Т. М., 1985)
За спиной	2	1	–	1	Майтан (Ткачев, 2019), Синташтинский мо-гильник (СМ) (В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг, 1992)
Всего	13	2	2	9	

Таблица 2. Расположение перевернутых сосудов в пределах могилы в культурах бронзового века Урало-Казахстанского региона

Таким образом, позиция сосуда относительно погребенного вероятно имела зависимость от пола и возраста умершего. В большинстве случаев перевернутые вверх дном сосуды находятся рядом с мужчинами и детьми (рис. 1). В женских погребениях такие сосуды встречаются значительно реже и только в позиции – за спиной.

Наличие перевернутых вверх дном сосудов прослеживается и в федоровских могильниках с кремацией. В двух могильниках сосуды занимают северо-западный угол, в могильнике Бирек-коль (ограда 23, могила 1) (Оразбаев, 1958, с. 241) и в могильнике Боровое (ограда 2) (Оразбаев, 1958, с. 231). В могильнике Урефты I (кург. 30) (Стефанов, Корочкова, 2006, с. 67), который относят к алакульско-федоровской культуре, перевернутый крупный горшок стоит на материке в северо-восточном углу. В могильнике Лисаковский (группа Г, ограда 4) (Усманова, 2005, с. 56) сосуд стоял в центре ямы.

Таким образом, традиция переворачивания сосуда имеет длительную историю и встречается на протяжении всего бронзового века, от синташтинской до федоровской культуры.

Библиографический список

1. Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века. Кривое озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Общество с ограниченной ответственностью «АБРИС», 2017. 400 с.

2. Генинг В. Ф. Синташта. Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей. Т 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.
3. Виноградов Н. Б., Берсенева Н. А., Алаева И. П., Алентьев Ю. М., Блинов И. А., Галибин В. А., Епимахов А. В., Илюшина В. В., Китов Е. П., Косинцев П. А., Рассомахин М. А. Кулевчи VI – могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет / Электронный ресурс. 2020. 556 с.
4. Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск, 1998. 417 с.
5. Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, Алма-Ата: 1958: Тр.ИИАЭ АН Каз.ССР. Т. V. Археология, 1958. 294 с.
6. Потемкина, Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья / Т. М. Потемкина. – Москва: Издательство «Наука», 1985. 376 с.
7. Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. №24. С. 51-71.
8. Сотникова, С. В. Андроновские ритуальные комплексы с перевернутыми сосудами: сравнительная характеристика и интерпретация// Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3(49). С. 231-245.
9. Сотникова, С. В. О символике перевернутого сосуда и его роли в андроновском ритуале// Теория и практика археологических исследований. 2006. №2. С. 25-31.
10. Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
11. Ткачев А. А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2019. 529 с.
12. Усманова, Э. Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда: Караганд. гос. ун-т им. Е. А. Букетова; Лисаковск: Лисаков. музей истории и культуры Верх. Притоболья, 2005. 232 с.

УДК 903.4

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ АНДРОНОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

© Шлехт Артур Дмитриевич

Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, г. Петропавловск

Научный руководитель – к.и.н., заслуженный профессор кафедры истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин СКУ

Плешаков Анатолий Андреевич

Аннотация. Статья рассказывает о физико-географической и исторической особенности андроновской культурно-исторической общности, занимавшей обширную территорию в глубине Евразийского материка. Эта общность населяла различные ландшафтные зоны,

включая лесостепи, степи, полупустыни и пустыни. Основным занятием населения было скотоводство в сочетании с мотыжным земледелием.

Андроновская культура выделяется своим комплексным хозяйством, включающим скотоводство и сельское хозяйство. Основной формой хозяйственной деятельности было скотоводство, с фокусом на крупном и мелком рогатом скоте, а также лошадях. Культура андроновцев развивалась в течение бронзовой эпохи, сохраняя свою экономическую ориентацию.

Ключевые слова: Андроновцы, Поселение, Эпоха Бронзы, Северный Казахстан, Хозяйство.

Если начинать рассматривать андроновскую культуру с физико-географической точки зрения (Археологическая карта Казахстана, 1960), то следует отметить, что эта общность занимала территорию в глубине материка Евразия, где занимала различные по ландшафту территории.

В бронзовую эпоху, материальная культура андроновской общности отражает, что её главным источником жизнедеятельности было скотоводство, дополняемое земледелием. Эта культура развивалась в течение длительного времени, начиная с петровской эпохи. Основой хозяйства андроновцев было скотоводство, и стадо состояло из трех компонентов: крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошадей. Ранние памятники андроновской культуры типа «петровская» находились в западных регионах, от Северного Казахстана до Южного Урала, что представляло центральные и западные территории андроновской культуры. Эти комплексы обычно обнаруживаются в многослойных археологических находках.

Топография поселений, богатый материал, связанный с одеждой и остатками животных, указывают на то, что в течение II тысячелетия до нашей эры в степных районах к востоку от Урала сформировался типичный комплекс скотоводства и земледелия, который оставался преобладающим вплоть до конца бронзовой эпохи. Это развитие производственного хозяйства шло параллельно с напряженными отношениями с чуждыми этнически населенными периферийными областями в лесостепной и степной зоне. Одновременно, взаимоотношения между родственными группами также оставались напряженными, что нашло отражение в строительстве оборонительных сооружений и развитии военного колесничества в рамках петровской культуры. В петровской культуре, лошади составляли от 4 до 12% от общего числа скота, но к концу бронзовой эпохи, по данным остеологических исследований поселений, доля лошадей достигала 30-36%.

Скотоводство играло ключевую роль в жизни андроновских племен, предоставляя не только пищу, но и другие важные ресурсы, включая шерсть, кожу, кости для изготовления различных предметов и даже топливо в виде костров и кизяков. Основной пищей было молоко, которое также использовалось для производства творога и сыра. Мясо, скорее всего, считалось деликатесом и употреблялось на праздниках или при поклонении богам. Андроновцы разводили овец, коров и лошадей, придавая особое значение последним. Среди лошадей было три типа пород, отличающихся размером и формой. Элитной считалась лошадь с высотой в холке 152-160 см, с поджарой шерстью, тонкими ногами, небольшой головой и высокой шеей. Эти лошади использовались для колесниц, которые представляли собой основное военное средство андроновской культуры в петровскую эпоху.

Андроновцы были опытными скотоводами и разработали инновации, такие как стойловое содержание скота в зимний период. Молодняк держался в теплоизолированных жилищах, и для этого выделялась часть жилища, а также возможно использовались загоны.

Скотоводство было особенно выгодным в степных просторах Казахстана, где каждый квадратный километр разнотравной степи мог прокормить от 6 до 7 голов крупного рогатого

скота и лошадей в течение года. Это обстоятельство определило долгосрочное развитие хозяйства андроновской общности, ориентированное на скотоводство. В XVII-XVI веках до н.э., когда формировалось андроновское общество, оно включало сложную инфраструктуру с развитой системой оборонительных сооружений, но не двигалось в направлении городской цивилизации и интенсификации экономики. Специфика местной экологической ниши способствовала экстенсивному развитию скотоводства в андроновском обществе (Черников, 1960).

Земледелие было распространено в андроновской культуре и практиковалось на плодородных землях вблизи рек и поселений. Они возделывали культуры, такие как просо и пшеницу, и собирали урожай с помощью серпов. Зерно перерабатывалось в муку с использованием зернотерок и пестов. Однако, земледелие оставалось менее продуктивной отраслью по сравнению со скотоводством в андроновской культуре. Все поселения были размещены вблизи участков, подходящих для земледелия или близко к источникам воды. Существует предположение о существовании примитивного пашенного земледелия с использованием лиманного орошения. Охота и рыболовство не играли значительной роли в хозяйстве андроновской общности.

В более поздний период (XV-XIII века до н.э.), степная культура переживала свой расцвет, что подтверждается расширением территории и увеличением числа поселений и могильников. Начиная с XIII века до н.э., возможности для экстенсивного развития комплексного хозяйства были исчерпаны, и интенсификация стала возможной лишь с переходом к пастбищному скотоводству, где пастухи сдвигали стада в соответствии с сезонным распределением пастбищ. В этот период появились новые виды временных жилищ, такие как легкие шалаши, предвосхищающие будущие юрты.

В заключении можно сказать:

Исследования позволяют нам понять, что скотоводство было доминирующей формой хозяйственной деятельности для андроновских племен. Они были мастерами в разведении различных видов скота, включая крупно рогатый скот, мелко рогатый скот и лошадей. Лошади играли особую роль в их культуре, особенно для колесничного транспорта и военных нужд (Радлов, 1867). Андроновская культурная общность также совершенствовала методы ухода за скотом, включая стойловое содержание в зимний период.

Вместе с тем, земледелие также существовало и практиковалось в рамках андроновской культуры, хотя оно оставалось менее продуктивным по сравнению со скотоводством. Это оказывает влияние на распределение поселений и использование плодородных земель вблизи водных источников.

Исследование андроновской культурно-исторической общности также позволяет нам понимать сложные взаимоотношения с окружающими этническими группами (Теплоухов, 1927, с. 57-112) и наличие оборонительных сооружений и военных технологий в их культуре (Теплоухов, 1929, с. 41-62).

В целом, андроновская культурно-историческая общность является интересным объектом исследования, который помогает нам понять древние общества и их способы выживания, а также влияние природной среды на их экономическую и культурную эволюцию. Эта общность оставила значительное наследие, которое продолжает вдохновлять исследователей и ученых в их стремлении раскрывать тайны далекого прошлого.

Библиографический список

1. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1960. 460 с.
2. Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане – ТГПИ // Казаки.

Л., 1927. Вып. 2. 172-221 с.

3. Радлов В. В. Сообщения о раскопках в Семипалатинской области // Отчет ИАК за 1866г. СПб., 1867. С. 22-24.

4. Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. – Томск // Материалы по этнографии. – Л.: Рус. музей, 1927. – Т. 3, вып. 2. С. 57-112.

5. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края – Томск // Материалы по этнографии. Л.: Рус. музей, 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41-62.

6. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. №88. 272 с.

УДК 903.083

РЕЗНАЯ КОСТЬ ПОСЕЛЕНИЯ АККЕЗЕН

© Шокутов Тимур Куанышевич

Карагандинский университет им. Е. А. Букетова, г. Караганда

*Научный руководитель – к. и. н., ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории КарУ им. Е. А. Букетова
Варфоломеев Виктор Васильевич*

Аннотация. В памятниках элиты традиции валиковой керамики (бегазы-дандыбаевская или саргаринско-алексеевская культура) Центрального Казахстана выразительным компонентом археологических комплексов выступают изделия из кости и рога, покрытые орнаментом. Новые исследования на поселении Аккезен выявили серию предметов резной кости и рога, которым посвящен доклад. Произведения косторезов отчетливо коррелируются с такими показателями как металлургия, керамические импорты, милитаризованность, протогородской характер поселений.

Ключевые слова: Центральный Казахстана, бронзовый век, поселение Аккезен, мастерская, косторезное дело.

Примечательным ярким компонентом археологических комплексов финальной бронзы Казахстана являются изделия из кости и рога, орнаментированные резным орнаментом. Такие предметы найдены на поселениях Кент (Варфоломеев и др., 2017), Шортандыбулак (Маргулан, 1979, с. 211), Мыржик (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 162), Трушниково (Черников, 1960, с. 271), в могильнике Тагискен (Итина, Яблонский, 2001, с. 286, рис. 124). Есть такие предметы и на поселении Аккезен в Шетском районе Карагандинской области (Варфоломеев, 2022). На этом памятнике на полах построек обнаружены фрагменты изделий из рога и кости, покрытые орнаментом (рис. 1). Выделяются фрагменты орнаментированных дисков с бортиком (рис. 1: 1-3). Другие предметы не реконструируются. В 2023 г. работы на памятнике были продолжены. Помимо предметов из бронзы и камня были найдены фрагмент псаля типа трушешти-кент, заготовки диска с бортиком и роговидного псаля без отверстий и орнамента.

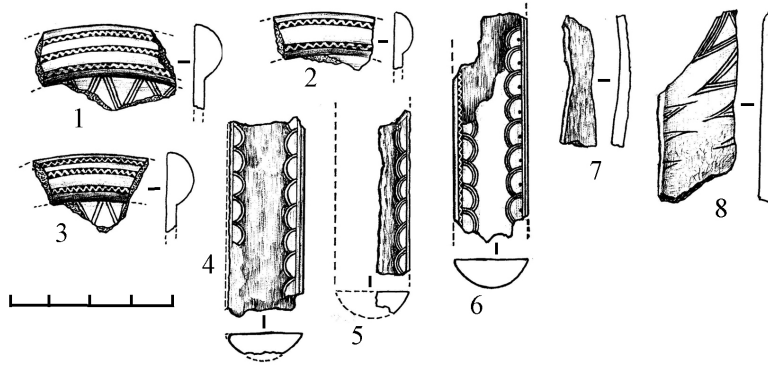

Рис.1. Аккезен. Резная кость.

Сырьем для изготовления резных изделий служили рога оленя, лося и массивные кости крупных копытных. Почти все изделия за исключением роговидного псаляя, имели не утилитарное, а престижное значение.

Находки изделий из кости и рога отчетливо коррелируются с такими показателями как металлургия, керамические импорты, милитаризованность, протогородской характер поселений. Продукция косторезов демонстрирует, во-первых, местное производство, во-вторых, характеризуют культуру бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) элиты.

Библиографический список

1. Варфоломеев В. В. Металлообрабатывающая мастерская на поселении Аккезен, Центральный Казахстан // Археология Евразийских степей. №2. 2022. С. 225-244.
2. Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 338 с.
3. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 295 с.
4. Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпақдалы). Алматы: Наука, 1992. 247 с.
5. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
6. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. // МИА. 1960. №88. 271 с.

УДК 902.21

РЕКОГНОСЦИРОВОЧНЫЕ РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ УСТА

© Ютт Даниил Владимирович

Карагандинский университет им. Е. А. Букетова, г. Караганда

*Научный руководитель – к. и. н., ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории КарУ им. Е. А. Букетова**Варфоломеев Виктор Васильевич*

Аннотация. Поселение Уста открыто в 2022 г. Находится в 4,5 км к юго-востоку от аула Кармыс Шетского района Карагандинской области. Расположено у истоков ручья Уста. Площадка памятника занимает около 20 тыс. м кв. и размыта. На поверхности собраны микролитический инвентарь, каменные орудия и керамика эпохи ранней, поздней и финальной бронзы. Из шурфов получена керамика и бронзовые предметы поздней и финальной бронзы. Таким образом, имеющиеся материалы свидетельствуют о неоднократном заселении площадки, начиная с середины голоцена.

Ключевые слова: Центральный Казахстана, поселение, микролиты, энеолит, ранняя бронза, поздняя бронза, финальная бронза.

Поселение Уста было открыто в 2022 г., обследовано вторично в 2023 г. Оно находится в 4,5 км к юго-востоку от аула Кармыс (на картах Карамыс) Шетского района Карагандинской области. Расположено на северо-западном склоне низкогорного массива Уста, у истока ручья Уста. Площадка поселения размыта поверхностными водами, весной стекающими с гор. На площади около 20 м кв. собраны керамика, микро- и макролитический каменный инвентарь. В средней части памятника на поверхности видны каменные конструкции.

Сборы с поверхности типологически разновременны. Один фрагмент керамики имеет аналогии в памятниках ранней бронзы. Микролитический инвентарь представлен двумя хронологическими комплексами. Ранний комплекс представлен орудиями на отщепах, сырьём для которых служили яшма и яшмоиды. В этой группе инвентаря выделены четыре скребка, обломок наконечника стрелы, черепаховидный нуклеус и бифас. Подобные находки были сделаны на стоянке Шидерты 3 (Мерц, 2002).

Поздний комплекс представлен орудиями на пластинах из серой яшмы и яшмоидов. Это обломок наконечника стрелы, призматический нуклеус, ножевидные пластины и скребок. Аналогии имеются в материалах стоянки Шокпаргас (Варфоломеев и др., 2021).

В подъемном материале есть несколько фрагментов андроновской-федоровской культуры, аналогичных поселенческим комплексам Центрального Казахстана (Маргулан и др, 1966, с. 77; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 192; Ткачев, 2002 с. 118). Такая керамика встречалась в средней части площадки памятника.

Каменный инвентарь эпохи бронзы представлен лоцилом, пестом, молотом, наковальной.

В центре памятника был заложен шурф №1. Из культурного слоя в виде бурого зольника с глубины 0,3 м были извлечены кости животных, керамика федоровского типа и бронзовый нож с намечающимся перекрестием.

В шурфе №2 в южной части площадки памятника был зафиксирован черный

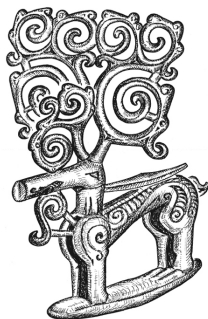
культурный слой до глубины 0,35 м. В нем были найдены неорнаментированные фрагменты керамики, скорее донгальского типа, и бронзовая, круглая, выпуклая бляшка с петелькой на обороте.

На северной периферии памятника, где на поверхности чаще всего встречались предметы кремневой индустрии, был заложен рекогносцировочный раскоп размером 2×6 м, вытянутый в меридиональном направлении. Здесь до глубин 0,2-0,25 м залегал наносной слой темно серого цвета. В нем были найдены в переотложенном состоянии бифас, нуклеус, три каменных отщепы и фрагменты нижней челюсти лошади. Это слой подстилает материковая каолиновая глина.

Таким образом установлено, что площадка поселения Уста заселялась как минимум четыре раза. Дважды в энеолите, а затем в периоды поздней и финальной бронзы. Не смотря на эродированную поверхность, оно перспективно для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Варфоломеев В. В., Мерц В. К., Мерц И. В. Шокпартас – новый энеолитический памятник Центральной Сарыарки // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. №1(134). С. 36-48.
2. Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки. Алма-Ата, 1992. 247 с.
3. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
4. Мерц В. К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 75-102.
5. Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

Урало-Поволжье в раннем железном веке

УДК 902

АРХИТЕКТУРА САКРАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ САРМАТОВ НА УСТЮРТЕ

© Абат Рахим Цезарулы

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Астана

*Научный руководитель – к.и.н, доцент кафедры Археология и Этнологии ЕНУ
им. Л. Н. Гумилева М. К. Хабдулина*

Аннотация. В данной статье приводится характеристика святилищ на территории, которое охватывает полуостров Мангышлак и Приаралье. Данные памятники отличаются от типичных для других регионов. В статье автор выделяет особенности этих святилищ, которые делятся на два типа: дыкылтасский и байтинский. Методом сравнительного анализа были выявлены различия и сходства в этих двух типах святилищ.

Ключевые слова: Устюрт, архитектура, сарматы, святилища, Байте, Дыкылтас, культовое зодчество.

Мангышлак и Приаралье принято обозначать как *междуморье*. Это единый географический регион со схожими климатическими условиями, которые с глубокой древности были удобны для кочевого скотоводства и транзитных миграций. До 80-х годов XX в. единичные обзоры памятников Прикаспия предприняты московским археологом Л. Л. Галкиным (Галкин, 1985). Его статьи привлекли внимание к необычным антропоморфным каменным скульптурам, каменным конструкциям и привели к началу исследования святилищ Байте и Дыкылтас (Ольховский, Самашев, 2000). Целенаправленное археологическое изучение Арало-Каспийских степей начинается в 2004 году З. Самашевым (Самашев, 2007, с. 188-191).

В данной работе будет дана краткая характеристика святилища Байте 3 и Дыкылтас, так как они являются самыми яркими, и хорошо изученными памятниками. Для выполнения целей используется сравнительный метод, направленный на сопоставление святилищ разных типов (Байте и Дыкылтас), выявление их сходства и различия в архитектуре и культовых представлениях. Анализ выполнен по археологическим источникам, с применением конкретно-исторического и источникововедческого подходов для анализа и интерпретации археологических данных и находок.

Погребально-поминальный комплекс Дыкылтас, как и Байте 3 являются типо-

логическими разновидностями древних святилищ. Культовый комплекс Дыкылтас был исследован в 1992-1993 гг. Он расположен в 30 км от поселка Форт-Шевченко и в 5 км к югу от побережья Каспийского моря. Главная культовая конструкция представляет собой низкое куполообразное сооружение из известковых плит, окруженное кольцевой крепидой. Блоки крепиды уложены в один слой, составляют кольцо диаметром 11 м. С южной стороны кольца в центр конструкции ведет дромос шириной 1,3 м. Дромос устроен из плит, уложенных плашмя и поставленных ребром.

Внутреннее сооружение имело прямоугольно-трапециевидную форму. Дромос в центре упирался в жертвенник в виде овальной каменной плиты с углублением. К западу, востоку и северу от центра сооружения расходились три погребальные камеры, разделенные четырьмя каменными ящиками, расположенными симметрично друг против друга. (Онгарулы, 2017).

Планиграфической особенностью Дыкылтаса являются многочисленные жертвенно-поминальные оградки, большинство которых образовывало две цепи, дугообразно отходящие от центрального сооружения в юго-западном направлении. Выкладки имели форму колец диаметром 0,8-1,2 м.

Кроме жертвенников-поминальников в состав рассматриваемого комплекса входили каменные стелы, изготовленные из местного пористого известняка-ракушечника. Почти все стелы к моменту исследования оказались повалены и разбиты.

Памятник как единый комплекс, с общей семантикой и взаимосвязью всех структурных частей был сформирован примерно в IV в. до н. э. В отличие от байтинского типа памятников, в Дыкылтасе внутри центрального сооружения были погребены останки людей. Различаются и вертикальные каменные «статуи», сопровождающие культовые площадки. В Дыкылтасе установлены менгириобразные стелы, в байтинских стоят антропоморфные каменные скульптуры. Вероятно, в этом можно проследить эволюцию местного культового зодчества, перешедшего от ранних стел типа «оленных камней» к более сложным по изготовлению антропоморфным изваяниям. Следует отметить, что данная традиция «культового зодчества» все еще присутствует у современных казахов и туркмен, проживающих столетиями в этом регионе.

Культовый комплекс Байте 3 расположен в северо-западной части плато Устюрт. Комплекс состоит из главной культовой конструкции (далее ГКК), каменных антропоморфных скульптур, каменных выкладок, каменных скоплений и множества жертвенников. Сам комплекс располагался на возвышенности, а ГКК занимал господствующую высоту. Здесь будет дана характеристика только ГКК, как центра комплекса и сложного архитектурного сооружения. ГКК по конструкции представлял собой монументальное круглое сооружение диаметром 19 м. Кольцевая стена была построена методом панцирной кладки из местной породы известковых плит (Дженито, 2000, с. 18).

В.С. Ольховский в результате своих исследований, определил конструкцию как двухступенчатую цилиндрическую башню с частичным перекрытием центральной башни. Перекрытие представляло собой полусферическое кольцо с открытым центром сооружения. Его удерживали четыре трапециевидных контрфорса, пристроенных с внутренней стороны сооружения (Дженито, 2000, с. 15 илл. 6).

В самом центре сооружения, на древней дневной поверхности был установлен каменный жертвенник прямоугольной формы. Сверху башни вниз к жертвеннику вела лестница, поверхность которой была покрыта множеством тамг (Ольховский, Яценко, 2000). Эти данные послужили основанием: признать конструкцию культовой (Дженито, 2000, с. 18).

В отличие от дыкылтасских памятников, на территории ГКК не было найдено

ни погребений, ни каких-либо вещественных находок, что свидетельствует о разных функциях данных памятников. Антропоморфные стелы, изображающие сарматского воина того времени, также отличают эти две группы памятников. Стоит отметить, что памятники байтинского типа гораздо сложнее как в архитектурном, так и в семантическом плане. Исследователи отмечают особую топографию байтинских комплексов, всегда расположенных на возвышенных местах и с обязательной доминантой ГКК. Стоит также отметить, что ГКК всегда округлой формы, что также имеет определенную семантику.

На основании анализа данных, полученных в ходе исследования святилищ Дыкылтас и Байте 3, можно сделать следующие выводы, а именно то, что в Междуморье в IV веке до н. э. существовали два типа святилищ, которые выполняли разные функции. Святилища типа Дыкылтас были связаны с погребальными обрядами и культом предков, а святилища типа Байте 3 – с такими как культ солнца или культ предков.

Эти выводы основаны на следующих доказательствах:

1. В Дыкылтасе были обнаружены погребения, что свидетельствует о том, что это святилище было связано с погребальными обрядами.
2. В Байте 3 не было обнаружено погребений, что свидетельствует о том, что это святилище было связано с религиозными культами.
3. ГКК в Байте 3 имеет форму, напоминающую солнце, что может указывать на то, что это святилище было связано с культом солнца.

Библиографический список

1. Дженито Б., Ольховский В. С., Самашев З. С., Франкфор А. П. Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Москва: ГЕОС, 2000. С. 7-20.
2. Галкин Л. Л. Памятники Северо-Восточного Прикаспия // Археологические открытия. 1983. М., 1985. С. 505.
3. Ольховский В. С., Самашев З. С. Исследования на Западном Устюрте (Казахстан) // Археологические открытия. 2000. М., 2001. С. 279-280.
4. Ольховский В. С., Яценко С. А. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Москва: ГЕОС, 2000. С. 295-316.
5. Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р. Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы: Институт археологии им. А. Х.Маргулана, 2017. 320 с.
6. Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: ТОО «Археология», 2007. 400 с.

УДК 902

ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПСИРМИНСКОГО СЕЛИЩА В РЕСПУБЛИКЕ ЧУВАШИЯ В 2023 ГОДУ

© *Баршинов Никита Сергеевич, Памеев Родион Александрович*
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Научный руководитель – д.и.н., заведующий кафедры всеобщей истории МарГУ
Зеленев Юрий Анатольевич

Аннотация. Статья посвящена результатам раскопок на территории памятника «Типсирминское селище». В статье представлено описание проведенных работ и анализ полученных данных.

Ключевые слова: Республика Чувашия, г. Чебоксары, д. Типсирма, памятники писеральско-андреевского типа, жилища.

В августе-сентябре 2023 года экспедиция Учебно-научного археолого-этнологического центра Марийского государственного университета под руководством Соловьева Б. С. провела спасательные археологические исследования на территории объекта археологического наследия «Типсирминское селище» в Чебоксарском районе Республики Чувашии в 850 м к северо-западу от д. Типсирмы. Общая площадь археологических исследований на территории памятника составила 5000 м².

Впервые селище было выявлено С. А. Красновым (Краснов, 2021) в августе 2019 г. в ходе проведения археологического обследования земельных участков, выделенных под размещение объекта проектируемого строительства – жилого района «Новый город» г. Чебоксары Чувашской Республики (отчет Краснова). Ранее, в том числе по архивным материалам, памятник не был известен. Тогда в результате работ был обнаружен подъемный материал (фрагменты керамики), также в центральной части памятника был заложен шурф, в котором также были обнаружены фрагменты керамики. Остатков культурного слоя в шурфах обнаружено не было. Характер залегания и распространения керамического материала свидетельствуют, что для территории исследования характерна типичная для Чувашии геоморфологическая ситуация, когда покровные четвертичные отложения, которые могут вмещать в себя следы жизнедеятельности древнего населения, маломощны и практически везде перекрыты глубиной современной пахоты, что приводит к разрушению культурного слоя.

Территория селища представляет собой ровное распаханное поле с заметным уклоном к юго-восточному краю оврага с безымянным ручьем, протекающим к западу и северу от памятника, около которого он располагается, северо-западная часть задернована, покрыта лесом. По всей территории памятника сохранились следы распашки – симметричные линии углублений 20-30 см.

В 2023 году исследования памятника были продолжены. На раскопе площадью 5000 м² было обнаружено 129 объектов: столбовые ямы и остатки жилищ. Кроме того, была сформирована коллекция находок, состоящая из фрагментов лепных сосудов, относящихся к раннему железному веку (Соловьев, 2023).

Было подтверждено отсутствие культурного слоя, уничтоженного в ходе многолетней

распашки. В пахотном горизонте встречены редкие обломки лепных сосудов. Керамические фрагменты имеют следы окатанности, что говорит о длительной перепашке территории.

В ходе сравнительного анализа обнаруженного материала было предположение, что керамика характерна для памятников писеральско-андреевского типа, которые охватывают I-II вв. н.э. (Зубов, 2018, с. 14).

После ручной выборки грунта и зачистки на уровне материка, представленного плотным красно-бурым суглинком, выявились многочисленные столбовые ямы.

Кроме столбовых ям, на площади памятника были обнаружены остатки четырех жилищ. Все жилища были расположены в юго-западной части раскопа. В заполнении всех жилищ обнаружены керамика, кости животных и камни-терочки.

Жилище 1. Объект 9 – обнаружен в кв. Б-В-4-5. Остатки жилища, имеют подпрямоугольную с округлыми краями форму. Жилище вытянуто по линии С-Ю. Обнаружено на уровне -269; -286. Длина 560 см, ширина 340 см, дно зафиксировано на уровне -284; -296. Заполнение: светло-серый суглинок. Внутри жилища находился объект очаг – столбовые ямы. Стены жилища скорее всего были образованы столбовыми ямами – объекты: 11, 29-41, 44-46.

Жилище 2. Объект 67 – обнаружен в кв. к-2-3. Остатки жилища, имеют округлую форму. Жилище вытянуто по линии В-З. Обнаружено на уровне -301; -315. Длина 300 см, ширина 270 см, дно зафиксировано на уровне -315; -327. Заполнение: светло-серый суглинок. Внутри жилища находились: очаг у северной границы на уровне -337, заполнение – плотный оранжевый прокаленный суглинок; столбовая яма на уровне -337, заполнение – серый суглинок с включениями органики, которая по всей видимости представляла собой внутреннюю несущую опору.

Жилище 3. Объект 118 – обнаружен в кв. И-4. Остатки жилища, имеют подовальную с округлыми краями форму. Жилище вытянуто по линии С-Ю. Обнаружено на уровне -325; -326. Дно неровное, стенки пологие. Длина 500 см, ширина 300 см, дно зафиксировано на уровне -328; -340. Заполнение: светло-серый суглинок. Внутри жилища находился объект очаг, и столбовые ямы, которые представляли внутренние несущие опоры. Стены жилища были образованы столбовыми ямами.

Жилище 4. Объект 121 – обнаружен в кв. К-5. Остатки жилища, имеют подовальную с округлыми краями форму. Жилище вытянуто по линии С-Ю. Обнаружено на уровне -330; -340. Дно неровное, стенки чашевидные. Длина 480 см, ширина 240 см, дно зафиксировано на уровне от -341 до -354. Заполнение: светло-серый суглинок. Внутри жилища находился очаг на уровне -363, -372, и округлая столбовая яма на уровне -351.

Библиографический список

1. Зубов С. Э. История изучения памятников писеральско-андреевского типа // Археология Евразийских степей. 2018. №1. С. 9-16.
2. Краснов С. А. Научный отчет по археологической разведке, проведенной в 2019 году, на территории жилого района «Новый город» г. Чебоксары Чувашской Республики по Открытому листу №1567-2019. Чебоксары, 2021.
3. Соловьев Б. С. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (раскопках) на объекте археологического наследия «Типсирминское селище» в г. Чебоксары Чувашской Республики – Чувашии в 2023 году // Архив УНАЭЦ МарГУ, 2023.

УДК 902/904

**БАИТОВСКИЕ «ЖЕМЧУЖИНЫ»: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРНАМЕНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ
РАСКОПОК ПАМЯТНИКА ИСЕТСКОЕ-3 В 2022 Г.)**

© *Белых Александра Витальевна, Корецкий Александр Сергеевич*
Курганский государственный университет, г. Курган

*Научный руководитель – старший преподаватель
Новиков Игорь Константинович*

Аннотация. В работе рассматриваются результаты эксперимента по утилитарному использованию орнамента баитовской культуры раннего железного века. Проверена возможность использование сквозных отверстий, образованных в следствии откалывания «жемчужин», на верхней части керамических сосудов, для ремонта с минимальными трудозатратами.

Ключевые слова: ранний железный век, баитовская культура, эксперимент, жемчужины, орнамент.

В 2022 г. в Исетском районе Тюменской области было исследовано многослойное поселение Исетское-3, общей площадью более 16 тыс. кв. м. Площадь памятника была исследована 6 отдельными раскопами. Раскоп 6 дал богатые материалы баитовской культуры раннего железного века (конец VII – начало IV вв. до н.э.) (Белых, 2023, с. 59).

Баитовская археологическая культура была выделена в 1969 г. Стояновым В. Е. Изначально автор исследования выделял два культурных типов – баитовский и носиловский, но считал возможным их объединение в одну баитовскую культуру и выделение трех локальных вариантов (Стоянов, 1970, с. 252). Этот тезис развили Могильников В. А и Матвеева Н. П., считая нецелесообразным выделять носиловский тип памятников как локальный вариант культуры лишь на основании особенностей орнаментации (преобладание ямок над жемчужинами), при отсутствии данных по хозяйству и погребальному обряду (Могильников, 1992, с. 275; Матвеева, 1989, с. 77).

Баитовская посуда однотипна, но своеобразна по форме и орнаментации, типологически хорошо вычленяется из материалов многослойных памятников. Представлена в основном круглодонными сосудами горшковидных форм с раздутым туловом, шаровидные, профилированные, имеют округлые плечики, вертикальную горловину (встречается как довольно высокая, так и низкая, чаще с плоским венчиком) (Матвеева, 1989, с. 77-91). Статистические данные показали, что в комплексах чаще всего встречается посуда, украшенная гребенчатой и ямочно-жемчужной орнаментацией. На Исети «жемчужная» орнаментация составляет до 70-80% (Верхне-Ингальский борок 1, Ботники 1, Усть-Терсюкское), узор из ямок встречен от 10 до 27% случаев. На Среднем Тоболе «жемчужинами» украшались чуть более 50-60% сосудов в комплексах Боровушки 2, Баитовского городища, Бочанецкого городища, Устюг 2, Заводоуковское 9, на городище Большой Имбиряй не более 31%, ямки нанесены на горловину от 13 до 34% сосудов. В баитовских комплексах на Нижнем Тоболе примерно равное количество ямок и жемчужин (Зимица, Цембалюк, 2019, с. 65-66).

Всего при исследовании раскопа 6 поселения Исетское-3 в 2022 г. было выделено 313 сосудов баитовской культуры. На 233 сосудах (74,4%) фиксируется орнамент в виде «жемчужин». Также в этой группе мы рассматриваем 71 сосуд (22,7%) орнаментированных ямочными вдавлениями с негативом в виде жемчужин на внутренней стороне сосуда, по причине единого подхода к нанесению орнамента. На 19 сосудах (6,2%) отмечено наличие сквозных отверстий на месте «жемчужин».

Было выдвинуто предположение, что жемчужины и ямки являются своеобразными «заготовками» для быстрого ремонта в случае брака.

Экспериментальная часть была разделена на несколько этапов. На первом этапе сосуды были графически реконструированы, затем реконструированы с применением ленточной и лоскутной техники. Отдельным вопросом был способ нанесения орнамента. Применялось два способа формирования жемчужин: «в палец» и в форму. Однако практически сразу способ «в палец» был признан убедительным. В пользу выдавливания «в палец» говорили отпечатки пальцев, фиксируемые на сосудах Исетского-3. Применялись различные способы ямочных вдавлений, включая провёртывание. Форма конца палочки тоже значительно различалась, применялись палочки разной остроты, закругленные, плоские. Использовались разные по фактуре орнаменты: гладкие и рельефные. Каналы ямочных вдавлений сосудов Исетское-3 и экспериментальных сосудов исследовались под микроскопом. Каналы исследованных вдавлений имеют неровную поверхность с плоским либо закругленным концом – такие следы оставляет ветка, неочищенная от коры. Формирование жемчужины происходит посредством прикладывания пальца с внешней стороны сосуда, и надавливанием палочкой с противоположной стороны, на месте пальца. В результате получается жемчужина, идентичная жемчужинам с поселения Исетское-3. Размер жемчужины варьируется от диаметра палочки.

Всего было реконструировано 17 сосудов. В ходе сушки 4 сосуда получили небольшие вертикальные трещины на венчике. 6 сосудов лопнуло в процессе обжига. Еще 6 сосудов в процессе обжига получили вертикальные (сквозные и несквозные) трещины на венчике, частично переходящие на шейку и тулово. При такой форме сосудов венчик и шейка имеют наибольшее внутренне напряжение, следовательно, и шанс получить повреждения. Дальнейшая эксплуатация подобных сосудов привела бы к потере целостности. Вероятно, что у древних мастеров возникала такая проблема, и заготовки для ремонта были целесообразны.

Второй этап – «слоем» жемчужин. В качестве инструмента были использованы сухие ветки и кость. Вдавливание было произведено и снаружи, и изнутри сосуда. Внешнее давление оставило следы, идентичные по внешнему виду следам на керамике с поселения Исетское-3.

На третьем этапе был произведен ремонт. Так как на исследуемом материале не было обнаружено следов износа, которые могли возникнуть при ремонте твердыми предметами (металлическими скобами), выдвинуто предположение о ремонте посредством мягких и эластичных природных материалов: веревок из природных волокон, жил и кожи животных. Шнуры из органических материалов не имели соответствующей эластичности. Лучший результат показала коровья кожа. Она была разделена на тонкие полосы, размочена в горячей воде, пропущена через крайние от трещины отверстия, полученные после скола жемчужин, и крепко завязана. В процессе сушки кожа усела и сжала трещину. Дальнейшие попытки увеличить трещину ни к чему не привели.

Таким образом, можно сделать вывод, что орнамент в виде жемчужин и ямок мог

использоваться не только в декоративных, но и в практических целях для уменьшения количества брака, посредством быстрого ремонта, не требующего лишних трудозатрат.

Библиографический список.

1. Белых А. В. Предварительные данные раскопок поселения баитовской культуры Исетское-3 в 2022 году (по материалам раскопа №6) // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия». / отв. ред. С. В. Алкин, И. В. Октябрьская; Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 59-61.
2. Зимина О. Ю., Цембалюк С. И. Начало раннего железного века в Притоболье // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013. С. 65-67.
3. Матвеева Н. П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1989. С. 77-102.
4. Могильников В. А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274-312.
5. Стоянов В. Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 238-253.

УДК 902

КЕРАМИКА ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА САРЫАРКИ

© *Болатбеккызы Самгар*

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Астана

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии ЕНУ
им. Л.Н. Гумилева Хабдулина Марал Калымжановна*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу керамических сосудов раннего железного века Сарыарки. Материалом для данного исследования является керамические сосуды из кургана Баубек батыр 2, расположенного в Северном Казахстане, Акмолинской области, в Жаксынском районе, раскопки которого были проведены в 2022 г. Ишимской археологической экспедицией Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева и сосуд из могильника Бирлик, курган №15, расположенного в Павлодарской области Республики Казахстан

Ключевые слова: Казахстан, Сарыарка, ранний железный век, Тасмолинская

археологическая культура, могильник Баубек батыр 2, керамический сосуд.

Территория Сарыарки включает Казахский мелкосопочник и горные массивы: Баяунауыл, Каркаралы, Кызылрай, Кокшетау, Кент, Шынгыстау и др., а также бассейны крупных рек: Оби, Иртыша, Тобола, Нуры, Ишима и Урала (Халид 1992: 177). На западе Сарыарка граничит с Тургайским плато, на востоке – с горной системой Саур-Тарбагатай, на севере – с Северо-Казахской равниной, на юго-западе – с Туранской низменностью (И. Бекзаткызы, 2019, с. 58).

В археологическом сезоне 2022 года отрядом Ишимской археологической экспедиции были проведены исследования курганов Баубек батыра 2 (51.271950 N, 67.107889 E) расположенного в 200 м к юго-западу от села Баубек Батыр, в 13 км к югу от села Ишимское Жаксынского района Акмолинской области. Географически – это пустынно-степная зона Тургайской провинции. Памятник находится на правом берегу реки Ишим, в 50 км восточнее излучины р. Ишим – резкого поворота русла реки с широтного на меридиональное направление. В этом месте в Ишим втекает его южный приток – река Терисаккан.

В ходе исследования был сделан ортофотоплан памятника, с помощью тахеометра обозначена территория раскопок размером 10x10 м. Памятник имеет округлую форму, диаметром 8 м. По краям раскопа были найдены кости домашних животных. Могильных пятен не обнаружено. В восточной части северного сектора был найден развал сосуда. Данный сосуд был реставрирован и изучен научным сотрудником института археологии им. А. Х. Маргулана С. Рахимжановым. Сосуд горшечной формы, с выделенным плечом и налепными ручками. Высота сосуда – 25 см, диаметр венчика – 11,5 см. Венчик слегка отогнут, срез венчика овальный. Наибольшее расширение тулова – 21,5 см. диаметр дна 15 см. Плоскодонный. Не орнаментирован. Изготовлен из слабо запесоченной ожелезненной глины. Из естественных примесей в глине отмечен остроугольный песок размером 0,4-0,8 мм в концентрации 1:7, комочки серой глины, округлой формы, размером до 0,9 мм. Среди искусственных примесей в формовочной массе зафиксирован шамот размером 1,2-3,5 мм в концентрации 1:5 и органический раствор (выжимка), который определяется по черному «жирному» блеску на поверхности минеральных включений, мелким остаткам растительных отпечатков и аморфным пустотам, стенки которых также покрыты маслянистым черным налетом. Таким образом, рецепт по которому, изготавливался сосуд «глина+шамот 1:5+органический раствор». Конструирование. Начин донный. Строительные элементы – жгуты – лоскуты. Спиралевидное навивание. Полое тело. Полое тело изготавливалось из двух частей. Строительные элементы – лоскуты – жгуты. Ширина лоскута – 2,2 см. Ручки налепные изготовлены из жгута. Ширина жгута – 2 см. Сосуд с внешней стороны покрыт ангобом, с внешней и внутренней стороны заглажен мягким инструментом. Обжиг производился в костре или очаге. Излом двухслойный: верхний слой светло-коричневого цвета мощность

Рис. 1. Сосуд Баубек батыр 2.

0,4 мм, нижний слой черного цвета – 9 мм (рис. 1).

Был произведен поиск аналогий. По нашему мнению сосуд из могильника Баубек батыр 2 соответствует керамическому сосуду из могильника Берлик, курган №15. Могильник Берлик – находится в Павлодарской области Республики Казахстан. Его исследовал А. З. Бейсенов. Данный сосуд горшковидной формы с невысокой вогнутой шейкой, плавно переходящей в раздутое тулово. Венчик округлый, отогнут наружу, дно плоское. Реконструируемые параметры: высота – 25 см, наибольший диаметр тулова – 17,4 см, диаметр устья – 11 см, диаметр дна – 11,5 см, толщина стенок – 0,8 см, толщина днища – 1,2-1,3 см. Цвет внешней поверхности серый с оранжевыми пятнами на шейке, внутренней – серый, цвет излома – темно-серый; днище изнутри прокалено на 0,6 см. Изготовлен из слабожелезненной пластичной глины с искусственной добавкой (концентрация 1:3) крупного разноцветного песка и органики. Начин – донно-емкостный, спирально-жгутовой, полое тело – также из жгутов по спиральной траектории; поверхность обработана кожей (Бейсенов, Ломан, 2008, с. 35-36). Были выявлены следующие схожие черты: оба сосуда были найдены в восточном секторе кургана; горшковидная форма; венчик слегка отогнут; начин донно-емкостный; полое тело; способ изготовления – жгуты. Одноко сосуд из Баубек батыр 2 изготовлен из двух частей. Строительные элементы – лоскуты – жгуты; рецепт формовочных масс: глина+шамот +органический раствор.

В результате проведенного сравнительного анализа найденный сосуд из могильника Баубек батыра 2 по морфологии относится к Тасмолинской археологической культуре раннего железного века.

Библиографический список

1. Бейсенов А. З., Ломан В. Г. Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Известия Национальной Академии Наук Республика Казахстан. 2008. №1. С. 35-41.
2. Бекзатқызы И. Вопросы изучения топонимов в регионах Сарыарки // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2019. №2(23). С. 58-61.
3. Халид Қ. (1992) Тауарих хамса: (Бес тарих) // Ауд. Б. Төтенаев, А. Жолдасов. – Алматы: Қазақстан. 304 б.

УДК 903.532

КУРГАННАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

© *Дзиульский Анатолий Максимович*

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

*Научный руководитель – к.и.н., заведующий лабораторией археологических исследований
им. А.С. Скрипкина ВолГУ Кривошеев Михаил Васильевич*

Аннотация. Расцвет традиции применения дерновых блоков в курганном строительстве, ведущей своё начало с эпохи бронзового века, приходится на периоды господства крупных племенных союзов с выраженной иерархией, угасание же характерно для периодов слабого социального ранжирования в обществах скотоводов. В раннем железном веке наблюдаются два всплеска курганного сложного строительства: в скифское время в Южном Приуралье и Северном Причерноморье, и в среднесарматское время в волго-донских степях.

Ключевые слова: курганная архитектура, дерновые блоки, скифский период, среднесарматское время.

Традиция возведения курганов над могилами умерших ведёт своё начало ещё со времён неолита.

Любая традиция со временем претерпевает изменения и усложняется – такие изменения произошли и при сооружении курганов. С эпохи раннего бронзового века при строительстве курганов начинают применяться сложные архитектурные решения, в том числе с применением дерновых блоков. Они фиксируются в насыпях курганов майкопской, новотитаровской культур рубежа IV-III тыс. до н.э., в раннекатакомбной, северокавказской культур первой четверти III тыс. до н.э. После чего традиция перемещается с Северного Кавказа в Волго-Уральский регион, где прослеживается в больших курганах утеско-тамаруткульской культурной группы начала среднего бронзового века и курганах лолинской культуры. В середине III тыс. до н.э. традиция переживает первый упадок (Кривошеев и др., 2014; Borisov et al, 2019, p. 124).

В культурах раннескифского круга традиции строительства с применением сложных архитектурных решений вновь охватывают обширные территории от Тувы до Северного Причерноморья (Мозолевский, Полин, 2005, с. 244). В VII в. до н.э. дерновые блоки используют в качестве облицовки насыпи в Большом Салбыкском кургане тагарской культуры (Марсадолов, 2010, с. 7). Стоит отметить и присутствие дерновых блоков в курганах тасмолинской культуры, где они дополняют каменную кладку (Бейсенов, 2015, с. 23).

«Царские курганы» Великой Скифии возводились с применением дерновых блоков и вальков. Для изготовления самых больших из них требовалось вырезать дёрн кольцом шириной до 300 м. Материал для насыпи в одних случаях добывался прямо у места возведения кургана, в других же – брался из пойм рек (Мозолевский, Полин, 2005, с. 246-247).

В профилях савроматских курганных насыпей в Южном Приуралье К. Ф. Смирнов отмечал наличие крупных кусков земли и предполагал, что это может свидетельствовать об использовании тары для возведения курганной насыпи (Смирнов, 1964, с. 138).

Однако в процессе раскопок курганов этого времени в Филипповском могильнике было установлено применение дерновых блоков при возведении курганной насыпи (Пшеничнюк, 2012, с. 22, 30; Яблонский, 2013, с. 19-54). В Башкирском Зауралье на рубеже IV-III вв. до н.э. также фиксируется применение дерновых блоков. Насыпь элитного кургана №12 могильника Переволочан I составлена из дерновых блоков и гумуса, вырезанных, вероятно, с прикурганной территории (Сиротин, 2014, с. 152).

Быстрая и сильная аридизация в IV-III вв. до н.э. могла стать катализатором изменений в культурах скифского мира. Политико-экономическая дестабилизация, вызванная, в том числе природно-климатическими изменениями, вероятно, привела к распаду племенного союза даев в Южном Приуралье (Таиров, 2021, с. 62). С этим временем связан и распад Великой Скифии в Северном Причерноморье (Полин, 1992, с. 122). Всё это могло стать причиной угасания традиции возведения крупных курганов и применения дерновых блоков при их строительстве (Кривошеев, 2022).

Возрождение савроматских традиций в волго-донских степях отмечается в погребениях среднесарматской культуры в I – первой половины II в. н.э. (Скрипкин, 1992, с. 29-30). Среди прочих, вновь примечается традиция применения дерновых блоков при строительстве курганов над статусными могилами (Кривошеев, 2013). На данный момент наиболее ярко этот признак проявился в курганах среднесарматской знати в бассейне реки Есауловский Аксай в южной части Волго-Донского междуречья (Кривошеев, Борисов, 2017, с. 112). Четкая фиксация дерновых блоков в «насыпях» курганов в этом районе возможна благодаря наличию солонцовых почв, имеющих контрастные верхние горизонты (Borisov et al., 2019, p. 130).

В насыпи кургана №3 курганного могильника Аксай III были отмечены дерновые блоки размером 30x30x20 (рис. 1). Высота его на момент проведения работ составляла 1,4 м. Курган был возведен над могилой воина высокого социального статуса и датировался I в. н.э. В структуре кургана вокруг могильной ямы выделялась кольцевая кладка из дерновых блоков. Внешняя часть кладки была вертикальной и поддерживалась грунтовой крепидой. К погребальной яме с севера вел проход, по которому передвигались те, кто копал яму и оформлял погребение в процессе возведения блочной конструкции (Кривошеев, 2013, с. 211; Borisov et al., 2019, p. 128). Недалеко от Аксая III, в курганном могильнике Перегрузное I, также обнаружены синхронные среднесарматские насыпи с дерновыми блоками. Они зафиксированы в трёх наиболее крупных курганах №45, 51, 52, возведенных над могилами людей высокого социального ранга. Их архитектура близка к аксайской, центральная часть так же сложена из дерновых блоков, но внешняя крепида, поддерживающая внешнюю стенку, не

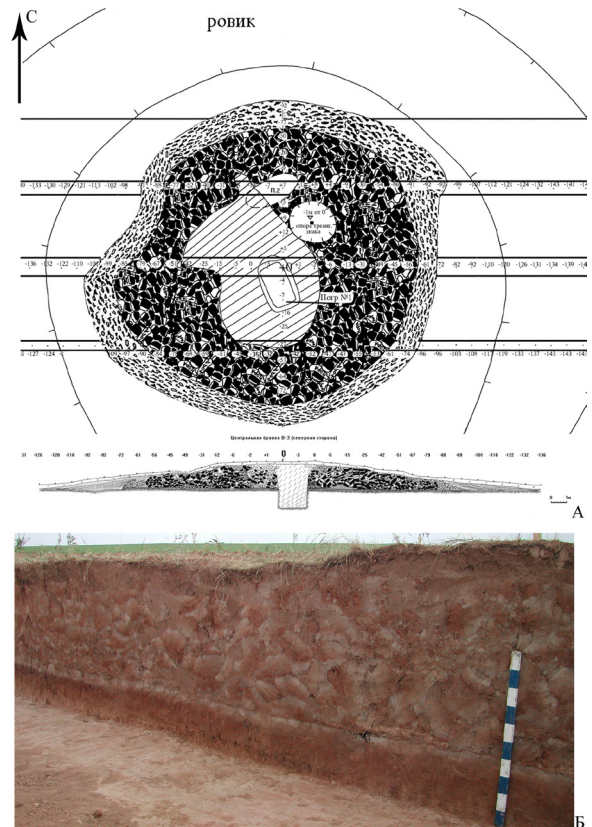

Рис. 1. А – план и профили бровки кургана 3 могильника Аксай III (по: Borisov et al., 2019, fig. 3, 5); Б – фото профиля центральной бровки кургана 3 могильника Аксай III (по: Borisov et al., 2019, fig. 4).

зафиксирована (Кривошеев, Борисов, 2017, с. 112).

Исходя из вышеперечисленного, можно подчеркнуть ряд наблюдений. Во-первых, сложная курганная архитектура, использующая множество различных техник и материалов для возведения курганной «насыпи», характерна для периодов консолидации скотоводческих сообществ в виде племенных союзов. Расцвет традиции использования дерновых блоков для курганного строительства над могилами лиц высокого социального статуса приходится на подобные периоды. Распад крупных этнополитических объединений и провоцирует угасание этой традиции (Кривошеев, 2022). Во-вторых, в процессе полевых исследований стоит обращать пристальное внимание на структуру курганных насыпей, дающих огромный пласт информации для реконструкции особенностей погребальной обрядности.

Библиографический список

1. Бейсенов А. З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11-38.
2. Кривошеев М. В. Скифо-сарматские параллели. Новые данные // Шестая Международная Кубанская археолог. Конф.: Матер. конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 210-213.
3. Кривошеев М. В. Грунтовые блоки как элементы курганной архитектуры в памятниках «филипповского» круга // Призвание – археология: Сборник воспоминаний и научных статей (к 85-летию со дня рождения А. Х. Пшеничнюка и 35-летию начала исследования Филипповских курганов). Уфа: ООО «Издательство «Диалог», 2022. С. 395-401.
4. Кривошеев М. В., Борисов А. А. Грунтовые блоки в курганных сооружениях: почвенно-экологические аспекты проблемы // Материалы Всерос. междисциплин. науч. конф. с междунар. участием «ПАЛЕОПОЧВЫ, ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ, ПАЛЕОЭКОНОМИКА». Пушкино: Товарищество научных изданий КМК, 2017. С. 112-115.
5. Кривошеев М. В., Ельцов М. В., Мимоход Р. А., Борисов А. В. Грунтовые блоки как строительные элементы в курганной архитектуре сарматских памятников Волго-Донского междуречья // Матер. всеросс. науч. конф. по археологическому почвоведению. Пушкино: ИФХиБПП РАН, 2014. С. 226-229.
6. Марсадолов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2010. 128 с.
7. Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев: «Стилос», 2005. 624 с.
8. Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев: «Типография федерации профсоюзов», 1992. 201 с.
9. Пшеничнюк А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
10. Сиротин С. В. Погребальные конструкции кургана №12 могильника Переволочан I // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №9 (47): в 2-х ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2014. С. 152-154.
11. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, представленный на соискание уч. степ. д.и.н. М., 1992. 47 с.
12. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
13. Таиров А. Д. Природно-климатический кризис IV в. до н.э. и смена политикоэкономической стратегии кочевниками Южного Урала // Уральский исторический

вестник. 2021. №3(72). С. 61-69.

14. Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004-2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

15. Borisov A.V., Krivosheev M.V., Mimokhod R.A., El'tsov M.V. "Sod blocks" in kurgan mounds: Historical and soil features of the technique of tumuli erection // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. 24С. P. 122-131.

УДК 902/903.5

ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЛАНИГРАФИИ I КАРДАЙЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© *Дзугоева Ангелина Александровна*

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории России ОГПУ
Евгеньев Андрей Александрович*

Аннотация. В статье рассмотрено распределение среднесарматских погребений в группах курганов I Кардайлловского могильника. Анализ материала показал их внутреннюю синхронность и некоторую обособленность внутри разнокультурного памятника.

Ключевые слова: среднесарматская культура, планиграфия, курганный могильник, погребения.

Изучение планиграфии некрополей является перспективным в исследовании курганных могильников среднесарматской культуры. Внутренняя планировка позволяет проследить этапы формирования некрополя, взаимосвязь отдельных погребений. При этом важно полное изучение памятника (Мещеряков, 2000).

I Кардайлловский могильник дал наиболее многочисленную серию среднесарматских захоронений в Южном Приуралье (Статистическая обработка, 2002). Он располагается на мысообразном краю I надпойменной террасы (коренной берег старичного русла) левого берега р. Урал, у с. Кардаилово Оренбургской области. Раскопки велись с 1977 по 1980 годы, под руководством Н. Л. Моргуновой и Н. М. Ледяева (Моргунова, 1996).

Памятник является разнокультурным, включает погребения ранней, средней и поздней бронзы. Ранний железный век представлен ранне- и среднесарматской культурами. Могильник, состоявший из 26 курганов, исследован полностью. Всего раскопано 54 погребения, из них к среднесарматской культуре можно отнести 20.

Рассмотренная топография могильника позволяет разделить его на 4 условные курганные группы, с содержанием в них среднесарматских погребений.

Группа I: погребения 3/1, 12/1.

Группа II: погребения 5/1, 11/1.

Группа III: погребения 14/1, 16/2, 16/3, 17/1, 17/2, 18/1, 18/2, 19/1, 20/1, 21/2, 21/4, 22/1, 23/1, 24/3.

Группа IV: 25/2, 26/3.

Погребения *группы I* расположены в северо-западной части могильника, являются основными и единственными в курганах. Захоронения совершены в широких, подквадратных ямах, с положением костяков по диагонали, на спине, головой на юго-запад. В обоих погребениях, помимо различных находок, характерных для среднесарматской культуры, были найдены куски мела, среднесарматскую дату дает меч без перекрестия и навершия в погребении 3/1.

Погребения *группы II* выявлены в курганах 5, 11, расположенных в северо-восточной части могильника, общей чертой которых является индивидуальная насыпь, прямоугольные ямы и положение костяка на спине головой на юг. Меч из погребения 11/1 со стержневидной рукоятью позволяет датировать комплекс рубежом эр (Васильев, 2013).

Погребения *группы III* (самой многочисленной) выявлены в курганах 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 расположенных в юго-западной части курганного могильника – всего 14 погребений. В семи случаях (14/1, 17/2, 18/1, 19/1, 20/1, 22/1, 23/1) они являются основными. Погребения 16/3, 21/4 и 24/3 были впускны в курганы других эпох, впускные погребения 16/2, 17/1, 18/2, 21/2 являются детскими.

Погребения совершены в ямах двух типов.

Тип 1 – ямы прямоугольной формы, с положением костяков вытянуто на спине головой в южную сторону.

Тип 2 – погребения совершены в ямах подквадратной формы, с диагональным положением костяка вытянуто на спине головой на юго-запад, 22/1 на юго-восток.

Следует отдельно отметить курган 16. В погребении 16/3 в разных частях погребальной конструкции среднесарматского захоронения были обнаружены останки разрушенного раннесарматского погребения с характерным инвентарем. Во впускном детском погребении 16/2 рядом с черепом была найдена антропоморфная женская статуэтка из мела. Исследователями такие статуэтки рассматриваются как маркер среднесарматской культуры I в. до н.э. – I в. н. э. (Богданов, 1998; Трейстер, 2020).

В погребении 24/3 найден железный кинжал с прямым перекрестием и кольцевым навершием, деревянные ножны которого были украшены костяными пластинками с изображениями Эрота и гирляндами из плюща, такой декор сопоставляют с памятниками II в. н. э. из Хатры и Сурх Котала (Трейстер, 2018).

Погребения *группы IV*. Данная группа представлена впускными женскими захоронениями в курганы эпохи позднего бронзового века, расположенные в южной части могильника. Погребения характеризуются близостью инвентаря, включающего керамику, железные ножи, обломки зеркал, пряслица.

Таким образом, погребения групп I, II, IV были обособлены как между собой, так и в контексте могильника, различались по формам ям. Самая многочисленная группа курганов III содержит погребения в двух типах ям с инвентарем, характерным для всего времени бытования среднесарматской культуры.

Рассматривая половозрастное распределение, можно сказать, что группа курганов IV специфична содержанием в себе только женских захоронений, в остальных группах существенное преобладание одного из полов не выявлено. Детские захоронения обнаружены только в группе III.

В могильнике нет обособленных групп курганов среднесарматской культуры. Все они, как правило, приурочены к курганам ранних эпох (ранняя и поздняя бронза, раннесарматская культура).

Несмотря на взаимовстречаемость погребального обряда среднесарматских захо-

ронений, в равном соотношении в рамках могильника, видна их внутренняя синхронность и при этом обособленность внутри отдельных групп курганов.

Только дальнейшее углубленное изучение погребального обряда, палеоантропологический анализ и палеогенетические исследования помогут выявить принципы формирования этих групп.

№ группы	№№ кургана / погребения	Погребальный инвентарь										Погребальный инвентарь												
		Форма ямы		Деревянная конструкция	Положение погребенного		Подстилка		Пол		Сосуды		Кости животных		Нож	Меч	Клинок	Железные наконечники стрел	Пряслице		Бронзовое зеркало	Украшения (бусы, подвески, серьги и т. п.)	Кусок мела	Фрагменты железного предмета
Подквадратная	Прямоугольная	Диагональное	Выгнуто		Меловая	Травяная	М	Ж	Горшки	Кувшины	Фляги	Алебастровые	Лопатка и передние ноги барана	Другие кости					Глиняное	Алебастровое				
I	3/1	С-Ю			Ю-3			V			V	V		V	V		V				V		V	
	12/1	С-Ю		V	Ю-3		V	V	V								V			V	V		V	
II	5/1		С-Ю			Ю	V			V		V												
	11/1		С-Ю	V		Ю	V	V		V		V	V	V	V	V								V
III	14/1	С-Ю			Ю-3		V		V	V		V	V	V				V		V	V	V	V	
	16/2		ССВ-ЮЮЗ	V		Ю-3														V			V	
	16/3	СЗ-ЮВ		V	Ю		V		V			V					V	V		V			V	
	17/2		ССВ-ЮЮЗ			ЮЮЗ	V			V		V					V							
	18/1		ССЗ-ЮЮВ			ЮЮВ		V	V			V					V							V
	19/1		С-Ю			Ю	V		V	V	V	V								V	V			
	20/1	С-Ю		V	Ю-3		V		V	V		V		V			V		V	V	V			V
	21/4	С-Ю		V	Ю-3		V			V	V		V											
	22/1	СВ-ЮЗ			Ю-В			V								V								
	23/1		С-Ю			Ю	V	V	V	V			V				V	V						
	24/3		С-Ю	V		Ю		V	V	V						V				V				V
IV	25/2	ССЗ-ЮЮВ			ЮЮЗ		V	V	V	V		V		V			V		V	V	V	V	V	
	26/3		С-Ю	V		Ю		V	V	V		V	V						V	V			V	

Таблица 1. Особенности погребального обряда и инвентаря I Кардаиловского могильника

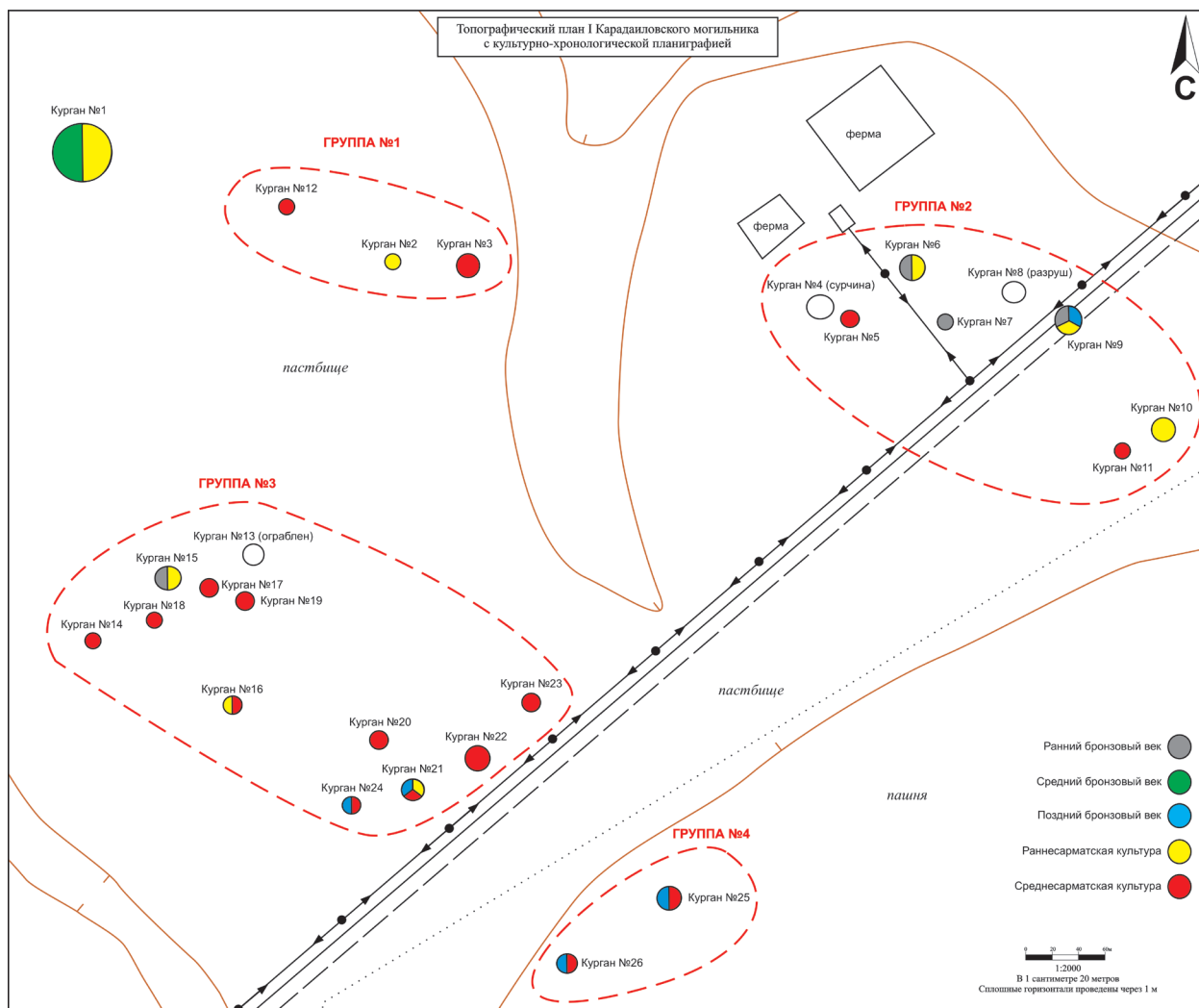

Рис. 1. Топографический план I Кардайловского могильника

Библиографический список

1. Богданов С. В. Идолы и амулеты сарматских погребений Урало-Казахстанских степей // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1. С. 44-52.
2. Васильев В. Н. Китайские мечи Урало-Поволжья и Юго-Восточного Приаралья // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2013. Вып. 13. С. 63-67.
3. Габелко Н. Л. Отчет о раскопках в Илекском и Красногвардейском районах Оренбургской области в 1977 году // Архив ИА РАН.
4. Габелко Н. Л. Отчет о раскопках курганов и поселений в Оренбургской области в 1978 году // Архив ИА РАН.
5. Ледяев Н. М. Отчет о раскопках Кардайловской курганной группы в Илекском районе Оренбургской области в 1980 г. // Архив ИА РАН.
6. Мещеряков Д. В. Топография и перспективы планиграфического изучения среднесарматских могильников Южного Приуралья // Материалы II Международного симпозиума «Степи Северной Евразии: стратегия сохранения природного разнообразия и степного природопользования в XXI веке». Оренбург: Газпромпечат, 2000. С. 132.
7. Моргунова Н. Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардайлово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР».

1996. С. 8-43.

8. Моргунова Н. Л. Отчет о раскопках в Илекском, Оренбургском и Красногвардейском районах Оренбургской области в 1979 году // Архив ИА РАН.

9. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура / Отв. Ред. М. Г. Мошкова. М.: Восточная литература, 2002.

10. Трейстер М. Ю. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н. э. – III в. н. э.) // МАИАСК. 2018. №10. С. 118-210.

11. Трейстер М. Ю. Алебастровая статуэтка из сарматского погребения в Южном Приуралье // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. Материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». К юбилею М. Г. Мошковой / Отв. ред. С. В. Сиротин. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 228-240.

УДК 903.43

ГОРОДИЩА НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА ПЕРМЬ

© *Зайцев Вадим Александрович*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь

Научный руководитель – старший преподаватель факультета социально-экономических и компьютерных наук НИУ ВШЭ – Пермь Мингалев Виталий Викторович

Аннотация. В исследовании представлены городища, расположенные в черте города Пермь: Субботинское I городище, Субботинское II городище, городище Ермаша I, городище Запруд I. Исследуется уровень защищенности данных городищ по методологии, предложенной Коробейниковым А. В. и Мингалевым В. В. Делается вывод о наличии замкнутой оборонительной системы у данных городищ и их способности противостоять известным угрозам.

Ключевые слова: городища, фортификация, великое переселение народов, пермское Предуралье, уровень защищенности, оборонительные системы, ранний железный век, уровень естественной защиты.

В отечественной археологии существует дискуссия о защищенности поселений ананьинской археологической культуры. Иванов В. А. в своем труде (Иванов, 1984) утверждал об их слабой защищенности, ввиду отсутствия у них стен. Оппонировал ему Борзунов В. А. В своей статье о городище Алтен Тау он обозначил, что все городища имели стены (Борзунов, 1997). В этой же статье он утверждал, что отсутствия стен не позволяло городищу обладать замкнутой оборонительной системой. Данная дискуссия, имеет ряд противоречий в своей сущности. Поэтому, на примере городищ города Пермь, попробуем разобраться в данном вопросе. Непосредственно на территории города Пермь расположены четыре археологических памятника, которые можно классифицировать как городища: Субботинское I и II городища, городище Ермаша I и городище Запруд I. Данные памятники

относятся к ананьинской и гляденовской археологическим культурам.

Субботинские городища были обнаружены в 1937 году. Первые крупные археологические работы были проведены в 1958 году начальником КАЭ – Обориным В. А. Им же была установлена датировка памятников VI-II вв. до н.э. (Оборин, 1972). Исследование городищ продолжилось в 1994 году Мокрушиным В.П. В 1998 году на территории городища Субботино II были проведены аварийные раскопки под руководством Соболевой Н. В. Впоследствии городища были обследованы еще два раза, в 2004 и 2011 гг., А. В. Усовым и М. Л. Перескоковым соответственно (Перескоков, 2011).

Городище Ермаша I было открыто Лепихиным А. Н. В 1994 году, под руководством Мокрушина В. П., были проведены работы на памятнике. Проведенные работы позволили отнести памятник к ананьинской археологической культуре. В 2002 году, были проведены охранные раскопки, также под руководством Мокрушина В. П. Было обнаружено множество находок материальной культуры. Впоследствии памятник исследовался под руководством А. В.Усова и М. Л. Перескокова, соответственно (Перескоков, 2011).

Городище Запруд I было открыто в 1950-е гг. В 1994 году В. П. Мокрушин провел фотофиксацию памятника и снял его план. В 2011 году памятник было обследован М. Л. Перескоковым. Были выполнены фотофиксация состояния памятника и уточнение топографической ситуации (Перескоков, 2011).

Методология имитационного моделирования, предложенная А. В. Коробейниковым и В. В. Мингалевым, подразумевает исследование городищ с позиции их уровня защищенности. Коробейников А. В. определяет уровень защищенности городищ, как функцию от суммы оборонительных свойств местности и оборонительных качеств сооружений (Коробейников, Мингалев, 2006, с. 57-64). Оценка защищенности городищ и их оборонительных систем только с позиции их первичных признаков, т.е. количества валов, площадки городища или наличия/отсутствия бревенчатых стен не имеет смысла, т.к. не учитывается теория возведения фортификационных сооружений. Согласно этой теории, оборонительные сооружения строятся, когда топографические свойства местности не позволяют обороняющейся стороне получить преимущества или же нивелировать преимущества атакующей стороны (Митчелл, 1940, с. 27). Любое фортификационное сооружение строится для защиты от конкретных угроз, которые известны «заказчику». Особенно это актуально для архаичных сообществ, из-за отсутствия государственного аппарата принуждения. Уровень фортификации прямо пропорционален угрозе, от которой она защищает.

Мингалев В. В. Перескоков М. Л. в своей статье (Перескоков, Мингалев, 2021, с. 158) выделяют следующие виды угроз: лобовая атака, обстрел, осада и скрытая атака. Стоит обозначить, что защищенность поселения от осады и скрытой атаки не зависит от оборонительных сооружений.

Субботинское I городище располагается на высоте 38-40 метров. С севера площадка городища защищена валом. Используя предложенную методику, рассмотрим возможность обороны городища от угроз. Вал с северной стороны защищает городище от обстрела. Следовательно, чтобы его обстрелять, нужно находиться у подошвы мыса. Исходя из формулы расчетов, представленных в монографии Коробейникова (Коробейников, 2005, с. 57-73), получаем, что $\frac{3}{4}$ площади городища было защищено от такого обстрела. Штурм также был бы обречен на провал, ввиду крутизны откосов мыса и наличия вала с напольной стороны.

Площадка Субботинского II городища состоит из двух уступов. Верхняя площадка городища с напольной стороны огорожена валом, как и нижняя. Верхняя площадка городища располагается на высоте 26 метров, а нижняя на высоте 24 метра. Получаем, что более

половины городища не защищено от обстрела с подошвы мыса. Однако стоит учесть, что жители городища могли использовать насаждения вечнозеленого кустарника, что может сильно уменьшить глубину видимой зоны для стрелка. Лобовой штурм все также остается маловероятным мероприятием.

Площадка городища Запруд I расположена на высоте 35 метров. Вал был уничтожен в ходе антропоморфной деятельности. Также сильно изменился и сам мыс. Однако, по теории фортификации, можно предположить, что вал был обращен к напольной стороне. Таким образом, городище было защищено от лобового штурма. Защищенное с напольной стороны от обстрела, городище было защищено и от обстрела с подошвы мыса. Только 18% площадки городища было доступно для прицельной стрельбы.

По аналогии с городищем Запруд I, городище Ермаши I сильно пострадало. По той же методике, выявляем, что лобовой штурм был бы мероприятием тяжелым, а от обстрела с напольной стороны городище было защищено валом. От обстрела с подошвы мыса было защищено примерно 11% от площади поселения.

Таким образом, опровергается точка зрения В.А. Борзунова, т.к. не все рассмотренные городища, обладали стенами и кольцевым валом, но были защищены от всех видов угроз и обладали замкнутой системой обороны.

Библиографический список.

1. Мокрушин В. П. Отчёт о раскопках по трассе газопровода ООО «ЛУКОЙЛ-ПНОС» в пределах Индустриального района г. Перми в 2002 г. // Архив кабинета археологии Пермского государственного национального исследовательского университета, 2003 г.
2. Перескоков М.Л. Отчет о проведении научно-исследовательских работ на памятниках археологии в городе Перми // Архив кабинета археологии Пермского государственного национального исследовательского университета, 2011 г.
3. Борзунов В. А. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // Российская археология. 1997. №1. С. 165-181.
4. Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. до н.э.) // М.: Наука, 1984. 88 с.
5. Коробейников А. В. Историческая реконструкция по данным археологии. Ижевск. 2005. 180 с.
6. Коробейников А. В. Об интерпретации параметров городищ // Оборинские чтения. Пермь, 2006. Вып. 4. С. 57-64.
7. Мингалев В. В. Фортификация многовальных городищ в Пермском Приуралье в эпоху Великого переселения народов: теория и интерпретации // Поволжская археология. 2021. №1. С. 155-170.
8. Митчелл У. Фортификация. М.: Воениздат, 1940. 148 с.
9. Оборин В. А. Субботинские городища // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М.: Знание, 1972. С. 130-143.

УДК 904

К ВОПРОСУ ОБ УНИКАЛЬНОМ САРМАТСКОМ ОРУЖИИ БЛИЖНЕГО БОЯ© *Захаров Сергей Владимирович*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград*Научный руководитель – ст. лаборант НИИАЛ им. В. И. Мамонтова ВГСПУ, соиск. уч. ст.
канд. ист. наук при отделе скифо-сарматской археологии ИА РАН
Гущина Анастасия Андреевна.*

Аннотация. В статье рассматривается каменная булава сарматского времени, которая считается уникальной находкой. Поднимается вопрос её происхождения в сарматских погребениях, исследуется принадлежность к ударному оружию типа кистень, выявляется степень её уникальности.

Ключевые слова: сарматы, оружие ближнего боя, булава, ударное оружие, уникальное оружие, кистень, сарматская эпоха.

Сарматское оружие ближнего боя уже длительное время является объектом изучения многих исследователей. За эти годы археологами был представлен широкий пласт находок, созданы классификации, а также установлены характерные предметы военного дела для каждого периода сарматской эпохи. Но иногда встречаются настолько редкие экспонаты, что исследователи присваивают им звание «уникальный».

Один из таких примеров – каменная булава, найденная при изучении курганного могильника Усть-Погожье в 1986 г. Об её уникальности заявили В. И. Мамонтов и В. В. Матаев (Мамонтов, Матаев, 2017, с. 107), а чуть позже В. И. Мамонтов подробнее охарактеризовал способ применения в бою этой булавы – через сквозное отверстие продевалась кожаная лента, т.к. маленький размер этого отверстия не позволял установить булаву на крепкую деревянную рукоять, и воин делал широкие замахи для ударов таким каменным «кистенем» – датировав её IV-III вв. до н.э. (Мамонтов, 2018, с. 155).

Интересен вопрос о происхождении этой находки в сарматском погребении, для ответа на который необходимо обратиться к предсарматскому времени.

Опуская каменный век, сразу рассмотрим эпоху бронзы, где булава была достаточно распространена. Об этом свидетельствуют археологические исследования, например, курганного могильника «Короли» и Ильёвского курганного могильника, где были обнаружены каменные булавы покровской (Мамонтов, 1969, с. 10) и катакомбной (Мамонтов, 1970, с. 7) культуры соответственно. Такой вид оружия был символом власти или определённого положения в военном подразделении и гражданского достоинства (Ельницкий, 1977, с. 217).

О широком распространении этого ударного оружия в бронзовый век на территории Северного Причерноморья заявлял А. И. Тереножкин, называя булаву традиционным предметом военного дела этого региона в тот период (Тереножкин, 1973, с. 139).

Ближе к раннесарматской эпохе такой вид оружия встречается всё реже. Небольшой список находок привёл А. И. Тереножкин, рассматривая военное дело киммерийцев, у которых был распространён другой вид ударного оружия – боевой молоток (Тереножкин, 1973, с. 139-141). Исследования продолжаются и из недавних работ есть упоминание о

найденной булаве в погребении Луговое 2/2 киммерийского времени у С. Г. Колтухова, датируемая VIII в. до н.э. (Колтухов, 2022, с. 38).

Практически отсутствует информация об использовании булавы савроматами. Так, у Н. Е. Берлизова можно найти лишь упоминанием о другом, но приближённом к булаве ударном оружии – о палице, однако это сделано без привязки именно к савроматской культуре, ограничиваясь периодом VII в. до н.э. – V в. н.э., который исследователь рассматривает в своей работе (Берлизов 2011, с. 80).

Иначе обстоят дела с находками скифского времени. Есть информация о найденной булаве в погребении, датируемом рубежом VII-VI вв. до н.э. (Ильинская 1973, с. 12), о железных и свинцовых булавах пишет В. С. Ольховский (Ольховский, 1991, с. 110). Интересно предположение Ю. А. Виноградова и В. А. Горончаровского о булаве как о символе власти у скифов, основанное на том факте, что такие находки были найдены только в погребениях скифской аристократии IV в. до н. э. на территории Боспора Киммерийского (Виноградов В. С., Горончаровский В. А., 2008, с. 24).

Следовательно, до начала сарматской эпохи булава как оружие не пропадает и продолжает существовать, благодаря чему можно сделать предположение, что наличие булавы может быть связано с влиянием скифской культуры на сарматские племена.

Рассмотрим другой аспект этой булавы – её определение В. И. Мамонтовым как «кистень». Удалось найти аналог – Б. В. Техов упоминает про булавы, в отверстиях которых были найдены останки кожи, используемые в ближнем бою как метательное оружие (Техов, 1977, с. 32). О том, что такой род находок может быть кистенем, пишет А. В. Крыганов (Крыганов, 1987, с. 67), однако он же ставит датировку появления первых кистеней VIII – начало IX вв. н.э., предполагая, что кочевники до этого не использовали их в том виде, которые известны в салтово-маяцкой культуре, отрицая предположения генезиса такого вида ударного оружия в скифо-сарматское время (Крыганов, 1987, с. 67).

Учитывая эти данные, можно предположить, что рассматриваемую булаву вполне реально считать неким прототипом появившегося у кочевников раннего средневековья кистеня. Возможно, появление такой формы ударного оружия, как у исследуемой находки из Усть-Погожья, произошло путём слияния булавы и пращи, которая встречается как у скифов (Ольховский, 1991, с. 110), так и у савроматов (Смирнов, 1961, с. 75), но это лишь предположение автора.

Тем не менее, найти другую информацию о булавах у сарматских кочевников не удаётся. В. И. Мамонтов единственный, на данный момент, исследователь, кто ввёл их в перечень оружия воинов сарматской эпохи, сделав это на основании одной находки.

Таким образом, найденная в курганном могильнике Усть-Погожье каменная булава действительно считается уникальной. Помимо того, что эта находка пока единственная в своём роде для сарматской эпохи, она относится к редко встречающемуся прототипу кистеня, оружия, появившегося у кочевников в раннее средневековье. Есть вероятность, что скоро археологами будут выявлены схожие находки, и тогда изучаемая булава действительно потеряет свою уникальность, именно поэтому этот вопрос остаётся актуальным.

Библиографический список

1. Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум. 2011. 320 с.
2. Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 332 с.

3. Ельницкий Л. Л. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск.: Наука, 1977. 256 с.
4. Ильинская В. А. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин // Советская Археология. 1973. №3. С. 3-23.
5. Колтухов С. Г. Киммерийцы степного и предгорного Крыма (погребальные памятники и «комплекты» IX-VII вв. до н.э.) // Археологические памятники Северного Причерноморья. Вып. 3. Симферополь.: ИТ «АРИАЛ», 2022. 116 с.
6. Крыганов А. В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // Советская археология 1987. №3. С. 63-69.
7. Мамонтов В. И. К вопросу об оружии ближнего боя сарматов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, №3. С. 153-158.
8. Мамонтов В. И., Матаев В. В. Материалы курганного могильника Усть-Погожье // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16, №2. С. 93-115.
9. Мамонтов В. И. Отчёт о работе Приволжского археологического отряда Астраханской экспедиции Ленинградского отделения ИА АН СССР. Волгоград, 1969 // Архив ВОКМ №28.
10. Мамонтов В. И. Отчёт о работе Приволжского археологического отряда ЛОИА АН СССР и Волгоградского музея краеведения. Волгоград, 1970 // Архив ВОКМ №29.
11. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
12. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 163 с.
13. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
14. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 240 с.

УДК 903.023:903-4

ОБЪЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТКРЫТЫХ СОСУДОВ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© *Ибрагимова Татьяна Андреевна*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь

*Научный руководитель – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин НИУ
ВШЭ-Пермь Мингалев Виталий Викторович*

Аннотация. Предметом исследования был объем открытых сосудов гляденовской культуры. Показатель объема рассматривался в корреляции с показателями радиуса и глубины сосуда. В контекст исследования были включены функциональные отверстия в стенках некоторых чаш. В результате статистического анализа из общей массы чаш была выделена группа сосудов ритуального назначения с количественными характеристиками.

Ключевые слова: объем сосуда, гляденовская культура, жертвенные чаши, подтип, радиус, глубина, корреляция, статистический анализ.

К открытым сосудам гляденовской культуры относятся чаши типа III по типологии Ю. А. Полякова (Поляков, 1999, с. 3). Тип III разделяется на подтип «А» (стенки сосуда отогнуты наружу) и подтип «Б» (стенки сосуда прямые или вогнутые вовнутрь).

Среди сосудов III типа отдельно выделяют жертвенные (гляденовские) чашечки (Перескоков, Павлова, 2010, с. 224) – сосуды, найденные на костыщах. Однако не все сосуды III типа, обнаруженные на костыщах, имеют ритуальное назначение, исследователи разделяют керамические комплексы костыщ на обрядовые сосуды и сосуды бытового функционала (Лепихин, 2007, с. 64). К жертвенным чашечкам относят сосуды «маленького» / «миниатюрного» размера (Голдобин, Мельничук, Перескоков, Чурилов, 2016, с. 43; Перескоков, Якимова, 2023, с. 170). Однако никто не указывает, какой должна быть чашечка, чтобы считаться жертвенной, а какая в эту категорию не входит.

Источниковой базой для исследования послужила естественная выборка из 153 сосудов с поселенческих памятников и костыщ. Большую часть выборки составляют сосуды с костыщ (71,2%, 109 сосудов). По данным исследователей сосуды III типа в большем количестве встречаются на костыщах, в меньшей степени на поселенческих памятниках (Лепихин, 2007, с. 64-71).

Так как для гляденовской культуры характерна фрагментарность керамических комплексов, собранные сосуды прошли этап графической реконструкции. Для этого использовался метод «characteristic points» (Birkhoff, 1933; Shepard, 1956, p. 225-227). После этого для каждого сосуда был подсчитан объем методом суммированных усеченных конусов (Senior, Bernie, 1995). Корреляционный анализ показал взаимосвязанность таких показателей как объем, радиус и глубина. На основе данных показателей был выполнен дескриптивный анализ.

Для разных типов памятников были высчитаны проценты соотношения подтипов открытых сосудов, минимальный и максимальный показатели объемов (табл. 1).

Для поселенческих памятников более характерны сосуды подтипа «Б», когда как для костыщ – подтипа «А». Объемы, несмотря на разные типы памятников, варьируются от 11-36 мл до >1000 мл. Однако, как можно заметить по графику распределения сосудов по объемам (рис. 1). Сосуды объемом больше 500 мл малочисленны, отдельной зависимости не формируют, однако стремятся к таким показателям как 500 и 1000 мл.

Тип памятника	Подтип «А» (%)	Подтип «Б» (%)	Минимальный показатель объема (мл)	Максимальный показатель объема (мл)
Городища/селища	25	75	36,45	1813,42
Костыща	69,72	30,28	10,75	1390,55

Таблица 1. Распространение подтипов открытых сосудов и характеристики показателя объема для разных типов памятников.

Сосуды объемом больше 500 мл попадают в статистический выбор при построении графиков соотношения радиуса и глубины, объема и глубины, объема и радиуса. Преимущественно это сосуды подтипа «Б».

Распределение сосудов на графике отношения радиуса к глубине равномерное, что исключает наличие у гляденовцев неглубоких, но широких сосудов и наоборот глубоких сосудов с маленьким диаметром. Следовательно, при увеличении, как радиуса, так и глубины будет увеличиваться объем, что подтверждается другими графиками.

На графиках соотношения объема к глубине и радиусу четко выделяется группа сосудов

объемом до 120 мл, чья глубина и радиус не превышают 4 см. Эта же группа выделяется на графике распределения сосудов по объемам (рис. 1). Однако на этом графике заметно, что группа не однородна и разделяется на 2 части – сосуды объемом от 10 до 50 мл и сосуды объемом от 80 до 120 мл. Также можно выделить группу сосудов объемом от 120 до 300 мл.

Несмотря на типологическое разделение сосудов III типа на подтип «А» и подтип «Б», на графиках распределения сосудов по объемам для каждого подтипа прослеживаются уже выделенные 3 группы объемов с некоторой разницей. На графике для подтипа «А» третья группа объемов находится в границах от 120 до 220 мл.

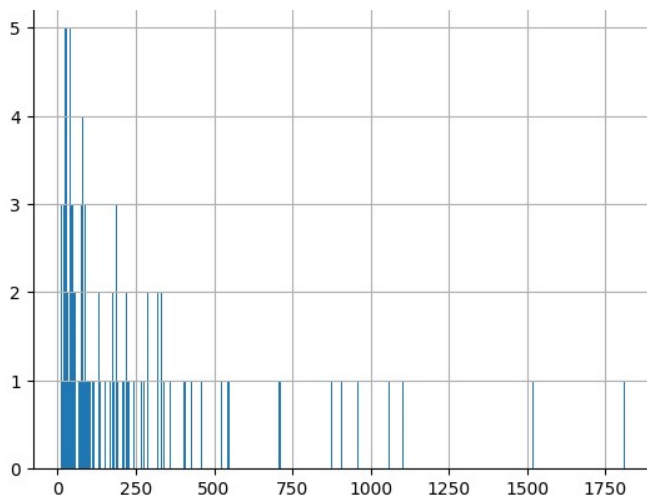

Рис. 1. Распределение открытых сосудов III типа гляденовской культуры по показателю объема

Для каждой группы объемов был вычислен средний показатель. Из-за того, что выборка естественная, использовался показатель медианы (табл. 2).

Средние показатели по подтипам существенно всего варьируются в третьей группе, разница составляет 40 мл. В двух других группах разница менее существенная.

Кроме этого, на костыщах было обнаружено 16 сосудов с функциональными отверстиями в стенках (12 – подтипа «А», 4 – подтипа «Б»). Объем таких сосудов варьируется от 11,44 мл до 117,26 мл., медиана составляет 25,45 мл. Диаметр отверстий равен 2-4 мм. В верхних частях отверстий фиксируются протертости, что может указывать на то, что их подвешивали.

Группа	Общий показатель	Подтип «А»	Подтип «Б»	% от общей выборки
10-50 мл	38,92	28,63	41,96	33,99
80-120 мл	94,13	82,85	93,13	19,61
120-220/300 мл	190,85	179,40	219,85	22,22

Таблица 2. Средние показатели объемов в разных группах

Большую часть выборки формирует керамика с костыщ, на которых преобладают сосуды подтипа «А». Чаши подтипа «Б» представлены в меньшем количестве и преимущественно составляют статистический выбор сосудов объемом более 500 мл., не формируя отдельной зависимости. Причина может быть связана с непреднамеренной археологизацией керамики на поселенческих памятниках. Исходя из этого, полученные данные больше характеризуют

керамику со святилищ.

Несмотря на то, что нельзя говорить о сакральном предназначении сосудов исходя только из статистического анализа показателей объемов, можно предположить, что сосуды объемом до 120 мл использовались для ритуальных целей, так как прослеживается группа сосудов, в которых при изменении глубины и радиуса (до 4 см) объем мало изменяется. К этой же категории можно отнести сосуды с функциональными отверстиями. Однако, это является гипотезой до проведения липидного анализа.

Также можно отметить, что несмотря на разделение гляденовских чаш на подтипы по форме, анализ их размерных характеристик по отдельности на данном этапе исследований не привел к разным выводам.

Библиографический список

1. Голдобин А. В., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л., Чурилов Э. В. Раннесредневековый культовый комплекс городища Усть-Сылва // Вестник Пермского университета. 2016. №1(32). С. 42-53.

2. Лепихин А. Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2007. 224 с.

3. Перескоков М. Л., Павлова А. О. Посуда Бутырского городища в контексте керамических комплексов финала раннего железного века Пермского Прикамья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. С. 224-229.

4. Перескоков М. Л., Якимова Д. А. Некоторые аспекты методики обработки и описания керамики раннего железного века Прикамья // Археология Евразийских степей. 2023. №2. С. 268-280.

5. Birkhoff G.D. Aesthetic measure. Harvard: Harvard University Press, 1933. 289 p.

6. Senior L. M. Bernie D. P. Accurately estimating vessel volume from profile illustrations // American Antiquity. Society for American archaeology. Vol. 60, №2, 1995. 319 p.

7. Shepard A. O. Ceramics for the Archaeologist. Washington: Carnegie Institution of Washington. Wash. D. C., 1956. 414 p.

УДК 930.26 (470.45)

РОЛЬ ЗЕРКАЛ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ САРМАТСКИХ КУЛЬТУР

© Каменева Юлия Александровна

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры истории и международных отношений ВолГУ Коробкова Елена Алексеевна

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантического значения зеркал и их места в культуре сарматских племен. В работе определяются изменения роли зеркал в

погребальном обряде в ранне-, средне и позднесарматских культурах. А также приведены примеры возможных близких семантических значений зеркал в культурах Восточной Азии.

Ключевые слова: Раннесарматская культура, среднесарматская культура, позднесарматская культура, погребальный обряд, зеркало.

Зеркала – уникальный элемент погребального обряда сарматской культуры. В отличие от бус, фибул, подвесок и т.д. зеркало у сарматов скорее всего не было связано с предметами красоты. Это может косвенно подтверждаться тем фактом, что бронзовые зеркала встречаются не только в женских сарматских погребениях, но и в мужских, и в детских. Помимо этого, многие зеркала умышленно повреждались, прежде чем оказаться в погребении. Очевидно, что сарматские зеркала обладали неким семантическим значением, которое вероятно изменялось с течением времени, о чем может свидетельствовать и погребальный обряд.

Если в ранне- и среднесарматской культурах зеркала встречаются как у женщин, так и у мужчин, то в позднесарматской культуре найти зеркала в мужских погребениях очень сложно. Также изменяется и «качество» зеркал. В раннесарматской культуре встречаются преимущественно разбитые зеркала или их фрагменты. В среднесарматской культуре возрастают находки целых зеркал. В позднесарматской культуре зеркала встречаются преимущественно целыми. Изменяется и место расположения зеркал в погребении. Если в раннесарматской культуре зеркала находятся возле головы умершего, то в позднесарматской культуре зеркала располагаются довольно разнообразно. Чаще всего зеркала кладутся у левого или правого плеча, однако зафиксировано их расположение на ребрах, на груди, у колен, под плечом. Все это свидетельствует об изменении семантического значения зеркал с течением времени (Балабанова, 2015, с. 31, 56-58, 235-237).

Определяя семантическое значение сарматских зеркал А. М. Хазанов предположил, что зеркала играли роль амулетов и оберегов. По его мнению, зеркала выступали и в качестве атрибута божественной власти, олицетворяющего жизненное начало, и в качестве источника магических сил (что, вероятно, связано с владельцем зеркала и его душой) (Хазанов, 1964, с. 94). Е. А. Коробкова считала, что находки зеркал в сарматских захоронениях могут быть связаны с воинским аспектом, военной магией. А также вероятные изменения функции и значения зеркал от «практической» военной магии у ранних сарматов, до зеркала как посредника между двумя мирами в среднесарматской культуре и бытовой вещи, приобретающей функции амулета-оберега среди поздних сарматов (Коробкова, 2003, с. 106-107). Е. В. Вагнер отметил изменения в религиозно-магических представлениях сарматов на основе зеркал и связал это с влиянием ритуалов и верований, привнесенных в сарматскую культуру «извне» (Вагнер, 2012, с. 174).

Другие культуры также наделяли зеркала особым сакральным смыслом. В Китае зеркало имеет солнечную и лунную символику. Отраженный от зеркала солнечный луч убивает бесов и зловредных духов, а зеркала особого типа («лунные зеркала») выставляются в полнолуние на улицу, чтобы использовать осевшую на них росу для приготовления целебных снадобий и ритуальных блюд. В китайской традиции зеркало не просто отражает реальность, но и позволяет познать сущность, истинную суть вещи или человека (Ханов, 2020, с. 53–54). В буддийской философии зеркала приобретают силу «очищения» – они входят в число храмовых принадлежностей и применяются для ритуала очищения воды (Гольцова, 2018, с. 59-60). Зеркало применяется и в даосских ритуалах. С помощью него освящают статую нового божества, причисляют нового бога к пантеону божеств (Антонова, 2019, с. 129). Здесь зеркало является символом возможности божества отличить добро от

зла. Похожей символикой обладает и зеркало одного из царей царства мертвых, Циньгуанвана. В отражении его зеркала все нечистые души видят свои грехи (Гольцова, 2018, с. 59).

В японской мифологии богиня Аматэрасу олицетворяет собой солнце, дневное небо. Однажды богиня спряталась в глубокой небесной пещере и весь мир покрыла бесконечная ночь. Чтобы выманить Аматэрасу из пещеры, другие боги изготовили бронзовое зеркало, драгоценные украшения и развесили их на дереве перед пещерой. Когда удивленная шумом снаружи богиня выглянула из пещеры, зеркало поймало её отражение и засияло. Завороженная Аматэрасу вышла из пещеры и солнце снова воссияло над миром. Зеркало и подвески, наполненные её божественной силой, стали двумя из трех императорских регалий (Фридман, 2022, с. 46).

Можно предположить, что поверхность зеркал, обладая способностью отражать световые лучи, воспринималась и сарматами как символ солнца, небесного светила. Не случайно во многих культурах традиционной была круглая форма зеркал, олицетворяющая собой солнечный или лунный диск. Говоря об этом, необходимо обратиться к иранской религии – зороастризму. Зеркало в зороастризме является отражением света вселенной. В современной традиции зеркало как ритуальный предмет используется в зороастризме во время празднования Нового года и свадебной церемонии (Дорошенко, 1982, с. 72-78).

Умышленной порче подвергались не только сарматские зеркала, но и сарматское оружие. Представления о родстве сущности зеркал и мечей имеются в различных культурах. В японской системе мифов предметы могут обретать разум по мере старения. Чаще всего это происходит с мечами и зеркалами (Фридман, 2022, с. 227). В китайской традиции известно высказывание: «Зеркало – это жизненный дух элементов металла и воды... Древние зеркала, как и древние мечи, подобны божествам» (Коробкова, 2003, с. 105). Иероглиф «зеркало» (цзинь) в Китае имеет ключ «металл». Стихии металла соответствует белый цвет (бай) – цвет траура, перехода за грань мира живых. В свою очередь, этимология иероглифа «белый» связана с изображением солнца и луча, который из него исходит (Дегтярников, 2014, с. 27; Лян, 2020, с. 207).

Таким образом, можно предположить семантическую связь зеркал как с символом солнца или с солнечным культом, так и воинской магией и потусторонним миром, где меч связан с телом человека (лишение жизни, разрушение физической оболочки человека), в то время как зеркало – с его душой (способность видеть сущность человека, предсказывать его судьбу). Вероятнее всего, какое-либо из этих представлений не было единым на протяжении всего сарматского периода и видоизменялось с течением времени, что и отразилось на месте зеркал в погребальном обряде сарматских культур.

Библиографический список

1. Антонова А.В. Ритуальные предметы магических практик в Китае: символы бессмертных // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. №2(12). С. 128-131.
2. Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология: монография // отв. ред.: д-р ист. наук М. А. Балабанова, д-р ист. наук А. С. Скрипкин; Волгоградский государственный университет. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
3. Вагнер Е. В. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. 2012. №1(21). С. 168-176.
4. Гольцова А. Д. Семиотика зеркала в китайской и славянской культуре // Китай:

история и современность: материалы XI международной научно-практической конференции Екатеринбург, 18-20 октября 2017 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. С. 56-62.

5. Дегтярников А. В. Значение цветов в традиционной китайской культуре // Вестник НАСА. 2014. №1(10). С. 26-29.

6. Дорошенко А. Р. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). М.: «Наука», 1982. 133 с.

7. Коробкова Е. А. О семантическом значении зеркал в сарматской культуре // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 103-107.

8. Лян Я. Символика цвета в китайской традиционной культуре // Научные исследования молодых ученых: сборник статей IV Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 25 июня 2020 года. Том Часть 1. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. С. 206-208.

9. Фридман Джошуа. Японские мифы. От кицунэ и ёкаев до «Звонка» и «Наруто» / пер. с англ. О. Чумичевой, В. Иванова. Москва: «Манн, Иванов и Фербер», 2022. 285 с.

10. Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 1964. №3. С. 89-96.

11. Ханов С. А. Орнитоморфные изобразительные образы в оформлении нескольких китайских бронзовых зеркал из музейных собраний и случайных сборов Сибири и Приморья // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, №2(35). С. 52-66.

УДК 902/904

ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА¹

© Каримбаева Зулхумар Расулжанкызы

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы

Северо-Восточный университет им. М.К. Аммосова, г. Петропавловск

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии ЕНУ
им. Л.Н. Гумилева, Хабдулина Марал Калымжановна*

Аннотация. В статье рассмотрена характеристика городищ и поселений раннего железного века Северного Казахстана, кратко излагается архитектура, конструкция жилищ и найденные артефакты. Результаты исследования позволяют более точно определить особенности культуры и хозяйственной деятельности населения Северного Казахстана, сочетавшего кочевое скотоводство и оседлый образ жизни.

Ключевые слова: Северный Казахстан, Ишим, ранний железный век, поселения, городище.

¹ По теме программы: ИРН BR18574175 Гунно-сарматская эпоха в истории Казахстана: междисциплинарное исследование, анализ и реконструкция.

В исследовании эпохи раннего железа долгое время использовались только материалы погребальных комплексов, так как поселенческие памятники отсутствовали. В настоящее время на территории Северного Казахстана открыто и частично исследовано около 10 оседлых памятников. Среди них – 3 городища: Актау, Ак-Ирий, Карлуга 1. Несмотря на ограниченное количество поселенческих материалов, существующие публикации при использовании комплексного системного подходов создают прочную основу для многогранного анализа культуры населения раннего железного века в Северном Казахстане.

В Северном Казахстане изучение поселений раннего железного века были начаты в 70-е годы XX века. Наиболее полно исследовано городище Актау на реке Ишим (Хабдулина, 1993, с.112-120). Городище с напольной стороны окружено оборонительными стенами. Общая площадь памятника 1700 кв. м. За пределами укрепления культурный слой не обнаружен. На территории городища открыты 10 жилищ двух типов: однокамерные и двухкамерные прямоугольные сооружения размерами 6-7 × 4-5 м. К тому же зафиксированы 60 столбовых ям, связанных с конструкциями оборонительной стены и прилегающих к ней жилых помещений (Кобланулы, 2019, с. 130).

По мнению исследователя – М. К. Хабдулиной городище относится к саргатской культуре и датируется V-III вв. до н.э. Памятник находится у южной кромки лесостепной зоны Западносибирской равнины.

Городище Ак-Ирий расположено в 70 км севернее города Петропавловска и в 1,5 км от села Далматово Кызылжарского района. Городище было обнаружено Г. Б. Здановичем в 1966 г. и датировано V в. до н.э. Планомерные раскопки его начаты 2004 году и проводятся с целью дальнейшей музеефикации памятника. Городище Ак-Ирий – это археологический памятник, который имел культово-хозяйственное и торгово-пограничное значение. В этом районе по Ишиму проходила ветка Великого шелкового пути. Площадь памятника составляет 22400 кв. м. На городище были исследованы производственные площадки для металлургического производства. Центральная часть городища имела просторную площадку с канавами и обводной дорогой, а на современной поверхности видны крепостной вал и оборонительный ров.

В ходе раскопок были выявлены главные и вспомогательные въезды на территорию городища, в культурном слое найдены раковины каури, использовавшиеся в древности в качестве средства обмена (Куприна, 2011, с. 98). Интересным является использование бересты в качестве гидроизоляционного материала в конструкции жилищ и наличие печей для обжига глины, и выплавки металла.

В начале 90-х годов XX века на территории поселения Кеноткель X были проведены раскопки, в результате которых был получен значительный археологический материал, включающий каменные, бронзовые и костяные изделия, а также керамику. Эти материалы характеризуют период перехода от бронзового к железному веку и свидетельствуют о заселении поселения горняками-ремесленниками. Обилие каменного инвентаря, железные шлаки и сведения о рудных месторождениях в верховьях реки Шагалалы подтверждают гипотезу М.К. Хабдулины о том, что на этом поселении, возможно, осуществлялся начальный технологический этап многоступенчатого металлургического производства (Хабдулина, 2003, с. 195).

Оседлые памятники раннего железного века Северного Казахстана представляют также поселения Карлуга I и Борки II, датированные IX-VIII вв. до н.э.

Поселение Карлуга I расположено на правом берегу Ишима в 35 км южнее города Петропавловска. В ходе исследования обнаружены ямы различных форм и содержания. Крупные ямы имеют подпрямоугольную форму и расположены по дуге на равном

расстоянии друг от друга, в то время как ямы маленьких размеров описывают внешнюю дугу. Обнаруженные зола и древесный уголь указывают на то, что ямы являются остатками жилых и хозяйственных конструкций.

Поселение Борки I было полностью разрушено во время добычи глины для кирпичного завода. Тем не менее, на сохранившейся наклонной площадке был исследован раскоп площадью 93 кв. м. Здесь были изучены остатки жилища I, угол жилища II и две хозяйственные ямы, находившиеся за пределами помещений (Кобланулы, 2019, с. 130-132).

На реке Селеты у села Таскора были проведены раскопки двух крупных поселений Таскора и Таскора 1. По керамическому комплексу и вещевым находкам поселения датированы раннесакским временем. Исследование включало детальный анализ топографии, планировки, конструкции жилищ и вещевых коллекций этих поселений. Сравнение керамического комплекса поселений с керамикой однослойного поселения Донгал дало дополнительные данные для датировки. Найденный бронзовый наконечник стрелы в культурном слое поселений Таскора также свидетельствует о раннесакском времени. Эти данные позволили пересмотреть датировку некоторых поселений, ранее отнесенных к эпохе поздней бронзы. Форма керамики, орнаментация, каменные орудия труда – мотыжки, песты и кости животных предоставляют материал по ранней форме оседлости и земледелия у кочевников Сарыарки (Бедельбаева и др., 2006, с. 165).

В 2003 году открыто поселение Тайжан, расположенное на правом берегу старицы реки Ишим. По керамике исследователи определили его как позднебронзовый и переходный от эпохи поздней бронзы к раннему железу. На поверхности вала и во рвах было собрано 281 фрагмент керамики, свидетельствующих о возможных жилищах типичных для донгальского типа. Все это подтверждает соответствие исследуемого поселения донгальскому типу памятников (Тлеугабулов, 2012, с. 90).

В 2016 году сотрудники НИИ археологии им. К. А. Акишева провели разведочные работы в Ерейментауском районе Акмолинской области с целью поиска поселенческих памятников в горном массиве и расширения археологической базы. Было обследовано 15 памятников, включающих 8 зимовок, 5 поселений и 2 могильника, поселения характеризуют период перехода от бронзового к железному веку и ранний железный век. Например, в поселения Карагайлы I были найдено каменное изваяние, с характерными изображениями сакского периода: лицо овальной формы, с глазами и ртом, с четко видной шеей (Кучеров, 2017, с. 39).

Изучение археологических объектов Северного Казахстана позволяет восстановить хозяйственную деятельность древнего населения, которая была сложной и многоотраслевой. Материал поселений и городищ раннего железного века свидетельствует о начальном этапе перехода к подвижным формам введения хозяйства. Эти памятники отражают культурный облик определенной части общины, которая обслуживала кочевую округу, контролировала и защищала обширную территорию. С укреплением и консолидацией новой производственной специализации начался процесс поляризации между кочевыми и оседлыми поселениями, что привело к тому, что оседлый компонент распространился за пределы этнической общности.

Библиографический список

1. Бедельбаев М. В., Варфоломеев В. В., Ильин Р. Центральнокзахстанское поселение Кыштан в системе памятников начальной фазы раннего железного века // Сохранения и изучения культурного наследия Алтайского края: Материалы Всероссийской науч-практ. конф. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 163-167.
2. Кобланулы М. Поселения раннего железного века Северного Казахстана: топография,

планировка, датировка. // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск: Хэйхэ, 2019. С. 130-132.

3. Куприна О. С. Памятники истории и культуры Северо-Казахстанской области. // Межвузовский вестник, 2011. Т.1. С. 97-94.

4. Кучеров П. О. Разведочные работы в 2016 г. В Ерейментауском горном массиве. // Материалы 55-й международной студенческой конференции МНСК – 2017: Археология (Новосиб. гос. ун-та.) Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 39-41.

5. Тлеугабулов Д. Т. Новый памятник донгальского типа Акмолинского Приишимья. // XLIV международная Урало-Поволжская студенческая конференция (Екатеринбург, 5-9 февраля 2012 г.): тез. докл. Екатеринбург: Урал ун-т, 2012. С. 89-91.

6. Хабдулина М. К. Поселение раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана: KULTEGIN, 2003. С. 189-214.

7. Хабдулина М. К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 112-143.

УДК 902.01

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ I ТЫС. Н.Э. ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© Каталов Иван Андреевич

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары

*Научный руководитель – старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова
Федулов Михаил Игоревич*

Аннотация. Металлические предметы вооружения I тыс. н.э. на территории Чувашии в основном известны по материалам городищ РЖВ и нескольким могильникам. В данной статье мы постараемся на основе имеющихся сведений провести сравнение предметов вооружения и сделать их общее описание. Для сравнения мы используем материалы мордовского Иваньковского могильника V-VIII вв.

Ключевые слова: Чувашская Республика, копье, стрела, дротик, кельт, нож, городища, ранний железный век.

С 1960-х гг. идёт накопление фактической базы данных о вооружении, но в основном за счёт случайных находок и шурфовочных работ на вновь выявленных объектах. Раскопками городища изучались только Н. В. Трубниковой, которая впервые описала и классифицировала предметы вооружения. До настоящего времени они не были объединены общей работой.

На данный момент на территории Чувашии насчитывается около 80 городищ периода РЖВ, относимых к позднегородецкой и, вероятно, раннемордовской культур. На них также найдены предметы, связанные с ананьинской и пьяноборской культур, основные ареалы

которых располагались восточнее.

С 1958 г. археологический отряд, возглавляемый Н. В. Трубниковой, занялся изучением памятников РЖВ на территории Чувашии. Ключевым памятником, раскопанным почти полностью, становятся городище у д. Сареево (Ножа Вар), а также более двух десятков городищ Волго-Сурского междуречья (Федулов, Семёнов, 2018, с. 137).

Выделяется несколько типов железных предметов вооружений.

Наконечники копий. Так, в Ивановском могильнике были обнаружены два копья. Длина первого более 40 см (рис. 1: 1). У него широкое и уплощённое перо, узкая коническая втулка. Второе копьё имеет листовидную форму пера, но оно более узкое и менее уплощённое (рис. 1: 2). Длина его пера и втулки была приблизительно равна. Похожий наконечник нашли на Сареевском городище (Ножа Вар) (рис. 1: 4). У него такая же длинная втулка и короткое листовидное перо с ребром по середине, на конце присутствует валик.

Можно сделать вывод, что на территории Чувашии использовались несколько видов копий. Также стоит помнить, что кроме военных целей они могли использоваться в земледелии и в охотно-промысловой деятельности (Циркин, 1984, с. 123), возможно этот фактор также влиял на процесс выбора различных видов копий.

Кельты. Данные металлические топоры имели широкий спектр применения в сфере военной и хозяйственной деятельности, что в свою очередь придавало им такие качества как универсальность и незаменимость.

Два топора были найдены на Ивановском могильнике. Первый, небольшого размера, с короткой втулкой и с чётко выраженным с двух сторон лезвием (рис. 1: 17). Другой более вытянутый, у него длинная втулка, а край лезвия слегка изогнут (рис. 1: 18). Подобные кельты были найдены на городище Ягаткинское и Ножа Вар (рис. 1: 19), у них присутствует глубокий разрез втулки и такая же небольшая рабочая часть. Подобные кельты широко использовались в странах Восточной Европы в первой половине I тыс. (Трубникова, 1964, с. 178).

Видовое разнообразие кельтов, по-видимому, зависело от удобства использования в выполнении различных задач.

Топоры. Что касается топоров, то их нашли значительно меньше, чем кельтов. Так в ходе экспедиции на городище «Ножа Вар» удалось найти два проушных топора, которые, по мнению Н. В. Трубниковой, предназначались для строительства (Трубникова, 1964, с. 138). Один черешковый топор удалось найти на Ягаткинском городище (рис. 1: 20). Скорее всего основными орудиями, которые выполняли функции топора были кельты.

Железные ножи. Найденных ножей РЖВ на территории Чувашии довольно много (более 20 экземпляров). Этот факт даёт возможность сделать их общее описание. В большинстве случаев, они имеют прямую спинку с уступом, а размеры не имеют единого стандарта, есть как крупные, так и небольшие экземпляры (рис. 1: 11, 15-16).

Кроме описанных, встречаются и другие варианты. Например, на Адабайском и Ягаткинском городищах были найдены ножи с изогнутыми спинками, у которых отсутствовал уступ (рис. 1: 9-10). На Сареевском комплексе поселений был найден нож с выемкой рабочей части, и как полагает Н. В. Трубникова, предназначался он для гравировки (Трубникова, 1964, с. 141).

Ножи, исходя из их универсальности применения, пользовались большим спросом, о чём свидетельствует их большое количество.

Наконечники стрел. Лидирующее место среди металлических находок периода РЖВ занимают наконечники стрел. В общей сложности их было найдено около 30 экземпляров. На Малахайском городище был найден двухлопастной втульчатый наконечник стрелы, по

бокам которого находятся шипы. На Сареевском комплексе поселений среди находок числятся трёхлопастные, черешковые стрелы (рис. 1: 21-22). Там же были обнаружены плоские, треугольные и листовидные стрелы (рис. 1: 25-26). Они использовались как для ведения боевых действий, так и для охоты. На территории Ивановковского могильника П. П. Ефименко удалось также обнаружить двух- и трёхлопастные наконечники стрел (Ефименко, 1975, с. 8).

Дротики. На сегодняшний день нам известно только об одном найденном дротике, на территории Сареевского комплекса поселений (рис. 1: 3). Он имеет втулку и его длина равна 29 см. Хотя, Н. В. Трубникова и писала, что данный тип вооружения использовался в то время довольно часто (Трубникова, 1964, с. 151), подтверждение этой теории на территории Чувашии пока не обнаружено.

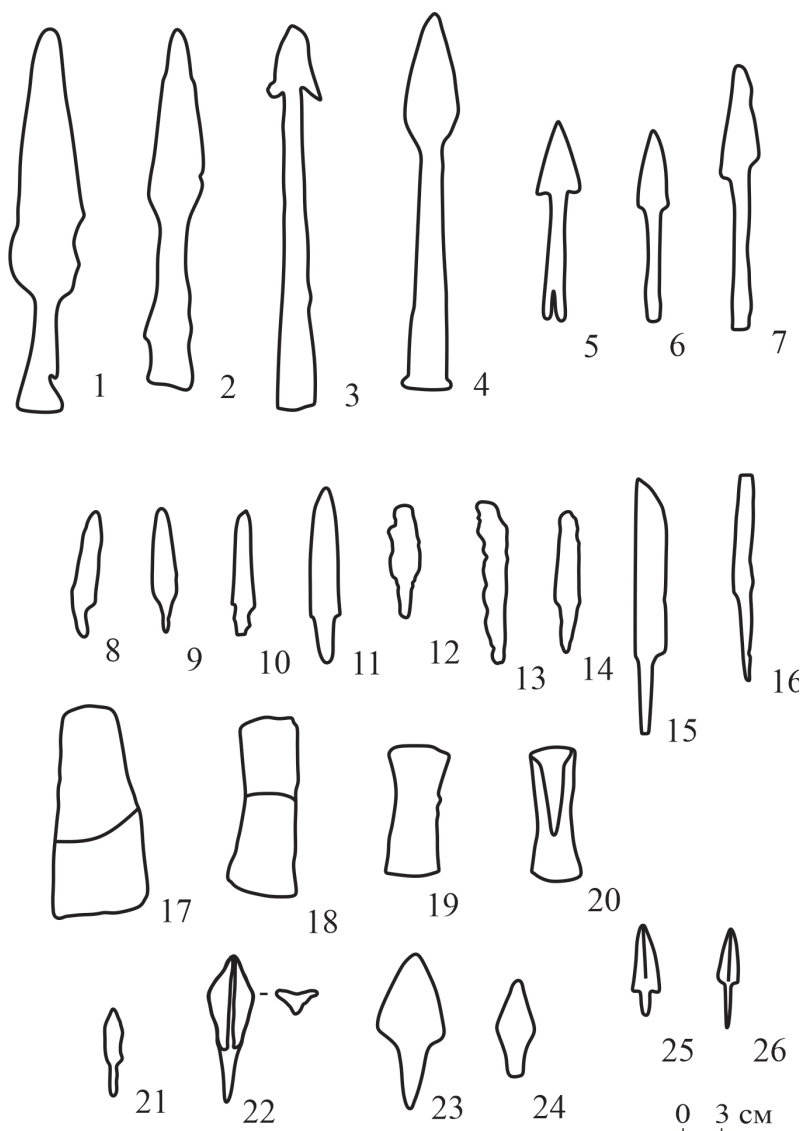

Рис. 1. Предметы вооружения:
3, 4, 9, 10, 11-14, 19, 21-24 – Сареевский комплекс памятников;
5-7, 15, 16, 20, 25-26 – Ягаткинское городище;
1, 2, 8, 17-18 – Ивановковский могильник.

Подводя итоги нашего исследования, мы выяснили, что арсенал металлического вооружения на территории Чувашии в эпоху раннего железного века был разнообразен. Нами была предпринята попытка объединить весь материал, который имеется по данной теме и систематизировать его. Кроме этого, мы постарались выявить особенности рассмотренных типов оружия и вкратце рассказать, как ещё могли применяться эти предметы помимо военного назначения. Для всех предметов вооружения (топоров, кельтов, копий, ножей) выделяется несколько типов, как широко распространенных, так и представленных единичными экземплярами.

Библиографический список

1. Ефименко П. П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. 1975. №48. С. 123-134.
2. Трубникова Н. В. Городища и селища раннего железного века в Северо-Западной

Чувашии // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах. 1964. №25. С. 117-157.

3. Трубникова Н. В. Отчёт о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // Вопросы археологии и истории Чувашии / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1960. Вып. 19. С. 38-82.

4. Циркин А. В. Древковое оружие мордвы и его хронология // Советская археология. 1984. №1. С. 123-134.

5. Федулов М. И., Семенов А. А. Пространственный анализ расположения и топография городищ раннего железного века Чувашского Присурья // Поволжская археология. 2018. №1(23). С. 137-149.

УДК 902/904

ХРОНОЛОГИЯ ОТКРЫТИЯ АНАНЬИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ВЯТКИ: КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Комарова Ульяна Васильевна

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

*Научный руководитель – зав. научно-исследовательской археологической лабораторией
Кайсин Алексей Олегович*

Аннотация. В статье описана хронология открытия ананьинских памятников и проанализированы источники, позволяющие сделать выводы о особенностях расселения АКИО на Вятке. Применяется картографический метод исследования, позволяющий очертить хронологические рамки выявления памятников и их территориальные особенности. Для анализа памятников АКИО на р. Вятке определен ряд критериев: тип памятника, его датировка, площадь, исследованная площадь.

Ключевые слова: ранний железный век, АКИО, картография, хронология, Вятка.

Ананьинская культурно-историческая (АКИО) область была распространена в бассейне р. Вятки в конце VII-III вв. до н.э. На данный момент выделяется 72 памятников: 60 – поселенческие, 12 – местонахождения.

Условно хронологию открытия памятников АКИО в бассейне р. Вятки можно поделить на три периода: кон. XIX в. – нач. XX в., 20-30 гг. XX в., 1950-1980 гг.

Открытие первых ананьинских памятников началось ещё в XVIII в. «Академической» экспедицией Н. П. Рычкова. Им было осмотрены и описаны Никульчинское и Чижевское городища. Это был случайный эпизод, лишь позволяющий надеяться на существование этих памятников.

В XIX в. коллекции составляли находки, найденные случайно местными жителями или собранные учёными в результате проведения небольших раскопок. В этот период памятники ещё не определялись как ананьинские, но некоторые из них были объединены в группу А. А. Спицыным как «костеносные», но памятники были неверно датированы эпохой бронзы.

П. А. Пономарев датировал памятники I-IX вв. н.э. Публикации печатались в журналах или газетах в виде кратких отчетов и носили малоинформативный характер.

В этот период памятники начинают относить к раннему железному веку. В 1910 г. вышел курс лекций В. А. Городцова «Бытовая археология», в которых он описал ананьинскую культуру и отнес ее к раннему железному веку. В 1919 г. вышла работа А. М. Тальгрена, в которой автор суммировал весь дореволюционный материал, относящийся к культуре раннего железного века (Збруева, 1952, с. 10).

В 20-30 гг. XX вв. действовала Вятско-Камская экспедиция антропологического института МГУ под руководством Б. С. Жукова. Целью экспедиции являлось получение как можно больше фактов о конкретно изучаемом отрезке времени (Збруева, 1952, с. 10). Именно экспедицией Б. С. Жукова было продатировано большинство памятников. В этот период было открыто всего два памятника: селище Покста II М. В. Талицким и Мальковское городище А. В. Збруевой.

Следующий период приходится на 50-е гг. XX вв. Связан он с деятельностью Марийской археологической экспедиции под руководством Г. А. Архипова и Удмуртской археологической экспедиции под руководством В. П. Денисова. Целью Марийской археологической экспедиции было выявление новых памятников и их изучение. МАЭ было выявлено около сотни памятников, два из них относятся к раннему железному веку: Каракулинское и Старобурецкое городища. Было обследовано несколько уже ранее известных городищ и дана их датировка.

	Кол-во открытых памятников	%	Кол-во изученного культурного слоя, кв. м	%
XIX в.	14	19,44	77	0,07
1920-1930 гг.	3	3,85	608	0,56
1950-1980 гг.	36	46,15	5317	4,93
1990-2020 гг.	7	8,97	2870	2,66
Итого:	60	83,33	8809	8,16

Таблица 1. Сведения об исследованиях памятников АКЦИО в бассейне р. Вятки.

Удмуртская археологическая экспедиция выявила также два памятника АКЦИО: Малмыжское и Буйское селища. Целью данной экспедиции было исследование района правобережья р. Чепцы, раскопки сопровождались разведками путем сплошных поисков на всей территории (В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, 1961, с. 76).

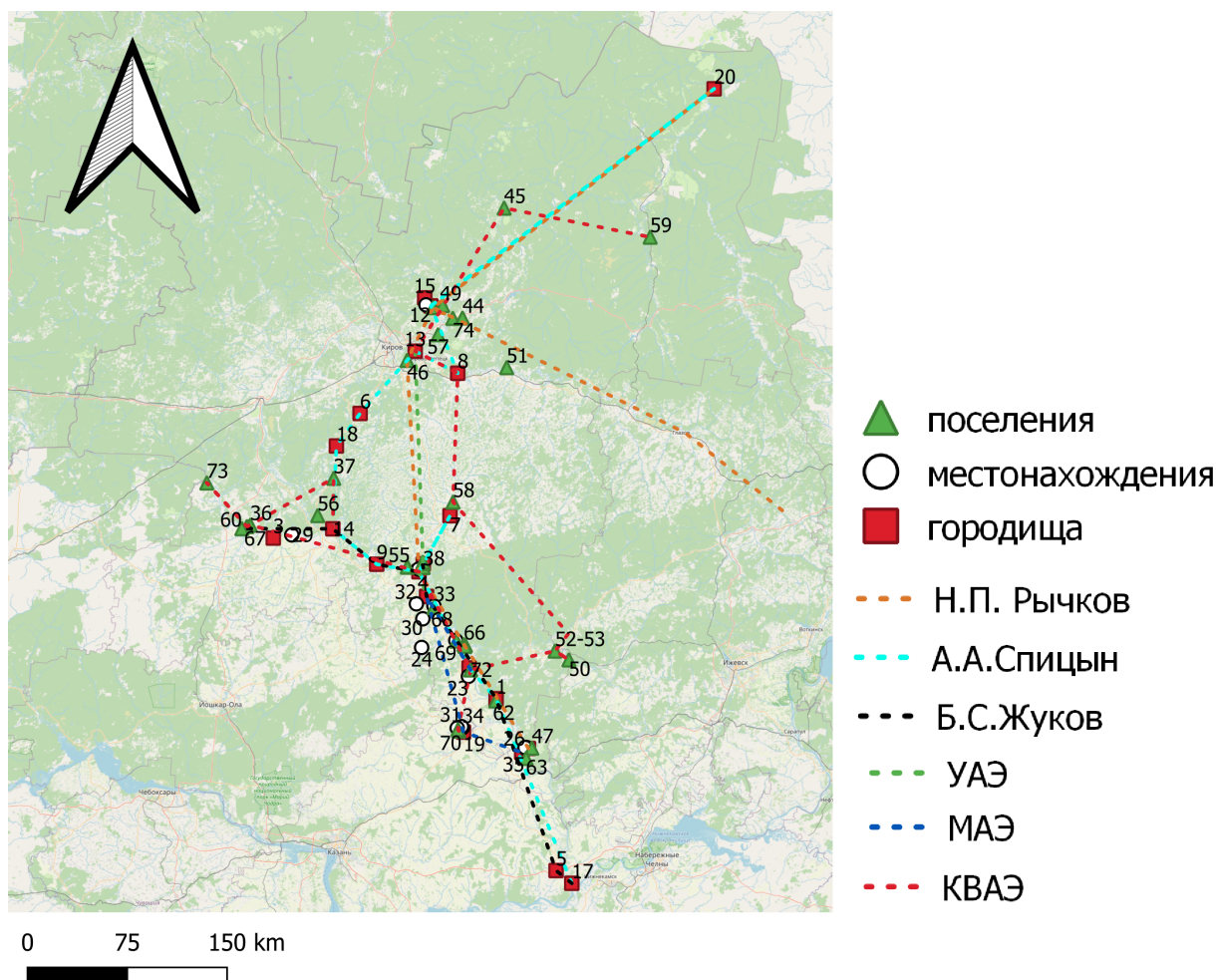
В 1970-80 гг. на р. Вятка исследования проводились Камско-Вятской археологической экспедицией. Её целью являлось обследование левобережных притоков р. Вятки, стационарные исследования всех эпох от мезолита до позднего средневековья и выявление специфики памятников в конкретную историческую эпоху (Р. Д. Голдина, 1999, с. 10). КВАЭ было выявлены памятники Черепанов Лог, Моторки, Моторки II, Худяковское поселение, Горское городище, Нижнее Карпово, поселение Перебор, Этанцы II, Шишкинское поселение, Ботылинское IV селище, Арбажский льназавод, Боровка I.

В 1989 и 1990 гг. В.В. Ванчиков отрывает поселения Тюм-Тюмское III, Цепочкинское I-II и Мысы III-V.

Во второй половине XX в. памятники начали исследоваться путем крупных площадных раскопок. Тенденция продолжилась и в XXI в. В 2012 г. Е. М. Черных и А. А. Чижевский проводят раскопки на Скорняковском городище (Чижевский А. А., Черных Е. М., 2016, с. 7).

Ими было выявлено несколько этапов заселения памятников. Радиоуглеродный анализ позволил точно датировать городище V-III вв. до н.э. В 2019 г. Э. И. Оруджов проводит раскопки на Чижевском городище (Оруджов, 2020, с. 196), а в 2020 г. – на Наговицынском (Оруджов, 2023, с.76). В результате исследований Чижевского городища был выявлен слой VI-VII вв. до н.э, который считался уничтоженным.

Хронология открытия ананьинских памятников отражена на карте (см. рис. 1).

- 1 – Аргыжское, 2 – Белоглазовское, 3 – Буйское, 4 - Грохань, 5 – Истобенское, 6 – Каракульское, 7 –Ключевское, 8 – Кривоборское, 9 – Лебяжское, 10 – Малмыжское, 11 – Мальковское, 12 – Наговицынское, 13 – Никульчинское, 14 – Пижемское, 15 – Подрельское, 16 – Ройское, 17 – Свиногорское, 18 – Скорняковское, 19 – Старобурецкое, 20 – Чижевское, 21 – Варининская, 22 – Дубровинская, 23 – Киньерская, 24 – Лопьяльская, 25 – Марушинское, 26 - Наживинская, 27 – Новоятская, 28 – Нуринерская, 29 – Обуховское, 30 – Петряевское, 31 – Усть-Курьинское, 32 – Федорищевское, 33 - Цепочкинское I, 34 – Дубровкинская, 35 – Каракульское, 36 – Арбажский льназавод, 37 – Боровка I, 38 – Буй I, 39 – Ботылинское IV, 40-43 – Градобоево I-IV, 44 – Дереганцы, 45 – Грехневское I, 46 – Концовское, 47 – Кордон, 48 – Малиновское, 49 – Махны, 50 – Моторки II, 51 – Мотоус, 52-53 – Муки-Какси 1,2, 54 - Мысы V, 55 - Мысы IV, 56 – Нижнее Карпово, 57 - Первомайское, 58 –Перебор, 59 – Пешерское , 60 – Покста II, 61 – Мысы I, 62 – Проходная Лоза, 63 – Слудка, 64 – Тюм-Тюмское I, 65 – Тюм-Тюмское III, 66 – Тюм-Тюмское IV, 67– Худяковское, 68 -Цепочкинское II, 69 – Черепанов Лог, 70 – Чутай I, 71 – Чутай II, 72 – Шишкинское, 73 – Этанцы II, 74 – Яговкинское.

Рис 1. Карта открытия памятников АКЮ в бассейне р. Вятки

За прошедшее столетие с начала открытия ананьинских памятников в бассейне р. Вятки есть несколько знаменательных вех как в организации исследований, так и в их проблематике.

Первая – связана с периодом 20-30 гг. XX в., когда памятники АКИО датировали. С этого момента начинаются организованные исследования памятников раннего железного века, которые вводятся в научный оборот. Следующая – приходится на 1950-1980 гг., которые являются расцветом изучения АКИО. Успех этого времени обусловлен задачами, которые ставили перед собой различные экспедиции, а именно: открытие новых памятников и их изучение, сбор как можно большего материала, а также активное введение этого материала в научный оборот. Это позволило выявить перспективу открытия других памятников.

История открытия памятников позволила создать картографическое описание, хронологию открытия и пути экспедиций, которые открывали памятники АКИО. На данный момент не обнаружен ни один могильник. Можно предположить, что они находятся недалеко от поселений, недалеко от левых берегов рек Пижма, Вятка, Чепцы, где наблюдается самое большое скопление поселений. Есть вероятность, что памятники не обнаружены в результате абразии берегов.

Помимо этого, есть городища, которые последний раз изучались в 1920-1930 гг. Б. С. Жуковым: Белоглазовское и Грохань. Некоторые селища не введены достаточно в научный оборот, из-за чего нельзя точно сказать, насколько памятники сохранились на сегодняшний день.

Библиографический список:

1. Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи. Ижевск, 2006. 220 с.
2. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. Т. V.– М.: Академия Наук СССР, 1952. №30. 323 с.
3. Генинг В. Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии // Вопросы археологии Урала, 1961. Вып. 1. с. 76
4. Митряков А. Е., Черных Е. М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных» городищ // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань: Отечество, 2014. Вып. 20. С. 147-186.
5. Рычков Н. П. Продолжение Журнала или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб, 1772. 133 с.
6. Чижевский А. А., Черных Е. М., Хисяметдинова А. А., Митряков А. Е., Спиридонова Е. А., Кочанова М. Д., Алешинская А. С. Скорняковское городище на Вятке // Археология Евразийских степей, 2016. Вып. 22. С. 156.
7. Оруджов Э. И. Археологические раскопки на Наговицынском городище (последняя четверть V-III в. до н. э.) в 2020 г. // Историко-географический журнал. 2023 Т. 2 №2. С. 76-83.
8. Оруджов Э. И., Кайсин А. О. Топографические и культурно-хронологические аспекты в изучении Чижевского городища // Поволжская археология. 2020. №3.

УДК 903.5

ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ БАРАНОВКИ В КОНТЕКСТЕ СИНХРОННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ

© *Леухин Евгений Валерьевич*

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Научный руководитель – к.и.н., доцент, Клепиков Валерий Михайлович

Аннотация. Памятники предскифского времени относят к IX-VII вв. до н.э. Ареалом обитания культур этого времени обычно называют причерноморские территории на Украине, в Крыму, а также территории Дона, Кубани и Северного Кавказа. Но, исходя из археологических данных, мы видим, что памятники этих культур фиксируются и за пределами этого ареала, к востоку от него. В статье рассматривается погребение из Барановки-I, а вместе с ним и различные погребения со схожим сопутствующим инвентарем и погребальным обрядом.

Ключевые слова: ранний железный век, предскифское время, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

В 1989 году в могильнике Барановка-I было раскопано впускное погребение 10 кургана 11, которое относят к предскифскому времени (рис. 1: 1). Этот могильник расположен на левом берегу р. Иловля, недалеко от с. Барановка. Погребение находится в самом центре кургана и имеет в плане прямоугольную форму. В могильной яме найден костяк, лежавший на спине, вытянуто, головой на запад. Сопутствующий инвентарь представлен остатками кожаного колчана с наконечниками стрел; роговой стержень с костяными кольцами, а также железный наконечник копья. В насыпи погребения были найдены следы дощатого перекрытия. Для датировки погребения наиболее важными являются бронзовые наконечники стрел, длиной от 3,7 до 5,2 см, по которым И. В. Сергацков определил дату комплекса. В определении хронологических границ важен и железный втульчатый наконечник стрелы, который находит аналогию в погребении у с. Зольное, отнесенном к новочеркасской культуре. Автор делает вывод, что данное погребение относится к новочеркасской культуре и датируется VIII – нач. VII в. до н.э. (Сергацков, 1991, с. 240).

Для новочеркасской культуры характерны следующие находки: двухлопастные, длинновтульчатые, с ромбовидной головкой бронзовые наконечники стрел; бронзовые трехпетельчатые псалии с концом в виде лопасти; удила, состоящие из двух звеньев с двукольчатыми внешними окончаниями. В погребальном обряде характерно вытянутое положение костяка на спине, ориентированное головой на запад.

В 1998 году на левом берегу р. Баланды, между селами Радушинка и Александровка (рис. 1: 4), было обнаружено 55 предметов погребального инвентаря, костяк обнаружен не был. В состав инвентаря входят: уздечные принадлежности (удила, псалии); украшения коня; орудия труда; набор наконечников стрел. Набор наконечников состоял из 17 бронзовых и 2 железных наконечников. Бронзовые наконечники имеют двухлопастную длинновтульчатую форму и схожи с наконечниками из инвентаря Барановки-I. Еще одним подтверждением того, что это погребение можно отнести к новочеркасской культуре, являются бронзовые трехпетельчатые псалии с концом в форме лопасти, которые относят к новочеркасскому

типу (Тихонов, 2000, с. 150). Также в инвентарь входят железные орудия труда. Этот набор орудий обычно встречается на ранних этапах скифского времени. Это дает повод отнести погребение к переходу от предскифского к скифскому времени к VII в. до н.э.

В 1887 году были проведены раскопки кургана недалеко от хутора Обрывский Чернышевской станицы, на реке Чир (рис. 1: 2). Сведений о погребении нет, но известно, что на глубине 1 м были найдены вещи: бронзовые удила с двухколычатыми концами с дополнительными звеньями; бронзовые трехпетельчатые псалии с концом в виде лопасти; колчаный набор (Тереножкин, 1976, с. 54). Псалии идентичны находкам, найденным у села Радушинка. В колчаный набор входят 63 бронзовых наконечника, большую часть которых представлена наконечниками новочеркасского типа. Псалии и набор бронзовых наконечников стрел помогают отнести эти находки к новочеркасской культуре и датировать их VIII-VII вв. до н.э.

В 1904 году у с. Кише Черноярского уезда (рис. 1: 3) Астраханской губернии, была найдена пара псалиев трехпетельчатых с концом в форме лопасти новочеркасского типа (Тереножкин, 1976, с. 48). Псалии идентичны находкам, сделанным в 1998 году у сел Радушинка и Александровка. Сведений о каком-либо погребении не сохранилось, имеются только эти находки, которые можно отнести к VIII-VII вв. до н.э.

В 1959 году были проведены археологические работы у с. Зольное (рис. 1: 5). Раскопан курган, в котором находилось погребение предскифского времени. Форма погребения прямоугольная, на дне в вытянутом положении на правом боку лежит костяк, головой на юго-запад. При нем были обнаружены: глиняный сосуд кизилкобинского типа; длинный железный меч с низким грибовидым навершием, точильный брус; колчаный набор; бронзовые удила и псалии. В колчаный набор входят 33 наконечника, в том числе 24 бронзовых наконечника новочеркасского типа (Тереножкин, 1976, с. 45). Бронзовые трехпетельчатые псалии с концом в виде лопасти также отсылают нас к новочеркасской культуре. Найденный материал находит аналогии в погребении из Барановки-I по погребальному обряду, а частично и по инвентарю и, скорее всего, относится к VIII-VII вв. до н.э.

В 1972-1974 гг. были проведены раскопки кургана у с. Белоградец, Варненского округа в Болгарии (рис. 1: 6). В кургане было обнаружено погребение с остатками бревенчатого полусожженного склепа. Могильная яма прямоугольной формы. На дне погребения лежал мужчина, в вытянутом положении, ориентированный головой на запад. При нем были обнаружены набор инвентаря, в который входили железный кинжал с золотой обивкой от ножен; колчан с набором бронзовых наконечников стрел; железный наконечник копья; золотые украшения; биконическая корчага фракийской культуры (Тереножкин, 1976, с. 35). Г. Тончевой были опубликованы следующие вещи: железный кинжал с длинной плоской рукояткой, низким грибовидным навершием и длинным клинком; золотая обивка с янтарными вставками; набор бронзовых наконечников стрел, в основном в этом наборе находились наконечники жаботинского типа, но также имеются и наконечники новочеркасского типа. Этот памятник по погребальному обряду практически идентичен погребению из Барановки-I, также схожи и найденные наконечники стрел новочеркасского типа. Тереножкин используя определение Г. Тончевой (Тереножкин, 1976, с. 36), относит погребение к фракийской культуре, но рассматривая погребальный инвентарь, прослеживается влияние новочеркасской культуры и относится это погребение к VIII-VII вв. до н.э. Также сходен и погребальный обряд.

Подводя итог, можно сказать, что на основании наконечников стрел и псалиев, все вышеперечисленные объекты, относятся к новочеркасской культуре. Представленные памятники находятся на большом расстоянии друг от друга, что можно объяснить временем

«обретения родины» у кочевников этого времени, отражением чего выглядят разрозненные одиночные впускные захоронения, не привязанные к компактным могильникам, формирующимся на этапе обретения стационарных маршрутов и фиксированной территорией кочевания.

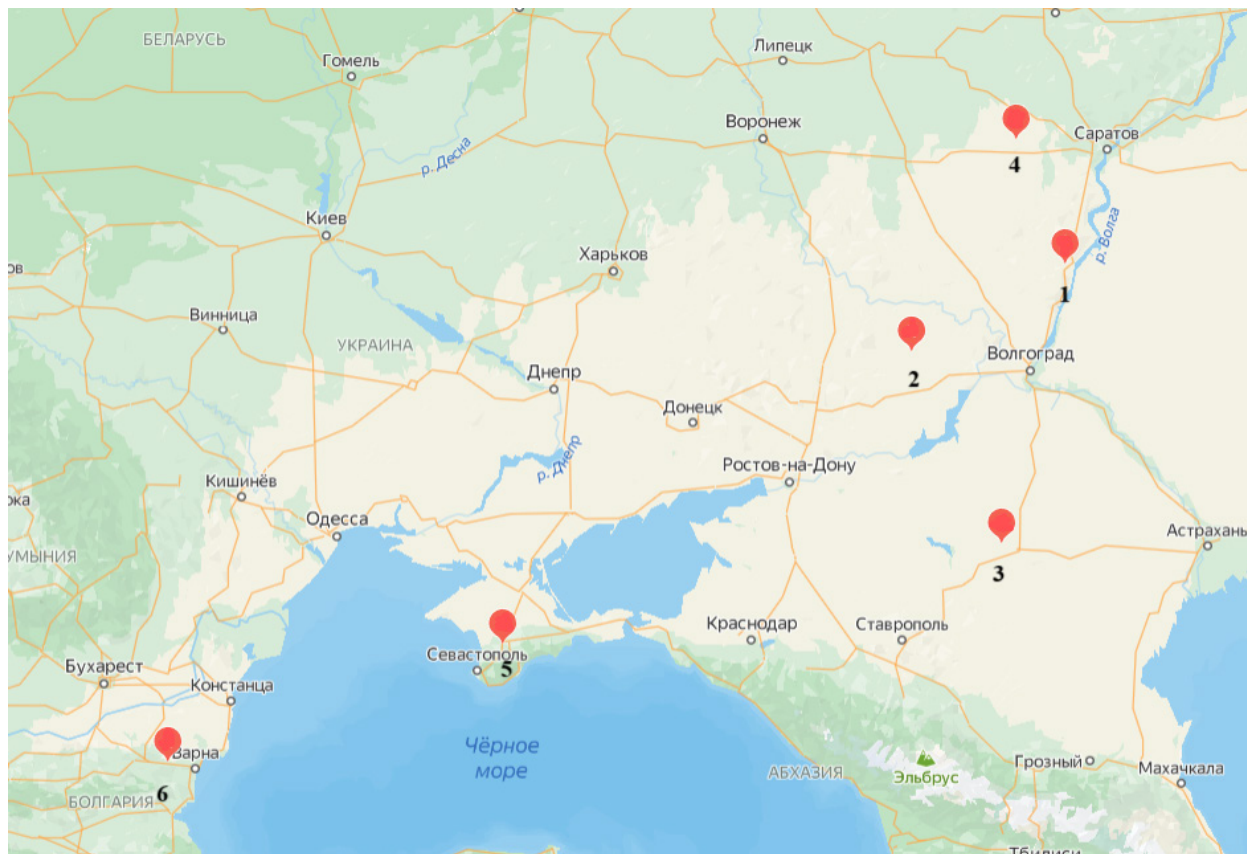

Рис. 1. 1 – Барановка; 2 – Обрывский; 3 – Кише; 4 – Радушинка; 5 – Зольное; 6 – Белоградц

Библиографический список

1. Сергацков И. В. Погребение предскифского времени на Иловле // Советская археология. 1991. С. 240-244.
2. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: издательство «Наукова Думка», 1976. 223 с.
3. Тихонов В. В. Новый комплекс киммерийского времени из Саратовской области // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии : Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. В. Синицына (1900-1972). Саратов-Энгельс, 2000. С. 149-150.

УДК 904

НАХОДКИ В ДЕТСКИХ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ В КАЛАЧЕВСКОМ РАЙОНЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ В.И. МАМОНТОВА)© *Маслова Алиса Владимировна*

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград

*Научный руководитель – ст. лаборант НИИАЛ им. В. И. Мамонтова ВГСПУ, соиск. уч. ст. канд. ист. наук при отделе скифо-сарматской археологии ИА РАН**Гуцина Анастасия Андреевна*

Аннотация. В статье приводится анализ могильного инвентаря из детских сарматских погребений Калачевского района Волгоградской области из материалов волгоградского археолога В.И. Мамонтова.

Ключевые слова: сарматы, могильный инвентарь, Нижнее Поволжье, детские погребения, сарматская культура, Первомайский, Вербовский.

Исследователи, изучая сарматскую культуру в Нижнем Поволжье, больше внимания обращали на анализ взрослых погребений. Детские чаще рассматривались с антропологической и палеопатологической точек зрения (Зубарева, 2016; Перерва, 2017).

В исследовании проанализированы 11 индивидуальных погребений детей возрастом от 0 до 18 лет из курганных групп Первомайский и Вербовский Калачевского района Волгоградской области.

В основном это погребения детей до двух лет с могильным инвентарем не превышающем два предмета, но в курганном могильнике Первомайский I встречено исключение (к. 5, п. 1). В погребении подростка найдены железные наконечники стрел; фрагмент железного ножа. Погребение, возможно, принадлежит молодому сарматскому воину, активному участнику грабительских набегов-балцов, которые знаменовали переход в класс мужчин-воинов. (Белоусов, 2010). Там же найдены кости барана, стеклянные бусы и фрагментированный сероглиняный сосуд (в ногах) (Мамонтов, 1994).

Похожее расположение керамики отмечено в п.6 к.3 курганного могильника Первомайский XII. На дне ямы в вытянутом положении на спине лежал скелет ребенка 7-10 лет. Могильный инвентарь – глиняный горшочек (в ногах) с отогнутым наружу венчиком, на площадке нанесен круговой ряд нажимов круглой палочкой (Мамонтов, 1991). Согласно В. А. Дёмкину и Я. Г. Рыскову, расположение керамики может быть связано с содержимым сосудов, в ногах чаще располагали посуду с кашей или бульоном (Краева, 2015).

Всего в курганном могильнике Первомайский XII (1991, 1996 г.), было обнаружено 4 детских сарматских захоронения (2-подростки; 2-дети до года). Лишь два имеют могильный инвентарь: одно погребение, описанное выше; другое – грудного ребенка. Скелет лежал на спине в вытянутом положении на подстилке из органики (п.9 к.3). Могильный инвентарь – небольшой толстостенный горшочек с прямым высоким венчиком лепной работы (там же).

В курганном могильнике Первомайский I (п.2 к.12) встречено детское погребение (1-2 года), где скелет лежал на органической подстилке в вытянутом положении на спине. Могильный инвентарь – фрагменты сероглиняного кувшина с высокой горловиной и реповидным туловом (Мамонтов, 1985). Данные погребения не датированы автором

экспедиции.

Всего датированы 5 погребений: 3 – позднесарматский период, 1 – среднесарматский период, 1 – раннесарматский период.

В кургане Первомайский XIII нашли скелет подростка раннесарматского периода (п.2 к.2). Могильный инвентарь - бусина ромбовидного очертания светло-желтого стекла (III в. до н. э. – II в. н.э.); стеклянная бусина в виде капельки с отверстием в верхней части (II-I вв. до н.э.); округлые бусины синего и желтого цвета; мелкая бусина с рубчатой поверхностью (III-II вв. до н.э.) (Мамонтов, 2011, с. 152). По мнению О. Н. Мошевой, украшения синего цвета – часть погребального костюма, символизировавшая священные воды или небеса, которые встретят умершего в ином мире (Мошева, 2019).

Погребение среднесарматского периода представлено захоронением грудного ребенка, скелет разрушен (*курганый могильник Вербовский III, к. 8, п. 2*). Могильный инвентарь – ручка от стеклянного канфара светло-зеленого цвета; лепной глиняный сосуд асимметричной формы вертикальной пропорции. Внутри сосуда на стенках были видны пятна от пищи (Мамонтов, 2012).

М. А. Балабанова отмечает, что у позднесарматской популяции уровень детской смертности далек от нормы (Балабанова, 2000). Выборка нашего исследования не позволяет проанализировать взаимосвязь количества детских погребений от периода сарматской культуры.

В п. 1 к.13 курганного могильника Первомайский X в погребении грудного ребенка, помимо глиняной кружки со следами налета от пищи, могильный инвентарь представлен курительницей, стояла на устье кружки. Край курительницы отогнут наружу, горловина резко переходит в ребро.

В этом же курганном могильнике встречено еще одно захоронение грудного ребенка (*к.12 п.1*). Могильный инвентарь – лепной глиняный сосуд, который стоял около черепа ребенка. Край венчика отогнут наружу и украшен косыми ударами круглой палочки (Мамонтов, 1982).

Интересен могильный инвентарь из к. 3 п. 5 курганного могильника Первомайский IX - бронзовая бляшка от ремня и пастовая цилиндрическая стеклянная бусина. Такие бусы встречаются в погребениях позднесарматской культуры I-II вв. н.э. (Матаев, 2011).

Таким образом, керамические изделия – самый распространенный могильный инвентарь в детских погребениях (*8 из 11 случаев*). Выборка нашего исследования не позволяет выдвинуть гипотезы не только ввиду малочисленности погребений, но и из-за того, что больше половины детских погребений точно не были датированы руководителем экспедиции. Однако данная работа обращает внимание на проблемы изучения детских сарматских погребений. Исследователям еще предстоит ответить на вопросы отличия детских и взрослых погребальных обрядов и выявить в какой период детская смертность была высокой.

Библиографический список

1. Балабанова В.А. Демография поздних сарматов // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 201-209.
2. Зубарева Е. Г. Сарматские детские погребения в Нижнем Поволжье (остеометрический аспект) // European science. 2016. №12(22). С. 19-21.
3. Краева Л. А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. 2015. №3(12). С. 90-100 .
4. Мамонтов В. И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР,

Волгоградского областного управления культуры, Областного музея краеведения и Донской экспедиции НИС ВГПИ за 1982 год // Фонды ВОКМ №42. Волгоград.

5. Мамонтов В. И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Донской экспедиции НИС ВГПИ в 1985 году // Фонды ВОКМ №47. Волгоград.

6. Мамонтов В. И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА, Донской экспедиции НИС ВГПИ в Волгоградской области в 1991 году // Архив НИАЛ им. В. И. Мамонтова ВГСПУ.

7. Мамонтов В. И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР и Научно-исследовательского сектора Волгоградского государственного пединститута в 1994 году // Архив НИАЛ им. В. И. Мамонтова ВГСПУ.

8. Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1996 году // Фонды ВОКМ №135. Волгоград.

9. Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1997 году // Фонды ВОКМ №140. Волгоград.

10. Мамонтов В. И. Отчет о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2012 году // Архив НИАЛ им. В.И. Мамонтова ВГСПУ.

11. Мамонтов В. И. Курганная группа Первомайский XIII // Нижневолжский археологический вестник. 2011. Вып. 12. С. 147-158.

12. Матаев В. В. Материалы из погребений курганного могильника Первомайский IX // Нижневолжский археологический вестник. 2011. Вып. 12. С. 139-147.

13. Мошеева О. Н. Синий цвет в сарматских бусах // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. Сборник статей / Редкол.: Е. В. Круглов, А. С. Лапшин, И. Ю. Лапшина; ФГБОУ ВО «ВГСПУ»; ВОО «ВДАО»; ВРО «ВООПИиК». Волгоград: Сфера, 2019. С. 99-112.

14. Перерва Е. В., Чистобаева В. Ю. Неполовозрелые индивиды и подростки из погребенного раннесарматского времени Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. №2. С. 32-45.

УДК 902.4:778

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОМЕТОДЫ В МОДЕЛИРОВАНИИ САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ЭЛИТНЫХ НЕКРОПОЛЕЙ САКСКОЙ ЭПОХИ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА БАУБЕК БАТЫР

© *Мухаметзянов Артур Робертович*

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии
ЕНУ им. Гумилёва Хабдулина Марал Калымжановна*

Аннотация. В статье раскрывается значимость методов моделирования рельефа и

мультиспектрального анализа при изучении элитных некрополей раннего железного века. Методы дистанционного зондирования представлены на примере исследования могильника Баубек батыр (VI-IV вв. до н.э.).

Ключевые слова: дистанционное зондирование, моделирование рельефа, мультиспектральный анализ, Баубек батыр, сакральный ландшафт.

Современная археология, существуя на стыке прикладных, естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, все чаще требует от исследователя применения качественно новых методов. Геоинформатика, как один из современных разделов географии отвечает на запрос археологии о необходимости комплексного исследования больших пространств. Одним из самых востребованных методов изучения обширных территорий стало применение аэрофото- и космоснимков. Этот подход безусловно, применим и для раннего железного века – эпохи распространения культуры кочевников на всем пространстве Великой Степи.

Изучение элитных курганов сакской эпохи в Северном Казахстане началось в 1974 г. работами Северо-Казахстанской археологической экспедицией. Хронологически к этому же времени относится обоснование тасмолинской историко-этнографической общности, распространенной на пространстве от лесостепного Притоболья на западе, до берегов Иртыша на востоке (Хабдулина, 2017, с. 35-36). Следует отметить, что появление крупных культовых мемориалов относится к тасмолинской археологической культуре, принадлежащей к культурам сакского круга и поэтому включенной в этнокультурные взаимодействия с соседними раннесакскими кочевыми общностями (Бейсенов, 2017, с. 64). Синхронность датировок подтверждается радиоуглеродным датированием. Результаты ^{14}C дат погребений тасмолинской культуры дают интервал в пределах IX-V вв. до н. э. (Бейсенов, 2018, с. 387-389).

Под элитными некрополями мы понимаем не только результат антропологической трансформации ландшафта при возведении курганных насыпей, но и следствие комплекса факторов взаимодействия культурных, географических и экономических стремлений при выборе наиболее удобной территории. Ярким примером, соответствующим описанным условиям, является могильник Баубек батыр. Памятник расположен в среднем течении Ишима, который, изгибаясь образует долину, прикрытую на севере всхолмлениями, а на юге большим количеством стариц. На поверхности этой долины вытянута цепь из восьми крупных курганов (Свиридов, Тлеугабулов, 2015, с.255). Расположение некрополя в данном месте не случайно, кроме защищенности территории с севера сопками, местность изобилует богатыми заливными лугами, пригодными для выпаса скота. И в настоящее время данная территория используется как джайлау (летовка) жителями близлежащих поселков (рис 1: 1, 3).

Сам могильник активно исследовался в 2021-2023 гг. В процессе изучения кроме классических археологических методов применялись методы дистанционного зондирования и компьютерного моделирования: создание топографических планов, гипсометрических моделей рельефа, поэтапная фиксация раскопа, создание чертежей. Подобные методы активно использовались в исследованиях крупных курганов на территории Восточного Казахстана и России (Парцингер, Белинский, 2015, с. 87-90; Онгарулы, Пён Ёнхван, 2020, с. 169-172).

Использованием современных геоинформационных методов при исследовании могильника Баубек Батыр были достигнуты новые результаты.

В полевые сезоны 2022-2023 были открыты два небольшие по размерам тасмолинских кургана, расположенные на прилегающей к некрополю площадке. Для уточнения количества подобных объектов была произведена аэрофотосъемка с применением тахеометрической

привязки. Общая обследованная площадь составила 2,7 квадратных километра. При анализе гипсометрической модели рельефа были выявлены 9 курганных насыпей.

Активный выпас скота, а также техногенное преобразование ландшафта затрудняло фиксацию памятников при пешем обходе. Благодаря созданию цифровой модели местности удалось установить, что 2 из 9 курганов являются курганами с «усами». При первоначальном обследовании площадки «усы» обнаружены не были, однако проведенные раскопочные работы подтвердили достоверность истолкования полученных ЦМР.

Другое направление активных работ относится к методам сегментации данных и панхроматического слияния космоснимков. Метод предполагает применение спектрометрических данных спутников Landsat 8 и панхроматических снимков спутника Sentinel 2. Основной принцип работы основан на общем алгоритме ортогонализации векторов. Слияние Грамма-Шмидта моделирует полосу с высоким разрешением из спектральных полос с более низким разрешением. В общем такой эффект становится достижимым за счет усреднения мультиспектральных полос.

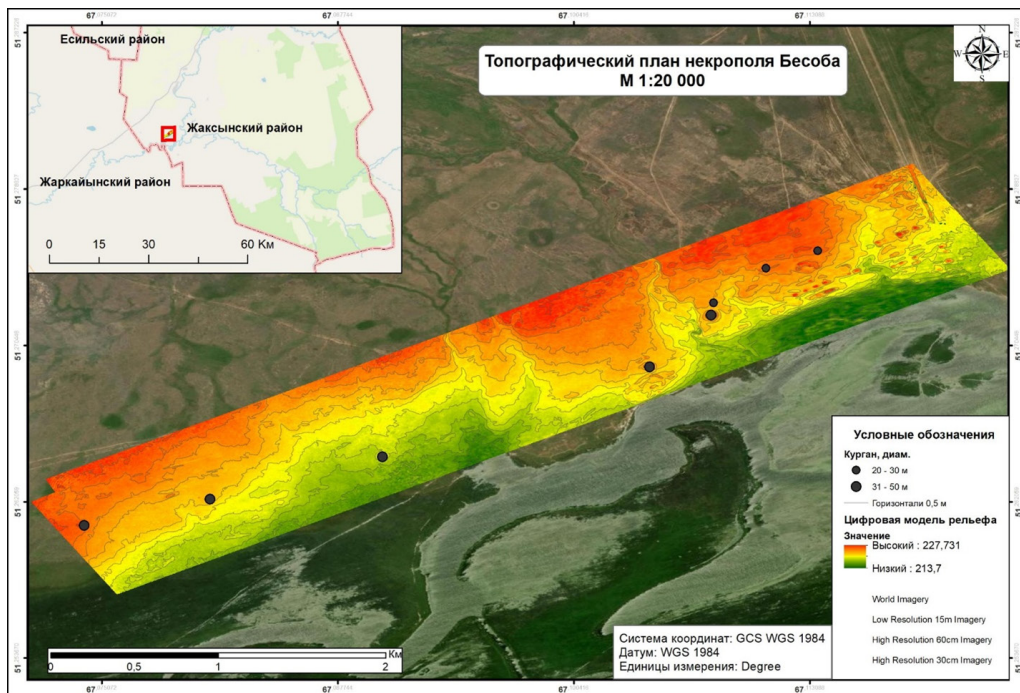

Рис. 1. Топографический план некрополя Баубек

Следующим шагом в данном направлении является выполнение преобразования Грамма-Шмидта для моделируемой полосы высокого разрешения и мультиспектральных полос, где полоса высокого разрешения используется в качестве первой полосы (Sagr, 2014, р. 19-28). На вышеописанных принципах нами, были осуществлены некоторые эксперименты по панхроматическому слиянию и дальнейшей сегментации данных.

На примере некрополя Баубек Батыр был проведен ряд экспериментов. Коэф. пространственного разрешения 18, спектрального 15,5, минимальный размер сегмента в пикселах 3. Достигнутые показатели можно назвать удовлетворительными, из 6 курганов при помощи программного сегментирования удалось различить все 6 наземных конструкций.

Полученные результаты требуют дальнейшей обработки и более масштабных выборок на их основе, однако уже сейчас мы можем отметить некоторые моменты, наиболее важные на наш взгляд, а также очертить перспективы дальнейшего применения дистанционного

зондирования и мультиспектрального анализа. В целом, подобного рода исследования заставляют нас обратиться к последним данным, связанным с развитием компьютерных технологий и программного моделирования. Они позволяют нам говорить не просто об успешном опыте применения подобного рода наработок на начальной стадии накопления экспериментального опыта, но и расширении собственных представлений о возможностях, предоставляемых дистанционным зондированием.

В перспективе применение подобных технологий позволит уточнять расположение уже открытых памятников, и обнаруживать до сих пор не найденные. Работа в данном направлении стоит на стыке компьютерного моделирования, классической археологии и машинного обучения. Алгоритмы машинного обучения требуют длительных работ по подбору наиболее успешных вариантов решения поставленных задач. В перспективе, используя данные мультиспектрального анализа, можно в большей части задач исключить влияние человеческого фактора, переложив основную работу на компьютерные мощности. Машинное обучение, таким образом, позволит в дальнейшем строить общие модели характеристик и особенностей размещения памятников в разных видах ландшафтов и будет способствовать разработкам прогностического моделирования.

Библиографический список

1. Бейсенов А. З. Казахстан в сакскую эпоху: Коллективная монография /отв.ред. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 228 с.
2. Бейсенов А. З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археология и давняя история Украины. 2018. Вып. 2 (27). С. 386-396.
3. Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Ёнхён, Нускабай А., Кызырханов М. Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нур-Султан-Тэджон, 2020. 464 с.
4. Парцингер Г., Белинский А.Б, Фассбиндер Й., Гасс А. У подножия «царских курганов» // Наука из первых рук. 2015. №4(64). С. 87-101.
5. Свиридов А. Н., Тлеугабдулов Д.Т., Раннесакский комплекс могильника Бесоба в среднем течении реки Ишим // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Алматы: «НИЦИА Бегазы–Тасмола», 2015. С. 255-259.
6. Sarp, G. Spectral and spatial quality analysis of pan-sharpening algorithms: A case study in Istanbul // Eur. J. Remote Sens. 2014. Vol.47. 19-28 p.

УДК 902/904

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Салимгареева Азалия Ильгизовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и реставрации наследия Казанского (Приволжского) федерального университета Саттаров Рузиль Раильевич

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные публикации по изучению

керамики пьяноборской культуры. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день исследователями не было оказано должного внимания изучению керамических комплексов пьяноборской культуры.

Ключевые слова: ранний железный век, Прикамье, пьяноборская культура, керамика.

Во многих археологических культурах раннего железного века керамика является одной из самых многочисленных категорий находок. В данном контексте пьяноборская культура, занимающая в основном бассейн Нижней Камы, Нижней и Средней Белой в пределах современных районов северо-запада Башкортостана, северо-востока Татарстана и юга Удмуртии, не является исключением. Практически ни одна археологическая культура Волго-Уралья не имеет столь емкой источниковедческой базы. Многие составляющие материальной культуры, так или иначе, рассмотрены исследователями, однако, керамический материал остался не изученным в полной мере.

Специальных работ технологического и морфологического характера, посвященных керамическим предметам, практически нет. В. Ф. Генингом была разработана схема классификации пьяноборской керамики на основе коллекций поселений Удмуртского Прикамья, а также нижнебельского Уяндкского I селища (Генинг, 1970, с. 84-88, рис. 18; 1971, с. 76-83, табл. Г; с. 98, табл. Е; с. 93-94, табл. Д; с. 132, табл. Ж).

О. А. Казанцева в своей диссертации рассматривала керамику из Икского, Афонинского и Тарасовского могильников. Результаты ее исследований глиняной посуды подтверждают точку зрения археологов о последовательной смене археологических культур в Прикамье (Казанцева, 1996).

Некоторое внимание пьяноборской керамике было уделено Д. Г. Бугровым. «Крайняя неустойчивость форм и сильная фрагментированность керамики из коллекций пьяноборских памятников Икско-Бельского междуречья не позволили соотнести керамику с типами по классификации В. Ф. Генинга». Автору пришлось «ограничиться самой общей эмоционально-описательной характеристикой керамики пьяноборских поселений Икско-Бельского междуречья» (Бугров, 2006, с. 92-93).

Погребальную керамику пьяноборских и мазунинских могильников рассматривал А. А. Красноперов. Он отмечает, что «пьяноборская» и «мазунинская» керамика не может являться четким дифференцирующим признаком, позволяющим выделять культуры только по одному этому признаку, и в настоящий момент невозможно определить характерные особенности пьяноборской и мазунинской керамики (Красноперов, 2010, с. 107).

А. Е. Митряков в статье «Керамические комплексы финала ананьинской – начала пьяноборской эпохи Удмуртского Прикамья» исследует проблему хронологии керамики позднеананьинского и раннепьяноборского времени в регионе на материалах Барановского III поселения. Автор приходит к выводу, что в настоящее время не представляется возможным сколько-нибудь точно определить абсолютную хронологию памятника. Ответ на вопрос о длительности формирования культурного слоя памятников типа Бараново III позволит определить, отражает ли облик комплекса памятника широкую вариативность внешних признаков на коротком (по-видимому, раннепьяноборском) отрезке РЖВ в Прикамье, либо же показывает устойчивость традиции на протяжении более длительного периода (Митряков, 2014, с. 71-72).

Керамику пьяноборской культуры из Ново-Сасыкульского могильника исследовала С. Л. Воробьева. Анализ керамики показал, что наличие такого количества импортной керамики, как и других изделий не местного происхождения (сарматское оружие, фибулы, бусы, сюльгамы), может свидетельствовать либо о постоянных контактах с кочевниками

Южно-Уральских степей, либо об одномоментном вливании волны мигрантов в состав пьяноборского населения, которое фиксируется исключительно на материалах Ново-Сасыкульского могильника (Воробьева, 2018, с. 82-83).

Заслуживает особого внимания статья В. А. Иванова «Сравнительно-типологическая характеристика керамики культур РЖВ Прикамья и Предуралья к проблеме их генетической преемственности». В довольно критической статье публикуются результаты сравнительно-статистического анализа керамики с городищ культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья – ананьинской, пьяноборской, карабызской и гляденовской. Основная задача, которую решает автор, состоит в том, чтобы установить степень генетического родства названных культур (на примере их керамики), а главное – выяснить значение роли ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК) в сложении этих культур. Автор приводит данные по суммарной характеристике сравниваемых комплексов керамики (случайных статистических выборок) и результаты вычисления степени их типологического сходства. Общий вывод – типологических различий между сравниваемыми группами сосудов больше, чем сходства (Иванов, 2021, с. 207-208).

С. Э. Зубовым и Р. Р. Саттаровым при публикации материалов раскопок Кипчаковского городища также была рассмотрена керамика. Орнаментированная керамика городища представлена в основном одним или двумя рядами ямок-вдавлений и «веревочным орнаментом». Бытует мнение, что веревочный орнамент керамических сосудов является исключительно ананьинской традицией. Исследователи приходят к выводу, что малочисленность фрагментов керамических сосудов с «веревочным» орнаментом свидетельствует о затухающей ананьинской традиции и не позволяет датировать их более ранним временем (Зубов, Саттаров, 2023, с. 344).

Анализ работ по тематике позволяет согласиться с А. Е. Митряковым о том, что существующие методы обработки керамики, активно применяемые в отечественной археологии, разработаны в 50-70-е гг. XX в. и не отвечают запросам современной науки. Новые веяния только на стадии апробации. Среди археологов, занимающихся вопросом изучения керамики, до сих пор нет единого подхода, конвенции относительно терминологии и методики работы с керамическим материалом, что является не менее актуальной проблемой. Вопросы хронологии так и остаются открытыми. Многие видят их разрешение в выявлении тенденций развития керамических традиций, дальнейшем поиске диагностирующих хронологических признаков керамики, которые, по-видимому, следует искать в области технологии: состава формовочных масс, методов формовки сосуда и дальнейшей его обработки (Митряков А.Е., 2014, с. 72).

Таким образом, керамические комплексы представляют собой одну из наиболее значимых и интересных групп археологического материала. Их изучение позволяет получить ценную информацию о прошлом человечества, его культуре и быте. Однако, несмотря на их важность, керамические комплексы до сих пор недостаточно изучены.

Библиографический список

1. Бугров Д. Г. Поселения пьяноборской культуры в Иско-Бельском междуречье: дис. канд. ист. наук. Казань, 2006. 221 с.
2. Воробьева С. Л. Керамика пьяноборской культуры по материалам Ново-Сасыкульского могильника УАВ // 2018. №18. С. 75-85.
3. Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. // ВАУ. Вып. 10. Свердловск; Ижевск, 1970. 224 с.

4. Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.2. Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н.э. – II в.н.э. // ВАУ. Вып. 11. Свердловск; Ижевск, 1971. 159 с.

5. Зубов С. Э., Саттаров Р. Р. Кипчаковское городище пьяноборской культуры в лесостепной зоне Предуралья // Археология Евразийских степей. 2023. №2. С. 326-349.

6. Иванов В. А. Сравнительно-типологическая характеристика керамики культур эпохи раннего железа Прикамья и Предуралья (к проблеме их генетической преемственности) // Археология Евразийских степей. 2021. Вып. 2, С. 207-220.

7. Казанцева О. А. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс.н.э. (по данным некрополей): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1996.

8. Красноперов А. А. Погребальная керамика из пьяноборских и мазунинских могильников Прикамья // УАВ. 2010. Вып. 10. С. 83-109.

9. Митряков А. Е. Керамические комплексы финала ананьинской – начала пьяноборской эпохи Удмуртского Прикамья (по материалам Барановского III поселения) // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. Вып.1. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. С. 69-74.

УДК 930.26 (470.45)

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ РАННЕ- И СРЕДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© Сапожникова Марина Антоновна

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры истории и международных отношений ВолГУ Коробкова Елена Алексеевна

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы смены археологических культур, в контексте раннесарматского и среднесарматского периодов. В работе ставится проблема появления синкретических погребений на территории Нижнего Поволжья на рубеже эр. Характерные черты и особенности переходных погребений в историографии и на материале погребений Есауловского Аксая. Рассматривается разница в подходах к периодизации и пониманию процессов формирования и развития сарматских культур.

Ключевые слова: Раннесарматская культура, среднесарматская культура, погребальный обряд, вещевой комплекс.

Проблема смены археологических культур и выявления основных признаков, определяющих их остается одной из актуальнейших в археологической науке. Особенно полемичным этот вопрос становится когда речь идет о близкородственных культурах, как например, сарматские археологические культуры.

Время появления памятников среднесарматской культуры в Нижнем Поволжье

обычно относят к I в. н.э. (Скрипкин, 2017, с. 165). Их появление большинство исследователей связывают с миграциями из Средней Азии на рубеже эр (Смирнов, 1947, с. 75-81, Скрипкин, 2017, с. 198 и др.). Но есть и другие точки зрения на время и место появления среднесарматской культуры, а также на ее периодизацию, не только в целом на всей территории её существования, но и для локально ограниченных районов, в этом случае сказывается разница в подходах исследователей к данной проблеме, в понимании и толковании ими процессов формирования и развития сарматских культур (Раев, 2006, с.91).

Среднесарматская культура пришла на смену близкородственной раннесарматской культуре. И не смотря на схожесть некоторых признаков погребального обряда и вещевого комплекса обеих культур таких как положение покойного головой на юг в схожих позах преимущественно в прямоугольных или подбойных ямах, с передней ногой овцы в качестве сопровождающей пищи (Скрипкин, 2017, с.166), обе культуры имеют и целый ряд отличий. Например, для среднесарматской культуры характерны погребения под индивидуальной курганной насыпью (в отличие от впускных курганов раннесарматской культуры); погребения в широких подпрямоугольных или квадратных могильных ямах, в то время как для ранних сарматов характерны средние прямоугольные ямы и подбои; диагональные погребения а так же угольки и зола в качестве ритуальных веществ вместо реальгара и кусочков мела. Из вещевого комплекса можно выделить разные типы наверший у мечей и кинжалов: для раннесарматской характерны серповидные, для среднесарматской – кольцевидные. Такая деталь как наличие или отсутствие конической или овальной выпуклости в центре диска бронзового зеркала, так же может атрибутировать тип сарматской культуры (Скрипкин, 2017, с. 173).

Вопрос о времени и характере смены ранне- и среднесарматской культур как в общем, так и в отдельных регионах неоднократно ставился в научных трудах.

Миграционной концепции придерживались А. В. Захаров (1988), В. П. Глебов (1993), опираясь в своих выводах преимущественно на материалы Нижнего Дона, выделяя раннесарматские памятники II–I вв. до н.э. А. С. Скрипкин (1990), придерживался идеи об окончании раннесарматской и начала среднесарматской культур на рубеже эр в результате миграций из Средней Азии.

Автохтонную концепцию появления среднесарматской культуры представляла М. Г. Мошкова (1989), считая, что археологический комплекс среднесарматской культуры со II в. до н.э. начинает формироваться в рамках еще раннесарматской культуры: «I в. до н.э., во всяком случае, его вторую половину, нельзя исключать из периода существования среднесарматской культуры». В. Е. Максименко (1990), на основе нижнедонских материалов считал, что среднесарматская культура является дальнейшим развитием раннесарматской и полагал, что в комплексах II–I вв. до н.э. явно преобладают черты раннесарматской (Прохоровской) культуры, говоря становлении среднесарматской культуры в I – начале II в. н.э.

Исследования последних лет на могильниках в бассейне р. Есауловский Аксай дают возможность говорить о вероятности двух вариантов смены этих двух культур в рамках локального региона Нижнего Поволжья.

С одной стороны, в могильниках Есауловского Аксая встречаются так называемые синкретические погребения содержащие в себе черты как ранне- так среднесарматской культур. Примером могут послужить синкретические погребения из кургана 37 могильника Аксай II которые могут быть датированы I в. н.э. и с одной стороны содержат характерный вещевой комплекс для среднесарматских погребений, а с другой составляют курган-кладбище характерный для раннесарматской культуры (Дьяченко, 2017, с. 24-25).

С другой стороны, в могильниках Есауловского Аксая одновременно встречаются погребения как раннесарматской так и среднесарматской культуры. Такие погребения датируются рубежом эр. Наиболее интересной особенностью этих комплексов является то что погребения среднесарматской культуры имеют частичное разрушение скелетов погребенных и при сохранении в неповрежденном положении части этих скелетов и сопутствующего погребального инвентаря. При этом синхронные раннесарматские комплексы, обнаруженные в курганах-кладбищах, остаются нетронутыми. Примером такого ритуального (?) ограбления может служить погребение из кургана 25 могильника Ковалевка (Клепиков, 2023 с. 42).

Объяснения таким особенностям может быть несколько. С одной стороны, сосуществование в регионе двух культур одновременно при этом культуры не соприкасаются друг с другом и продолжают бороться за территории. С другой культуры не только сосуществуют, но и постепенно смешиваются чем объясняется появление синкретических погребений.

Библиографический список

1. Глебов В. П. Раннесарматские захоронения с северной ориентацией погребенного на Нижнем Дону // Вторая Кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар, 1993. С. 22-24.
2. Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С., Моисеев В. И. Раскопки курганных могильников Аксай II и Аксай III у села Аксай Октябрьского района Волгоградской области (к вопросу об экономических связях сарматского населения Волго-Донского региона) // Материалы по археологии Волго-Донских степей: сб. ст. Волгоград, 2017. С. 8-82.
3. Захаров А. В. Проблема соотношения ранне- и среднесарматской археологических культур на Нижнем Дону // Итоги исследования Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. Азов, 1988. С. 17-18.
4. Клепиков В. М. Частично разрушенные сарматские погребения Есауловского Аксая (ограбление или ритуальное осквернение?) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, №4. С. 38-46.
5. Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (археология и проблемы этнической истории): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990.
6. Мошкова М. Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. 153-158 с.
7. Раев Б. А. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах // Раннесарматская и среднесарматская культуры, проблемы соотношения. Материалы семинара. Выпуск I. Волгоград, 2006. С. 91-100.
8. Сергацков И. В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // Российская археология. 1995. №1. С. 148-157.
9. Скрипкин А. С. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.
10. Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград, 2017. 293 с.
11. Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 5. М., 1947. С. 75-81.

УДК 902

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОЙ И СРЕДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© Сухорученко Антон Александрович
ФГАОУ «Волгоградский государственный университет»

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории и международных отношений
ВолГУ Клепиков Валерий Михайлович*

Аннотация. В данной статье представлена историография проблемы хронологического соотношения раннесарматской и среднесарматской культур, изложены основные точки зрения, сложившиеся по этому вопросу в отечественных исследованиях к настоящему моменту.

Ключевые слова: раннесарматская культура, среднесарматская культура, историография, хронология, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Средний Дон, Северное Причерноморье.

Начало изучения сарматских памятников связано с полевой работой В. А. Городцова, однако первые попытки их систематизации были предприняты в работах М. И. Ростовцева (Ростовцев, 1918), П. С. Рыкова (Рыков, 1925) и П. Д. Рау, который на материалах Нижнего Поволжья выделил раннеримскую (к. I в. до н. э. – к. II в. н. э.) и позднееримскую (III-IV вв. н. э.) стадии (Рау, 1927). В это же время Б. Н. Граковым была выделена Прохоровско-Нежинская культура (IV-I вв. до н. э.) (Граков, 1928). Позднее К. Ф. Смирнов предложил свою периодизацию савромато-сарматских древностей выделив 4 стадии: савроматскую (VI-IV вв. до н. э.), раннесарматскую (IV-II вв. до н. э.), среднесарматскую (к. II в. до н. э. – н. II в. н. э.) и позднесарматскую (II-IV вв. н. э.) (Смирнов, 1947). В более развернутом виде, с подробной характеристикой каждого этапа эта периодизация была изложена в статье Б. Н. Гракова (Граков, 1947).

Таким образом, к середине XX столетия были определены основные диагностирующие признаки раннесарматской и среднесарматской культур, установлены хронологические границы их существования в пределах IV-II вв. до н. э. и II в. до н. э. – II в. н. э. соответственно.

В течение длительного времени эти датировки не подвергались сомнению, однако накопление археологического материала, более детальное его изучение для отдельных регионов, позволило некоторым исследователям высказать предположение о пересмотре верхней границы раннесарматской культуры в сторону омоложения. В частности А. С. Скрипкин, проанализировав погребения с фибулами среднелатенской схемы, датирующимися II-I вв. до н. э., обратил внимание на то, что для них характерны раннесарматские черты. Следовательно, граница между раннесарматской и среднесарматской культурами должна быть сдвинута к рубежу эр. Причём в качестве основного признака, маркирующего переход, он предложил считать изменение погребального обряда – распространение погребений под индивидуальными насыпями (Скрипкин 1987; 1989). К схожему выводу на материалах погребений Среднего Дона пришел А. П. Медведев (Медведев, 2004). Позднее эта точка зрения была поддержана И. В. Сергацковым, причем он отмечал, что в первой половине I в. н. э. возможно взаимное сосуществование этих двух культур. Подобный вывод основывался

на находках лучковых подвязных фибул, датирующихся I – III в. н. э. в раннесарматских и среднесарматских захоронениях (Сергацков, 2000). Однако современные исследования показывают, что появляются фибулы подобных типов ещё в I в. до н. э. (Скрипкин, 2017).

В Северном Причерноморье А. В. Симоненко выделяет этап II в. до н. э. – II в. н. э., в рамках которого существует раннесарматская культура, соотносимая им с впускными погребениями в прямоугольных ямах с северной ориентировкой костяков, и появляющаяся в этом регионе с I в. н. э. среднесарматская, которую он связывает с основными и редкими синхронными им впускными захоронениями с ориентировкой погребенных в южный сектор (Симоненко 2004).

Отдельно стоит выделить точку зрения В. П. Глебова. Он говорит о возникновении среднесарматской культуры на территории Нижнего Дона со 2-й половины I в. до н. э. с сохранением раннесарматских традиций вплоть до середины I в. н. э. (Глебов, 2004). Правда, как отметил Б. А. Раев, подобное удревнение среднесарматской культуры, основанное на материалах двух погребений (курган 26 у хутора Алитуб, курган 13 могильника Шаумян) выглядит не очень убедительно (Раев, 2006).

Некоторые исследователи выступают против наметившейся тенденции к пересмотру начальной даты среднесарматской культуры. В частности, М. Г. Мошкова выступила с критикой концепции А. С. Скрипкина. С её точки зрения, среднесарматская культура начинает формироваться в Волго-Донском регионе ещё в рамках раннесарматской, начиная со II в. до н. э., а к середине I в. до н. э. можно говорить об окончательном её сложении, фиксируемом в изменении вещевого комплекса. Перемены же в погребальном обряде автор связывает с эволюцией социальной структуры (Мошкова, 1989, с. 36-43). А. Д. Таиров, в целом разделяя позицию А. С. Скрипкина, всё же отмечает, что эта ситуация характерна для Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, в то время как на территории Южного Зауралья носители среднесарматской культуры, связанные с кочевниками Средней Азии, вытеснили носителей раннесарматской уже к концу II в. до н. э. (Таиров, 2000, с. 24-25).

Библиографический список

1. Глебов В. П., 2004. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар: [б. и.], 2004. С. 134-173.
2. Граков Б. Н. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 года // Тр. Секции археологии РАНИОН. М.: [б. и.], 1928. С. 145-155.
3. Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. №3. С. 100-121.
4. Медведев А. П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: [б. и.], 2004. С. 86-94.
5. Мошкова М. Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: специальность 07.00.06 «археология» автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук 1989. 47 с.
6. Раев Б. А. О новых датировка и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2006. С. 91-100.
7. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего

эллинизма // МАР. 1918. №37. 119 с.

8. Сергацков И. В. О конечной дате раннесарматской культуры // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 113-122.

9. Симоненко И. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: [б. и.], 2004. С. 134-173.

10. Скрипкин А. С. Некоторые итоги изучения хронологии сарматской культуры // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье: (тез. докл. к семинару). – Новочеркасск: [б. и.], 1987. С. 34-35.

11. Скрипкин А. С. О хронологии сарматской культуры // Археология Восточно-Европейских степей. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. С. 155-157.

12. Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: Изд-во Волгог. Гос. Ун-та, 2017. 292 с.

13. Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета. М.: Изд-во МГУ, 1947. Вып. 5. С. 75-82.

14. Таиров А. Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: докл. к IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: 2000. С. 16-25.

15. Rau P. Die Hügelgräber Romischer Zeit an der unteren Wolga: (Ergebnisse der Graberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Pokrowsk, 1927. 112 p.

УДК 902

КАМЕННЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗВАЯНИЯ В КУРГАНАХ ТАСМОЛИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Тагленов Амир Максutowич

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва

*Научный руководитель – магистр гуманитарных наук, старший преподаватель
кафедры археологии и этнологии*

ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва Брынза Татьяна Васильевна

Аннотация. Данная работа содержит материалы по каменным изваяниям сакского времени на территории Центрального Казахстана. Всего на сегодняшний день известно около 20 изваяний, связанных с погребальными сооружениями тасмолинской археологической культуры (VIII-V вв. до н. э).

Ключевые слова: каменные изваяния, Тасмолинская культура, человеческие фигуры, Кызылжартас.

Каменные антропоморфные изваяния в Казахстане являются важными археологическими находками, которые свидетельствуют о богатой истории региона. Эти

изваяния представляют собой каменные фигуры, которые изображают человеческие фигуры. Антропоморфные каменные изваяния на территории Казахстана исторически обусловлены и связаны с эволюцией региональных обществ. Эти археологические артефакты представляют значимый источник для изучения культурных и религиозных аспектов древних народов. Палеолит и неолит (10000-2000 год до н. э.): В данном временном контексте возникновение антропоморфных каменных изваяний укрепило их религиозное и культурное значение, представленное в простых человеческих фигурах. Бронзовый век (3000-1200 год до н. э.): В период бронзового века обсуждаемые антропоморфные изображения стали более сложными и нашли применение в ритуальных и обрядовых церемониях, а также для передачи социокультурных норм и ценностей древних обществ. Средние века (с 5-го века н. э.): В средневековье появились разнообразные культурные группы, включая сакские и уйгурские, продолжавшие использовать антропоморфные изваяния в религиозных и культурных практиках. Монгольское и тюркское влияние (с 13-го века): под воздействием монгольской империи и тюркских этнических групп, антропоморфные изваяния могли подвергнуться изменениям в стиле и символике, сохраняя свою важность в религиозных и культурных практиках. К настоящему времени известно более 20 каменных изваяний, относящихся к тасмолинской культуре Центрального Казахстана (VIII-V вв. до н. э.) (Бейсенов, Ермоленко, 2014).

Могильник Кособа. Каменное изваяние имеет размеры 2,2×0,6×0,35 м и создан из глыбы гранита, почти все детали воспроизведены барельефом. Изваяние представляет собой поясное изображение человека с руками, согнутыми в локтях почти под прямым углом. Приподнятые кисти рук соприкасаются на уровне живота. Слегка наклоненная вправо голова в сочетании с жестом рук создает впечатление благоговейности позы. Голова имеет шлемообразное завершение и характерный профиль с вогнутой лицевой поверхностью и округлой тыльной частью. На передней стороне головы воспроизведены детали безусого и безбородого лица, по бокам – скобообразные уши, на короткой шее – гладкая одновитковая гривна. Спереди под гривной проходит барельефная полоса, не прослеживаемая посередине. Полоса соединяется в области плеч с барельефом рук и ассоциируется с ключицами, но, не исключено, что это техническая деталь. Примерно на уровне солнечного сплетения с небольшим смещением вправо выбито округлое углубление. На спине воспроизведены детали обнаженного торса

В могильнике Бегазы, находящемся на правом берегу реки Каратал. Изваяние лежало головой в восточном направлении, расположенное по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Размеры изваяния составляют 1,85×0,26×0,11-0,22 м, и оно выполнено из гранита в форме прямоугольного блока. На изваянии изображена голова человека, а также его предплечье и кисть правой руки. Кисть показана на груди возле левого плеча. Голова имеет прямоугольную верхушку, на передней поверхности которой грубо намечены очертания нижней части лица и его детали. Глаза переданы углублениями, находящимися близко к переносице. От глаз начинается U-образный желобок, который формирует барельеф удлиненного носа. Углубление воспроизводит «улыбающийся» рот. По сравнению с головой, рука с четырьмя пальцами на кисти непропорционально маленькая (Бейсенов, Ермоленко, 2014).

Изваяние из кургана 7 могильника Талды-2 Изваяние было изготовлено из гранита и имеет размеры 0,92×0,20×0,25 м. В профиль передняя поверхность головы уплощена, а тыльная выполнена объемно. По бокам головы высечены крупные уши в виде овальных валиков. Детали лица, такие как глаза и нос, воспроизведены приемами, сходными с использованными при создании изваяния из могильника Бегазы, а рот передан

горизонтальным желобком

Изваяние из могильника Байдалы Размеры составляют 0,92×0,11×0,14 м в верхней части и 0,16 × 0,33 м в нижней части. На заостряющемся конце камня смоделирована голова, причем лицо размещено на узкой наклонной грани, выходящей под углом в нижней трети монолита. Нижние контуры бровей образованы углублениями, которые также представляют глаза. Рельефно изображен удлинённый нос в форме узкого прямоугольника, а также прилегающие к нему дугообразные усы. Тяжелый широкий подбородок выступает вперед, а верхняя часть «шишкообразной» детали повреждена сколом.

Курган №1 могильник Кызылжартас обнаружены четыре каменных изваяния. Три из них находились под земляной насыпью кургана, а еще одно было установлено в дромосе. Расположение каменных изваяний на кургане следующее:

1. Изваяния №1 и №2 находятся в северо-восточном секторе кургана, рядом с крепидой. Изваяния касаются друг друга нижними концами, а верхними были направлены в противоположные стороны, по длине образуя один ряд. Первый камень лежал лицевой частью вверх, а второй – вниз. имеет длину 1,07 м, ширину внизу 0,18 м, в середине 0,26 м, и вверху 0,25 м. Толщина стелы составляет 0,12 м. Основание неровное, скошено справа налево. На макушке есть шишкообразный выступ, возможно, изображающий рот, а также слабозаметная контррельефная окружность, возможно, представляющая бороду. Есть большие уши овальной формы (Бейсенов, 2021).

2. В юго-восточном секторе, под насыпью, было обнаружено изваяние №3, которое лежало на боку на 0,5 м выше от уровня древнего горизонта, на расстоянии 2,4 м от крепиды. Имеет длину 1,07 м, ширину внизу 0,18 м, в середине 0,26 м, и вверху 0,25 м. Толщина стелы составляет 0,12 м. Основание неровное, скошено справа налево. На макушке есть шишкообразный выступ, возможно, изображающий рот, а также слабозаметная контррельефная окружность, возможно, представляющая бороду. Есть большие уши овальной формы (Бейсенов, 2021).

3. В юго-восточном секторе, за крепидой, в 0,5 м от нее, на уровне древнего горизонта было расчищено скопление камней, состоящее из 10 плит средней величины, лежащих в один слой. Возможно, это скопление камней было связано с первоначальным местоположением одного из изваяний имеет длину 0,93 м, ширину внизу 0,1 м, в середине 0,16 м, и вверху 0,15 м. На макушке есть подпрямоугольный выступ, возможно, представляющий головной убор женщины. Есть глаза, нос и одно ухо овальной формы (Бейсенов, 2021).

4. Изваяние №4 было установлено в дромосе кургана. имеет длину 1,65 м, ширину внизу 0,21 м, в середине 0,27 м, и вверху 0,2 м. Макушка уплощена, с округло-овальной выпуклостью посередине. Есть оба глаза и знак в виде римской цифры «V» под ними (Бейсенов, 2021).

Изучение данного вида археологического артефакта в тасмолинской археологической культуры дает представление о поминальном обряде племен раннего железного века Сарыарки. По нашему мнению, поминальный обряд тасмолинцев имеет отношение к культу предков представляющий собой древнюю и широко распространенную форму политеизма. Основной принцип этого культа заключается в поклонении ушедшим предкам и близким родственникам, а также в убеждении в магическом влиянии предков на текущую жизнь живых.

Библиографический список

1. Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №3(59). Т. 3. С. 34-39.

2. Бейсенов А. З. Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартаc // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова. СПб: ИИМК РАН, 2021. С. 261-277.

УДК 903.53

ИССЛЕДОВАНИЕ «ГЕОГЛИФА» КАРА-ТУРГАЙСКОЕ КОЛЬЦО (КЫЗЫЛ ЖУЛДЫЗ 1)

© *Тупиков Даниил Юрьевич, Полежаев Демьян Евгеньевич*
Костанайский Региональный университет им. Байтұрсынұлы, г. Костанай

Научный руководитель – к.и.н, ассоциированный профессор, СНС археологической лаборатории КРУ им. А. Байтұрсынұлы Шевнина Ирина Викторовна

Аннотация. В 2023 году организованы раскопки ритуально-погребального комплекса «геоглиф» Кара-Тургайское кольцо (Кызыл Жулдыз 1). Обнаружены насыпи диаметром 7-9 м, составляющие кольцо диаметром 45 м. Внутри найдены каменные оградки и парное погребение. Инвентарь: железный меч, гончарный сосуд, бронзовое зеркало бусины и поясной набор.

Ключевые слова: Тургай, «геоглиф», Кара-Тургайское кольцо, Кызыл Жулдыз 1, сарматы, прохоровская культура, бронзовое зеркало.

В настоящее время в пределах Костанайской области выявлен новый тип памятников, обозначенный условным термином «геоглифы». Памятники в основном представляют собой сооружения (более 90) из геометрических фигур (кольца, линии, квадрат и ромбы) (Логвин, Шевнина, Сеитов, Нетета, 2018). В 2023 году Тургайской археологической экспедицией под руководством А. В. Логвина были проведены археологические раскопки на «геоглифе» Кара-Тургайское кольцо (Кызыл Жулдыз 1). В ходе исследования были изучены четыре насыпи (№ 1-4) и участок внутри кольца.

Насыпь №1, имеет диаметр 7 м и высоту 0,08 м. В насыпи фиксировались вкопанные камни, образующие оградку, диаметром 3,3 м. Оградка состояла из плоских плит песчаника, часть из которых были установлены на ребро, часть под наклоном, а некоторые горизонтально. Других находок нет.

В насыпи №2, диаметром 7,5 м и высотой 0,1 м, были обнаружены вкопанные камни, расположенные по кругу (оградка), диаметром 2,4 м. Находок нет.

В насыпи №3, диаметром 8,5 м, высотой 0,2 м, выявлена каменная оградка из вертикально установленных в несколько рядов плит песчаника, вокруг которых располагались громоздкие плиты, уложенные горизонтально. Диаметр конструкции 4,5 м. В южной части оградки была вкопана антропоморфная стела (рис.1: 3). На некоторых камнях фиксируются знаки-тамги (?) (рис.1: 1). Строение погребальной ямы склепообразное. Яма имела подовальную форму размерами 1,6 х 2,4 м, глубиной – 2 м. При расчистке ямы, с глубины

1 м встречались фрагменты древесины. На дне ямы найдены деревянные доски, на которых лежали погребенные мужчина и женщина 40-50 лет (определения А. В. Колбиной). Возможно, это были носилки, так как доски фиксировались только под костяками погребенных. Умершие находились в вытянутом положении, на спине, головой на юг. На лобной кости мужчины имеется вмятость, ее края ромбовидные. По предварительному определению антрополога – рана заросшая, была получена предположительно от рубящего оружия. На тазу мужчины были найдены поясные пряжки. Правая рука мужчины находилась на левой руке женщины, и на коротком мече. Возле головы погребенной лежало разбитое бронзовое зеркало, рядом с которым были зафиксированы шейные позвонки в анатомическом порядке. На груди женщины располагались бусы. Кости барана (определения П. А. Косинцева) лежали на выступе с восточной стороны, вплотную к стенке стоял гончарный сосуд. В северной части погребальной камеры (в ногах) лежала кость лошади.

Погребальный инвентарь.

Короткий железный меч длиной 38 см. Клинок, длиной 26 см, треугольно-вытянутой формы с продольным ребром, ромбический в сечении. Рукоять длиной 12 см, с брусковидным прямым перекрестием и сплошным кольцевым навершием.

Гончарный сосуд с выраженной горловиной, диаметром 12 см, без ручек, декорирован красно-коричневым ангобом, не орнаментированный, плоскодонный. Высота сосуда 32 см, диаметр тулова 31 см.

Зеркало бронзовое дисковидное диаметром 15 см, без ручки, с отверстием и выраженным валиком по периметру диска.

Бусы перламутровые биконической формы (46 шт.), диаметром 4-5 мм, толщиной 4 мм. Перламутровые колечковидные бусы (2 шт.), диаметром 3 мм, толщиной 3-4 мм. Сердоликовая бусина – диаметр 12 мм, толщина 9 мм. Перламутровая трубчатая бусина, диаметром 14 мм, толщиной 4 мм. Также обнаружены фрагменты бронзовой колечковидной бусины (застежки?).

Обломки железных поясных пряжек прямоугольной формы – 2 шт.

З а ф и к с и р о в а н н а я погребальная обрядность (южная ориентировка костяков, использование камня в погребальном обряде, установка

Рис. 1 Кара-Тургайское кольцо (Кызыл Жулдыз 1). Каменные стелы и инвентарь. 1, 3, 5, 6, 7, 8 – насыпь №3; 2, 4 – насыпь №4. 1, 4 – Антропоморфные стелы; 5 – железный меч; 6 – бусы из перламутра и сердолика; 7 – бронзовое зеркало; 8 – гончарный сосуд.

антропоморфных стел и т.д.) более всего находит аналогии в материалах раннесарматской культуры (Гуцалов, 2004, с. 102-104; Мошкова, 1963, с. 19-21; Яблонский, 2010, с. 63 и др.).

Инвентарь погребения в насыпи №3 также соотносится с раннесарматскими материалами.

Короткие мечи подобные нашему, О. И. Куринских относит к типу VIII (С6) и датирует IV-III вв. до н.э. (Куринских, 2012, с. 84). В целом, мечи данного типа были распространены в Поволжье и Южном Урале в погребениях раннесарматской культуры (Савельев, Николаев, 2020; Хазанов, 1971 и др.).

Гончарный красноглиняный сосуд является импортным. Такие сосуды происходят из Центральной Азии (Смирнов, 1975, с. 23) и часто встречаются в степях Южного Приуралья (Бишунгарово, курган 11, погребение 1, Старые Киишки, курган 11, погребение 1, Кырык-Оба-II, курган 2, погребение 3 и др. (Пшеченюк, 1983, с. 29; Трейстер, 2012, с. 32).

Бусы из перламутра и сердоликовые бусы встречаются в раннесарматских погребениях Южного Урала, Поволжья и Северного Казахстана (Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха, 2017, с. 190; Скрипкин, 1990, с. 88; Яблонский, 2010, с. 333).

Зеркала с валиком по краю диска характерны для раннесарматской культуры с III в. до н.э. по I в. н.э. (Скрипкин, 1990, с. 284 и др.). Зеркало было разбито, что указывает на обряд обезвреживания, который характерен для раннего этапа прохоровской культуры (раннесарматской).

Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря Кара-Тургайского кольца позволяет отнести весь комплекс к рубежу IV-II вв. до н. э. к прохоровскому (раннесарматскому) времени.

Библиографический список

1. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н.э.). Т. 1-2 / Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т. (ред.). М.: ТАУС, 2012. 468 с.
2. Гуцалов С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск, 2004. 135 с.
3. Логвин А. В., Шевнина И. В., Сеитов А. М., Нетета А. В. Ритуально-сакральные геометрические комплексы («геоглифы») Тургая. Костанай. 2018. 132 с.
4. Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / Базарбаева Г. А., Байдалы Р. Ж., Бейсенов А. З., Хасенова Б.М., и др.; отв. ред.: Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 190 с.
5. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
6. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во СГУ, 1990. С. 74-75.
7. Савельев Н. С., Николаев С. Ю. Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей с. Толбазы в Южном Приуралье // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19, №1. С. 149-167.
8. Куринских О. И. Клинковое оружие ранних кочевников VI-I вв. до н. э. из могильников у с. Покровка (Левобережье Илека). // РА. 2012. №2. С. 72-80.
9. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 56 с.
10. Пшеченюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

11. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1971. 172 с.

12. Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. 385 с.

УДК 902.63

БУСЫ ИЗ ГЕОГЛИФА ХАРЬКОВСКИЙ I В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

© *Шаманаева Анастасия Вячеславовна*
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), г. Челябинск

*Научный руководитель – к.и.н., сотрудник кафедры Отечественной и
Зарубежной истории Грудочко Иван Валерьевич*

Аннотация. Исследование посвящено комплекту бус из женского погребения геоглифа Харьковский I на Южном Урале. Проведено первичное описание: определены формы, цвета и размеры украшений. Также осуществлён поиск аналогий, высказывается предположение о датировке бус, как и всего геоглифа, в рамках среднесарматского периода.

Ключевые слова: археология, геоглиф, кочевники, хронология, Южное Зауралье, погребальный комплекс, бусы, стекло.

В 2022 году в Челябинской области впервые был исследован новый тип археологических памятников – геоглиф, получивший название Харьковский I. В ходе исследования кургана 17 было обнаружено женское захоронение. Сопроводительный материал представлен керамическим сосудом и нагрудным ожерельем из пяти бусин¹. Именно последней категории находок посвящена данная работа. Считается, что бусы являются объектом массового импорта, их изучение может существенно расширить наши знания в изучении археологических комплексов, в первую очередь проблем датировки и хронологии древностей (Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2021, с. 124). Поэтому, как нам кажется, данное исследование будет полезно в изучении ранее неисследованных памятников Южного Урала – геоглифов.

Целью работы стало введение в научный оборот нового материала и определение культурно-хронологической атрибуции бус из кургана 17 геоглифа Харьковский I. Для этого нам необходимо провести описание и классификацию бусиных украшений, найти аналогии и сделать попытку хронологической и культурной атрибуции. Анализ предполагает определение материала, техники изготовления и морфологии исследуемых бус.

Бусина №1 (рис. 1: 3) – бочковидная, стеклянная. За основу взято стекло тёмного непрозрачного цвета. Декор волнистый, продольный, сочетает в себе 18 продольных нитей

¹ Благодарим авторов исследований Макурову М. Р., Шиманского Е. О., Петрова Н. Ф., Парунина А. В. за предоставление неопубликованных археологических материалов.

(слоёв) различных цветов и степени прозрачности, некоторые из них повторяются. По всей видимости, изготовленная основа тоже является полосатой. Технология изготовления включает прокол палочки, наложение продольных лент, кручение и обкатка с последующим обрезанием стекольными ножницами. Поверхность бусины матовая, сильно покрыта патиной. Данная бусина может быть отнесена к типам I.2Б4а, I.1Б3б, I.1Б3а (по Р. Р. Руслановой), зафиксированным в Югомашевском некрополе (Русланова, 2018, с. 361, 363, рис. 26, 28) с датировкой III–VII вв. Более отдалённая аналогия встречается в могильнике пьяноборского времени Тюм-Тюм (Ошибкина, 2010, с. 197, табл. 84, 3). Однако, наиболее близкой формой, по нашему мнению, выступает тип 249 (по Е. М. Алексеевой), бытующий в I в. до н. э. – III в. н. э. в Северном Причерноморье (Алексеева, 1978, с. 47, табл. 29, экз. 69-73).

Бусина №2 (рис. 1: 1) – зонная, выполнена из непрозрачного тёмно-синего стекла. Поверхность матовая, сильно покрыта патиной. Технология изготовления представляет собой сгиб полосы. Аналогиями данной бусины могут быть типы I.1А2в; I.1А1в3, относящиеся к III-VII вв., зафиксированные в Ангасякском, Старокабановском, Югомашевском, Каратамакском, Малокачакском, Бирском и Бахмутинском некрополях (Русланова, 2018, с. 361, рис. 26), а также типы 15, 29 и 31 (по Д. Г. Бугрову) из Тойгузинского II городища, датируемые I-III вв. (Бугров, 2007, с. 445, рис. 2).

Бусина №3 (рис. 1: 4), зонная. Основой является стекло тёмного цвета, на поверхность нанесено красное непрозрачное стекло. В качестве декора выступают 3 глазка, 2 из которых с белым непрозрачным и голубым прозрачным стёклами, 1 глазок с чёрным и белым непрозрачным стеклом. Глазки – поперечные обрезки палочки; сохранилось 3 глазка. Техника изготовления подразумевает прокол палочки, наложение слоя, наложение глазков, обкатку. Мы не нашли точных аналогий, но эта бусина отдаленно напоминает типы I.2Б1е, I.2Б1и, I.2Б1п, из Старокабановского и Бирского некрополей, бытовавшие в III-VII вв. н. э. (Русланова, 2018, с. 363, рис. 28) и тип 54в (Тойгузинское II городище), наиболее распространённый в IV–II вв. до н. э., встречающийся вплоть до II в. н. э. (Бугров, 2007, с. 449, рис. 4).

Бусина №4 (рис. 1: 2) аналогична бусине №3. Сохранился 1 глазок из двух. Деформирована при изготовлении (смято одно из отверстий).

Бусина №5 (рис. 1: 5). Зонная из красного непрозрачного стекла. Изготовлена путём деления трубочки, наложения 3-х глазков и обкатывания. Глазки не сохранились. Поверхность покрыта патиной. Этот тип (I.1А1д) имеет широкое время хождения – от III до VIII вв. (Русланова, 2018, с. 361, рис. 26)

Таким образом, исследуемые бусы, предположительно, могут относиться к широкому временному диапазону – от IV в. до н. э. до VIII в. н. э. Однако аналогии к бусине № 1

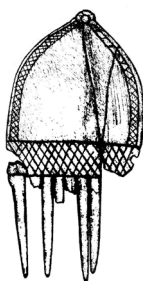
Рис.1 Бусы из геоглифа Харьковский I

позволяют уточнить рамки I в. до н. э. – III в. н. э. Приведём дополнительные косвенные данные в пользу такой датировки. Так, комплекс Харьковский I с уверенностью можно отнести к так называемым геоглифам, которые наиболее распространены в Тургае, их исследование только начинается. Судя по результатам 14C, один из памятников может быть датирован I в. до н. э. – I в. н. э. (1965±28). Другие даты, полученные методом OSL, отличаются – 2750-2800 лет назад. (Логвин и др., с. 88, табл. 2). Последние даты, относящиеся к финалу эпохи бронзы, кажутся нам маловероятными.

Сейчас мы ожидаем даты 14C из комплекса Харьковский I. Пока, в качестве рабочей гипотезы, мы считаем, что бусы из женского захоронения, как и весь геоглиф, могут быть отнесены к среднесарматскому времени (ориентировочно II в. до н. э. – II в. н. э.). В дальнейшем мы хотели бы уточнить данное предположение, а также рассмотреть вопрос о происхождении исследуемых бус.

Библиографический список

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Вып. Г1-12/2). М.: Наука, 1978. 104 с.
2. Бугров Д. Г. Бусы Тойгузинского II городища // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. №17. С. 442-453.
3. Голдина Е. В., Голдина Р. Д. К вопросу о датировке и хронологии бус Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме // Археология Евразийских степей. 2021. №3. С. 124-147.
4. Ритуально-сакральные геометрические комплексы («геоглифы») Тургая / А. В. Логвин, И. В. Шевнина, А. М. Сеитов, А. В. Нетета. Костанай: 2018. 132 с.
5. Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 376 с.
6. Ошибкина, С. В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: Институт Археологии РАН, 2010. 212 с.

Урало-Поволжье в эпоху средневековья

УДК 9.902/903

СЕМАНТИКА МЕДАЛЬОНОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО Г. ТЕРМЕЗА И ЕГО ОКРУГИ

© Баймагамбетова Салима Жанарбековна
Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г. Казань

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и реставрации наследия КФУ
Воробьева Елена Евгеньевна*

Аннотация. В 1937 г. Термезская археологическая комплексная экспедиция под руководством М. Е. Массона при археологических исследованиях Дворца термезских правителей зафиксировала декоративные медальоны из стекла. В дальнейшем, медальоны были классифицированы В. Д. Жуковым. К сожалению, научное исследование столь уникальных артефактов было приостановлено. Цель данной статьи заключается в рассмотрении изображений и раскрытии их семантики на медальонах.

Ключевые слова: украшение, медальоны, стекло, семантика, средневековье, Средняя Азия, Термез.

Термезская археологическая комплексная экспедиция (далее – ТАКЭ) проходила в 1937 и 1938 гг. под руководством М. Е. Массона. В ходе ТАКЭ при раскопках дворца Термезшахов в 1937 г. были зафиксированы медальоны из цветного стекла (Жуков, 1945, с. 150). Подобные украшения также были найдены при раскопках в Афросиабе (Пугаченкова, Ремпель, 1924). В настоящее время они хранятся в фондах государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге (требуется уточнение).

Следует отметить, что данный артефакт не отмечен не только на памятниках Среднеазиатского региона, но и в целом на территории арабско-иранского Востока.

На сегодня по рассматриваемым медальонам есть единственная статья – «Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей», написанная В. Д. Жуковым (Жуков, 1945). В. Д. Жуков описал и классифицировал найденные медальоны на 8 типов по изображению. Несмотря на плохую сохранность экземпляров, В. Д. Жуков дает достаточно детальное описание медальонов, форм, размеров, и, конечно, изображений. Также исследователь делает предположение о методе изготовления и состава материала медальонов. На этом, к сожалению, исследования В. Д. Жукова подходят к концу, а сами медальоны утрачивают внимание со стороны исследователей.

Медальоны выполнены из цветного красного и зеленого стекла и носят декоративный

характер. По мнению В. Д. Жукова, медальоны служили украшениями отдельных панно, а некоторая их часть была предназначена для вставки в сквозные решетки (Жуков, 1945, с. 151).

Тип 1 представлен медальоном/или медальонами (требуется уточнение) диаметром 48-52 мм, толщиной 2 мм, в местах рельефа 4 мм, с изображением цветка, обрамленного перлами (выпуклостями). На наш взгляд, этот цветок – цветок граната, который широко распространен на территории Узбекистана и часто используется в среднеазиатском искусстве. Гранат и его цветы несут в себе определенный смысл, он является символом гостеприимства.

Тип 2 – медальон/или медальоны (требуется уточнение) размером 46-48 мм в диаметре, 3 мм толщины, имеют штамп изображения птицы и животного. По мнению В.Д. Жукова, большая птица может быть беркутом, а бегущее от нее животное – заяц или джейран. Интересно отметить, что данный сюжет служил излюбленным мотивом эпохи Сасанидов (Орбели, 1924). А изображение птиц также не случайно.

Орнитоморфные изображения уходят глубоко корнями в древность – еще в эпоху наскального искусства. Птицы в искусстве имеют множество трактовок: изображение сокола – представления о потустороннем мире; журавль – носитель доброго начала; сова – символ мудрости и богатства; птицы-спутники – спутники культурного героя и его тотемное воплощение; орел – властелин воздуха, воплощение мощи и скорости, знаменовал военный успех и многое другое (Чигаева, Золотухин, 2006). Птицы в разном положении, в движении, в охоте, в композиции с другими животными имеют связь с шаманизмом. Мотив охоты хищной птицы на животное можно интерпретировать как борьбу двух миров «добра и зла», «духовного, потустороннего» – птица и «мирского, земного» – в нашем случае, зайца или джейрана. Однако распространенность таких изображений имеет и бытовой характер. Птица служила верным помощником в охоте, которая помогала отследить и выловить жертву. Таким образом, в искусстве ей отдают дань, как верному другу.

Медальон/или медальоны (требуется уточнение) типа 3 в размере до 50 мм в диаметре и 3 мм в толщине представляет изображение аналогичное изображению медальона/медальонов типа 2. На медальоне типа 3 также присутствует сюжет охоты хищной птицы. Однако, есть и отличия от типа 2:

- 1) объектом охоты является джейран, так как у животного есть четко очерченные рога;
- 2) в верхней части и по краям медальона прорисованы ветви растительного орнамента;
- 3) изображение находится в статике.

Медальон/ или медальоны (требуется уточнение) типа 4 – кружок/кружки диаметром 52-57 мм и толщиной 3 мм – представляет композицию разъяренного бегущего льва, в открытой пасти которого находится трудноопределяемый круглый предмет. Интересно отметить, что вокруг изображения животного расположен растительный орнамент, состоящий из веточек, усиков, листиков. Этот элемент характерен для Средней Азии и известен под названием «бодамча» (по версии Д. В. Жукова).

Медальон типа 5 (имеется только один неполный экземпляр) – кружок диаметром 50-58 мм и толщиной 2-3 мм, рисунок которого изображает стоящую на земле женщину с небольшой птицей на руке и коня, от которого сохранилась только передняя часть животного – от морды до седла. Женщина в богатом одеянии, скорее всего принадлежит к привилегированному классу. В данном случае взаимосвязь между женщиной и птицей символизирует легкость, женскую красоту и мудрость, связь с небесным миром.

Медальоны типа 6 представлены в количестве 19 целых и около 50 осколков овальных кружков размером от 5 до 7 см в диаметре и 3 мм в толщине. На них изображен

всадник на коне с птицей, а свободное пространство украшает все тот же растительный орнамент. Конь находится в движении. Очевидно, что картина представляет сцену охоты, а сам всадник, скорее всего, является правителем, на что указывает головной убор в виде короны. Совокупность массивного коня, большой птицы и богатой орнаментации внешнего вида всадника передает его статусность и высокий титул. Таким образом, автор медальона показывает власть и силу правителя.

Медальон типа 7 (один целый экземпляр и 3 фрагмента) – это кружок диаметром 56-58 мм, толщиной 2-3 мм. На лицевой стороне прописано крупным кувшитским почерком арабское слово в переводе – «царь, царство, владение, государство» и т.д. Все остальное пространство занимает растительный орнамент.

На медальоне типа 8 (один экземпляр из 2 частей) в размере 52-57 мм в диаметре и толщиной 2-3 мм изображено бегущее животное, предположительно, заяц или джейран, а вокруг по всем сторонам арабская надпись «для величайшего султана Абдул-Музаффар Бахрам-шаху».

Уникальность данного материала дает возможность в перспективе рассмотреть материал, из которого они изготовлены, технологию их изготовления.

Таким образом, исходя из описания изображений на медальонах, мы можем предположить, что в средневековом обществе данной местности существовала социальная иерархия (изображения на медальонах типа 5 и 6). Также довольно популярен был культ охоты, причем с использованием хищных птиц (изображения на медальонах типа 2 и 3). Рассматривая эти артефакты можно проследить взаимосвязь и преемственность в культуре с другими государствами.

Библиографический список

1. Жуков В. Д. Термезская археологическая экспедиция. Труды Академии наук УзССР. Серия I. История, археология. Т. II. Ташкент, 1945. 226 с.
2. Орбели И. А. Сасанидское искусство // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Книга четвёртая. М.-Л.: «Всемирная литература», 1924. С. 139-156.
3. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1965. 688 с. [Электронный ресурс] URL: <https://art-blog.uz/archives/2509> (дата обращения: 25.10.2023).
4. Чигаева В. Ю., Золотухин В. М. Птицы в наскальном искусстве Северной Азии (сюжеты и композиции) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. №6.2 (58). 145-151 с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ptitsy-v-naskalnom-iskusstve-severnoy-azii-syuzhety-i-kompozitsii> (дата обращения: 25.10.2023).

УДК 9.902.01

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО И ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКОВ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© *Благова Ксения Дмитриевна*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и реставрации наследия КФУ
Воробьева Елена Евгеньевна*

Аннотация. В статье представлена стилистическая характеристика предметов из цветного металла Больше-Тиганского и Танкеевского могильников. В ходе работы были определены общие стилистические элементы и сюжеты орнамента указанных могильников. Распространенными видами орнамента на исследуемых предметах являются растительный и геометрический, а также антропо- и зооморфный стиль.

Ключевые слова: Больше-Тиганский могильник, Танкеевский могильник, растительный орнамент, антропо-зооморфный орнамент, стилистический анализ.

Больше-Тиганский могильник был открыт в 1974 г. случайно: во время строительства автомобильной дороги рабочие обнаружили погребение. Памятник находится на территории Республики Татарстан около кладбища села Большие Тиганы на высоком плато к югу от реки Камы. Благодаря специфическому погребальному обряду и вещевому инвентарю первые исследователи могильника – Е. А. Халикова и А. Х. Халиков – отнесли его к древнемадьярской культуре (Халикова, Халиков, 2018, с. 4). Размер могильника небольшой, площадь составляет 360 кв.м. Было вскрыто более 150 погребений, вещевой материал которых открывает разнообразные возможности для дальнейшего исследования.

Синхронный Больше-Тиганскому, Танкеевский могильник имеет ряд параллелей в деталях погребального обряда и вещей древнемадьярского круга (Халиков, 2022, с. 17). Памятник расположен в Спасском районе Республики Татарстан в 1 км от села Танкеевка. Еще в 1904 г. при земляных работах были обнаружены первые находки. В 1961-1962 гг. Татарская археологическая экспедиция приступила к раскопкам могильника на южной окраине села. Е. П. Казаковым и А. Х. Халиковым было выявлено 1172 погребения из 5000 предполагаемых (Казаков, 1992, с. 89).

Важное значение для понимания мышления человека прошлого имеет художественная стилистика. Через искусство можно реконструировать быт и верования представителей разных культур. Особое место занимают предметы из цветных металлов, имеющие сюжетно-орнаментальные мотивы. Все предметы условно классифицируются по группам.

Группа I. Антропо-зооморфные изображения. В данной группе можно условно выделить несколько подгрупп.

Подгруппа 1. Зооморфные изображения.

«Конь». Изображение коня в основном присутствует на шумящих подвесках в виде плоского щитка с двумя стилизованными конскими головами и несколькими цепочками, свисающими вниз.

Интересна находка гребешковидной подвески из Танкеевского могильника. Подвеска имитирует гребешок, верхняя часть представляет собой по форме двухголового коня.

«Лев». Изображение кошачьего хищника имеет место на поясных накладках и наконечниках ремня. Лев показан в позе подготовке к прыжку: лапы полусогнуты, а спина прогибается, готовясь к прыжку, хвост поднят. Такой вариант преобладает в Танкеевском могильнике. обнаруживается еще один тип изображения льва – в сидячем положении, голова повернута назад. Такой вариант характерен для торевтики горного Алтая IX-X вв., где они заимствованы с китайских образцов (Комар, 2018, с. 129).

«Пегас». Крылатый конь изображен на накладках Больше-Тиганского могильника. Накладки арочной формы с круглым подвижным кольцом снизу. Пегас изображен в движении, крылья подняты, ноги как бы в шаге или галопе. Образ крылатого коня был популярен на сасанидских геммах и шелке из Византии (Комар, 2018, с. 127).

«Птица». Изображение хищной птицы присутствует на навершии сабли из п.7 Больше-Тиганского могильника. Птица (орел?) представлена в полете с распахнутыми крыльями, в лапах держит добычу. Сюжет восходит к сасанидской торевтике (Комаров, 2018, с. 126). Другим вариантом изображения является подвески в виде лапок водоплавающей птицы. Чаще всего они являются частью шумящих подвесок и связаны своими истоками с Верхней Камой и Марийским Поволжьем (Казаков, 1992, с. 178).

«Медведь». Изображение медведя имеется только в материалах Танкеевского могильника. Поясные накладки в виде стилизованной головы медведя, вероятно, имеют влияние уральских культур (Казаков, 1992, с. 168-169).

«Крылатый змей». Представлен на 2 прямоугольных пряжках из п.24 Больше-Тиганского могильника. Животное имеет тело и извивающийся длинный хвост змеи, передние конечности лошади с копытами, крылья птицы, поднятые вверх.

«Баран». Представлен единственной находкой – накладкой поясного набора п.47 Больше-Тиганского могильника в форме головы барана, имеющая четкие очертания.

«Грифон». Имеется на концевом наконечнике в п. 23 Больше-Тиганского могильника. Изображение, четко проработанное, показывает фигуру сидящего грифона с выделяющимся клювом и развевающимся шарфом на шее. Аналогично грифон изображался на сасанидских сосудах и византийском шелке (Комар, 2018, с. 128).

Подгруппа 2. Антропоморфные изображения.

«Танцор». На накладке из п.19 Больше-Тиганского могильника присутствует изображение человека, сидящего на одном колене с поднятыми вверх руками. Атрибутируются по наличию одежды.

«Обнаженная женщина». Изображение обнаженной женщины встречено на щитке пряжки из Танкеевского могильника (п.999). Фигура стоит полубоком, руки скрещены в районе живота.

«Личина». В п. 943 Танкеевского могильника имеется наконечник ремня с изображением двух личин. Имеют схематическую форму, расположены ярусно.

Группа II. Растительный орнамент.

«Изделия с одним или несколькими отдельными трилистниками». Самый многочисленный вариант орнамента украшений: изображался на деталях пояса, конского снаряжения и украшениях вооружения. Трилистники расположены по центру, по границе щитка идет бордюр.

«Изделия с трилистниками и ягодками». Трилистники (один или несколько) имеют четкие очертания и заостренные концы, ягодки соединены по три и отходят или от стебля, или от лепестков.

«Изделия с ярусными трилистниками». Трилистники располагаются в вертикально в ряд по 3 или 4 штуки строго друг под другом. Встречаются варианты с 2 вертикальными

рядами трилистников, но они не многочисленны.

«Изделия с «пучком» трилистников». Стебли трилистников соединены в один и образуют так называемый пучок. Количество трилистников различно: от 3 до 6 экземпляров, расположенных симметрично.

«Изделия с лепестковым орнаментом». В большинстве случаев изображались на накладках, имеющих пикообразную форму или близкую к листу. Всю площадь щитка занимает изображение листа с прожилками (обычно нечеткие или неровной формы).

«Изделия со сложным растительным орнаментом». Здесь следует отметить орнаментацию «флакончиков» из Больше-Тиганского могильника. «Флакончики» из серебряной пластины украшены «сеткой» стеблей и трилистниками. Немного другой орнамент имеет «флакончик» из п.42, имеющий в своем составе отдельные листья и многолепестковые розетки. Интересна крупная золотая накладка на серебряной основе из п.1 Танкеевского могильника. По окружности идут пальметты и отдельные лепестки в виде отдельных выпуклых точек. Отдельно можно выделить шумящие подвески и наконечники, имеющие ажурный растительный орнамент в виде стилистического трилистника со спиральными лепестками и пикообразным окончанием. Такой тип встречается в обоих могильниках.

Группа III. Геометрический орнамент.

«Линейный орнамент». Представлен в виде прямых линий, складывающихся в фигуры или узор. В п.468 Танкеевский могильник имеется круглая накладка с крестообразным рисунком, внутренняя поверхность заполнена зернистой массой (Казаков, 1992, с. 165). На наконечнике ремня из п. 37 в Больших Тиганах имеется зигзагообразный орнамент по периметру щитка.

«Точечный орнамент». Точечный орнамент представляет собой композиции из круглых вдавлений или круглых сферических выступов. К первому варианту следует отнести также предметы, декорированные зернью. Говоря о втором варианте, следует сказать, что чаще всего выступы или выпуклины имеют упорядоченное положение, например, в виде треугольника, креста или круга. В большинстве своем присутствуют на накладках Танкеевского могильника.

Итак, рассмотрев сюжетно-стилистические особенности указанных могильников, можно отметить поразительную целостность стиля в искусстве, основанного на большом многообразии средств и приемов декорирования.

Библиографический список

1. Казаков Е. П. Культура Волжской Булгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
2. Комар А. В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт: Pauker Nyomdaipari Kft., 2018. 424 с.
3. Халикова Е. А., Халиков А. Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник). «Археология евразийских степей» Выпуск 25. Казань: Изд-во «Фэн», 2018. 144 с.

УДК 902/904

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ СТРЕМЯН ИЗ МОГИЛЬНИКА УЕЛГИ

© *Бронников Петр Станиславович*
Южно-Уральский государственный университет

*Научный руководитель – к.и.н., сотрудник кафедры Отечественной и
зарубежной истории Грудочко Иван Валерьевич*

Аннотация. Статья посвящена исследованию стремян из курганного могильника Уелги в Южного Зауралья. Коллекция составляет 16 экземпляров. Описание и анализ артефактов позволил выделить два основных типа, датируемых IX-XI вв. и имеющих аналогии в кочевнических раннесредневековых комплексах других регионов.

Ключевые слова: Южный Урал, средневековье, кочевники, конское снаряжение, стремяна, могильник Уелги.

Курганный могильник Уелги находится в Челябинской области, в 8 км к северо-западу от посёлка Кунашак. Археологические работы на памятнике начались в 2010 г. Обнаруженный погребальный инвентарь и данные палеогенетики позволили связать могильник с мадьярским культурно-хронологическим комплексом. На данный момент имеется 11 радиоуглеродных дат, позволивших разработать хронологию и периодизацию могильника. Сейчас ведется работа по анализу погребального инвентаря. В частности, такой категории находок как стремяна – важнейшего атрибута конской амуниции для кочевых обществ средневековой эпохи.

Для начала дадим теоретические определения седельного комплекса. Седло – это приспособление для верховой езды, состоящее из потника, ленчика, нагрудного и хвостового ремней, подпруги и путлиц со стремянами. Стремя – часть седла, приспособление для упора ноги всадника при посадке на лошади и езде верхом (Гуревич, Рогалев, 1991, с. 186-188). Оно включает несколько составляющих частей: «ушко», дужки и подножку. «Ушко» – это место крепления стремени к путлицу. Подножка – часть стремени, на которую непосредственно опирается нога всадника. Дужки – формообразующие части стремени (Тишкин, Горбунова, 2004, с. 39).

Нами было обработано 16 стремян и археологически целых фрагментов, найденных в разные годы изучения могильника Уелги. Для их анализа мы выделили среди них два основных типа по форме ушка для путлица.

Тип 1 (рис. 1: 1-3) представлен стремянами с петельчатым «ушком» для путлица (8 экз.). Петельчатые стремяна на Южном Урале в основном датируются VII-X вв. (Мажитов, 1981, с. 5-146, рис. 6, 11, 20, 37, 38, 56, 57, 60, 68, 70).

Тип 2 (рис. 1: 4-6) – стремяна с пластинчатым «ушком» для путлица (8 экз.). Южноуральские курганы с пластинчатыми стремянами Н.А. Мажитов датирует рубежом X-XI вв. и даже XII в. (Мажитов, 1981, с. 157-158).

Сечение дужек рассматриваемых стремян имеет подквадратную, подпрямоугольную, ромбовидную и округлую формы.

Некоторые стремяна (7 экз.) снабжались ребрами жесткости в виде одной или трех

нервюр с внешней плоскости подножки. У четырёх стремян на подножке три нервюры, расположенные по центру и краям подножки, у двух других экземпляров имеется только одна нервюра, проходящая по центру подножки. На подножке стремени из кургана 32, помимо трёх нервюр имеется два поперечных выступа, оставленные, возможно, в результате их изготовления.

Подножки трех стремян имеют сквозные отверстия серповидной и круглой форм, носящие, по нашему мнению, декоративный характер. Причем в одном стремени сочетаются оба рисунка.

Интересным сюжетом в исследуемых изделиях являются следы ремонта. Они зафиксированы на трёх стремянах. На стремени из кургана 11 производился ремонт ушка, разорванного в самой верхней части изделия (рис. 1: 2). Предположительно, ремонт осуществлялся с помощью кузнечной сварки, при которой свариваемые части заготовки нагревают до температуры, близкой к температуре плавления, накладывают друг на друга и проковывают (Завгороднев, Болотников, 1978, с. 256). Стремя из кургана 32, как и предыдущее, имеет следы починки на ушке, но отличается технологией ремонта – части ушка загнуты на концах и сцеплены между собой. На стремени №2 из тайника кургана 29 была сломана подножка (рис.1: 1). Ремонт, вероятно, как и на стремени из кургана 11, производился методом кузнечной сварки. Стоит отметить, что все отремонтированные стремяна относятся к типу 1 – с петельчатым «ушком». Вероятней всего, данные стремяна были сломаны и пришли в негодность во время их использования, а затем специально отремонтированы для погребального акта.

Говоря об использовании стремян в погребальном обряде, стоит обратить внимание на то, что комплектность стремян, происходящих из большинства могильных ям, составляла один экземпляр, что, возможно, связано с религиозными представлениями средневекового кочевого населения Южного Зауралья. На памятнике зафиксировано два случая нахождения пары стремян – в кургане 8, погребение 1 (рис. 1: 5) и в «тайнике» из кургана 29 (рис. 1: 1, 6). В последнем случае стремяна принадлежат к разным типам.

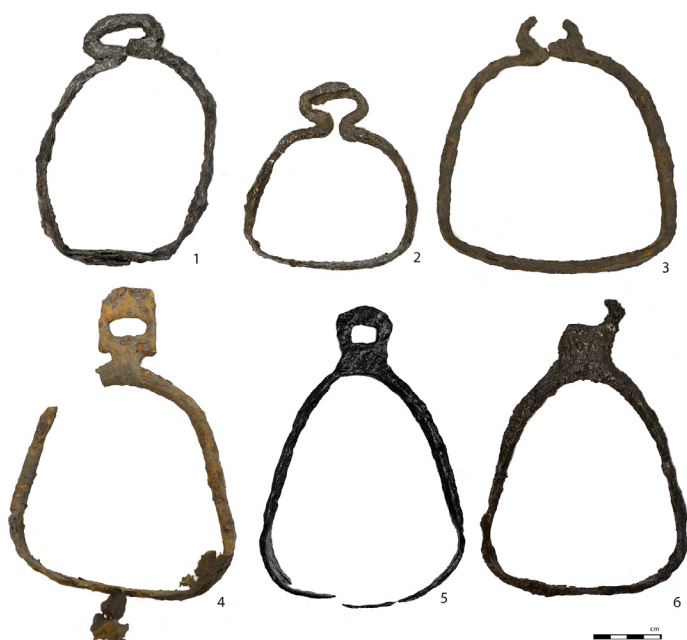

Рис. 1. Стремяна из могильника Уелги: 1, 6 – курган 29, «тайник»; 2 – курган 11, погр. 5; 3 – курган 11, погр. 10; 4 – курган 4; 5 – курган 8, погр. 1

Все стремяна из могильника Уелги датируются IX-XI вв. Аналогии обнаруживаются, прежде всего, в синхронных южноуральских комплексах, которые, судя по обряду и сопутствующему материалу, являются единокультурными могильнику Уелги. Это Лагереvские (горизонт IX-X вв.), Ямаши-Тауские, Хусаиновские, Бекешевские курганы, могильники Наровчатский, Граултры и Синеглазово и др., в которых встречаются все типы обозначенных нами стремян (Мажитов, 1981, с. 30-146; Боталов, 2000, с. 317-338). Так же стремяна обоих типов, с преобладанием петельчатых, встречаются на Алтае и Приобье в памятниках сrostкинской культуры: Поповская Дача,

Рогозиха-1, Филин-1, Хабазино-4 и др., которые датируются IX-XII вв. (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 77-78, 254, рис. 124).

Вопрос о происхождении и проникновении их на Южный Урал затрагивал С.Г. Боталов. По его мнению, изделия арочных форм с ребрами жесткости на прямой или вогнутой подножке (тип 2), происходят с территории Хазарии (Волго-Донье, Северный Кавказ), а появление стремян с петельчатым «ушком» на Южном Урале исследователь относит к VIII-IX вв. и связывает их с кочевниками Алтая и Тывы (Боталов, 2000, с. 325-327). Влияние пришлой сrostкинской культуры прослеживается в погребениях раннего периода существования могильника Уелги (IX в.) (Боталов, Грудочко, Газизова, Тюрк, 2018, с. 78-84). Обобщая вышеизложенный материал можно сказать, что в IX-XI вв. кочевники Южного Урала использовали два основных типа стремян – с петельчатым и с пластинчатым «ушком».

Таким образом, в стремянах из материалов курганного комплекса Уелги заметно влияние восточных (сrostкинская культура) и западных (культуры «хазарского» круга) кочевников. Исследуемые стремяна, на основании сопутствующего им материала, мы относим к кушнарниковской и караякуповской культурам IX-XI вв., связанных с мадьярским культурогенезом.

Библиографический список

1. Боталов С. Г. Поздняя древность и средневековье / Древняя история Южного Зауралья. Том II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 207-430.
2. Боталов С. Г., Грудочко И. В., Газизова С. Р., Тюрк А. Хронология могильника Уелги (сравнение радиоуглеродных и археологических датировок) // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Уфа, 2018. С. 78-84.
3. Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Седло и стремя // Советская этнография. 1984. С. 114-130.
4. Горбунов В. В. Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2022. 320 с.
5. Гуревич Д. Я., Рогалев Г. Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М.: Росагропромиздат, 1991. 240 с.
6. Завгороднев П. И, Болотников Б. М. Медницко-жестяницкие работы. Учебник для ПТУ. М.: Высшая школа, 1978. 352 с.
7. Комиссаров С. А. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Серия: История, философия. 2006. Том 5. Вып. 4: Востоковедение. С. 20-23.
8. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.: Издательство «Наука», 1981. 164 с.
9. Тишкин А. А., Горбунова Т. Г., Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железного века и средневековья. Барнаул: АлтГУ. 2004. 126 с.

УДК 902

К ВОПРОСУ «ГИБРИДНОСТИ» ТРАДИЦИОННЫХ СОСУДОВ НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

© *Вахрушева Елизавета Евгеньевна*

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

*Научный руководитель – научный сотрудник Елабужского института Казанского
(Приволжского) федерального университета
Купцова Мальвина Станиславовна*

Аннотация. В статье представлен анализ «гибридной» посуды Ромашкинского городища Волжской Болгарии. Определены особенности техники изготовления, форм, орнамента, этнического происхождения. Приведены статистические данные керамического материала. Выделены причины возникновения и существования гибридности традиционных групп.

Ключевые слова: Средневековье, Нижнее Прикамье, «общebolгарская» керамика, «традиционная» керамика, «гибридная» керамика, группа, орнамент, форма сосуда.

Основу керамического комплекса памятников Волжской Болгарии составляет «общebolгарская» группа керамики (или керамика I группы по Т. А. Хлебниковой), представленная ремесленной, высококачественной посудой. Кроме общebolгарской группы присутствуют «традиционные» группы керамики, представленные посудой домашнего производства, несущие признаки разных этнокультурных групп. Смешение технологических традиций и производственных навыков этнокультурных групп является гибридностью.

В керамическом материале встречаются фрагменты со смешанными признаками, характерными для традиционной и общebolгарской посуды. Посуда с признаками XIII и I групп керамики изготовлена как на гончарном круге, так и вручную, преимущественно горшковидных и чашевидных форм с невыраженной горловиной. XIII группа отражается в формовочной массе примесью крупного песка или мелкой органики с песком в тесте, I группа проявляется в плоскостности сосудов, орнаментации многорядными линиями, отпечатками гребенчатого штампа, в перекрестном и полосчатом лощении. Керамика с признаками VII и I, VIII и I групп в формовочной массе содержит примесь толченой раковины, мелкого песка, в орнаментации гребенчатый штамп, насечки по венчику.

Смешение проявляется и между традиционными группами. Посуда с признаками XIII и VII, XIII и VIII групп керамики обладает формовочной массой с примесью крупного песка и толченой раковины, цвет серый или коричневый, орнаментация, свойственная для VII, VIII, XIII групп, отпечатки гребенки и шнура, многорядная резная волна.

Исходя из статистических данных отчетов об исследованиях Ромашкинского городища Чистопольского района Татарстана. Из раскопа I гибридная керамика XIII+I представлена 11 фрагментами – 2,8% от общего числа керамического материала (330 фрагментов). Из раскопа II гибридная керамика XIII+I составляет 3 фрагмента – 0,02% от общего количества керамического материала (14712 фрагментов). По данным раскопа III гибридная керамика XIII+I составляет 3 фрагмента – 0,02% от общего числа керамического материала (28320 фрагментов). Из раскопа IV гибридная керамика XIII+I, XIII+VII представлена 9 фрагментами

(3-1 – 0,04% от общего количества керамического материала (21681 фрагментов).

Подосновой для возникновения гибридных групп керамики, образовавшихся в результате смешения традиций изготовления является XIII группа керамики (Бахматова, 2016, с. 129). По мнению Т. А. Хлебниковой, истоки керамики «джукетау» – это третий компонент, участвовавший в сложении культуры Волжской Болгарии, кроме прикамско-приуральского и салтово-маяцкого (Бахматова, 2021, с. 17). Большую роль в определении истоков, по мнению Т.А. Хлебниковой, сыграло выделение IX группы керамики в культуре Волжской Болгарии, очень схожей по внешнему облику с группой керамики «джукетау». Для этих групп были определены одни истоки – южноказахстанские степи, то есть тюркский компонент (Хлебникова, 1984, с. 195). Е. П. Казаков в своих работах сформулировал другую концепцию. Исследователь определил керамику «джукетау» как одну из гибридных групп, образовавшуюся под влиянием болгарской круговой керамики на основе постпетрогромской (VII и VIII группы). Постпетрогромские кочевые группы с характерной керамикой оставили лепную постпетрогромскую посуду и ее гибридные формы, образовавшиеся в результате взаимодействия с болгарской круговой посудой (Бахматова, 2016, с. 128).

Появление и существование гибридных форм керамики, основой которых стала XIII группа, связано с развитием традиций производства. Совместное проживание носителей разных гончарных систем создавало благоприятную среду для возникновения культурных и производственных контактов (Бахматова, 2021, с. 186). Взаимосвязь этнических процессов и истоков, взаимодействие и приобретение новых навыков и форм привели к появлению гибридной керамики. Гибридность проявляется смешанными признаками в формовочной массе примесями крупного и мелкого песка, органики, растительности, толченной раковины, в орнаментации многорядная резная волна, однорядная волна, гребенчатый и шнуровой штампы, горизонтальные линии, в формообразовании и внешнем виде сосудов.

Библиографический список

1. Бахматова В. М. Керамика «джукетау» в гончарстве населения Среднего Поволжья X-XV вв.: Калмыцкий научный центр РАН, 2021, 543 с. [Электронный ресурс] URL <http://ihaefe.org/wp-content/uploads/%D0%91%D0%B0%D1%85%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80-1-%D0%B8-2-%D1%82%D0%BE%D0%BC.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

2. Бахматова В. М. К проблеме изучения керамики «джукетау» (историографический обзор) // Поволжская археология. 2016. №4(18). С. 125-143.

3. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / Отв.ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1984. 240 с.

УДК 902

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОИЗВОДСТВА ПОДЕЛОЧНОГО КАМНЯ И ЕГО ИНДЕКСАЦИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ ОБРАБОТКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1 2022 Г.)

© Габбасова Эльмира Рамилевна

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры истории РБ, археологии и этнологии Института истории и государственного управления УУНиТ

Мухаметдинов Вадим Ильдарович

Аннотация. Данная статья посвящена изучению поделочных камней, выявленных на селище «Подымалово-1», в Уфимском районе Республики Башкортостан по итогам раскопок 2022 года. На территории памятника в ходе раскопок был вскрыт участок площадью более 300 кв. м, в ходе исследования было выявлено 87 фрагментов кремния с опализацией, размеры камней варьировались от 1 см до 8,5 см. В зависимости от существовавшей в позднем Средневековье технологии обработки камней, мы предложили сделать их индексацию, на основе которой попытались определить концентрацию мест скопления камней с определенным индексом в слоях, квадратах, комплексах, для локализации места возможной обработки камня на территории селища.

Ключевые слова: Подымалово-1, Башкирское Приуралье, поделочный камень, ювелирное изделие, шлифовка, кремний с опализацией.

Камни с периода древности использовались для создания ювелирных украшений. Ювелирное дело – это чрезвычайно тонкое дело, требующее специальных навыков. (Полубояринова, 1991, с. 10). До настоящего времени на территории Южного Урала не было зафиксировано мест обработки камней, впервые скопления фрагментов поделочных камней были обнаружены на селище Подымалово-1. Определение пластов, комплексов позволит локализовать и датировать участки, связанные с производством украшений из поделочных камней на территории Башкирского Приуралья.

Цель исследования: локализовать участки поделочных камней в слоях, квадратах, комплексах, чтобы установить возможное место обработки камня в пределах селища.

Ход исследования. Селище Подымалово-1 было выявлено Г. Н. Гарустовичем и А. М. Акбулатовым в ходе исследования бассейна р. Сикийз, в Уфимском районе Республики Башкортостан в 2010 г. Это селище является крупным поселением золотоордынской эпохи. В ходе археологических раскопок 2022 года, было вскрыто более 300 кв.м, разделенных на 12 квадратов 5х5 м земли и снято 5 пластов культурного слоя, найдено около 200 фрагментов каменных изделий, 87 из которых представлены в виде осколков кремния с опализацией. Кремний с опализацией представляет из себя поделочный камень для изготовления ювелирных изделий. По сообщению зав. лабораторией геохимии и изотопной геологии УФИЦ РАН В. М. Горожанина кремниевый опал был привозным из районов г. Сарактыш Оренбургской области и юга Казахстана (Джамбульская группа).

Анализ литературы показал недостаточное количество сведений по описанию технологии обработки поделочных камней, в большинстве работ рассмотрен состав

ювелирных изделий, также на селище не было обнаружено ювелирных украшений из камней, а только заготовки из камня, поэтому для нас было важно изучить технологию обработки камней, чтобы локализовать место производства ювелирных украшений. Следовательно, мы обращаемся к трактату Бируни, так как в нем рассмотрены процессы обработки поделочных камней. Известно, что перед изготовлением любого ювелирного изделия, нужно камень привести в нужную форму, то есть совершить технологическую обработку. По Бируни существовало несколько этапов обработки поделочных камней.

Механическая обработка камней сводится к следующим операциям:

1) Грубая формовка путем откола ударами молотка или подмазываемой наждачной кашицей. Здесь происходит первичное разбиение материала с целью его дробления на более мелкие кусочки для последующей обработки. Крупные куски нужно было раздробить, после этого образовывались более мелкие образцы.

2) Окончательная формовка путем шлифования различными инструментами. Более дешевым, но менее твердым материалом, использующим для шлифования камня, использовался наждак и корунд. Наждак использовался еще с древнейших времен. Из корундового порошка и из наждака в Индии изобрели способ изготавливать искусственные шлифовальные камни, скрепляя его лаком. Возможно, шлифовка камней производилась на камнях, приводимых в движение водяным мельничным колесом. В процессе обработки камня шлифовкой ему придается требуемая форма. Шлифовка абразивными порошками и на шлифовальном камне применяется для того, чтобы придать окончательную форму предмету и сгладить его поверхность, подготовив к полировке. Шлифование камня производилось трением вручную на кусках песчаника, подобно зерновым теркам.

3) Полировка поверхности камня. Для полировки камня употребляются тончайшие, отмученные в воде порошки. При полировке используются более мягкие порошки, чем для шлифовки. Например, порошки йеменского оникса. (Аль-Бируни, 2011, с. 426).

Согласно трактату было всего было 3 стадии обработки камня (разбиение, шлифование, полировка), но поделочные камни, обнаруженные на селище, скорее всего, проходили 2 стадии обработки. Поэтому мы предлагаем условную индексацию камней в зависимости от их размера. Сколько процессов проходил камень, столько и индексов. Индекс 1 присваивается камням, имеющим в размере больше 4 см, индекс 2 присваивается камням, имеющим в размере до 4 см. Восстановление индекса означает восстановление технологии обработки камня. Из 87 найденных фрагментов 67 из них соответствуют 1 индексу, из 87 найденных фрагментов камней 20 из них соответствуют 2 индексу.

На первых двух пластах встречаются только камни с первым индексом, на 3, 4, 5 слоях встречаются камни со вторым индексом. Следовательно, на ранних этапах существования селища люди уже использовали каменные жернова и технику шлифовки.

Распределение поделочных камней по квадратам представлено ниже:

В квадратах 5, 7, 12 находится около 30% фрагментов от 87 элементов – (№199, №245, №261, №1350, №1482, №1540, №2072), №830, №886, №181, №2013, №964, №973, №1007, №1061, №1082, №1083, №1085, №1086, №306, №446, №452, №773, №831, №966, №984, №1057, №1080. В 1 квадрате было выявлено 7 фрагментов камня, во 2 квадрате – 3 фрагмента, в 3 квадрате – 7 фрагментов, в 4 квадрате – 4 фрагмента, в 6 квадрате – 6 фрагментов, в 8 квадрате – 5 фрагментов, в 9 квадрате – 5 фрагментов, в 10 квадрате – 7 фрагментов, в 11 квадрате – 5 фрагментов, т.е. с 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11 квадратов находится около 70% фрагментов от 87 элементов.

Поделочные камни встречаются на всех слоях, квадратах и комплексах, но небольшая их концентрация встречается на самых глубоких слоях (3, 4, 5). Исходя из этого, мы

можем предположить, что поделочные камни, соответствующие второй стадии обработки, образовались еще в момент появления селища, а разбросанность их по слоям объясняется деятельностью человека (при разбиении и шлифовке камни летели в разные стороны и со временем слой за слоем засыпались). Скопление камней выявлено на 5, 7, 12 квадратах и 2 и 5 комплексах. Местонахождение комплексов соответствует квадратам (более 30 фрагментов с трех квадратов).

Таким образом мы можем сделать следующий вывод: в результате проведенных исследований нами установлено, что камни, используемые при изготовлении ювелирных изделий, существовали с момента появления селища (с XIV, более мелкие фрагменты найдены на самых глубоких слоях (3, 4, 5), что подтверждает наш анализ, небольшая локализация мест скопления камней (30%) находится в 2, 5, комплексах, что соответствует 5, 7, 12 квадратам, следовательно на этом участке находилось возможное место обработки камня в пределах селища, на остальных комплексах и квадратах скопление камней является равномерным.

Библиографический список

1. Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М.: Наука, 2011. 426 с.
2. Полубояринова М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Наука, 1991. 112 с.

УДК 9.902

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ПО МАТЕРИАЛАМ БИРИТУАЛЬНЫХ МОГИЛЬНИКОВ

© Гаврилова Элина Андреевна

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, г. Казань

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и реставрации наследия КФУ
Кондрашин Виталий Викторович*

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия кочевого и оседлого населения в Среднем Поволжье в эпоху Великого переселения народов на основе материалов биритуальных могильников. В ходе исследования выделяются особенности взаимодействия кочевого и оседлого населения.

Ключевые слова: кочевое и оседлое население, погребальный инвентарь, Среднее Поволжье, биритуальные могильники, Великое переселение народов.

Этнокультурная картина в Среднем Поволжье в эпоху Великого переселения народов претерпевает значительные изменения. Началась интенсификация контактов между оседлыми и кочевыми племенами.

Первоначально эти контакты, вероятно, ограничивались преимущественно, граби-

тельскими набегами со стороны кочевников, но позже проявляются черты взаимовлияния культур (населения), выразившиеся, например, в брачных контактах, торговых отношениях. Отражением подобного рода контактов являются материалы археологические памятники, имеющие черты, присущие различным культурам. Взаимодействие между жителями степной и лесостепной зон можно хорошо проследить по материалам биритуальных могильников.

На данный момент в Волго-Камье известны такие биритуальные могильники эпохи Великого переселения народов как Маклашеевский, Новославский II, Коминтерновский II, Ташкирменский. Из них с точки зрения представительности вещевого материала выделяется Коминтерновский II могильник, занимавший часть останца надпойменной террасы на левом берегу р. Актай в 0,7 км к северо-западу от пос. Коминтерн (Казаков, 2020).

На основе изучения материалов Коминтерновского II, Бирского и Кушнаревского могильников, Е. П. Казаков сделал вывод о взаимодействии приаральского населения с финно-уграми Прикамья (Казаков, 2020, с. 45). В частности, одной из категорий вещей, указывающих на это, являются специфические кольцевидные подвески с утолщениями по ободу, мелкие антропоморфные фигурки, которые бытуют в одно и то же время и в Приаралье, и в Прикамье (Казаков, 2020, с. 45). Кроме того, в это время в обиход племен Приуралья и Поволжья также входят накладки из серебра, псевдопряжки.

Погребальный обряд и инвентарь погребений с трупосожжениями указанных могильников имеет большое сходство с захоронениями именьковских племен, исследованными П. Н. Старостиным (Старостин, 1967) и В. Ф. Генингом. Аналогичные погребения отмечены также на IX Измерском могильнике, находящемся в Волго-Камье (Казаков, 1993, с. 102-106). Аналогии присутствуют в Кушнаревском могильнике в Башкирии, где данные комплексы отнесены к, так называемому, «романовскому типу», имеющему черты как именьковской, так и турбаслинской культур.

Этническая принадлежность населения, оставившего Коминтерновский II могильник, на сегодняшний день однозначно не определена. На основе анализа погребального инвентаря, имеющего сходство с находками из Новотурбаслинских курганов, предполагается, что кочевники были представлены населением турбаслинской культуры (Мажитов, 1977). Оседлый же компонент чаще всего связывают с именьковской (романовской) культурой или с прикамскими финно-уграми (Казаков, 2020, с. 45).

Биритуальные могильники являются уникальным типом памятников, благодаря которому можно выявить характер сосуществования разных этнических культур и определить степень их влияния друг на друга. Судя по имеющимся данным биритуальных могильников разные этнические группы образовывали симбиоз, сохраняя при этом свои собственные традиции, в частности, отразившиеся в погребальном инвентаре и обряде.

Библиографический список

1. Казаков Е. П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: АН РТ, 2020.
2. Казаков Е. П. Новые исследования именьковских памятников на Девичьем городке // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 102-106.
3. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ, вып. Д1-32, М.: Наука, 1967. 97 с.

УДК 902/904

С.В. КИСЕЛЕВ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

© *Гармаева Анастасия Васильевна*
Забайкальский государственный университет

Научный руководитель – д.и.н., профессор кафедры истории Забайкальского государственного университета Константинов Михаил Васильевич

Аннотация. Данная работа посвящена исследованиям С. В. Киселева в Восточном Забайкалье. Под его руководством были проведены раскопки двух средневековых монгольских городков – Кондуеского и Хирхирина. Хирхирина городок располагается в Приаргунском районе, в приустьевой части р. Хирхира на левом берегу р. Урулюнгуи. Кондуеское городище располагается в Борзинском районе, в 10 км от с. Кондуй, в долине между рек Кондуй и Барун-Кондуй – притоками р. Урулюнгуи (бассейна р. Аргунь).

Ключевые слова: С. В. Киселев, Восточное Забайкалье, Хирхирина городок, Кондуеское городище, средневековье, монгольские городки.

В 1957-1958 гг. в Забайкалье работала Советско-Монгольская археологическая экспедиция Академии наук под руководством Сергея Владимировича Киселева. В раскопках участвовали студенты историко-филологического факультета ЧГПИ во гл. с М. И. Рижским. Были проведены исследования двух средневековых монгольских городков – Кондуеского и Хирхирина.

Хирхирина городок располагается в Приаргунском районе, в приустьевой части р. Хирхира на левом берегу р. Урулюнгуи. Хирхирина городище в литературе связывают с найденным неподалеку «Чингисовым камнем», на котором выбита самая древняя надпись на старомонгольском языке и интерпретируется как резиденция хана Есункэ (Исункэ) — племянника Чингис-хана (Киселев, 1961, с. 103-104).

С. В. Киселевым были заложены четыре раскопа в разных частях памятника, также им были проведены раскопки на могильнике Окошки. По мимо этого был снят глазомерный план городища. При исследовании было установлено, что к западу от берега поймы р. Хирхиры расположена цитадель, окруженная валом, который с южной стороны имеет разрыв до 20 м – были ворота. Перед валом с запада, юга и востока четко виден ров. Внутри цитадели были видны остатки ряда построек. В центре усадьбы располагался дворец хана (15×30 м), построенный на искусственной платформе, это позволили понять проведенные раскопки с восточной стороны здания (раскоп 1). Также, раскопки показали, что дворец имел деревянные, щитовые стены и четырехскатную, покрытую черепицей крышу. При работах были найдены отопительные каналы, по которым от топок по полу проходил теплый воздух. Всего было найдено две топки. С.В. Киселев установил, что подобные системы частичного отопления помещений характерны для дворцовой архитектуры Дальнего Востока. Пол же был выложен сырцовым кирпичом.

Раскоп 2 был поставлен с целью изучения конструкции вала и рва усадьбы и для определения функционального назначения располагавшейся здесь постройки. По результатам раскопок было установлено, что основу вала образовывали прослойки строительных остатков – битых черепицы и кирпича. Также, вал снаружи и изнутри был

обмазан глиной. По мимо этого, при разрезе вала было выяснено, что он построен на развалинах более древнего здания (Киселев, 1958, с. 110-112).

Для изучения центрального здания на восточной окраине городища, обнесенного валом усадьбы, был поставлен третий раскоп. Постройка имела глинобитные стены, вымазанные глиной пол и разделен на отдельные помещения. Перегородки сложены из сырцового кирпича. Кладка имеет два варианта. Первый представляет обычный, в один кирпич, в другом месте была из вертикально поставленных кирпичей. Такие приемы кладок, по указанию С. В. Киселева, распространены в Китае.

Распоп 4 заложен на северо-восточной части городища. Здесь была найдена постройка с глинобитными стенами, пол, который представляет утопанный древний гумусный слой с большим количеством угля. Также, на большую часть пола зафиксирован толстый слой золы и угля.

По итогу раскопок были исследованы С. В. Киселевым дворец, жилища, найдено большое количество черепицы и кирпича, орудия труда, посуда и другие предметы быта, вооружение, а также украшения. Хирхириинский городок был датирован XIII в. и по предположению С. В. Киселевым дворец уничтожен в результате пожара (Древнемонгольские города, 1965, с. 25-27).

Кондуйское городище располагается в Борзинском районе, в 10 км от с. Кондуй, в долине между рек Кондуй и Барун-Кондуй – притоками р. Урулюнгуй (бассейна р. Аргунь).

В начале исследований С. В. был снят подробный план развалин и дворца Кондуйского городка. Им были исследованы центральное здание (дворец), южные ворота и один их павильонов. По проведенным работам, Кондуйский дворец представлял собой крестообразное здание, расположенное на двухметровой платформе с двумя уровнями террас. Террасы были украшены деревянными, покрытыми красным лаком балюстрадами, столбики которой были укреплены в пазах специальных гранитных плит. По мимо, этого на нижней террасе были расставлены с интервалом примерно в 2 м гранитные изваяния драконов (31 экз.), которые напоминают мраморных изваяний пекинского дворца (Древнемонгольские города, 1965, с. 329-331). Также, вершину внешних углов террасы украшал другой тип изваяний – в виде внешней части драконо-черепаховидного чудовища, покрытого пластинками панциря. Платформа была выстлана кирпичным полом, который был выложен квадратными плитами (30×30 см.). К платформе вели пять кирпичных пандусов – два с востока и запада, а с юга располагался главный вход. С северной стороны пандуса нет (Киселев, 1958, с. 114).

По результатам раскопок С. В. Киселевым было показано, что здание состоит из нескольких частей – аванзала, проходных коридоров, зала для приемов, жилых покоев или вспомогательных помещений. Весь Кондуйский дворец покрывала узорчатая черепичная многоярусная крыша зеленой, желтой и красной расцветки. Ее украшали на коньках такие же фигуры драконов и птиц, которые были найдены при раскопках (Древнемонгольские города, 1965, с. 335-336).

К западу от дворца проводились раскопки павильона. Результатами, которых образцы поливной кровельной черепицы.

По проведенным исследованиям С. В. Киселев делает вывод, что данный комплекс был уничтожен в результате пожара, так как следствия его встречаются при раскопках в виде обугленных деревянных конструкций или в виде ошлаковавшихся от жара фрагментов кирпича или черепицы.

По мимо этого, С. В. Киселев также проводит сравнения Кондуйского дворца и дворца Угэдэя в Каракоруме. По его мнению, первый был построен в более позднее время. С. В. Киселев обосновывает это тем, что Кондуйский дворец имеет более изысканные форму

планировки и украшений сравнительно с большей простотой Каракорумского дворцового здания (Древнемонгольские города, 1965, с. 342).

Таким образом, исследования С. В. Киселева внесли огромный вклад в изучение культурных и социально-экономических аспектов средневековых монгольских поселений. Исследования Хирхирина и Кондуйского городков продолжается и в настоящее время.

Библиографический список

1. Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 418 с.
2. Киселев С. В. Древние города Забайкалья // Советская археология. 1958. №4. С. 107- 119.
3. Киселев С. В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // Советская археология. 1961 №4. С. 103-127.

УДК 94(574)

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О БАТЫРАХ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА (ИНСТИТУТ БАТЫРСТВА)

© *Ергалиев Адиль Бахытжанович*

Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, г. Петропавловск

*Научный руководитель – к.и.н., заслуженный профессор кафедры
«История Казахстана и социально-гуманитарные дисциплины» СКУ им. М. Козыбаева
Плешаков Анатолий Андреевич*

Аннотация. Статья посвящена батырам, которые жили на территории Северо-Казахстанской области (далее – СКО) и сражались с полчищами джунгарских нашествеников в эпоху средневековья. Знания о батырах являются огромным культурным наследием поколений казахстанцев, на их подвигах строится патриотическое воспитание граждан страны.

Ключевые слова: Батыры, Северо-Казахстанская область, Средневековье, Культурное наследие, Патриотическое воспитание, Подвиги, казахстанцы.

Сложение Казахского ханства относится к середине XV в. (1465 год) когда султаны Керей и Жанибек откочевали на юг в Могулистан.

Затем наступили события, которые сохранились в памяти казахского народа до наших дней как «Ақтабан шубырынды, Алқакөл сулема» годы Великого бедствия. Время, когда нависла вероятность исчезновения целых народов на территории современного Казахстана и большей части Средней Азии. Джунгарские полчища своими набегами опустошали целые территории. На защиту аулов вставали воины во главе со своими предводителями-батырами. До нас дошли их подвиги, о которых слагались легенды, чьи имена воспевали в народных сказаниях, в кюях.

Вероятно, в это время стал складываться институт батырства – это воины, прославившиеся в боях, которые возглавляли отряды «ополченцев». Звание батыра

заслуживалось в битвах храбростью и боевым мастерством.

Средний жуз был крупным и многочисленным в ханстве, чьи представители вели ожесточенную борьбу под общим руководством Абылай хана за независимость от джунгарского ига (Мукатаева, Султангазы, 2015, с. 50) Захоронения легендарных героев считаются сакральными местами Казахстана.

Наиболее известные батыры: Кожаберген-жырау, Қарасай и Ағынтай батыры и другие, чьи имена у нас на слуху.

Кожаберген-жырау (1663-1763 гг.) – акын, музыкант, батыр, полководец. Родился в местности Гултобе (цветущий холм) недалеко от Благовещенки Жамбылского района Северо-Казахстанской области, на месте захоронения установлен мемориал. Его отец Тойлыбайсыншы (1603-1680) – батыр, главнокомандующий войск всего Среднего жуза. Он получил хорошее образование со знанием арабского, персидского языков, исламской религии и восточной литературы. Был сподвижником Тауке хана Тауке хана, выполнял дипломатическую работу, 25-летнего Кожабергена избрали главнокомандующим всеми войсками хана.

Он принимал участие в создании свода законов Тауке хана «Семь установлений». Перу Кожабергена принадлежит историческая поэма «Ата тек», «Жетіжарғы». «Елим-ай» – самое знаменитое его произведение, долгое время считавшееся народной. Потомком Кожабергена является известный казахский акын Мұхамедқанапия Шақшаков (Сегізсері). Его место захоронения считается неизвестным, но недавно оно обнаружено нашими учеными благодаря письменным источникам, но еще требует уточнения, что явится новым историческим открытием.

В последние годы, благодаря исследованиям ученых Северо-Казахстанского университета и Военной Академии Национальной Гвардии Республики Казахстан, стали известны новые имена батыров, которые прославились в народе за подвиги в борьбе с джунгарами.

Жанатай Жанкеулы – батыр. Его имя известно не только в народных сказаниях и легендах, посвященных героям казахского народа, но и встречается в работе Шокана Уалиханова «Исторические сведения о героях XVIII века».

Он являлся сподвижником Аблай хана, в 20-х гг. XVIII в. выделился в битве против джунгар. Ныне его потомки в седьмом поколении проживают на территории Северо-Казахстанской области, являются наследниками его семерых сыновей: Болат, Бошан, Танат, Тастемир, Онжеты, Кенжекозы, Кешубай. Как утверждают его нынешние потомки Жанатай батыр был из рода Аргынов – Атыгай – Кудаберды. Его могила находится у аула Орнек Есильского района.

Сары батыр (1690-1771 гг.). Брат Баян-батыра. Являлся полководцем войск Среднего жуза, отличавшийся храбростью в войнах против джунгарских захватчиков и в войнах против волжских калмыков. За боевые заслуги дали прозвище «Ер Сары». Батыр был описан в произведениях Татикара-жырау, Кожаберген-жырау, в эпосе «Батыр Баян» Магжана Жумабаева. По данным Шокана Уалиханова, в возрасте 81 года, Сары батыр в одном из боев с калмыками был смертельно ранен. Согласно обычаю и желанию умирающего был похоронен на родине. На месте его захоронения был насыпан высокий курган – «Сары батыр корганы». Место захоронения батыра находится в Северо-Казахстанской области, Тимирязевском районе, недалеко от села Докучаевка. Стоит отметить то, что недалеко от Сары-батыра захоронен Суир-батыр.

Жансугур Баубек (1742-1832 гг.) – батыр. Жансугур батыр – сын батыра Қойлы Атыгай Баубека. Слава батыра пришла Жансугуру в возрасте 17-18 лет. С 15-летнего возраста

возглавлял отряд казахских воинов против джунгарских захватчиков, который достиг больших побед в сражениях против калмыков. Вместе с Элмембет Мырзабай батыром, акыном Нурым примкнули к Кенесары Касымову. После этого, по неизвестным причинам, Жансугур вернулся на родину и участвовал в управлении страной, поднялся до звания бия. В книге «Ел мен жер» было прозрачно написано звание и чин «Старшина области, капитан Жансугур Баубеков». Захоронен в Северо-Казахстанской области, Аккайынском районе, около села Аралагаш, в настоящее время место захоронения вошло в список Сакральных мест.

Суиндык Даулетимбет – батыр из Среднего жуза, родился в урочище Орталык (Плешаков, Сартаев, 2021, с. 34-35).

По устным преданиям Абылай в своем правлении опирался на ближайших помощников – верных батыров: Жанибек Мандай Карман и Суиндик (Муканов, 2007, с. 5). Благодаря им была разбита армия калмыков. До нас дошли устные сведения, что на его могиле от имени хана был установлен большой камень с надписью на арабском языке: «Когда погибла птица, тогда погиб и Суиндик мрачной осенью», была надпись «от Абылай хана трех жузов». Дата смерти примерно 1767-1773 год.

Суиндык-батыр похоронен в Северо-Казахстанской области, Жамбылского района, возле села Орталык в урочище Боевик. Погребальное поле располагается между двумя красивыми озерами с заросшими камышом и аиром берегами, где по сохранившейся легенде происходили бои в конце XVII в. с джунгарами, и батыр погиб вместе со своими воинами.

Из уст в уста передавались эпизоды его героического прошлого. И наша задача восстановить события и имена по тем устным рассказам, которые пришли из глубины истории славного рода Керей.

Благодаря исследованиям ученых с 2019 г. захоронение Суиндык батыра входит в «Сакральные места Казахстана».

На сегодняшний день известно, что после своей смерти Суиндык оставил двух сыновей, которые продолжили род, который сохранился до сегодняшнего дня. Потомки батыра в настоящее время живут на территории Северного Казахстана в Жамбылском районе и в приграничных районах Курганской области РФ.

Северная область Казахстана, принадлежавшая Среднему жузу, воспитала много батыров-героев. Их подвиги являются важной частью культурного наследия и источником воспитания патриотизма современной молодежи. Герои были воспеты в произведениях жырау, акынов, поэтов и фольклоре, их имена стали символами национальной гордости. Подвиги батыров документировались историками и этнографами. Их захоронения стали паломническими и сакральными местами, охраняемыми государством как важное историческое наследие (Сакральный Казахстан, 2020, с. 236).

Библеографический список

1. Мукатаева Л. К., Султангазы Г. Ж. Роль хана Абылая в сохранении и развитии международных связей Казахского ханства // Право и государство. 2015. №2(67). С. 19-23.
2. Муканов К. Абылай хан и его батыры // Проспект СК. 2007.12 октября. 5 с.
3. Плешаков А., Сартаев Ж. Исторический контекст в воспитательной роли патриотизма // «Бүркіт» Журнал Национальной гвардии Республики Казахстан. №1(79) 2021. С. 34-35.
4. Сакральный Казахстан. Четвертый том. Нур-Султан, 2020. 236 с.

УДК 902

К ВОПРОСУ О СТИЛЯХ БОЛГАРСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

© *Исмоилова Айгуль Альбертовна*

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
г. Набережные Челны

Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории, географии и методик ее преподавания Нигаматов Альберт Зуфарович

Аннотация. Статья направлена на изучение первого и второго стилей эпитафических памятников Нижнего Прикамья. В работе представлен обзор особенностей эпитафических объектов, относящихся к данному региону. Большое внимание уделено изучению причин возникновения и эволюции этих стилей в Волго-Камском регионе.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, эпитафический памятник, декор, композиция, первый стиль, второй стиль, куфи, сульс.

Эпитафические памятники представляют собой ценный исторический источник. Они являются надежным и долговечным источником информации, с помощью которого можно воссоздать изучение прошлого и расшифровать традиции и ценности того времени.

Развитие же традиции установки надгробных камней в Волжской Болгарии отражает исторические и культурные изменения в этом регионе.

Эпитафические памятники в основном преобладают надписи с использованием арабского языка, что больше подкрепляет связь Волжской Болгарии с исламским миром и распространением на данных территориях суфизма, которое приводит к выделению данной традиции. Эпитафии являлись не только последней данью умершему, но и самовыражением привилегированности знати, демонстрацией своей значимости, которое четко отражается в зафиксированных памятниках.

Хотя стилистика средневековых эпитафий Волжской Болгарии разнообразна, существует ряд определенных особенностей и сходств, которые дают основание выделить первый и второй стили на примере памятников Нижнего Прикамья. Они также остаются характерными для обозначения всех эпитафических памятников болгарского населения.

Перед определением памятника к первому или второму стилю, необходимо разносторонне систематизировать имеющиеся характеристики эпитафий. Так, опираясь на изучения эпитафистов-болгароведов: Г. В. Юсупова, А. К. Булича (Булич, 1926, с. 78), Ф. С. Хакимзянова, Н. Г. Гарифа, можно выделить ряд критериев, для дальнейшего отождествления одних памятников с другими.

Необходимо также отметить, что по своему своеобразию и местонахождению средневековые эпитафические памятники Волжской Болгарии разделяют на 4 региональных округа: Болгарский, Кирменско-Джукетауский, Восточный (Чишминский) и Северный (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 40).

Первая черта рассмотрения: содержание текста, которое включает в себя степень коранических сюжетов, имен, упоминание титулатуры и родословия покойного, наличие числовых обозначений и эпитетов

Вторая черта – это оформление памятника, заключающаяся в:

- 1) размере камня;
- 2) разнообразии форм верхней части и форм арки;
- 3) наличии орнаментальной полосы между основным текстом и тимпаном;
- 4) наличии композиций и ее конфигураций.

Следующей чертой для рассмотрения обозначается – стиль письма. Письмо Волжской Болгарии на основе памятников XIII-XIV вв. пусть и представляется разновидностью стилей арабского письма, в то же время обладает своими уникальными особенностями. На примере анализа обнаруженных памятников с могильников «Таш билге» и Ханское (кирменское) кладбище можно отметить преобладание стиля куфи, который отличается прямыми и угловатыми линиями, а также заметным вертикальным уклоном.

Выделив же специфические черты, становится возможным разграничение эпитафий по первому и второму стилям.

За основу анализа возьмем результаты фиксации 13 эпиграфических памятников XIII-XIV вв. на территории могильника «Таш билге» (Купцова, 2021, с. 443). Учитывая все описанные признаки, к первому стилю можно отнести памятники, для которых характерно: наличие текста с заглавными кораническими формулами нескольких уровней; употребление в тексте эпитетов «благочестивый», «славный»; внушающий размер камня и соответствующая большая высота, доходящая от 40-50 см до 1 м; прорезные арки и наличие орнаментации в виде полосы между тимпаном и основным текстом (виноградная лоза, мотив трилистника); бордюрные соединения в виде маленьких параллелограммов (Юсупов, 1960, с. 65-66); наблюдение наличия весьма заметных трехчастных композиций в верхней части камня; также преобладание куфического вида письма (рис. 1. 1).

Памятники же второго стиля сосредотачивают в себе следующее: более маленькое и скромное содержание текста (включая коранические формулы), размеры камней достигают 35-45 см в высоту, орнаментальная полоса в лицевой части отсутствует, композиционные элементы весьма незначительные (маленькие формы одной розетки) и у большинства и вовсе отсутствуют, преобладающим стилем письма является – сульс, для которого характерны криволинейные, прямо-линейные вырезанные элементы (рис. 1. 2).

Таким образом, из зафиксированных в «Таш билге» 13 намогильных камней, учитывая все внешние свойства, можно разделить так: 6 из них можно отнести к первому стилю, остальные 7 – ко второму стилю.

В Ханском (кирменском) кладбище (около д. Средние Кирмени) из 13 сохранившихся эпиграфических памятников, учитывая их плохую сохранность, которая препятствует делать более точные умозаключения: 6 памятников можно отнести к первому стилю (по размерам камня, по частично видимым надписям и конфигурациям розеток в верхней части камня), а остальные 7 – отнести ко второму стилю болгарских эпиграфических памятников.

Из сопоставительного анализа, предполагается сделать вывод: учитывая обозначенные эпиграфические памятники из «Таш билге» и Ханского (кирменского) кладбища, чуть больше половины рассматриваемых памятников можно отнести ко второму стилю.

Конечно же, в свою очередь нельзя не отметить про поэтапное проникновение особенностей р-языка в эпиграфику памятников Нижнего Прикамья.

Исходя из рассматриваемых особенностей эпиграфических памятников Волго-Камского региона, необходимо затронуть, что на возникновение и эволюцию стилей также влияют культурные и бытовые отношения, которые складываются в местности, уровень развития камнерезного дела, весомость исламских духовных практик, материальное положение и духовное положение населения.

Рис.1. 1. Эпиграфический памятник из «Таш билге» с розеткой в двойном кругу
(с. Староромашкино, Чистопольский район, XIII-XIV вв.)

2. Эпиграфический памятник из «Таш билге» (с. Староромашкино, Чистопольский район, XIII-XIV вв.)

Библиографический список

1. Булич А. К. Болгарские городища в Чистопольском кантоне ТАССР// Вестник Научного общества татароведения. 1926. №4. С. 77-79.
2. Гариф Н. Г. Казан ханлыгы чоры ташъязмалары – Казан, ТФА. Тарих институты басмаханәсе, 2010. 128 б.
3. Купцова М. С, Юнусова А. А. Староромашкинское кладбище с надгробиями XIV века (результаты исследований) // X Международная тюркологическая конференция Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюрко-мусульманский мир. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 2021. С. 442-444.
4. Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Таткнигоиздат, 1987. 128 с.
5. Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. 322 с.

УДК 902

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ С СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1© *Ишегулов Айгиз Динарович*

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

*Научный руководитель – старший преподаватель кафедры истории
Республики Башкортостан, археологии и этнологии УУНиТ
Мухаметдинов Вадим Ильдарович*

Аннотация. В статье излагаются результаты специального технологического изучения гончарной керамики из раскопок селища Подымалово-1 в Уфимском районе Республики Башкортостан, которое датируется 2-й половиной XIV в. Исследование керамики проведено в рамках историко-культурного подхода по методике А. А. Бобринского по ступеням гончарной технологии, относящимся к подготовительной стадии производства.

Ключевые слова: позднее Средневековье, Золотая Орда, Башкирское Приуралье, гончарная керамика, селище Подымалово-1, технологический анализ.

Открытое в 2010 году башкирским археологом Г. Н. Гарустовичем селище Подымалово-1 ныне является одним из наиболее примечательных памятников Башкирского Приуралья. Его особенность, как крупного, по региональным меркам, торгово-ремесленного центра, накладывает свою печать на фиксируемые здесь ремесленные производства. Находящееся в зоне расселения чияликских племён, ведущих традиционное полукочевое хозяйство, Подымалово-1 предстаёт точкой транзитной торговли, важной для функционирования золотоордынского средневекового уклада (Ахатов, и др., 2018: Гарустович, 1998).

Целью данной работы является анализ и введение в научный оборот полученных данных о некоторых аспектах технологии производства круговой керамики с селища Подымалово-1. В задачи исследования входило получение исходной информации о технологии изготовления сосудов и ее последующее обобщение для выделения технологических традиций населения (Бобринский, 1978, 1999).

В 2022 году в рамках экспедиции был раскопан участок площадью около 300 кв. м., было обнаружено большое количество черепков гончарной посуды. В выборку, для изучения был отобран 71 фрагмент. Изучение образцов велось по свежим изломам керамики с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10.

Результаты анализа. Данные микроскопического анализа керамики с селища Подымалово-1 показали, что при отборе исходного пластичного сырья для создания круговой керамики предпочтение отдавалось глине. Из нее были изготовлены все сосуды из выборки. В основном использовалась слабозапесоченная; ожелезнённая глина в 95% случаях (слабоожелезненная – 27%, среднеожелезненная – 40%, сильноожелезненная – 33%). Песок был определен в большинстве случаев как полукатанный, кварцевый, < 0,25 мм, в ряде случаев фиксировалась слюдяная пыль. Неожелезненная глина представлена в 5%.

В качестве искусственной органической примеси использовался органический раствор. В изломе сосудов с этой примесью были выявлены щелевидные поры разных

размеров с белыми вкраплениями. В качестве других искусственных примесей выделяются: шамот (обычно достаточно крупных размеров), раковина (мелкая, толченая), единично дресва (преимущественно тальковая). В таблице 1 представлено соотношение рецептов формовочных масс.

Среди выделенных рецептов формовочных масс выделяется, и остается непонятным рецепт с песком, представленный 2 сосудами. Похоже на то, что при изготовлении этой формовочной массы, гончар добавлял сухую дробленную глину или искусственно песок.

Рецепты формовочной массы	Количество сосудов
глина	31
глина + органический раствор	17
глина + раковина	7
глина + органика	4
глина + шамот	4
глина + песок (?)	2
глина + шамот + раковина	1
глина + дресва	1

Таблица 1. Рецепты формовочных масс

Таким образом, обобщая полученные данные, можно сказать, что на данном селище функционировало на высоком уровне гончарно-ремесленное производство, глина могла использоваться в качестве моносырья, однако в некоторых случаях готовили формовочную массу с искусственными примесями.

Сравнительный анализ может нам сказать, что состав населения был неоднородным, в мастерских могли работать представители различных этнокультурных групп. Общей чертой на этих производствах был обжиг в специализированных гончарных горнах, так как большинство сосудов круговой керамики имели характерные оттенки терракотового, оранжево-коричневого цвета.

Библиографический список

1. Ахатов А. Т., Бахшиев И. И., Тузбеков А. И., Камалеев Э. В. Селище Подымалово-1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты) // История и педагогика естествознания. 2018. №4. С. 28-32.
2. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. Москва: Наука, 1978. 272 с.
3. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. Разд. 1. С. 5-109.
4. Гарустович Г. Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. №15. С. 181-198.

УДК 902

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ХОЛОДНОЙ ОБРАБОТКИ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

@ Карablёва Анна Сергеевна

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
г. Набережные Челны

Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории, географии и методик их преподавания НГПУ Нигаматов Альберт Зуфарович

Аннотация. Мастера Волжской Болгарии владели многими техниками обработки ювелирных изделий. К этим техникам можно добавить холодную обработку, которую в археологической науке принято называть торевтикой. Особенно часто можно встретить изделия, выполненные в следующих техниках: чернение, плетение, скань, гравировка, о которых и пойдёт речь в данной статье.

Ключевые слова: торевтика, ювелирное изделие, Волжская Болгария, чернение, гравировка, скань, плетение, проба, золото, серебро.

История изучения черневых болгарских изделий начинается в XIX в. после публикации Спасского клада, найденного в 1869 г., и находок, попавших в собрание казанского коллекционера А. Ф. Лихачёва из крупнейших болгарских городищ – Болгарского и Билярского. Он первым попытался описать технологию изготовления черневых перстней и орнаментальные композиции на них. По его предположениям, перстни могли быть выкованы из пластинки или брусочка металла, образовавших четырёх- или шестиугольную фигуру, а суженные концы постепенно утончались и сводились вместе, наружная сторона гравировалась и чернилась (Лихачёв, 1891, с. 170). Из орнаментальных композиций А. Ф. Лихачёв наметил следующие: птица, напоминающая петуха на старинных русских вышивках, персидская лилия и арабеска (Лихачёв, 1891, с. 176). Перстни в исполнении черни он датировал XI-XII вв.

Для болгарского черневого искусства характерно использование черни только при изготовлении изделий из серебра, нанесение черни на другие виды металлов выявлено не было. Наиболее распространённым изделием, выполненным в технике чернения, являются перстни. Чернение обычно наносилось поверх гравировки и занимало немалую площадь изделия. Массовое производство болгарских черневых изделий приходится на конец XI-XII вв. (Руденко, 2011, с. 77). В основном серебряными черневыми изделиями пользовались жители городов, особенно такого крупного города, как Биляр.

В конце X в. в Германии был написан манускрипт ювелира и художника – монаха Теофила Пресвитера «Записка о разных искусствах», где упоминается о том, как именно изготавливать черневую смесь, о правильном нанесении черни на изделие, о полировке черни и т.п. Теофил предлагает взять камедь и растереть её в воде, чтобы та помутнела. Далее нужно покрыть место этим раствором, где предполагается нанесение черни. После этого берётся перо, заполненное чернью и железной палочкой из него вытряхивается смесь на рисунок. Следующим действием нужно окружить предмет углями, но так, чтобы тот не попадал на чернь. После того, как чернь расплавится и покроет изделие, нужно смочить её

слюной и натереть пемзой, чтобы чернь осталась только на месте вырезанных мастером углублений (Теофил, 2007, с. 272). Судя по черневым перстням, которые сохранились в государственных музеях, можно сказать, что хорошая сохранность черни на изделиях зависела от глубины выгравированного рисунка. По всей вероятности, подобными способами и болгарские мастера пользовались при нанесении черни на изделия.

В золотоордынский период черневых изделий встречается мало, скорее всего это было связано с тем, что спрос на такие ювелирные украшения упал из-за уничтожения местной знати в ходе нашествия и со стандартизированной модой Золотой Орды. Такие изделия представлены, прежде всего, перстнями из Карашамского клада, найденного в 1950 г., соккрытие данного клада относят к XV в., а сами изделия были предположительно изготовлены в третьей четверти XIV в.

Медный пластинчатый браслет с изображением львиных морд из «джукетауской» коллекции Музея археологии и истории Татарстана Елабужского института КФУ является ярким примером изделий, выполненных в технике гравировки. Браслеты данного типа преимущественно изготавливались из серебра и нашли своё подражание в бронзовых и медных копиях, датируемых XIV – первой половиной XV вв. Вероятнее всего, гравировка была нанесена резцом, тонким и четырёхгранным, подобным современному штихелю.

Плетение, как техника обработки ювелирных изделий, появилось в Волжской Болгарии в X в. Прежде всего, оно представлено плетёными проволочными браслетами, выполненными в технике 2х2, либо 2х3. Техника 2х2 представляет собой переплетение одного 2-проволочного жгута, согнутого пополам. Техника 2х3 представлена сплетёнными из двух 2-проволочных жгутов, один из которых согнут пополам, а второй, в свою очередь, приплетён к нему дополнительно. Окончания таких браслетов обычно были спаяны друг с другом и могли дополняться шатоном с драгоценными камнями.

Техника скани знакома людям с самой древности. Уже в 3 тыс. до н.э. жители Месопотамии научились изготавливать ювелирные украшения в технике телкари, что в наших краях получило название скань или филигрань. Это подтверждают археологические находки таких изделий в городе Мидьят провинции Мардин, некогда находившегося в верхней Месопотамии, нынешней Юго-Восточной Анатолии. Такая техника обработки, как скань, нужно отметить, применялась не только как способ украсить или сделать украшение более изящным, но и скрыть шов, зафиксировать бусину. Однобусинное височное кольцо, найденное на юго-востоке Елабужского городища в 1994 г. в ходе обследования останков женского захоронения, датируемое XI в., может служить примером того, что скань в данном случае служила вспомогательным элементом, дабы зафиксировать бусину на кольце. Однако если мы обратимся к Болгарскому городищу, то в 2010 г. в раскопе CXLIX слое IV была обнаружена подвеска в форме птицы, датируемая первой половиной XIV в., которая была изготовлена из золотой свёрнутой ленты, шириной не менее 0,3 см, контуры фигуры подчёркнуты перекрученной напаянной проволочкой (Баранов, 2016, с. 197). В данном примере можно увидеть, что скань служит не в качестве вспомогательного элемента, а является основной техникой изготовления украшения. Если в домонгольский период скань служила дополнительным элементом украшения, то в золотоордынский период она приобретает иные формы, становясь одной из основных техник изготовления ювелирных изделий.

Серебро, использованное при изготовлении ювелирных изделий, чаще всего соответствовало 925-й пробе, которая славится своей легкоплавкостью и пластичностью. Золото чаще всего варьировалось между 750 и 999 пробами (Руденко, 2011, с. 79). Чем выше проба золота, тем оно мягче и быстрее гнётся, царапается и теряет свой изысканный

вид. Поэтому в современном ювелирном производстве чистое золото встречается редко и используется лишь в качестве декоративного покрытия.

Библиографический список

1. Лихачёв А. Ф. Драгоценный клад, найденный в Казанской губернии в 1882 г. // ТАС VII в Ярославле в 1887 г. Т. II. М., 1891. С. 169-197.
2. Музей Болгарской цивилизации. Т. 2. История тюрко-болгарской цивилизации / Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдилов А. Г. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.
3. Руденко К. А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
4. Теофил. О различных искусствах // Книга тайн. Секреты мастерства. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2007. С. 169-374.

УДК 902.01

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ЧУВАШЕЙ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

© Карамаликова Мария Алексеевна

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Федулов Михаил Игоревич

Аннотация. В статье рассматриваются основные виды женских головных уборов чувашей по материалам средневековых могильников, и сравнение их с этнографическими описаниями и современными образцами. Изучаются сохранившиеся элементы и детали (ткань, монеты, металлические украшения, бусы), делается попытка реконструировать головные уборы.

Ключевые слова: головные уборы, повязки, шапочки, масмак, тухья, хушпу, средневековые могильники, чувашки.

В средневековых чувашских могильниках содержится богатый погребальный инвентарь, среди которого выделяются головные уборы. Анализируя данные раскопок, можно сделать вывод, что большая часть из них имеет гендерное определение – женские повязки и шапочки.

Исходя из цели работы – реконструировать женские головные уборы, мы определили несколько задач:

1. Изучить архивные материалы, отчёты по результатам раскопок средневековых могильников;
2. Сделать графическую прорисовку уборов;

3. Найти аналогии в этнографических описаниях и проследить динамику эволюции головного убора.

В процессе систематизации археологических данных, выявились некоторые проблемы.

Главная из них – это некачественные прорисовки или отсутствие отдельных (крупномасштабных) зарисовок области черепа. Исследователи сами зачастую не дают объяснений находок, только их местонахождение относительно черепа. Другой проблемой является плохая сохранность тканевых основ. Для устранения данных проблем применялся метод графической реконструкции.

Источниками для работы послужили отчёты и публикации по могильникам XVI-XIX вв.: Новоядринский, Мартыновский, Большеемеминский, Тегешевский и Верхнеачакский. Всего известно о более 40 средневековых могильников чувашей (около 1432 погребений), расположенных на территории проживания трёх этнографических групп – верховых (вирьял), средненизовых (анат-енчи) и низовых (анатри). Удалось выявить 9 погребений, по материалам которых возможна реконструкция уборов. Больше всего их сохранилось в могильниках верховой и средненизовой групп.

В современном представлении головные уборы чувашей делятся на несколько видов: повязки и шапочки. К первому типу относится масмак (рис. 1: 6, 8). Он представляет собой узкую и длинную налобную повязку-ленту из ткани, украшенную вышитым узором, шелковыми лентами и монетами. Вид, вышивка и узор различается в зависимости от этнографических групп чувашей.

К шапочкам относится тухья и хушпу (рис. 1: 1-5). Тухья – девичий головной убор, полусферической формы, чаще с небольшим конусом на макушке, напоминает по форме шлем. До момента замужества девушка носила его, после церемонии или обряда, меняя на хушпу. Имеет также кожаные ремешки – ушные подвески, украшенные монетами из светлого металла. Хушпу является убором замужних женщин. Преобладает форма усеченного конуса (иногда цилиндра) с широкой и длинной лопастью сзади. Дополняется образ ушными подвесками и перевязью с нашитыми бисером и монетами.

Рис. 1. Головные уборы:

- 1 – Новоядринский могильник; 3 – Большеемеминский;
4 – Тегешевский могильник; 6 – Верхнеачакский могильник;
7 – Мартыновский; 2, 5, 8 – современные уборы.

Традиционно тухья украшалась гораздо скромнее, преобладали бисер, бусины и вышивка, дополненная небольшим количеством серебряных монет. Хушпу показывал статус хозяйки, являвшейся более зажиточной и благополучной.

Для реконструкции головных уборов женщин необходимо было отрисовать образцы находок по фотографиям. Сами головные уборы по данным раскопок сохранились в виде

остатков ткани, бусин и бисера, реже всего металлических пластин и монет (Мартыновский, Верхнеачакский). Монеты предоставлены преимущественно серебряными копейками XVI – начала XVIII вв., западноевропейскими счётными жетонами и имитациями («мордовки» и «нухратки») (Федулов, 2012, с. 60).

Мы сравнили реконструкцию хушпу из Новоядринского и современный убор. Приблизительно совпадает конусообразная форма строения. Бисер в образце из могильника нашит только в три ряда, тогда как на современном он покрывает почти весь убор. Заметно колоссальное отличие в количестве монет: на современном обряде не менее пяти рядов из плотно пришитых друг к другу монет, в то время как на древнем хушпу всего девять монет (рис. 1: 1, 2).

В Большееминском и Тегешевском могильниках тухья сохранила только обод с вышивкой и монетами по периметру в размере от восьми до двадцати штук, а современный образец показан полноценным убором в виде шлема и также обшит большим количеством металла не только по периметру, но и по центру. В Верхнеачакском могильнике убор сохранил только вышивку и пять монет, что осложняет классификацию принадлежности к шапочкам или повязкам (рис.1: 3-5, 7).

Масмак из Верхнеачакского могильника сохранил характерный узор S-образной формы, золотые и серебряные нити на тухье. В современном масмаке отсутствует вышивка из нитей драгоценных металлов и в большинстве своем заменяется на бисерные узоры (рис.1: 6, 8).

В погребальном обряде чувашей представлены как отдельные женские серьги или ушные подвески, так и часть головного убора. Обычно имеют форму «знака вопроса», дополняясь вставками бусин (рис. 1: 7). Встречаются в единичных или парных вариациях. В Больше-Меминском найдены по одному экземпляру, поэтому можно предположить, что это височные подвески. В.Ф. Каховский указывал на то, что они могли быть из серебра или бронзы (Каховский, 2003, с. 76).

Изучив совокупность данных о погребальном обряде чувашей, мы можем заметить, что распространенное представление о большом количестве серебряных монет на головных украшениях ошибочно. В захоронениях найдено не более 20 монет, полностью не покрывающих убор. Тем не менее, исследователями отмечено, что масса более поздних уборов была весьма тяжелая, так молодые девушки под весом комплекса украшений падали в обморок в летнюю жару.

Цветовая гамма тканевой основы плохо сохранилась, в основном темные оттенки коричневого или красного окраса. Можно сказать, что сама форма шапочек и повязок слабо изменилась с течением времени, но появляются декоративные элементы в виде «ушек» или наспинной полоски.

Наличие головных уборов сохранилось и после распространения христианства в Среднем Поволжье, несмотря на запрет укладывания вещей при захоронении человека.

Поднятая тема является дискуссионной, что открывает для исследователей новые проблемы для изучения комплекса уборов и украшений чувашских женщин.

Библиографический список

1. Дроздова Г. И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI-XIX веков: по археологическим и этнографическим материалам: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2007. 28 с.
2. Иванов В. П. Чуваша. Народы и культуры / В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. М: Наука, 2017. 654 с.

3. Каховский Б. В. Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. С. 118-146.
4. Степанова А. А. Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов: XVI – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Саранск, 2003. 365 с.
5. Федулов М. И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2012. №6. Часть 3. С. 53-61.

УДК 902

КАШИННАЯ КЕРАМИКА С РАСКОПОК СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1 В БАШКИРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ

© *Кашанова Ралия Сиреновна*

Уфимский университет науки и технологии, г. Уфа

Научный руководитель – к.и.н., заведующий отделом археологического наследия Южного Урала ИЭИ УФИЦ РАН Тузбеков Айнура Ильфатович

Аннотация. В работе рассматривается кашинная керамика, обнаруженная в результате раскопок золотоордынского поселения Подымалово-1 в 2022 году. В ходе археологических раскопок на площади 300 кв. м. было выявлено 10 комплексов и обнаружено более 2000 артефактов, 188 из которых отнесены к кашинной керамике, изготовленной в столичных центрах Золотой Орды. Для изучения черепков посуды применена классификация Н.Ф. Лисовой, которая позволила датировать выявленные фрагменты и установить возможные торговые связи насельников селища.

Ключевые слова: Золотая Орда, селище Подымалово-1, поливная керамика, кашин.

Кашин является материалом, состоящим из силикатных песков с примесью каолина и шпата, глины и извести на клеящем веществе. Для сохранения его формы такое рыхлое тесто невозможно оставлять без поливы. Слой поливы предохраняет ее от распыления (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989). Процесс изготовления посуды из кашинной керамики является трудоемким и долгим, требующим определенного мастерства и большого количества различного сырья. В этой связи подобную посуду изготавливали преимущественно в крупных ремесленных центрах. Ведь именно там работали лучшие мастера и туда обеспечивался бесперебойный поток сырья (Тузбеков, 2021). Красочность и узнаваемость такой посуды даже по самым маленьким фрагментам дает возможность определять их места производства и примерное время бытования, что в свою очередь позволяет датировать слои, комплексы на поселенческих и погребальных памятниках, в которых они были найдены, а также реконструировать торговые связи населения.

Цель работы – классифицировать кашинную керамику, выявленную в ходе раскопок 2022 г. для последующей датировки пластов и комплексов и определения возможных

торговых связей насельников селища.

В исторической литературе для изучения кашинной керамики исследователями принято использование нескольких методов – сравнительно-сопоставительного, статистико-типологического и морфологического. На их основе были разработаны классификации, которые используют ученые по сей день и продолжают совершенствовать. Исследователями для изучения поливной керамики применялись различные иерархии признаков группировки: Б. А. Шелковников ставил на первое место особенности керамического теста (Шелковников, 1957), Н. М. Булатов – цвет и химический состав глазури (Булатов, 1968). По мнению В. Ю. Ковалья основным в керамике являются признаки технологии ее производства, так как именно они ощутимы на каждом, даже самом маленьком фрагменте (Коваль, 2005). Второе место по значимости занимает декор, потому что он представляет собой наиболее разнообразные виды и часто служат ключевым указателем на время и место создания керамических изделий (Коваль, 2010). Что касается признаков функционального назначения и морфологии керамики, на обломках материала они определяются только в общих чертах. Н. Ф. Лисова занималась вопросами технологии производства и технической характеристикой видов золотоордынской бытовой керамики, обращая большое внимание на их орнаментацию и состав теста (Лисова, 2012).

Изучив кашинную керамику, выявленную в ходе раскопок 2022 г. и классифицировав ее по методу Н. Ф. Лисовой (Лисова, 2012), было установлено, что из 188 найденных фрагментов 95 шт. – 50% относятся к 1 группе 2 отдела (керамика с подглазурной полихромной росписью без рельефной моделировки орнамента), 41 шт. – 21% относятся к 3 отделу (керамика с черной росписью под прозрачной бирюзовой глазурью), 14 шт. – 7% были отнесены к 1 отделу (керамика с подглазурной полихромной росписью и подглазурной рельефной моделировкой) изделий из кашинной керамики. Также было выявлено 8 шт – 4% относящихся к 2 группе 2 отдела (керамика с прозрачной бирюзовой глазурью) красноглиняных фрагментов, но данный вид керамики не был включен в исследование. Не классифицированными остались 30 фрагментов.

Наибольшее количество фрагментов (50%), отнесенных к группе 1 отдела 2 было найдено на 1 (55%), 2 (23%), 3 (6%), 4 (5%) слоях, и в комплексе 5 (10%).

Фрагменты второй по количественному соотношению группы 3 (21%) были найдены на 1 (75%), 2 (9,7%), 3(9,7%) и 4 (5%) слоях.

Следующая по численности группа, отнесенная к отделу 1 (7%) была найдена в 2 (14%), 3 (14%) и 4 (7%) слоях, и только в 1 слое комплекса 5 (64%).

Исходя из этого, мы можем сделать выводы, что наибольшая часть найденных фрагментов относилась к группе керамики с подглазурной полихромной росписью без рельефной моделировки орнамента, которая датируется 60-90 гг. XIV века и производилась в крупных городах золотоордынского Поволжья (Лисова, 2012). Большинство таких фрагментов было выявлено в 1-2 слоях и 3, 5, 7, 9 комплексах. Это свидетельствует о том, что население селища вело активную хозяйственную деятельность, в результате которой сформировались наиболее крупные комплексы.

Фрагменты отдела 3 в большей степени связаны с 1 слоем и с комплексами 2 (28%), 3 (22%), 5 (17%), 7 (11%) и 9 (22%). Этот вид кашинной керамики изготавливался в городе Сарай-Берке во второй трети XIV в.

Последняя исследованная группа, отнесенная к отделу 1 изготавливалась в 30-40 г. XIV в. в Сарай-Бату и связана она с 1 слоем комплекса 5.

Неклассифицированными остались 30 фрагментов. Это связано с тем, что они были слишком сильно фрагментированы, методы классификаций Н. Ф. Лисовой основаны на

изучении целых изделий из кашинной керамики. В последующем неизученные находки планируется классифицировать с использованием других методов.

Таким образом, исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о том, что керамика, найденная на территории селища Подымалово-1 практически во всех слоях, может датироваться 30-90 г. XIV в., большинство из которой было произведено в городах золотоордынского Поволжья, Сарай-Берке и Сарай-Бату. Также исходя из полученных результатов, следует отметить то, что наиболее активное взаимодействие жителей селища с городами Золотой Орды происходило во второй половине XIV в.

Библиографический список

1. Булатов Н. М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // Советская археология. 1968. №4. С. 95-109.
2. Коваль В. Ю. Кашинная керамика в Золотой Орде // РА. 2005. №2. С. 75-86.
3. Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX-XVII века. М.: Наука, 2010. 270 с.
4. Лисова Н. Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с. (Археология евразийских степей. Вып. 15).
5. Тузбеков А. И. Кашинная керамика с селища Подымалово-1 (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №4. С. 157-165.
6. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов М.Н. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. Ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133-248.
7. Шелковников Б. А. Поливная керамика из раскопок города Ани. / Б. А. Шелковников. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1957. 101 с.

УДК 902

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ I ОБЩЕБОЛГАРСКОЙ ГРУППЫ ПОСУДЫ НА МАТЕРИАЛАХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРЕДКАМЬЯ

© Козлова Полина Сергеевна

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

*Научный руководитель – научный сотрудник Елабужского института
Казанского (Приволжского) федерального университета
Купцова Мальвина Станиславовна*

Аннотация. В данной статье рассматривается периодизацию I общеболгарской группы керамики средневековых памятников Нижнего Предкамья.

Ключевые слова: Волжская Болгария, Кирменский археологический комплекс, Ромашкинский археологический комплекс, I общеболгарская группа керамики, орнамент, форма сосуда.

Общеполгарская керамика является одной из массовых находок на памятниках Нижнего Предкамья. Керамика играет важную роль в изучение этнографии, а также развитие ремесла у народов и выявление определенной периодизации. Согласно классификации Т.А. Хлебникова, которая в свое время установила периодизационную систему, по которой данную керамику можно разделить на следующие периоды: раннеболгарский периода; X-XI вв., XII – начало XIII в., а также выделяют керамику XII – начало XIII в.

Раннеболгарский период характеризуется восхождением к самому раннему, догосударственному периоду в средневековой истории края. Характерные черты керамики данного периода исследователи относят широкое распространение растительной примеси в ней и характерность заглаживания поверхности, пышная резня орнаментации по тулову. Изучение памятников домонгольского периода позволяет разделить керамические материалы на два хронологических периода: первый – X-XI вв., второй – XII – начало XIII в. Такое хронологическое разделение домонгольского периода определил А.П. Смирнов. В периоде XII – начало XIII в. I группа керамики значительно преобладает над посудой других групп. Из этого можно понять, что идет интенсивное развитие ремесленного производства в гончарстве болгар. В данном периоде преобладает красная керамика с хорошим обжигом (Хлебникова, 1984).

В Кирменском городище с 1995 по 2012 гг. (кроме 2005-2007 гг., так как в этих года раскопки не проводились) было обнаружено 57019 фрагментов I общеполгарской группы. В процентном соотношении посуда составляет коричневого (39,5%), красного (27%) цвета, с 2008 г выделяют и желто-красный цвет (20,5%), значительно меньше посуды бурого (8%), серого (4,5%) и желтого (0,5%) цветов. К сожалению, реконструировать формы глиняной посуды данного городища затруднительно, так как она в сильно фрагментированном состоянии. Можно выделить практически все категории сосудов, встречающиеся на болгарских поселениях: I – горшковидные, II – кувшинообразные, III – мискообразные, IV – чашевидные, V – блюдообразные.

В Староромашкинском городище за 3 года (2013 г., 2016 г., 2017 г.) было обнаружено 57194 фрагментов I общеполгарской группы. В процентном соотношении посуда составляет коричневого (38%), красного (13,07%), желто-красная (38,1%), желтого (0,6%), серого (0,3), бурой (8,2%) По формам можно выделить горшковидные сосуды, блюдообразные сосуды, также выделяется фрагменты чашевидной посуды.

Таким образом, соотношение процентного содержания общеполгарской керамики в памятниках Нижнего Предкамья дает возможность определить хронологические рамки для тех или иных гончарных традиций.

Библиографический список

1. Купцова М. С. Керамический комплекс Кирменского городища // XLV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1-3 февраля 2013 г.): тез. докл. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013 г. 252 с.
2. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука, 1984. 240 с.

УДК 902

РВЫ В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ БОЛГАРСКИХ ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

© Локтев Даниил Сергеевич

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

*Научный руководитель - к.и.н., доцент кафедры всеобщей и отечественной истории
Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета
Нигамаев Альберт Зуфарович*

*Научный консультант – научный сотрудник Елабужского института Казанского
(Приволжского) федерального университета Купцова Мальвина Станиславовна.*

Аннотация. В статье даётся характеристика таких обязательных фортификационных сооружений, как рвы болгарских городищ. Формы и типы, рва, а также дополнительные укрепления усиливающие их оборонительные свойства, до сих пор вызывают научные споры и требуют детального изучения.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, Волжская Болгария, фортификация, городище, крепость, укрепления, валы, рвы.

Значимое место в политической, экономической, социальной, военной истории Волжской Болгарии на протяжении всего периода существования государства занимала фортификация. Оборонительные укрепления болгарских городов и крепостей не раз останавливали неприятельские войска завоевателей, они представляли собой образцы передовой военно-инженерной мысли и определяли градостроительный облик поселений будучи своеобразным «лицом» города. На начальном этапе военная инженерия в Волжской Болгарии имела в себе наработки знаний и практик в строительстве военно-оборонительных сооружений различных народов и имело высокий уровень развития, что в дальнейшем дало возможность основать собственную школу (Губайдуллин, 2009, с. 24; Губайдуллин, 2019, с. 159).

Особую роль в системе фортификационных сооружений играет такой обязательный элемент, как – оборонительный ров. Ров (лат. fossae) – оборонительное сооружение, которое выкапывали для защиты поселений или территорий. Обычно делались глубокими и широкими. Они выполняли одну из первостепенных функций по обороне городов и крепостей, а также являлись источником основной массы грунта для строительства валов. По форме (в профиле) рвы делятся на трапециевидные, треугольные, подпрямоугольные. Трапециевидные и подпрямоугольные ситуативно заполнялись водой, треугольные всегда сухие (Губайдуллин, 2006, с. 106).

Из имеющихся сведений, предположительно можно констатировать, что на большинстве укрепленных поселений наибольший удельный вес применения рвов треугольной формы. Выгодной особенностью треугольных рвов являлось то, что они были наиболее труднопреодолимы для стремительного форсирования, т.к. штурмующие могут преодолевать его лишь по 1 шеренге. Однако такая планировка имеет и значительные невыгоды: 1) их труднее создавать и проще засыпать; 2) они могут быть использованы только в том случае, если ширина меньше удвоенной глубины; 3) меньшее количество грунта для

насыпи, по сравнению с трапециевидным рвом. Проблему с нехваткой земли при рытье треугольного рва болгарские военные инженеры зачастую решали созданием второго рва с внутренней стороны (Губайдуллин, 2002, с. 36-37). А. М. Губайдуллин предполагает, что именно потребность в увеличении мощности основного вала стала причиной для рытья дополнительного рва для городищ II и V группы.

Касаясь дополнительных типов укреплений, значимым является гласисообразная насыпь, усиливающая непосредственно ров. Гласис (лат. *Glatia* – покатость, франц. *glacis*) – пологая в сторону поля насыпь, возводившаяся перед рвом непосредственно за контрэскарпом, которая увеличивала глубину и ширину рва, а также облегчала обстрел прилегающей местности (Губайдуллин, 2006, с. 54).

Интерес представляют оборонительные укрепления Елабужского городища, с напольной стороны городище защищают серьезные защитные сооружения, представленные тремя линиями укреплений, отходящих друг от друга, в том числе и расстояние от мечети-цитадели до внутренней линии обороны, на дальность прицельной стрельбы из лука. Конструкции внутреннего и среднего валов имеют немного дугообразную форму, в свою очередь внешний вал выполнен в виде редана (Локтев, 2023, с. 168). Ширина основания внешнего вала 7-10 м, максимальная высота 1,9-2 м. На сохранившихся участках ширина вала средней линии до 15 м, высота до 1,8 м, ширина рва 5-7,5 м, максимальная глубина 1,2 м. Основание внутреннего вала имеет ширину 15-20 м, высота вала колеблется от 1,7 до 2 м. Ширина рва этой линии 5-7 м. Общая площадь городища, включая укрепления, достигает 34000 кв. м (Нигамаев, Хузин, 2008, с. 46).

Посад средневековой Алабуги находится в 1700-2000 м. к северо – востоку от городища, на правом берегу р. Тоймы. На сегодняшний день площадь посада установлена около 3 га. В домонгольский период фортификационные сооружения посада представляли собой оборонительный ров шириной около 6 м. и глубиной более 2 м., также посад был окружён частоколом (Нигамаев, 2018, с. 339-340).

Кирменское городище расположено в 800 м к юго-востоку от с. Средние Кирмени Мамадышского р-на Республики Татарстан и в 18 км от р. Кама. Городище занимает высокий мыс левого берега р. Кирменка. Площадка городища имеет уклон к юго-востоку, а на западе имеет крутой обрыв. Городище окружено укреплениями в соотношении 1 вал 1 ров. Археологические исследования А. З. Нигамаева на городище выявили только один ров, имевший ширину 5 м и глубину около 2 м от древней поверхности треугольного в профиле рва (Нигамаев, 2005, с. 76-78).

Подводя итог следует сказать, что вариативность форм и типов рвов, использующихся как для пассивной, так и активной обороны может означать о неслучайном их выборе и применения в каждом отдельном случае. Значимой остается проблема изучения оборонительных рвов, т. к. при каждом его ремонте выкидывается грунт, что не позволяет увидеть первоначальный облик рва, в то время как оборонительный вал, наоборот, накапливает информацию о этапах своего функционирования.

Библиографический список

1. Губайдуллин А. М. О возникновении болгарской фортификации // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. Казань, 2009. 255 с.
2. Губайдуллин А. М. Фортификационный словарь. 2-ое издание, дополненное и переработанное. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 144 с.
3. Губайдуллин А. М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине

XVI 25вв. / Археология евразийских степей. Казань, 2019. №3. 323 с.

4. Губайдуллин А. М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Монография. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 232 с.

5. Локтев Д. С. Особенности фортификации городов и крепостей Нижнего Прикамья домонгольской эпохи. // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1-3 февраля 2023 г.): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. 256 с.

6. Нигамаев А. З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 228 с.

7. Нигамаев А. З. Мусульманские археологические памятники средневековой Алабуги / Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии: IX Международная тюркологическая конференция (Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, 13-14 апреля 2018 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 485 с.

8. Нигамаев А. З., Хузин Ф. Ш. Об охранно-спасательных работах на территории Елабужского городища / Камский торговый путь: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. 228 с.

УДК 902

ТРАДИЦИИ ОРНАМЕНТАЦИИ И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ I ОБЩЕБОЛГАРСКОЙ ГРУППЫ КЕРАМИКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ (НА ПРИМЕРЕ КИРМЕНСКОГО И РОМАШКИНСКОГО ГОРОДИЩ)

© Лосев Денис Олегович

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

*Научный руководитель – научный сотрудник Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета
Купцова Мальвина Станиславовна*

Аннотация. В данной статье рассматриваются традиции орнаментации и формообразования I общеболгарской группы керамики средневековых памятников Нижнего Прикамья. Приводится их общая и сравнительная характеристика.

Ключевые слова: Волжская Болгария, Кирменский археологический комплекс, Ромашкинский археологический комплекс, I общеболгарская группа керамики, орнамент, форма сосуда.

Керамика является самым массовым материалом в исследованиях археологических памятников (Хлебникова, 1984, с. 3). Керамические данные позволяют говорить о развитии гончарного производства, уровни развития духовной и материальной культур, и очень важно: они позволяют рассматривать этнокультурный состав поселения, проследить движения народов и взаимодействия между ними.

На территориях средневековых памятников Волжской Болгарии выделяется I общеболгарская группа керамики (по классификации Т. А. Хлебниковой), преобладающая своим количеством по сравнению с другими этнокультурными группами.

I группа керамики или «общеболгарская керамика» (причиной такого наименования является наличие её практически во всех памятниках волжских болгар) в период VIII-IX вв. характеризуется как гончарная посуда мелкого состава теста с растительными добавками, которые со временем исчезли, и цвет преимущественно дымчато-серый, восстановительного обжига. Позднее, в X – начало XIII в., в основном окислительного обжига желтая, коричневая, красная со свойственной ей лощеной поверхностью и с различного характера резной орнаментацией. Формы «общеболгарской керамики» разнообразные: кувшины, горшки, корчаги, миски, стаканообразные сосуды и т.д. (Хлебникова, 1984, с. 207).

В территориальные рамки исследования вошли Кирменское и Староромашкинское городища. Целью исследования является сравнительная характеристика традиций орнаментации и формообразования в материалах I группы общеболгарской посуды Кирменского и Ромашкинского городищ, а также выявление общих характеристик.

Кирменский археологический комплекс включает одноименное городище, три селища. Городище расположено к ЮВ от с. Ср. Кирмени Мамадышского района Республики Татарстан.

Всего из Кирменского городища представлено 75604 фрагментов керамики (57019 фрагментов или 75,4% относятся к I общеболгарской группе керамики) (Купцова, 2013, с. 171). Среди посуды встречаются горшковидные, кувшинообразные, мискообразные, чашевидные и блюдообразные сосуды. Горшковидные сосуды представлены горшками (с цилиндрическим, блоковидным горлом и с горлом в виде раструба) и корчагами (с цилиндрическим и блоковидное горло). Среди кувшинообразных сосудов (с цилиндрическим горлом, горлом в виде раструба и в виде усеченного конуса) присутствуют: кувшины и кринки. Распространены миски, чашевидные сосуды, светильники, плоски и блюда. В орнаментации часто встречаются линейно – волнистые орнаменты, каннелюр, запятые, оттиски гребенчатого штампа с многорядными линиями (Нигамаев, 2004, с. 49-50).

Ромашкинский археологический комплекс, состоящий из городища, трёх посадок и двух некрополей, представляет собой остатки достаточно крупного болгарского города домонгольской эпохи (Нигамаев, 2021, с. 55). Для определения традиций I общеболгарской группы керамики Ромашкинского городища были взяты II (2013 г.), III (2016 г.), IV (2017 г.) раскопы. Особенностью памятника является богатый и разнообразный материал керамики, отличающейся своей многочисленностью. Среди керамического материала кроме очевидного преобладания I общеболгарской группы керамики следует выделить большой процент лепной керамики, говорящей об этнокультурных связях в регионе.

Всего из раскопов было обнаружено 64 713 фрагментов керамики (57 194 или 88,38% общеболгарская I группа керамики)

Формообразование Ромашкинского городища разнообразно: встречаются горшковидные, кувшинообразные, чашевидные и блюдцеобразные сосуды. Среди горшковидных встречаются горшки (0,17% от всех фрагментов общеболгарской I группы керамики) и корчаги (0,05%). Кувшинообразные сосуды представлены кринками (0,09%) и кувшинами (среди них присутствуют с раструбообразной формой горловины) (0,05%). Светильники (0,02%) представляют блюдцеобразную посуду. Чашевидная посуда была представлена 6 фрагментами (0,01%).

В орнаментации часто встречаются линейные (0,23%), каннелюрные (0,18%), волнистые (0,03%) и гребенчатые (0,03%) мотивы, каплевидные вдавления (0,003%).

Возможны различные комбинации с линейным орнаментом, например, с волнистыми, ямочными, гребенчатыми, «запятыми» мотивами.

Материал Ромашкинского городища хронологически обусловлен раннедомонгольским и позднедомонгольским периодами. Для более позднего периода характерно преобладание коричневого цвета (25 264 фрагментов), для более раннего – желто-красного и красного цветов (20 497 фрагментов).

Таким образом, орнаментационные традиции и формообразование I общеболгарской группы керамики Ромашкинского и Кирменского городищ имеют схожие черты: представлены похожие формы посуды, характерные для памятников Волжской Болгарии, с преобладанием кувшинообразных и горшковидных сосудов, наиболее часто встречающийся орнамент – линейный. Сосуды из Ромашкинского городища имеют разнообразную и богатую орнаментацию: распространен каннелюр, сочетаются сразу несколько видов орнаментов в одном сосуде. Возможно, данное разнообразие связано с наличием других групп керамики на территории памятника.

Библиографический список

1. Купцова М. С. Керамический комплекс Кирменского городища // XLV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1-3 февраля 2013 г.): тез. докл. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 252 с.
2. Нигамаев А. З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.
3. Нигамаев А. З. Староромашкинский археологический комплекс: некоторые итоги и перспективы исследования // Археология Евразийских степей. 2021. №3. С. 55-64.
4. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука, 1984. 240 с.

УДК 902

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С РАСКОПОК СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1 В БАШКИРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ

© Мазитов Динар Расихович

Уфимский университет науки и технологии, г. Уфа

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры истории Республики

Башкортостан, археологии и этнологии УУНиТ

Мухаметдинов Вадим Ильдарович

Научный консультант – научный сотрудник НОЦ «Археология 2.0» УУНиТ

Берсенева Егор Васильевич

Аннотация. Данная статья посвящена изучению изделий из кости с территории селища Подымалово-1 золотоордынской эпохи. Автор анализирует обнаруженные археологические

артефакты с раскопок 2023 года. В исследовании автор использовал экспериментально-трасологический метод на основе работ Семенова, Коробковой и Щелинского.

Ключевые слова: селище Подымалово-1, Золотая Орда, трасология, изделия из кости.

Впервые сведения о селище Подымалово-1 были обозначены в работе Г. Н. Гарустовича и А. М. Акбулатова. Разведка, благодаря которой данные о существовании селища были получены, проводилась в 2010 г. на берегу р. Сикиязка в Уфимском районе Республики Башкортостан. Там, вблизи современного села Подымалово, найдены дирхемы хана Джанибека чекана Сарая ал-Джедид (Акбулатов, Гарустович, 2011, с. 32-33).

На основании полученных сведений, было организовано несколько экспедиций – в 2017, в 2019 в 2022 и 2023 годах, каждая из которых добилась значительных успехов в исследовании данного памятника. Благодаря результатам этих датировок также была дана весьма точная датировка памятника – вторая половина XIV в. (Ахатов и др., 2018; Тузбеков и др., 2022).

В настоящей работе использованы материалы из раскопок 2023 г.¹ При создании выборки были осмотрены кости с остатками кухонной разделки, костяная стружка (указывающая на наличие в этом месте мастера, целенаправленно работающего с костью) и сами изделия, вычлененные из общей массы благодаря первичному визуальному анализу. При дальнейшей работе с находками использована аппаратура – бинокулярный микроскоп МСП-1 с 20-кратным увеличением (Щелинский, Коробкова, 1996).

Общее число осмотренных изделий можно разделить на несколько функционально отличных групп:

1) Пряслица из эпифиза (3 шт.)

а) По центру эпифиза просверлено отверстие, у канальца образовалась затёртая до губчатой массы площадка $1,5 \times 1,5$. Видна заполированность по всей окружности изделия, ровно как и на плоской срезанной площадке эпифиза.

б) В центре просверлено сквозное отверстие, рядом с канальцем в самой кости присутствует небольшое углубление, по бокам присутствуют линейные следы V-образной формы от порезов ножом. Сработанность поверхность меньше, чем у прошлого пряслица, видны следы пиления.

в) Сильно деформировано с лицевой и тыльной стороны, из-за чего видимых следов использования установить не удалось.

2) Накладка на колчан (1 шт.)

Вырезанная на лицевой стороне изделия композиция с верхним рядом резных полос, служащих разграничителями отдельных орнаментальных групп, сменяется поясом из ромбовидного узора, после переходит в ряд прямых линий, подобных резным полосам выше. Помимо этого, в орнаментальный рисунок на пластинке встроен зигзагообразный узор. В углублениях (менее 1мм) за редким исключением наблюдаются вкрапления красной краски.

Прямоугольная по своей форме пластинка незначительно изогнута под углом 80° к месту скола изделия.

Из ближайших памятников, косторезные мастерские, известные на Царевском, Селитренном и Болгарском городищах, занимались также и окрашиванием изделий краской, причем на последнем из них изготавливались костяные орнаментированные обкладки колчанов, продававшиеся городскими ремесленниками кочевникам (Недашковский,

¹ Автор выражает благодарность Р. Р. Насретдинову за предоставленную возможность работы с неопубликованным материалом.

2013, с. 145).

3) Проколки (2 шт.)

Диафиз трубчатой кости (13x0,9x0,4) сужающийся к кончику рабочей части. Навершие – оголённая губчатая масса, с грубыми следами среза ножом, оставшиеся, вероятно, со времени создания изделия, к кончику грани закругляются, поверхность обретает жирный блеск. После контакта с кожей чётко выражены заглаженность у кончика иглы и на его середине, линейные следы вдоль оси орудия на рабочей части.

Второе орудие из компакта трубчатой кости (12,5x0,9x0,5), сужается с середины длины к кончику, сам кончик обломан. 3,5 см от кончика отличаются по цвету (более тёмный оттенок), закруглённость поверхности на гранях. В отличие от первого изделия, видимых следов использования не обнаружено, однако, орудие могло подстрегиваться, что сняло их. Выраженных следов аккомодации нет.

4) Астрагалы (10 шт.)

На некоторых костях (4 шт.) оставлены линейные следы от ножа, вероятно, в ходе намеренного вычленения. Один из астрагалов (3,7×2,5×1,8) с проверленной лункой, бортик сильно деформирован, множество линейных следов по всей поверхности астрагала, сбоку присутствует лунка глубиной 0,7 см, которая выковыривалась ножом. Другой астрагал отличен множеством проделанных в нём углублений, способ их создания сходен с тем, как была вырезана лунка. Помимо этого, видимых следов целенаправленного использования или дальнейшей обработки на иных астрагалах не обнаружено.

5) Изделия, функциональное назначение которых точно определить не удалось.

Вторая фаланга лошади (5x4,2x2,7), на одной из сторон срезан верхний компакт кости, оставшиеся следы обработки ножом перекрыты в ходе работы с поверхностью, затёртость рабочей поверхности по всей площади от контакта с абразивным материалом.

Диафиз кости (3,2×2,1×1,2), заполированная поверхность, жирный блеск, края грубо обломаны.

По результатам анализа коллекции из раскопок 2023 года, можно сделать несколько замечаний, необходимых для дальнейшего исследования. Во-первых, благодаря изученным костяным изделиям, мы можем установить отдельные виды хозяйственной деятельности местных жителей (обработка кожи и ткачество). Во-вторых, способы обработки кости по материалам этого года включают в себя резьбу, пиление, сверление и абразивную шлифовку. В-третьих, с учётом материалов прошлого года, мы отмечаем на памятнике концентрацию готовых костяных изделий, брака, заготовок, металлических инструментов костореза и саму костяную стружку, так же, как и наличие сырьевого материала для работы. Как показывают результаты археозоологического исследования, КРС и МРС разводили прямо на территории селища. Всё вместе позволяет говорить о наличии самостоятельного косторезного производства, масштаб которого, впрочем, удастся установить лишь со временем.

Библиографический список

1. Акбулатов И. М., Гарустович Г. Н. Серебряные гривны, медные пулы и находки отдельных джучидских монет при раскопках на Южном Урале // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова. Уфа. 2011. С. 29-35.

2. Ахатов А. Т., Бахшиев И. И., Тузбеков А. И., Камалеев Э. В. Селище Подымалово-1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты). // История и педагогика естествознания. 2018. №4. С. 28-32.

3. Недашковский Л. Ф. Ремесло Золотой Орды // Проблемы истории, филологии,

культуры. 2013. №3. С. 136-154.

4. Тузбеков А. И., Григорьева И. М., Рослякова Н. В. Результаты археозоологического исследования остеологического материала из раскопок селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье (2019 г.). // Проблемы истории филологии, культуры. 2022. №3. С. 37-50.

5. Щелинский В. Е., Коробкова Г. Ф. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. Российская академия наук институт истории материальной культуры. СПб, 1996. 80 с.

УДК 902

ПОЯСНЫЕ НАКЛАДКИ ПО МАТЕРИАЛАМ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Мальгина Ольга Романовна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

Научный руководитель – к.и.н., преподаватель ПГГПУ

Подосёнова Юлия Александровна

Аннотация. В настоящее время Баяновский могильник является одним из самых изученных памятников ломоватовской археологической культуры (исследовано 527 погребений). Памятник датируется IX-X вв. (преимущественно первой половиной X в.). В статье впервые обобщен и представлен материал по поясным накладкам из Баяновского могильника, представлена систематизация изделий.

Ключевые слова: ломоватовская археологическая культура, поясные накладки, наборные пояса, Пермское Предуралье, систематизация.

Баяновский могильник – один из самых исследованных погребальных памятников ломоватовской археологической культуры – расположен на окраине д. Баяново на территории Добрянского района Пермского края. В 50-х гг. XX в. памятник был исследован В. А. Обориным. С 2005 г. и по настоящее время памятник исследуется А. В. Даничем. За все периоды было исследовано 527 погребений. Практически все погребения совершены по обряду ингумации с положением вещей в порядке ношения их при жизни (Подосенова, 2019). Наиболее выразительной категорией находок в материалах памятника являются наборные пояса, состоящие из разных элементов: кожаной или тканевой основы, пряжек, накладок, наконечников и реже – соединителей. Цель данной статьи: ввести в научный оборот в полном объеме материалы по поясным накладкам из погребений Баяновского могильника.

Как было отмечено выше на могильнике исследовано 527 погребений, из них поясные накладки были обнаружены в 127 погребениях.

При систематизации, поясные накладки были разделены на группы по общей конструкции изделий, на отделы по общей форме основного элемента (щиток), по типам – по особенностям оформления.

Группа I. Петельные – накладки данной группы состоят из двух элементов щитка с петлей в его основании и подвешенным к нему проволочным кольцом.

Тип 1. Основа в виде полукруга с зубчатым краем и геометрическим орнаментом (рис. 1: 1; п. 51(1 экз.), 165 (8 экз.)).

Тип 2. С полуовальной основой.

Подтип 2.1. В центре основы – четыре круглых отверстия, расположенных в форме квадрата (рис. 1: 2; п. 81 (10 экз.), 107 (2 экз.), 434 (3 экз.), 479 (22 экз.), 481 (5 экз.)).

Подтип 2.2. С изображением трилистника (рис. 1: 3; п. 61 (13 экз.)).

Тип 3. Основа в виде трилистника.

Подтип 3.1. С антропоморфным орнаментом (рис. 1: 4; п. 185 (7 экз.), 394 (11 экз.), 475 (8 экз.)).

Подтип 3.2. С изображением стилизованного трилистника в центре (рис. 1: 5; п. 21а (3 экз.), 79 (6 экз.), 81 (1 экз.), 91 (6 экз.), 99 (2 экз.), 100 (3 экз.), 121 (3 экз.), 240 (6 экз.), 332 (9 экз.), 374 (5 экз.), 376 (1 экз.), 475 (14 экз.), 481 (5 экз.)).

Тип 4. Сердцевидные (рис. 1: 6; п. 5 (5 экз.), 150 (2 экз.), 151 (3 экз.), 231 (6 экз.), 341 (3 экз.)).

Тип 5. Круглой формы (рис. 1: 7; п. 51 (2 экз.), 107 (43 экз.), 113 (13 экз.), 114 (23 экз.), 133 (10 экз.), 134 (3 экз.), 137 (5 экз.), 376 (1 экз.)).

Тип 6. Основа в виде стилизованного цветка (рис. 1: 8; п. 120(16 экз.), 434(13 экз.)).

Группа II. Шарнирные – накладки данной группы в основании щитка имеют два ушка с сквозными отверстиями, через которые проходил проволочный стержень, к которому крепились дополнительная часть привески.

Тип 1. С антропоморфным изображением (рис. 1: 9; п. 268 (6 экз.)).

Группа III. Щитковые – цельные накладки с щитком разных форм.

Тип 1. Прорезные квадратные.

Подтип 1.1. Неорнаментированные, с прямоугольным вырезом в основании (рис. 1: 10; п. 18(3 экз.), 93(11 экз.), 118(4 экз.), 130(17 экз.), 239(2 экз.), 241(12 экз.), 252(1 экз.), 395(5 экз.), 407(4 экз.)).

Вариант а – с фигурным вырезом (рис. 1: 11; п. 112(13 экз.), 116(11 экз.)).

Подтип 1.2. Орнаментированные, с прямоугольным вырезом в основании (рис. 1: 12; п. 72(11 экз.), 267(21 экз.), 275(21 экз.), 504(16 экз.)).

Вариант а – с пятиугольным вырезом (рис. 1: 13; п. 280 (13 экз.)).

Тип 2. Круглой формы, орнаментированные (рис. 1: 14; п. 107(38 экз.), 432 (5 экз.)).

Тип 3. Сердцевидные.

Подтип 3.1. Непрорезные, неорнаментированные (рис. 1: 15; п. 133 (1 экз.)).

Подтип 3.2. Непрорезные, орнаментированные (рис. 1: 16; п. 44(2 экз.), 86(7 экз.), 113(20 экз.), 121(6 экз.), 124(12 экз.), 280(15 экз.), 504(6 экз.)).

Подтип 3.3. Неорнаментированные с прямоугольной прорезью в центре (рис. 1: 17; п. 61(6 экз.), 112(4 экз.), 116(4 экз.)).

Вариант а- неорнаментированные, с круглой прорезью в центре (рис. 1: 18; п. 332(4 экз.), 395(1 экз.), 493(2 экз.)).

Подтип 3.4. Со схематическим изображением личины (рис. 1: 19; п. 81(5 экз.), 91(1 экз.), 100(8 экз.), 107(14 экз.), 165(14 экз.), 376(1 экз.), 394(18 экз.)).

Тип 4. Арочной формы.

Подтип 4.1. Прорезные, неорнаментированные (рис. 1: 20; п. 19(3 экз.), 26(8 экз.), 71(20 экз.), 73(9 экз.), 116(6 экз.), 120(4 экз.), 353(8 экз.)).

Подтип 4.2. Прорезные, орнаментированные (рис. 1: 21; п. 37(17 экз.), 55(6 экз.)).

Рис. 1. Поясные накладки Баяновского могильника

Подтип 4.3. Непрорезные, орнаментированные (рис. 1: 22; п. 276 (29 экз.)).

Тип 5. Листовидной формы.

Подтип 5.1. Неорнаментированные (рис. 1: 23; п. 71(10 экз.), 73(6 экз.)).

Подтип 5.2 Орнаментированные (рис. 1: 24; п. 37(19 экз.), 58(22 экз.), 131(31 экз.), 475(6 экз.)).

Тип 6. Зооморфные.

Тип 6.1. Изображающие мордочку животного (рис. 1: 25; п. 79(4 экз.), 231(11 экз.), 240(3 экз.), 332(16 экз.), 360(8 экз.), 374(3 экз.), 434(6 экз.), 476(8 экз.), 477(12 экз.), 479(6 экз.), 481(8 экз.)).

Тип 7. Фигурные.

Подтип 7.1. В виде трилистника (рис. 1: 26; п. 55 (40 экз.)).

Подтип 7.2. Три гладких полушария образуют фигуру полумесяца (рис. 1: 27; п. 18(4 экз.), 31(4 экз.), 130(31 экз.), 150(4 экз.), 151(10 экз.), 275(36 экз.), 504(18 экз.)).

Подтип 7.3. В виде полумесяца с двумя полушариями по бокам (рис. 1: 28; п. 72(14 экз.), 121(13 экз.), 133(20 экз.), 134(25 экз.), 241(11 экз.), 275(16 экз.), 394(21 экз.), 434(6 экз.), 475(6 экз.), 479(11 экз.), 504(26 экз.)).

Подтип 7.4. В виде узкого овала с насечками по краям (рис. 1: 30; п. 277(29 экз.)).

Подтип 7.5. Подтреугольной формы с тройными выступающими полушариями по сторонам (рис. 1: 30; п. 56(2 экз.)).

Тип 8. Прямоугольные.

Подтип 8.1. Пятиугольные неорнаментированные с прямоугольной прорезью у основания (рис. 1: 31; п.19(5 экз.)).

Подтип 8.2. С полушарным выступом и выемкой на противоположных концах, с симметричным растительным орнаментом, соединенный с сердцевидными углублениями (рис. 1: 32; п. 417(4 экз.)).

Подтип 8.3. Орнаментированные с прямоугольной прорезью у основания (рис. 1: 33; п. 61(2 экз.), 360(8 экз.)).

Тип 9. Древневенгерские.

Подтип 9.1. С антропоморфным орнаментом (рис. 1: 34; п. 268(12 экз.), 396 (5 экз.)).

Подтип 9.2. С растительным орнаментом (рис. 1: 35; п. 279 (17 экз.)).

Таким образом, в представленную систематизацию вошло 1490 накладок из погребений Баяновского могильника. Наиболее массовые подтипы в целом отражают характер поясных украшений Пермского Предуралья IX-X вв. Выделяются и изделия

не местного изготовления (например, изделия группы I, II, отдельные типы группы III). Исследуемые накладки могли крепиться либо на кожаную основу, либо на дополнительные боковые ремешки. Реконструкция наборных поясов, как и реконструкция поясных наборов, решение вопросов происхождения разных типов и подтипов накладок – задачи дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Данич А. В. Отчеты о научно-исследовательской работе. Раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2005-2021 годах // Архив Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ.
2. Подосенова Ю. А., Данич А. В. Височные украшения Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры // Археология Евразийских степей. 2019. 6. С. 61-78.

УДК 902/904

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОСТРОГИ С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

© Мальцев Владислав Сергеевич

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

Научный руководитель – к.и.н., доцент ПГГПУ Сарапулов Алексей Николаевич

Аннотация. В данной статье рассматриваются остроги, найденные на средневековых памятниках Пермского Предуралья. Представлены классификация найденных наконечников острог, а также способы применения рыболовного орудия.

Ключевые слова: рыболовство, Пермское Предуралье, острога, колющие орудия, рыболовные орудия, способы рыболовства.

Острога была самым распространенным и массовым видом колющего приспособления для средневекового рыболовства (Белавин, 2016, с. 45).

В археологической литературе существует определенная путаница в определении конструктивных особенностей острог. Высказывались мнения, что встреченные в раскопках железные, коленчатые и прямые зубья являлись либо наконечниками одинарных острог, либо наконечниками гарпунов. Р. Л. Ронезфельдт на основании находки во Вщиже полного набора из трех зубьев справедливо причислил и все отдельные экземпляры к деталям составной трехзубой остроги. Многочисленные этнографические параллели не оставляют сомнений в бесспорности такой реконструкции (Куза, 2016, с. 58). Конструктивной особенностью составной части остроги является наконечник, имеющий колено на стержне. Наконечник гарпуна прямой.

В данной статье мы рассмотрим остроги из материалов следующих средневековых памятников Пермского Предуралья: Рождественский могильник, Саломатовское, Рождественское, Анюшкар, Роданово, Городищенское городища и Чашкинское II селище (19 экз.).

Тип 1 – двузубые остроги (10 экз.) (рис. 1: 1-10)

Двузубые наконечники представляли собой два жала, симметрично отходящих под углом от черешка, который забивался в деревянную рукоять. Наконечник с Чашкинского II селища завершался ромбовидными острями (рис. 1: 1) (Белавин, 2016, с.45). Наконечники с Роданова городища также имеют ромбовидные острья (рис. 1: 6-9). Длина двузубых острог составляет 8,5-15 см, расстояние между зубьями – 1,5-4 см.

На территории Древней Руси подобные двузубые наконечники исчисляются единичными экземплярами. Например, в коллекции Новгородской археологической экспедиции есть одна двузубая черешковая острога (Куза, 2016, с. 60).

Тип 2 – составные остроги (9 экз.) (рис. 1: 11-19)

Составные остроги складывались из отдельных железных зубьев, фиксирующихся в деревянном основании. (Белавин, 2016, с. 45). Длина наконечников составляет 8-22,5 см.

В материалах с территории Древней Руси имеется большое количество наконечников составных острог.

Среди рассматриваемых наконечников есть два интересных, с точки зрения конструктива, экземпляра. Наконечники из Саломатовского городища (рис. 1: 13) и Рождественского могильника (рис. 1: 14) имеют два шипа, говорить о том, что это наконечники остроги мы можем благодаря этнографическим материалам обских угров. Финский этнограф У.Т. Сирелиус привел конструктивную схему хантыйской составной остроги, сделанную из двух одношипных железных зубьев и одного двушипного, находящегося в центре (Сирелиус, 2001, с. 165) (рис. 1: 20). В его же материалах есть еще одна острога она не составная, но ее средний зуб также имеет два шипа (Сирелиус, 2001, с. 309).

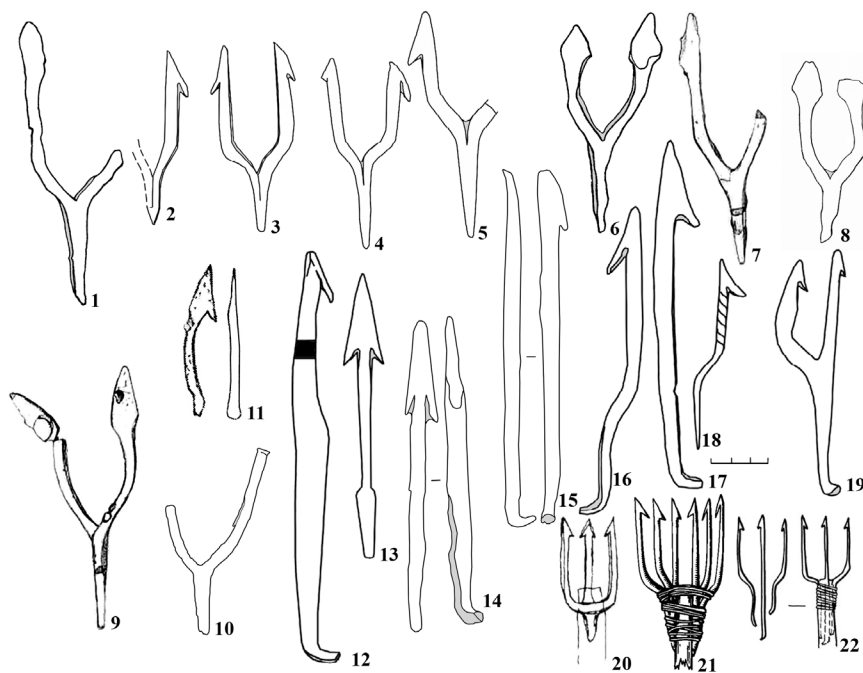

Рис. 1. Двузубые остроги: 1 – Чашкинское II селище, 2-3 – Городищенское городище, 4-5 – Анюшкар, 6-9 – Роданово городище, 10 – Рождественское городище. Составные остроги: 11 – Роданово городище, 12-13 – Саломатовское городище, 14-15 – Рождественский могильник, 16-17 – городище Анюшкар, 18 – Городищенское городище.

Составная многозубая острога: 19 – городище Анюшкар.

Схемы острог: 20 – схема хантыйской составной остроги (по У. Т. Сирелиусу),

21 – схема древнерусской составной многозубой остроги (по кн. «Древняя Русь. Город, замок, село»),

22 – схема древнерусской составной остроги (по А. В. Куза)

Наконечник из Городищенского городища необычен тем, что имеет орнамент в виде шести параллельных друг другу насечек (рис. 1: 18). Разнообразие форм и наличие орнамента свидетельствует об индивидуальном производстве острог на территории Пермского Предуралья.

Подтип 2.1 – многозубая составная острога (рис. 1: 19)

Многозубый составной наконечник из городища Анюшкар длиной 13 см имеет два зуба. Такие наконечники являются редкостью для Пермского Предуралья. В материалах с территории Древней Руси встречается много аналогий подобных наконечников острог. В Новгороде были найдены две половинки шестизубой остроги (Куза, 2016, с. 60). В работе «Древняя Русь. Город, замок, село» представлена схема составной шестизубой остроги (Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 241) (рис. 1: 21). Можно предположить, что двузубый наконечник, найденный на Анюшкаре, мог быть составной частью четырехзубой остроги.

По данным А. В. Кузы, процесс изготовления составной остроги достаточно прост (рис. 1: 22). Один конец железного прута, круглого или прямоугольного сечения заострялся, а для удержания пойманной рыбы на нём делалась зазубрина. Чтобы увеличить площадь поражения, стержень зуба имел колено. Верхний кончик прута отгибался под прямым углом и вставлялся в специальный паз в древке. Рукоять остроги с вложенными в нее зубьями обматывалась понизу веревкой, лыком или проволокой для обеспечения прочности соединения всех частей (Куза, 2016, с. 58-59).

Крупные размеры зубьев большинства острог и большое расстояние между ними свидетельствуют, что ими осуществляли лов на достаточно крупную рыбу (Сарапулов, 2018, с. 321). Это подтверждается и анализом костей, проведенным в начале второй половины прошлого столетия сотрудниками биологического факультета Пермского государственного университета (Кириянов, Коренюк, Чагин, 2007, с. 13). У современных острог зубья стоят гораздо чаще, поэтому ими можно бить и мелкую рыбу (Куза, 2016, с. 59).

В. Н. Белицер описывает один из способов применения остроги у народов коми – лучение. Лучат рыбу на лодке вдвоём в тихие безветренные ночи. На носу лодки прикрепляют железную решетку примерно в двух метрах от воды. На решетке разводят огонь. Один из рыбаков управляет лодкой, а второй стоит на носу и смотрит в воду. Увидев спящую в воде рыбу, он вонзает в неё острогу и вытаскивает рыбу из воды (Белицер, 1958, с. 100). Лов рыбы острогой мог совершаться круглогодично. Весной, летом и осенью ловля рыбы острогами совершалась несколькими способами: вброд, нырянием, с лодки. Иногда острогу метали, как гарпун, для чего к древку привязывали верёвку. Зимой рыбу били острогами сквозь проруби во льду, привлекая её специальными приманками или огнём (Рыболовный словарь Прикамья, 2013, с. 32).

Среди прочих рыболовных орудий острога на средневековых памятниках Пермского Предуралья встречается редко, гораздо чаще на поселениях встречаются рыболовные крючки. Остроги находят в основном в материалах крупных городищ, население которых, имело более высокий уровень ремесленного производства, а также доступ к богатым водным ресурсам. Возможно, у средневекового населения Пермского Предуралья были и деревянные остроги, но они не сохранились до наших дней.

Библиографический список

1. Белавин А. М. Рыбная ловля в Прикамье в древности и средние века // Вестник Пермского научного центра. 2016. №3. С. 42-47.
2. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов Коми, XIX – начало XX в. / Труды

Института этнографии. Новая серия. Т. 45. М., 1958.

3. Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин; авт. Г. В. Борисевич, В. П. Даркевич, А. Н. Кирпичников и др. М.: Наука, 1985. 432 с.

4. Кирьянов И. К., Коренюк С.Н., Чагин Г. Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Книжный мир, 2007. 166 с.

5. Куза А. В., 2016. Рыбный промысел в Древней Руси / предисл. В. А. Кузы. М.; СПб.: Нестор-История. 208 с.

6. Рыболовный словарь Прикамья / М. А. Бакланов, А. М. Белавин, В. В. Жук [и др.]. СПб.: ООО «Маматов», 2013. 216 с.

7. Сарапулов А. Н. Способы рыбной ловли у средневекового населения Пермского Предуралья // XXI Уральское археологическое совещание. 2018. С. 320-322.

8. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 344с.

УДК: 902(47)

КОНДУРЧИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1391 ГОДА В ИСТОЧНИКАХ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© Манухин Александр Сергеевич

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королева, г. Самара

*Научный руководитель – к.и.н, в.н.с. Научно-исследовательской лаборатории археологии,
доцент кафедры социологии и культурологии Зубов Сергей Эдгардович*

Аннотация. Грандиозное Кондурчинское сражение 1391 года между войсками Амира Тимура и хана Тохтамыша вызывает у исследователей неподдельный интерес. На сегодняшний день отечественные историки и археологи анализируют различные моменты Кондурчинской битвы, как логического завершения военного похода Амира Тимура против Великого хана Золотой Орды. Основными направлениями исследовательской работы при его изучении является проблема локализации генерального сражения, количество войск, принявших участие в этой битве, а также результаты военного похода Амира Тимура в Дешт-и-Кипчак.

Ключевые слова: Амир Тимур, хан Тохтамыш, Золотая Орда, Мавераннахр, Дешт-и-Кипчак, военный поход 1391 года, Кондурчинское сражение.

В 1391 году Амир Тимур организовал военный поход в Дешт-и-Кипчак против золотоордынского хана Тохтамыша. Поводом этой военной операции стали набеги в Центральный Иран и Азербайджан (осада города Собран, совр. Шабран). Сам Амир Тимур на курултае объявил о своей постоянной поддержке Тохтамыша в прошлом и его отступничестве от благодетеля. Скорее всего, Тимур решил поставить во главе Золотой Орды нового ставленника для решения своих внешнеполитических и экономических задач, в то время, как Тохтамыш перестал следовать его указаниям и повел самостоятельную политику,

направленную на расширение территорий, социально-политической и экономической самостоятельности Золотой Орды.

Для решения своих военно-политических задач Амир Тимур собрал крупное войско и 19 января 1391 года вывел на марш свои войска из Ташкента. Кульминацией военного похода протяженностью более трех тысяч километров стало генеральное сражение между войсками Амира Тимура и хана Тохтамыша 18 июня 1391 года в местности Кондурча.

Кондурчинское сражение завершилось полным разгромом войск Тохтамыша и его бегством за Волгу, а затем в Литву.

Описание военного похода Амира Тимура в 1391 году в Дешт-и-Кипчак оставил для потомков Низам ад-Дин Абд ал-Васи Шами в книге «Зафар-наме» (книга побед) еще при жизни полководца. Данная книга содержит описание всех походов и побед Амира Тимура до 1400 года, в которой некоторые исследователи замечают присутствие автобиографических сообщений и правок самого Тимура.

Вторым источником является книга Шараф ад-Дин Али Йедзи (Ядзи), которая была создана по поручению внука Амира Тимура – Ибрагима-Султана. В этом жизнеописании были добавлены рассказы о последних годах жизни Амира Тимура, а также о том, что произошло после его смерти. Стоит отметить гиперболизированный характер этой книги, при прочтении которой исследователи относятся с известной долей осторожности к оценкам автора этого труда.

Вещественным свидетельством военного похода в Дешт-и-Кипчак является надпись на камне, оставленная Амиром Тимуром в Казахстане, возле шахты Карсакпай, которая получила своё название «Карсакпайская надпись». На камне на двух языках (арабском и уйгурском) указывается время похода («в средний месяц весны года овца (6 апреля 1391 г.)»), количество войска («султан Турана Тимур-бек с тремя сотнями тысяч войска») и цель похода («за Ислам на болгарского хана Тохтамыш-хана»).

В Никоновской летописи мы находим краткое упоминание о данном военном походе. «Того же лета на Тохтамышши царя он царь силен из Шамахейския земли, и бысть сеча велика; а князь Василей Дмитриевич утече у царя за Яик и прииде на свою отчину на Москву». В противовес Карсакпайской надписи в Никоновской летописи указывается преувеличенное количество войска Тимура – «бьяше бо болши четырёхъ сотъ тысящъ».

Кульминационной точкой похода стало генеральное сражение в местности Кондурче 18 июня 1391 года. Место сражения археологическими методами до сих пор не выявлено. При этом существуют разные точки зрения по локализации места этой битвы.

Исходя из книги Низам ад-Дина «Зафар-Наме» основное сражение произошло в местности «Кондузча». Именно поэтому многие исследователи, такие как Е. Ф. Гурьянов (1984), А. Ю. Якубовский (1950), М. И. Иванин (1875), В. Г. Тизенгаузен (1941) соотносят место сражения с нынешним названием реки Кондурча. При этом, длина реки Кондурча составляет 294 км и в каком месте на всем этом протяжении произошло сражение, до сих пор не ясно. По моему мнению, самым аргументированным и логичным предположением является локализация битвы у села Борма по версии Е. Ф. Гурьянова (1984).

Численность армий Амира Тимура и хана Тохтамыша в российской историографии оценивается по-разному. В Карсакпайской надписи указывается количество войска словами «iki/uc», которые некоторые исследователи переводят как 200 тыс. человек (Якубовский, 1950, с. 357; Сафаргалиев, 1960, с. 153). Специалисты из Эрмитажа представили новый перевод этой надписи и указали численность войск Тимура в 300 тыс. воинов (Григорьев и др., 2011, с. 127). Самарские ученые, солидаризируясь с мнением М. И. Иванина, предполагают возможное количество войск Тимура до 360 тыс. человек (Зубов, Назаров,

2023, с. 90). И.М. Миргалеев первоначально предполагал количество войск Тимура в 300 тыс. воинов, утверждая, что «войско Тамерлана в 200 тысяч воинов было бы недостаточно для противостояния такому сильному государству как Золотая Орда» (Миргалеев, 2003, с. 19-20). Однако, в своей последней публикации И. М. Миргалеев резко сокращает войско Тимура до 50 тысяч воинов, не приводя никаких аргументов изменения своей позиции по численности участников военного похода 1391 года (Миргалеев, 2023, с. 83). Трудно поверить указанному количеству воинов Амира Тимура в Никоновской летописи – «бъше бо болши четырёхъ сотъ тысящъ». Скорее всего это явно преувеличенное число.

По-разному исследователи относятся к итогам победного военного похода Амира Тимура в Дешт-и-Кипчак. В книге «Зафар-Наме» не дается оценка результатам данного похода и непосредственно самой битвы. Еще во второй половине XIX в. М. И. Иваниным (1875, с. 206), а вслед за ним М. Г. Сафаргалиевым (1960, с. 162) и А. Ю. Якубовским (1950, с. 361-362) были высказаны предположения о том, что данный поход привёл к распаду Золотой Орды и стал зачатком к освобождению Руси от золотоордынской зависимости. В противовес этому мнению казанский исследователь И. М. Миргалеев не видит никаких серьезных результатов данной военной компании и утверждает, что Орда после похода продолжила свое существование и была вполне экономически в состоянии для новой войны (Миргалеев, 2003, с. 26-29,). Военный поход 1391 года и генеральное сражение у Кондурчи, по мнению И.М. Миргалеева, «закончилось безрезультатно» (Миргалеев, 2023, с. 87). Данное предположение, на наш взгляд, требует более весомой аргументации.

Изучение военного похода 1391 года следует проводить не только посредством источниковедческого анализа, но и с привлечением археологических исследований. Предметом таких полевых работ должны стать остатки военных лагерей и бивуаков, выявление мест сражений, как авангардных и арьергардных, так и непосредственно самой генеральной битвы. Локализация мест сражений с изучением вмещающих ландшафтов позволит более точно реконструировать стратегию и тактические приемы военного похода, уточнить данные письменных источников.

В настоящее время становится актуальным и своевременным проведение масштабных археологических работ при помощи естественнонаучных и инженерно-технических методов, использование которых в последние годы находит широкое применение в археологии.

Библиографический список

1. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
2. Григорьев А. П., Телицин Н. П., Фролова О. Б. Камень Тимура 1391 года // Тюркологический сборник. 2009-2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. Кол. С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Вост. лит., 2011. С. 109-129.
3. Гурьянов Е. Ф. Битва на Кондурче // Газета «Маяк Ильича». №8 (6687) от 19 января 1984.
4. Гурьянов Е. Ф. Битва на Кондурче (продолжение) // Газета «Маяк Ильича». №10 (6689) от 24 января 1984.
5. Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1875. 264 с.
6. Зубов С. Э., Назаров А. М. 1391 год. Битва на Кондурче: проблемы и перспективы изучения // Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Золотоордынского

форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Орды: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань 14-16 декабря 2022 г. Выпуск 5. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. С. 89-95.

7. Миргалеев И. М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.

8. Миргалеев И. М. Битва 1391 года: дискуссионные вопросы о сражении // Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Золотоордынского форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Орды: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань 14-16 декабря 2022 г. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. С. 82-88.

9. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 278 с.

УДК 904

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ОРУЖИЯ ДАЛЬНЕГО БОЯ

© *Мифтахов Максим Марселевич*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

*Научный руководитель – д.и.н., профессор кафедры археологии и реставрации наследия
КФУ Недашковский Леонард Федорович*

Аннотация. В статье представлен историографический анализ научных работ, посвященных изучению комплекса оружия дальнего боя золотоордынского воина. На основе анализа этих работ были выделены три хронологических этапа в истории изучения оружия дальнего боя Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, историография, Улус Джучи, Золотая Орда, оружие дальнего боя, вооружение.

Вопрос об оружии дальнего боя у монголов впервые поднял Г. С. Саблуков. В своем труде, написанном в 1845 г., он отмечает, что «вооружение монгола состояло из стрел, сабли, копья, щита»; монгольские завоеватели (в том числе и женщины) были искусными лучниками (Саблуков, 1895, с. 20). В работе Д. Н. Анучина отмечается, что монголы употребляли «обратно-треугольные наконечники с лезвием» (срезни) (Анучин, 1887, с. 10).

Н. И. Веселовский отмечал, что в период Монгольской империи и Золотой Орды использовались свистящие стрелы – с железным наконечником, на котором находился полый костяной шарик с боковым отверстием (Веселовский, 1909, с. 160). А. Н. Кушева-Грозевская привела описания наконечников стрел, она утверждала, что костяные наконечники стрел в золотоордынских погребениях не встречаются (Кушева-Грозевская, 1928, с. 27).

Г. А. Федоров-Давыдов разработал первые классификационные схемы элементов джучидского оружия дальнего боя. Им был выделен 21 тип железных наконечников стрел, но многие из них имеют преимущественно домонгольские аналогии (Федоров-Давыдов,

1966, с. 25-29). Костяные петли от колчанов были классифицированы по отделам (по числу больших отверстий) и по типам (по форме) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 31-32).

В своем фундаментальном труде А. Ф. Медведев дал характеристику лука, колчана, налучья, колец для натягивания тетивы (Медведев, 1966). Автором были проведены исследования пропорций и размеров наконечников, что позволило выявить отличия между ордынскими типами и подтипами и похожими наконечниками, применявшимися народами Восточной Европы в домонгольское время.

Н. В. Малиновская на основе анализа 84 колчанов с орнаментированными обкладками пришла к выводу, что они появляются вместе с монгольскими завоевателями и распространяются на территории от Днестра до Центрального Казахстана. Автор приходит к выводу, что резные обкладки колчанов изготавливались в золотоордынских городах (Малиновская, 1974, с. 168-169).

Ю. С. Худяков провел анализ элементов комплекса вооружения народов южносибирского и центральноазиатского регионов в XI-XIV вв. Большое значение имеет классификация железных наконечников стрел восточных кипчаков. Автор отмечает, что на Алтае преобладают плоские асимметрично-ромбические стрелы. В монгольскую эпоху стали применяться луки с концевыми вкладышами и со срединной фронтальной накладкой (Худяков, 1997, с. 60-62, 107-108).

М. В. Гореликом был рассмотрен комплекс вооружения Адыгеи в золотоордынский период (Горелик, 2017, с. 283-284).

К. А. Руденко провел анализ 956 железных наконечников стрел из Среднего Поволжья (Руденко, 2003). К. А. Руденко выделяет характерные для некоторых регионов типы наконечников (Руденко, 2010).

В исследовании В. В. Горбунова, посвященном Алтаю, накладки на лук делятся по материалу изготовления (группа), расположению на кибити (разряд), месту крепления (раздел), толщине (отдел), форме и пропорциям (тип), деталям оформления и крепления (вариант) (Горбунов, 2006, с. 9). Была разработана классификация луков: по конструкции, форме, длине со снятой тетивой, числу накладок на кибити, составу набора накладок, длине рогов и рукояти лука (Горбунов, 2006, с. 21). Автор отмечает полное господство монгольской традиции. На основе 1334 наконечников стрел составлена шестиуровневая классификация (Горбунов, 2006, с. 27-28).

Е. П. Мыськовым была разработана классификация наконечников стрел Волго-Донских степей (Мыськов, 2015, с. 124-126). По мнению исследователя, ошибочно утверждение о том, что изготовление костяных орнаментированных колчаных накладок осуществлялось в городах он считал, что почти все накладки являются продукцией самих кочевников (Мыськов, 2015, с. 135-141, 155). При декорировании колчанов использовались красный, черный и зеленый (иногда заменявшийся синим) цвета; по мнению автора, связаны подобные предпочтения с традиционными сопоставлениями между этими цветами (вместе с белым, цветом самой кости) и четырьмя сторонами света (Мыськов, 2015, с. 147).

Можно выделить следующие хронологические этапы изучения золотоордынского оружия дальнего боя.

Середина XIX – середина XX в. – появляются первые работы, связанные с данной тематикой, однако вопрос об оружии дальнего боя затрагивается лишь частично. В ряде работ (наиболее ранних) Золотая Орда не рассматривается отдельно от Монгольской империи. Однако уже в данный период появляются труды, в которых выдвигаются первые теоретические предположения, связанные с оружием дальнего боя.

1960-е – 1980-е гг. – появляются первые классификационные схемы различных

компонентов оружия дальнего боя. Большая часть исследований основана на материале больших по площади территорий, что имеет как положительные (создание целостной картины в рамках значительной части Золотой Орды), так и отрицательные стороны (недостаточное внимание к региональным особенностям).

С 1990-х гг. по настоящее время – появление большого числа исследований, посвященных находкам на территории конкретных регионов, создаются новые классификационные схемы, ориентированные на материал определенных областей.

Для создания общей картины комплекса золотоордынского оружия дальнего боя необходимо проведение сравнительных исследований по регионам и на их основе создание обобщающих работ, затрагивающих всю территорию Улуса Джучи. Важным является вопрос о включенности Золотой Орды в евразийские процессы развития комплекса вооружения.

Библиографический список

1. Анучин Д. Н. Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1887. 75 с.
2. Веселовский Н. И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 25. 1921. С. 273-292.
3. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
4. Горелик М. В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Археология евразийских степей. 2017. №5. С. 280-302.
5. Кушева-Грозевская А. Н. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925-26 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов: Тип. Промкомбината Аткарского УИК'а, 1928. 36 с.
6. Малиновская Н. В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 132-175.
7. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с.
8. Мыськов Е. П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2015. 484 с.
9. Руденко К. А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003. 512 с.
10. Руденко К. А. Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII-XVII вв. н.э. (справочник-определитель археологического материала): руководство для практической работы. Уфа: Акад. ВЭГУ, 2010. 254 с.
11. Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895. 60 с.
12. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.
13. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

УДК 902.01

ИЗМЕНЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ – РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© Назаров Артём Алексеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

*Научный руководитель – д.и.н., профессор кафедры истории и археологии ПГНИУ
Лычагина Евгения Леонидовна*

Аннотация. В статье представлен анализ изменений, которые произошли в ломоватовской и неволинской археологических культурах в VI-VIII вв. на материалах археологии и палеоантропологии. Сделаны выводы о наличии общих и особенных компонентов в погребальном обряде раннего ломоватовского и неволинского населения, сохранении части компонентов обряда при переходе к грунтовому способу захоронения. Предполагается изменение погребального обряда из-за ассимиляции пришлого населения.

Ключевые слова: археология, палеоантропология, Среднее Предуралье, погребальный обряд, ломоватовская культура, неволинская культура.

На протяжении III-V вв. на территорию Прикамья приходит пришлое население, под его влиянием происходит изменение погребального обряда местных племен. Но с VI-VIII вв. традиции переселившегося населения меняются, становясь похожими на гляденовские.

Эта ситуация характерна для могильников ломоватовской и неволинской культур.

Процесс изменения погребального обряда интересен, так как он отражает культурные особенности населения, поэтому он консервативен, каждый его элемент имеет определенное значение.

Цель исследования – проследить общие и особенные черты в погребальном обряде раннего и позднего этапа ломоватовской и неволинской культур.

Ломоватовская культура существовала в районе верхнего течения р. Камы. В. Ф. Генинг датирует ее III-IX вв. (Генинг, 1964, с. 85). Современные исследователи А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова продолжают ее до XI вв. (Белавин, Крыласова, 2016, с. 28-41). В исследовании мы придерживаемся новой точки зрения.

В харинский этап ломоватовской культуры бытовали курганные захоронения по обряду ингумации. Ямы прямоугольной формы с вертикальными или наклонными стенками, длиной 2-2,5 м, шириной до 1 м и глубиной менее 0,5 м. Внутримогильные сооружения представлены срубами, рамами-обкладками, помостами и гробовищами, зачастую обернутыми берестой. В основном, погребения одиночные, есть малый процент парных и групповых. Сопроводительный инвентарь беден. В женских погребениях он представлен украшениями, ножами и кожаными поясами. В мужских – пряжками, кинжалами, ножами и конской упряжью. На некоторых могильниках присутствуют жертвенные ямы. Ориентировка погребений отлична на разных памятниках. Присутствует обряд трепанации.

Сагафоновского этапа ломоватовской культуры (VI-VII вв.) снова появляется грунтовый способ захоронения покойного. Форма ям прямоугольная или овальная с вертикальными и наклонными стенками, иногда в боковых стенках ям встречаются выступы. Длина

погребений 1,5-2,5 м, ширина – до 1 м, глубина – 0,5-1 м. Внутримогильные конструкции те же, но встречаются погребения на нартах и в лодках. Надмогильные сооружения не зафиксированы, но так как взаимопроникновения погребений почти не обнаружено, предполагается их бытование. Ориентировка погребений меняется на могильниках, продолживших функционировать с харинского времени. На могильнике Пыштайн II юго-западные ориентировки меняются на северо-восточные (Мингалев, 2005, с. 11), на Бурковском – северо-восточные на южные (Генинг, Голдина, 1973, с. 43), а на Митинском – северо-западные на южные (Шмуратко, 2020, с. 65). Погребения одиночные, но встречаются парные, групповые и кенотафы. Инвентарь представлен оружием, орудиями труда, конской упряжью и украшениями. Есть обычай оставлять погребальную пищу. Исчезает обряд трепанации.

Антропологические исследования показывают неоднородность населения в это время, есть монголоидный угорский компонент, зафиксированный на Важгортском и Бояновском могильниках. Но на антропологический тип остального населения он не влиял. В антропологическом составе фиксируется преемственность: схожие адаптация к природным условиям, массивность костей посткраниального скелета и краниальные признаки, что может говорить об устойчивости местного компонента (Брюхова, 2016).

Носители неволинской культуры жили в IV-IX вв. в районе р. Сылва (Голдина, Водолаго, 1990, с. 4).

Для неволинской культуры до VII в. характерны курганные захоронения (Голдина, Водолаго, 1990). Ямы прямоугольной формы, иногда с уступами. Погребения с уступами богаче, чем прямоугольные (Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018, с. 84). Длина ям 1-1,5 м, ширина – до 1 м, глубина 1-1,5 м. Часть погребений обложена камнями, есть рамы–обкладки, гробовища, шкура и береста. Фиксируется ориентация покойных на запад и восток. В могилу клали подарочные наборы и пояса – вдоль тела покойного (Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018, с. 83).

С VII в. распространяются грунтовые погребения. Умерших хоронили в прямоугольных ямах. Количество погребений с выступами и подарочными наборами сокращается. Длина погребений 1,5-2,5 м, ширина – менее 1 м, глубина – 0,4-1 м. Внутримогильные конструкции остаются теми же. Для каждого могильника характерна своя ориентация погребений. Ориентировки ям меняются по сравнению с ранним этапом. На Бродовском могильнике – с восточной на южную. В основном, в погребениях захоронен один индивид, кроме Бартымского могильника, где чаще зафиксированы парные и групповые захоронения. Погребальный инвентарь представлен украшениями, ножами, пряслицами, конской упряжью, посудой, оружием, орудиями труда, кресалами и кремнями.

Таким образом, есть общие компоненты погребального обряда прикамского населения эпохи Великого переселения народов. Это курганный способ захоронения, прямоугольная форма ям, схожие внутримогильные конструкции. Но в харинском этапе мы видим обычай захоронения в срубках, обряд трепанации, которых нет у неволинцев. Особенными погребальными традициями раннего этапа неволинской культуры являются подарочные наборы, размещение поясов вдоль тела покойного, форма ямы с выступами. Переход к грунтовым захоронениям связан с изменением их ориентировки, сокращением или прекращением бытования некоторых обрядов: трепанаций, подарочных наборов, обкладки могил камнями. Выступы в форме могильной ямы почти исчезают из погребальной практики неволинского населения, но появляются в ломоватовской при переходе к грунтовым погребениям. Возможно, изменение обряда связано с ассимиляцией местным населением пришлого в эпоху Великого переселения народов.

Библиографический список

1. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. История. 2016. №1(32). С. 28-41.
2. Брюхова Н. Г. Особенности процессов адаптации средневекового населения Пермского Предуралья: антропоэкологический подход // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2016. №3. С. 48-55.
3. Генинг В. Ф. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 94-162.
4. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. С. 58-121.
5. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. 176 с.
6. Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В. Могильник VI-IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19. Ижевск. 2018. 720 с.
7. Мингалев В. В. Отчет о научно-исследовательской работе археологические раскопки могильника Пыштайн II, в Гайнском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 2005 году. Пермь. 2005. 98 с.
8. Шмуратко Д. В. Грунтовая часть Митинской курганной группы (результаты раскопок 2016-2019 гг.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. №9. С. 94-109.
9. Шмуратко Д. В. Митинская курганная группа: результаты раскопок 2020 г. // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2020. №10. С. 63-71.

УДК 902

РЕЗУЛЬТАТЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЮЖЕТОВ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ© *Павлюткин Иван Денисович*

Пермский Государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

Научный руководитель – д.и.н., профессор Крыласова Наталья Борисовна

Аннотация. В данной статье представлены результаты систематизации и классификации находок Пермского звериного стиля одной категории – круглых прорезных пластин с изображением многофигурных композиций из животных, а также результаты проведенного картографического анализа.

Ключевые слова: средневековье, Верхнее Прикамье, предметы из металла, культовое литье, пермский звериный стиль.

Одной из проблем изучения предметов Пермского звериного стиля как археологического

источника является то, что большинство этих предметов найдено случайным образом. На настоящий момент собрана база, включающая около 500 артефактов, при этом доля обнаруженных в культурном слое в процессе археологических раскопок составляет чуть больше 1 процента. Этот факт сильно осложняет работу исследователей, ведь мы теряем колоссальное количество данных – контекст находки. Тем не менее, всё ещё можно получить определённый объём информации посредством различных методов. Один из них – картографический анализ.

В собранной базе находок Пермского звериного стиля ярко выделяется группа предметов, представляющих собой преимущественно круглые прорезные пластины с изображением многофигурных композиций из животных. Данная категория значительно отличается от привычных сюжетов со всадниками, человеколосьями и другими антропоморфами, как композиционно, так и сюжетно. Поскольку данная категория находок ранее не рассматривалась учёными в целом, а лишь публиковались материалы по отдельным артефактам, нами было принято решение о более подробном их изучении.

Всего выявлено 28 плакеток, датируемых VI–XI вв., отнесённых к 4 типам, 3 подтипам.

Тип 1. Круглые бляхи с многофигурными композициями из животных (10 экз.)

Данный тип представляет собой круглые прорезные пластины с изображением многофигурных композиций из животных. Чаще всего встречаются образы медведя – на 9 экземплярах, мелких пушных зверей – на 6 экземплярах, лося – на 5 экземплярах (на одной пластине только голова лося), единично встречаются бобёр, заяц и головы птиц. Также в композиции иногда присутствует солярный знак, изображаемый круглым диском. Наличие или отсутствие солярного знака стало критерием для выделения подтипов.

Подтип А. Без солярного знака (4 экз.)

Подтип Б. С солярным знаком вверху композиции (3 экз.)

Подтип В. Солярный знак в центре композиции (3 экз.)

Тип 2. Круглые бляхи с изображением двух животных на задних лапах, обращенных мордами друг к другу (9 экз.)

Основой сюжетной композиции данного типа является пара животных, обращённых мордами друг к другу. В четырёх случаях это пара медведь-медведь, и так же в четырёх – медведь-лось. Лишь на одной пластине (№15) изображён медведь и неопределённый зверь, в окружении ещё двух голов неопознанных животных.

Расположение животных принципиально отличает этот сюжет от известных «сцен гона» – когда хищное животное преследует добычу. Также нельзя интерпретировать этот сюжет как сцену борьбы животных, у подавляющего большинства изображений отсутствуют атрибуты агрессии (оскаленные зубы), а на некоторых даже имеется солярный знак, к которому обращены головы животных. Лишь на одной плакетке (№19) изображены два медведя с характерным оскалом.

Тип 3. Кольцевидные пластины с многофигурными изображениями животных (3 экз.)

Предметы этой категории представляют собой кольцеобразные прорезные пластины с большим (в среднем 55% от радиуса изделия) отверстием посередине. На пластинах всегда присутствует солярный знак, от которого по окружности располагаются изображения животных – лис, бобров, выдр, белок, зайцев, лосей, медведей, рыб.

Ряд исследователей полагает, что подобные находки можно интерпретировать как промысловые календари. Первый такой предмет обнаружен на территории республики Коми в окрестностях с. Сторожевск на р.Вычегде. Этнограф Н. Д. Конаков расшифровал его как древний промысловый календарь (Конаков, 1987, с. 16). Подобные предметы выявлены и на территории Пермского края. В Соликамском краеведческом музее хранится кольцевой

календарь, схожий с вычегодским. На нём изображено пять животных: выдра, бобр, белка, лось и лиса (Очерки археологии Пермского Предуралья, 2022, с. 206). Год начинается сразу после весеннего равноденствия (фаза отмечается солярным знаком). Отсчёт дней идёт непрерывно против часовой стрелки. В качестве основной единицы счёта – четырёхдневная «неделя». Чётко представлено деление года на весенне-летний и осенне-зимний периоды. Последний начинается после осенней фазы солнца, также отмеченной на календаре солярным знаком (Зырянский мир..., 2004, с. 262).

Тип 4. Подковообразные плакетки с изображениями бобров и пушных животных (6 экз.)

Данная категория представляет собой подковообразные пластины с изображениями бобров и пушных зверьков. Стоит отметить, что детализация изображений значительно отличается от предмета к предмету. Так, на пластине №28 проработаны хвосты, головы бобров, а на пластине №25 нанесены лишь контуры животных, где можно различить разве что длинный хвост и голову. Данный тип значительно отличается от предыдущих своей формой, но всё же мы решили отнести его к этой группе, ввиду схожести сюжета и оформления края изделия «плетёным бортиком». Ещё одним аргументом к подобному решению является то, что некоторые исследователи также относят подобные находки к промысловым календарям.

Возможно, они выполняли функцию календаря, но не для всего года, а для определённого периода. Э. А. Савельева и К. С. Королёв, описывая угдымскую пластину, высказывали предположения, что она может быть связана с промысловым календарём, основанном на годовых биологических ритмах промысловых животных, а может быть, является сезонным календарём, связанным с охотой на соболя или куницу (Очерки археологии Пермского Предуралья, 2022, с. 207).

Из 28 находок у 27 экз. удалось выяснить хотя бы приблизительное место нахождения. По результатам картографического анализа можно сделать следующие выводы.

Предметы *Первого типа* всех подтипов встречены лишь на территории Пермского края, преимущественно в среднем течении Камы и её притоках. Лишь одна находка, происходящая из Усть-Кишертского клада, выбивается из общей тенденции и находится южнее, близ г. Кунгур. Известна находка металлического диска из Хейбидя-Педарского жертвенного места на р.Море-Ю (Ненецкий автономный округ), датированная IX-X вв. н.э., только изображение на ней выполнено в технике граффити (Древнее святилище на реке Море-Ю, 2016, с. 142).

Предметы *Второго типа* уже встречаются на территории Кировской, Свердловской областей, республики Коми. На территории Пермского края – преимущественно в верховьях Камы.

Промысловые календари, отнесённые к *Третьему типу*, встречены в верховьях среднего течения Камы и в республике Коми на средней Вычегде.

Аналогичная ситуация и с *Четвёртым типом*, однако один предмет находится за Уралом, в Свердловской области на р. Лазьва. Подобная схожесть может свидетельствовать о целесообразности интерпретации подковообразных пластин как промысловых календарей.

Пока рано говорить о больших выводах, в дальнейшем необходимо провести подобную работу со всеми категориями находок имеющейся базы. Возможно это даст нам дополнительные сведения о территориальной и функциональной принадлежности некоторых групп предметов, как в случае с вышеупомянутым Типом №4.

Библиографический список

1. Древнее святилище на реке Море-Ю: Каталог археологической коллекции предметов IV-XIV вв. / А. М. Мурыгин, С. А. Липс, О. В. Кардаш. Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2016. 311 с.
2. Конаков Н. Д. Древнекоми промысловый календарь: (Стиль календаря): Докл. на заседании президиума Коми фил. АН СССР, 7 мая 1987 г. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1987. 20 с.
3. Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие / А. М. Белавин, В. А. Иванов, Н. Б. Крыласова [и др.]. Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2022. 315 с.
4. Зырянский мир: очерки о традиц. культуре коми народа / В. В. Власова и др. ; сост., науч. ред. и рук. авт. коллектива Н. Д. Конаков. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2004.

УДК 902

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ШЛАКИ ЗОТИНСКОГО РУДНИКА: К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ГОРНА

© *Перчаткин Александр Витальевич*

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск

*Научный руководитель – к.и.н., с.н.с. НИЛ археологических исследований ЮУрГГПУ
Алаева Ирина Павловна*

Аннотация. В работе представлена типология железных шлаков рудника Зотинский, с помощью которой выявлена технология черной металлургии. На основании полученных данных предложен вариант реконструкции металлургического горна.

Ключевые слова: железная металлургия, рудники, металлургический шлак, выпускной шлак, сыродутная печь, средневековье, Южное Зауралье.

В 2022 году были проведены археологические раскопки железного рудника Зотинский, располагающегося в Каслинском районе Челябинской области, в ходе которых были обнаружены следы металлургической деятельности (Молчанов, 2023). В слоях рудника обнаружены разновременные материалы: керамика полуденской, иткульской культур, фрагменты русской поливной посуды. На основании типов металлургического шлака и особенностей производства остатки металлургии предположительно отнесены к эпохе средневековья.

Несмотря на значительное количество металлургического шлака теплотехнических конструкций *in situ* выявлено не было. В данной ситуации, единственными источниками для восстановления облика горна, являются шлаки и глиняные стенки (Кожевников, 2003,

с. 84-90).

Таким образом, целью работы стала реконструкция металлургического горна. В ходе исследования были поставлены следующие задачи: описать металлургический шлак; представить типологию шлаков; восстановить технологию получения железа.

В выборке было представлено 3633 единиц шлака общим весом 422 кг. Для подробного изучения было отобрано 524 образца разных размеров. При описании шлака визуальнo было выявлено три основных типа (таб.1):

	Кол-во (ед.)	Размеры (см)	Сумм. вес (кг)	Вес От/до; Среднее (кг)	Отпечатки дерева (ед.)	Размер отпечатков (см)
Тип 1	2038	1,3x0,8x0,7 – 18,1x13,1x12,3	268	0,002 / 1,4; 0,807	153	1x0,6x0,1 – 11,2x6,3x5
Тип 2	797	1,8x1,5x1 – 14,9x12x9,1	77	0,004 / 1,012; 0,498	24	1,3x0,7x0,1 – 4,8x4,1x3
Тип 3	798	2,2x1,5x0,8 – 17,7x14,4x12	77	0,003 / 1,669; 0,511	4	1,6x0,7x0,6 – 4,5x3,2x1
Итого	3633		422	0,662	171	

Таблица 1. Параметры металлургических шлаков 1, 2 и 3 типов

Тип 1 – выпускной шлак. Представлен образцами со струйной поверхностью, образовавшейся в ходе натекания друг на друга струек жидкого расплава (рис.1). В ходе обработки коллекции было выявлено 2038 единиц данного типа, общей массой 268 кг. В выборку попало 214 образцов. Объем образцов от 5 см³ до 1553 см³, вес от 0,002 кг до 1,4 кг. На 153 образцах выявлены отпечатки дерева площадью от 1,4 см² до 44,8 см². 53 единицы шлака местами покрыты ржавчиной. Иногда удается зафиксировать диаметр выпускной струи от 0,5 см до 1,5 см, а также длину вертикальной струи длиной 10-12 см. На 30 образцах встречена обмазка печи в виде мелких включений, а также на некоторых крупных образцах есть прикипевшая земля.

Тип 2 – внутригорновый шлак. Представлен образцами из внутреннего пространства шахты печи, характеризуется почти правильной геометрической формой, прикипевшей материковой глиной и пористостью практически по всей поверхности. Было выявлено 797 шт. шлака данного вида, весом 77 кг. В выборке оказалось 156 единиц. Объем образцов от 6 см³ до 477 см³. Вес от 0,004 кг до 1,012 кг. На 30 образцах есть ржавчина. На 24 шлаках встречаются отпечатки от дерева площадью до 9 см². В типе 2 было выявлено два подтипа шлака отличающиеся по разнохарактерности слоев:

Подтип 2.1 – донный шлак. Представлен слоями прикипевшей земли, материковой глины и тонким слоем шлака. Таких образцов было выявлено 30 ед. Объем образцов от 32 см³ до 767 см³. Вес от 0,016 кг до 0,654 кг. На 6 образцах есть отпечатки дерева площадью 4,6 см². Данный подтип локализуется на самом дне печи и образуется из-за спекания материковой глины и земли со шлаком (рис. 1).

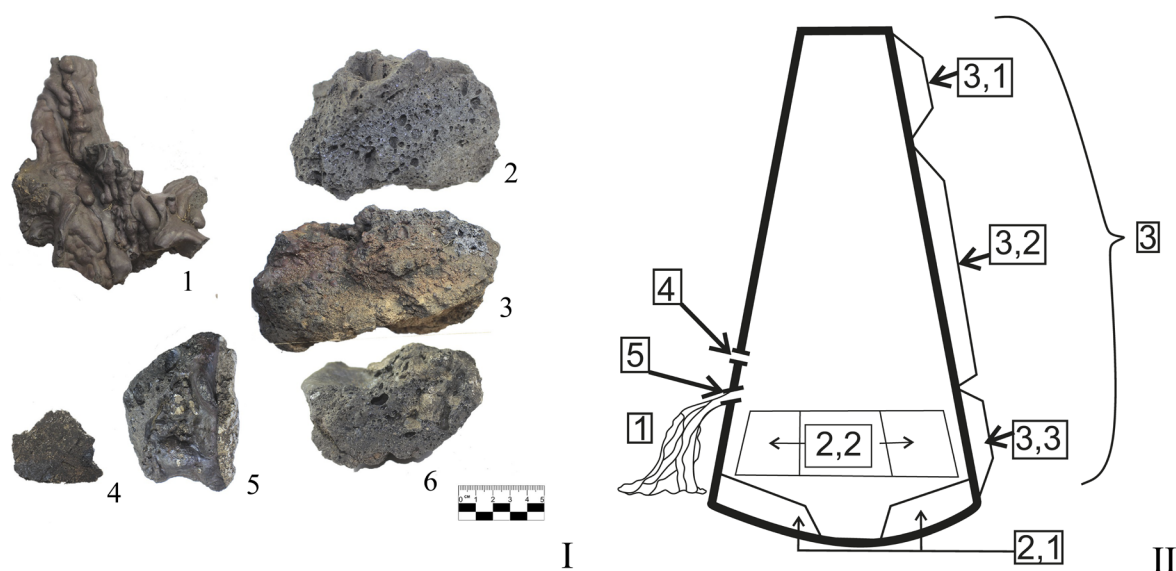

Рисунок 1. Рудник Зотинский. Реконструкция металлургического горна.

I – Металлургические шлаки (фото) 1 – выпускной шлак, тип 1; 2 – внутригорновой (блочный шлак), подтип 2.2; 3 – внутригорновой (донный шлак), подтип 2.1; 4 – Обмазка печи (однослойная), подтип 3.1; 5 – Обмазка печи (двухслойная), подтип 3.2.; 6 – Обмазка печи (трехслойная), подтип 3.3; II – Реконструкция металлургического горна с местами образования разного типа шлака. 1 – тип 1; 2.1 – тип 2.1, 2.2 – тип 2.2, 3 – стенка печи, 3.1 – тип 3.1, 3.2 – тип 3.2, 3.3 – тип 3.3, 4 – фурма, 5 – выпускное отверстие.

Подтип 2.2 – блочный шлак. Однослойный, характеризующийся практически правильной геометрической формой, с различной степенью пористости и включениями обмазки. Было выявлено 126 единиц данного подтипа. Объем образцов составляет от 6,5 см³ до 568 см³. Вес от 0,008 кг до 1,012 кг. На 19 шлаках выявлены отпечатки дерева площадью 4 см².

Подтип 2.2 блочный – локализуется выше подтипа 2.1 и скорее всего остается там до конца металлургического процесса, а именно до разрушения печи (рис. 1).

Тип 3 – обмазка печи. Отличается от предыдущих типов, главным образом, по наличию четкого слоя глиняной обмазки печи желто-белого цвета. Данный тип, был отнесен к шлакам, так как все образцы в разной мере ошлакованы. Общее число 798 шт. образца общим весом 77 кг. В выборку попало 154 образца. Объем образцов от 25 см³ до 1200 см³. Вес от 0,003 кг до 1,669 кг. На 10 шлаках есть ржавчина. В 4 образцах встречены отпечатки с максимальной площадью 15 см². В типе 3 было выделено три подтипа шлака, по степени ошлакованности:

Подтип 3.1 – однослойная обмазка печи, с тонкой корочкой нагара или небольшого кусочка (не больше 1 см²) прилипшего шлака. В ходе обработки выборки было обнаружено 40 единиц данного подтипа. Объем от 3,2 см³ до 409 см³. Вес от 0,003 кг до 0,383 кг. Отпечатков не выявлено. Данный подтип располагается в колошнике печи (рис. 1).

Подтип 3.2 – двухслойная обмазка печи, с четкими слоями в виде слоя обмазки и слоя шлака. Так же один из признаков – это наличие черных стекловидных затеков в трещины, а иногда и промежуточный слой между шлаком и обмазкой. Было выявлено 94 образца данного подтипа. Размер от 8,4 см³ до 1274 см³. Вес от 0,008 кг до 1,669 кг. Выявлен один отпечаток дерева площадью 1,1 см². Данный подтип локализуется в срединной части горна.

Подтип 3.3 – трехслойная обмазка печи, с выделяющимися слоями в виде слоев материковой глины рыжего цвета, обмазки желто-белого цвета и черного шлака. Как и в предыдущем типе присутствует черная стекловидность между обмазкой и шлаком. Было выделено 10 образцов. Объем образцов от 80 см³ до 585 см³. Вес от 0,288 кг до 0,741 кг.

Выявлено три отпечатка дерева площадью до 16 см². Образцы локализируются в основании горна, на это указывает материковая глина (рис. 1).

Выделение нескольких типов шлака позволяет подробнее реконструировать процесс получения железа. Выявление выпускного шлака указывает на сыродутный способ получения кричного железа. То есть шлаковывпуск является маркером именно такого типа горнов (Кожевников, 2004, с. 188-192; Водясов, 2017, с. 107-115).

Высота вертикального столбика, а также прикипевшая земля на дне образцов указывает, что шлак выпускался на грунт из выпускного отверстия, располагавшегося в 10-12 см от нижней части печи. Преобладание данного типа в количественном и весовом отношении шлака над другими, указывает на постоянность спуска (табл. 1). Еще одной интересной особенностью является то, что на образцах данного вида встречены крупные отпечатки дерева, с иногда сохранившимися годовыми кольцами. Эти следы образовывались за счет отбрасывания шлака специально подготовленными палками для освобождения выпускного отверстия.

Характерной чертой сыродутного металлургического горна, является осуществление дутья, через специальные сопла, которое могло носить характер естественного или искусственного (Рязанов, 2011, с. 59). В нашем случае, об их количестве и месторасположении в конструкции горна можно только предполагать. Скорее всего, они располагались выше выпускного отверстия, под наклоном, чтобы жидкий шлак не забивал сопло из-за появления жидких шлаков.

Наличие шлака второго и третьего типа, указывает на то, что печь частично разбиралась для извлечения крицы. Отсутствие крупных отпечатков дерева как на первом типе, указывает на извлечение шлака после остывания горна.

Реконструированный горн представляет собой наземное сооружение из глины, внутренняя камера, которого, имела конусообразную форму, в виду того что толщина слоя обмазки по мере вытягивания вверх уменьшается. Именно поэтому подтип 3.1 (однослойная обмазка печи) тоньше (от 1 до 2 см толщиной), чем подтип 3.2 (двуслойная обмазка печи), достигающий толщины 4 см (рис. 1).

Максимальной возможная высота печи могла достигать 1,5 метров, что характерно для сыродутных горнов (Черноусов, 2005, с. 142). Однако без установления количественного показателя содержания железа в шлаке, более точную высоту печи выявить пока что невозможно.

Таким образом, в виду того, что шлаки относятся к литейным, вероятно, последующая обработка крицы, осуществлялась вне площадки памятника, а на самом руднике происходила только стадия получения кричного железа через литейный сыродутный горн.

Библиографический список

1. Водясов Е. В. Что может рассказать археологу железный шлак? // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. №47. С. 107-115.
2. Кожевников Н. О. Древние металлургические шлаки из Пади Барун-Хал Приольхонье, Западное Прибайкалье. // Россия и АТР. 2003. №2(40). С. 84-90.
3. Кожевников Н. О. Шлаки и другие материальные свидетельства древней металлургии железа. // Известия лаборатории древних технологий. 2004. №1(2). С. 188-192.
4. Рязанов С. В. Металлургия железа на Южном Урале в XIII-XIV вв. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 125 с.
5. Молчанов И. В. Отчет об археологических раскопках в 2022 году Рудника Зотинского, в Каслинском районе Челябинской области. Открытый лист № 1954-2022 от 24.08.2017 г.

Екатеринбург, 2023. В 1 кн. 238 с.

6. Черноусов П. И., Мапельман В. М., Голубев О. В. Металлургия железа в истории цивилизации: учебное пособие / Москва: МИСИС, 2006. 350 с.

УДК 902.01:903.25(470.44)(45)

ТИПОЛОГИЯ БУС АТКАРСКОГО МОРДОВСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА

© *Русяева Ольга Алексеевна*

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии СГУ
Малышев Алексей Борисович*

Аннотация. Украшения из бус – распространённая деталь женского мордовского костюма. Работа посвящена систематизации и типологии Аткарского грунтового могильника периода Золотой Орды (XIII-XIV вв.), а также территории распространения подобных бус.

Ключевые слова: типология, средневековье, Золотая Орда, Саратовское правобережье, мордва-мокша, бусы.

Бусы являются наиболее массовыми находками. В Аткарском могильнике они находятся в женских погребениях и располагаются в области грудной клетки и на запястьях костяков, составляя ожерелья и браслеты. В парном погребении №58 на груди мужчины лежала стеклянная бусина, выполняющая, вероятно, функцию пуговицы или «дара» вдовы (Ляхов, 1998, с. 95).

В работе была применена типологическая классификация А. В. Арциховского со следующим делением: группа – по материалу, отдел – по поперечному сечению, типы – по продольному (Арциховский, 1930). Выбор этой классификации объясняется тем, что она не ограничена определённым видом материала, лежит в основе большинства других классификаций и соответствует датировке Аткарского могильника. Автором были добавлены классы, характеризующие бусы по декору. Размеры определены согласно работе С. И. Валиулиной: крупные – более 1 см, средние – 6-10 мм, мелкие – до 5 мм (Валиулина, 2005, с. 86).

Было исследовано 226 экземпляров из раскопок Н. К. Арзютова, Ю. А. Африканова, С.В. Ляхова, находящихся в археологическом фонде Саратовского областного музея краеведения (СМК), и С. Ю. Монахова (Монахов, 1991, с. 175). Сохранность бус часто не позволяет точно определить цвет или узор, часть фрагментирована.

Аналогии, как отмечал Н. К. Арзютов, прослеживаются в Пичпандинском, Муранском и Ефаевском могильниках (Арзютов, 1929, с. 14). Также, они есть в саратовских мордовских могильниках: Комаровка-I (Моржерин, 2013, с. 167-170) и Белогорское-II (Баринов, 2015, с. 156). Идентичные экземпляры есть в золотоордынском Укеке (Малышев, Письмарова, 2021, с. 240).

Группа I – стеклянные. Наиболее многочисленная группа, представлена 158 экз. (70%). Изготовлены путем навивки.

Класс А – узорчатые и орнаментированные (15 экз.).

Отдел I: круглые.

Тип 1: шаровидные. Бусина с черной спиралью; глазчатая; с узором, изображающим цветы, либо Солнце. Все 3 бусы относятся к крупным.

Тип 2: эллипсоидные. Крупная, с волнообразным рисунком; глазчатая.

Тип 3: бочонковидные. С волнистым узором.

Тип 4: зонные. Глазчатые (3 экз.: 2 крупные, 1 средняя), полосатые по продольному сечению (3 экз.: 2 мелкие, 1 средняя), с белой спиралью.

Тип 5: бисер. С белой линией по продольному сечению.

Отдел II: фигурные.

В виде кубка с ромбическим орнаментом.

Класс Б – одноцветные (143 экз.). Зелёные, синие, голубые, бежевые, бордовые, жёлтые, чёрные и т.д.

Отдел I: круглые.

Тип 1: шаровидные. 2 средние бусы.

Тип 2: бочонковидные. 2 средние бусы.

Тип 3: зонные. 37 экз.: 1 крупная, 18 средних, 20 мелких.

Тип 4: рубленный бисер. 9 экз.

Тип 5: усеченно-биконические. 18 экз.: 17 средних и 1 мелкая.

Тип 6: кольцевидные. 31 экз.: 19 средних и 12 мелких.

Тип 7: усеченно-конусовидные. 23 экз.: 3 мелких и 20 средних.

Тип 8: бантообразные. Крупная и средняя.

Тип 9: подцилиндрические (витые). 2 крупные, 12 средних, 5 мелких.

Группа II – кашин/фаянс. 63 экз.

Класс А – узорчатые и орнаментированные (4 экз.).

Отдел I: круглые.

Тип 1: зонные. 1 полосатая средних размеров.

Тип 2: цилиндрические, с кольцевидными выступающими боками и ромбическим узором. 3 крупные бусы.

Класс Б – одноцветные (59 экз.). Голубые, синие, белые.

Отдел I: круглые.

Тип 1: бочонковидные. 1 средняя бусина.

Тип 2: ребристые. 3 экз.: 2 мелкие и 1 крупная.

Тип 3: зонные. 41 экз.

Тип 4: кольцевидные. 1 средняя и 1 мелкая.

Тип 5: усеченно-конусовидные. 4 средних.

Тип 6: подцилиндрические (витые). 2 средних.

Отдел II: ребристые.

Тип 1: округло-ребристые. 6 экз.: 2 крупные, 2 средних, 2 мелких.

Группа III – сердолик.

Отдел I: граненые. Представлен 4 экз., крупные. 6-тигранники в виде прямоугольников. 14-тигранники: один в виде правильной бипирамиды, второй состоит из двух сложенных основаниями пирамид, причём одна длиннее.

Группа IV – янтарь.

Отдел I: граненые. Усеченная 14-тигранная призма.

Исходя из приведенных данных, самые распространенные бусы по материалу – стеклянные, по отделу – круглые, а по типу – зонные.

Таким образом, присутствие и распространение этих материалов (стекло, сердолик и др.) в изготовлении бус, не производимых местными мастерами, и отсутствие в могильнике монет, говорит о бартерной торговле мордвы. По аналогичным предметам из разных памятников одного времени следует, что одни и те же товары продавались на территории в несколько сотен километров.

Украшения носили представительницы женского пола – от маленьких девочек до женщин старшего поколения. Как и многие другие прижизненные предметы хозяйственной деятельности, украшения сопровождали хозяйку в загробный мир.

Библиографический список

1. Арзютов Н. К. Финский могильник XIII-XV вв. близ г. Аткарска. Саратов, 1929. 30 с.
2. Арциховский А. В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. С. 27-42.
3. Баринов Д. Г. Поселение и могильник XIII-XIV века у села Белогорское // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 11. Саратов: Изд-во СГУ, 2015. С. 149-159.
4. Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 280 с.
5. Ляхов С. В. Охранные раскопки в Саратовском правобережье // Археологическое наследие Саратовского Края. Вып. 3. Саратов; Изд-во СГПИ, 1999. С. 94-100.
6. Малышев А. Б., Письмарова А. В. Стеклянные бусы Увекского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 17. Саратов: Изд-во СГУ, 2021. С. 227-244.
7. Монахов С. Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2. Саратов: Изд-во СГУ, 1991. С. 167-188.
8. Моржерин К. Ю. Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. Саратов: Изд-во Научная книга, 2013. С. 140-179.
9. СМК, инв. 43896, 43898-43901, 43939, 44033, 44046, 44049, 44053, 44056, 44057, 44064, 44074, 44093, 44094, 44097, 44099, 44102, 44103, 44261, 59224, 64143, 64172, 65518, 65529, 65532, 65540, 65545, 65548, 66165.

УДК 9.902/903

МАТЕРИАЛЫ КУШНАРЕНКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ФОНДАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

© Садрисламова Динара Маратовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и реставрации наследия КФУ
Валиулина Светлана Игоревна*

Аннотация. В статье приводится анализ материалов Кушнаренокского могильника в фондах Археологического музея Казанского университета. Рассмотрены два наиболее богатых по инвентарю погребения №2 и №26.

Ключевые слова: Раннее средневековье, Кушнарниковский могильник, бусы, накладки, Южный Урал, поясной набор, погребение.

В 1959 г. в рамках комплексной экспедиции Института антропологии Московского университета и Казанского университета под руководством М. С. Акимовой и В. Ф. Генинга, были произведены раскопки селища и могильника у с. Кушнарниково, где было вскрыто 30 погребений (Генинг, 1977, с. 90).

Вещевой материал могильника достаточно разнообразен: детали поясного набора, фибулы, серьги, кольца, браслеты, бусы, костяные изделия, бронзовое зеркало и др. Подъемный материал представлен фрагментами керамики.

В 1976 г. значительная часть коллекции была передана в Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева. А та часть коллекции, которая осталась в Археологическом музее Казанского университета, практически не была исследована. В связи с переездами музея, передачей материала и иными обстоятельствами коллекция не является полной, поэтому в данной работе будут рассмотрены лишь два наиболее богатых по инвентарю погребения: 2 и 26.

Погребение №2 представляет собой захоронение молодой женщины 18-20 лет (Генинг, 1977, с. 94). Погребальный инвентарь составляют 2 серебряные пряжки и 12 серебряных накладок, найденных среди костей стоп. Пряжки имеют форму лировидных с бортиком для язычка.

Накладки: в форме двухлепестковых с острыми расходящимися ровными краями и прямоугольным рамчатым вырезом (4 экз.); с фигурной планкой и геральдическими частями (4 экз.); с двурогой верхней и геральдической нижней частями (1 экз.); ланцетовидной формы (1 экз.); литые четырехлепестковые со штифтом на обороте (4 экз.). Весь поясной набор характерен для временных рамок VII-VIII вв. (Русланова, 2018, с. 43). Аналогичные накладки имеются и в части коллекции, переданной в Уфу. Например, в п. 17 присутствуют абсолютно идентичные литые четырехлепестковые накладки, а также похожие накладки с двурогой верхней и геральдической нижней частями (такие же найдены в п. 21).

Погребение №26 содержит костяк подростка плохой сохранности. Погребальный инвентарь составляют черные бусы, зеленый бисер, хрустальная и янтарная бусины, бронзовое зеркало (состоящее из двух фрагментов) и обрывок кольчуги.

Черные монохромные бусы зонной формы ($h = 0,2-0,5$ см, $d = 0,5-0,7$ см) найдены в области шеи погребенного, имеют матовую поверхность. Низка насчитывает 78 экз. Бусы выполнены делением тянутой трубочки (Русланова, 2018, с. 105).

Монохромный рубленный бисер ($h = 0,2-0,3$ см, $d = 0,2$ см) из зеленого полупрозрачного стекла обнаружен в грудной части костяка. Низка насчитывает 208 экз. Технология изготовления, вероятно, с помощью деления тянутой трубочки. В одном из трех погребений Кушнарниковского могильника, материалы которых были переданы в Уфу, также зафиксирован схожий бисер. Данный тип и описанные выше черные бусы характерны для памятников III-VIII вв. (Русланова, 2018, с. 103).

Хрустальная бусина полиэдрической формы ($h = 1,1$ см, $d = 0,6$ см), найдена справа от головы выше ключицы. Е. В. Голдиной отмечено 10 аналогичных бусин, зафиксированных в трех погребениях Верх-Сая и Неволинского могильников. По классификации Е. В. Голдиной данные бусы, в форме параллелепипеда со срезанными вершинами, составляют тип Х1Г9 и датируются IV-VII вв. (Голдина, 2010, с. 45). Еще одна хрустальная бусина также зафиксирована в п. 27 Кушнарниковского могильника (Генинг, 1977, с. 105; Русланова, 2018, с. 56).

Янтарная бусина бочонкообразной формы ($h = 1,1$ см, $d = 0,9$ см), найдена справа

от головы, выше ключицы. Поверхность покрыта корочкой, имеются сколы. Аналогичные бусы (9 экз.) в классификации Е. В. Голдиной относятся к типу ХАЗ и датируются концом VII-VIII вв. (Голдина, 2010, с. 43).

Не менее важной частью погребального инвентаря являются обрывки железной кольчуги, найденные на локтевом изгибе левой руки. Обрывки состоят из 40 фрагментов. Состояние плохое, звенья разбиты на мелкие частицы и покрыты патиной.

Таким образом, данный вещевой материал, в особенности бусы, является характерным для памятников Южного Урала. Подобные геральдические накладки также встречаются на данной территории, но с меньшей частотой (Иванов, 1993, с.199). В перспективе анализ коллекции Кушнаренковского могильника важен для изучения самой культуры, путей ее развития и выявления связей с другими культурно-историческими общностями.

Библиографический список

1. Генинг В. Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой // Исследования по археологии Южного Урала / Р. Г. Кузеев (отв. редактор), Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90-136.

2. Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2010. 263 с.

3. Иванов В. А. Археология Южного Урала. Курс лекций. Стерлитамак: Изд-во Стерлитамак. гос. пед. ин-та, 1992. 233 с.

4. Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III-VIII веков. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 376 с.

5. Щапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 1989. 120 с.

УДК 902

ОСОБЕННОСТИ ГАДАНИЙ ДРЕВНИХ БОЛГАР С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАРАНЬЕЙ ЛОПАТКИ

© Салимова Алина Рифкатовна

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
г. Набережные Челны

Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории, географии и методик их преподавания Нигаматов Альберт Зуфарович

Аннотация. Предсказывание – одно из древнейших практик, применявшихся религиозными деятелями многих народов мира. Статья посвящается описанию и анализу гаданий на бараньих лопатках, элементы которых встречаются в материальной культуре населения домонгольской Волжской Болгарии. Они свидетельствуют о существовавших пережитках традиционных верований у древних болгар. В данной статье будут отмечены условия гадания на бараньей лопатке.

Ключевые слова: археология, средневековье, Волжская Болгария, домонгольский период, лопаточная кость, гадание, ритуал, обряд.

Гадание на лопаточной кости барана было распространено в древности и широко использовалось в различных культурах. Кость считалась хранилищем жизненной силы и энергии умерших (Флерова, 2001, с. 11). Многие народы применяли кость в ритуалах и обрядах, связанных с жертвоприношениями. Кость барана считалась мощным и священным инструментом древних болгар для предсказываний.

Баранья лопатка используется в гадании для предсказания будущего и получения ответов на волнующие вопросы (Руденко, 2005, с. 74). В английском языке сохранилось даже специальное выражение (*Scapulimancy*), означающее буквально: «читать по лопаточной кости». Если кто-то не мог правильно толковать знаки на лопаточной кости, то это считалось признаком неграмотности и разочарования (Флерова, 2001, с. 91). Существует гипотеза о причинах возникновения такого обряда. Это связано с распространением скотоводства и обожествлением барана в хозяйственном укладе. Бараны играли важную роль в сельскохозяйственной жизни, поэтому их части, включая лопатки, могли быть использованы для магических целей.

Существовали обряды и обычаи, связанные с животными, которые рассматривались как источники защиты и благополучия для членов семьи. Баран часто ассоциировался с мужеством, силой и выносливостью. В музее археологии и истории Татарстана ЕИ КФУ находятся 2 лопатки с отверстиями предположительно для подвешивания (рис. 1). Вероятно, эти находки выполняли роль амулетов, призванных защитить своего обладателя от негативных сил, болезней, и обеспечить ему силу и счастье.

При гадании на лопаточной кости важным было предназначение ее частей по гендеру. Правая лопатка считалась относящейся к мужскому роду, а левая – к женскому (Бадмаев, 2015, с. 259). Такое разделение имело свое символическое значение и помогало подсказывать информацию более точно.

Кроме того, нужно соблюдать определенные условия: руки должны быть чистыми, лопатка хорошо очищенной, в процессе гадания необходимо читать заклинания, а рядом не должно быть других людей.

Одним из обязательных условий для проведения гаданий было предварительное подвергание кости воздействию огня до появления трещин (Бадмаев, 2015, с. 258). Это делалось с целью увеличения энергетической чувствительности кости и усиления связи с духовным миром. Основываясь на внешнем виде и различных признаках, шаман проводит свои предсказывания. Наибольшие возможности для гадания имела необожженная кость, поэтому чаще предпочтение отдавалось именно ей. Вероятно, необожженная кость сохраняла свою энергию и чистоту в большей мере, поэтому считалась более мощным инструментом для предсказаний.

Важно было, чтобы кость барана, использованная для гадания, принадлежала к стаду того, кто проводит гадание или к стаду «заказчика», если животное приходилось покупать. Это связывало животное с энергией и судьбой человека, что также считалось важным для точности предсказаний. К тому же для проведения гадания на лопатке необходимо было использовать кости животного, возраст которого достигал двух лет и старше. В этом возрасте животное считалось более зрелым и имело больше информации, которая могла быть раскрыта в процессе.

Перед проведением обряда гадания, жертвенное животное держали в дыму подожженного можжевельника (Бадмаев, 2015, с. 259). Это служило способом для «очищения» животного

и удаления негативных энергий. Дым можжевельника считался священным и имел способность очищать и благословлять.

Гадание шамана была уникальным методом предсказания, который включал в себя множество ритуалов и взаимодействий с духами и божествами. Шаманы верили, что через гадание они могут получить информацию от сверхъестественных сил, которая поможет им разгадать сложные жизненные ситуации, принимать правильные решения. Шаман брал обычную лопатку и проводил по ней определенные движения, порой сопровождая их обрядовыми заклинаниями и словами. Затем он внимательно изучал символы и трещины, которые образовались на поверхности лопатки. Шаман считал, что они содержат ответы на его вопросы и дают предсказания о будущем.

В целом, гадание на лопаточной кости барана было довольно сложным и требовало соблюдения определенных условий, чтобы достичь наибольшей точности и эффективности в предсказаниях. Оно было одним из популярных способов древних болгар для предсказания будущего и изучения судьбы человека. Анализ бараньих лопаток даёт нам информацию о наличии языческих элементов у населения домонгольской Волжской Болгарии, что в свою очередь, позволяет узнать больше о материальной культуре и обычаях этой эпохи.

Рис. 1. Баранья лопатки из музея истории Татарстана и археологии ЕИ КФУ

Библиографический список

1. Антипина Е. Е., Яворская Л. В., Ситдииков А. Г. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 241. С. 402-408.
2. Бадмаев А. А. Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Новосибирск: НГУ, 2015. Вып. 7. С. 256-263.
3. Руденко К. А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: Школа, 2005. С. 67-97.
4. Скородумова Л. Г., Соловьева А. А. Кости в монгольских обрядах и поверьях: предварительные материалы // MONGOLICA. СПб: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 52-64.
5. Флёрова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло // По материалам Саркела-Белой Вежи из кол. Гос. Эрмитажа. СПб.: Алетей, 2001. 352 с.

ТАНКЕЕВСКИЙ И БОЛЬШЕТАРХАНСКИЙ МОГИЛЬНИКИ РАННЕБОЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ

© *Ситдииков Асгат Айратович*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и реставрации Высшей школы
международных отношений и мировой истории*

Саттаров Рузиль Раильевич

Аннотация. Танкеевский и Большеатарханский могильники привлекают внимание многих исследователей благодаря работам А. Х. Халикова, В. Ф. Генинга, Е. П. Казакова. Сопоставление материалов могильников показывает близость их погребального обряда и многокомпонентность традиций. Оба могильника имеют общие истоки в салтово-маяцкой культуре, но при этом отмечается значительное присутствие материальной культуры Верхнего Прикамья.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, Волга, Прикамье, ранние болгары, салтово-маяцкая культура, могильник, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

Археологические исследования Танкеевского и Большеатарханского могильников связаны с работами казанских археологов, проводивших планомерные исследования раннеболгарских памятников. В 1950-1960-е гг. исследуется Большеатарханский могильник (А. Х. Халиков, В. Ф. Генинг и др.), расположенный в Тетюшском районе Республики Татарстан на границе с Ульяновской областью. В 1970-х гг. Е. П. Казаков проводит археологические исследования Танкеевского могильника, расположенного в Спасском районе Республики Татарстан.

Е. П. Казаков, опираясь на материалы исследований Большеатарханского могильника А. Х. Халикова, обратил внимание, что материалы Большеатарханского и Танкеевского могильников имеет значительную схожесть (Казаков, 1992; Руденко, 2014б, с. 16). По его мнению, большинство аналогий основным элементам погребального обряда могильника у с. Танкеевки имеется в памятниках втор. пол. I тысячелетия н.э. на Верхней Каме, в бассейне р. Чепцы и в Башкирии. Так, преобладающая часть могил в плане правильной формы с несколько закругленными углами ничем не отличается от могил многих других некрополей. Не всегда выдержанное рядовое расположение могил, плотное их расположение имеют параллели среди ряда грунтовых могильников I тыс. н.э. (могильники Мыдлань-Шай, I Большеатарханский могильник и др.). Особенности конструкции могильных ям Танкеевского могильника (уступы-заплечики, подбой, большая длина и глубина) находят аналогии среди целого ряда памятников I тысячелетия н.э. в Среднем Поволжье, Башкирии, бассейне р. Чепцы. Так, уступы-заплечики зафиксированы в Кушнарненковском и Большеатарханском могильниках (Казаков, 1992).

Аналогии многим существенным элементам такого погребального обряда Большеатарханского могильника можно указать, прежде всего, в Танкеевском могильнике. В этом памятнике, также как и в Танкеевском могильнике, погребенные, лежащие вытянуто на спине, были ориентированы головой на запад и редко на восток. Близость наблюдается в составе погребального инвентаря, в положении его в могилах, и особенно в комплексном

распределении его по полу и возрасту погребенных. Специфические комплексы вещей (пилкообразные, ситовидные, монетообразные подвески, бусы) из детских захоронений Большетарханского могильника идентичны танкеевским. Влиянием болгаро-салтовского населения можно объяснить положение в погребениях Большетарханского могильника в изголовьях погребенных единичных предметов: шила, наконечника стрелы.

Е. П. Казаков, также опираясь на данные А. Х. Халикова, предложил типологию, которая является одной из попыток систематизации плоскодонных горшков. В предыдущих работах по материалу Танкеевского могильника было предложено разделение сосудов на три подгруппы по отношению диаметров шеек и днищ (Казаков, 1992, с. 119, Руденко, 2014а, с. 142). Сосуды с закрытой горловиной вида А зафиксированы на ранней части могильника, сравнительно узкодонные сосуды, часто украшенные насечками по венчику и резным волнистым орнаментом по тулову (типы ІБ1, ШБ4, ШБ5) находились в поздней части памятника (Казаков, 1992, с. 120).

Керамика из Танкеевского могильника ближе всего к горшковидным сосудам из І группы Большетарханского могильника (Казаков, 1992, с. 45, рис. 10: 3-7), принадлежащим, скорее всего, собственно болгарам. Большинство большетарханских сосудов имеют одинаковые с танкеевскими виды профилирования соотношения между диаметром шейки и диаметром днища. Совершенно аналогичны по форме, отогнутому наружу венчику, покрытому насечками, большетарханские сосуды типа Ш и узкодонные танкеевские сосуды типов ШБ4, ШБ5. Небольшие баночные сосуды из Больших Тархан (V тип по классификации В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова) (Генинг, Халиков, 1964, с. 41) аналогичны типу ІБ1 танкеевских. У большетарханских сосудов по венчику нанесены зацепы, а в танкеевских – только насечки. Форма и орнаментация ряда типов танкеевской посуды (тип ІБ1, ІБ2) находят прямые аналогии в кочевнической салтово-маяцкой посуде.

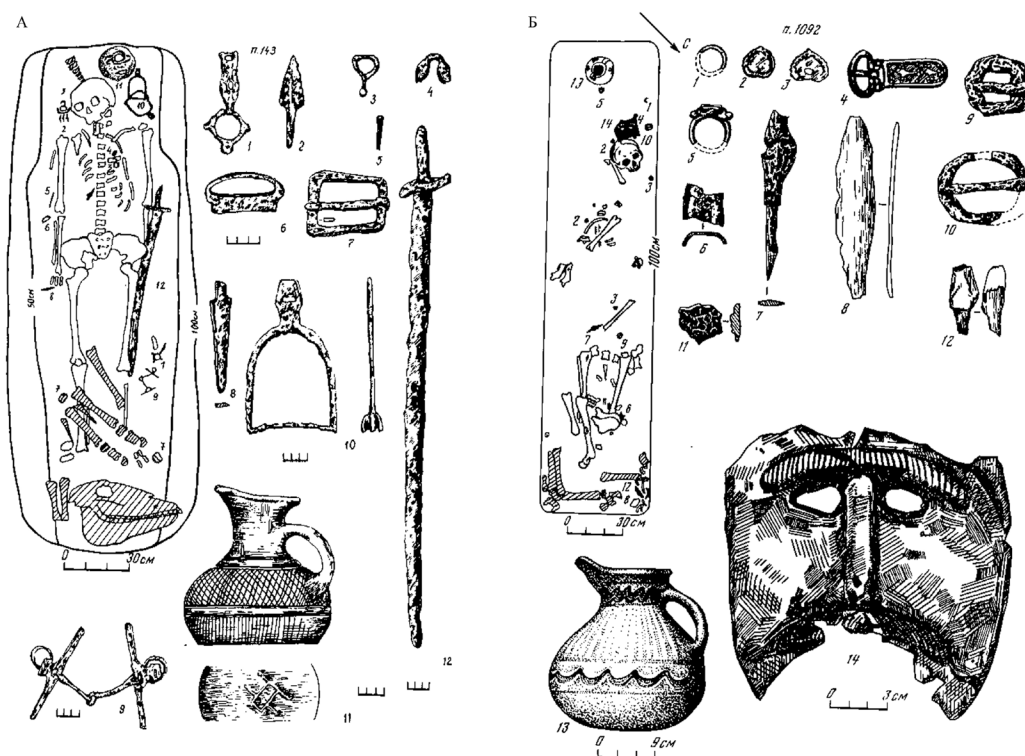

Рис. 1. Большетарханский (А) и Танкеевский (Б) могильники: планы и погребальный инвентарь
От деревянных чашевидных сосудов (Казаков, 1992, с. 135, рис. 49: 2-4; 74 экз.)

остаются только мелкие фрагменты дерева с серебряными или бронзовыми обкладками по венчику. Размеры чаш небольшие, средний диаметр по венчику 8-10 см. У некоторых сосудов зафиксированы деревянные ручки с плоским верхом и овальной нижней частью. Обычай ставить деревянные чаши в могилы был широко распространен у различных народов. В частности, с очень раннего времени он прослеживается в катакомбных могильниках Таласской долины в Киргизии. Часто находят подобные чаши в салтовских памятниках, с которыми связан по своему происхождению I Большеатарханский могильник. Аналогии чашам из могильника у с. Танкеевки можно указать также в могильнике Мыдлань-Шай (Казаков 1977; 1992, с. 108).

Железные подпружные пряжки различных форм во второй половине I тыс. н.э. были распространены на огромной территории от Алтая до Венгрии. Рамчатые крепления седла (Казаков 1992, с. 155, рис. 58: 1-5) аналогичны находкам из Галиции. Железные соединительные кольца с тремя парами обойм, вероятно, служили для подвижного скрепления ремней одного из типов узды легкого типа. А. Н. Кирпичников полагает, что узда с тройными сочленениями, распространенная в X в. от Сибири до Швеции и Венгрии, на Руси употреблялась в уздечках без подгубного и налобного ремней. Однако в отличие от материалов Танкеевки в комплексах находилось обычно не два, а четыре тройных сочленения (Казаков, 1992). Многочисленность таких находок в Танкеевском могильнике свидетельствует о специфической стандартизации при изготовлении одного из видов узды. Аналогичные бляхи найдены и в I Большеатарханском могильнике, но там они служили не по своему прямому назначению (в качестве украшения колчана).

Большеатарханский и Танкеевский могильники имеют общие истоки в формировании погребального обряда по инвентарному составу. В них присутствуют материалы, относящиеся к салтово-маяцкой культуре, а также керамика, имеющая местные Поволжские и Прикамские традиции.

Библиографический список

1. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 210 с.
2. Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Археология и этнография Татарии. Казань, 1971. С. 94-155.
3. Казаков Е. П. О памятниках болгарского времени в восточных районах Татарии. В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 92-102.
4. Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
5. Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945-1952. Таткнигоиздат, 1954. 131 с.
6. Руденко К. А. В.Ф. Генинг и вопросы археологии Волжской Булгарии // Поволжская археология. Изд. «Фэн», 2014а, №1(7). С. 136-148.
7. Руденко К. А. Проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья в исследованиях Е.П. Казакова // Поволжская археология. Издательство «Фэн», 2014б, №4(10). С. 10-29.
8. Ранние болгары в Восточной Европе / Сборник статей. Казань, 1989. 134 с.

УДК 902

**ПРЕДМЕТЫ ДРЕВКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ
НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ: К СПЕЦИФИКЕ ВОЕННОГО ДЕЛА
ВОЛЖСКИХ БОЛГАР**

© *Тухбатуллин Ислам Ришадович*

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

*Научный руководитель – научный сотрудник Елабужского института Казанского
(Приволжского) федерального университета
Купцова Мальвина Станиславовна*

Аннотация. В статье поднимается вопрос о вооружении ближнего боя волжских болгар на территории Нижнего Прикамья. Рассмотрена наглядная материальная база, представленная различными типами наконечников копий. На основе результатов анализа выявлены особенности военного дела региона.

Ключевые слова: археология, вооружение, Волжская Болгария, Нижнее Прикамье, памятники, домонгольский период, копьё.

Волжская Болгария являлась одним из сильнейших государственных образований на территории Восточной Европы в X-XIII вв. Данная точка зрения связана с высокой военной организацией, выражающейся в использовании выигрышной тактики и постоянно видоизменяющегося и совершенствующегося вооружения. Среди последнего важнейшую роль играли оружия ближнего боя, которые и являются основным предметом данного исследования.

Разработка темы вооружения ближнего боя населения Нижнего Прикамья позволит выявить хронологическую эволюцию наконечников копий и сулиц, их генезис и связь с военным делом соседних государств и народов.

Несмотря на концентрацию данного вида оружия в западной части Волжской Болгарии (преимущественно находки из района Билярского городища и Северо-Западного Закамья), восточная часть также обладает наглядными предметами для понимания специфики военного дела Нижнего Прикамья и региона в целом.

Находка из Елабуги (раскоп II). Представляет собой наконечник сулицы, был найден во время раскопок 1997 г. (Нигамаев, 2000) Он имеет удлиненное листовидное перо. Наконечник с одной стороны плоский, с другой – подтреугольный, с отчетливой гранью в центре пера. Общая длина 13,3 см, длина пера 8,4 см, ширина 2,7 см. Наконечник относится к типу VI И.Л. Измайлова (Измайлов, 1997, с. 74), и датируется концом XII-XIII вв. В русском вооружении черешковые наконечники редки и после XI столетия практически выходят из употребления (Кирпичников, 1976, с. 17). В XI-XIII веках для мордовских племен наконечники сулиц не характерны, хотя в VIII-X веках встречаются в их могильниках. В Волжской Болгарии находки наконечников сулиц также малочисленны (Гусынин, 2011, с. 379). Сулицы были характерным вооружением малообеспеченной части войска и основного населения во время войны и мирной жизни. Исходя из этого, можно сделать вывод, что данный тип наконечника хоть и существовал на территории Восточной Европы, он изжил себя к XIII в. в военной сфере из-за совершенствования и профессионализации военного дела.

Находка из Елабужского II некрополя. Извлечен во время раскопок в 1994 г. Наконечник можно отнести к пиковидным копьям. Перо имеет округленные грани, а лезвие сужается к краям, однако конец пера принимает уже ромбическую форму. Общая длина (неполная) – 17,8 см, длина пера 13 см, максимальная ширина пера 2 см, длина тульи (неполная) 4,8 см, диаметр 2,2 см. Прямых аналогов в типологии И.Л. Измайлова не обнаружено. Он датируется X – началом XI в. и хранится в Музее археологии и истории Татарстана ЕИ КФУ.

Находка из Ромашкинского городища. Наконечник является пикой, и был обнаружен на Ромашкинском городище в 2022 г., раскоп VI. Длина 25,8 см, Перо узкое, шпилевидное, с плавным переходом к шейке, максимальная ширина – 1,5 см, длина достаточно короткая – 11,5 см, имеет ромбовидное сечение по всей длине. Шейка наконечника имеет длину 4 см, достаточно узкая. Втулка расширяется к окончанию, диаметр – 2,7 см, длина – 10,5 см. По низу имеет отверстия с двух сторон диаметром около 0,3 см для закрепления древка, с боку одной из них – прорез (8,5 см) в длину копья. Относится к ранней форме I типа наконечников по И. Л. Измайлову. Период бытования был определен исходя из сопоставимых ямных материалов XI-XII вв.

Находка из Кирменского городища. Обнаружен во время раскопок 1997 г. на территории Кирменского археологического комплекса. Длина 23 см, длина пера 15 см, длина втулки 8 см, диаметр втулки 2,4 см. Является наглядным примером наконечника раннего подтипа IB, с подквадратным в сечении пером. датируется XI-XII вв.

Находка из Нижнекамска. Он был обнаружен в 1997 году в г. Нижнекамске. Представитель наконечников из предыдущего подтипа IB. Неполная длина составляет 23,3 см, длина пера – 13 см, втулки – 10,3 см, диаметр втулки – 3 см. Имеет гвоздевое отверстие диаметром 0,2 см. В сравнении от предыдущего наконечника, видна тенденция на укрупнение, что связано с более поздним происхождением – XII-XIII вв.

Подтип IB встречается в своей ранней форме в древнемордовских могильниках (VIII-IX вв.), в курганных захоронениях Поросья начала XII в., а более совершенная и поздняя форма подтипа IB, данные наконечники обнаружены на территории древнерусских городов и могильниках Черных Клобуков (Измайлов, 1997, с. 60).

Находка из Набережных Челнов. Наконечник имеет неполную длину в 22,5 см, перо – 16,5 см, втулка узкая – диаметр 2,1 см, ширина пера составляет 2,1 см, в поперечном сечении уплощенно-ромбические. Грань четко прослеживается по всей длине пера. Точного аналога из известных типологий не найдено. Наконечник датируется XII-XIV вв. (Нигамаев, 2022, с. 230).

По полученным данным видно, что среди наконечников копий представлены относительно прогрессивные представители XII-XIII вв., а также типы копий более раннего периода, данный факт говорит о последовательном развитии военного дела, а также об увеличении роли конницы, использующей более совершенные пики.

Исходя из анализа наконечников копий, сходу виден недостаток типологической системы И. Л. Измайлова, в рамки которой не вмещаются некоторые из представленных наконечников. Данный факт поднимает вопрос о дальнейшем совершенствовании типологической системы, не исключая возможность выстраивания типологической системы вооружения Восточной части Волжской Болгарии, однако это ни в коем случае не говорит об отсутствии единого этнополитического пространства внутри Волжской Болгарии. В данном случае можно говорить лишь о самобытном развитии военного дела местности, суть которого не выходила за рамки общebolгарской системы.

Библиографический список

1. Гусынин В. А. Наконечники копий и втоки из раскопок памятников Верхнего Посурья и Примокшанья XI-XIII веков // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. №23. С. 376-380.
2. Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.
3. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л.: Наука, 1976. 104 с.
4. Нигамаев А. З. Отчёт об археологических исследованиях Елабуги в 1997 и 1999 гг. / Архив ЛАЭ ЕГПИ, Елабуга, 2000. 46 л.
5. Нигамаев А. З. Средневековое оружие ближнего боя из фондов музеев Елабуги // Археология Евразийских Степей. 2022. №5. С. 227-234.

УДК 902

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТИПОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА РЕКИ ШЕШМА

© Уляшкина Любовь Евгеньевна

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и отечественной истории
ЕИ КФУ Нигамаев Альберт Зуфарович*

Аннотация. В статье приводится предварительное описание обнаруженного на территории Черемшанского района археологического памятника Волжской Болгарии домонгольского периода. Кутеминское городище, упоминаемое в литературе конца XIX – начала XX вв. не имело точной территориальной привязки и не было включено в список археологических памятников Республики Татарстан. Автор в своей статье описывает месторасположение памятника и подъемный материал с городища.

Ключевые слова: археология, средневековье, археологический памятник, Волжская Болгария, Большой Черемшан, Кутеминское городище.

Черемшанский район – административно-территориальная единица, которая находится на юге Татарстана. Территория начала активно осваиваться человеком в период поздней бронзы, о чем свидетельствуют памятники срубной археологической культуры. В период раннего средневековья здесь находились поселения, относящиеся к именьковской культуре. В средние века эти земли являлись юго-восточной территорией государства Волжская Болгария.

Река Большой Черемшан являлась естественной юго-восточной границей Волжской Болгарии. Здесь самым южным по реке Шешма и самым юго-восточным по отношению к территории распространения основных болгарских памятников является Ивашкинское городище, площадью 30 400 кв.м. (Фахрутдинов, 1975, с. 280).

Последние археологические изыскания на территории Черемшанского района

были произведены в 70-х гг. XX в. Р. Г. Фахрутдиновым, после чего информация о памятниках района была дополнена в 1990-е гг. при составлении археологической карты бассейна р. Черемшан (Археологические памятники бассейна реки Черемшан, 1990). Все обнаруженные объекты внесены в свод археологических памятников Волжской Болгарии. С этого периода исследования района были приостановлены. Краеведческий музей Черемшанского района пополнялся лишь случайными находками, принесенными местными жителями в дар музею. Таким образом, район археологически слабо изучен. Не выявлено ни одного могильника, несмотря на наличие значительного количества городищ и селищ. Некоторые поселения не были найдены и внесены в перечень археологических памятников, их границы не определены, а следовательно, администрация района не имеет сведений о том, где находятся объекты историко-культурного наследия, которые требуют охраны.

Одним из таких памятников является объект, упоминаемый в источниках как «Кутеминское городище». Он расположен в 3 км западнее от с. Кутема и в 5,5 км южнее от с. Ивашкино, где находится городище с оборонительными укреплениями болгарского времени. В 3,3 км севернее от так называемого «Кутеминского городища» находится Карамышевский вал протяженностью 8 780 м. Время создания вала конкретно не установлено. Существует версия, что вал относится к болгарскому периоду (Фахрутдинов, 1975, с. 131), однако не исключено, что он мог быть создан и в русский период.

Несмотря на то, что в местной краеведческой литературе говорится о домонгольском Кутеминском городище, как об археологическом памятнике, расположенном на месте ныне существующего с. Кутема, факты говорят об ином местонахождении памятника. С. М. Шпилевский писал о нем следующее: «Объ этомъ городищѣ упоминаетѣ, не описывая его, только Артемьевѣ вѣ предисл. кѣ Сп. Пасел. м. Каз. губ. Дер. Кутема на р. того же названія, впадающей вѣ Шешму, находится именно между деревнями Нижн. Каменкой и Ивашкиной, кѣ югу отѣ нихѣ, по этому можно предположить, что Артемьевѣ подѣ городищемѣ у дер. Кутемы разумелѣ выше упомянутый вал между двумя деревнями» (Шпилевский, 1877, с. 370-371). Длина этого вала по С.М. Шпилевскому – около 15 верст (то есть, в течении столетия было разрушено около половины длины оборонительного сооружения) В. П. Семенов Тян-Шанский в томе VI указал на одной из карт и «Кутеминское городище», и Карамышевский вал, чем опроверг мнение С. М. Шпилевского (Семенов Тян-Шанский, 1901, с. 115). Во время составления этой карты, Кутема являлась одним из волостных центров Чистопольского уезда. К ней относились ряд деревень, в которых в основном проживало молдавское население, имеющее тесные культурные и торговые контакты с центром.

Одной из таких деревень являлась Медвежья Поляна, которая ныне уже не существует. Последние жители покинули это место в 1970-ых гг. С 1930 г. деревня находилась в составе Кутеминского сельсовета Первомайского района, с 1963 г. – Ивашкинского сельсовета Лениногорского района. В справочных изданиях после 1963 г. не упоминается. Вероятнее всего, поселение существовало еще с XIX века. Оно находится в непосредственной близости к так называемому «Кутеминскому городищу». Ни одной постройки не сохранилось, но остались ямные конструкции и остатки кирпичных кладок печей.

Кутеминское городище расположено на берегу левого притока реки Кутеминка. Имеет координаты 54.867145, 51.329313. Поверхность городища распахана, следы оборонительного сооружения были выявлены лишь с восточной стороны городища. Мощность культурного слоя 25-30 см. Подъемный материал представлен сильно фрагментированной керамикой домонгольского периода. Часть керамического материала относится к I общеболгарской группе керамики по классификации Т. А. Хлебниковой, с хорошим обжигом и лощением. Также среди подъемного материала присутствует керамика типа «джукетау» (XIII группа

по Т. А. Хлебниковой) и толстостенная керамика коричневого и желто-красного цветов с примесью шамота в тесте, имеющая салтово-маяцкие истоки (Хлебникова, 1984, с.154). Среди фрагментов керамики особенно выделяется часть стенки лепной посуды с примесью мелкого и среднего шамота. Фрагмент орнаментирован зигзагообразной (?) линией. Тесто посуды серо-черного цвета. Анализ подъемного материала показывает, что памятник относится к раннедомонгольскому периоду.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить важность обнаруженного памятника. Его расположение примечательно тем, что находится за пределами крупного оборонительного сооружения. Интересен и факт его близости (5,5 км) к другому болгарскому памятнику – Ивашкинскому городищу. Исследование данного памятника позволит определить специфику юго-восточных поселений Волжской Болгарии. Могильник, синхронно-существовавший с «Кутеминским городищем» на данный момент не обнаружен, однако, вероятнее всего, он находится на противоположном берегу левого притока р. Кутеминка. Обнаружение относящегося к памятнику могильника – задача следующего полевого сезона.

Библиографический список

1. Археологические памятники бассейна реки Черемшан / А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1990. 112 с.
2. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье: [Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская губернии] / сост. П. А. Ососков [и др.]. СПб, 1901. 599 с.
3. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения; Отв. ред. С. А. Плетнева. Москва: Наука, 1984. 241 с.
4. Шпилевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Унив. тип., 1877. 586 с.

УДК 904

РАННЕМУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ТУРГАЯ

© *Урстемов Мирас Ерланович*

Костанайский Региональный Университет им. А. Байтұрсынұлы, г. Костанай

*Научный руководитель – к.и.н, ассоциированный профессор, СНС, археологической лаборатории КРУ им. А. Байтұрсынұлы
Шевнина Ирина Викторовна*

Аннотация. Статья посвящена раннемусульманским погребениям Тургая. Приведены данные исследований Тургайской археологической экспедиции на могильниках Бестамак, Бакинсай, Кумкешу 4, Кызыл Жар и кургана №5 Есенгабул-Булак. Рассматриваются проблемы изучения раннемусульманских погребений (переход от традиционного языческого погребального обряда к мусульманскому) в степной зоне Казахстана и сопредельных

территорий.

Ключевые слова: ислам, Тургай, Северный Казахстан, Волжская Булгария, погребальный обряд, раннемусульманские захоронения, Дешт-и-Кыпчак.

Тургайское плато – географическая зона, между Южным Уралом на западе и Казахским Мелкосопочником на юге. Северный Казахстан, в частности Тургайский прогиб, (далее Тургай) был в составе множества кочевых государств, в том числе Золотой Орды. Обширное распространение и укрепление ислама в степях, произошло благодаря приходу в 1312 году к власти в Золотой Орде – Узбека. Процесс распространения ислама в Южном Казахстане и Центральной Азии отражен в исследованиях достаточно обширно, в то время как данные об исследованиях ислама в степях Северного Казахстана отрывочны. О вероисповедании кочевников Тургай в эпоху раннего средневековья можно судить по немногочисленным, относительно остального археологического наследия, погребениям. Памятники были исследованы Тургайской археологической экспедицией в разные годы под руководством В. Н. Логвина и А. В. Логвина. Часть раннемусульманских погребений Тургай уже была введена в научный оборот (Хасенова, 2017, с. 54; Баймухамбетова, 2012, с. 138).

Анализ археологических памятников Тургай позволил выделить группу средневековых погребений из могильников Бестамак (10 погр.), Бакинсай (1 погр.), Кумкешу 4 (1 погр.), каменной выкладки Кызыл Жар 3 (1 погр.) и кургана №5 могильника Есенгабул-Булак (1 погр.) (Базарбаева, 1999; Баймухамбетова, 2012, с. 138; Логвин, 2017, с. 272; Логвин, Шевнина, Нетета, 2005; Логвин, Шевнина, Ворошилова, 2008; Логвин, Шевнина, Нетета, 2014; Логвин, Шевнина, Нетета, Сеитов, Дробыш, 2015; Хасенова, 2017, с. 54). Надмогильные сооружения – Есенгабул-Булак (курган) и Кызыл Жар (каменная выкладка), остальное – грунтовые ямы. На кургане Есенгабул-Булак высота неизвестна, поскольку в центре был вынут камень-плитняк, составлявший каменную конструкцию, диаметр – 4,5 м. В погребении Кызыл Жар 3 прослеживается каменная выкладка, потревоженная современными грабителями.

Захоронения представлены в основном грунтовыми ямами прямоугольной или овальной формы, размеры от 1,3х0,4 м до 2,4х0,8 м, глубиной от 0,15 до 1,25 м. Из конструктивных особенностей можно выделить наличие подбоя на Бакинсае и остатки деревянных конструкций над могилой в виде наброса или перекрытия из березовых веток на Бестамаке (64%). Фиксируется облицовка из березовых веток стен и пола погребальной камеры (Бестамак, Кызыл Жар). Захоронения имеют ряд общих черт. Прежде всего, отсутствие инвентаря и обращение с умершим. Все умершие уложены в вытянутом положении на спине. У большей части погребенных одна рука лежит на тазу, другая вдоль тела или под тазом, в одном случае (Бакинсай) руки находятся на тазу. Иногда обе руки вытянуты вдоль тела (Бестамак, №№ 158, 165, 169; Кумкешу 4, погребение 1). Ноги, в основном вытянуты или согнуты в коленях (Бестамак, №159), иногда согнута одна нога (Бестамак, №154, 160). Все погребенные ориентированы на запад. Умерших, ориентированных лицом в южном направлении – 57%, в северном направлении – 29%. Исключения составляют погребенные из могильника Бестамак, где в одном случае лицо погребенного ориентировано вверх (158), а в другом положение лица не определяется (154).

Зафиксированный погребальный обряд тургайских захоронений находит аналогии с раннемусульманским, а именно кыбла, западная ориентировка погребения, положение погребенных вытянуто на спине, отсутствие инвентаря, подбой (Иванов, Проценко, Русланов, 2021, с. 99-102; Руденко, 2013, с. 95; Хабдулина, 2016, с. 95; Хасенова, 2017, с. 54). Каменные конструкции, (“мастабы?”), ветки березы (“хазира?”), деревянные перекрытия

характерны для памятников Золотой Орды и Поволжья (Иванов, Проценко, Русланов, 2021, с. 97; Руденко, 2013, с. 92; Хабдулина, 2018, с. 95).

Отсутствие кыблы в некоторых погребениях, сооружение курганов и деревянных перекрытий, вероятно, является признаком расщепления языческого обряда (Руденко, 2013, с. 71; Хабдулина, 2018, с. 23). Подобное отмечено в погребениях городища Бозок в Северном Казахстане и могильниках Линеvский, Мари-Луговский и Палаху в Поволжье (Хабдулина, 2016, с. 95; Руденко, 2013, с. 91; Иванов, Проценко, Русланов, 2021, с. 99-102).

Таким образом, анализируемые захоронения Тургая можно отнести к раннемусульманским, XIII-XIV вв. Они могут являться переходными от язычества к исламу. Часть захоронений соблюдает обряд неполностью, что говорит о сохранении языческих верований (Хабдулина, 2018, с. 18; Иванов, Проценко, Русланов, 2021, с. 102). Распространение канонvв исламского обряда могут быть объяснено спецификой торговых узлов в Дешт-и-Кыпчаке, позволяющих достаточно быстро распространять религии на территории Тургая и Южного Урала. Соседство на северо-западе с Волжской Булгарией, а на юге с торговыми городами этому способствовало.

Библиографический список

1. Баймухамбетова А. Ж. Средневековые погребения некрополя Бестамак // XLIV Международная Урало-Поволжская конференция, Екатеринбург, 2012. С. 138-139.
2. Базарбаева Г. А. Раскопки курганной группы Кызыл Жар 3 // Отчёт о полевых исследованиях костанайского отряда Лисаковской археологической экспедиции летом 1998 года. Том II. Костанай, 1999.
3. Иванов В. А., Проценко А. С., Русланов Е. В. Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. №4(38) С. 94-107.
4. Руденко С. А. Могильники Волжской Булгарии и Бульгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VI, Барнаул: Изд-во Алтайского Государственного университета, 2013. С. 72-101.
5. Логвин А. В., Шевнина И. В., Нетета А. В. Разведочные работы в Амангельдинском районе // Отчёт о полевых исследованиях ТАЭ в 2013 г., Костанай, 2014.
6. Логвин А. В., Шевнина И. В., Нетета А. В., Сеитов А. М., Дробыш О. В. Раскопки могильника Бакинсай // Отчёт о полевых исследованиях ТАЭ в 2014 г., Костанай, 2015.
7. Логвин А. В., Шевнина И. В., Ворошилова С. А. Раскопки могильника Бестамак // Отчёт о полевых исследованиях ТАЭ летом 2007 года, Костанай, 2008.
8. Логвин А. В., Шевнина И. В., Нетета А. В., Колбина А. В. Раскопки могильника Бестамак // Отчёт о полевых исследованиях ТАЭ летом 2006 года., Костанай, 2007.
9. Логвин В. Н. Раскопки кургана №5 могильника Есенгабул-Булак в окрестностях Аркалыка // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / отв. ред.: Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 360 с.
10. Хабдулина М. К. Раннемусульманские погребения некрополя городища Бозок // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Под редакцией С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. Казань, Ялта, Кишинёв, 2016. С. 94-96.
11. Хасенова Б. М. Средневековый Тургай: погребальные сооружения, жертвенно-

поминальные комплексы, предметный мир // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / отв. ред.: Г. А. Базарбаева, Г. С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 360 с.

УДК 930/903.26

ПРОЦЕССИОННЫЕ КРЕСТЫ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И АТРИБУЦИИ¹

© Цапко Светлана Александровна

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

*Научный руководитель – к.и.н., и.о. декана исторического факультета Крымского
федерального университета им. В.И.Вернадского
Валерий Евгеньевич Науменко*

Аннотация. Процесссионные железные кресты являются особой категорией христианских литургических предметов. Подобные изделия получили широкое распространение на памятниках средневековой Таврики. На данном этапе изучены и классифицированы железные кресты, происходящие из раскопок памятников восточной Таврики и южнобережья. В рамках изучения Мангупского городища такая работа проводится впервые. Источниковую базу представляют 6 целых и вероятнее всего 1 фрагментированный железный крест, обнаруженные во время многолетних исследований Мангупского городища и его храмовых комплексов.

Ключевые слова: железные кресты, Мангупское городище, храм, церковь, функциональное назначение, аналогии, атрибуция.

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма, расположенной на вершине одноименного горного плато. Благодаря многолетним исследованиям проводимыми Мангупской археологической экспедицией была установлена его общая хронология и периодизация, включающая в себя шесть основных этапов – докрепостной (позднеримский, конец III – середина VI в.), ранневизантийский (середина VI – конец VIII в.), хазарский (конец VIII – середина IX в.), фемный (середина IX – середина XI в.), феодоритский (XIV в. – 1475 г.) и турецкий (османский, 1475-1792 гг.) (Герцен, 2003; Герцен, Науменко, 2015).

Источниковую базу исследования составляют железные кресты происходящие из раскопок церкви Св. Константина, Св. Георгия и Большой Мангупской базилики.

На данный момент железные кресты Мангупского городища можно разделить на две условные категории. В первую категорию входит полностью сохранившийся железный крест с черенком из церкви Св. Константина. В 1992-1994 гг. храм был исследован,

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119.

установлены хронологические рамки его функционирования – первая половина XV – начало XVII вв. В слое разрушения был обнаружен железный, кованный крест. Его общая длина составляет 24 см (16,5 – длина креста, 7,3 – длина черенка) при максимальной ширине 14,3 см. Верхний и боковые лучи расширены к окончанию, края неровные, слегка отломлены в древности, представляющие неровные трапеции. Нижний луч креста слегка закругленный, сколот около соединения с черенком. Черенок, отходящий от нижнего луча, заостренный, подпрямоугольный в сечении, без следов какого-либо изгиба. Горизонтальные лучи скреплены к вертикальным без видимых следов заклепки.

Данный крест в своем функциональном назначении, вероятнее всего может относиться к группе процессионных крестов, получивших в историографической традиции название «кресты византийского типа» (Мусин, 2015, с. 191-206). Подобные экземпляры получили широкое распространение в Крыму, на Кавказе, а также Балканах. Представленная находка морфологически схожа с группой железных крестов происходящей из раскопок средневековой Сугдеи, и датируются в широких хронологических рамках второй половины XIII-XIV век. (Майко, 2022, с. 24).

Вторую категорию представляют 5 железных, более тонких крестов без сохранившегося черенка, и несколько фрагментов, вероятно еще от одного аналогичного креста. Общие размеры изделий колеблется в пределах от 12 до 17 см в высоту, и от 10 до 14 см в ширину, толщина изделий варьируется от 30-40 мм. По своим морфологическим признакам представленная археологическая группа находок схожа. Все кресты выполнены из тонкой железной пластины, боковые и верхние лучи расширяются, окончание их вогнуто. Края лучей в некоторых местах обломаны. По контуру нижней части боковых лучей и по краям верхних и боковых фиксируются небольшие отверстия диаметром до 10 мм.

Робертом Христиановичем Лепером при раскопках Мангупской базилики и у так называемого «малого храма» было обнаружено по одному железному кресту представленного типа. Согласно Отчетам Императорской археологической комиссии, за 1913-1915 годы (Лепер, 1913, с.73-79; Лепер, 1918, с. 72-84), «малым храмом», скорее всего, является церковь Св. Георгия, исследованная в 2015-2016 гг. Мангупской экспедицией. На данный момент время функционирования комплекса укладывается в период с 20-30 гг. XV в – и частично в XVI в. (Герцен, Науменко, 2017, с. 9-13).

Второй крест из раскопок Р. Х. Лепера был обнаружен в насыпе над полом Большой Мангупской базилики. К сожалению, на данный момент точно интерпретировать, а также датировать данный археологический контекст не удастся, в виду особенностей проведения полевых работ 1913 года. Предметы из раскопок Р. Х. Лепера на сегодняшний день хранятся в фондах Государственного Эрмитажа.

Три подобных изделия были обнаружены в упомянутом выше слое разрушения и могиле №2 церкви Св. Константина.

Уникальным явлением характерным для представленных крестов с Мангупского городища, является наличие небольших отверстий в нижней части боковых лучей, а также параллельных друг другу отверстий на краях верхних и боковых лучей. На данный момент сложно определить точное функциональное назначение отверстий, однако на одном из лучей креста, в боковой его части удалось обнаружить одну сохранившуюся бронзовую заклепку. Можно предположить, что и на остальных лучах в верхней их части могли быть такого рода бронзовые заклепки, которые могли служить неким украшением данного типа крестов. Что же касается, отверстий в нижней части боковых лучей, скорее всего они могли использоваться для украшения подвесками, крепящимися к горизонтальной ветви креста.

На данном этапе исследования полностью идентичных изделий, происходящих

из археологических памятников, не выявлено, что усложняет точное определение функционального назначения и хронологические рамки бытования предметов.

Библиографический список

1. Герцен А. Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Античная древности и средние века. 2006. Вып. 34. С. 94-112.
2. Герцен А. Г. Христианство в Мангупе под властью турок // Таврические духовные чтения. Материалы Международной научно–практической конференции, посвященные 140-летию открытия Таврической духовной семинарии. Симферополь, 2013. Т. II. С. 305-319.
3. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». Керчь, 2015. С. 88-100.
4. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища: по материалам раскопок 2015-2016 гг. // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. Материалы конференции. Севастополь. 2015. С. 9-13.
5. Лепер Р. Х. Отчет о раскопках на Мангупе // ОАК. СПб. 1918. С. 72-84.
6. Лепер Р. Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 году // ИИАК. СПб. 1913. С. 73-79.
7. Майко В. В. Византийские железные процессионные кресты восточной Таврики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, №6. С. 21-29.
8. Мусин А. Е. Металлические кресты // Древности Семидворья I. Средневековый двахапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы // Археологический альманах. Киев, 2015. №32. С. 189-218.

УДК 904:687.386-034.2(470.53)(045)

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ НЕВОЛИНСКОГО ТИПА ИЗ ПАМЯТНИКОВ НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Черных Анастасия Александровна
Удмуртский государственный университет

Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УГУ Перевозчикова Светлана Александровна

Аннотация. В данной статье, на основе РФА анализа, предоставлены результаты выявления и сравнения химического состава поясов неволинского типа неволинской культуры из могильников: Верх-Саинский, Неволинский и Усть-Иргинский. Анализ показал, что преимущественно пояса выполнены из единого сплава меди и свинца, с примесями цинка и железа.

Ключевые слова: неволинская культура, поясная гарнитура, химический состав, рентгенофлуоресцентный анализ (РФА).

Неволинская культура, датируемая концом IV – серединой IX вв., находится в Сылвенско-Иренском поречье Пермского края. Могильники данной культуры представляли собой сложные комплексы, сочетавшие курганные (до начала VII в.) и бескурганные части (Голдина, 2012, с. 203-204). Одной из категорий инвентаря, ярко маркирующих могильники, являются пояса. В данной статье будет представлен анализ химического состава поясов неволинского типа.

По времени бытования пояса делятся на 4 варианта: VI в. – харинский; VII в. – бартымский (агафоновский); VIII в. – неволинский; последняя четверть VIII в.; первая четверть IX в. – сухоложский (Голдина, Перевозчикова, 2018, с. 145).

Неволинский вариант пояса представлял собой кожаный пояс, состоявший из накладок (круглые, тройчатки, ж-образные, вытянутые прямоугольные с разными вариантами изображений личин), наконечников ремней (с вертикальным рядом изображений голов медведей либо с растительным орнаментом) и пряжек (сердцевидные и с закругленным концом).

Памятник	Вещь	№ погр.	Cu	Pb	Zn	Sn	Fe	Ag	In	Ta
ВС	накладка	153	53,2	34,4	1,29	7,83	2,44			
ВС	нак. ремня	153	43,9	41	4,02	6,71	2,94			
ВС	накладка	29	98,8	0,8				0,37		
ВС	накладка	29	95,3	4,04				0,71		
ВС	накладка	29	83,4	2,21	6,8		1,94	5,36		
ВС	нак. ремня	50	75,8	13,7	3,81	4,28	1,83			
ВС	накладка	50	73,7	15,8	7,48	2,37	0,7			
ВС	пряжка	50	44,7	34,6		19,2	1,15			
ВС	накладка	50	63	33,7	1,41		1,89			
ВС	накладка	50	53,2	42,8	2,54		1,41			
ВС	накладка	65А	77,4	21,5			0,8			
ВС	накладка	65А		7,33	7,84		84,7			
ВС	накладка	65Б	93,1	2,24	3,54		0,62			
ВС	накладка	65Б	91,2	8,28			0,57			
ВС	накладка	65Б	73,8	24,7			1,13			
ВС	накладка	65Б	73,1	24,4	1,46		0,94			
ВС	накладка	65Б	68,8	19	7,5		1,94			
ВС	накладка	65Б	64,2	25,4	6,18	2,1	2,1			
ВС	накладка	65Б	33,2	58,6	2,94		1,97			
ВС	накладка	65Б	22,3	73,3			1,78			
ВС	накладка	65Б	21,6	73,7	0,56		2,11			
ВС	пряжка	70	88,4	9,9			1,01	0,62		
ВС	накладка	70	55,2	22		20,5	2,04			
ВС	накладка	70	52,5	20,9	1,31	22,7	2,62			
ВС	накладка	70	77,7	7,22	14,3		0,76			

LVІ УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВС	нак. ремня	70	62,2	20,2	15,7		1,52			
ВС	накладка	74А	66,8	23,5	8,06		1,4			
ВС	нак. ремня	77	79,8	19,1			1,15			
ВС	накладка	77	70,5	27,9			1,32			
ВС	накладка	77	59,3	39			1,73			
ВС	накладка	77	59	37,7	1,7		1,56			
ВС	накладка	77	43,1	54,9			2,06			
ВС	пряжка	77	82,8				1,15			16
ВС	накладка	83	59,9	37,7			1,23			
ВС	накладка	83	77,4	5,74	15,6		1,21			
ВС	пряжка	92	96,7	3,18						
ВС	накладка	92	73,7	22	2,7		1,59			
ВС	накладка	92	48,5	50,8			0,75			
ВС	нак. ремня	92	43,1	32,1		20,2	2,9	1,21		
ВС	накладка	92	40,7	54,1			3,02			
ВС	накладка	уч Л/13	23,1	74,2			1,79			
ВС	накладка	уч. П/15	64,9	33,6	0,87		0,69			
ВС	накладка	уч. У/18	95,6	2,06	1,92		0,44			
Н	нак. ремня	153	84,1	10,6			3,6			
Н	пряжка	153	83,6	13,3			3,13			
Н	накладка	153	81,8	10,9	5,94		0,74			
Н	накладка	153	78	14,1	5,6		1,2			
Н	накладка	153	62,4	31,9	1,95		1,71			
Н	накладка	153	27,8	65,1	2,91		1,93			
УИ	пряжка	14	71,4	26,6			1,08			
УИ	накладка	14	65,6	32,7			1,76			
УИ	накладка	14	41	53,1	3,51		2,55			
УИ	накладка	14	40,8	55,2			2,75			
УИ	накладка	14	31,7	62,9			3,08			
УИ	накладка	14	27,8	66,9			2,69			
УИ	накладка	14	20,5	74,3			3,73			
УИ	накладка	14	16,5	78,1			2,84			
УИ	накладка	15	45,5	51,8			2,52			
УИ	накладка	15	43,7	53,3			2,59			
УИ	нак. ремня	15	41,3	29,2		25	2,91		1,66	
УИ	накладка	15	40,9	55,2			2,28			
УИ	пряжка	15	39,7	27,9		23,3	9,07			
УИ	накладка	15	36,6	60,1			3,41			
УИ	пряжка	5	60,7	34,6			3,93			

УИ	накладка	8	27,1	65,7			4,68		
УИ	нак. ремня	уч Л/11	49,5	42,2	4,71		2,06		
УИ	пряжка	уч Л/11	35,4	58,6			3,14		2,84

Таблица 1. Химический состав неволинского типа поясной гарнитуры неволинской культуры

Была проанализирована поясная гарнитура из 9 погребений Верх-Саинского могильника (в 8 погребениях цельные пояса, в 1 – только элементы гарнитуры), 1 погребения Неволинского могильника (цельный пояс) и 4 погребений Усть-Иргинского могильника (2 цельных пояса). Так же были взяты находки из участков Верх-Саинского (Л/13, П/15, У/18) и Усть-Иргинского (Л/13) могильников. Всего проанализировано 49 накладок, 8 наконечников ремней и 12 пряжек. Материалы раскопок данных могильников изучены и представлены в опубликованных монографиях и статьях (Голдина, 2012, с. 7, 52-52; Голдина и др., 2018, с. 8, 153; Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 321; Волков, Пастушенко, 2006, с. 5, 18).

Анализ проводился с помощью прибора рентгенофлуоресцентного анализа. Чистка предметов проводилась с помощью лимонной кислоты до исчезновения слоя патины. Полученные результаты заносились в таблицу (табл. 1).

После анализа получились следующие выводы. Состав гарнитуры среди материала всех трех могильников примерно одинаковый: сплав меди и свинца в разных пропорциях: Cu от 16 до 95%, Pb от 2 до 78%, с примесями цинка (2-15%) и железа (0,4-9%). Причем, у одного пояса у разных частей гарнитуры может преобладать как медь, так и свинец. Но есть и единичные случаи, когда находка состоит из сплава трех веществ: меди (40-55%), свинца (21-34%) и олово (19-25%) (ВС, погр. 50, пряжка; ВС, погр. 70, накладки; ВС, погр. 92, наконечник ремня; УИ, погр. 15, наконечник ремня и пряжка).

При рассмотрении находок по погребениям, гарнитура из погр. 153 Верх-Саинского могильника (Cu 44-53%, Pb 34-41%) и погр. 15 Усть-Иргинского могильника (Cu 37-46%, Pb 52-60%) не имеет различия внутри показателей меди и свинца более чем на 9%. Остальные погребения не отличаются однородностью сплава среди всех частей поясной гарнитуры.

Если рассматривать находки с точки зрения типологии, то их можно разделить на две группы: первая – вещи с практически одинаковым составом. К этой группе относятся мечевидные накладки (ВС, погр. 92, 1 экз.; УИ, погр. 15, 2 экз.) с составом Cu (40-49%) + Pb (51-55%) + Fe (0,75-2,6%); пряжки с фигурной пластиной (УИ, погр. 5, 1 экз., погр. 14, 1 экз.) с составом Cu (61-71%) + Pb (27-35%) + Fe (1-4%); пряжки прямоугольной формы и закругленным концом (ВС, погр. 70, 1 экз.; ВС, погр. 77, 1 экз.; Н, погр. 153, 1 экз.) с составом Cu (83-88%) + Pb (0-13%) + Fe (1-3%). Что примечательно, пряжка такой же формы, но меньшего размера из погр. 50 Верх-Саинского могильника в своем составе имеет латунь.

Вторая группа характеризуется типичным сплавом материала этих трех могильников – смесью меди и свинца в разных пропорциях. В эту группу входят накладки: ж-образные, круглые, полуовальные, прямоугольные с заостренным концом площадкой сверху и без нее, тройчатки; наконечники ремней с личиной медведя, без нее и с растительным орнаментом; пряжки сердцевидной формы. Они никак не группируются по химическому составу ни по могильникам, ни по погребениям.

Еще есть предметы с не характерными для сплавов компонентами. In: 1,6% – УИ, погр. 15, наконечник ремня; 2,8% – УИ, уч. Л/11, пряжка. Та: 16% – ВС, погр. 77, пряжка.

Таким образом, на основании приведенных данных, можно сделать вывод, что пояса

неволинского типа имеют медно-свинцовый сплав в разных пропорциях меди и свинца.

Библиографический список

1. Волков С. Р., Пастушенко И. Ю. Исследования Усть-Иргинского могильника неволинской культуры // *Finno-Ugrica*. №9, 2005-2006. Казань, 2006. С. 5-39.
2. Голдина Р. Д. Неволинский могильник VII-IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск, 2012. 472 с.
3. Голдина Р. Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX вв.) // *Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция*. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: «Удмуртский университет», 2012. 544 с.
4. Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // *Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция*. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: «Удмуртский университет», 2012. 544 с.
5. Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19. Ижевск, 2018. 720 с.

УДК 902

БОЛГАРСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРЕДКАМЬЯ: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ДОМОНГОЛЬСКОГО И ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДОВ

© *Шарафутдинова Амина*

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Научный руководитель – научный сотрудник ЕИ КФУ

Купцова Мальвина Станиславовна

Анотация. Начало заселения предкамских земель волжскими болгарами относится, по данным археологии, ко второй половине X столетия. История и археология средневекового города вообще, болгарского города в частности, стали в последние годы одним из приоритетных направлений отечественной науки. Город как сложное социокультурное явление исторического процесса отражает в себе практически все стороны материальной и духовной культуры, бытового уклада, этнического состава и общественно-политической жизни населения на разных этапах его развития.

Ключевые слова: памятник, городище, городские поселения, башня, крепость.

Развитие городов и городской культуры в Волжской Болгарии тесно связано с принятием ислама, что обусловило определенную направленность развития архитектурно-

градостроительной культуры. За последние десятилетия выявлены и исследованы остатки кирпично-каменных и деревянных построек различного характера, которые свидетельствуют, что к X в. в регионе сложилась достаточно развитая строительная культура.

Знаменитое Елабужское (Чертово) городище с руинированными остатками белокаменной башни домонгольского времени, посад и три некрополя, функционировавшие в пределах X-XVI вв относят к памятникам средневековой Алабуги. Елабужское городище является единственным болгарским укрепленным поселением, которое существовало между низовий рек Камы и Вятки, как еще один передовой центр в Предкамье.

Городище расположено юго-западнее исторического центра города на правом берегу устья р. Тоймы, правого притока р. Камы. Площадь 34 000 кв. м.

Посад средневековой Алабуги, открытый в 1997 г., расположен в 1700 м к СВ от городища на правом берегу р. Тоймы. Его следы прослеживаются на территории около 20 000 кв. м.

Елабужский II некрополь, обнаруженный в 1994 г., располагается вдоль восточного склона мыса в 100-200 м южнее внешнего вала городища. Приблизительная площадь некрополя 2000 кв. м.

Елабужский III некрополь на южной окраине средневекового посада открыт в 1997 году. Ориентировочная площадь 3500 кв. м.

Елабужский IV некрополь расположен в 500 м восточнее посада и в 2200 м северо-восточнее городища. Приблизительная площадь памятника 9000 кв. м. (Нигамаев, 2004, с. 6-7).

Памятник нес торгово-административные функции, причем значение первого было значительно меньше

Городище с напольной стороны располагает тремя линиями обороны, отстоящими друг от друга на 60 и 100 м. Внутренний и средний валы имеют слегка дугообразную форму, а внешний устроен в виде исходящего угла – редана. Их современная высота и ширина: внутренний – 2,5 м и 12 м, средний – 1,5 м и 12 м, внешний – 1-1,5 м и 6-8 м соответственно. Оборонительные рвы визуальнo практически не прослеживаются. Памятник датируется одним периодом истории Волжской Булгарии – домонгольским. (Губайдуллин, 2019, с.94).

Археологические остатки города находятся примерно в 0,8 км к юго-востоку от села Тябердино-Чаллы Рыбно Слободского района РТ. Городище занимает высокий мыс левого берега реки Шумбут. А. М. Губайдуллиным достаточно основательно были исследованы четыре оборонительные линии Чаллынского городка. Вполне можно согласиться с заключением исследователя о возникновении Чаллынской крепости в домонгольское время и об укреплениях ее, состоящих из трех линий валов с двумя рвами между ними. Эти же укрепления продолжали использоваться, скорее всего, с небольшими реконструкциями, 20 в золотоордынское время. В период Казанского ханства появляются две наружные ряды укреплений, разрушенные в 1556 г. На территории посадской части города выявлены два мусульманских могильника XIV-первой половины XVI вв.

На территории Чаллынского городища были обнаружены остатки наземных и полуземляночных жилищ, хозяйственных ям (для хранения продуктов) домонгольского периода, косторезной мастерской и кузниц времен Казанского ханства.

Как «крупный болгарский город, ремесленный и торговый центр области» охарактеризован у А. П. Смирнова летописный город Керменчук (Смирнов, 1952, с. 248, 249).

Кирменское городище, Кирмень или Керменчук – городище около современных сел Средние Кирмени и Русские Кирмени Мамадышского района Республики Татарстан.

1396 год, согласно сведениям, представленным в летописях, является датой основания Кирменского городища. А по находкам, которые были выявлены здесь учеными, определено более древнее время происхождения памятника – конец X – начало XI века.

Находится на возвышенности правого берега реки Кирменка, являющейся левым притоком реки Омарка, к юго-востоку от деревни Средние Кирмени и в северо-западном направлении от деревни Русские Кирмени. Комплекс охватывает мыс, который с востока ограничивает овраг «Сухая река», а с севера приближается к реке Кирменке. С городищем связывают остатки двух кладбищ, находящихся неподалеку от Средних Кирменей.

С запада площадка городища обрывается круто, а с юга, юго-востока и востока опускается более полого. С северной, напольной, стороны мыса видны следы двух рвов, расположенных на расстоянии 40-60 м друг от друга.

Древнее городище Кирменчук имеет форму четырехугольника площадью около 10 гектаров, вытянутого с севера на юг. На его территории уже не одно столетие ведутся археологические раскопки, в результате которых были найдены фрагменты укрепления крепости – глубокое, выложенное бутовым камнем, валооградное сооружение. Также здесь был выявлен культурный слой глубиной около 40 см, в котором содержались культурные остатки из гончарной керамики желтого, красного, коричневого и серого цветов. Также в коллекции находок городища содержатся бытовые предметы из железа.

Жилые и хозяйственные сооружения изучены в относительно небольшом количестве. В укрепленной части поселения располагались три комплекса сооружений, которые определены нами как бревенчатые постройки наземного типа – жилые дома с печью и подпольными ямами-хранилищами. Изучено также около десятка хозяйственных ям округлой и подпрямоугольной в плане формы. За пределами укреплений (линии рва) исследовано еще три жилищных комплекса и хозяйственные сооружения вокруг них.

На всех трех памятниках – Алабуге, Кирмени и Чаллы, исследованных в последние годы, открыты жилые и хозяйственные постройки, несколько отличающиеся по своей конструкции от построек закамских болгар. Здесь преобладали наземные постройки с небольшим углублением в материк. Это объясняется просто – культурный слой везде подстилается или известняковой породой или плотной мергелистой почвой. По сравнению с закамскими и предволжскими, предкамские памятники имеют более продолжительный период существования. Крупнейшие города Волжской Болгарии (Биляр, Сувар, Ошель, Муромский городок и многие другие) перестали существовать после 1236 г. Предкамские города Керменчук и Кашан упоминаются еще в письменных источниках конца XIV в. Город Чаллы перестал существовать лишь после событий 1556 г. Казань, Алабуга, пережив все перипетии истории, стали крупными городами и дожили до наших дней. Причиной этому было то, что после монгольских завоеваний 1236 г. Вследствие переселения сюда жителей из закамских земель, предкамье постепенно превращается в одну из густонаселенных территории Болгарского улуса Золотой Орды. Позднее, в конце XIV в. в Предкамье перемещается и административно-политический центр болгарских земель: город Болгар ал-Джадид, по мнению ученых, 24 становится эпитетом или даже официальным названием Казани. Здесь сформируются этнокультурные основы казанско-татарского народа.

Библиографический список

1. Нигамаев А. З. Болгарские города предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы (к вопросу о своеобразии материальной культуры населения): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06 – археология. Казань. 2004. 6-7 с.
2. Губайдуллин А. М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине

XVI в. 2019. 94 с.

3. Смирнов, 1952 Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / Отв. ред. А. В. Арциховский. М.: Изд-во АН СССР, 1952. (МИА. №28). 248-249 с.

4. Нигамаев А. З. Исследования в исторической части города Елабуги // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. С. 72-76.

5. Нигамаев А. З., Хузин Ф. Ш. Раскопки на территории пригородов Чаллынского городища // Археологическое изучение булгарских городов. С. 114-143.

УДК 902

КРУГОВАЯ ОРНАМЕНТИРОВАННАЯ КЕРАМИКА СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1

© *Шарафутдинова Идалия Маратовна*
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа

*Научный руководитель - старший преподаватель кафедры истории Республики
Башкортостан, археологии и этнологии УУНиТ
Мухаметдинов Вадим Ильдарович*

*Научный консультант - к.и.н., заведующий отделом археологического наследия Южного
Урала ИЭИ УФИЦ РАН Тузбеков Айнура Ильфатович*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению орнаментированной круговой керамики, выявленной по итогам археологической экспедиции 2022 года вблизи деревни Подымалово в Уфимском районе Республики Башкортостан. Автором рассматривается и анализируется керамика, датируемая XIV веком, исходя из полученных полевых результатов и цифровых данных на территории селища Подымалово-1. В работе использована классификация орнаментов на керамической посуде, предложенная Ю. Б. Цетлином.

Ключевые слова: Золотая орда, селище Подымалово-1, круговая керамика, орнамент.

Селище Подымалово-1 было открыто в 2010 году археологами Г. Н. Гарустовичем и А. М. Акбулатовым на берегу реки Сикияз. Река является правым притоком реки Кармасан. Русло реки имеет извилистый характер, находится в 20 км от г. Уфы. Селище расположено в 2 км от д. Подымалово, в 2 км к востоку от федеральной автодороги М7 Волга на правом берегу реки Сикияз. Исследования селища продолжились в 2017, 2019 годах (Ахатов, Бахшиев, Тузбеков, Камалеев, 2018).

Раскопки 2022 года производили научно-производственный центр по охране и использования объектов культурного наследия Республики Башкортостан, Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН и Уфимский университет науки и технологий.

Керамика – элемент материальной культуры. Связанная с функциональностью в быту, она также несёт в себе элемент духовной культуры, т.к. оформлялась традиционным для изготавливавшего народа орнаментом (Хлебникова, 1989, с. 6).

На селище Подымалово-1 были найдены фрагменты орнаментированной керамики. Ее значение для исследования культурной ситуации на памятнике связано с высокой ролью орнамента в духовной жизни людей и, как следствие, связи традиционного орнамента с этнокультурными традициями мастеров. Соответственно, исходя из анализа орнаментации, можно предположить датировку сосуда и регион его происхождения.

Цель данной работы – классификация орнаментов на круговой керамике селища для последующего изучения ее датировки и этнокультурной принадлежности.

Для анализа нами был использован метод Ю. Б. Цетлина. Согласно ему керамика имеет три основных подсистемы. Первая – это сфера материального производства, вторая – сфера социальных отношений и третья – сфера духовной культуры человека (Цетлин, 2012, с. 37).

Автором рассмотрены и предложены разделение гончарных орнаментов в рамках направлений такие: графический, скульптурный, расписной, механический, химико-термический (Цетлин, 2000, с. 251-252)

Выделены такие группы по способу нанесения:

1. Графический орнамент: резьба, штамповка и выбивание;
2. Скульптурный орнамент: налепливание;
3. Расписной орнамент: окрашивание, роспись, ангобирование и глазурование;
4. Механический орнамент: лощение и полирование;
5. Химико-термический орнамент: чернение и обваривание.

Изучение материалов раскопов 2022 года позволило выявить из общей базы данных в 2386 фрагментов керамики 299 орнаментированных фрагментов. Было определено сходство и различие орнаментированных черепков. Выявлены следующие группы способов нанесения орнамента:

1. Графический орнамент.

– Линейный – 233 фрагмента. Преимущественно расположены в верхних слоях, на комплексе один и на уровне девятого пласта.

– Штампованный – 7 фрагментов. В десятом квадрате, на уровне второго пласта.

– Выбивание – 13 фрагментов. В верхних слоях, на уровне второго, шестого, девятого пласта.

2. Расписной орнамент

– Окрашивание – 1 фрагмент. Расположен на четвёртом квадрате, на уровне второго пласта.

– Роспись – 2 фрагмента. Расположены на четвёртых и шестых квадратах, во втором пласте.

– Глазурование – 13 фрагментов. Преимущественно расположены на четвёртых и шестых квадратах, во втором пласте. Несколько фрагментов были найдены на комплексе один.

– Ангобирование – 3 фрагментов. Расположены во втором пласте, на комплексе один.

3. Механический орнамент

– Лощение – 7 фрагментов. Расположены на верхних слоях, на комплексе один.

– Полирование – 2 фрагмента. Расположены на верхних слоях, на уровне шестого пласта.

Таким образом, было установлено что большинство орнаментированной керамики найдено в первых слоях, в первом комплексе. Выделены следующие группы орнаментации: графический, расписной, механический. Анализ орнаментированной керамики селища Подымалово-1 выявил преобладание линейной подгруппы графического орнамента (233 фрагмента).

Библиографический список

1. Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Тузбеков А.И., Камалеев Э.В. Селище Подымалово-1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты) // История и педагогика естествознания. 2018. №4. С. 28-32.
2. Хлебникова Т. А. Керамика памятников волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.
3. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. С. 37-170.
4. Цетлин Ю. Б. Критерии отделения орнамента от неорнамента на глиняной посуде // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь: Изд-во ИА РАН. 2000. 383 с.

УДК 902

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЕРАМИКИ ИЗ НИЖНИХ СЛОЕВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

© Шкалюкова Алена Александровна

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории АГУ им. В.Н. Татищева
Васильев Дмитрий Викторович*

Аннотация. В представленной статье приводится характеристика комплекса керамики из нижних слоев Самосдельского городища. Керамический комплекс по способу изготовления делится на 3 категории: гончарная, доведенная и лепная. В ходе исследования найдены аналогии лепной и гончарной керамике. В нижних слоях встречаются сосуды древнетюркского облика, а также лепные горшки, которые встречаются в захоронениях типа «Соколовская балка», что позволяет говорить о наличии хазар в составе населения городища в X в.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Самосдельское городище, хазарский период, керамика, примеси, котлы.

Самосдельское городище – это уникальный археологический памятник Нижнего Поволжья, расположенный в западной части дельты Волги, в 43 км к югу от г. Астрахани у села Самосделка.

В рамках исследования анализировалась керамика нижних слоев городища, что хронологически затрагивает период с IX по начало XI вв.

Керамика является основной категорией находок на данном памятнике и одним из основных источников информации. Анализ керамического комплекса памятника дает возможность уточнить хронологию памятника, в том числе более точно датировать время его возникновения и этапы существования.

По способу изготовления керамика делится на гончарную, доведенную и лепную.

Гончарная или круговая – это керамика, изготовленная на гончарном круге (рис. 1: 1,

2). Её поверхность ровная, имеет характерные горизонтальные полосы (следы вращения сосуда на гончарном круге) на внутренней поверхности сосуда. Это самая многочисленная группа, которая занимает 82% от общей выборки. Такая керамика характеризуется слабой запесоченностью теста, обжигом, при котором черепок приобретал красный и желто-оранжевый цвета. Помимо песка, в состав теста добавляли небольшое количество органических примесей. Довольно редко встречается добавление в тесто мелкодробленого шамота и толченой раковины. Гончарная посуда представлена большим разнообразием столовой, кухонной и тарной.

Многочисленные аналогии сосудам этой группы находятся в материалах Волжской Болгарии, где они также соотносятся с I общеболгарской группой керамики и относятся к X в. (Хлебникова, 1984, с. 86-95). Поэтому рассматриваемую группу можно соотносить с болгарским компонентом в населении памятника. Высокогорлые кувшины на Самосдельском городище встречаются в самых ранних ямах на материке и бытуют на протяжении всего периода существования городища. Мы можем предположить, что, возможно, верхняя граница датировки памятника – не IX в., а X в. Но радиоуглеродный анализ говорит нам о том, что наиболее ранние культурные слои датируются VIII-IX вв. По второму предположению – в Нижнем Поволжье керамика этого типа появляется раньше, чем в Волжской Булгарии. Это позволяет предположить, что на территорию будущей Волжской Булгарии данная посуда проникла именно из дельты Волги благодаря связям, существовавшим между этими регионами в хазарское и постхазарское время.

Д.В. Васильев предполагает, что этот керамический комплекс был перенесен в низовья Волги в готовом виде вместе с переселившимся населением из какого-то другого региона в VIII-IX вв. Предполагается, что генетические корни этого керамического комплекса находятся на Кавказе и в Закавказье. Возможно, это выходцы из Суvara на Средней Волге, которые переселились в Нижнее Поволжье вместе с булгарами, но так же возможен вариант, что они представляют собой этнических суваров, или савиров, переселившихся с Северного Кавказа или из Закавказья. Об этом нам говорит рассказ арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, который какое-то время жил в Саксине. Он упоминает про многочисленный народ, который называет себя «жители Суvara» (Путешествие..., 1971, с. 14). Комплекс круговой керамики с Самосдельского городища находит себе близкие аналогии на городище Шабран в Азербайджане, причем он имеет ряд морфологических отличий от посуды так называемых «общеволжских типов», имеющих распространение на территории Волжской Булгарии (Васильев, 2015, с. 227).

Доведённая или лепленная – керамика, изготовленная на гончарном круге медленного вращения (рис. 1: 3). Данная группа составляет 6% от общей выборки. Такая керамика лепилась вручную посредством техники лоскутного налёпа, а позже стенки сосудов доводились до более ровного состояния на гончарном круге медленного вращения. Следы вращения на внутренней поверхности отсутствуют, потому что чаще всего обрабатывается только внешняя часть. В нижних придонных частях сосудов часто наблюдаются следы подрезки ножом. Тесто таких сосудов менее однородное и плотное, нежели тесто гончарных сосудов, стенки более толстые и рыхлые, содержат больше примесей. Однако примеси в тесте мелкодисперсные, что помогает выровнять стенки сосудов на гончарном круге. К керамике этого способа изготовления относятся чаще котлы разных форм, хумы.

Лепная посуда, выполненная без гончарного круга, отличается толстыми, неровными, относительно рыхлыми стенками (рис. 1: 4, 5). Эта группа занимает 12% от общей выборки. Примеси чаще встречаются крупные. К лепным сосудам чаще всего относятся горшки, сковороды, котлы, крышки. Эту группу характеризует наличие большого количества

примесей в тесте: крупный шамот, навоз, мелкорубленая трава, встречаются песок и толченая ракушка. Посуда этой группы являлась продуктом придомного гончарства, поэтому состав и количество примесей могли варьироваться, что стало отражением индивидуальных привычек мастера. Характерной чертой керамики группы III является грубость исполнения сосудов, низкое качество их обжига, который, видимо, производился на открытом огне. Об этом свидетельствуют красные, бурые и черные пятна на черепке, появившиеся вследствие неравномерного температурного режима, а также черный цвет на изломе. Здесь также зафиксировано добавление крупного шамота, навоза, песка, реже – толченой ракушины.

Определяющее значение для датировки нижних слоев памятника имеют находки ряда специфических типов лепных сосудов. Прежде всего, это лепные котлы со сферическим округлым туловом, с горизонтальными витыми и треугольными ручками. На основании аналогий с территории Семиречья и Согда появление данных форм в комплексе нижних слоев памятника должно быть датировано второй половиной IX в. (Попов, 2009, с. 154). Анализ лепной керамики из предматериковых слоев позволяет говорить, что комплекс в городище Самосделка датируется серединой – второй половиной IX в. (Попов, 2017, с. 56). Волгоградский хазаровед Е.В. Круглов делает заключение о том, что лепная посуда Самосдельского городища аналогична сосудам, найденным в погребениях VIII в. типа Соколовской балки, которые принадлежат этническим хазарам (Круглов, 2021, с. 73).

В настоящий момент перед коллективом экспедиции стоит задача определить четкую датировку нижних слоев Самосдельского городища.

Библиографический список

1. Васильев Д. В. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015. №2(12). 189-267 с.
2. Круглов Е. В. Об аналогиях к сосудам первой группы лепной посуды Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Вып. XIII / Отв. ред. А. А. Курапов. Астрахань: Издатель «Сорокин Роман Васильевич», 2021. С. 68-75.
3. Попов П. В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т.7. С. 153-187.
4. Попов П. В. Лепная керамика из нижних слоев городища Самосделка в Астраханской

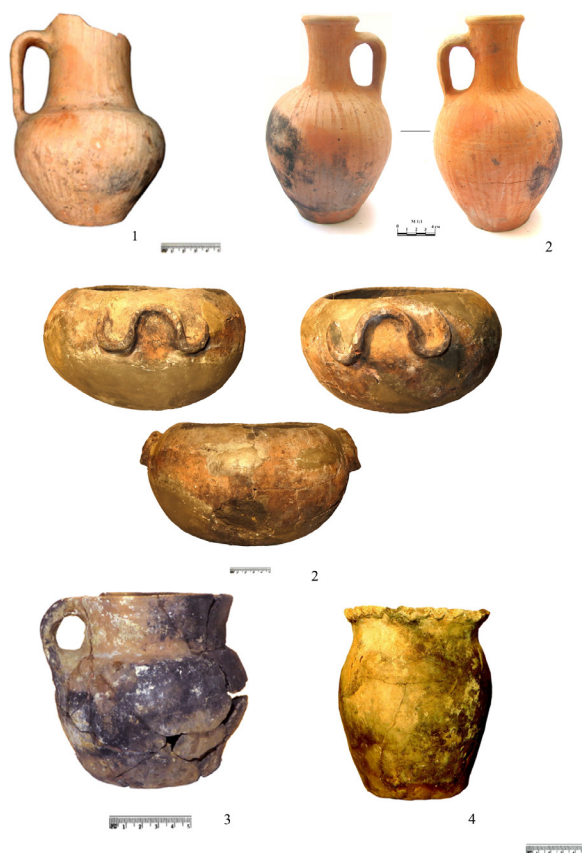

Рис. 1. Керамика хазарского времени на Самосдельском городище. 1 – кувшин-кружка, 2 – высокогорлый кувшин, 3 – котел, 4,5 – лепные горшки

области // Общество: философия, история, культура. 2017. №2. С. 52-57.

5. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). Пер. О. Г. Большакова, комм. А. Л. Монгайта. М.: Наука, 1971. 134 с.

6. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука, 1984. 240 с.

УДК 902

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ МОДЕЛЕЙ МЕСТНОСТИ НА МАТЕРИАЛАХ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

© Шкалюков Игорь Андреевич

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
г. Астрахань

*Научный руководитель – к. и. н., доцент кафедры истории АГУ им. В. Н. Татищева
Васильев Дмитрий Викторович*

Аннотация. Данная научная статья рассматривает перспективы создания и применения цифровых моделей местности (ЦММ) при изучении археологических памятников. Автор обсуждает преимущества и недостатки данной методики, а также описывает этапы проведения аэрофотосъемки и процесс создания ЦММ. На примере Селитренного городища автор демонстрирует эффективность использования ЦММ при обнаружении новых археологических объектов, определении размеров и границ уже известных объектов. Результаты исследования показывают, что создание ЦММ не требует глубоких знаний в геодезии и может быть выполнено сравнительно легко, а использование данной методики в комплексе с другими картографическими материалами повышает ее эффективность и применимость.

Ключевые слова: цифровые методы исследований, археология, неинвазивные методы исследования, ЦММ, аэрофотосъемка, Золотая Орда, Селитренное городище

В настоящее время цифровые методы исследований активно применяются в различных областях, в том числе и в археологии. Большинство доступных цифровых методов изучения памятников не требуют глубоких знаний технического плана или дорогостоящего оборудования. Существует множество неинвазивных методов исследования, которые могут помочь при изучении археологических памятников. В данном контексте мы хотели бы обсудить перспективы создания и применения цифровых моделей местности (ЦММ) при проведении археологических исследований.

Цифровая модель местности изображает ситуацию и рельеф местности. Она состоит из цифровой модели рельефа местности и цифровой модели контуров местности, а также имеет место быть моделью специального инженерного назначения (Белова, 2016). В археологии ЦММ может быть определена как карта высот местности, которая позволяет детально и наглядно рассмотреть особенности макрорельефа поверхности археологического памятника. Данная

методика позволяет обнаруживать различные археологические объекты более эффективно, чем при использовании других материалов и методик, таких как спутниковые снимки или визуальный осмотр на местности.

Однако, следует отметить и некоторые минусы данной методики. Например, золотые отложения, снег или бурная растительность могут затруднить создание пригодной для изучения ЦММ. Получение фотоматериала может занять значительное количество времени, особенно если памятник занимает большую площадь, а обработка полученного фотоматериала требует больших мощностей компьютера.

Этапы проведения аэрофотосъемки:

- Планирование пути полета БПЛА;
- выезд на местность;
- установка геодезических маяков с последующим снятием их координат;
- проведение аэрофотосъемки.

Для создания ЦММ необходима программа Agisoft Metashape. Процесс создания цифровой модели местности довольно прост, и его можно уложить в несколько пунктов:

- добавление снимков;
- загрузка положения центров камер;
- выравнивание снимков;
- построение плотного облака точек;
- создание цифровой модели местности (ЦММ);
- экспорт ЦММ.

Добавление снимков: для загрузки снимков необходимо выбрать в меню «Обработка» пункт «Добавить снимки». В окне добавления снимков следует указать путь к папке, в которой хранятся аэрофотоснимки, и выбрать необходимые изображения.

Загрузка положения центров камер: на данном этапе требуется добавить файл привязки центров фотографий. Для этого необходимо нажать кнопку «Импортировать привязку» на панели инструментов и выбрать файл, содержащий данные о расположении камер.

Выравнивание снимков: на следующем этапе создания цифровой модели местности требуется выполнить выравнивание снимков. Этот процесс осуществляется автоматически программой Metashape на основе данных изображений, и после него формируется разреженное облако точек. Для начала выравнивания следует выбрать в меню «Обработка» пункт «Выровнять снимки». В окне настроек выравнивания необходимо задать следующие параметры:

Точность – высокая.

Преселекция по привязке – исходные значения.

Максимальное количество точек – 40000.

Максимальное количество проекций – 4000.

Маскировать – отключено.

Локальный поиск соответствий – галочка снята.

Адаптивное уточнение модели камеры – галочка снята.

Построение плотного облака точек: программа на основе информации об изображениях формирует карты глубины для каждой камеры и создает плотное облако точек. Для создания плотного облака точек необходимо перейти в меню «Обработка», выбрать пункт «Построить плотное облако» и задать следующие параметры:

Качество – среднее (чем выше качество, тем больше мощностей необходимо, и повысится затрачиваемое на обработку время).

Фильтрация карт глубины – Мягкая.

Рассчитывать достоверность точек – зашумленные области плотного облака будут иметь низкую достоверность, и с помощью фильтрации их можно будет удалить.

Создание цифровой модели местности (ЦММ): цифровую модель местности (ЦММ) целесообразно строить на основе плотного облака точек, так как использование разреженного облака точек может привести к получению модели низкого качества. Для создания ЦММ на основе плотного облака следует перейти в меню «Обработка» и выбрать команду «Построить ЦММ». В открывшемся окне настроек необходимо задать следующие параметры:

Исходные данные – Плотное облако.

Интерполяция – включена.

Классы точек – все.

После завершения операции формирования модели, её можно открыть в окне «Орто».

Для экспорта полученной модели в выбранный формат следует перейти в раздел «Файл», затем выбрать пункт «Экспорт» и далее выбрать опцию «Экспорт ЦММ».

Для удобства работы с ЦММ рекомендуется загрузить ее в ГИС-систему, такую как QGIS. Для этого необходимо выбрать соответствующий пункт в меню «Слой» → «Растровый слой», выбрать нужный файл и открыть его. В результате цифровая модель местности будет загружена в программу и готова к детальному изучению.

Анализ ЦММ Селитренного городища привел к обнаружению около 20 новых объектов различного характера, а также позволил точнее определить размеры и границы уже известных объектов. Использование ЦММ оказалось наиболее эффективным при обнаружении мавзолеев Золотоордынского времени. Изучение модели помогло найти около 10 объектов, которые можно считать мавзолеями.

Изучение ЦММ также помогло обнаружить контуры старых раскопов. Стоит сказать, что научное исследование Селитренного городища продолжается уже около ста лет (Пигарев, 2022, с. 28). Активное изучение городища началось в середине XX в., и большая часть раскопов того времени не имеет координатной привязки, что затрудняет их обнаружение. Однако, на ЦММ границы старых раскопов отчетливо видны, что позволяет определить их расположение и форму с некоторой погрешностью.

Создание ЦММ не требует глубоких познаний в геодезии и может быть выполнено сравнительно легко. Однако, использование данной методики в комплексе с другими картографическими материалами повышает ее эффективность и применимость. Дальнейшая работа в данном направлении позволит найти ей большее количество применений.

Библиографический список

1. Белова Е. А. Создание цифровой модели местности по результатам топографической съемки // Вестник магистратуры. 2016. №11-2 (62). С. 25-27.

2. Пигарёв Евгений Михайлович 100 лет с начала научного изучения Селитренного городища (некоторые итоги и выводы) // Археология Евразийских степей. 2022. №4. С. 28-36.

УДК 902/904

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУС ИЗ ПАМЯТНИКОВ НОВИНКОВСКОГО ТИПА САМАРСКОЙ ЛУКИ

© Яшкина Аделина Игоревна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии и реставрации наследия
Казанского (Приволжского) федерального университета Саттаров Рузиль Раильевич*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые публикации по бусам новинковского типа. Автор приходит к выводу, что нет самостоятельной общей классификации, нет уточненной хронологии бус в купе с остальными новинковскими материалами.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Самарская Лука, бусы, раннее средневековье, памятники новинковского типа.

Во многих археологических памятниках раннего железного века и средневековья бусы являются одной из самых многочисленных категорий находок. В памятниках новинковского типа второй половины VII-VIII вв., выделенных Г. И. Матвеевой и названных по раскопанному ей в начале 80-х гг. XX в. Новинковскому курганному могильнику, бусы не столь многочисленны. Многие составляющие материальной культуры, так или иначе, рассмотрены исследователями, однако, бусинный материал остался не изученным в полной мере.

Памятники новинковского типа сосредоточены на Самарской Луке, в Волжском и Ставропольском районах Самарской области. В настоящее время открыто около 30 памятников (Лифанов, 2005, с. 25-39). Целенаправленным изучением памятников новинковского типа занимались Г. И. Матвеева (Матвеева, 1997), А. В. Богачев, Р. С. Багаутдинов, С. Э. Зубов (Багаутдинов и др., 1998), Д. А. Сташенков (Сташенков, 2001), Н. А. Лифанов (Лифанов, 2001 и др.

В монографии 1997 г. «Могильники ранних болгар на Самарской луке» Г. И. Матвеева приводит подробную классификацию бус из памятников новинковского типа, известных к тому времени. При классификации бус учитывался материал, из которого они изготовлены, способ изготовления, форма, цвет и орнамент. Все происходящие из Новинковских могильников бусы стеклянные, за исключением одной, янтарной, найденной в погребении 7 кургана 13 Новинковского II могильника, и двух сердоликовых из погребения 4 кургана 1 Шелехметского могильника (Матвеева, 1997, с. 75-78).

Несмотря на обоснованность и логичность классификации, предложенной Г. И. Матвеевой по бусам из памятников новинковского типа, в ней есть определенные неточности, что и было отмечено в работе Р. С. Багаутдинова, А. В. Богачева и С. Э. Зубова (Багаутдинов и др., 1998, 98-104 с.). Авторами было предложено иное разделение бус, за основу которого была взята классификация бус Юго-Восточной Европы, разработанная В. Б. Деопик (Ковалевской). Данная классификационная модель включает в себя такие критерии, как цвет, степень прозрачности, форма, орнамент, количество составных частей. Также в данном исследовании рассмотрены вопросы хронологии бус (Багаутдинов и др., 1998, с. 98-104).

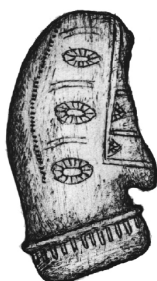
Большинство исследователей ограничивались лишь публикацией информации о месте

нахождения бус и об их внешних характеристиках. Например, к таковым можно отнести публикацию по результатам Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. В погребении 1 кургана 11 была найдена бусина из пасты темно-серого цвета с тремя темно-серыми глазками с белыми ободками. В погребении 11 найдена бусина из непрозрачного стекла (Бражник и др., 2000, с. 188-197). В погребении 1 и 3 кургана 2 могильника Винновка I были найдены и описаны «бородавчатые» пастовые бусины округло-цилиндрической формы (Лифанов, 2017, с. 79-91). В описании находок кургана 10 могильника Малая Рязань I можно встретить упоминание о стеклянной бусине темно-лилового цвета, относящейся к разряду так называемых «глазчатых» (Букина и др., 2010). Д. А. Сташенков в работе 2015 г. «Жилищный комплекс Новинковского V селища на Самаркой Луке» пишет о двух бусинах из сооружения 6 Новинковского V селища: янтарная уплощенная и стеклянная одночастная бочонкообразная бусина коричневого цвета диаметром 1 см. Автор также указывает на то, что одиночные бусины либо функционально идентичные им подвески-амулеты также характерны для детских «новинковских» погребений, где они располагались у нижней челюсти погребенного. При этом автор отмечает, что «бородавчатые» бусы нередки в памятниках данного круга, однако узкой датировки не имеют (Сташенков, 2015, с. 125-144). Говоря о женских захоронениях, Д. А. Сташенков отмечает, что их сложнее отнести к определенному периоду в силу недостаточного для проведения статистического анализа количества обнаруживаемых в них бус, а также типологической однородности самих захоронений и разнообразия найденных в них бус. Общие же их подразделения дают слишком широкие даты. Вероятно, разные виды бус сосуществуют на разных этапах, но материал не позволяет проследить динамику статистических изменений (Сташенков, 2001, с. 141-166).

Таким образом, исходя из упомянутых выше основных работ по данной категории находок, необходимо отметить следующее: бусы не всех раскопанных памятников новинковского типа обработаны исследователями; нет самостоятельной общей классификации для всех материалов, нет уточненной хронологии бус в купе с остальными материалами памятников новинковского типа.

Библиографический список

1. Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СРФ «Полдень. XXII век», 1998. 286 с.
2. Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: «Самарский университет». 1997. 226 с.
3. Бражник О. И., Кирсанов Р. С., Лифанов Н. А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000. С. 188-197.
4. Лифанов Н. А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья, Т.4, 2005. С. 25-39.
5. Букина О. В., Лифанов Н. А., Зубов С. Э., Багаутдинов Р. С. Исследования могильника Малая Рязань I в 2019 г. // Археологические открытия в Самарской области 2019 года, 2020. С. 27-28.
6. Сташенков Д. А. Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшения костюма) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Том 2. Самара, 2001. С. 141-166.
7. Лифанов Н. А. Раннесалтовский погребально-поминальный комплекс и могильника Винновка I на Самарской Луке // Краткие сообщения ИА РАН (КСИА). Вып. 248, 2017. С. 79-91.

Урало-Поволжье в эпоху нового времени

УДК 902/90

ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА КОТЕЛЬНИЧА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

© Бадьин Андрей Владимирович

Вятский государственный университет, г. Киров

*Научный руководитель – заведующий НИ археологической лабораторией ВятГУ
Кайсин Алексей Олегович*

Аннотация. Первое упоминания Котельнича в письменных источниках относится к 1459 г. В 1780 г. становится административным центром. В работе рассматриваются источники по топографии города. И реконструируется его топография на всех этапах его развития. Котельнич вырос из Котельнического городища, и к XVII веку представлял собой город с веерной системой планировки.

Ключевые слова: топография, археология, Котельнич город городище Котельническое городище

Город Котельнич является одним из древнейших городов Вятского края.

Первое датированное упоминание о Котельниче в русских летописях относится к 1459 г. и связано со вторым походом войск великого князя Василия II под командованием князя Ивана Юрьевича Патрикеева (1419-1499) с целью присоединения Вятской земли к Москве. Котельнич входил в число вятских городов, взятых московскими войсками в ходе кампании 1459 года.

В письменных источниках 13-14 вв. Котельнич не упоминается и появляется впервые в духовных грамотах галицких князей первой половины XV в., когда Вятская земля входила в состав их владений. Судя по этим источникам, Котельнич обрёл статус города между 1428 и 1433 гг.

На протяжении первого периода своей истории, который в историографии датируется промежутком между концом XII и первой половиной XV веков, город играл роль торгового центра на водных путях, связывающих Русский Север со Средним Поволжьем, а также укрепленного пункта на западной окраине Вятской земли.

Второй этап формирования города Котельнич датируется второй половиной XV-XVII веками. На протяжении большей части этого периода он сохраняет роль важного торгового центра и является городом-крепостью на северо-востоке Московского государства, на пути

возможных набегов из Среднего Поволжья, со стороны Казанского ханства. После завоевания Казани роль Котельнича, как крепости была исчерпана, однако он продолжает занимать важное место на магистральных путях, главным из которых теперь становится связывающий Московское государство с Сибирью. В конце XVI века была проложена большая Сибирская дорога, которая проходила через Котельнич, Орлов, Хлынов, Слободской.

Третий этап развития города Котельнича приходится на XVIII век, и его главным содержанием становится роль административного центра Котельничского уезда Вяткой губернии. В 1780 году Котельнич по Указу Екатерины II получил статус административного центра одноименного уезда Вятского наместничества (с 1792 года – губернии). В 1784 году Котельнич получил от императрицы Екатерины II герб и первый регулярный градостроительный план.

Четвертый этап развития Котельнича приходится на XIX – начало XX вв. В это время он развивался как один из торговых центров европейского северо-востока Российской Империи. С получения Алексеевской ярмаркой официального статуса в 1843 г. начинается строительство и организация торговых мест.

Начало XX века для города Котельнича ознаменовалось основополагающим событием – строительством через реку Вятку и город Котельнич железнодорожной магистрали Петербург – Вологда – Вятка. Пятый этап развития города связан со становлением его в качестве важного транспортного узла на Транссибирской железнодорожной магистрали и промышленного центра Кировской области.

Современный Котельнич расположен в среднем течении реки Вятки на её высоком (до 30-40 м) правом берегу, в 87 км к юго-западу от Кирова, возвышаясь над уровнем Балтийского моря от 96 до 140 метров. Общая площадь города составляет 510,3 кв.км.

Правый берег, на котором стоит город, представляет собой плато с абсолютными высотами от 105 до 150 метров над уровнем моря. Территория центральной части города разделяется тремя большими оврагами, по дну которых протекают реки Балакиревица, Родионовка и Котлянка.

Самым древним, археологически обнаруженным поселением на территории современного г. Котельнича является Скорняковское городище. Это городище находится на 40-метровом мысу, образованном правым коренным берегом р. Вятки и вклинившимся в него с запада глубоким и узким оврагом, в 150 м. к востоку от бывшей д. Скорняки (сейчас улица Речная г. Котельнича). Памятник отнесён к ананьинской (VIII-III вв. до н. э.) и азелинской (V-IX вв. н. э.) культурам.

Собственно русское Котельничское городище эпохи позднего средневековья, основание которого по археологическим материалам датируется периодом XII-XIII вв., расположено на стрелке коренного берега р. Вятки высотой до 15 м. в юго-восточной части современного Котельнича, в 400 м. северо-восточнее железнодорожного моста через р. Вятку. С западной стороны площадка городища ограничена логом, по дну которого протекает ручей, восточный склон памятника, обращенный к р. Вятке, порос кустарником. Длина площадки городища составляет 250 м., ширина – около 50 м., в настоящее время она почти полностью застроена, оборонительные сооружения не сохранились

Городище было обнаружено в 1957 г. разведгруппой Л. М. Еговкиной (Еговкина, 1957). В 1976 г. повторно обследовалось разведотрядом КВАЭ под руководством Т. К. Ютиной (Ютина, 1976). Стационарные исследования на площадке городища были начаты в 1982 г. отрядом КВАЭ под руководством Л. Д. Макарова (Макаров, 1982).

В ходе археологических этих раскопок в восточной части Котельничского городища выявлен фрагмент стены, некогда состоящей из нескольких срубов, забитых глиной,

и остатки башни. Длина клеток составляла 5-6 м., ширина от 2 до 5 м., общая ширина башни составляет около 6 м. В 1988 г. памятник был осмотрен разведгруппой КВАЭ под руководством С. Е. Перевошикова с целью контроля за его состоянием.

Из укрепленного поселения в ходе естественного развития к XVI в. выделилась трехчастная структура: кремль, торги посад. Кремль повторял форму древнего укрепления и занимала мыс в междуречье в Котлянки и Родионовки, окруженный с трех сторон глубокими оврагами. С незащищенной стороны мыса был выкопан ров, а по линии бровки холма насыпаны валы и возведены стены. Очертания мыса определяли секторный тип крепости. На территории кремля находились 4 церкви, размещались дворы церковнослужителей, съезжий двор, дворы пушкарские и монастырские, большое количество (до 80) тяглых дворов (Безверхова, 2001, с. 53).

Посад рос в двух направлениях: в западном и северо-восточном (Безверхова, 2001, с. 53) К началу XVII века занял всю территорию берегового плато в междуречье Котлянки и Балакирицы. У стен кремля образовался торг, от которого в западном, восточном и частично в северо-западном направлениях развивался открытый посад. Планировка города представляла начальную стадию веерной системы центрического типа.

Вплоть до начала XVIII в. развитие Котельнича сохраняло те же тенденции развития. К концу XVII века относится первый план Котельнича, на котором отражены результаты его развития.

Библиографический список

1. Безверхова Л. Б. Архитектурно-планировочное развитие городов Вятской земли с древности до середины XVIII века. Диссертация на соискание учёной степени доктора архитектуры. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dissercat.com/content/arkhitekturno-planirovochnoe-razvitiie-gorodov-vyatskoi-zemli-s-drevnosti-do-serediny-xviii-v> (дата обращения – 09.11.2023 г.)

2. Еговкина Л. М. Отчет об археологических разведках на Средней Вятке в 1957 г. // Архив КОМК. НВ-75-40.

3. Макаров Л. Д. Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Котельнического района Кировской области, проведенных летом 1982 г. Т. 1. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 153.

4. Перевошиков С. Е. Отчет о разведочных работах, проведенных в 1988 г. в Котельническом районе Кировской области. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 266.

5. Ютина Т. К. Отчет о разведке в Свечинском, Котельническом районах Кировской области, в Осинском и Частинском районах Пермской области, проведенных летом 1976 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 48.

УДК 902

**ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ПО БОЛЬШЕПАМЪЯЛСКОМУ МОГИЛЬНИКУ НА
ОСНОВАНИИ РАСКОПОК 2023 ГОДА**

© *Воронов Всеволод Вячеславович, Щеглов Сергей Владимирович*
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Научный руководитель – д.и.н., заведующий кафедры всеобщей истории МарГУ
Зеленев Юрий Анатольевич

Аннотация. Статья посвящена результатам раскопок на территории объекта археологического наследия «д. Большие Памъялы. Могильник» в 2023 году. Представлена характеристика погребального обряда и инвентаря погребений.

Ключевые слова: грунтовый могильник, погребальный обряд, погребальный инвентарь, Большие Памъялы, мари.

В мае-июне 2023 года археологическая экспедиция УНАЭЦ МарГУ провела охранно-спасательные археологические раскопки объекта культурного (археологического) наследия на территории выявленного объекта археологического наследия «д. Большие Памъялы. Могильник» на месте строительства объекта «Основная общеобразовательная школа на 60 мест с дошкольной группой на 20 мест в дер. Большие Памъялы Килемарского муниципального района Республики Марий Эл».

В географическом отношении участок находится в западной части республики Марий Эл в зоне хвойно-широколиственных лесов, на правом берегу реки Наля (левого притока Рутки), в 16 км на юго-запад от административного центра Килемарского района – пгт. Килемары, в центре села Большие Памъялы.

Согласно историческим сведениям (Килемарский район: Сборник документальных очерков, 2005, с. 150), д. Большие Памъялы образована в 40-е годы XX века, в результате разделения д. Памъялы на деревню Большие Памъялы и Малые Памъялы. Деревня Памъялы была образована в конце XVIII в. В 1887 году относилась к приходу Покровской церкви, которая была построена в 1866 году в с. Кумья.

По сведениям старожилов, рядом с деревней ранее располагалась молельная роща: «Посередине поля, расположенного рядом с деревней, в низменном месте находилась молельная роща, которую посещали только язычники. На этом месте имеется ключевой источник» (Килемарский район: Сборник документальных очерков, 2005, с. 151).

Участок, исследованный в 2023 г., частично входит в территорию, на которой был расположен раскоп Соловьева Б. С. 2022 г. Тогда были исследованы траншеи общей площадью около 100 кв. м и выявлено 18 объектов и 4 погребения. Материалы из этого раскопа относятся к одному этапу и позволили датировать время существования данного могильника XVIII вв.

Цель данной работы – ввод в научный оборот массива археологического материала, полученного в ходе раскопок, приведение черт погребального обряда Большепамъяльского могильника и классификация погребений.

В раскопе 2023 года основная его часть была заполнена балластным слоем, представленным кирпичным ломом, насыпью, бытовым и строительным мусором. В

целом пласт 1 сложен темно-серым суглинком с включением балластного слоя. Уже после снятия первого пласта был осуществлен выход на пятна могильных ям, представленных по наполнению супесью с включениями материкового песка, коричневого суглинка и древесного тлена. Захоронения совершены в индивидуальных ямах прямоугольной формы. Фрагментарно некоторые погребения были выявлены и на 2 пласте, который снимался уже после выборки погребений, выявленных на 1 пласте.

На уровне 3 пласта на всей площади раскопа была выявлена материковая поверхность, представляющей собой серо-желтый песок с прослойками материкового суглинка.

Погребальные ямы с вертикальными стенками и плоским дном. Преобладает западная ориентация покойных. Стоит отметить, что западная ориентация появляется и укрепляется в истории культуры народа мари с распространением христианской веры и развитием связей с русскими (Никитина, 1992, с. 41).

По способу захоронения отмечена исключительно ингумация. Умерших укладывали на спину в вытянутом положении, руки вдоль тела или скрещены в области живота или груди. Череп погребенного чаще всего положены лицевым сводом вверх.

Захоронение умершего производилось: без погребальной конструкции или в погребальной конструкции аналогичной более ранним могильникам периода конца XVI – начала XVIII вв. (Никитина, 2002, с. 65). Конструкция представляла собой раму из двух или, реже, из четырех досок, поставленных на ребро. В случае установки торцевых досок, они более заглублены в землю и иногда могут являться опорой для дощатой крышки. Крышка гроба (там, где можно было ее проследить) оседала на скелет погребенного и прослеживалась лишь в виде древесного тлена на костяке. По этнографическим данным, доски устанавливались, когда тело уже было уложено в погребальную яму (Зеленин, 1915, с. 837.). Нередко на дне могильной ямы фиксируется еловая подстилка, чаще из ветвей пихты, которая у марийцев по этнографическим наблюдениям, выступает как хранители домашнего очага (Смирнов, 1889, с. 140).

Погребальный инвентарь на могильнике обладает яркой этнической выразительностью, вместе с этим он однообразен, т.е. типичный для марийских захоронений (Шапран, Сенникова, 2014, с. 18). В инвентарь входят украшения, орудия труда, оружие и вещи бытового обихода. Он четко делится по половому признаку. В женских погребениях присутствует комплекс женских украшений, к которому относятся накосники-юпинэ, нагрудники, украшенные пробитыми монетами-чешуйками и бисером, сьюльгамы, перстни. Эти находки являются наиболее значимыми что связано с тем, что элементы костюма являются этномаркирующим признаком. В мужских погребениях встречаются предметы хозяйственного обихода – топоры, ножи, кресала, кочедыки. Все эти предметы относятся к марийской культуре и являются маркерами марийского компонента в исследуемом могильнике.

Основываясь на выделение Т. Б. Никитиной «по наличию или отсутствию инвентаря, по его качественному и количественному разнообразию» (Никитина, 1992, с. 30) на Большепамъяльском могильнике из 301 погребения можно определить пять групп захоронений:

I группа объединяет погребения с орудиями труда и оружием; орудиями труда и немногочисленными украшениям (обычно перстни и пряжки) – 24%. Это мужские захоронения.

II группа объединяет погребения с украшениями, но в них не исключены находки ножей. Это женские и детские захоронения, на Большепамъяльском могильнике это 23%.

Между I и II группами промежуточное положение занимает группа захоронений, содержащих орудия труда и не единичные украшения. Половозрастную принадлежность

этих захоронений без антропологического анализа определить невозможно. На могильнике к данной группе можно отнести 3%.

К III группе относят погребения только с одним ножом или монетами 17%. Половозрастную принадлежность по погребальному инвентарю определить невозможно.

В IV группу выделены захоронения с крестами – 20%, они различны по половозрастной категории. Тут же стоит отметить особенность Большепамъяльского могильника: встречаются погребения как полностью христианизированного типа, так и переходного «новокрещенского» типа (вместе с инвентарем, обладающим ярко выраженной этнической принадлежностью, в погребении находится крест), «новокрещены» в процентном соотношении представляют 8% от общего числа погребений.

Отдельно стоит упомянуть погребения без погребального инвентаря, и погребения без сохранившегося костяка и без инвентаря, составляют данные категории погребений 10% и 3% от общего количества погребений, соответственно.

В большинстве погребений присутствуют медные монеты XVIII-XIX вв., которые позволяют датировать погребения. В некоторых случаях прослежены плохо сохраняющиеся остатки одежды (в частности, такие ее детали, как пуговицы) и кожаной обуви.

Полученные к настоящему времени материалы, в особенности, широкий нумизматический комплекс, относятся к одному этапу. Все сделанные находки позволяют датировать время существования данного могильника XVIII-XIX вв.

Раскопки на территории Большепамъяльского могильника в д. Большие Памъялы в 2023 году существенно дополнили данные как о погребальном обряде мари, так и о материальной культуре XVIII – первой половины XIX века населения Марийского края.

Библиографический список

1. Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Петроград, 1915. Вып. 2. 987 с.
2. Килемарский район: Сборник документальных очерков. / науч. ред. К. Н. Сануков. Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, Администрация муниципального образования «Килемарский район», 2005. 304 с.
3. Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889. 212 с.
4. Никитина Т. Б. Марийцы: (конец XVI – начало XVIII вв.): по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 159 с.
5. Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): Монография. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
6. Оруджов Э. И. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на объекте археологического наследия «д. Большие Памъялы. Могильник» в д. Большие Памъялы в Килемарском районе Республики Марий Эл // Архив УНАЭЦ МарГУ, 2023. 737 с.
7. Шапран И. Г., Сенникова Л. А. Вятские марийцы в XVI-XVIII вв. (по материалам Кадачниковского могильника). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Том 28., Ижевск, 2014. 248 с.

УДК 904:391(470.51-25) (045)

ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 1141 ТРОИЦКОГО (НАГОРНОГО) КЛАДБИЩА Г. ИЖЕВСКА

© Данилова Карина Владимировна, Смердова Валерия Андреевна
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Научный руководитель – к. и. н., доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Перевозчикова Светлана Александровна

Аннотация. Исследование посвящено описанию фрагментов одежды и обуви из погребения №1141 Троицкого (Нагорного) кладбища Ижевского заводского поселения 1810-1930-х гг., выявленного в ходе археологических работ 2013 года. В работе описан погребальный костюм из могилы №1141, определено назначение найденных фрагментов тканей и кожи, предложена реконструкция головного убора и кожаных сапог.

Ключевые слова: Ижевск, Ижевское заводское поселение, Троицкое (Нагорное) кладбище, погребение, погребальный костюм, одежда, обувь, описание, реконструкция.

Троицкое (Нагорное) кладбище функционировало в период с 1810 по 1930-е годы. Оно являлось основным поселенческим кладбищем Ижевского заводского поселения. Уже позже, вследствие быстрого роста городской застройки, было принято решение об открытии нового кладбища. В 1960-1970-е годы на территории кладбища был построен спортивный комплекс «Зенит». В настоящее время территория некрополя является частью центрального района города Ижевска.

В 2007 году Троицкое (Нагорное) кладбище было поставлено на учет как вновь выявленный объект археологического наследия «Троицкое (Нагорное) кладбище г. Ижевска». С этого же года начинается систематическое изучение памятника археологии (исследования И. Ю. Пастушенко (2007-2009 гг.), В. А. Бернц (2013 г.), Т. А. Цыгвинцевой (2013-2015 гг.), О. А. Карпушкиной (2017 г.), С. А. Перевозчиковой (2019-2023 гг.). За весь период изучения Троицкого кладбища было выявлено и изучено 2632 погребения (Перевозчикова, 2020, с. 7).

Наибольшее количество могил (1382 погребения; № 741-2122) выявлено в 2013 г. во время спасательных археологических работ под руководством В. А. Бернц (Карпушкина, 2018, с. 12-13). Из них 102 погребения с остатками одежды и 96 с сохранившимися фрагментами обуви.

В данной статье представлен погребальный костюм из могилы №1141. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на запад в деревянной погребальной конструкции. В конструкции гроба было найдено 20 железных гвоздей. Согласно антропологическому определению И. Г. Широбокова (к. и. н., с. н. с. Музея им. Петра Великого (Кунсткамера)) в захоронении были обнаружены останки мужчины 20-25 лет. В области головы обнаружены фрагменты головного убора; на костях грудной клетки умершего был зафиксирован ряд из 5 деревянных пуговиц. В области ног найдены фрагменты кожаной обуви.

От головного убора найдено дно головного убора (27x31 см) с тульей, два фрагмента длинных прямоугольных полос околыша (30x4 см и 24x4 см). Обнаружены фрагменты из кожи: две кожаные полосы (каждая по 7x1 см), на одном конце концах которых сохранились следы окисленных медных пуговиц. Также найден кожаный фрагмент прямоугольной

формы со скругленными краями, размерами 6,7х3 см. Фрагменты кожи, возможно, являются подбородным ремешком, который располагается в передней части головного убора на околыше. Сохранились места швов и подгибы. Хорошая сохранность фрагментов, четкость мест швов и подгибов позволяет предположить внешний вид головного убора и определить его как фуражку. Отсутствие козырька может объясняться двумя причинами. Во-первых, он не сохранился, а во-вторых, наличие головного убора без козырька – кивера (рис. 1).

Умерший был одет либо в рубашку, либо в китель, так как в области грудной клетки и живота фиксируется ряд из 5 деревянных пуговиц, покрытых черной краской.

На ногах умершего сохранились сапоги. Обувь была сшита из кожи черного цвета. Конструкция сапог состояла из двух частей – цельнокроеное голенище и носовая часть. Носовая часть имела язычок в подъемной части и пришивалась к фрагменту голенища. Шов на голенище проходил сзади. По определению А. Г. Меньшикова (к. б. н., директор Естественно-научного музея УдГУ) обувь была сшита из телячьей кожи. Сапоги имели подошву и небольшой каблук, высотой 1,5 см.

Исходя из вышеперечисленного, погребальный костюм умершего из погр. №1141 состоял из головного убора типа фуражки, нательной рубашки или кителя с деревянными пуговицами и кожаных сапог.

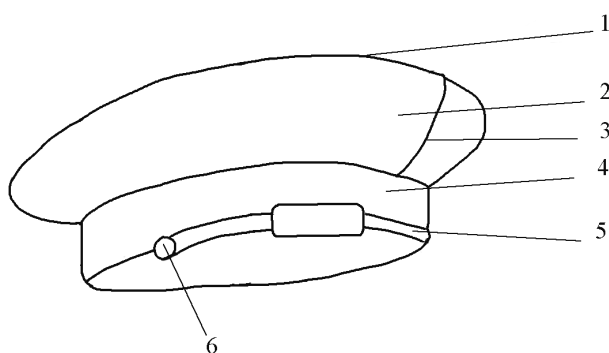

Рис. 1. Схематичное изображение головного убора из погр. 1141: 1 – дно, 2 – тулья, 3 – шов, 4 – околыш, 5 – подбородный ремешок, 6 – пуговица

По одежде в редких случаях можно предположить социальный статус и род деятельности погребенного при жизни. Головной убор, найденный в погребении №1141 идентичен с головными уборами военнослужащих и чиновников. По обуви также сложно определить социальное положение погребенного. Можно лишь предположить, что в могилах, где были обнаружены сапоги, вероятнее всего, были захоронены

люди с большим достатком, так как в XIX – начале XX века не каждый человек мог позволить себе купить и тем более «похоронить» качественные кожаные сапоги из толстой телячьей кожи. Захоронение в служебной или военной форме на Троицком (Нагорном) кладбище зафиксировано еще в нескольких погребениях.

Библиографический список

1. Карпушкина О. А., Бернц В. А., Вязников А. М., Митряков А. М., Перевощиков С. Е., Пастушенко И. Ю., Сабиров Т. Р., Широбокова Н. Ф., Шишкина Н. Ф., Широбоков И. Г., Емельянова А. Ю., Хайруллина О. Ф. Спасательные раскопки на Троицком (Нагорном) кладбище Ижевска // Археологические открытия в Удмуртии 2017. Ижевск, 2018. С. 12-13.

2. Перевозчикова С. А. Спасательные археологические работы на территории Удмуртской республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2019. Памяти М. Г. Ивановой и А. Ю. Емельяновой. Ижевск, 2020. С. 7.

УДК 902.26

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ТИПОВ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В БАССЕЙНЕ Р. ВЯТКИ

© Дубровский Иван Алексеевич

Вятский Государственный Университет, г. Киров

*Научный руководитель – заведующий НИ археологической лаборатории
Кайсин Алексей Олегович*

Аннотация. Статья исследует связи и зависимости между геологическими, почвенными, рельефными условиями и распространением археологических объектов в Кировской области. В работе анализируется расположение различных типов памятников относительно почвенной и геологической карт региона, выявляются особенности расселения древнего населения в различные эпохи.

Ключевые слова: геоинформационные системы, Кировская область, археологические памятники, ГИС-анализ.

В России ГИС-анализ в археологии впервые стал применяться уже в начале 2000-х гг (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 60-62). Локальные ГИС исследовали распространение группы памятников на ограниченной территории, учитывая палеоклиматические условия конкретных местоположений памятников. Современные исследования используют открытые ГИС-программы (QGIS) для пространственного анализа плотности памятников, корреляции геологического и почвенного ландшафта с расположением памятников (Плац, 2022, с. 339-354).

В ходе работы использовалась свободная платформа QGIS, в которую были занесены почвенная и геологическая карты из атласа Кировской области (Бушмелев, 1968, с. 5, 14). За основу бралась цифровая археологическая карта Кировской области, которая содержит в себе 1470 объектов археологического наследия (Дубровский, Пушкова, 2023, с. 204-205).

Самые ранние типы памятников – стоянки (169 памятников) – существовали уже во вторую половину бореала – первую половину атлантического периода (VIII тыс. до н. э.). Так как большинство стоянок находится на первой надпойменной террасе р. Вятки и ее притоков (Кильмези, Чепцы, Быстрицы, Моломы, Пижмы) высотой 3-9 м, геологические отложения представлены современными речными отложениями пойменной террасы, однако часть памятников располагается на элювиально-делювиальных песочно-глиняных отложениях. Памятники располагаются на пойменных, а также дерново-среднеподзолистых почвах (песчаные и глинистые по механическому составу). Большинство памятников располагаются в районе Средней и Нижней Вятки.

Селища Кировской области (174 памятника), как правило, однослойны, они находятся на высоких мысах р. Вятки и на коренных берегах ее небольших притоков, а также на пологих надпойменных террасах. Группы памятников локально расположены на Средней и Нижней Вятке: на Средней Вятке почвы пойменные, дерново-слабо- и среднеподзолистые, песчаные и глинистые по составу; Нижняя Вятка примечательна дерново-карбонатным, светлосерым и серым лесным типами почв. Геологические отложения были образованы в среднечетвертичный период, они представлены водно-ледниковыми (флювиогляциальными)

и элювиально-делювиальными отложениями песка, гравия и глины. Особняком стоят находящиеся на берегах р. Камы селища Афанасьевского района, их памятники располагаются на супесчаной дерново-слабоподзолистой почве и среднечетвертично-современных песчано-глинистых элювиально-делювиальных отложениях.

Геологические и почвенные условия распространения могильников (103 памятника), в целом, сходны с расположением селищ. Большинство могильников грунтовые (98), но встречаются и курганы (11). Грунтовые могильники находятся на невысоких подтреугольных или подчетыреугольных мысах или террасах коренного берега р. Вятки и ее притоков. Группа могильников в Унинском и Фаленском районах отличается от прочих памятников своим размещением на дерново-подзолистых почвах со вторым гумусовым горизонтом. Курганы расположены в южной части Кировской области, принадлежат к памятникам на светлосерой и серой лесной почве.

Возведение укреплений на поселениях связано с появлением нового типа памятников – городищ (98 памятников), они впервые распространились в раннем железном веке и средневековье. Обычно эти памятники основывались на подтреугольных или подчетыреугольных мысах коренных берегов р. Вятки и ее притоков высотой 10-40 м. В ранних городищах вал и ров были невелики (1-2 м), но с постепенным ростом памятника вал обрастал новыми слоями и увеличивался в размерах (до 9 м). Городища на Каме основаны на дерново-слабоподзолистых супесчаных, дерново-сильноподзолистых глиняных и пойменных почвах, материком являлись песчаные или глиняные отложения. На востоке области залегают суглинистые дерновоподзолистые почвы со вторым гумусовым горизонтом. В северных районах области (Лузский, Подосиновский и Верхнекамский) преобладают болотные, подзолы и сильноподзолистые почвы, отложениями являются продукты выветривания коренных пород, а в южных – светло- и темносерые лесные почвы.

Многослойные поселения (163 памятника), в основном, являются памятниками эпохи камня или бронзы, которые были повторно заселены в ранний железный век или средневековье. Группы памятников занимают мысы коренных берегов рр. Вятки и Камы высотой 6-18 м, их притоков, надпойменные террасы, и пойменные песчаные дюны. Большинство поселений расположены в зоне пойменных, дерново-слабо- и средне-подзолистых почв песчаного, супесчаного или глиняного механического состава. Материком на данных памятниках будут песок и глина.

Местонахождения, находки отдельных археологических предметов (743) составляют половину от всего количества археологических объектов. Несмотря на то, что они не являются памятником археологии, группы данных точек позволяют нам выявлять очаги обитания древнего населения, предполагать возможную дислокацию еще не выявленных памятников. Крупные скопления местонахождений находятся в Шабалинском, Котельничском, Афанасьевском, Пижанском, Яранском, Санчурском, Кикнурском, Советском, Уржумском и Кильмезском районах.

Проанализировав особенности распространения памятников относительно почвенного и геологического состава территории Кировской области, можно обобщить полученные данные. Во-первых, большинство известных на данный момент археологических памятников находится в среднем и нижнем течении Вятки, значительная часть из них располагалась на крупнейших притоках – Кобра, Молома, Пижма, Шошма, Уржумка, Чепца, Быстрица, Воя и Кильмезь. Отдельной группой здесь выделяются памятники Афанасьевского района, которые принадлежат к бассейну р. Камы. Во-вторых, в северных районах области практически отсутствуют памятники археологии, что объясняется как отдаленностью от

главной речной артерии, так и недостаточным изучением этих районов. Четвертичные отложения (материк), в основном, представлены современными пойменными отложениями, песчаными и глиняными осадками. Почвенная карта показывает, что большинство памятников располагаются на разной интенсивности дерново-подзолистых, серых лесных и пойменных почвах (рис. 1: 1, 3).

Используя подобные наложения, исследователь может с другой стороны посмотреть на проблему пространственного расположения объектов археологии, корреляции с характеристиками местного геологического и почвенного ландшафтов.

Библиографический список

1. Атлас Кировской области // Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Под ред. Г. А. Бушмелева. Москва, 1968. 38 с.

2. Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С. Древности Кисловодской котловины. Москва, 2004. Изд.: Научный мир. 240 с.

3. Дубровский И. А., Пушкова А. А. Цифровая археологическая карта Кировской области // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Ижевск, 1-3 февраля 2023 г. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2023. С. 204-205.

4. Плац И. А. Свод археологических памятников северо-востока Кузбасса: опыт пространственного анализа в ГИС // Развитие – 2022: Кемерово, 11-13 мая 2022 года. Изд. Кемерово: ФИЦ УУХ СО РАН, 2022. С. 339-354.

Расположение археологические памятники Кировской области на почвенной карте

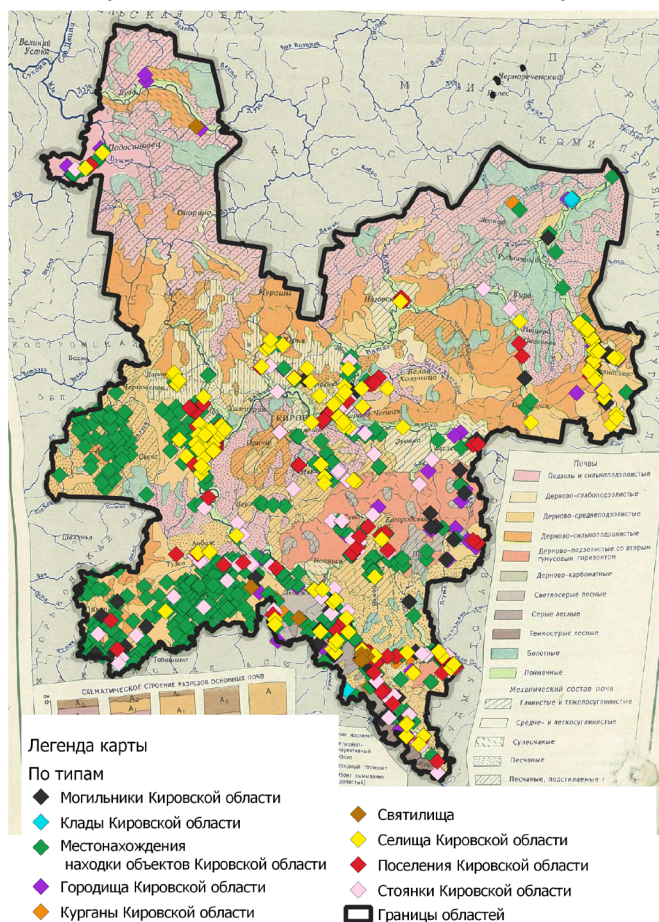

Рис. 1. Расположение различных типов памятников Кировской области на почвенной карте.

УДК 903.24

МУЖСКОЙ НАБОРНЫЙ ПОЯС В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ И ЯКУТОВ XVIII-XIX ВВ.

© *Жанатаев Диас Кумырбаевич*

Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры всемирной, отечественной истории, археологии, этнологии исторического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова Яковлева Капитолина Максимовна

Аннотация. В данной статье автором предпринята попытка провести сравнительно-типологический анализ мужских наборных поясов казахов и якутов (саха) XVIII-XIX вв. и выявить общие сходства и различия.

Ключевые слова: пояс, наборный пояс, казахи, якуты (саха), XVIII-XIX вв.

Мужской пояс в традиционной культуре казахов и якутов является неотъемлемым элементом средневекового и парадного костюма. За время своего существования пояс претерпел ряд визуальных и функциональных изменений, но по-прежнему остался важным атрибутом ношения и по сей день. Структурные особенности как казахского, так и якутского пояса позволяет определить его как наборный пояс, т. е. состоящего из органической основы, металлических компонентов и подвесного инвентаря (Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015, с. 121). В основе традиционного пояса стояли 3 основные функциональные задачи: утилитарная, семиотическая, социальная. Утилитарная (практическая) задача была определена фиксацией костюма и подвешиванием оружия, сумочки и т. д. Задача семиотической части заключалась в защите владельца от воздействия темных сил, посредством декора на металлических элементах и подвешивания поясных украшений. Социальная задачи определялась демонстрацией пояса, как показателя социального статуса владельца (Добжанский, 1990, с. 45-50).

Началом ношения пояса среди детей и подростков у казахов и якутов служило своего рода обрядом инициации, т. е.: у якутов пояс надевался на мальчика когда он самостоятельно садился в седло (Павлинская, 2006, с. 306); а у казахов опоясывание происходило в подростковом возрасте 13-15 лет, и только после этого подросток переходил в следующую возрастную период (Жанатаев, 2023б, с. 107-109). В обоих случаях данное действие означало началом мужского становления и полноценной трудовой деятельности.

Бесспорно общей тенденцией развития выступает наличие двух близких по структурным особенностям типов поясов (рис.1):

А) у якутов: I – широкие пояса (не превышают 6-7 см), II – узкие пояса (3-4 см) (рис.1: 1, 2) (Павлинская, 2006, с. 310-311);

Б) у казахов: I – широкие пояса с пряжкой (7-8 см), II – узкие пояса к застежкой-крючком, которые по замечанию автора более распространены (2,5-4 см) (рис.1: 3, 4) (Жанатаев, 2022, с. 52).

Пояса якутского I-го и II-го типа сосуществовали совместно друг с другом и по конструкции разделялись на цельные и составные. Преимущественно пояса I-го типа (широкие) были цельными, а II-го типа (узкие) составными. Узкие пояса изготавливались

двух или трех фрагментов кожи, соединенных при помощи металлического кольца, которое продевалась через широкие дужки крайние металлические накладные пластины. Подобная конструкция придавала поясу эластичности (Павлинская, 2006, с. 313). Похожие конструкционные особенности имели и казахские наборные пояса, единственное различие – это отсутствие составной конструкции у узкого типа поясов (были исключительно цельными) (Жанатаев, 2022, с. 50-52).

Материалом для изготовления поясов у казахов и якутов служила коровья или конская кожа. Основой у якутского пояса служила двойная кожаная полоса, сложенной пополам и прошита швом вдоль по центру. Шов мог проходить как по лицевой, так и по тыльной стороне, т. е. это зависело от расположения металлических фурнитуры на поясе. Если бляшки и пластины находились на расстоянии друг от друга, тогда шов проходил на тыльной стороне. Противоположная структура была если на лицевой стороне пояса установлен сплошной ряд накладных пластин, в таком случае шов проходил по лицевой стороне (Павлинская, 2006, с. 308-310). Аналогично изготавливался наборный пояс казахского производства, но с рядом различий: а) пояс мог состоять из 2-5 слоев; б) в некоторых случаях прошивался не по центру, а по верхнему и нижнему краю; в) вне зависимости от расположения шва металлическая фурнитура устанавливалась в удаленности друг от друга. В казахском варианте для шва служили жильные нитки (Жанатаев а, 2023, с. 443-444).

Рис. 1. 1 – Широкий якутский пояс. Кожа, серебро, конец XIX в. Взято у Павлинской Л. Р. (Наборные пояса в культурах Сибири середины XIX – начала XX вв.), 2 – Узкий якутский пояс. Конец XIX - начало XX вв. РЭМ. Коллекция: Культура народов Сибири и Дальнего Востока. Коллекционный номер: РЭМ 7200-201, 3 – Казахский широкий мужской пояс. Фото авторское., 4 – Казахский узкий (охотничий) пояс из коллекции кунсткамеры. МАЭ No 403-9/с

Особое внимание заслуживает и способ застегивания поясов. Широкие якутские пояса застегивались на стальные пряжки с подвижным язычком, которые прикреплялись к крайним накладным металлическим пластинам. Сами пряжки устанавливались на обоих концах пояса, а через них пропускались специальные узкие ремешки, пришитые к поясу с внутренней стороны. Пояса узкого типа имели две пряжки восьмигранной формы на обоих концах, т. е. они и вставляются друг в друга (рис.1: 2) (Павлинская, 2006, с. 316). Казахские широкие пояса застегивались аналогично через пряжку с язычком, а узкие в отличии от якутских соединялись посредством крючка. (Жанатаев, 2022, с. 444-445).

К наборному поясу казахов и якутов подвешивался необходимый инвентарь, который регламентировался временем и условиями проживания. Первоначально на поясе носились налучье с луком, колчан со стрелами, нож с ножнами, амулеты, огниво и сумочка с наполнением (огнива, сало, точильный камень и т. д.), а позднее подвешивалась пороховница.

Однако с поступлением на вооружение ружей и их активным применением в конце XIX в. лук и стрелы вышли из основного употребления. Поясной инвентарь подвешивался двумя основными способами: 1) посредством колец, которые продевались в дужки металлических накладных пластин; 2) через специальные подвесные ремешки продетые и пришитые по нижнему краю пояса (не получил широкого применения с якутов) (Павлинская, 2006, с. 317-320). У казахских поясов распространение получил второй способ подвешивания (Жанатаев, 2022 а, с. 445).

Определенное сходство наблюдается в способе крепления накладных пластин на кожаную основу пояса. Установка металлической накладной пластины осуществлялось при помощи штырька или шпеньков, которые продевались в отверстие пластины с внешней стороны пояса и расклепывался с внутренней, что позволило плотно закрепить их (Павлинская, 2006, с. 322).

Украшение пояса различными металлическими, деревянными, кожаными и тканевыми элементами является важным аспектом атрибутики. Представители народа саха (якуты) украшали пояса медью и золотом, но более широко применялось и серебро. Примечательно, что узкие пояса украшались медью, а широкие только серебром. Украшение пояса медью, железом, серебром и золотом имеет свою семиотическую нагрузку, что олицетворяет мифологические, мистические и религиозные верования якутов. Золото является олицетворением солнца, Верховного божества, Мирового древа, священной птицы, небесного огня, стихии света, а также и мужское начало (оплодотворение). Серебро представляет символ верхнего мира, но семиотически связано с ночным небом, луной, а иногда с женским началом (порождением). Медные изделия олицетворяют Земной мир и является маркером духов-предков, духов-хозяев земли и теллурических божеств. Железные атрибуты в свою очередь выступают символом подземного мира. Однако, в некоторых случаях металлы могут принимать на себя функциональные и смысловые нагрузки другого металла, т. е. медь – золото, серебро – железо и наоборот (Павлинская, 2006, с. 323-324). Похожая тенденция наблюдается у казахских поясов, но уклон украшений имеет более специфический характер. Пояса у казахов зачастую украшены национальными орнаментами, а некоторых случаях имеют надписи (имена владельца или мастера, год исчисления, тамгу и т. д.).

Подводя итоги, автор исследования наблюдает определенное сходство между казахскими и якутскими наборными поясами. Автор склонен считать, что подобное явление объясняется наличием и влиянием компонента общетюркской культурой. Однако анализ показал, что имеются и различия, которые вполне вероятно показывают локальные пути развития пояса в рамках традиционной культуры казахов и якутов. По мимо этого автор склонен считать, что существенное влияние на наборный пояса, а именно сходства и различия оказал кочевой образ Северных и Центральноазиатских кочевников. Вкратце представлен не полный объем сравнительно-типологического анализа. В рамках работы автор сосредоточил основное внимание на таких факторах: значимость, типология, материал и технология изготовления, составные элементы, поясной инвентарь и декор. Полноценное изучение казахских и якутских наборных поясов требует более масштабного исследования.

Библиографический список

1. Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии // Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
2. Жанатаев Д. К. Боевой пояс казахов: к вопросу изучения / Д.К. Жанатаев // Қазақстан – менің Отаным = Казахстан – мое Отечество: Қазақстан Республикасының тәуелсіздігіне

арналған VIII Респ. студ. ғыл.-тәжір. конф. материалдары. 2022. С. 50-53.

3. Жанатаев Д. К. К вопросу о преемственности общих элементов боевых поясов кочевников Казахстана // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия» Новосибирск, 2023. С. 443-445.

4. Жанатаев Д. К. Боевой пояс ранних кочевников Казахстана: к постановке проблемы Всероссийской с международным участием научная конференция «LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых» (УПАСК) г. Ижевск, 2023. С. 107-109.

5. Павлинская Л. Р. Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2006. 344 с. (Сборник МАЭ. Т. LI).

6. Тишкин А. А., Матренин С. С., Кунгуров А. Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка I // Российская археология. 2015. №1. С. 121-135.

УДК 904

ИЖЕВСКОЕ КИРПИЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО XIX-XX ВВ. НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ «ИЖЕВСКИЙ ЗАВОД»

© Ларин Егор Олегович

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Научный руководитель – к. и. н., доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Перевозчикова Светлана Александровна

Аннотация. В статье рассматривается ижевское кирпичное производство в XIX-XX вв. с помощью методов измерения и описания археологического материала, типологического метода сравнения, методов синтеза и обобщения полученной информации. Анализ материала и его связей с кирпичными заводами позволяет узнать больше о состоянии производства о характере и этапах застройки всего Ижевского поселения.

Ключевые слова: новое время, Ижевский завод, кирпичное производство, городская археология, застройка.

Объект историко-культурного (археологического) наследия «Поселение «Ижевский завод» (середина XVIII – начало XX в.) расположен на территории Октябрьского и Первомайского районов г. Ижевска, на левом берегу р. Иж. Территория памятника ограничивается набережной Ижевского пруда, пер. Широкий, улицами М. Горького, Красногеройская, К. Маркса, Бородина, В. Сивкова, Ленина. В 2020-2022 гг. С. А. Перевозчиковой и Е. М. Черных были проведены археологические раскопки в южной части выявленного объекта, в кварталах, ограниченных улицами М. Горького, Пастухова, К Маркса и К. Либкнехта. Ими были изучены жилые и хозяйственные объекты конца

XVIII – середины XX в. Учеными были изучены несколько типов объектов, в том числе остатки кирпичных фундаментов деревянных строений.

Кирпичей с идентифицируемыми клеймами дореволюционного периода было обнаружено 24 в различных сооружениях.

Год	ВК	МП, КЗП	ЕИБ	ВММ	Всего
2020	2	2	0	1	5
2021	1	8	7	0	16
2022	1	1	0	1	3
Всего	4	11	7	2	

Таблица 1. Количество кирпичей с клеймами

Клеймами чаще всего служили сокращения от названия завода или инициалы владельца завода в случаях частного производства.

МП, КЗП – Михаил Порсев, Кирпичный Завод Порсева. Кирпич произведен в Ижевске на заводе Михаила Петровича Порсева. Подрядчики Порсевы имели кирпичный завод и были поставщиками строительных материалов на Ижевский завод. Кирпичный завод изначально числился за Петром Григорьевичем Порсевым, а в 1905 г. был записан за его сыном Михаилом (Коллекция кирпичей..., 2023).

Завод Порсева был основан в конце XIX в. и находился в районе «березинских барачков», соседствовал с кирпичным заводом Владимира Килина (Севрюков, 1972, с. 37).

Таким образом, кирпич с клеймами «МП», «КЗП», скорее всего, датируется 1890-1917-ми годами.

ВК – Владимир Килин. Владимир Константинович Килин родился 5 июля 1872 г. в семье мастера-оружейника Константина Егоровича Килина из сословия мещан-разночинцев. Его дедушкой был Адриан Никандрович Евдокимов – известный ижевский фабрикант и оружейник. Владимир закончил Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства, имел чин младшего унтер-офицера запаса. После учебы вернулся в Ижевск и работал в управлении лесного хозяйства ижевских заводов (Алексеева, 2009, с. 102).

Получив наследство жены, Владимир Килин купил землю у д. Русская Карлутка Нагорной волости Ижевского заводского поселения. Там он построил «кирпичные сараи», где каждый сезон рабочие делали и обжигали кирпич. Кирпич был плотный, звонкий, сделанный на совесть. Продукция имела большой спрос, завод получал 10 тысяч рублей годового дохода. Из «килинского» кирпича были построены жилые дома ижевцев, пивоваренный завод Ивана Ивановича Бодалева и кинотеатр «Фурор» на Троицкой (соврем. – Советская), на втором этаже которого жила семья Килиных. Предприниматель снабжал своей продукцией также Ижевский оружейный завод.

Кирпичный завод находился недалеко от деревни Русская Карлутка, на пересечении переулков Широкий и Четырнадцатой улицы (соврем. – Удмуртская). Официально завод именовался «Кирпичным заводом Ижевского Нагорного общества», был основан в начале XX в., а уже к 1907 г. имел годовое производство в 7500 руб (Лигенко, 2014).

Таким образом, кирпич с клеймом «ВК», скорее всего, датируется 1900-1917-ми годами.

ЕИБ – Егор Иванович Бодалев. Родился Егор Иванович в с. Ловцы Зарайского района Рязанской губернии. В 1883 году в Сарапуле был оформлен самостоятельным купцом 2-й гильдии, а позже перебрался с семьей в Ижевск, где проживал на улице Базарная (соврем. –

М. Горького) (Лигенко, 2018, с. 33). Основным занятием Е. И. Бодалева официально числилась «винно-колониальная торговля».

Под конец XIX века открыл ещё и магазин охотничьих ружей, и кирпичное промышленное производство. Годовое производство кирпичного завода на 1905 год составляло 300 тыс. штук кирпича, сумма производства – 3600 руб. (Лигенко, 2018, с. 36).

Таким образом, кирпич с клеймом «ЕИБ» датируется 1880-1917-ми годами.

ВММ – По мнению доцента кафедры компьютерных технологий и художественного проектирования Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета М. В. Курочкина, данное клеймо, могло принадлежать заводу сарапульских мясчан Мошечевитиных. По альтернативной версии кирпич произведён на заводе сельского обывателя В. М. Мерзлякова, который имел «кирпичные сараи» и числился подрядчиком Ижевского оружейного завода.

Сарапул достаточно рано в сравнении с Ижевском перешел на застройку каменными зданиями, поэтому проблема кирпичного производства была для города актуальной. Для Мошечевитиных это стало семейным делом. Так, в 1856 году в Сарапуле было три кирпичных завода, в 1879 году – два, а в 1914 году – пять (Федорченко-Шемякина, 1993, с. 21-23).

О В. М. Мерзлякове мало что известно, но архитектурное бюро Ижевского оружейного завода рассматривало его в числе подрядчиков наравне с упомянутым ранее Михаилом Порсевым. В пользу версии принадлежности клейма к его заводу говорит также и место проживания Мерзлякова – Ижевское заводское поселение.

Таким образом, кирпич с клеймом «ВММ» может датироваться второй половиной XIX – началом XX веков.

Все рассмотренные кирпичи с клеймами были произведены на кирпичных заводах в Ижевске. Что характерно, все заводы – частные. Это может свидетельствовать о том, что дореволюционное жилищное строительство на данных кварталах велось не государственными силами (у Ижевского оружейного завода были свои кирпичные мастерские), а силами частных производств (Порсев, Бодалёв) и общественными организациями («Кирпичный завод Ижевского Нагорного общества»).

На изученных кварталах сохранилось совсем немного кирпичных фундаментов зданий, которые там находились, поэтому источник в виде материала ограничен и не представляет собой полную картину задействованного в строительстве производства. Обнаруженные кирпичи имеют клейма, в основном, местных ижевских производств. Что характерно, большинство найденных кирпичей принадлежало кирпичному заводу Порсевых – 11 штук. 7 кирпичей произведены на заводе Егора Бодалёва, но эти находки фиксировались только на раскопках 2021 года в квартале между улицами Красной, Карла Маркса и Пастухова, которые находятся дальше от исторического центра, и, возможно, застраивались позднее других кварталов.

Библиографический список

1. Алексеева Э. В. Родословная ижевских фабрикантов охотничьего оружия. XIX-XX вв. Ижевск, 2009. 183 с.
2. Коллекция кирпичей. Кирпичи Вятской губернии – [Электронный ресурс] URL: <http://www.v-smirnov.ru/pvt1.htm> (дата обращения: 30.03.23 г.)
3. Лигенко Н. П. Предпринимательские династии Камско-Вятского региона XVIII-XX вв. Книга вторая. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2018. 352 с.
4. Лигенко Н. П. Частновладельческая промышленность села Ижева во второй половине

XIX – начале XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. №3. С. 99-115.

5. Севрюков О. В. Ижевск: Краеведческий очерк. 2-е издание, исправленное и дополненное. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 1972. 271 с.

6. Федорченко-Шемякина Л. Н. Сарапульская старина. Кн. 1. Сарапул: издательство «Сарапул», 1993. 80 с.

УДК 904(470.51)''17/18''(045)

ИНВЕНТАРЬ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ БОЛЬШЕВОЛКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА «ВУЖШАЙ» XVIII-XIX ВВ.

© Манукян Нарине Андриасовна

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

*Научный руководитель – к.и.н., доцент, профессор кафедры истории Удмуртии,
археологии и этнографии Черных Елизавета Михайловна*

Аннотация. Рассматриваются особенности вещевых наборов женских погребений из могильника сер. XVIII – сер. XIX вв. Могильник принадлежал удмуртам рода-выжы Докья, уже оказавшихся под влиянием православной церкви. При этом, анализ распределения основных категорий инвентаря определенно демонстрирует наличие зависимостей от пола и возраста погребенных женщин и, возможно, статуса в обществе.

Ключевые слова: новое время, удмурты, погребальный инвентарь, женские захоронения, язычники и христиане

Погребальный обряд удмуртов сохранял языческие традиции вплоть до этнографической современности. Истоки этих традиций уходят, безусловно, в более ранние периоды истории.

Большеволковский могильник «Вужшай» располагается на территории современной д. Большое Волково Вавожского района. Ученым был известен с 1930-х годов (Смирнов, 1937). Первые разведочные работы на нем были проведены в 1960-70-х гг. В. А. Семеновым и О. П. Вотяковой: были вскрыты лишь три могилы. Территория могильника уже тогда была занята постройками сельской школы и садом. В 2020 году началось строительство новой школы; потребовалось проведение археологических спасательных работ.

Как было установлено в результате этих работ (Черных, 2020), оказались исследованы погребения северо-западной периферии кладбища с признаками как языческой, так и христианской (православной) обрядности. Из письменных источников известно, что деревня Большое Волково (Итчи-Докья) вошла в состав православного прихода, открытого в 1752 г. в с. Вавож-Можга (удалено на 12 км). В III ревизии 1762-1764 гг. удмурты д. Итчи-Докья были учтены уже как новокрещенцы (Пислегин, Чураков, 2020, с. 209).

Всего изучено 52 погребения, датируемых серединой XVIII – серединой XIX вв. Из 52 погребений 11 (21%) принадлежали захоронениям мужчин; чуть менее половины от общего количества 25 (48%) – женские погребения. Определить пол не удалось у 16 погребенных

(31%), прежде всего по причине плохой сохранности костей; 13 из них (25%) принадлежали детям.

Возраст умерших определен у 17 женских особей (68% определимых женских погребений). В 8 случаях (32%) возраст определить не удалось. Среди 17 женских захоронений одно принадлежало подростку 8-16 лет. Взрослые особи – 16 – распределяются по следующим возрастным группам (Журавлева, 2003, с. 240): 1) 17-29 лет (3 случая); 2) 30-45 лет (6 случаев); 3) 45-60 лет (7 случаев).

Лишь одно погребение женщины (30-45 лет) оказалось безынвентарным. В остальных 24 могилах присутствует достаточно выразительный вещевой материал. Это украшения (стеклянные бусы, серьги, перстни), орудия труда и предметы быта (железные ножи, железный топор, ножницы) и монеты. Монеты (53 экз.) в составе инвентаря женских погребений выявлены во всех возрастных группах. Чаще всего монеты в погребениях женщин присущи третьей взрослой группе (45-60 лет).

Следующей по встречаемости категорией вещей являлись железные ножи (в 10 погребениях из 25). Встречаются в погребениях всех возрастных групп, но преобладают в возрастной группе 17-29 лет. Ножи укладывались в ноги (в 4 случаях), в изголовье, у плеча умершего (в 3 случаях).

Женские наборы в 8 погребениях были представлены стеклянными бусами и бисером (всего 785 экз.), различной формы и цветовой гаммы, но, по-видимому, предпочтение отдавалось голубому, белому или бесцветному стеклу. Характерен для женских наборов также крупный и мелкий бисер синего, зеленого, черного и молочно-белого цвета. В 2-х погребениях с бусами возраст захороненных не установлен.

Бусы встречены в погребении подростка (8-16 лет), а также у женщин 30-60 лет. Причем максимальный набор бус – 42 экз. – обнаружен в захоронении девочки-подростка (п. 26). В захоронениях взрослых бусы единичны. Бисер найден также в сочетании с бусами в п.26 и отсутствует у женщин старше 45 лет.

Бисер и бусы являлись украшением головных уборов, таких как айшон, такья и йыршет (Манукян, 2023), а также – ожерелий. В айшоне была погребена женщина (возраст не определен), вероятно, замужняя, поскольку из этнографии удмуртов известно, что этот головной убор женщины носили после замужества. Шапочка-такья принадлежала женщине 20-30 лет. Убор, напоминающий удмуртский йыршет реконструирован в погребении женщины 35-45 лет.

Медные перстни (2 экз.) и серьги (3 экз.) найдены в захоронениях женщин самых старших возрастных групп (30-60 лет). В единственном числе найдены топор (захоронение пожилой женщины 45-60 лет) и ножницы (вторая возрастная группа, 30-45 лет).

Учитывая, что в могильнике имеются погребения с православными крестами, любопытным является факт отсутствия в женском инвентаре этого культового артефакта.

Таким образом, сопроводительный материал женских погребений Большеволковского могильника явно демонстрирует связь со статусом женщины в данном социуме.

Библиографический список

1. Журавлева Г. Н. Демография Тарасовского могильника // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы междунар. научн. конф. 6-10 окт. 2003 г. Пермь, 2003. 268 с.
2. Манукян Н. А. Реконструкция женских головных уборов удмуртов родовой группы Докья (по материалам Большеволковского могильника «Вужшай») // 300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия: Материалы

LXIII Российской (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. Новосибирск, 2023. С. 453-454.

3. Пислегин Н. В., Чураков В. С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2020. 784 с.

4. Смирнов А. П. Памятники феодального строя среди удмуртов (IX-XIII вв.). Отчет археологической экспедиции по изучению реки Валы // Записки УдНИИ. Ижевск, 1937. Вып. 7. С. 177-195.

5. Черных Е. М. Отчет о проведении спасательных археологических работ (наблюдения и раскопки) в границах земельного участка, отведенного под объект «Средняя общеобразовательная школа в д. Большое Волково Вавожского района Удмуртской Республики» весной-летом 2020 г. (выявленный объект культурного наследия «Большеволокровский могильник «Вужшай»). Ижевск, 2021 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф. 2. Д. 677.

УДК 902

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ СЫРЦОВЫХ МАВЗОЛЕЕВ НОВОГО ВРЕМЕНИ

© *Марциоха Виктор Григорьевич*

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, г. Караганда

Научный руководитель – магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры археологии и этнологии ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва

Брынза Татьяна Васильевна

Аннотация. В данной работе предпринята попытка выявления золотоордынских архитектурных традиций в сохранившихся сырцовых мавзолеях нового времени на территории Тенгиз-Коргалжынском региона (ТКР) в Казахстане. Было сопоставлено 4 мавзолея, два времен Золотой орды, и два мавзолея нового времени с ТКР.

Ключевые слова: Мавзолей, Золотая орда, Казахстан, архитектура, архитектурные традиции, цифровая реконструкция.

Сырцовые мавзолеи (далее СМ) – памятники казахской культовой архитектуры. В силу использования кирпича-сырца мавзолеи не имеют большого ресурса долговечности и поэтому быстро разрушаются. Большинство СМ, дошедших до наших дней, были построены в XIX-XX века, но многие из них уже находятся в плачевном состоянии. Поэтому встает вопрос о необходимости изучения и сохранения СМ. Мы надеемся, что наша работа окажет помощь будущим исследователям этой проблемы.

На данный момент исследований и статей посвященных СМ мало. Большинство из них посвящены мавзолеям Золотой Орды (далее ЗО), а работ, посвященных сопоставлению архитектуры ЗО и Казахского ханства нет вовсе. Активно занимается изучением архитектуры Золотой орды, в частности культовой архитектурой Эмма Давидовна Зиливинская. Сотруд-

ники НИИ им. К. А. Акишева в 2020 году проводили работы по цифровой реконструкции СМ в Тенгиз-Коргалжынском регионе. Мною была проведена типологизация данных СМ.

Архитектурные традиции в строительстве монументальных надмогильных сооружений напрямую связаны с исламской архитектурой от районов малой Азии до средней Азии, а также собственных, степных архитектурных традиций строительства поминально-погребальных комплексов. На всей территории ЗО существовало большое разнообразие типов мавзолеев; с кубическим основанием, башенные, пирамидальные и т. д. По материалу строительства; из камня – Армяно-малоазиатская традиция, из кирпича – среднеазиатская традиция. (Зиливинская, 2016, с. 44-67). Можно выделить что для территории Казахстана, соответственно, характерна традиция строительства из кирпича, при этом обожжённый кирпич, в частности, характерен для мавзолеев ЗО, а вот кирпич-сырец, т.е. не обожжённый уже характерен для казахского зодчества, но также применялся в строительстве в эпоху ЗО.

Для подтверждения мысли о том, что золотоордынские традиции прослеживаются в архитектуре казахов, мы провели сравнительный анализ архитектурных форм мавзолеев.

Мавзолеи городища Конские Воды и Ак Едиль кожа

Мавзолеем городища Конские воды на правом берегу р. Конки вблизи Днепра. Башенный, восьмигранный, портал, выступающий Размеры 8х7 м, высота – около 7,5-8 м (Зиливинская, 2014 с 256-281) (рис. 1: 1). Мавзолеем Ак Едиль кожа расположен в 2 км юго-восточнее с. Жумай Коргалжынского р-на на берегу оз. Жумай на территории функционирующего казахского кладбища. Мавзолеем однокамерный, башенный-многогранный, купол шатровидный, имеется выступающий портал. Размеры 7,8х7,6 м, высота 5 м (рис. 1: 2).

1

2

3

4

Рис.1. 1 – Мавзолеем Ак Едил; 2 – Мавзолеем Конских вод; 3 – Мавзолеем Баршынгуль; 4 – Мавзолеем Чёрная палата.

Чёрная палата и Баршынгиль

Чёрная палата находится в Болгаре, Татарстан. Это многоярусный мавзолей, имеющий входы с четырех сторон (Зиливинская, 2014, 448 с.) (рис. 1: 3). Сходства с мавзолеем Баршынгиль заключаются в общей концепции сооружений: квадратное основание, и барабан с окнами служащий основанием купола (рис. 1: 4). В остальном сходств друг с другом у них нет, что вполне объяснимо, так как Баршынгиль не является копией Чёрной палаты, а скорее строители Баршынгюля были вдохновлены каким-то схожим по концепции с Чёрной палатой мавзолеем.

Можно заметить некоторые сходства в общей концепции данных мавзолеев, несмотря на расстояние в пространстве, и во времени. Можно говорить о том, что в эпоху ЗО сложилась своя архитектурная традиция, совмещающая традиции других регион Мусульманского мира, но долгое время сохранявшийся в архитектуре казахов, вплоть до XIX-XX веков.

Библиографический список

1. Зиливинская Э. Д. Мавзолеи Западных Районов Золотой Орды // Крымское историческое Обозрение. 2014а. №1. С. 256-281.
2. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Казань, 2014б. М.; Казань: «Отечество», 2014б. 448 с.
3. Зиливинская Э. Д. Культовая архитектура Золотой Орды: Происхождение и традиции // Поволжская археология. 2016. №2(16). С. 44-67.

УДК 902/904

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТЕКЛО ИЗ РАСКОПОК «КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДА КУРГАНА»: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

© *Менщикова Анастасия Владимировна*
Курганский государственный университет, г. Курган

Научные руководители – к.и.н., доц. Маслюженко Денис Николаевич, старший преподаватель Новиков Игорь Константинович

Аннотация: в статье представлен анализ научных работ на тему изучения археологического стекла из раскопок памятника «Культурный слой города Кургана». Материалы исследований разделены на следующие группы: изучение стекла из отдельных раскопов, разбор археологического стекла на категории, естественно-научные методы и история развития стекольной продукции и производства.

Ключевые слова: «Культурный слой города Кургана», археология нового времени, стекло.

Археологические исследования культурного слоя г. Курган начались в 2005 году. В 2009 г. были проведены первые раскопки. Всего в городе на 2023 г. заложено 14 раскопов.

Материалы исследования культурного слоя г. Кургана активно публикуются, на сегодняшний день насчитывается более 60 научных работ. Публикации посвящены различным категориям находок, отдельным раскопам, реконструкции жизни горожан.

Особое внимание уделяется археологическому стеклу. Коллекция стекла используется как надежный хрономаркер и опора для реконструкции быта горожан XIX – начала XX вв.

Практически во всех исследованиях изделия из стекла, наряду с прочими артефактами, используются для датировки или отражения торговых связей. Однако некоторые работы посвящены исключительно или по большей части изделиям из стекла.

В работе Е. С. Янченко «Коллекция стеклянных изделий конца XIX века из раскопа на усадьбе купцов Смолиных в Кургане» представлена классификация стекла и разделение его на отдельные группы по основным признакам таким как: 1) цвет стекла; 2) размерные характеристики; 3) форма (Янченко, 2014, с. 32). На основании вышеперечисленных признаков автор выделяет 24 группы. В границах раскопа были исследованы остатки виноводочного магазина, получен богатый, но сильно фрагментированный материал (Янченко, 2014, с. 33). Полученные результаты легли в основу изучения деятельности виноводочного завода купцов Смолиных, к которому относился исследованный магазин (Первухина, 2014, с. 124).

С опорой на архивные и археологические источники, полученные в ходе изучения усадьбы Смолиных, Е. С. Янченко в работе «История стеклозавода братьев Меньшиковых» реконструировала историю одного из крупнейших стеклозаводов Западной Сибири XIX века, часть продукции которого была обнаружена на исследованной усадьбе (Янченко, 2015, с. 107).

Отдельно исследованы стеклянные изделия с раскопа по адресу Куйбышева 10. Большинство изделий из стекла содержались в отдельных ямах, что позволило датировать их и отчасти связать с жителями усадьбы. Коллекция стекла разделена на следующие категории: 1) бутылки для алкогольных напитков, 2) бутылки из-под минеральной воды, 3) тара технического назначения, 4) фармацевтика и парфюмерное стекло (Менщикова, 2023, с. 220).

Подробная классификация археологического стекла представлена в статье А. А. Первухиной «Парфюмерия, фармация, личная гигиена: возможности реконструкции по материалам археологических исследований культурного слоя г. Курган XVIII-XIX вв.». В исследовательской работе рассмотрены коллекции раскопок 2013-2016 гг., которые разделяются на следующие категории: фармация, парфюмерия, предметы личной гигиены (Первухина, 2016, с. 110). Каждая категория отдельно рассматривается в данном исследовании, приводятся краткие исторические выдержки, которые позволяют вписать данные археологические находки в исторический контекст и осветить вопросы гигиены и медицины среди жителей Кургана конца XIX-XX вв.

Отдельная обобщающая работа посвящена исследованию стеклянных кувшинов, обнаруженных практически на всех раскопах Культурного слоя города Кургана. В данном исследовании авторы поднимают вопрос декоративных, морфологических и технологических особенностей стеклянных кувшинов, анализируются возможные места их изготовления, использование в искусстве. Итогом исследования является выявление места производства стеклянных кувшинов в Курганском округе Тобольской губернии (Гильдерман, и др., 2023, с. 29-36).

На примере коллекций стекла из г. Кургана были применены естественнонаучные методы, в частности электронного парамагнитного резонанса (ЭПР) (Новиков, Порываев, Мергенева, 2020, с. 30). Основной идеей была работа с массовым материалом, т.к. среди

коллекции стекла целые или археологически целые емкости крайне редки, еще реже встречаются клейма и элементы, позволяющие атрибутировать материалы. Итогом исследования стало ожидаемое совпадения с атрибутированным стеклом. К сожалению, массового применения метод не получил.

Работа с археологическим стеклом в городе Кургане ведется уже на протяжении 10 лет, за это время получены наработки, нашедшие применение как в первичной обработке материала, так и в последующем анализе. Проработан исторический фон для конца XIX – нач. XX вв. с возможными местами производства и импорта, разрабатываются отдельные категории находок из стекла. Проводимая работа закрепила археологическое стекло как надежный хрономаркер и инструмент для реконструкции жизни общества исследуемой эпохи.

Библиографический список

1. Гильдерман А. В., Новиков И. К., Сауков Г. Н. К вопросу интерпритации стеклянных кувшинов из раскопок памятника «Культурный слой города Кургана»//Земля Курганская: прошлое и настоящее: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Курганская область в истории России», 12 апреля 2023 г. /под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Л. Авдеенко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. Вып. 23. С. 29-36.

2. Менщикова А. В. Стекланные изделия из раскопа по адресу Куйбышева 10 в городе Кургана // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1-3 февраля 2023 г.): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 219-221.

3. Новиков И. К., Порываев А. С., Мергенева К. Н. К вопросу об интерпритации массовых материалов в археологии нового и новейшего времени (по материалам культурного слоя г.Кургана) // Геоархеология и археологического минералогия-2020. Материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием имени В.В.Зайкова. Миасс-Челябинск, 2020. С. 29-32.

4. Первухина А. А. Парфюмерия, фармация, личная гигиена: возможности реконструкции по материалам археологических исследований культурного слоя г. Кургана XVIII-XIX вв. // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.). Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2016. С. 109-119.

5. Первухина А. А. Виноводочный завод купцов Смолиных: археологические исследования и архивный материал // Сборник тезисов докладов научно-практической конференции студентов Курганского государственного университета. Вып.XV. Курган: КГУ, 2014. 124 с.

6. Янченко Е. С., Новиков И. К. Коллекция стеклянных изделий конца XIX века из раскопа на усадьбе купцов Смолиных в Кургане // VII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Сборник материалов региональной научной конференции. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С. 98-103.

7. Янченко Е. С. История стеклозавода братьев Менщиковых // XIII Зырянские чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 105-107.

УДК 904

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА: ИСТОРИЯ РАСКОПОК

© Мокрецова Анастасия Петровна

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск

*Научный руководитель – к.и.н. доцент кафедры всеобщей истории ЮУрГГПУ
Алаева Ирина Павловна*

Аннотация. В статье рассматриваются материалы по истории археологического изучения памятника «Культурный слой города Челябинска XVIII – нач. XX вв.». Были собраны и проанализированы отчеты об археологических исследованиях с 1991 по 2020 гг.

Ключевые слова: г. Челябинск, культурный слой, Новое время, история археологии.

Первые археологические изучения на территории города Челябинска начались в 1991 году. В связи с выявлением нового направления в археологии появляются работы по истории изучения памятника «Культурный слой г. Челябинска XVIII – начала XX вв.». Первая работа, освящающая данный вопрос, представлена Г. Х. Самигуловым в учебном пособии 2002 года «История археологического изучения Южного Зауралья». В дальнейшем эта тема была представлена в его кандидатской диссертации «Челябинск XVIII-XIX веков: население, планировка, материальная культура (по данным археологии и письменным источникам)», где были проанализированы материалы археологических раскопок с 20 участков с 1991 по 2004 гг. (Самигулов, 2005).

Несмотря на то, что дальнейшие археологические исследования г. Челябинск были достаточно многочисленными, их данные не были опубликованы и не введены в научный оборот. Соответственно обобщающие работы по истории изучения культурного слоя города также отсутствуют.

В связи с этим необходимо собрать и систематизировать работы посвященные истории археологического изучения культурного слоя г. Челябинск 18-19 вв. за весь период изучения. Основным источником послужили археологические отчеты по результатам полевых исследований.

В ходе проведенной работы удалось собрать 53 отчета об археологических исследованиях за 1991-2020 гг. В выборку были включены отчеты: о разведках, наблюдениях, раскопках.

Первые археологические исследования г. Челябинска были начаты Н. М. Меньшениным, в 1991 году он выявил культурный слой в историческом центре города и оценил его значимость. В этом же году были проведены археологические раскопки на территории строительства индустриального-коммерческого банка (под руководством С. Г. Боталова) и на месте строительства здания по ул. 8 Марта (автор раскопа не указан) (Мосин, 2002. с. 258).

По результатам первых работ была проведена экспертиза и культурный слой города получил официальный статус археологического памятника (Самигулов, 2002. с. 257).

Дальнейшие исследования города продолжились и проводились в рамках хоз. договорных работ под строительство новых зданий. Были исследованы кварталы жилой застройки города, а также территория кладбища XVIII-XIX вв. На территории памятника проводились раскопки и наблюдения различной площади, разведки. Были получены данные по планировке усадеб, выявлены жилые и хозяйственные постройки. Выявлены объекты, не известные ранее в архивных документах и на планах города.

Публикации результатов работ немногочисленные. В основном это материалы исследований отдельных участков (Самигулов, Васина, 2016; Алаева, 2018; Яковлева, 2022). Несколько статей посвящены публикации отдельных категорий материалов таких как керамика, кресты, игрушки, и др. (Самигулов, 2005; Букачёва, 2022).

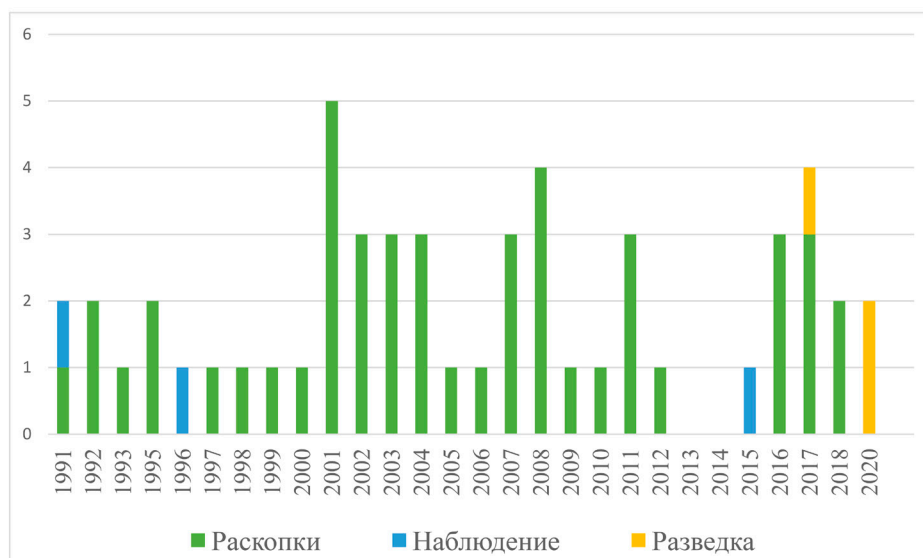

Рис.1. Количество отчетов археологических исследований города Челябинска с 1991 по 2020 гг.

В 2017 году производилось переобследование и определение границ памятника «Культурный слой города Челябинска XVIII – нач. XX вв.». В результате проведенных работ были официально установлены границы памятника (Батанина, 2017, с. 9).

Приблизительная площадь исследования города Челябинска за двадцать девять лет раскопок составила более 36 тыс. м²., а количество полученных предметов составило более 41 тыс. единиц. Приведенные числа не полные, поскольку в некоторых ранних отчетах не указана площадь раскопок и не приведены коллекционные описи.

На рисунке 1 изображён график, иллюстрирующий количество отчетов по году исследования (рис. 1). Наибольшие значения в 2001 и 2007 годах могут говорить о наиболее интенсивных темпах строительных работ в исторической части города. Непосредственное руководство над работами осуществляли такие исследователи как: Ю. В. Васина, Г. Х. Самигулов, И. П. Алаева, А. М. Сляднев, М. Л. Плешанов, С. А. Мишин, С. С. Назаров. В среднем каждый год исследовалось от 1 до 3 участков памятника «Культурный слой г. Челябинска XVII-XIX вв.».

Таким образом, в результате работы была собрана и систематизирована обширная источниковая база, которая позволяет проследить степень археологического изучения города Челябинска в промежутке 1991-2020 гг. Все проводимые раскопки на территории города

связаны с хоз. договорной археологией. Специальных археологических работ с научной целью не проводится. Вклад хоздоговорной археологии в изучении памятника «Культурный слой города Челябинска XVII-XIX вв.» является основным. Это объясняется тем, что все исследования «старого города», согласно законодательству РФ, перед любыми земельными работами, должны быть произведены археологические исследования.

Библиографический список

1. Алаева И. П. Исследование культурного слоя города Челябинска на территории Заречья // Теория и практика археологических исследований. 2018. №4(24). С. 139-146.
2. Батанина Н. С. Отчет о разведочном переобследовании и определении границ ОКН «Культурный слой г. Челябинска в XVIII-XIX вв.» расположенного в Челябинском городском округе. Том 1. Челябинск: «Альма», 2017. 58 с.
3. Букачева А. О. Предметы игр из культурного слоя Челябинска XIX – начала XX в / А. О. Букачева, Е. С. Яковлева // Актуальная археология 6: Материалы международной научной конференции молодых ученых. СПб. 2022. С. 254-257.
4. История археологии Южного Зауралья: Учеб. пособие / В. С. Мосин, С. А. Григорьев, А. Д. Таиров, С. Г. Самигулов. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2002. 347 с.
5. Самигулов Г. Х. Челябинск XVIII-XIX веков: население, планировка, материальная культура (по данным археологии и письменным источникам): специальность 07.00.06 «Археология»: Диссертация на соискание кандидата исторических наук. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. 316 с.
6. Самигулов Г. Х., Васина, Ю. В., Никитин, А. Ю., Мишин, С. А. Археологические исследования на территории усадьбы Покровских в г. Челябинске // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. 2016. С. 125-133.
7. Яковлева Е. С. Результаты раскопок культурного слоя «старого» Челябинска по ул. Красноармейской, 79: мещанский быт на переломе эпох / Е. С. Яковлева, М. Д. Оголихина // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4, №3. С. 123-132.

УДК 902/904

ДОМ АВЕРКИЯ ИВАНОВИЧА ПЕРМИНОВА В Г. КИРОВЕ: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

© Оруджов Даниил Эдуардович
Вятский государственный университет, г. Киров

Научный руководитель – заведующий Научно-исследовательской археологической лабораторией Кайсин Алексей Олегович

Аннотация. Статья посвящена историко-археологическому описанию дома Аверкия Перминова и предметов быта его жильцов и владельцев, начиная с середины XVIII века.

Ключевые слова: г. Хлынов, дом Аверкия Перминова, предметы быта, археологические исследования, слюдяная окончина, археологическая коллекция.

Аверкий Перминов – видный деятель на послужном поприще вятской земли. Родился он в 1702 году, в юности уже имел свой дом в Хлынове, что показывает обеспеченное положение его семьи. В 1721 поступил на армейскую службу. С 1744 года числится секретарем Вятской провинциальной канцелярии Казанской губернии. Также Аверкий Иванович является одним из основателей бумажного производства на Вятке – фабрики, которая находилась вблизи «Бахтинского» села (Тинский, 1994, с. 119-120).

Неординарность личности Аверкия Ивановича воплотилась в архитектуре одного из старейших домов, который находится в Кировской области, г. Кирове, на улице Спасской, 10а. Он был построен после большого пожара 20 июля 1752 года, во время которого выгорел практически весь город. Планировка дома Аверкия Перминова была нехарактерна для города Хлынова XVIII века, для своего времени и места нетипична, так как вятская архаичность в нем уже не прослеживалась. Комнаты всех этажей можно было обойти по кругу, присутствует некая анфилада. Однако при этом в самом доме не было лестниц, соединяющих два этажа, так как они находились в пристройке, которая не сохранилась до наших дней. Стены второго этажа местами поставлены на своды, а оконные проемы узки – в них когда-то находились слюдяные окончины. Потолки и стены были обтянуты сукном и штофными обоями (Тинский, 1994, с. 118).

В 1781 году дом попал в наместничество Степану Жихареву. В 1785 году он продал его в казну, и с этого момента здание становится домом губернатора. Однако являлся он таковым недолго, в 1801 году его выставили на торги, несколько лет пустовал. В 1808 году приказ общественного призрения купил дом Перминова для размещения в нем увечных, престарелых и малолетних сирот. Также одновременно с «приютом» в доме находилась суконная фабрика. Дом побывал во владении городского головы Аршаулова, а потом был куплен для гимназии. Больше четверти века в нем находилась гимназия, и дом то обрастал деревянными пристройками, то лишался их. В 1842 году городское общество купило его для своих нужд. «По проекту городского архитектора Э. К. Нюквиста в 1903-1904 годах дом был перепроектирован и перестроен за счет двух боковых трехэтажных пристроек. После передачи дома в руки государства, в 1918 году, в доме находилась городская телефонная станция. В 1935 году Комитет по охране памятников при ВЦИК предложил Кировскому горисполкому включить дом Аверкия Перминова (названный «воеводским домом») в список памятников архитектуры, находящихся под местной охраной» (Тинский, 1994, с. 120-122). С начала XVIII века и по сей день дом является жилым, хоть и признан аварийным.

В апреле 2004 года под руководством Елены Алексеевны Кошелевой, в рамках вятской археологической экспедиции, были произведены исследования на прилегающей территории бывшего дома Перминовых: раскоп представлял собой траншею размером 9м². Заложен он был, приблизительно, в центре внутреннего двора с запада от самого дома. Во время работ исследователи обнаружили два сооружения, функциональная принадлежность которых установлена не была, на изначальном плане придомовой территории они не отображены (рис.2).

В сооружении I, помимо керамики, были обнаружены бронзовый нательный крестик, медные монеты полушки (1735, 1749 годов), копейка, деньга (1739 года), 14 фрагментов изразца. В пределах сооружения также зафиксирована хозяйственная яма, в заполнении которой были обнаружены: точильный камень, глиняный шарик и два развала сосуда. В сооружении II, помимо массового материала, был обнаружен фрагмент металлического украшения, три фрагмента изразца.

Категории	Части изделий	Количество	%
Фрагменты изделий из керамики	Венчик	417	21,52
	Стенка	1321	66,11
	Днища	243	12,37
Фрагменты изделий из стекла	Горлышко	2	5,17
	Стенка	3	70,98
	Днища	10	23,85
Фрагменты изделий из фарфора	Ручки	3	25,00
	Стенки	9	75,00
Фрагменты изделий из железа, изделия из железа			
Железное кольцо – 1, железная пластина – 3, железо с фрагментом дерева – 1, железный молоток – 1	Нож – 3, ключ – 1, вилка – 1, скоба – 3, крюк – 1, топор – 1, крючок – 1, резьборез – 1, металлическая пластина – 2, пластина с отверстиями – 1	Кованные гвозди – 63, обувная подкова – 1, фляга – 1, сковорода – 1, дверная петля – 1, серп – 1	
Индивидуальные находки			
Бусина – 1, крест нательный – 1, развал сосуда – 9, точильный камень – 1, ружейный камень – 2, глиняный шарик – 1, нож с берестяной ручкой – 1, отделочный кирпич – 3, монета-деньга – 3, монета-полушка – 2, монета копейка – 1, монета-пятак – 1, металл – 1, пуговица – 2, изразцы – 17 фрагментов			

Таблица 1. Коллекция с раскопа 2004 г.

Основу коллекции, полученной в результате данных исследований, составили фрагменты керамики, стекла, фарфора и железа (таблица 1). Кроме массового материала, есть более яркие находки, например, бусина, ружейные камни, слюдяная окончина.

На основе сравнительно-типологического анализа коллекции было определено, что основная масса керамической посуды выполнена на гончарном круге. Большинство глиняных изделий имеют горшковидную и мисковидную форму (Булакова, Васина, 2021, с. 15). Среди керамики, обнаруженной в раскопе 2004 года, по форме выделено несколько типов: части глиняных тарелок, горшков различного предназначения, части чайников. Так как Хлынов находился в относительной близости от Москвы, архаичной керамики в слоях XVIII-XX веков уже практически не встречается, в это время происходит стандартизация керамических изделий по всей стране (Самигулов, 2003, с. 93-95). В небольшом количестве встречаются фрагменты посуды из фаянса и фарфора, который являлся привозным. Стекло, преимущественно зеленого цвета, предположительно, является остатками бутылей из-под вина и масла. Особый интерес представляют: покрытый глазурью изразец, на котором изображена корона, попал на Вятку из г. Великий Устюг. Также были обнаружены крупные фрагменты слюды, а точнее крупные слюдяные вставки для окон, которые являлись частью окончин. Они оказались в раскопе благодаря тому, что окна дома в XX веке застеклили. Фрагменты являются одной оконницей. Переплеты фигурные, выполненные из белого сибирского железа. В них видны углубления от заклепок. Слюда самой разнообразной формы: треугольной, квадратной, ромбовидной; различных размеров: от больших и средних частиц до мельчайших, почти чешуек. Цвет тоже разный: чуть-чуть желтоватый, темно- и светло-желтый (патина), серебристый, почти прозрачный (Гальцова, 2006, с. 139-141).

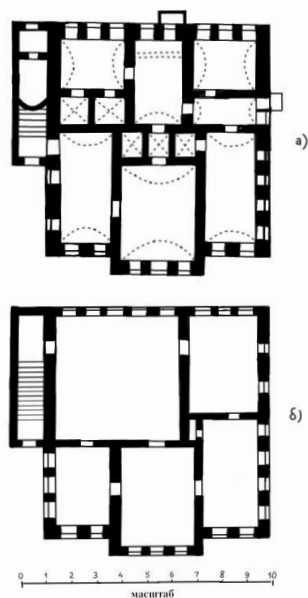

Рис. 1. План дома А. Перминова (обмер 1839 г.): а - первый этаж; б - второй этаж

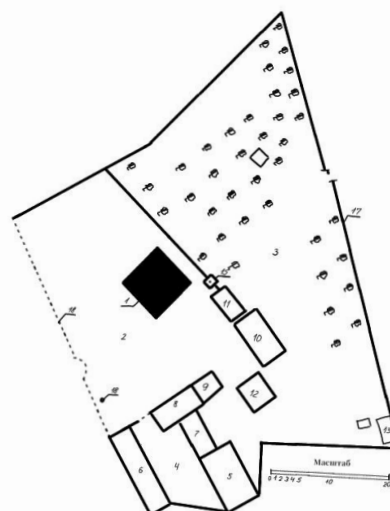

Рис. 2. План места А. Перминова по обмеру 1804 г. 1. Каменный двухэтажный дом. 2. Передний двор. 3. Сад и огород. 4. Задний двор. 5. Коношня. 6. Покон для конохов и прачек. 7. Каретник. 8. Ледники. 9. Погреб. 10. Сушило. 11. Бани. 12. Амбар. 13. Людская баня. 14. Беседка. 15. Садок. 16. Решетчатый забор. 17. Забор. 18. Колодец.

В материальном комплексе, полученном при раскопе, можно увидеть предметы быта, которые подтверждают не бедное положение Перминовых и последующих владельцев и жильцов дома. Основу найденного материала составила керамика, из ее фрагментов впоследствии удалось воссоздать два горшка и чайник.

Библиографический список

1. Булакова Е. А., Васина Ю. А. Керамический комплекс ОКН «поселенческий слой Екатеринбурга XVIII – начала XX веков в районе пересечения ул. Пушкина-Первомайская»: результаты технико-типологического и морфологического анализа // Городская археология и историческая реконструкция. Екатеринбург: 2021. С. 14-16.
2. Гальцова Е. С. Изделия из слюды на Вятке (по материалам археологических раскопок) // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Астрахань. 2006. С. 139-141.
3. Самигулов Г. Х. Глиняная посуда XVIII – начала XIX веков из слоя Челябинска // Известия Челябинского научного центра. 2003. С. 90-95.
4. Тинский А. Г. Вятская мозаика. Киров: Волго-Вятское изд-во, 1994. 117 с. 192 с.

УДК 902.22

ПУТИ ЭТНОГРАФОВ В АРХЕОЛОГИИ ВЯТСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

© *Пантюхина Ксения Александровна*
Вятский государственный университет, г. Киров

Научный руководитель – заведующий Научно-исследовательской археологической лабораторией Кайсин Алексей Олегович

Аннотация. На 1917 год на территории Вятского края было открыто 133 археологических памятника. Из этого количества 49 (36.84%) связано с деятельностью этнографов на рубеже XIX-XX веков. Статья содержит информацию об исследованиях Н. Г. Первухина, С. К. Кузнецова, П. М. Сорокина. Рассматривается взаимосвязь проведения археологических и этнографических исследований.

Ключевые слова: археология, этнография, Вятская губерния, памятники, исследование, Глазовский уезд, статистика.

Принято считать, что профессиональная археология в Вятском крае получила свое развитие во второй половине XIX века (Макаров, 2016, с. 86-98). Однако значительная часть дореволюционных археологических памятников была связана далеко не с археологами, а с деятельностью людей различных профессиональных сфер. Относительно указанного выше времени – этнографами.

Интерес к исследованию древностей Вятской губернии, стимулируемый в самом начале указами Петра I, проявился еще в XVIII веке. Вследствие отнесения археологических памятников к одному из разделов географии этими исследованиями, а если точнее, то научными описаниями занимались географы-путешественники.

Во второй четверти XIX века значимым событием для оформления вятской археологии как отдельной науки является создание Вятского губернского статистического комитета в 1835 году, который как выступал посредником между административной системой и исследователями, так и занимался сбором и научным анализом различных сведений, касающихся истории, географии и не только (Ванчиков, Сенникова, 1991, с. 26-53).

После создания Археологической комиссии в 1859 году дело развития археологии как науки в Вятской губернии получило значительный толчок. Однако исследования древностей в том числе продолжали производиться специалистами смежных областей.

В 80-х годах XIX века изучением памятников Вятской губернии начинает заниматься инспектор народных училищ Глазовского уезда Николай Григорьевич Первухин (1850-1889), особенно активно исследовавший быт и культуру различных народов Глазовского уезда.

В Вятской губернии Николай Григорьевич служил под руководством директора Вятской дирекции, С. А. Нурминского, с которым имел доверительные отношения, между ними происходило обсуждение не только проблем, касающихся работы, но и вопросов по археологии и этнологии (Волкова, 2011). Подводя итоги своей деятельности, Первухин писал: «... Еще с первого года своей службы в Вятской губернии я заинтересовался оригинальными особенностями быта того уезда [Глазовского]. <...> Скоро я перешел к активным наблюдениям и расспросам. <...> Начал собирать древние вещи, которые во

многих местах уезда находили крестьяне. <...> Вместе с ними я начал собирать и предания о местах этих находок... и наконец, уже по поручению Московского археологического сообщества, начал и нарочно разъезжать по уезду... производил пробные раскопки и изыскания» (Бердинских, Макаров, 2002, с. 65-70).

С именем Николая Григорьевича связано более 35 археологических памятников Вятского края: 33 располагалось на территории Глазовского уезда (3 из них были открыты и обследованы вместе с сельским учителем А. Н. Шатровым), 4 находилось на территории Слободского уезда (Памятники археологии Кировской области... Вып. 1-3).

Исследователь	Местоположение памятников на тер. Вятской губернии	Местоположение памятников на тер. современной Кировской обл.	Процентное соотношение к общему числу открытых памятников на 1917
Первухин Н. Г.	Глазовский уезд – 33 Слободской уезд – 4	Афанасьевский район – 31 Фаленский район – 3 Омутнинский район – 2 Зуевский район – 1	37 (27,82 %)
Сорокин С. К.	Уржумский уезд – 4 Малмыжский уезд – 3 Яранский уезд – 1	Уржумский район – 4 Малмыжский район – 3 Советский район – 1	8 (6,02%)
Сорокин П. М.	Слободской уезд – 4	Верхнекамский район – 4	4 (3,01%)
Общее число открытых памятников на 1917	49 (36,84%)	49 (36,84%)	133 (100%)

Таблица 1. Археологическая деятельность этнографов в Вятской губернии на рубеже XIX-XX веков.

Профессиональным этнографом, занимающимся археологической деятельностью в Вятском крае был Степан Кирович Кузнецов (1854-1913). Уже во время обучения в 1-й Казанской (1869-1872) гимназии он общался с представителями черемисов, узнавая об их старых порядках и обрядах. Впоследствии С. Кузнецов становится одним из первых исследователей, профессионально изучавших финно-угорские народы России, и именно во время сбора этнографического материала ему передавались сведения о местонахождении различных древностей (Загребин, 2020, с. 8-19). В общей сложности Степан Кирович открыл 8 археологических памятников Вятской губернии: 3 в Малмыжском уезде, 4 в Уржумском и 1 в Яранском, где и располагались марийские и татарские деревни.

Следует упомянуть Петра Михайловича Сорокина (1860-1895). Прибывший из Петербурга в Вятку в 1889 году, он знакомится с А. А. Спицыным и углубляется в сбор этнографического материала, в особенности касающегося жизни удмуртов. (Чураков, 2014, с. 14). Сорокин открыл 4 археологических памятника в Слободском уезде, 3 из которых – это обследованные им единичные находки, вероятно переданные местным населением.

На 1917 год на территории Вятского края было открыто 133 археологических памятника. Из них 49 (36,84%) связано с исследовательской деятельностью этнографов на рубеже XIX-XX веков. Причинами подобного выступают: необособленность археологии от этнографии и других областей знаний, а также вследствие активного взаимодействия с местными жителями и сбора различных преданий и легенд этнографы имели некоторое преимущество в деле поиска и открытия памятников древности. К примеру, Липовское и Шишуковское городища Слободского уезда впервые упоминаются в работе Н. Г. Первухина,

который почерпнул сведения из крестьянских преданий. Однако из этого следует, что круг уездов, интересующих этнографов, в основном ограничивался местностью проживания исследуемых ими народов.

Библиографический список

1. Бердинских В. А., Макаров Л. Д. Н. Г. Первухин – исследователь археологии и этнографии Вятского края // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2002. №6. С. 65-70.
2. Ванчиков В. В., Сенникова Л. А. Искатели древностей. Археологические исследования в Вятской губернии в дореволюционный период // По родному краю: сб. краевед. материалов / и др.; сост. В. М. Куклин. Киров: Волго-Вятское кн. из-во, Кировское отд. 1991. С. 26-53.
3. Волкова Л. А. «Примите уверение в искренней преданности...»: Эпистолярное наследие Николая Григорьевича Первухин. М.: Ижевск-Глазов, 2021. 204 с.
4. Загребин А. Е. Этнограф и археолог Стефан Кирович Кузнецов: казанские годы // Поволжская Археология. 2020. №4 (34). С. 8-19.
5. Макаров Л. Д. Вклад дореволюционных археологов в исследование русских древностей Вятского края // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2016. №2. С. 86-98.
6. Памятники археологии Кировской области: материалы историко-архивных и библиографических исследований: [справочник: аннотированный список (каталог) объектов археологического наследия] / Отв. ред., сост. А. Л. Кряжевских. Вып. 1. Киров, 2009. 223 с.
7. Памятники археологии Кировской области: материалы историко-архивных и библиографических исследований: [справочник: аннотированный список (каталог) объектов археологического наследия] / Отв. ред., сост. А. Л. Кряжевских. Вып. 2. Киров, 2010. 221 с.
8. Памятники археологии Кировской области: материалы историко-архивных и библиографических исследований: [справочник: аннотированный список (каталог) объектов археологического наследия] / Отв. ред., сост. А. Л. Кряжевских. Вып. 3. Киров, 2011. 207 с.
9. Чураков В. С. Петр Матвеевич Сорокин – исследователь родовой организации удмуртов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. №2(19). С. 153-192.

УДК 902(470.528)

КАРТОГРАФИЯ КЛАДОВ В СОВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ ГОРОДА КИРОВА С ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

© *Слаутин Илья Александрович*

Вятский государственный университет, г. Киров

Научные руководители – заведующий НИИ Археологической Лабораторией ВятГУ, Алексей Олегович Кайсин; к.и.н., доцент ВятГУ, Елена Юрьевна Мокерова

Аннотация. Малое количество сведений об истории города обусловлено географическим положением Вятки и её относительно поздним присоединением к Московскому царству. В качестве источника для изучения истории Вятского края служит нумизматический материал. Описание кладов и внесение их местоположения на карту создают новую возможность для исследований прошлого.

Ключевые слова: клад, монета, карта, посад, Хлынов, Вятка, Киров.

Целью данной работы является внесение известных кладов на карту города Кирова, а также их сопоставление со старой застройкой Вятки и Хлынова. Эти данные должны помочь в изучении социально-экономических особенностей города.

За основу был взят исследовательский опыт нумизматов. При составлении работы учитывалась практика описания кладов Вятской губернии с учётом количественного, материального и номинального состава, их датировки (Мокерова, 2020, с. 403-410).

Императорская Археологическая комиссия стала крупнейшим в России научным органом, занимающимся охраной памятников и предметов старины. Комиссия имела исключительное право следить за всеми производящимися в государстве «открытиями предметов древности». За случайные находки предметов старины Археологической комиссией назначалось материальное вознаграждение.

В СССР так же осуществлялась охрана предметов, имеющих государственное значение. Согласно ст. 142 ГК РСФСР 1964 г., гражданин не имел права укрывать у себя предметы, являющиеся объектом научного, культурного, художественного интереса.

Основным источником информации о нахождении кладов в дореволюционный и советский периоды стала периодическая печать (Глазырина, 2020, с. 138-143).

Датировка найденных кладов	Количество найденных кладов
XVI век	1
XVII век	1
XVIII век	2
XIX век	6
XX век	7

Таблица 1. Статистика найденных кладов

XVI век

Клад первой половины XVI века был найден на пересечении улиц Дерендяева и Молодой Гвардии. Первая часть находки полностью состояла из копеек Ивана Грозного и

Федора Ивановича. Монеты были найдены на территории бывшей Владимирской слободы, примыкавшей к Хлыновскому посаду.

XVII век

Клад XVII века содержит 43 монеты Ивана Грозного, 71 копейка Ивана Грозного, одна копейка Ивана Грозного и 49 копеек Бориса Годунова. Клад был найден на территории д. Лобановка, ранее не входящей в состав Хлынова. В современном административно-территориальном делении г. Кирова данный населённый пункт входит в состав города (Вести, 1996, №1, с. 2).

XVIII век

1. Клад содержит 50 золотых монет. Найден он был на ул. Урицкого, д. 21. Адрес располагается в юго-восточной части города, относительно застройки XVIII в. (Мокерова, 2020, с. 76-91).

2. Скопление монет было найдено на территории завода купца Казенина, близ р. Хлыновица, у её впадения в р. Вятку. Это место являлось слободой Успенского Трифонова монастыря. Клад содержит до 2000 монет. Из монет Российской империи известны золотые 50 копеек, времён Елизаветы Петровны. Из находок, не относящихся к России, была найдена монета с изображением и надписью Наполеона I. Также известны турецкие и татарские монеты (Вятские губернские ведомости, 1884, №56, с. 5).

XIX век

1. Клад был найден на пересечении улиц Свободы и Пятницкой, он содержит 426 монет номиналом в один рубль, 715 монет номиналом в пятьдесят копеек. Помимо русских монет, было найдено пять польских монет: 1830-ых годов. Монеты датируются 1808-1837 гг. Клад был обнаружен в исторической части города, около Предтеченской церкви (Кировская правда, 1975, №98, с. 4).

2. Находка следующего клада произошла на улице Милицейской между улицами Карла Маркса и Володарского, она содержит 253 медные монеты и 198 монет номиналом две копейки, монеты датируются 1731-1839 гг. Согласно плану г. Вятки, улица Милицейская находилась на юге и являлась окраиной города (Социалистическая индустрия, 1978, №40, с. 4; Кировская правда, 1978, №29, с. 4).

3. Клад был найден на перекрёстке улиц Свободы и Пролетарской, он содержит 43 медные монеты: 37 монет номиналом пять копеек, 5 монет номиналом две копейки и одну копейку. Датируется клад 1760-1802 гг. Согласно плану Вятки 1812 г., данный перекрёсток находится на окраине города (Кировская правда, 1959, №50, с. 4).

4. Ещё один клад был обнаружен у областного противотуберкулёзного диспансера, находящегося по адресу пр. Строителей, д. 25. Клад содержал 3511 медных монет, номиналом ¼, ½, 1, 2, 5 и 10 копеек. По дате чеканки монет клад датируется 1711-1872 гг. Помимо российских монет были найдены динары и так называемые «сибирские» монеты. Относительно планировки, данный адрес не входил в состав города и прилегающих деревень (Кировская правда, 1959, №158, с. 4).

5. Клад был найден на углу ул. К. Либкнехта и Молодой Гвардии, д. 52. Состав клада: 76 медных монет 1840-1880 гг. в медном сосуде.

6. Следующий клад был замурован в фасад казённого винного склада (К. Маркса, 18а). Состав клада: 12 серебряных и медных монет 1866-1899 гг.

XX век

1. Один из кладов был найден на улице Карла Либкнехта, д. 153. Клад содержит 122 золотых десятирублёвых монет, 58 пятирублёвых монет и 8 монет номиналом 7,5 рублей. Монеты датируются 1826-1924 гг. Согласно плану города 1812 г., адрес располагается

на юго-западной окраине (Советская Россия, 1981, №120, с. 2; Правда, 1981, №147, с. 4; Кировская правда, 1981, №119, с. 4; Комсомольское племя, 1981, №60, с. 4).

2. Еще один клад был найден при охранных раскопках по адресу ул. Молодой Гвардии, д. 35. В культурном слое был обнаружен берестяной бурачок. Из монет выделяются 332 русские серебряные монеты XIX-XX вв., 150 русских медных монет XVIII-XX вв., а также 7 монет различных государств дореволюционного периода. Согласно плану города, этот адрес находился в центре, вблизи с Трифионовым монастырём (Кайсин, 2022, с. 76-91).

3. Клад был найден на углу Октябрьского пр. и ул. Профсоюзной, на территории бывшего Богословского кладбища. Состав клада: 464 серебряные монеты от 10 коп. до рубля, 1861-1915 гг.

4. Ещё один клад был обнаружен при полевых работах на ул. Полевой, д. 14. Состав клада: 218 серебряных монет 1813-1914 гг., из них 2 австрийские.

5. Ещё один клад был найден на ул. Герцена, д. 45. Состав клада: 186 медных монет 1867-1915 гг.

6. Клад был обнаружен на территории детского сада, находящегося по адресу ул. Милицейская, д. 61а. Состав клада: 1100 медных монет 1868-1915 гг.

7. Клад был найден на ул. Энгельса, д. 17. Состав клада: 1682 медные монеты 1869-1916 гг.

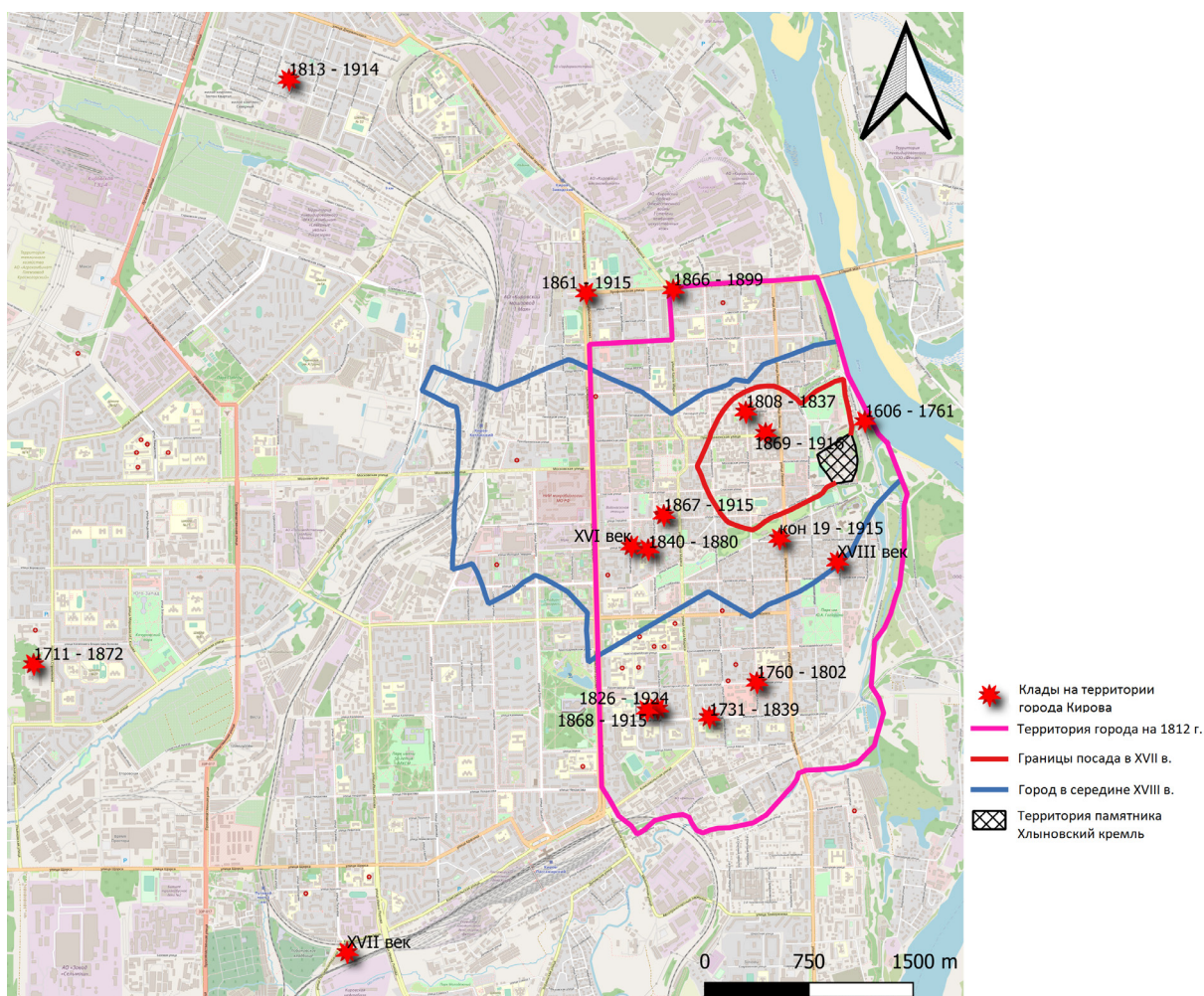

Рисунок 1. Картография кладов на территории города Кирова

Таким образом, при наложении кладов на карту города, можно увидеть, что только 3 клада располагались за пределами исторической части города. Остальные клады находились в деревнях, которые впоследствии вошли в городскую черту.

Библиографический список

1. Глазырина М. К., Кайсин А. О., Харина В. М. Упоминания в периодической печати археологических исследований в городе Кирове в XX – начале XXI века // Общество. Наука. Инновации (НПК-2020): сб. ст.: XX Всерос. науч.-практ. конф., 17 февр. – 26 апр. 2020 г. В 2 т. Т.1. Электрон. текстовые дан. Киров: Вятский государственный университет, 2020. С. 138-143.
2. Кайсин А. О., Глазырина М. К., А. М. Борисова. Посад города Хлынова в XVI-XVIII вв. (по археологическим данным) // Историко-географический журнал. 2022. т. 1. №3. С. 76-91.
3. Мокерова Е. Ю., Тарасов К. Н. Монетное обращение на территории Вятского края в 30-90-е годы XVIII века (по данным монетных кладов). // Научный диалог. 2020. №1. С. 400-421.
4. Мокерова Е. Ю. Монеты и слитки в истории Вятского края с VII – начала XVIII. Канд. дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. Киров, 2001. 286 с.
5. Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII-XIX веках. Киров: КПУ, 1976. 229 с.

РЕЗОЛЮЦИЯ

LV Всероссийской (с международным участием) Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых (УПАСК)

Основной целью конференции является активизация деятельности студентов, аспирантов и молодых ученых в области археологических исследований. Научно-исследовательская работа является одним из важнейших средств повышения качества подготовки специалистов в сфере археологии, которые способны применять в своей практической работе современные принципы и методы исследования, быстро адаптироваться в условиях развития археологической науки в XXI веке.

LV Всероссийская (с международным участием) Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (далее LV УПАСК) проводилась с 1 по 3 февраля 2023 года в г. Ижевск на базе ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» согласно соответствующему приказу о проведении данной конференции. Конференция была проведена с применением дистанционных технологий с использованием программы TrueConf.

Был утвержден Оргкомитет LV УПАСК в составе 15 человек:

Мерзлякова Г. В., д.и.н., профессор, председатель Оргкомитета;

Мельникова О. М., д.и.н., профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии;

Макаров А. М., д.э.н., проректор по научной работе и программам стратегического развития;

Вострокнутов С. И., к.п.н., директор института истории и социологии;

Данилов А. В., директор Учебно-научной библиотеки УдГУ им. В.А. Журавлева;

Голдина Р. Д., д.и.н., профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии;

Черных Е. М., к.и.н., профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии;

Перевозчикова С. А., к.и.н., старший преподаватель кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии – координатор конференции;

Бернц В. А., зав. Учебным кабинетом кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии;

Курсакова Н. В., ассистент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии;

Липатов Я. А., студент института истории и социологии;

Данилова К. В., студент института истории и социологии;

Смердова В. А., студент института истории и социологии;

Черных А. А., студент института истории и социологии;

Нуриева А. А., студент института истории и социологии.

Для участия в LV УПАСК были приняты заявки от 190 человек. Непосредственно на секциях конференции были заслушаны в очной и онлайн-формах доклады и сообщения 140 студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых из 37 университетов и научно-исследовательских организаций, представляющих 26 городов России и Казахстана: ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева», ФГБОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный университет», ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», ФГБОУ ВО «Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева», ФГБОУ ВО «Елабужский институт КФУ», Институт Истории Языка и Литературы (ИИЯЛ) УФИЦ РАН, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский)

Федеральный Университет», ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Национальный исследовательский университет Высшая школа Экономики (Пермь), Национальный исследовательский университет Высшая школа Экономики (Москва), Национальный музей Республики Башкортостан, ФГБОУ ВО «НИУ Южно-Уральский Гуманитарный Университет», ФГБОУ ВО «Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого», ФГБОУ ВО «Омский Государственный Университет им. Ф. М. Достоевского», ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», ФГБОУ ВО «Пермский государственный научно-исследовательский университет», ФГБОУ ВО «Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена», ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюменский научный центр СО РАН, Тюменский государственный институт культуры, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», ФГБОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина», ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Делегации всех учреждений, принимавших участие в работе LV УПАСК, были награждены благодарственными письмами Оргкомитета.

В рамках конференции работали следующие секции: «Урало-Поволжье в эпоху камня», «Урало-Поволжье в эпоху палеометаллов», «Урало-Поволжье в эпоху раннего железного века», «Урало-Поволжье в эпоху средневековья», «Урало-Поволжье в эпоху нового времени».

Руководителями секций были ведущие специалисты в области археологии Урало-Поволжского региона:

– «Урало-Поволжье в эпоху каменного века» – д.и.н. Выборнов Александр Алексеевич (Самара, СГСПУ), к.и.н. Цыгвинцева Татьяна Александровна (Ижевск, ООО «НПЦ ПрикамАрхеология»);

– «Урало-Поволжье в эпоху палеометаллов» – к.и.н. Митряков Александр Евгеньевич (Ижевск, УдГУ), к.и.н. Мухаметдинов Вадим Ильдарович (Уфа, УИИТ), к.и.н. Ткачёв Александр Александрович (Тюмень, ТюмГУ); Новиков Игорь Константинович (Курган, КГУ);

– «Урало-Поволжье в эпоху раннего железного века» – к.и.н. Казанцева Ольга Алексеевна (Ижевск, УдГУ), к.и.н. Кривошеев Михаил Васильевич (Волгоград, ВолГУ), к.и.н. Черных Елизавета Михайловна (Ижевск, УдГУ);

– «Урало-Поволжье в эпоху средневековья» – к.и.н. Нигамаев Альберт Зуфарович (Елабуга, ЕГУ), к.и.н. Русланова Рида Раисовна (Уфа, Национальный музей РБ), Мингалев Виталий Викторович (Пермь, НИУ ВШЭ);

– «Урало-Поволжье в эпоху нового времени» – к.и.н. Перевозчикова Светлана

Александровна (Ижевск, УдГУ), к.и.н. Перевощиков Станислав Евгеньевич (ООО «НПЦ ПрикамАрхеология»).

Также необходимо отметить активное участие в обсуждении докладов на секциях ведущих специалистов в области археологии Урало-Поволжья:

– в секции «Урало-Поволжье в эпоху палеометаллов» – к.и.н. Купцова Лидия Владимировна (Оренбург)

– в секции «Урало-Поволжье в эпоху раннего железного века» – Степанова Галина Александровна (Ижевск), Хайруллина Ольга Фаридовна (Ижевск), Федоров Виталий Кимович (Уфа)

– в секции «Урало-Поволжье в эпоху средневековья» – д.и.н. Белавин Андрей Михайлович (Пермь), д.и.н. Крыласова Наталья Борисовна (Пермь), д.и.н. Иванов Владимир Александрович (Уфа), к.и.н. Васильев Дмитрий Викторович (Астрахань).

– в секции «Урало-Поволжье в эпоху нового времени» – Кайсин Алексей Олегович (Киров).

По результатам презентаций докладов были выделены лучшие работы:

Секция «Урало-Поволжье в эпоху камня»:

1 место – Василенко Анастасия Александровна (Самара, СГСПУ)

2 место – Можаява Александра Александровна (Пермь, ПГНИУ)

3 место – Ефремов Максим Игоревич (Екатеринбург, УрФУ)

За активное участие – Керик Анна Дмитриевна (Омск, ОмГУ)

Секция «Урало-Поволжье в эпоху палеометаллов»:

1 место – Толочко Вероника Олеговна (Оренбург, ОГПУ)

2 место – Ежова Елизавета Викторовна (Уфа, УИИТ)

3 место – Перчаткин Александр Витальевич (Челябинск, ЮУрГГПУ)

3 место – Егоров Александр Дмитриевич (Челябинск, ЧГУ)

За активное участие – Валавин Николай Алексеевич (Челябинск, ЧГУ)

Секция «Урало-Поволжье в эпоху раннего железного века»:

1 место – Еремеев Иван Андреевич (Волгоград, ВГУ)

2 место – Мухаметзянов Артур Робертович (Астана, ЕНУ)

2 место – Коронов Сергей Владимирович (Волгоград, ВГУ)

3 место – Алексеенко Мария Владимировна (Москва, НИУ ВШЭ)

3 место – Мальцева Анастасия Александровна (Ижевск, УдГУ)

За активное участие – Егоров Егор Дмитриевич (Нижний Новгород, НовГУ)

Секция «Урало-Поволжье в эпоху средневековья»:

1 место – Локтев Даниил Сергеевич (Елабуга, ЕИ КФУ)

2 место – Болонин Илья Артёмович (Нижний Новгород, НовГУ)

2 место – Исмоилова Айгуль Альбертовна (Набережные Челны, НГПУ)

3 место – Черных Анастасия Александровна (Ижевск, УдГУ)

За активное участие – Уляшкина Любовь Евгеньевна (Елабуга, ЕИ КФУ)

Секция «Урало-Поволжье в эпоху нового времени»:

1 место – Егинбай Адиль Ерланулы (Астана, ЕНУ)

2 место – Смердова Валерия Андреевна (Ижевск, УдГУ)

2 место – Оголихина Мария Дмитриевна, Гладышева Екатерина Валерьевна (БФУ, Челябинск, Калининград, УрФУ, Екатеринбург)

3 место – Белозерова Анна Андреевна (Тюмень, ТГИК)

За активное участие – Дубровский Иван Алексеевич (Киров, ВятГУ)

В ходе конференции была выражена благодарность руководителям делегаций, внесших большой вклад в развитие Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых:

- к.и.н. Васильеву Дмитрию Викторовичу (Астрахань, АГУ)
- к.и.н. Зубову Сергею Эдгардовичу (Самара, СГПУ)
- к.и.н. Нигамаеву Альберту Зуфаровичу (Елабуга, ЕИ КФУ)
- к.и.н. Евгеньеву Андрею Александровичу (Оренбург, ОГПУ)
- Новикову Игорю Константиновичу (Курган, КГУ)
- Кайсину Алексею Олеговичу (Киров, ВятГУ)

В ходе работы конференции были обобщены результаты исследований студентов, аспирантов и молодых ученых в области археологии, обсуждены итоги новых полевых и камеральных исследований по археологии Волго- Уральского региона от эпохи палеолита до нового времени, большое внимание уделено применению современных методов археологической науки, особенно ГИС. Установленные в результате совместной работы научные контакты будут способствовать дальнейшему развитию науки.

Заслушав и обсудив констатирующую часть резолюции, **Оргкомитет LV Всероссийской (с международным участием) Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых постановляет:**

1. Считать цели и задачи конференции успешно выполненными.
2. Отметить высокий научный уровень представленных докладов, большую практическую значимость материалов конференции для научного осмысления вопросов истории и культуры народов Урало-Поволжья.
3. Выразить благодарность Удмуртскому государственному университету и членам Оргкомитета за организацию конференции и предоставление площадок для заседаний.
4. Рекомендовать сохранение онлайн-формата для участия в заседаниях секций специалистов по истории и археологии региона, которые по долгу службы или по иным причинам не могут принять участие в конференции очно. Такой формат позволяет повысить качество обсуждений докладов, представленных на секциях, что значительно повышает научную составляющую конференции.
5. Оргкомитет призывает научных руководителей и руководителей делегаций продолжать активную работу по допечатной подготовке материалов, направляемых для публикации, и напоминает о соблюдении строгих правил – материалы с наличием ошибок не будут допускаться до публикации.
6. Учитывая растущее количество докладов по ГИС-технологиям, рекомендовать будущим оргкомитетам выделение дополнительной секции в зависимости от количества поступающих заявок.
7. Организовать и провести LVI Урало-Поволжскую археологическую студенческую конференцию в феврале 2024 г. в г. Уфа на базе ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» на основании гарантийного письма указанного вуза.

Резолюция принята единогласно на итоговом пленарном заседании LV Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых в Удмуртском государственном университете 3 февраля 2023 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВАЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ГИМ – Государственный исторический музей

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии сибирского отделения Российской

Академии наук

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры

ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера сибирского отделения Российской

Академии наук

КАЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция

ПГНИУ – Пермский государственный научно-исследовательский университет

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция

КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НИАЛ – Научно-исследовательская археологическая лаборатория

ПГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

РА – Российская археология

РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры

РАН – Российская Академия наук

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СОМК – Саратовский областной историко-краеведческий музей

СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей

УНАЭЦ МарГУ – Учебно-научный археолого-этнографический центр Марийского

государственного университета

УПАСК – Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция)

УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

УФИЦ РАН – Уфимский федеральный исследовательский центр Российской Академии наук

Содержание

Урало-Поволжье в эпоху камня

<i>Белякова А. А.</i> КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ НАКОЛАМИ СТОЯНКИ ЛУЖКИ II (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2022 ГОДА)	5
<i>Бурьгин М. А.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ И МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ	7
<i>Василенко А. А.</i> К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ОРЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ АЛГАЙ)	10
<i>Власенко Д. Е.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАМЕННОГО ВЕКА ТАЁЖНОГО ЧИКОЯ (ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ)	12
<i>Григорьева М. А.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОМПЛЕКСОВ ПОСУДЫ ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ ГРЕБЕНЧАТЫМ ШТАМПОМ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА РЕКИ СОК	16
<i>Доронина М. Д.</i> РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ТАШКОВСКОЙ ДЮНЫ В 2023 ГОДУ	18
<i>Красавина Г. М.</i> ИЗУЧЕНИЕ ОРНАМЕНТА НА КЕРАМИКЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	21
<i>Лактаева Э. М.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ И ПРИАРАЛЬЯ	23
<i>Можяева А. А.</i> ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ НАКОНЕЧНИКОВ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАМСКО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА	26
<i>Немцева Д. К.</i> АНАЛИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И НЕОЛИТИЧЕСКИХ СКРЕБКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ	28
<i>Никулина К. В.</i> НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СКРЕБКИ ЧАШКИНСКОГО МИКРОРЕГИОНА	32
<i>Пантелеева Т. Ю., Хищенко С. С.</i> РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ СОКОЛЬНЫЙ XVII (РЕСПУБЛИКА МАРИЙ ЭЛ)	35
<i>Свинтецкая В. И.</i> КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ НАКОЛАМИ СТОЯНКИ ЛУЖКИ II В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТОГО И ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ	38
<i>Сурина Е. О.</i> ПЕРИОДИЗАЦИЯ ОРЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИЧЕСКОГО ИНВЕНТАРЯ	40
<i>Трофимов А. Г.</i> КЕРАМИКА САМАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕБЯЖИНКА	43
<i>Фролов И. К.</i> КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ ТАСКУДУК ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2023 ГОДА	45
<i>Хилько В. С.</i> РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДКИ НА ПАМЯТНИКАХ КУРЕВАНИХА XII И КУРЕВАНИХА XVIII В 2023 Г. В УСТЮЖЕНСКОМ РАЙОНЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	48
<i>Шамсутдинов Э. Э.</i> КРЕМНЕВЫЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ЛУЖКИ II В КОНТЕКСТЕ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ	51

<i>Ячменев О. Ю.</i> НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАМЕННОГО ВЕКА ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ	53
--	----

Урало-Поволжье в эпоху палеометаллов

<i>Агафонова Л. С.</i> ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНИКИ ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА	56
<i>Байдин М. Е.</i> ДОБЫЧА МЕДНЫХ РУД В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ	59
<i>Белоногов Н.В.</i> АНАЛОГИИ НАКОНЕЧНИКУ ДРОТИКА БАЛАНОВСКОГО ТИПА С ПОСЕЛЕНИЯ ТЮБЯК	61
<i>Валавин Н. А.</i> О ТРУДОЗАТРАТАХ НА СООРУЖЕНИЕ КАМЕННЫХ ОГРАД ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	63
<i>Валиханова М. Б.</i> КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВВОДНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КАК ОСОБОГО ВИДА РИТУАЛЬНОЙ (ПОГРЕБАЛЬНОЙ) ПРАКТИКИ НОМАДОВ	66
<i>Гаврилин А. С.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ.....	69
<i>Голдобин И. С.</i> НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ ДРАЧЁВО II	72
<i>Голдырев А. Ю.</i> ПАМЯТНИКИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ	75
<i>Гумерова Д. И.</i> БРОНЗОВЫЕ НОЖИ СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ	78
<i>Душарина В. С.</i> КЕРАМИКА С «ВНУТРЕННИМ РЕБРОМ» ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕБЯЖИНКА VI	81
<i>Егоров А. Д.</i> ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДА СКАНИРУЮЩЕЙ ЭЛЕКТРОНОЙ МИКРОСКОПИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МЫШЬЯКОВИСТОЙ БРОНЗЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ У СЕЛА СТЕПНОЕ	82
<i>Ежова Е. В.</i> ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КЕРАМИКИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТАВЛЫКАЕВО).....	85
<i>Кайгородов И. М.</i> КРЕМАЦИЯ В МОГИЛЬНИКЕ У СЕЛА ФЁДОРОВКА.....	90
<i>Калашников М. Г.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРЫ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ)	92
<i>Кириллова М. А.</i> КЕРАМИЧЕСКИЕ СОПЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ)	96
<i>Косачева И. С.</i> ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА	98
<i>Левинская П. А.</i> КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ КОКТАС 1.....	101
<i>Лысова А. С.</i> РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ У ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.....	103
<i>Маркелов Н. Д.</i> АНАЛИЗ ФОРМ КЕРАМИКИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТАВЛЫКАЕВО-2.....	105

<i>Плесовских В. А.</i> АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА СВЯТИЛИЩА ВЕЛИЖАНЫ-2.....	109
<i>Проконьев А. А.</i> ОРУДИЯ ТРУДА УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ СИНТАШТА: ВОЗМОЖНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА	112
<i>Рысбергенов М. А.</i> ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ САРЫАРКИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ.....	114
<i>Скорая Г. В.</i> ДЕТСКИЕ СИНТАШТИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ТУРГАЯ	117
<i>Скородумов М. П.</i> ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЯ.....	121
<i>Соловьева М. В.</i> МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В АРХИВАХ И МУЗЕЯХ ГОРОДА ТОЛЬЯТТИ	123
<i>Сурин М. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА МУГОДЖАР.....	125
<i>Тлекишиев С. Н.</i> КОЛЕСНИЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ПАМЯТНИКАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОЙ САРЫАРКИ: ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА, ВОИНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ	128
<i>Толочко В. О.</i> КОРРЕЛЯЦИЯ НЕКОТОРЫХ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ С ПОЛОМ И ВОЗРАСТОМ ПОГРЕБЕННЫХ (ПО ПОГРЕБАЛЬНЫМ ПАМЯТНИКАМ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ УРАЛЬСКОГО, ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО, И ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНОВ)	131
<i>Ушаков П. С.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ БАРХАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ОРНАМЕНТА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА	135
<i>Ханова Л. И., Батуева Н. С.</i> КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ДРАЧЕВО II	137
<i>Чмир М. С.</i> ВЕЩЕСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА БАГАНАТЫ-3).....	141
<i>Шаркова М. С.</i> ПЕРЕВЕРНУТЫЕ СОСУДЫ В ПАМЯТНИКАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА В УРАЛО-КАЗАХСТАНСКОМ РЕГИОНЕ.....	144
<i>Шлехт А. Д.</i> ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ АНДРОНОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА	147
<i>Шокутов Т. К.</i> РЕЗНАЯ КОСТЬ ПОСЕЛЕНИЯ АККЕЗЕН.....	150
<i>Ютт Д. В.</i> РЕКОГНОСЦИРОВОЧНЫЕ РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ УСТА	152

Урало-Поволжье в раннем железном веке

<i>Абат Р. Ц.</i> АРХИТЕКТУРА САКРАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ САРМАТОВ НА УСТИЮРТЕ.....	154
<i>Баршинов Н. С., Памеев Р. А.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПСИРМИНСКОГО СЕЛИЩА В РЕСПУБЛИКЕ ЧУВАШИЯ В 2023 ГОДУ	157
<i>Белых А. В., Корецкий А. С.</i> БАЙТОВСКИЕ «ЖЕМЧУЖИНЫ»: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРНАМЕНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА ИСЕТСКОЕ-3 В 2022 Г.)	159
<i>Болатбеккесы С.</i> КЕРАМИКА ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА САРЫАРКИ	161

<i>Дзульский А. М.</i> КУРГАННАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ	164
<i>Дзугоева А. А.</i> ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЛАНИГРАФИИ I КАРДАЙЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА	167
<i>Зайцев В. А.</i> ГОРОДИЩА НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА ПЕРМЬ	171
<i>Захаров С. В.</i> К ВОПРОСУ ОБ УНИКАЛЬНОМ САРМАТСКОМ ОРУЖИИ БЛИЖНЕГО БОЯ	173
<i>Ибрагимова Т. А.</i> ОБЪЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТКРЫТЫХ СОСУДОВ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	176
<i>Каменева Ю. А.</i> РОЛЬ ЗЕРКАЛ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ САРМАТСКИХ КУЛЬТУР	179
<i>Каримбаева З. Р.</i> ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА	182
<i>Каталов И. А.</i> МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ I ТЫС. Н.Э. ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	185
<i>Комарова У. В.</i> ХРОНОЛОГИЯ ОТКРЫТИЯ АНАНЬИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ВЯТКИ: КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	188
<i>Леухин Е. В.</i> ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ БАРАНОВКИ В КОНТЕКСТЕ СИНХРОННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ	192
<i>Маслова А. В.</i> НАХОДКИ В ДЕТСКИХ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ В КАЛАЧЕВСКОМ РАЙОНЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ В.И. МАМОНТОВА)	195
<i>Мухаметзянов А. Р.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОМЕТОДЫ В МОДЕЛИРОВАНИИ САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ЭЛИТНЫХ НЕКРОПОЛЕЙ САКСКОЙ ЭПОХИ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА БАУБЕК БАТЫР	197
<i>Салимгареева А. И.</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ	200
<i>Сапожникова М. А.</i> К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ РАННЕ- И СРЕДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	203
<i>Сухорученко А. А.</i> ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОЙ И СРЕДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	206
<i>Тагленов А. М.</i> КАМЕННЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗВАЯНИЯ В КУРГАНАХ ТАСМОЛИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	208
<i>Туников Д. Ю., Полежаев Д. Е.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ «ГЕОГЛИФА» КАРА-ТУРГАЙСКОЕ КОЛЬЦО (КЫЗЫЛ ЖУЛДЫЗ 1)	211
<i>Шаманаева А. В.</i> БУСЫ ИЗ ГЕОГЛИФА ХАРЬКОВСКИЙ I В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	214

Урало-Поволжье в эпоху средневековья

<i>Баймагамбетова С. Ж.</i> СЕМАНТИКА МЕДАЛЬОНОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО Г. ТЕРМЕЗА И ЕГО ОКРУГИ	217
---	-----

<i>Благова К. Д.</i> ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО И ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКОВ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	220
<i>Бронников П. С.</i> КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ СТРЕМЯН ИЗ МОГИЛЬНИКА УЕЛГИ.....	223
<i>Вахрушева Е. Е.</i> К ВОПРОСУ «ГИБРИДНОСТИ» ТРАДИЦИОННЫХ СОСУДОВ НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ.....	226
<i>Габбасова Э. Р.</i> ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОИЗВОДСТВА ПОДЕЛОЧНОГО КАМНЯ И ЕГО ИНДЕКСАЦИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ ОБРАБОТКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК СЕЛИЩА ПОДЫМЫЛАВО-1 2022 Г.)	228
<i>Гаврилова Э. А.</i> К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ПО МАТЕРИАЛАМ БИРИТУАЛЬНЫХ МОГИЛЬНИКОВ.....	230
<i>Гармаева А. В.</i> С.В. КИСЕЛЕВ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ.....	232
<i>Ергалиев А. Б.</i> НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О БАТЫРАХ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА (ИНСТИТУТ БАТЫРСТВА).....	234
<i>Исмоилова А. А.</i> К ВОПРОСУ О СТИЛЯХ БОЛГАРСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ.....	237
<i>Ишегулов А. Д.</i> ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ С СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1.....	240
<i>Караблева А. С.</i> К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ХОЛОДНОЙ ОБРАБОТКИ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ	242
<i>Карамаликова М. А.</i> РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ЧУВАШЕЙ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ.....	244
<i>Кашанова Р. С.</i> КАШИННАЯ КЕРАМИКА С РАСКОПОК СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1 В БАШКИРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ.....	247
<i>Козлова П. С.</i> ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ I ОБЩЕБОЛГАРСКОЙ ГРУППЫ ПОСУДЫ НА МАТЕРИАЛАХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРЕДКАМЬЯ.....	249
<i>Локтев Д. С.</i> РВЫ В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ БОЛГАРСКИХ ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ	251
<i>Лосев Д. О.</i> ТРАДИЦИИ ОРНАМЕНТАЦИИ И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ I ОБЩЕБОЛГАРСКОЙ ГРУППЫ КЕРАМИКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ (НА ПРИМЕРЕ КИРМЕНСКОГО И РОМАШКИНСКОГО ГОРОДИЩ)	253
<i>Мазитов Д. Р.</i> КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С РАСКОПОК СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1 В БАШКИРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ	255
<i>Мальгина О. Р.</i> ПОЯСНЫЕ НАКЛАДКИ ПО МАТЕРИАЛАМ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ЛОМОВАТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	258
<i>Мальцев В. С.</i> СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОСТРОГИ С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ.....	261
<i>Манухин А. С.</i> КОНДУРЧИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1391 ГОДА В ИСТОЧНИКАХ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	264

<i>Мифтахов М. М.</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ОРУЖИЯ ДАЛЬНЕГО БОЯ.....	267
<i>Назаров А. А.</i> ИЗМЕНЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ – РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	270
<i>Павлюткин И. Д.</i> РЕЗУЛЬТАТЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЮЖЕТОВ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ.....	272
<i>Перчаткин А. В.</i> МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ШЛАКИ ЗОТИНСКОГО РУДНИКА: К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ГОРНА	275
<i>Русяева О. А.</i> ТИПОЛОГИЯ БУС АТКАРСКОГО МОРДОВСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА.....	279
<i>Садрисламова Д. М.</i> МАТЕРИАЛЫ КУШНАРЕНКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ФОНДАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	281
<i>Салимова А. Р.</i> ОСОБЕННОСТИ ГАДАНИЙ ДРЕВНИХ БОЛГАР С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАРАНЬЕЙ ЛОПАТКИ.....	283
<i>Ситдииков А. А.</i> ТАНКЕЕВСКИЙ И БОЛЬШЕТАРХАНСКИЙ МОГИЛЬНИКИ РАННЕБОЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ.....	286
<i>Тухбатуллин И. Р.</i> ПРЕДМЕТЫ ДРЕВНЕГО ВООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ: К СПЕЦИФИКЕ ВОЕННОГО ДЕЛА ВОЛЖСКИХ БОЛГАР	289
<i>Уляшкина Л. Е.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТИПОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА РЕКИ ШЕШМА.....	291
<i>Урстемов М. Е.</i> РАННЕМУСУЛЬМАНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ТУРГАЯ	293
<i>Цапко С. А.</i> ПРОЦЕССИОННЫЕ КРЕСТЫ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И АТРИБУЦИИ	296
<i>Черных А. А.</i> ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ НЕВОЛИНСКОГО ТИПА ИЗ ПАМЯТНИКОВ НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	298
<i>Шарафутдинова А. К.</i> БОЛГАРСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРЕДКАМЬЯ: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ДОМОНГОЛЬСКОГО И ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДОВ	302
<i>Шарафутдинова И. М.</i> КРУГОВАЯ ОРНАМЕНТИРОВАННАЯ КЕРАМИКА СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1	305
<i>Шкалюкова А. А.</i> ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЕРАМИКИ ИЗ НИЖНИХ СЛОЕВ САМОДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА	307
<i>Шкалюков И. А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ МОДЕЛЕЙ МЕСТНОСТИ НА МАТЕРИАЛАХ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА	310
<i>Яшкина А. И.</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУС ИЗ ПАМЯТНИКОВ НОВИНКОВСКОГО ТИПА САМАРСКОЙ ЛУКИ	313

Урало-Поволжье в эпоху нового времени

<i>Бадьин А. В.</i> ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА КОТЕЛЬНИЧА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ.....	315
<i>Воронов В. В., Щеглов С. В.</i> ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ПО БОЛЬШЕПАМЪЯЛСКОМУ МОГИЛЬНИКУ НА ОСНОВАНИИ РАСКОПОК 2023 ГОДА	318
<i>Данилова К. В., Смердова В. А.</i> ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 1141 ТРОИЦКОГО (НАГОРНОГО) КЛАДБИЩА Г. ИЖЕВСКА	321
<i>Дубровский И. А.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ТИПОВ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В БАССЕЙНЕ Р. ВЯТКИ	323
<i>Жанатаев Д. К.</i> МУЖСКОЙ НАБОРНЫЙ ПОЯС В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ И ЯКУТОВ XVIII-XIX ВВ.	326
<i>Ларин Е. О.</i> ИЖЕВСКОЕ КИРПИЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО XIX-XX ВВ. НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ «ИЖЕВСКИЙ ЗАВОД».....	329
<i>Манукян Н. А.</i> ИНВЕНТАРЬ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ БОЛЬШЕВОЛКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА «ВУЖШАЙ» XVIII-XIX ВВ.	332
<i>Марццоха В. Г.</i> ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ СЫРЦОВЫХ МАВЗОЛЕЕВ НОВОГО ВРЕМЕНИ.....	334
<i>Менщикова А. В.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТЕКЛО ИЗ РАСКОПОК «КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДА КУРГАНА»: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ	336
<i>Мокрецова А. П.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА: ИСТОРИЯ РАСКОПОК.....	339
<i>Оруджов Д. Э.</i> ДОМ АВЕРКИЯ ИВАНОВИЧА ПЕРМИНОВА В Г. КИРОВЕ: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ	341
<i>Пантюхина К. А.</i> ПУТИ ЭТНОГРАФОВ В АРХЕОЛОГИИ ВЯТСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ.....	345
<i>Слаутин И. А.</i> КАРТОГРАФИЯ КЛАДОВ В СОВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ ГОРОДА КИРОВА С ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....	348
РЕЗОЛЮЦИЯ	
LV Всероссийской (с международным участием) Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых (УПАСК)	352
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	356

В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 года №436-ФЗ 12+

УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР ПО ОХРАНЕ И
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НЕДВИЖИМЫХ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ МУЗЕЙ КОЧЕВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

LVI УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции
(Уфа, 31 января – 2 февраля 2024 г.)

Подписано в печать 22.01.2024
Формат 60x90 1/8. Компьютерный набор.
Гарнитура «Times New Roman». Цифровая печать.
Тираж 200 экз. Заказ №15012024

Отпечатано в издательстве «Самрау»
450022, г. Уфа, ул. М.Губайдуллина 19/5, тел.: 8 (927) 236-48-43
www.samrau.online mediasamrau@yandex.ru